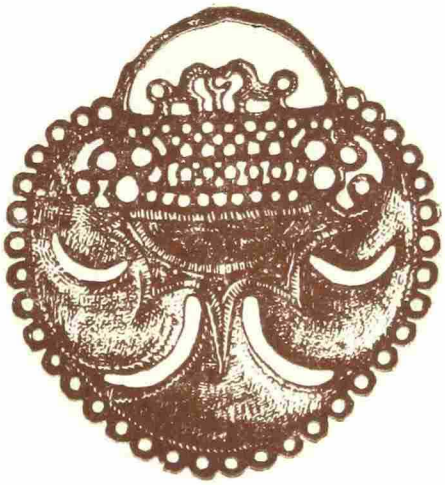
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4

1985

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4
1985

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов,
В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт,
Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов, В. И. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Станко В. Н., Смольянинова С. П. (Одесса). Исследование палеолита и мезолита степного Побужья 5
Сагдуллаев А. С. (Ташкент). О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии 21
Смирнова Г. И. (Ленинград). Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР 33
Кореняко В. А. (Москва). Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов) 54
Малевская М. В., Фоняков Д. И. (Ленинград). Постройки древнего Торопца 63
Раппопорт П. А. (Ленинград). Строительные артели Древней Руси и их заказчики 80
Буров В. А. (Москва). Уличанская община древнего Новгорода по археологическим данным 90

Публикации

Михайлова Л. А. (Владимир). Русаниха — новый палеолитический памятник вблизи Сунгиря 107
Долуханов П. М., Щетенко А. Я., Този М. (Ленинград, Неаполь). Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронзы на Намазгадепе 118
Трефц М. И. (Киров). Поселение эпохи бронзы Буй I на Вятке 124
Кубышев А. И., Полин С. В., Черняков И. Т. (Одесса). Погребение раннежелезного века на Ингульце 144
Рыжов С. Г. (Севастополь). Дом IV—III вв. до н. э. в Херсонесе 155
Беспалый Е. И. (Азов). Курган I в. н. э. у г. Азова 163
Медынцева А. А. (Москва). О «досках» русских летописей и юридических актов 173
Казаков Е. П. (Казань). Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным 178

Галкин Л. Л. (Москва). Некоторые новогодние монеты Золотой Орды . . . 186
Немцова Н. И. (Владимир). Реконструкция изразцовых печей в доме Сапожникова в Гороховце 198

Заметки

Голованова Л. В. (Ленинград). Позднеашельское поселение Средний Хаджох 213
Аникович М. В. (Ленинград). О характере охотничьего вооружения в памятниках костенковско-стрелецкой культуры 219
Бокий Н. М., Горбул Г. П. (Кировоград). Могила киммерийского всадника у села Чечелиевка Кировоградской области 224
Каминская И. В., Каминский В. Н., Пьянков А. В. (Краснодар). Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье) 228
Золотов Ю. М. (Москва). Изваяния языческих богов на Руси (письменные известия и устные предания) 234
Гупало В. Д. (Львов). Гончарные клейма Прикарпатья и Западной Волыни (опыт систематизации) 236
Дремов И. И. (Саратов). Погребение воина с джучидскими монетами 243
Глинский Е. А., Сергеев Д. А. (Ленинград). Две находки с поселения Кивак на Чукотке 245

Критика и библиография

Амирханов Х. А. (Москва). Paléorient. Volume 9/1—1983. Revue pludisciplinaire de préhistoire et protohistoire de l'Asie Sud-Ouest. Paris, 1983 247
Таскаев В. Н. (Москва). Ежеквартальный журнал ЮНЕСКО «Museum». 1983, т. XXXV, № 1. Музеи и подводная археология 250
Шамин А. Н. (Москва). Archaeological chemistry. III. (Advances in chemistry series — № 205). Washington, 1984 252
Молчанов А. А. (Москва). *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983 255
Гуревич Ф. Д. (Ленинград). О новогрудском стеклоделии (по поводу выхода книги *М. М. Яницкой* «Истоки стеклоделия Белоруссии». Минск, 1980) 260

Хроника

Крайнов Д. А. (Москва). К 125-летию со дня рождения В. А. Городцова . . . 265
Жуков Ю. Н. (Москва). Неизвестный документ о деятельности В. А. Городцова 268
Раушенбах В. М. (Москва). К 100-летию со дня рождения А. Я. Брюсова . . 271
Долуханов П. М. (Ленинград). Научное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения С. И. Руденко 274
Устинова Ю. Б. (Ленинград). Научное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения М. И. Максимовой 275
Аванесова Н. А., Кызласов Л. Р. (Москва). Памяти Михаила Петровича Грязнова 277

Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1985 год 284

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 4
1985

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Stanko V. N., Smolyaninova S. P. (Odessa). Study of the Palaeolithic and the Mesolithic in the Steppe Regions of the Bug Basin 5
Sagdullayev A. S. (Tashkent). On the Correlation Between the Ferghana and Baktria Early Landtilling Complexes 21
Smirnova G. I. (Leningrad). Basic Chronology of the Pre-Scythian Sites in the South-West of the USSR 33
Korenyako V. A. (Moscow). Burials of the Period of Transition from the Bronze to Iron Age in the South-Eastern European Steppes 54
Malevskaya M. V., Fonyakov D. I. (Leningrad). Constructions of Old Toropets 63
Rappoport P. A. (Leningrad). Old Russian Construction Teams and Their Customers 80
Burov V. A. (Moscow). Street Community of Early Novgorod According to Archaeological Data 90

Publications

Mikhailova L. A. (Vladimir). Rusanikha, a New Palaeolithic Site at Sungir . . 107
Dolukhanov P. M., Shchetenko A. Ya., Tosi M. (Leningrad, Naples). Series of Radiocarbon Dates for the Bronze Age Layers of the Namazga-Depe Site . . 118
Trefts M. I. (Kirov). Buy I, a Bronze Epoch Settlement on the Vyatka River . . 124
Kubyshev A. I., Polin S. V., Chernyakov I. T. (Odessa). An Early Iron Age Burial on the Ingulets River 144
Ryzhov S. G. (Sevastopol). House of the 4th-3rd Centuries B. C. in Chersonesus 155
Bespaly E. I. (Azov). A 1st-Century A. D. Barrow at Azov 163
Medyntseva A. A. (Moscow). About the «Boards» of Russian Chronicles and Legal Acts 173
Kazakov E. P. (Kazan). Archaeological Data on the Signs and the System of Writing in the Early Volga Bulgaria 178
Galkin L. L. (Moscow). Some Golden Horde New Year Coins 186
Nemtsova N. I. (Vladimir). Reconstruction of the Tile Stoves in the Sapozhnikov House in Gorokhovets 198

Notes

Golovanova L. V. (Leningrad). Sredniy Khajokh, a Late Acheulian Site 213
Anikovich M. V. (Leningrad). On Hunting Equipment Found on the Kostyonki-Streletskaya Sites 219
Bokiy N. M., Gorbul G. P. (Kirovograd). A Cimmerian Horseman Burial at the Village of Chechelievka, Kirovograd Region 224
Kaminskaya I. V., Kaminsky V. N., Pyankov A. V. (Krasnodar). A Sarmatian Burial at the Village of Mikhailovskaya on the Left Bank of the Kuban River 228
Zolotov Yu. M. (Moscow). Statutes of Old Russian Pagan Deities in Russia (Written Sources and Oral Legends) 234
Gupalo V. D. (Lvov). Classification of Potters' Stamps (On the Carpathian and Western Volhinia Materails) 236
Dremov I. I. (Saratov). A Warrior's Burial Containing Golden Horde Coins . . 243
Glinsky E. A., Sergeyev D. A. (Leningrad). Two Finds from the Kivak Settlement on the Chukot Peninsula 245

Book Reviews and Bibliography

Amirkhanov Kh. A. (Moscow). Paléorient. Volume 91/1—1983. Revué pludisciplinaire de préhistoire et protohistoire de l'Asie Sud-Ouest. Paris, 1983 . . . 247
Taskayev V. N. (Moscow). The UNESCO «Museum» Quarterly, 1983, Vol. XXXV. No. 1. Museums and Aquatic Archaeology. Editor of the Russian edition I. A. Pantykina 250
Shamin A. N. (Moscow). Archaeological Chemistry. III. (Advances in Chemistry series, No. 205). Washington, 1984 252
Molchanov A. A. (Moscow). *Sotnikova M. P., Spassky I. G.* Millenary of the Earliest Russian Coinage. A Catalogue of 10th-11th-Century Russian Coins. Leningrad, 1983 255
Gurevich F. D. (Leningrad). On Glass Making in Novogrudok (On *M. M. Yanitskaya's* Book «Origins of Glass Making in Byelorussia». Minsk, 1980) . . . 260

Chronicle

Krainov D. A. (Moscow). The 125th Birth Anniversary of V. A. Gorodtsov . . . 265
Zhukov Yu. N. (Moscow). A New Document About Gorodtsov's Activity . . . 268
Raushenbakh V. M. (Moscow). On the Centenary of A. Ya. Bryusov's Birth . . 271
Dolukhanov P. M. (Leningrad). Scientific Session on the Centenary of S. I. Rudenko's Birth 274
Ustinova Yu. B. (Leningrad). Scientific Session on the Centenary of M. I. Maximova's Birth 275
Avanesova N. A., Kyzlasov L. R. (Moscow). In Memory of Mikhail Gryaznov . . 277

Contents of «Soviet Archaeology» in 1985 284

СТАНКО В. Н., СМОЛЬЯНИНОВА С. П.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА СТЕПНОГО ПОБУЖЬЯ

Памятники палеолита и мезолита степного Побужья до последнего времени оставались малоизученными, что накладывало своеобразный отпечаток на археологическую карту Юго-Запада СССР. Создавалось впечатление, что бассейн Южного Буга представлял собой как бы разделительную зону между двумя плотно заселенными в древности бассейнами Днестра и Днепра. Выявленные в 30—60-х годах разрозненные, часто маловыразительные местонахождения палеолита и мезолита на притоках Южного Буга не могли быть однозначно интерпретированы и поэтому не получили должной научной оценки. Известность в специальной литературе получили лишь материалы многослойного поселения Владимировка, исследованного в 1946—1947 гг. А. П. Чернышом [1; 2, с. 560, 620; 3, с. 372—376; 4, с. 55]. В настоящей статье подводятся предварительные итоги изучения палеолита и мезолита степного Побужья, дается систематизация накопленного материала[1].

Первые местонахождения палеолита и мезолита в Побужье были найдены в 30-х годах Ф. А. Козубовским (Анетовка), К. М. Поликарповичем (Семенки), А. В. Добровольским (Сабатиновка), М. К. Якимовичем (Владимировка) [5, с. 115; 6, с. 113—119; 7, с. 91—93]. Раскопки А. П. Чернышом в 40-х годах стоянки Владимировка позволили получить первые сведения о стратиграфии палеолита данного региона [1]. В 50—60-годах было открыто еще несколько бедных местонахождений на притоках Южного Буга [8, с. 22; 9, с. 56, 58, 59, 61; 10, с. 14; 11, с. 42—44; 12, с. 27, 28, 30; 13, с. 37, 38, 50; 14, с. 46—50; 15, с. 164—171]. В 1967 г. в составе Ингульской экспедиции В. Н. Станко и Г. В. Григорьева провели раскопки палеолитического поселения Сагайдак I [13, с. 38—50]. Систематические разведки и раскопки памятников каменного века в указанном регионе авторы начали в 70-х годах и продолжают до настоящего времени [16, с. 112—125; 17, с. 146—152; 18, с. 120—129; 19, с. 5—17; 20, с. 5—12]. Всего в степном Побужье известно 37 позднепалеолитических и 29 мезолитических местонахождений. На шести позднепалеолитических поселениях проведены или продолжаются раскопки (Владимировка, Сагайдак I, Ивашково VI, Срединный Горб, Анетовка I и II). На многих местонахождениях собран значительный подъемный материал и проведена шурфовка (Царинка, Познанка, Еленовка, Абузова балка и др.). Основная часть новых материалов по палеолиту и мезолиту данного региона предварительно опубликована.

Ранний этап позднего палеолита представлен пока материалами поселения Сагайдак I (нижний горизонт). Поселение приурочено к первой лёссовой террасе р. Ингул. Нижний культурный слой залегает в горизонте лёсса на глубине 2,55—2,60 м в виде тонкой (3—4 см) темной прослойки. На площади 135 м^2 здесь изучено пять хозяйственно-бытовых комплексов с очагами, очажными пятнами и несколько скоплений кремневых орудий и остеологических остатков (кости зубра, лошади, носорога [13]). Среди кремневого инвентаря скребки, микроострия, ретушированные пластинки и отщепы, нуклеусы (рис. 1). Своеобразие комплексу придают специфические микроострия, оформленные мелкой при-

[1] В основу данной статьи положен доклад, прочитанный авторами на XVIII конференции Института археологии АН УССР в апреле 1980 г.

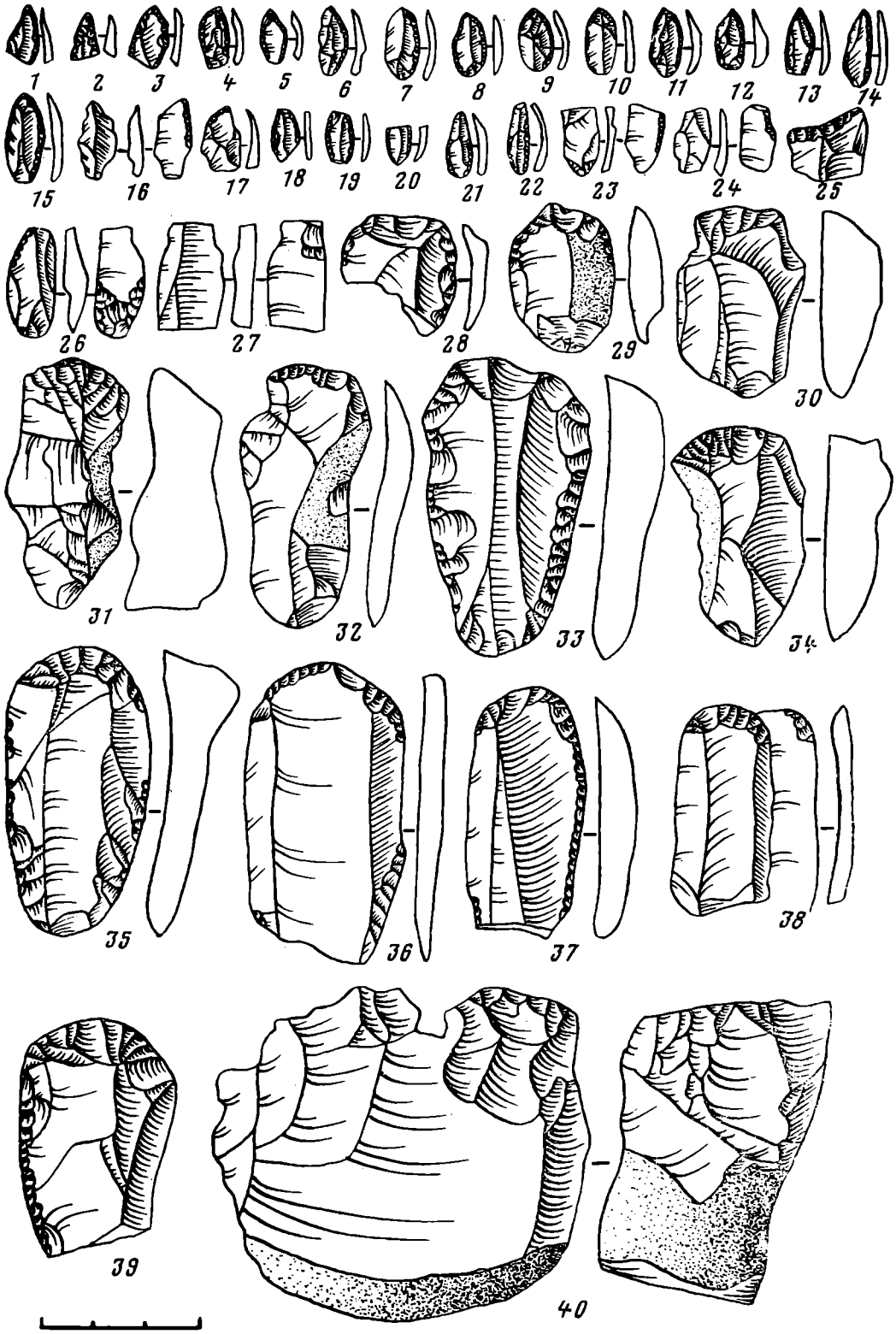


Рис. 1. Кремневый инвентарь поселения Сагайдак I

тупливающей ретушью на тонких изогнутых подтреугольной формы «скребковых» чешуйках (рис. 1, *1—24*). Аналогичные типы микроострий в Восточной Европе найдены в Золотовке I, Мураловке, Анетовке I, Рашкове VII и VIII [19, с. 12; 21, с. 70—76; 22, с. 116; 23, рис. 5, *1—6*; 24, с. 144]. Скребки представлены в основном концевыми формами (рис. 1, *28—39*). Несколько скребков имеют подработку одного или двух боковых краев ретушью. Три скребка оформлены на отщепах.

Генезис археологического комплекса поселения Сагайдак I (нижний горизонт) восходит к ориньяко-перигорским традициям и связывается с проникновением их носителей из Центральной Европы в период внутривюрмских похолоданий [19, с. 49, 50; 25, с. 22—31; 26, с. 14—21].

Представление о следующем этапе развития позднего палеолита в Побужье дают материалы нижних горизонтов Владимировки (слои 8—6). Хронологическая последовательность комплексов поселения Сагайдак I и указанных слоев Владимировки устанавливается по находкам костей носорога, которые на Сагайдаке I найдены в культурном слое, а на поселении Владимировка они присутствуют под самым нижним горизонтом. Важным стратиграфическим показателем являются также находки костей мамонта в слое 8. В степной зоне Северного Причерноморья носорог и мамонт исчезают сравнительно рано, причем носорог исчезает раньше мамонта. Остатки носорога на памятниках второй половины позднего палеолита здесь неизвестны, а кости мамонта встречаются крайне редко. На относительную древность нижних горизонтов Владимировки в связи с находками костей мамонта указывал и П. П. Ефименко [2, с. 560].

В основе кремневой индустрии нижних горизонтов Владимировки лежит массивная призматическая пластина крупных и средних размеров. На таких пластинах изготовлены исключительно концевые скребки, которые преобладают в группе орудий. Резцы представлены единичными формами. В слое 8 найден один срединный резец. Резцы слоя 7 — боковые и срединные. В комплексе лишь одна микропластинка с притупленным краем. Другие изделия с вторичной обработкой маловыразительны. В целом комплекс нижних горизонтов Владимировки имеет архаичный облик. Его отличия от комплекса Сагайдака I очевидны, и их разная генетическая основа вне всяких сомнений.

Хронологически близкий комплекс к материалам нижних горизонтов Владимировки собран на местонахождении Ивашково поле [17]. В инвентаре — нуклеусы, скребки, резцы, скребла, скребки-резцы, поперечно ретушированные пластины. Скребки (12 экз.), в большинстве случаев концевые на пластинах, часто с ретушированными продольными краями, подокруглые, короткие, и скребки высокой формы единичны. Среди резцов преобладают срединные на массивных пластинах. Боковой и угловой типы представлены по одному экземпляру. Два скребла на отщепах оформлены крутой ступенчатой ретушью. Микроинвентарь на местонахождении не найден (рис. 2).

Архаичность комплекса Ивашково поле позволяет отнести его к началу второго этапа позднего палеолита. Как и материалы Владимировки (слои 8—6), инвентарь местонахождения Ивашково поле не имеет прямых аналогий среди позднепалеолитических памятников степного Причерноморья.

Общий облик индустрии этих памятников больше тяготеет к лесостепным позднепалеолитическим комплексам Восточной Европы.

В более поздних слоях Владимировки резко увеличивается процент резцов, среди которых преобладают боковые формы. Скребков значительно меньше. Они оформлены на пластинах и отщепах. В большом количестве найдены скребки на коротких и укороченных пластинах. Появляются микроострия и микропластины с притупленным краем. Уменьшаются размеры орудий, а формы их приобретают устойчивый характер [1, с. 32—52].

Характерный комплекс памятников второго этапа позднего палеолита Побужья выявлен на поселении Анетовка I. Два генетически связанных культурных горизонта этого поселения залегали в лёссе и лёссовидных суглинках второй надпойменной террасы р. Бакшалы (правого притока Южного Буга) [19, с. 7]. Среди кремневого инвентаря двух горизонтов скребки на отщепах и пластинах, в том числе скребки высокой формы, резцы, микроострия сагайдакско-мураловского типа, микропластинки с притупленным краем (рис. 3). Резцы, как и скребки, в основном изготовлены на отщепах техникой плоского резцового скола. Более многочисленны боковые резцы, хотя процент срединных и угловых достаточно

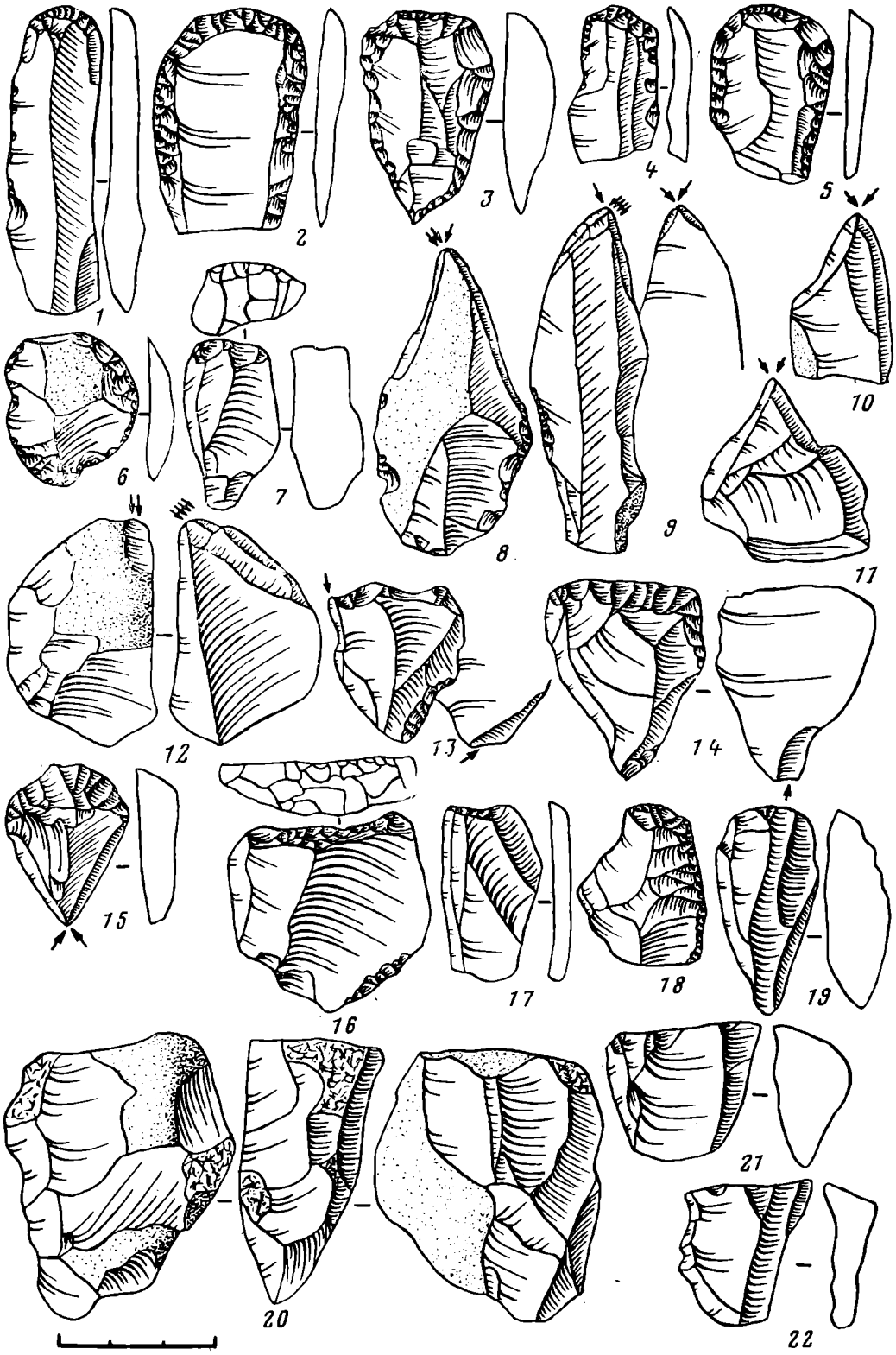


Рис. 2. Кремневый инвентарь поселения Ивашково поле

высок. Фауна поселения представлена зубром, лошадью и северным оленем (по предварительному определению В. И. Бибиковой).

Основные формы кремневых орудий Анетовки I находят себе аналогии в материалах Мураловки. По сравнению с Мураловкой в комплексах Анетовки I отсутствуют лишь скребки à museau и подтреугольные листовидные наконечники. Последние в коллекции Мураловки единичны [21, с. 75, 76; 27, с. 28—30]. И хотя отсутствие в Анетовке I этих еди-

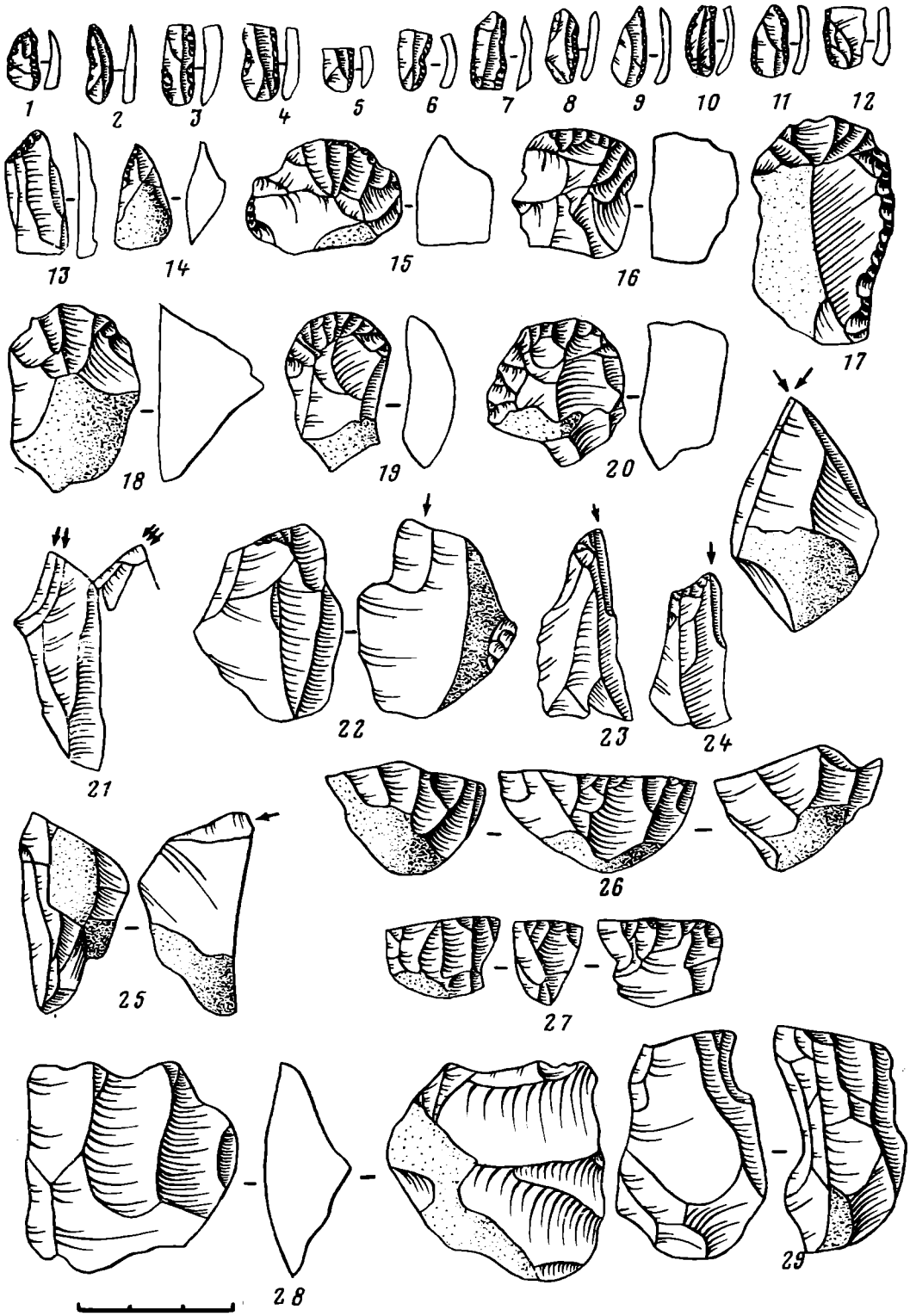


Рис. 3. Кремневый инвентарь поселения Анетовка I

ничных форм не позволяет нам провести полной аналогии между памятниками, наличие специфических микроострий, высоких скребков на отщепах, разнообразных форм резцов на пластинах и отщепах свидетельствует о несомненном родстве индустрий Анетовки I и Мураловки.

Аналогии между Анетовкой I и Сагайдаком I, расположенными по соседству, прослеживаются только по типу микроострий. В остальном комплексы этих памятников различны. Индустрия Анетовки I представляется более развитой. Некоторые элементы сходства с материалами

Анетовки I можно найти в инвентаре рашковской группы памятников в Молдавии [23, 24].

Памятники заключительного этапа позднего палеолита в степном Побужье изучены более полно. На трех поселениях проведены раскопки, собран многочисленный фактический материал, прослежена их стратиграфическая и геоморфологическая привязка [16, 19]. Характерной особенностью местонахождений этого периода является приуроченность их к высоким террасовым уровням притоков Южного Буга и залегание находок в делювиальных суглинках, непосредственно под слоем современной почвы.

Поселение Анетовка II расположено на высоком правом берегу р. Бакшалы, на уровне плиоценовой террасы Южного Буга. Кремень и фауна встречаются по всей толще стратиграфического разреза до глубины 1,5—1,6 м. Однако мощный культурный слой со скоплениями кремня и фауны залегает в горизонте делювиальных суглинков непосредственно под почвой В. Фауна поселения состоит из костей зубра, лошади, северного оленя (предварительное определение В. И. Бибиковой).

Всего в раскопках собрано более 257 000 кремней и более 12 000 фрагментов фауны. Изделий со вторичной обработкой свыше 8000, среди них 2123 микропластинки с притупленным краем, 597 микроострий, 2145 резцов, 344 скребка, 607 разного типа острий, 371 пластина с притупленным краем, 61 проколка. В большом количестве найдены пластинки и их обломки с ретушью по краю или его части, отщепы с ретушью и другие типы изделий. Нуклеусов 9328 экз. (рис. 4).

Микроинвентарь не только преобладает в комплексе поселения, но и крайне разнообразен. Заготовками для микроизделий служили призматические пластины и микропластины. Относительно крутая ретушь наносилась, как правило, со спинки заготовки, изредка применялась встречная ретушь. В группе микрокомплекса — микропластинки с притупленным краем (некоторые из них имеют частичную подработку ретушью с брюшка), простые микроострия, микроострия с подработанными ретушью жальцем, граветтоидные острия. Подтреугольные острия единичны. Несколько микропластинок с притупленным краем имеют также по одному поперечно ретушированному концу (рис. 4, *1—10*, *15—20*).

Следующую группу орудий составляют резцы (рис. 4, *36—42*). Они изготовлены из отщепов и пластин. Преобладают боковые (880 экз.) затем угловые (510 экз.), срединные (316 экз.), двойные и тройные (342 экз.), многочисленны нуклеусы-резцы (97 экз.). Скребков значительно меньше (рис. 4, *29—35*). Среди них концевые (76 экз.), на укороченных пластинах (88 экз.), концевого типа на пластинчатых отщепах (62 экз.), на отщепах (81 экз.), скребки-нуклеусы (13 экз.). Единичны двойные, подокруглые, высокие и скребки «с носиком». В группе острий граветтоидные формы, ланцеты, разного типа косоретушные пластины. Проколки из пластин и отщепов имеют хорошо выработанное «жальце» (рис. 4, *11—14*, *21—25*).

Размеры орудий и нуклеусов относительно невелики. Весь инвентарь имеет микролитоидный облик.

В инвентаре Анетовки II широко представлены изделия из кости (рис. 5). Прежде всего это разнообразные наконечники стрел и копий. Найдены также обломок гарпуна, проколка, долотовидные и молотковидные орудия. Многочисленную группу находок составляют различные кости животных со следами работы на их поверхности: рога оленей с продольными пропилами, кости оленя и быка с надрезами и т. п. Интересна подвеска из зуба медведя. Изделия из кости придают своеобразие производственному инвентарю комплекса в сравнении с памятниками степной полосы Северного Причерноморья. Прослеживается сходство некоторых форм наконечников Анетовки II и Амвросиевки [3, рис. 178, 179].

Количественное распределение основных групп изделий с вторичной обработкой на памятниках позднего палеолита Причерноморья аналогично. Основу комплекса Анетовки II, как и Большой Аккаржи, Амвро-

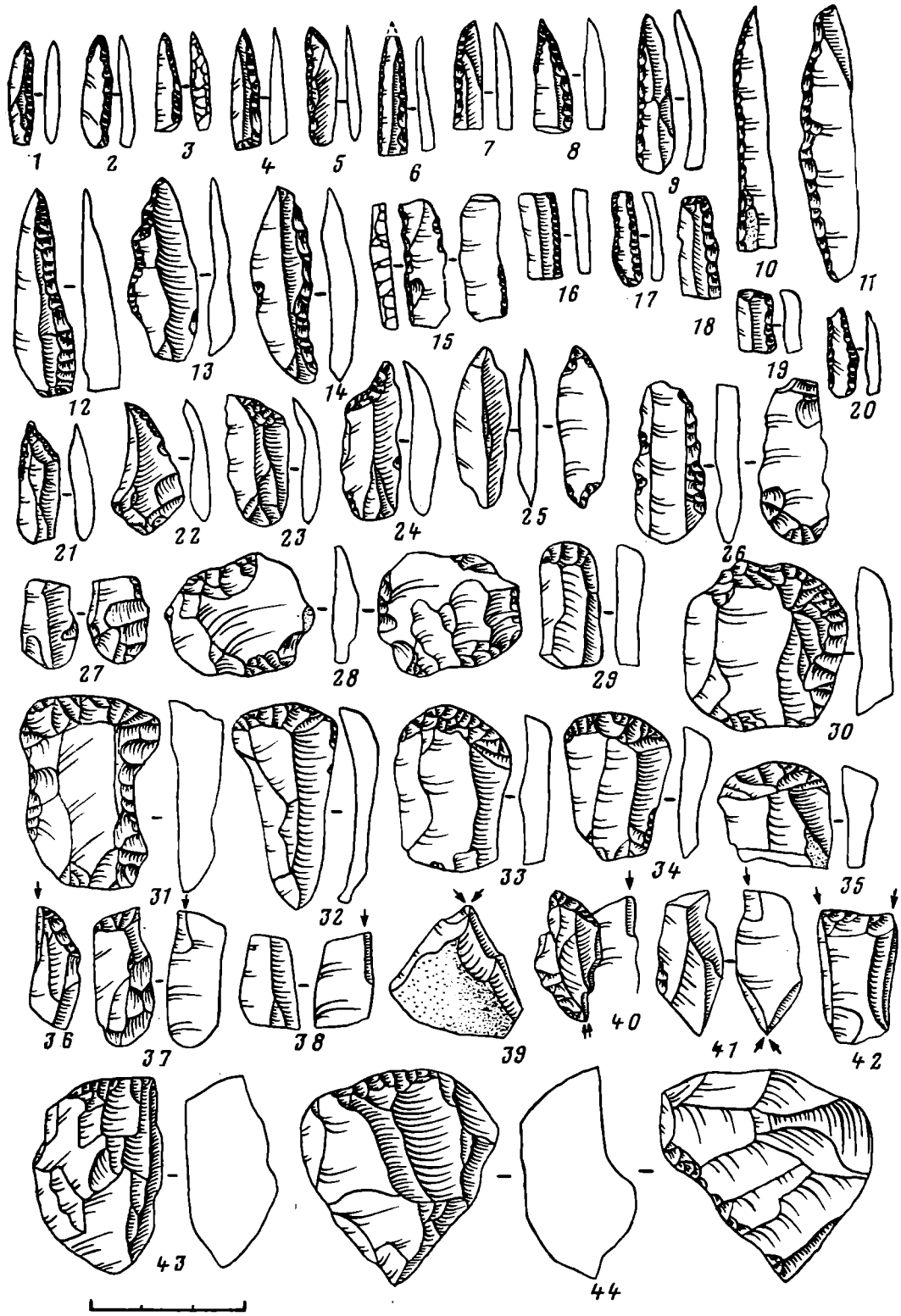


Рис. 4. Кремневый инвентарь поселения Анетовка II

сиевки, Каменной балки I и др., составляет микроинвентарь. Резцы численно преобладают над скребками [28—31]. Этим и исчерпывается сходство памятников. Набор микропластинок с притупленным краем, острий и других форм орудий различен. Материалы Анетовки II находят аналогии среди изделий слоя 3 Владимировки.

Раскопки позднепалеолитических поселений Ивашково VI и Срединный Горб проведены на площадке, примыкающей к водоразделу, высокого склона (более 100 м) Ивашковской балки [18, 31]. Непотревоженный

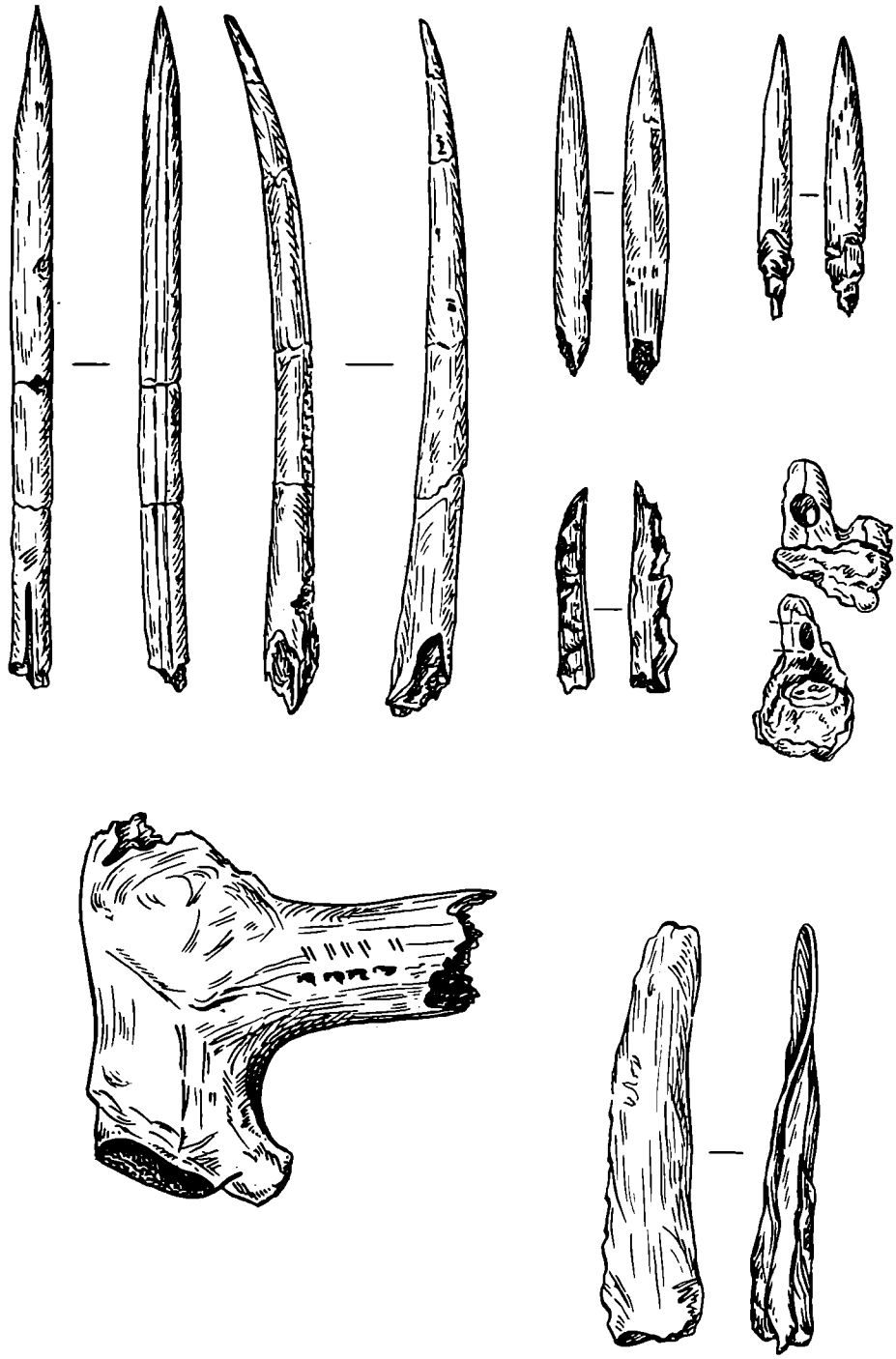


Рис. 5. Костяной инвентарь поселения Анетовка II

культурный слой на указанных памятниках не сохранился. Максимальная концентрация находок наблюдалась в горизонте делювиальных суглинков под слоем современной почвы.

Археологические комплексы Ивашково VI и Срединного Горба сходны. В наборе орудий присутствуют скребки на коротких и укороченных пластинах, скребки на отщепах, в том числе округлой и подокруглой формы, скребки высокой формы (единичны), резцы на пластинах и отщепах, среди которых преобладают боковые, микропластинки с притупленным краем, разного типа острия на пластинках, ретушированные пластинки. Однако между этими памятниками прослеживаются отличия в технологии обработки кремня. Кроме того, в подъемном материале Ивашково VI представлены геометрические микролиты (три сегмента и

три трапеции). Они оформлены на сечениях средних пластин крупной притупливающей ретушью.

Хронологически поселения Ивашково VI и Срединный Горб близки самым верхним слоям Владимировки (слои 1 и 2). Между этими поселениями прослеживаются и значительные черты сходства в наборе кремневого инвентаря. Так, комплексы изделий со вторичной обработкой и нуклеусов, встреченные на памятниках Срединный Горб и Владимировка (слой 1), практически идентичны. Прямых аналогий за пределами Побужья эта группа памятников не имеет.

Мезолитические памятники степного Побужья членятся на две хронологические группы: раннюю и позднюю. К раннему мезолиту относятся Анетовка, Новоархангельск, Гаврилов Яр, Царинка [6; 9, с. 56; 32, с. 99—107]. Периодом перехода от раннего к позднему мезолиту датирован комплекс местонахождения Завалье [9]. Позднемезолитические памятники этого региона более многочисленны. Однако в большинстве своем это бедные местонахождения, разбросанные по притокам мелководных рек и балок [9—16].

Точная топографическая привязка места сборов Ф. А. Козубовского на Анетовке не установлена. Судя по описанию района местонахождения, рекогносцировочным наблюдениям и отдельным находкам кремней на поверхности склона балки у восточной окраины с. Анетовка, поселение было расположено на первой надпойменной террасе р. Бакшалы. В сохранившейся в Киевском историческом музее коллекции кремневых изделий с этого поселения — плоские и призматические нуклеусы, округлые и подокруглые скребки на отщепах, скребки высокой формы, скребки на нуклевидных обломках и нуклеусах, концевые скребки, угловые, боковые и срединные резцы, микропластинка с притупленным краем, ланцет. На рисунках, приведенных в статье Ф. А. Козубовского, представлены также пластинки со скошенным концом. Геометрические микролиты отсутствуют [6; 32, с. 99—102]. Большинство скребков оформлено на отщепах и осколках кремня. В группе резцов преобладают боковые и угловые, срединные единичны. Резцов почти в 2 раза меньше, чем скребков. Близкий к Анетовке комплекс собран В. Н. Даниленко у Новоархангельска; находки залегали в переходном к почве горизонте лёссовидных суглинков [9, с. 56]. В целом индустрия Анетовки и Новоархангельска представляет собой дальнейшее развитие традиций описанных выше поселений позднего палеолита (Анетовка I и II, Владимировка).

Иную генетическую основу имеют комплексы Царинки и Гаврилова Яра. В наборе кремневого инвентаря Царинки — округлые и подокруглые скребки на отщепах, концевые скребки на пластинах и отщепах, в том числе укороченные формы, боковые, срединные и угловые резцы, трапеции, пластинки со скошенным концом, сверла, проколки, плоские и призматические нуклеусы; пластинки с притупленным краем единичны (рис. 6). Особенностью Царинки и Гаврилова Яра является наличие трапеций с ретушированным верхним основанием [32]. Близкие аналогии Царинке и Гаврилову Яру намечаются среди памятников Нижнего Поднепровья (Леонтьевка).

По набору инвентаря позднемезолитические памятники четко делятся на две культурно-исторические группы: памятники гребениковской культуры (Познанка, Еленовка, Слободка, Васильевка, Балаха и др.) и памятники кукрекского типа (Абузова балка, Конецполь, Синюхин брод, Бубинка и др.). Территориально памятники гребениковской культуры более тяготеют к междуречью Южного Буга и Днестра, хотя они найдены и на левобережье Южного Буга. Памятники кукрекского типа выявлены в основной массе на Южном Буге и его восточных притоках.

Для памятников гребениковской культуры характерно присутствие в наборе кремневого инвентаря равнобоких трапеций, округлых и подокруглых скребков, плоских нуклеусов. Микропластинки с притупленным краем, резцы, карандашевидные нуклеусы встречаются в небольшом количестве или вовсе отсутствуют [33].

Многочисленный инвентарь собран на поселении Абузова балка,

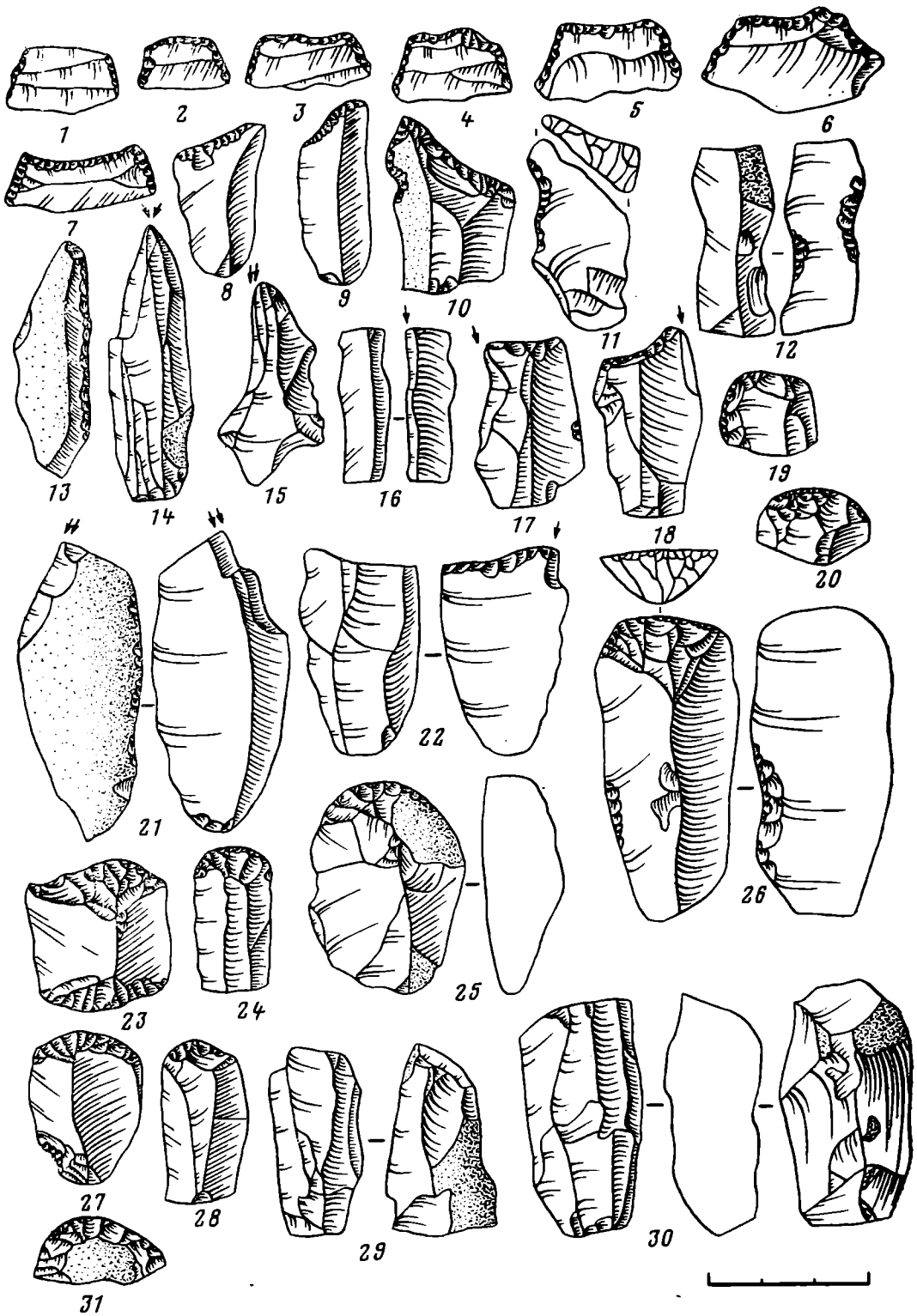


Рис. 6. Кремневый инвентарь поселения Царинка

выявленном на однолёссовой террасе левого берега Южного Буга [20]. Коллекция Абузовой балки, составленная из сборов на поверхности, насчитывает 9532 изделия из кремния и кварцита. Основу инвентаря составляют карандашевидные, плоские и призматические нуклеусы, округлые и подокруглые скребки на отщепах, скребки концевого типа и концевые на пластинах, резцы на пластинах и отщепах, вкладыши кукрекского типа, микропластинки с притупленным краем, микроострия. Геометрические микролиты единичны (рис. 7). Особенностью группы резцов является преобладание разного вида угловых резцов на отщепах.

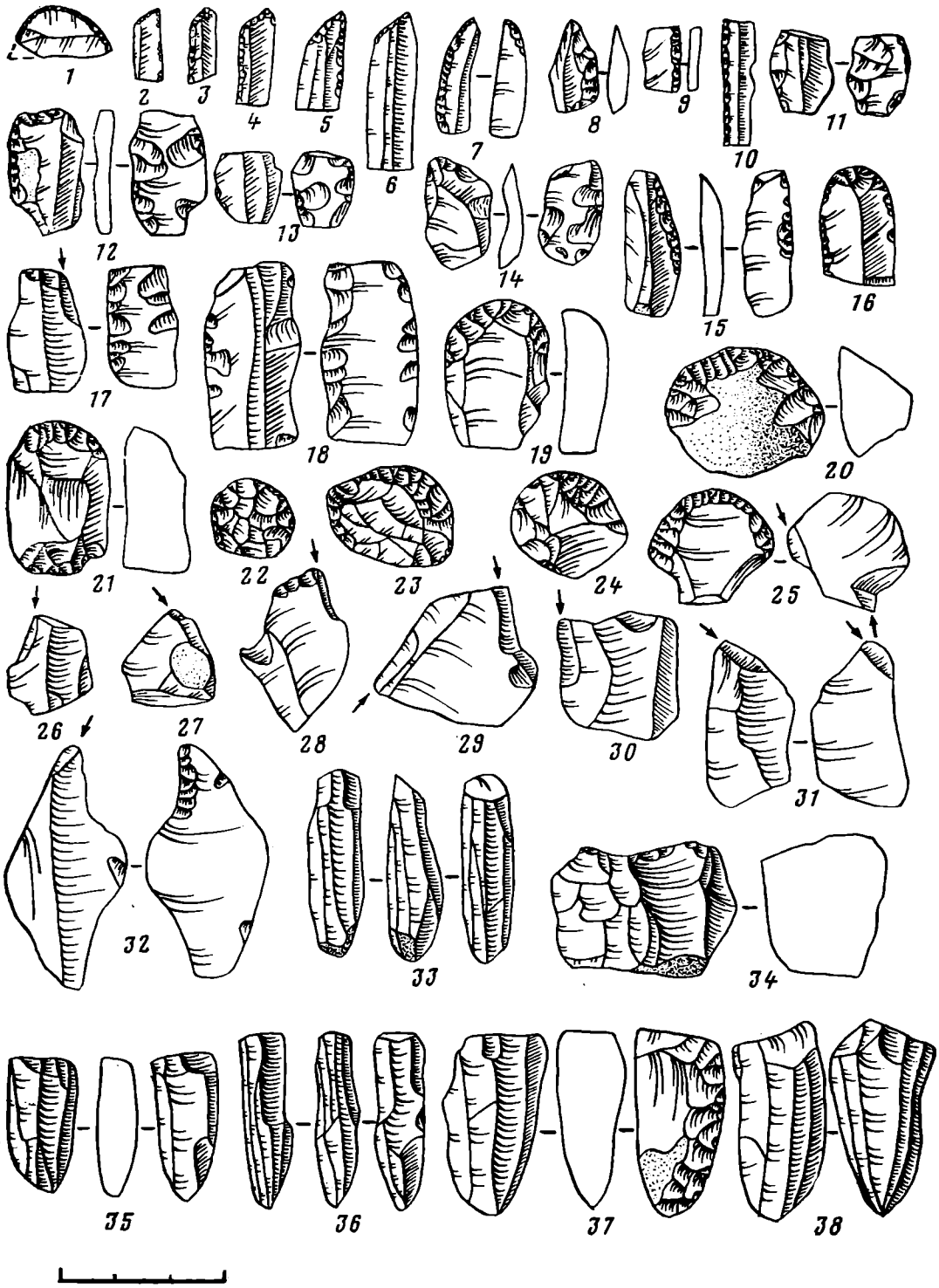


Рис. 7. Кремневый инвентарь поселения Абузова балка

Аналогичный инвентарь собран и на других указанных выше местонахождениях Побужья. По набору инвентаря эта группа позднемезолитических памятников близка таким комплексам, как Кукрек в Крыму [34], Каменная Могила в Приазовье [35, 36], о. Кизлевый и Васильевка в Поднепровье [9, 37] и др.

Подведем некоторые итоги изучения памятников палеолита и мезолита степного Побужья.

Процесс освоения бассейна Южного Буга начался, видимо, в раннем палеолите, о чем свидетельствуют отдельные находки раннепалеолитических изделий, собранные сотрудниками Причерноморской экспедиции

ИА АН УССР на высоких террасах Южного Буга и его притоков. Несомненно, вопрос этот нуждается в дополнительных полевых изысканиях. Однако уже эти единичные факты наводят на мысль о том, что степное Побужье, как и сопредельные территории южнорусских степей, входило в зону древнейшего расселения человека в Восточной Европе [38—40].

В свете новейших исследований территория степного Побужья представляется достаточно плотно заселенной в позднем плейстоцене — раннем голоцене. Полевыми исследованиями на Побужье выявлены выразительные позднепалеолитические и мезолитические комплексы, которые не только заполняют лакуну на археологической карте Северного Причерноморья, но и позволяют по-иному поставить и решить ряд общих проблем развития древних культур степной зоны.

Анализ стратиграфических условий залегания культурных остатков, состава фауны и морфологических групп кремневых коллекций дает возможность установить следующую хронологию памятников. Ранним этапом позднего палеолита датируются материалы поселения Сагайдак I. Стратиграфически культурный слой здесь приурочен к нижнему горизонту лёсса, залегающему непосредственно над слоем аллювиальной супеси первой надпойменной террасы р. Ингул [13, с. 38, 39]. В составе фауны присутствуют кости носорога. В наборе инвентаря — концевые скребки с ретушированными продольными краями, специфические микроострия, ретушированные пластины и отщепы. Резцов нет. Отсутствие палинологических данных не позволяет более точно датировать этот комплекс.

Относительно ранним временем в пределах второй половины позднего палеолита следует датировать материалы слоев 8—6 Владимировки и местонахождения Ивашково поле. Указанные слои Владимировки, как и нижний культурный слой памятника Сагайдак I, исследованы в слоистых лёссовидных суглинках первой лёссовой террасы непосредственно над древними аллювиальными отложениями р. Синюхи. В составе фауны присутствует мамонт, но уже нет носорога, кости которого найдены в подстилающих горизонтах [1, с. 18, 24]. Инвентарь крупных размеров с поселений Владимировка (слои 8—6) и Ивашково поле типологически хорошо выражены. Микроинвентарь для этих комплексов не характерен. Преобладают концевые скребки на массивных пластинах. Резцов меньше, чем скребков. Среди резцов чаще встречаются срединные. Боковые и угловые формы единичны.

Следущий этап позднего палеолита представлен материалами Анетовки I, Владимировки (слой 3) и группой мелких местонахождений. Стратиграфические наблюдения над условиями залегания этих комплексов показывают их более высокое положение в толще лёсса по сравнению с Сагайдаком I и Владимировкой (слои 8—6) [1, с. 38; 19, с. 7]. Основными компонентами фауны этих поселений являются зубр, северный олень, лошадь. Кости мамонта и носорога отсутствуют. В кремневом инвентаре памятников данного этапа преобладают резцы, среди которых более многочисленны боковые. Скребки оформлены на отщепах и пластинах. Особенностью скребков является наличие большой группы коротких и подокруглых форм. Микропластинки с притупленным краем и микроострия составляют выразительные серии. Заметна тенденция к микролитизации всего инвентаря. На современном этапе исследования трудно определить более точно хронологические рамки поселений этого периода, однако они, несомненно, предшествуют памятникам финального палеолита на этой территории, с которыми авторы данной статьи связывали их ранее [19, с. 13].

Заключительный этап позднего палеолита изучен на материалах поселений Владимировка (слои 2 и 1), Ивашково VI, Срединный Горб, Анетовка II и ряда других мелких местонахождений. В стратиграфическом разрезе материалы этих памятников занимают самую верхнюю позицию в толще лёсса, залегая в делювиальных суглинках высоких террас, непосредственно под слоем современной почвы. Культурный слой на поселениях этого периода, как правило, размыт. Кремень и фауна встре-

чаются по всей глубине разреза вплоть до современной почвы. Среди остатков фауны кости зубра, северного оленя, лошади, сайги. В наборе кремневого инвентаря наиболее многочисленны микропластинки с притупленным краем, резцы, острия. Численность скребков резко уменьшается. В группе резцов преобладают боковые формы. Среди скребков много укороченных, округлых и подокруглых типов.

Культурный слой мезолитических памятников залегает в переходном слое между современной почвой и делювиальными суглинками. Кости и кремни на поселениях этого времени встречаются как в верхних горизонтах суглинков, так и в подпочве В. По материалам поселений Побужья пока трудно проследить четкое стратиграфическое расчленение ранних и поздних комплексов. Судя по результатам шурфовки Царинки и Абузовой балки, ранние мезолитические комплексы в основной своей массе приурочены к верхним горизонтам суглинков и к переходному слою, в то время как культурные остатки позднемезолитических памятников чаще встречаются в переходном слое и в подпочве В [20; 41; 42].

Кремневый инвентарь раннемезолитических памятников (Царинка, Анетовка, Гаврилов Яр, Новоархангельск, Завалье) архаичен, он в меньшей мере подвержен микролитизации. Наряду с округлыми и подокруглыми скребками часто встречаются концевые скребки на пластинах, срединные и боковые резцы и ряд других позднепалеолитических форм орудий. Геометрические микролиты имеют грубые очертания. Плоские резцы на отщепах единичны [32].

В основе индустрии позднемезолитических комплексов лежат правильная призматическая пластина и микропластина. Абсолютно преобладают скребки на отщепах округлой и подокруглой формы, геометрические микролиты на тонких пластинках правильных очертаний, резцы либо вовсе отсутствуют, либо изготовлены в большинстве своем на отщепах и пластинах техникой плоского резцового скола.

Процесс сложения и развития индустрий памятников палеолита и мезолита степного Побужья крайне сложен. Он включает в себя как долговременное непрерывное развитие традиций, сложившихся в регионе, так и моменты миграций и ассимиляций.

Комплекс Сагайдака I, самого раннего позднепалеолитического памятника в Побужье, не имеет прямых аналогий среди материалов первой половины позднего палеолита Восточной Европы. Ближайшей аналогией Сагайдаку I являются материалы Гуры Пулавской (Польша). Сходство этих памятников прослеживается вплоть до деталей устройства хозяйственно-бытовых комплексов. И несмотря на некоторые отличия в наборе инвентаря (отсутствие высоких скребков и резцов в Сагайдаке I), родство индустрий этих памятников несомненно [43, с. 45, 47—49]. Это позволяет нам, вслед за В. Хмелевским и М. Д. Гвоздовер, связывать формирование индустрии типа Сагайдака I с прямым проникновением носителей ориньякских традиций центральноевропейского круга в северопричерноморские степи [25, 26]. Вопрос о характере индустрии автохтонного населения в этот период остается пока открытым.

Прослеживающиеся аналогии отдельным группам изделий, и прежде всего специфическим микроостриям Сагайдака I, и таких памятников, как Мураловка, Золотовка I, Рашков VII и VIII, Анетовка I и др., свидетельствуют, на наш взгляд, о более поздних влияниях традиций культуры Сагайдака I на формирование индустрий перечисленных памятников. При этом необходимо учитывать, что волна переселений из Центральной Европы в южные районы Восточной Европы, имевшая место в период внутривюрмских похолоданий, была значительно шире и не исчерпывалась лишь носителями традиций индустрии типа Сагайдака I. В комплексах памятников с остриями сагайдакско-мураловского типа на более поздних этапах их развития наблюдается значительно больше черт сходства с комплексами памятников ориньякского круга [21, 23].

В этом плане для нас несомненный интерес представляет наличие микроострий сагайдакско-мураловского типа на памятниках следующего периода палеолита Побужья (Владимировка, Анетовка 1) Культурная

однородность всех комплексов Владимировки доказана А. П. Чернышом [1]. Индустрия Ивашково поля, Анетовки I и II, Ивашково VI, Срединного Горба, Червоной Гребли и других памятников в целом выполнена в тех же технологических традициях, что и Владимировки. В основе ее лежит техника обработки кремня, сложившаяся в этом регионе в позднем палеолите. Своеобразие этих комплексов по сравнению с материалами памятников сопредельных территорий доказано ([4; 18; 44] и др.).

На разных этапах развития, как было показано выше, в инвентаре указанных памятников прослеживаются ориньякоидные элементы (специфические микроострия, скребки высокой формы и др.) — результат контакта (ассимиляции) с племенами ориньякского круга, проникшими на эту территорию. Особенно четко этот процесс выражен в материалах Анетовки I, где в большом количестве найдены скребки высокой формы и острия сагайдакско-мураловского типа. Находки подобных изделий в столь позднем комплексе свидетельствуют о длительности существования ориньякских традиций в регионе и о сложности исторического процесса взаимодействия местного и пришлого населения.

В целом, судя по материалам позднего палеолита, в степном Побужье складывается своеобразная археологическая культура, которую мы предлагаем назвать анетовской. Характерный инвентарь памятников по этапам описан выше.

Развитие традиций этой культурной общности продолжается здесь и в мезолите. По мнению Д. Я. Телегина, индустрия памятников кукрекского типа формируется на основе раннемезолитического комплекса Анетовки [45]. В настоящее время четко вырисовывается генетическое родство финальнопалеолитического комплекса Анетовки II с позднемезолитической индустрией Абузовой балки. В Абузовой балке, как и в Анетовке II, широко представлены микроострия, пластинки с притупленным краем, плоские резцы, скребки на отщепах (рис. 4, 7). Характерные для Абузовой балки пластинки с подтеской («вкладыши кукрекского типа») в более раннем комплексе Анетовки II также присутствуют (рис. 4, *26*, *27*). Инвентарь Анетовки, хронологически связывающий эти два комплекса, типологически близок к ним и, вероятно, представляет раннемезолитический этап анетовской культуры. Однако сохранность коллекции не позволяет пока достаточно полно представить облик индустрии этого периода.

Параллельно с развитием индустрии анетовской культуры в раннем мезолите степного Побужья получают распространение комплексы с иными традициями обработки кремня (Царинка, Гаврилов Яр). В инвентаре этих памятников — трапеции с обработанным верхним основанием, концевые скребки, пластинки с выемками. Микроострия и микропластинки с притупленным краем, характерные для памятников анетовской культуры, в этих комплексах отсутствуют. Дальнейшее развитие традиций мезолита типа Царинка представляет уже индустрия гребениковской культуры, памятники которой выявлены в бассейне Южного Буга наряду с памятниками типа Абузовой балки.

Таким образом, в степном Побужье в настоящее время выделяется единая линия развития индустрии позднего палеолита и мезолита (анетовская культура), которая на разных этапах своего развития испытывает влияние ориньякоидных индустрий. Одновременно с ней в мезолите получают распространение памятники гребениковской культуры. Начало позднего палеолита представлено своеобразным ориньякоидным комплексом поселения Сагайдак I.

В свете сказанного проблема степной зоны развития палеолитической культуры в Северном Причерноморье представляется значительно более сложной. Материалы палеолитических памятников Побужья еще раз подтверждают высказанное ранее мнение о том, что степную зону нельзя рассматривать как единую культурно-историческую общность. Нуждается в дополнительных исследованиях и вопрос о едином хозяйственно-культурном типе, сложившемся в палеолите в степях Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Черниш О. П.* Володимирівська палеолітична стоянка. Київ: Вид-во АН УРСР, 1953.
2. *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев: Изд-во АН УССР, 1953.
3. *Борисковский П. И.* Палеолит Украины.— МИА, 1953, № 40.
4. *Григорьев Г. П.* Верхний палеолит.— МИА, 1970, № 166.
5. *Козубовський Ф. А.* Археологічні дослідження на території БОГЕСу 1930—1932 рр. Київ, 1953.
6. *Козубовський Ф. А.* Первісна стоянка на р. Башкалі коло с. Анетівка.— Наук. зап. Ін-ту істор. матер. культури АН УРСР, 1935, кн. 5—6.
7. *Черниш О. П.* Карта палеоліту УРСР.— Наук. зап. Ін-ту суспільных наук АН УРСР, 1954, т. 2.
8. *Елагина Н. Г., Погребова Н. Н.* Археологическая разведка по берегам р. Ингул.— КСИИМК, 1959, вып. 77.
9. *Даниленко В. Н.* Неолит Украины. Киев: Наук. думка, 1969.
10. *Борисковский П. И.* Разведки памятников каменного века в Одесской области в 1961 г.— Краткие сообщения Одесского археологического музея за 1962 г. Одесса, 1964.
11. *Борисковский П. И.* Изучение мезолита на Одещине.— АО — 1965. М., 1966.
12. *Шапошникова О. Г., Шарафутдинова И. Н., Никитин В. И., Ребедайло Г. П.* Работы Ингульской экспедиции.— АИУ — 1968. Киев, 1971.
13. *Станко В. Н., Григорьева Г. В.* Исследование памятников каменного века на р. Ингуле.— В кн.: Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977.
14. *Фоменко В. М.* Знахідки мезолітичного та пізньотрипільського часу поблизу с. Кінецпіль на Миколаївщині.— Археологія, 1979, № 31.
15. *Григорьева Г. В., Станко В. Н.* Новые мезолитические местонахождения на р. Ингул.— В кн.: Археологические памятники Поингулья. Киев. Наук. думка, 1980.
16. *Смольянинова С. П., Станко В. Н.* Разведки памятников каменного века на севере Одесской области.— В кн.: Археологические и археографические исследования на территории южной Украины. Киев — Одесса: Вища школа, 1976.
17. *Смольянинова С. П.* Новые позднепалеолитические памятники лесостепной полосы междуречья Днестра и Южного Буга.— МАСП, 1976, № 8.
18. *Смольянинова С. П.* Позднепалеолитическая стоянка Ивашково VI.— В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1978.
19. *Станко В. Н., Смольянинова С. П., Иванов Г. И.* Раскопки позднепалеолитических стоянок Анетовка I и II на Среднем Буге.— В кн.: Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
20. *Станко В. Н., Петрунь В. Ф., Максимюк Т. И.* Позднемезолитическое местонахождение на Южном Буге.— В кн.: Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
21. *Праслов Н. Д.* Некоторые специфические формы каменных орудий Мураловской палеолитической стоянки.— КСИА, 1971, вып. 131.
22. *Праслов Н. Д.* Работы по палеолиту на Нижнем Дону.— АО — 1976. М., 1977.
23. *Григорьева Г. В., Кетрару Н. А.* Исследование палеолитических стоянок Рашков VII и VIII.— АИМ — 1970—1971. Кишинев, 1973.
24. *Григорьева Г. В.* Позднепалеолитическая стоянка Рашков VIII.— СА, 1974, № 3.
25. *Хмелевский В.* Влияние перигляциальной среды на расселение человека в верхнем плейстоцене.— В кн.: Лёсс — перигляциал — палеолит на территории Средней и Восточной Европы. М., 1969.
26. *Гвоздовер М. Д.* Палеолит.— В кн.: Лёсс — перигляциал — палеолит на территории Средней и Восточной Европы. М., 1969.
27. *Праслов Н. Д., Филиппов А. К.* Первая находка палеолитического искусства в южнорусских степях.— КСИА, 1967, вып. 111.
28. *Борисковский П. И.* Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области. М.: Наука, 1964.
29. *Григорьева Г. В.* Большая Аккаржа и ее место среди позднепалеолитических памятников юга СССР.— КСИА, 1967, вып. 111.
30. *Смирнов С. В.* О хозяйственных отличиях позднепалеолитических памятников степной полосы европейской части СССР.— В кн.: Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1974.
31. *Коробкова Г. Ф., Смольянинова С. П., Кизь Г. В.* Позднепалеолитическая стоянка Срединный Горб.— В кн.: Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
32. *Станко В. Н.* Ранний мезолит степей Северного Причерноморья.— В кн.: Первобытная археология — поиски и находки. Киев: Наук. думка, 1980.
33. *Станко В. Н.* Типы памятников и локальные культуры в мезолите Северного Причерноморья.— МИА, 1972, № 185.
34. *Векилова Е. А.* Эпиналеолитическая стоянка Кукрек в Крыму.— КСИИМК, 1951, вып. 36.
35. *Даниленко В. М.* Приазовська експедиція 1947 р.— АП, 1952, т. 4.
36. *Телегин Д. Я.* Мезолит Левобережной Украины и его место в сложении днепродонецкой неолитической культуры.— МИА, 1966, № 126.

37. *Рудинський М.* Стоянки з мікролітичным інвентарем на острові Кизлевому.— АП, 1949, т. 2.
38. *Бибиков С. Н.* Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита.— СА, 1959, № 4.
39. *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Северо-Западного Приазовья и Нижнего Дона. Л.: Наука, 1968.
40. *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы.— Киев: Наук. думка, 1976.
41. *Станко В. Н.* Периодизация памятников мезолита Северного Причерноморья.— МАСП, 1976, вып. 8.
42. *Станко В. Н.* Основные особенности и хронология памятников мезолита степей Северного Причерноморья.— КСИА, 1977, вып. 149.
43. *Krukowski S.* Paleolit Polski. Krakow, 1939.
44. *Смирнов С. В.* Палеоліт дніпровського Надпоріжжя. Київ: Наук. думка, 1973.
45. *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки України. Київ: Наук. думка, 1982.

V. N. Stanko, S. P. Smolyaninova

STUDY OF THE PALAEOLITHIC AND THE MESOLITHIC IN THE STEPPE REGIONS OF THE BUG BASIN

Summary

A large group of late Palaeolithic and Mesolithic sites (Sagaidak I, Anetovka I and II, Ivashkovo VI, Sredinny Gorb, Tsarinka, Abuzova Balka and some others) has been identified recently in the steppe zone of the Bug basin. An analysis of their stratigraphy and flint industry revealed the chronology of the late Palaeolithic and the Mesolithic in the region. Archaeologists have traced the single genetic line of development of the Late Palaeolithic and Mesolithic industries (the Anetovka culture). Specific complexes not connected with the general line of the Anetovka culture development (Sagaidak I, Tsarinka, sites of the Grebeniki culture) were singled out.

САГДУЛЛАЕВ А. С.

О СООТНОШЕНИИ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ФЕРГАНЫ И БАКТРИИ

Многолетние раскопки в Фергане памятников чустской культуры позволяют подойти к решению актуальных историко-культурных проблем, в том числе вопроса о сходстве оседлоземледельческих культур Ферганы и Бактрии первой трети I тыс. до н. э. [1; 2, с. 85].

Совсем недавно, когда на территории древней Бактрии еще не были известны оседлые поселения указанного времени, ферганские материалы сравнивались с комплексами типа Яз I и Елькен II юга Туркмении. Основные выводы сводились к тому, что по отношению к последним чустская культура занимает периферийное положение [3, с. 206]. Новые археологические открытия в Бактрии не только изменили данный вывод, но и существенно повлияли на определение места чустской культуры в историческом процессе, протекавшем в Средней Азии в переходный период от бронзового к железному веку. Ю. А. Заднепровским предложена теория, согласно которой археологические комплексы начала I тыс. до н. э., получившие распространение в Парфии, Маргиане, Бактрии, Согде, Чаче и Фергане, образуют «единую культурную и, возможно, даже этнокультурную общность племен расписной керамики». Исследователь называет ее чустской культурной общностью [1, с. 8, 44, 45] и отмечает некоторый хронологический приоритет чустской культуры по отношению к комплексам типа Яз I [1, с. 31]. Другие авторы пишут об особом вкладе носителей данной культуры в формирование лепной расписной керамики на юге Средней Азии и о переселении чустских племен из Ферганы в Бактрию [4, с. 72 сл.]. На возникновение последнего предположения определенное влияние, видимо, оказала известная гипотеза о миграции чустских племен в Южный Афганистан [5, с. 104].

Необходимость пересмотра даты периода Яз I (вместо IX—VII вв. до н. э., по В. М. Массону [6], Ю. А. Заднепровским предложена дата VIII—VII вв. до н. э.) обосновывается тем, что хронология Яздепе основана на материалах Сиалка, которые сейчас передатированы [1, с. 31]. Значительно раньше А. И. Тереножкин особо отмечал, что хронология чустской культуры определена в соответствии с датой Р. Гиршмана для некрополя В в Сиалке и что чустскую культуру, как и комплексы Сиалка, следует также относить к VIII—VII вв. до н. э. [7, с. 80]. Последнее предположение было отвергнуто Ю. А. Заднепровским [1, с. 32, 33]. Им предложена дата X—VIII вв. до н. э., которая не является в настоящий момент общепризнанной. Другие исследователи допускают для чустской культуры более широкие хронологические рамки — XI—VII вв. до н. э. [4, с. 54]. Под влиянием хронологии чустской культуры установлена дата бургулюкской культуры Ташкентского оазиса, выделено два периода: ранний — IX—VII вв. до н. э. [8, с. 71] и поздний — VI—IV вв. до н. э. [9, с. 121].

Однако различные археологические факты свидетельствуют о том, что ферганские материалы из Чуста и Дальверзина не древнее бактрийских из Тиллятепе, Бандыхантепе I и Кызылтепе; сравниваемые изделия из Ферганы и Бактрии относятся к более позднему времени, чем дата чустской культуры, предложенная Ю. А. Заднепровским. Все это оставляет весьма гипотетичным вопрос о так называемой чустской культурной общности и указывает, как уже отмечалось в литературе [7, с. 80], на необходимость уточнения хронологии чустских поселений.

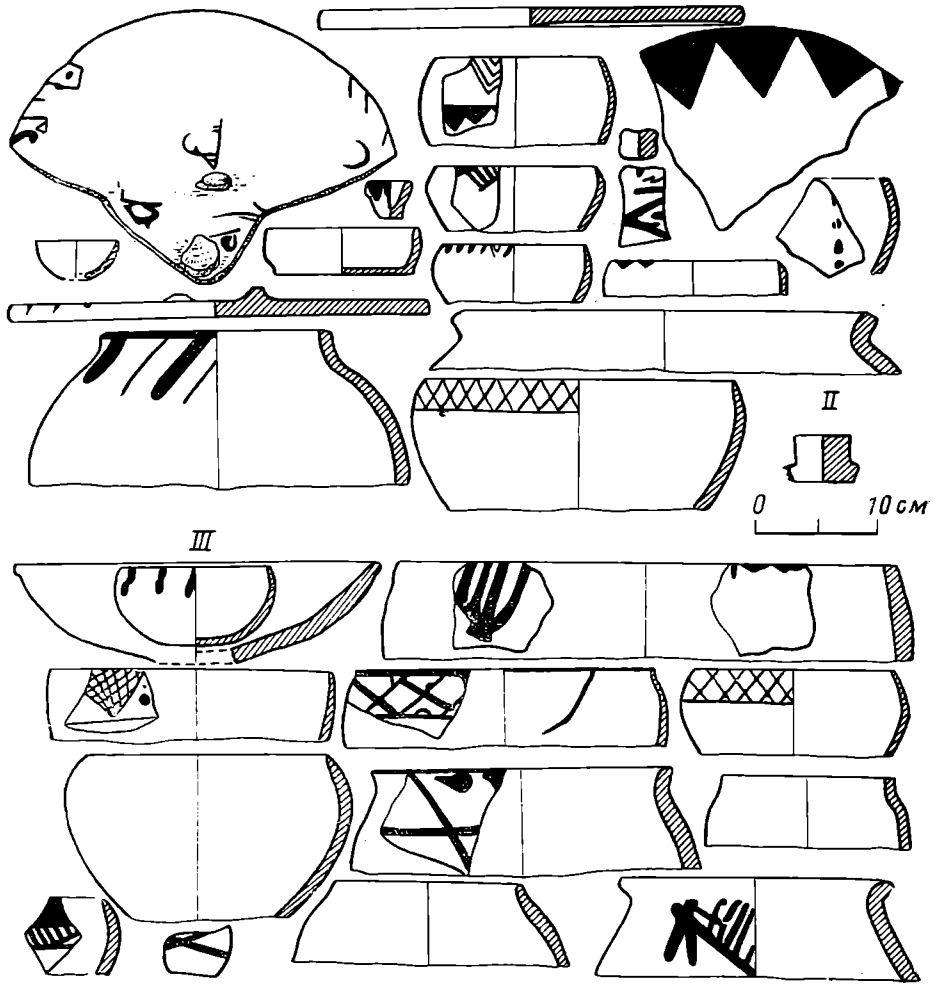


Рис. 1. Расписная керамика Бандыхантепе I. *II*, *III* — строительные горизонты

Согласно Ю. А. Заднепровскому, близость комплексов чустской культуры и Бактрии первой трети I тыс. до н. э. проявляется в наличии сходных форм лепной керамики и расписной орнаментации, в одинаковых формах бронзовых серпов и наконечников стрел, а также каменного инвентаря, из которого большое значение придается находкам серпов или серповидных ножей [2, с. 85, 86].

Здесь целесообразно отметить, что многие общие черты развития проявляются также в археологических материалах бургулюкской культуры области Чача и Бактрии (бронзовые серпы и ножи, наконечники стрел и типы лепной керамики) [8, с. 44 сл.]. Как известно, земледелие в Фергане и Чаче в отличие от южных среднеазиатских областей являлось новой, ранее не известной формой хозяйственной деятельности местных либо пришлых племен. В культуре Бактрии, напротив, наряду с разного рода новшествами отмечается сохранение и продолжение местных культурных традиций, восходящих к эпохе бронзы. Уже поэтому следует уточнить критерии выделения так называемой чустской культурной общности.

Ю. А. Заднепровский и Х. Дуке, сравнивая находки соответственно чустской и бургулюкской культур с материалами памятников Бактрии, большое значение придают керамическим сопоставлениям, а также параллелям для производственно-бытового инвентаря из бронзы и камня. Аналогии для бронзовых наконечников стрел и серпов, характерных для комплексов Чуста и Бургулюка, исследователи находят также на памятниках обширной зоны, вплоть до Семиречья и Минусинской котловины. Каменные серпы чустского типа встречаются не только в Бактрии, но и

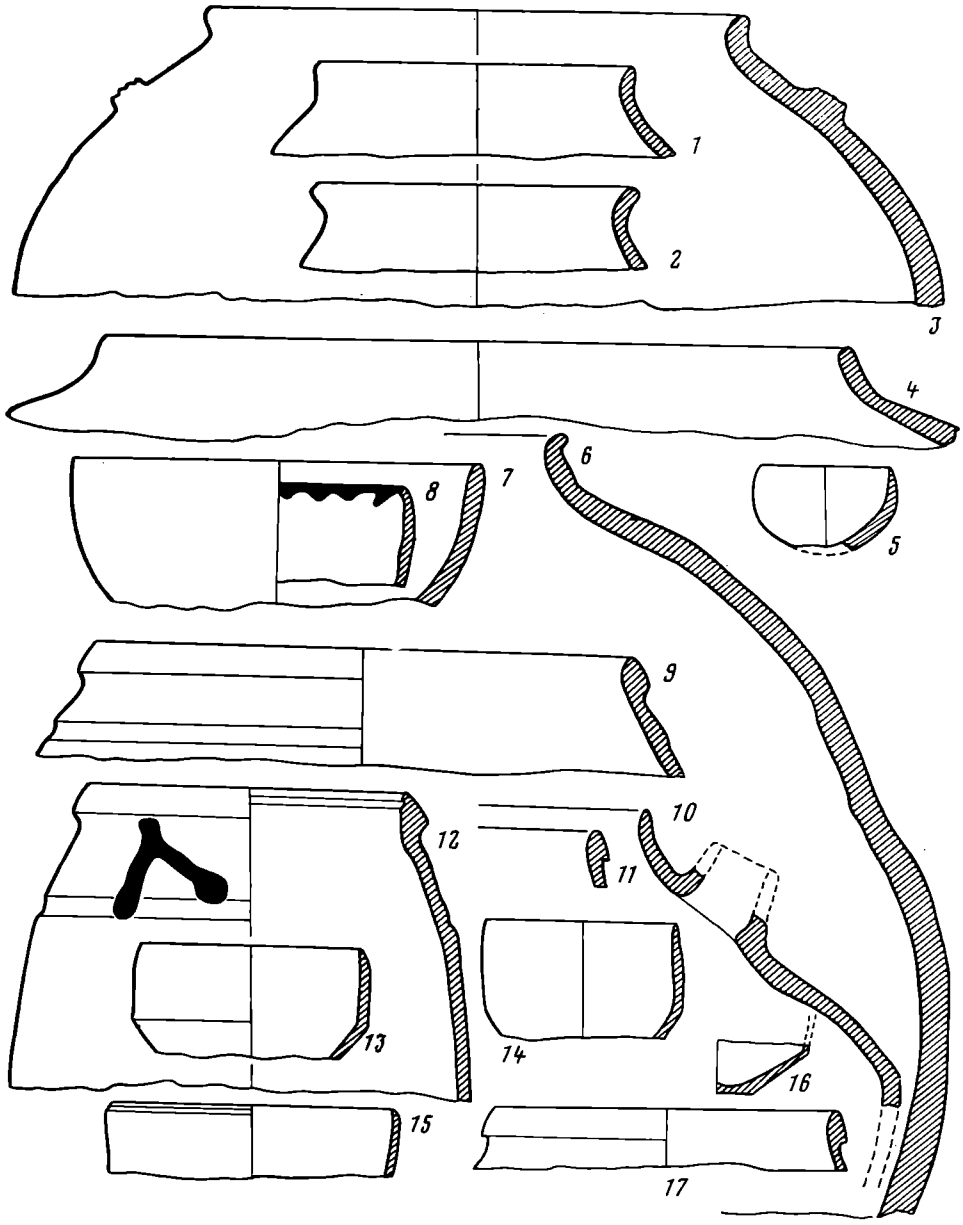


Рис. 2. Керамика типа Кызыл I

далеко к востоку от Ферганы. Эти примеры свидетельствуют о том, что некоторые металлические и каменные изделия не всегда служат определяющим критерием конкретной культурной, а тем более этнокультурной общности и этническим индикатором вообще.

Лепная керамика на поселениях одной исторической области может отличаться (в силу конкретных технологических особенностей) по внутренним либо внешним и косвенным признакам (рис. 1—3); мы не говорим уже о широких сопоставлениях [10]. В долине Сурхана все это нашло довольно четкое отражение при изучении поселений Миршаде и Бандыхантепе [11, 12]. При раскопках четырех поселений Миршадинского культурно-хозяйственного района — Безымянного тепе, Буйрачи 1, Кызылтепе и Буйрачи 2 — было обнаружено шесть фрагментов лепной расписной керамики, тогда как в одном шурфе Бандыхантепе I — более 20 экз. с росписью.

В слоях нижнего строительного горизонта 1 Бандыхантепе I расписная керамика не обнаружена (независимо от наличия здесь лепной посуды типа Кызыл I — Яз I), и основные находки посуды с росписью происходят из наслоений верхних горизонтов 2 и 3 (рис. 1). На Кучук-

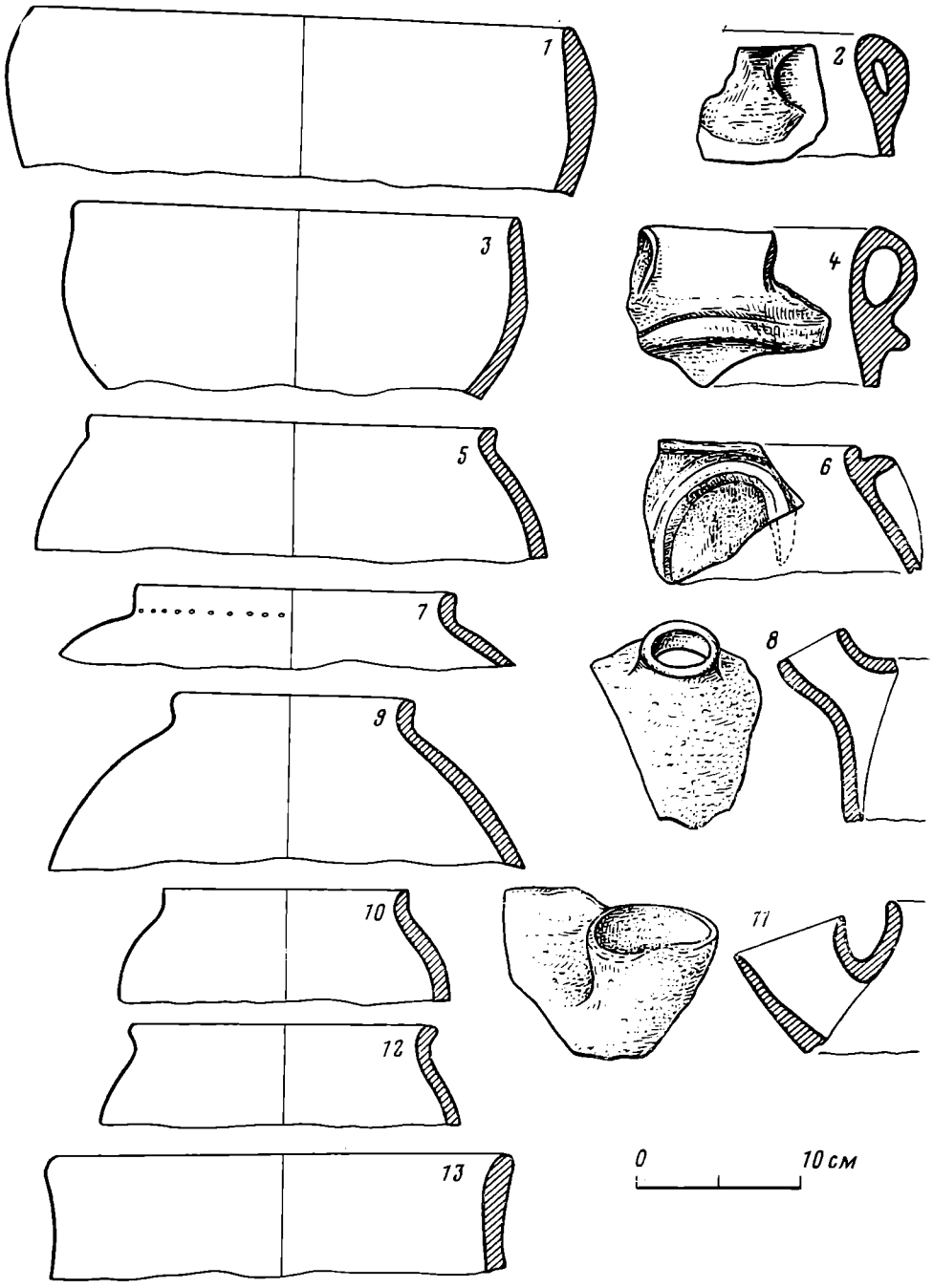


Рис. 3. Лепная керамика типа Кызыл I

тепе расписная керамика гораздо чаще встречается в слоях горизонта 4, чем в трех нижних горизонтах [4, с. 18]. Таким образом, в долине Сурхана расписная посуда, видимо, представляет далеко не ранний этап развития комплекса лепной керамики начала I тыс. до н. э. Отметим, что на Кызылтепе расписная орнаментация встречается на станковых сосудах цилиндроконических форм типа Кызыл II – Яз I (рис. 4), что, видимо, служит подтверждением несколько поздней даты лепной расписной керамики.

Весьма осторожно следует подходить к датировке слоев путем сопоставления лепной керамики. В слоях Кызыл II достаточно многочисленна лепная посуда, мало чем отличающаяся от лепной керамики типа Кызыл I (рис. 5). Эта посуда характерна и для периода Кызыл III. Во сех случаях наблюдаются одинаковый уровень развития и ограниченные возможности формовки лепной посуды по сравнению со станковой.

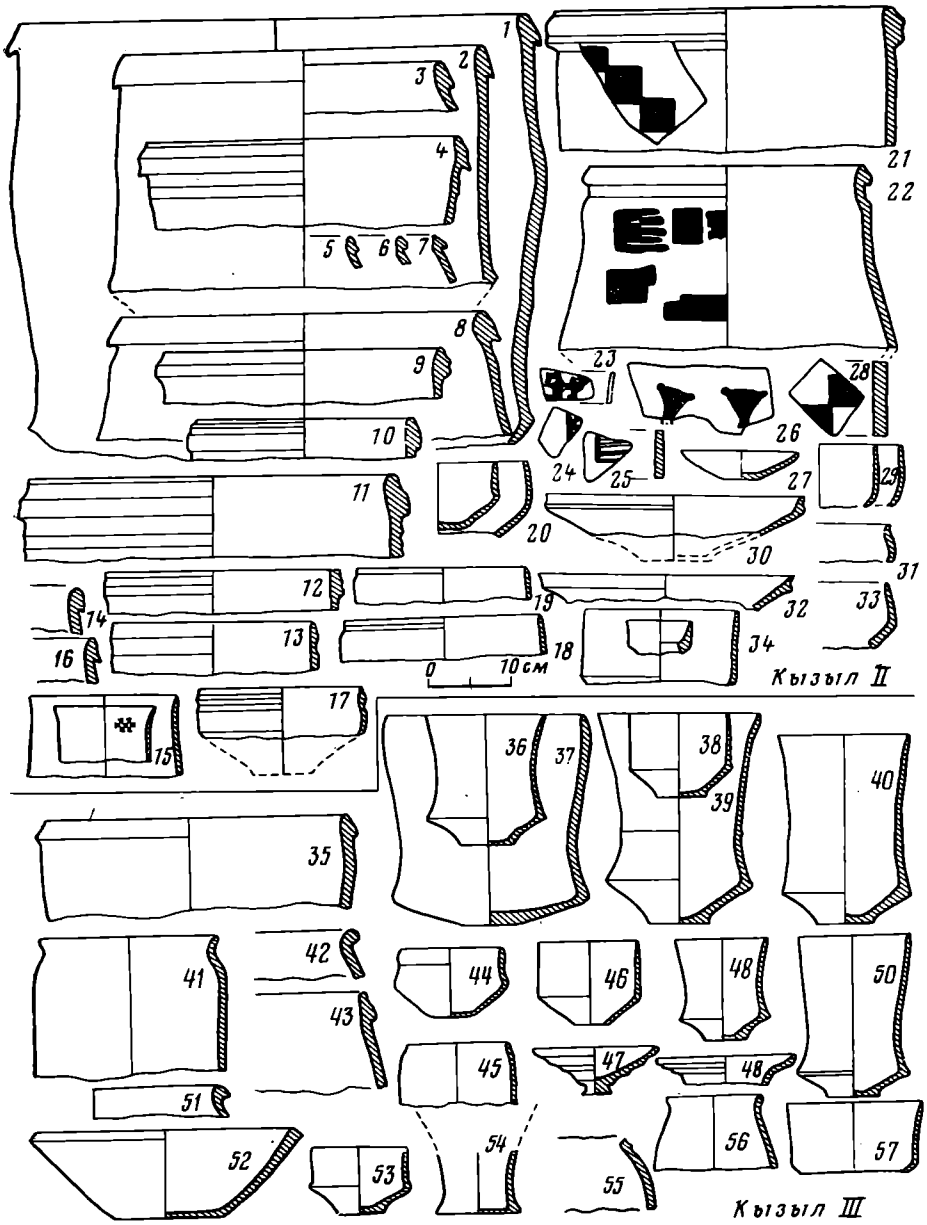


Рис. 4. Керамика типа Кызыл II—III

Не случайно поэтому аналогии бургулюкской керамики исследователи отмечают в комплексах весьма разных памятников: Чуста, Дальверзина и Кучуктепе, Тиллятепе, Бандыхана и Кайраккумов, Чиракчитепе и др. [8, с. 66, сл.]. При таком общем подходе аналогии бургулюкской керамики можно найти не только в лепной посуде типа Кызыл I, II и III, но и в более поздних материалах. Все это свидетельствует о том, что лепная керамика не всегда является надежной основой датировки археологических комплексов. Выше было сказано о различиях лепной посуды одной исторической области; напротив, лепная керамика весьма отдаленных районов, происходящая далеко не из синхронных комплексов, может быть сходной. Основная причина тому — приблизительно одинаковый уровень техники, общие внутренние и внешние признаки, сохранение архаичных типов форм и подражание последним.

В отличие от памятников Бактрии на поселениях чустской культуры независимо от довольно мощных культурных слоев, до 3 м, не удалось выделить разные стратиграфические комплексы, так как материалы верхних и нижних горизонтов здесь однотипны. Как пишет Ю. А. Заднепровский, расписная керамика, являющаяся одним из важных признаков

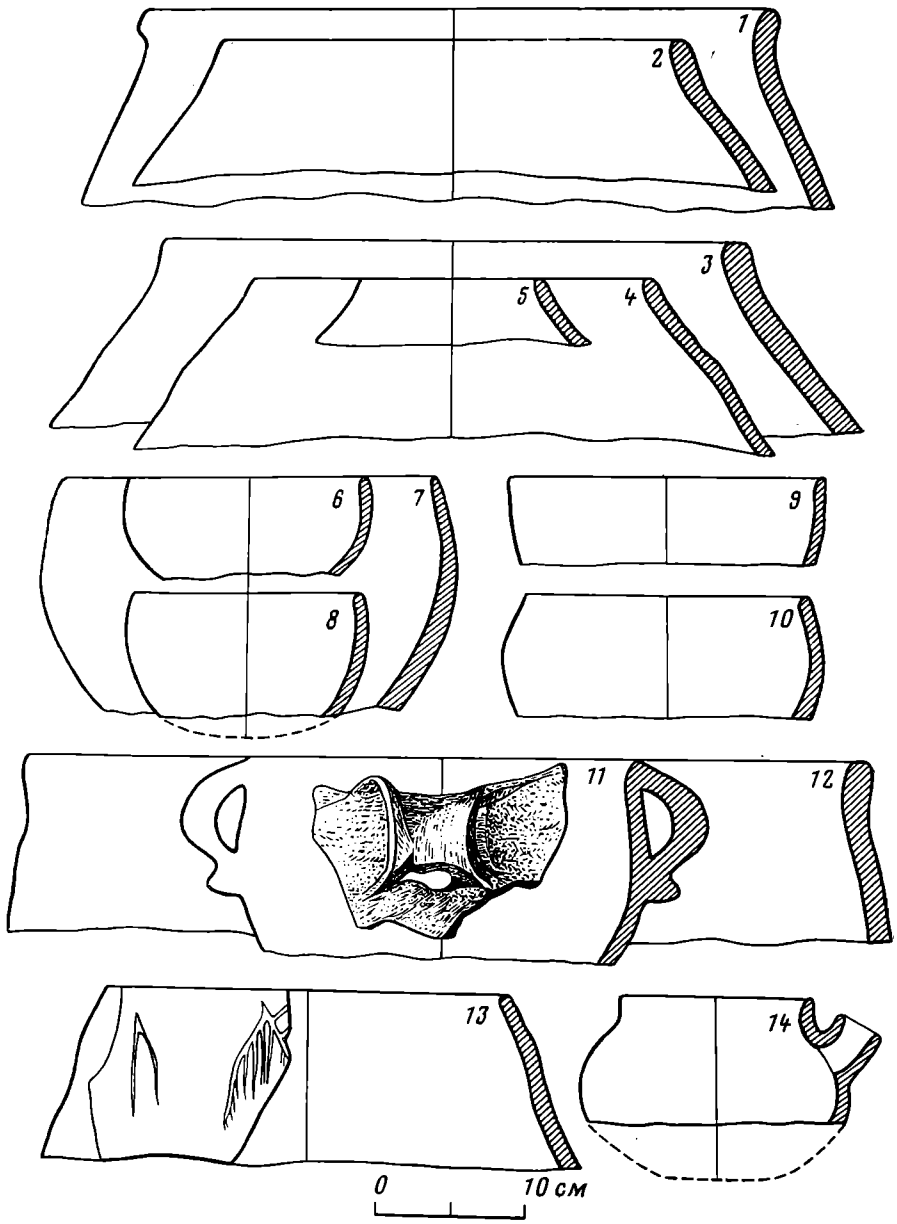


Рис. 5. Лепная керамика из слоя Кызыл II

чустской культуры, гораздо чаще встречается в нижних слоях Дальверзина, чем в верхних (тогда как в долине Сурхана наоборот).

На Кучуктепе бронзовые ножи и серпы (5 экз.), близкие к чустским, найдены в слоях строительного горизонта 4, как и большинство двухперых бронзовых наконечников стрел (14 экз.), а один аналогичный наконечник — даже в горизонте 6 [4, с. 61, 62]. Каменные серпы чустского типа (5 экз.) также обнаружены на Кучук II, в слоях горизонта 4, датируемого серединой VIII—VII в. до н. э. [4, с. 67].

По предположению А. Аскарова и Л. И. Альбаума, бронзовые однолезвийные серпы распространяются на юге Средней Азии благодаря продвижению степных скотоводов в зоны оседлоземледельческих племен не раньше времени Кучук II [4, с. 61]. Аналогичные изделия, происходящие из Казахстана и Сибири, относятся к более раннему времени и, согласно Е. Е. Кузьминой, должны датироваться не позже VIII в до н. э. [13, с. 55].

Распространение бронзовых серпов, ножей и наконечников стрел едва ли связано лишь с продвижением скотоводов в южные области Средней Азии, где данные предметы встречаются и в несколько более поздних

слоях, чем на Кучуктепе. В этом аспекте обращает на себя внимание вывод о том, что ряд предметов из камня и бронзы, считающихся принадлежностью чустской культуры, мог быть изготовлен на юге [14, с. 48].

Ю. А. Заднепровский основное внимание уделяет сравнительному анализу материалов Ферганы и Кучуктепе, подчеркивая большое сходство между ними [2, с. 86]. Последнее, очевидно, свидетельствует о распространении сравниваемых ножей, серпов и наконечников стрел в Фергане и в долине Сурхана в одно и то же время, так как их типологическая близость не вызывает сомнений. В литературе уже отмечалось, что чустская культура в целом должна синхронизироваться с комплексом Кучук II, хотя затем была сделана специальная оговорка относительно более древней даты Чуста (на это якобы указывают значительная мощность культурного слоя, некоторые формы керамики и листовидный черешковый наконечник из бронзы) [4, с. 53, 54]. Перечисленных аргументов в пользу более ранней даты чустской культуры все же недостаточно.

На наш взгляд, последнее объясняется тем, что А. Аскаров и Л. И. Альбаум не могли принять дату чустской культуры VIII—VII вв. до н. э. (объективно вытекающую из сопоставления различных археологических фактов) лишь потому, что она противоречит гипотезе этих исследователей о формировании лепной расписной керамики на юге Средней Азии в результате миграции чустских племен из Ферганы на рубеже II—I тыс. до н. э. [4, с. 72]. Эта гипотеза недостаточно обоснована, как и сомнительно утверждение о более раннем возрасте чустской культуры относительно комплексов Яз I, Елькен II, Тилля I, Кызыл I. Все это подтверждается и другими данными.

Каменные серпы и ножи обнаружены также на Буйрачи 2, Кызылтепе и Кызылча 6 в слоях VII—V вв. до н. э. [15, с. 234] (рис. 6). Эти находки, как и изделия из Кучуктепе, имеют важное значение для сопоставления с материалами Ферганы, так как орудия подобного типа на юге Средней Азии нигде более не выявлены. Слабоизогнутый однолезвийный бронзовый серп, характерный для чустской и бургулюкской культур, на Кызылча 6 найден в слоях VII в. до н. э. вместе со станковой керамикой типа Кызыл II (рис. 6, *13*), причем на этой усадьбе впервые обнаружены серпы из камня, бронзы и железа, свидетельствующие о сохранении архаичных типов орудия в пору развития металлургии железа (рис. 6, *10*, *11*, *13*, *14*). Двухперые втульчатые и двугранные черешковые наконечники стрел, близкие к чустским и бургулюкским изделиям, найдены на Кызылтепе и Кызылча 6 в слоях VII—V вв. до н. э. типа Кызыл II—III (рис. 6, *1*—*7*)[1].

Приведенный перечень свидетельствует о том, что основные бактрийские аналогии для комплексов Чуста и Бургулюка датируются в пределах VIII—VII и VII—V вв. до н. э. Они фактически приходятся на то время, когда чустская культура, согласно Ю. А. Заднепровскому, прекращает свое существование, и, видимо, надо говорить не о параллелях с археологическими материалами Бактрии вообще (в широком понимании термина), а лишь об аналогиях чустской культуры с комплексами долины Сурхана— Миршаде, Бандыхана и Кучуктепе.

Выводы, подтверждающие относительно позднюю дату сравниваемых находок из Ферганы и Чача, косвенно проявляются даже при сопоставлении строительных материалов. Так, на Туябугузском поселении I бургулюкской культуры обнаружена стена из сырцового кирпича 40—42×24×12 см [8, с. 20]. Этот формат кирпича характерен для слоев VII—VI вв. до н. э. Кызылтепе и Кызылча 6. Едва ли можно делать из этого какие-либо далеко идущие выводы, как, по-видимому, не следует считать одним из основных признаков культурной общности близость каменных орудий Ферганы и долины Сурхана (ступки, песты, отбойни-

[1] Втульчатые двухперые наконечники стрел обнаружены Э. В. Ртвеладзе и З. А. Хакимовым на Талашкантепе и Бандыхантепе II в слоях VII—VI вв. до н. э. Материал не опубликован, хранится в музейных фондах Института искусствознания им. Хамзы.

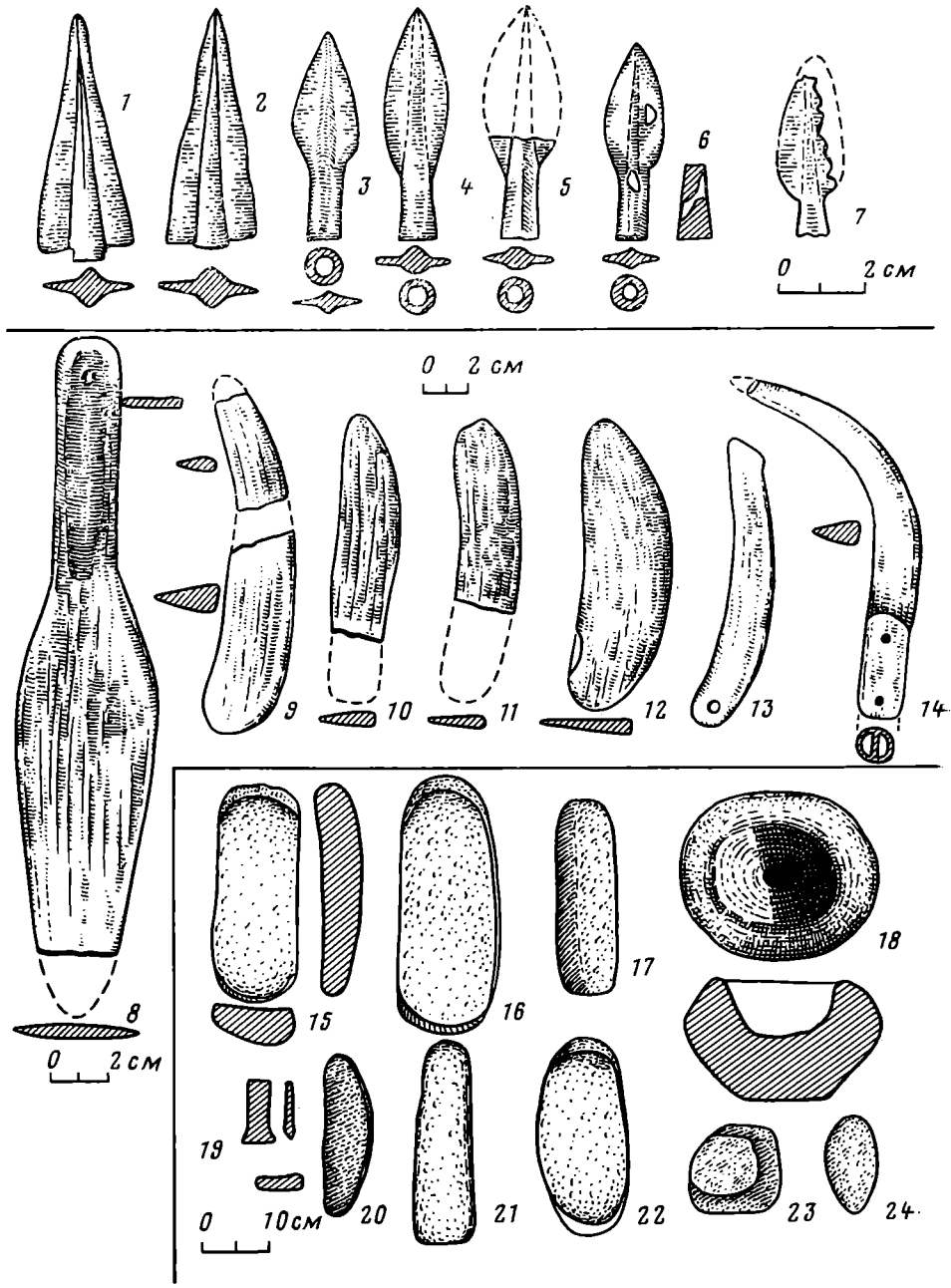


Рис. 6. Металлические и каменные изделия. *1—7* — бронзовые наконечники стрел (*1*, *3—5* — Кызылтепе; *2*, *6* — Кызылча 6; *7* — Кызылча 1); *8* — бронзовый кинжал из Вахшувара [22]; *9—14* — серпы (*9* — Кызылтепе; *10*, *11*, *13*, *14* — Кызылчатепе; *12* — Буйрачитепе); *15—24* — каменные орудия из Миршаде

ки, точильные бруски и др.) [2, с. 86], поскольку однотипные изделия из камня встречаются на разновременных поселениях весьма отдаленных друг от друга областей [2].

Как известно, хронология бактрийских или маргианских памятников раннежелезного века исходит из датировок местных комплексов бронзового века. Удревнение бактрийских поселений раннежелезного века (периодов Кызыл II—III, Кучук II—III) привело бы к значительному изменению датировок местных археологических материалов античного времени, которые четко определены и монетными находками. Видимо, хронология южных комплексов типа Язтепе, Кызылтепе и Кучуктепе является более устойчивой, чем датировки чустской и бургулюкской культур.

[2] На поселениях Миршадинского оазиса однотипные каменные орудия труда бытовали в эпоху бронзы и в раннем железном веке (рис. 6, *15—24*).

А. И. Тереножкин обратил внимание на находки формы для отливки бронзовых удил, происходящих из Дальверзина и Чустского поселений [16, с. 77, 78]. Эти изделия, по мнению исследователя, аналогичны скифским, поэтому дата VII в. до н. э. для чустской культуры, согласно А. И. Тереножкину, вполне обоснована, тогда как более раннее время следует подтвердить дополнительными материалами [16, с. 79]. Данная точка зрения не является бесспорной. Подобные чустским удила, так же как и железные однокольчатые удила, аналогичные изделиям из некрополя в Сиалке, относятся и к доскифскому времени [17, с. 103]. Однако и в этом случае речь идет о находках, которые датируются не ранее VIII—VII вв. до н. э., тогда как начало чустской культуры исследователи относят к XI или X в. до н. э.

О более поздней дате чустской культуры свидетельствуют обломок железного ножа и находка шлака железной руды на Дальверзине [3, с. 200]. Как известно, большая часть ранних железных изделий Средней Азии относится к VI—IV вв. до н. э. [18]; лишь немногочисленные предметы из железа датируются здесь VII—VI вв. до н. э. Названный выше нож из Дальверзина едва ли гораздо древнее ранних среднеазиатских железных изделий, поскольку железный век начался в Фергане не раньше, чем в других областях Средней Азии.

По проведенным нами сравнениям ряд металлических изделий и каменные серпы чустской культуры находят аналогии в предметах из комплексов Кызыл II—III, Кучук II, что позволяет сделать следующие выводы.

1. Бронзовые двухперые втульчатые наконечники стрел, обнаруженные на семи поселениях долины Сурхана (Кызылтепе, Кызылча, 6, Кызылча 1, Бандыхан 2, Кучуктепе, Талашкан I, Пшактепе), датируются в пределах VII—V вв. до н. э. К этому времени относятся и бронзовые двухперые черешковые наконечники стрел из Кызылтепе и Кызылча 6. Для ряда двухперых втульчатых наконечников стрел из Кучуктепе допускается дата — середина VIII— VII в. до н. э. [4, рис. 19]. В среднеазиатском регионе бронзовые двухперые втульчатые наконечники стрел, аналогичные нашим (рис. 6), получают распространение в VIII—VII вв. до н. э. [19]. В Северной Бактрии наконечники этого типа использовались вплоть до середины I тыс. до н. э. В это время здесь также появляются трехгранные черешковые и втульчатые бронзовые наконечники стрел [4, табл. 24, 25].

2. Бронзовые ножи и серпы из слоя Кучуктепе II относятся к финальной стадии развития среднеазиатских комплексов типа Яз I (VIII—VII вв. до н. э.), а бронзовый серп из Кызылча 6 найден в слоях с керамикой типа Кызыл II — Яз II (VII—VI вв. до н. э.). Таким образом, хронологически эти находки остаются за пределами чустской культурной общности, истоки которой Ю. А. Заднепровский относит к рубежу II—I тыс. до н. э.

3. Относительно позднюю дату имеют каменные серпы и ножи. По материалам Кучуктепе, Буйрачи 2 и Бандыхан I (каменная заготовка для серпа) они могут датироваться VIII—VII вв. до н. э., тогда как серповидные ножи из Кызылча 6 в Кызылтепе — более поздним временем.

На рубеже II—I тыс. до н. э. в Бактрии преимущественное распространение получает лепная неорнаментированная посуда типа Кызыл I, Тилля I. Для ряда районов характерно незначительное количество лепной расписной керамики (Миршаде, долины Сангардака, Туполанга и особенно — юг Таджикистана, районы к востоку от Балхаба, бассейн Пянджа). Станковая керамика Бактрии в первой трети I тыс. до н. э. продолжает старые местные гончарные традиции, тогда как в Фергане и Чаче станковая посуда, видимо, еще не изготовлялась. Следует поставить и вопрос о локальных особенностях лепной керамики рассматриваемого времени, происходящей из разных районов Средней Азии.

Все это свидетельствует о том, что один из основных периодов развития чустской культуры в Фергане приходится на заключительный этап бытования в Бактрии комплексов типа Кызыл I, Кучук I, Тилля I и на

время распространения ранних материалов типа Кызыл II, Кучук II, или VIII—VII вв. до н. э. В свете приведенных сопоставлений эта дата для чустской культуры вполне приемлема, хотя допустима и более широкая датировка — в пределах IX—VII вв. до н. э. Что же касается начальной даты чустской культуры — XI—X вв. до н. э., то этот вопрос сейчас окончательно не может быть решенным, учитывая «белые пятна» в проблеме генезиса древнеземледельческой культуры Ферганы.

Выделение раннего и позднего периодов развития бургулюкской культуры не может достаточно строго аргументировать ее широкую, в пределах 600 лет, хронологию (IX—IV вв. до н. э.), так как речь идет о едином культурном комплексе. К тому же почти все металлические предметы бургулюкской культуры, на основе изучения которых строится ранняя хронологическая шкала, не стратифицированы и найдены на поверхности поселений [8, с. 51]. Основанием для удревнения бургулюкской культуры послужило отсутствие в слоях ранних местных поселений железных изделий [9, с. 111]. При явной ориентации на датировку чустской культуры это далеко не определяющий признак. Для чустской культуры, напротив, единичные железные предметы уже характерны. Указанное позволяет относить начало формирования бургулюкской культуры лишь к VII—VI вв. до н. э.

Теория о так называемой чустской культурной общности становится еще более уязвимой, когда для разного рода сравнений приводятся разносторонние признаки, а не исключительно производственно-бытовой инвентарь.

По отношению к Фергане, а также к Чачу южные культуры Средней Азии (Парфия, Маргиана, Бактрия), продолжавшие в первой трети I тыс. до н. э. местные высокоразвитые традиции бронзового века, сохраняют отличительные признаки — применение гончарного круга независимо от огрубления керамических комплексов, типы и планировка поселений, строительный материал и конструкция жилищ. Весьма разными были и идеологические представления (насколько позволяют судить археологические данные). Так, если в Фергане захоронения осуществлялись в пределах поселений, то в Бактрии, на Тиллятепе [20], Кучуктепе, Бандыхантепе, Кызылтепе, Буйрачи и других поселениях, погребения первой трети I тыс. до н. э. не обнаружены. К тому же Ю. А. Заднепровский включает в чустскую культурную общность весьма разные по уровню развития области. В их числе архаичная по облику скотоводческо-земледельческая бургулюкская культура с примитивными жилищами, которая отставала в развитии не только от Бактрии, но и, возможно, от Ферганы. Во многом не изученная еще культура Согда первой трети I тыс. до н. э. все же больше тяготеет к южным областям.

Вышесказанное позволяет заключить, что Фергана и Чач скорее всего составляли северо-восточную окраину (или, как конкретно было определено ранее исследователями, периферию) древнеземледельческих культур Средней Азии первой половины I тыс. до н. э., тогда как близость производственно-бытового инвентаря разных областей свидетельствует о наличии тесных культурных взаимодействий между ними.

В ряде работ Ю. А. Заднепровского разрабатывается гипотеза о зарождении в Фергане первой трети I тыс. до н. э. протогородов, формировании раннеклассовых отношений и выделения цитаделей [1, с. 46; 21; 22]. На поселениях Бактрии X—VIII вв. до н. э. цитадели не выявлены, а самые большие по площади поселения не превышают 2 га. Появление цитаделей на таких крупных бактрийских центрах, как Кызылтепе и Алтындильяртепе [23, с. 12], относится к VII—VI вв. до н. э., когда в предахеменидское время здесь, видимо, происходит формирование ранних государств. Если на Дальверзине и Чусте действительно функционировали цитадели, то они, очевидно, не древнее бактрийских, что опять-таки свидетельствует о более поздней дате чустской культуры [3].

[3] Не исключено, что укрепленные части Дальверзина и Чуста, охарактеризованные как цитадели, могли иметь другое назначение; на наш взгляд, регулярно застроенная жилая часть — зимняя половина поселений (Ю. А. Заднепровский обратил

По сравнению с населением юга Средней Азии древнеземледельческие племена Ферганы развивались в несколько иных географических и социально-экономических условиях. Характерные черты чустской культуры будут продолжены и развиты здесь на новой основе в последующее время. И уже в V—IV вв. до н. э. население сырдарьинского бассейна (Фергана, северо-запад Таджикистана, Чач) демонстрирует совершенно другую линию культурного развития относительно Маргианы, Бактрии и Согда. Все это имело более ранние истоки.

В заключение отметим, что характеристика комплексов лепной керамики первой трети I тыс. до н. э. юга Средней Азии уже не раз приводила к весьма спорным и недостаточно полно обоснованным выводам. Тезис о так называемой «деградации» культур среднеазиатского юга рассматриваемого времени и ныне связывают с появлением здесь лепной посуды [4, с. 80, 85]; предполагают резкую смену хозяйства данного региона — увеличение роли скотоводства в оседло-земледельческих областях [24, с. 175, 176]. Более 20 лет назад В. М. Массон специально оговорил прогрессивные явления в культурном процессе, протекавшем в X—VIII вв. до н. э. на юге Средней Азии [6, с. 121], что исходило из комплекса археологических фактов. Если относительно поздняя дата чустской культуры будет признана достоверной, то отпадет и вопрос о Фергане как одном из возможных генетических центров лепной расписной керамики типа Яз I, истоки которой, видимо, следует искать там, где она получила не только распространение, но и имела более архаичные корни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заднепровский Ю. А.* Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1978.
2. *Заднепровский Ю. А.* Древняя Бактрия и Фергана в предахеменидский период в свете новейших открытий.— В кн.: Древнейшие культуры Бактрии. Душанбе: Дониш, 1982.
3. *Заднепровский Ю. А.* Чустская культура в Ферганской долине.— В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.— Л.: Наука, 1966.
4. *Аскаров А., Альбаум Л. И.* Поселение Кучуктепа. Ташкент: Фан, 1979.
5. *Casal J. M.* Fouilles de Mundigak.— MDAFA, 1961, t.XVIII.
6. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, 1959, № 73.
7. *Череножкин А. И.* Основы хронологии предскифского периода.— СА, 1965, № 1.
8. *Дуке Х.* Туябугузские поселения Бургулюкской культуры. Ташкент: Фан, 1982.
9. *Филанович М. И.* Шаштепе — древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента.— В кн.: У истоков культуры Ташкента. Ташкент: Фан, 1982.
10. *Сагдуллаев А. С.* Проблема инноваций в среднеазиатских комплексах эпохи раннего железа.— В кн.: Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л.: Наука, 1981.
11. *Беляева Т. В., Хакимов З. А.* Древнебактрийские памятники Миршаде.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Гафура Гуляма, 1973.
12. *Ртвеладзе Э. В.* Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана.— В кн.: Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
13. *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— САИ, 1966, вып. В4-9.
14. *Ртвеладзе Э. В.* Рец. на кн.: Аскаров А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент: Фан, 1979.— Общественные науки в Узбекистане, 1979, № 11.
15. *Сагдуллаев А. С.* Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча 6 (по итогам работ 1974—1976 гг.).— СА, 1980, № 2.

наше внимание на определения В. И. Спришевского относительно укреплений Чуста — «прототип цитадели», «загон для домашнего скота», «укрытие во время нападения врагов» [1, с. 18]).

Для сравнения на Бандыхантепе I выделяются две части. Первая была компактно застроена сырцовой архитектурой, тогда как вторая независимо от наличия здесь мощных культурных слоев, скоплений керамики и орудий труда, очагов и очажных пятен глинобитно-сырцовой архитектуры не имеет, т. е. являлась как бы летней частью поселения, связанной с сезоном земледельческих работ и «выгонного скотоводства». Здесь, очевидно, преобладали легкие, сезонные постройки типа навесов и шалашей. По визуальным признакам эти две части Бандыхана можно было бы назвать соответственно «цитадель» (наличие здесь обводных стен, крупного здания на платформе и сырцовой архитектуры) и собственно «поселение», однако при таком подходе к «цитаделям» следовало бы отнести и крепость Сапалли или Дашлы.

16. *Тереножкин А. И.* Дата мингечаурских удил.— СА, 1971, № 4.
17. *Смирнова Г. И.* О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин.— СА, 1977, № 4.
18. *Сагдуллаев А. С.* Заметки о раннежелезном веке Средней Азии.— СА, 1982, № 2.
19. *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана.— СА, 1972, № 3.
20. *Сариниди В. И.* Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане. М.: Наука, 1972.
21. *Заднепровский Ю. А.* Историческая топография Дальверзина.— УСА, 1972, вып. 1.
22. *Заднепровский Ю. А.* Укрепления чустских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии.— КСИА, 1976, вып. 147.
23. *Кругликова И. Т., Сариниди В. И.* Пять лет работы советско-афганской археологической экспедиции.— В кн.: Древняя Бактрия. М.: Наука, 1976.
24. *Кузьмина Е. Е.* О некоторых аспектах проблемы культурных связей Средней Азии и Ирана в эпоху бронзы и раннего железа.— В кн.: Искусство и археология Ирана. М.: Наука, 1971.

A. S. Sagdullayev

ON THE CORRELATION BETWEEN THE FERGHANA AND BAKTRIA EARLY LANDTILLING COMPLEXES

Summary

The author undertakes a revision of the chronology of the Ferghana early landtilling complexes. In his attempts he relies on the archaeological complexes of the Chust culture and new archaeological materials from south Uzbekistan. He also poses the question of a more concrete theory of the so-called Chust cultural entity, which should not, in his opinion, include Parthia, Margiana and Baktria. The necessity of changes in the hypothesis dealing with the emergence of citadels and prototowns in Ferghana is indicated.

СМИРНОВА Г. И.

ОСНОВЫ ХРОНОЛОГИИ ПРЕДСКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ЗАПАДА СССР

До последнего времени при атрибуции и датировании памятников чернолесской культуры в Днестровском Поречье исследователи пользовались разработками, выполненными в 50—60-х годах А. И. Тереножкиным по чернолесской культуре Среднего Поднепровья [1, с. 182—197; 2, с. 63—85]. В соответствии с указанными работами памятники позднего Чернолесья на Среднем Днестре, как и другие предскифские памятники лесостепной Украины, датировались сначала второй половиной VIII — первой половиной VII в. до н. э., а затем VIII — началом VII в. до н. э. Этих дат исследователи придерживаются и по сей день, несмотря на то, что еще в середине 70-х годов А. И. Тереножкин пересмотрел предложенную ранее хронологическую схему для памятников Северного Причерноморья [3, с. 186—215]. Новые, более низкие даты были восприняты довольно сдержанно, высказывались некоторые сомнения в правомерности удревнения предскифских памятников данного региона [4, с. 332]. Между тем внесенные А. И. Тереножкиным изменения в определение возраста предскифских культур степи и лесостепи могли бы помочь ликвидировать существующие расхождения между отечественными и зарубежными учеными по вопросам хронологии памятников круга Кишинев-Корлатэнь и Бабадаг II-Козия-Сахарна-Солончены, с одной стороны, и белозерскими, черногоровскими, новочеркасскими и чернолесскими — с другой. Но такого отклика предложения А. И. Тереножкина не получили.

В настоящее время в связи с широкомасштабными исследованиями позднечернолесских и раннежаботинских памятников на Среднем Днестре и новыми открытиями назрела необходимость сопоставить существующие хронологические схемы по предскифскому периоду, уточнить датировку групп предскифских памятников Среднего Поднестровья. Значительная часть работы в этом плане уже проделана Г. Коссаком. Им дан глубокий анализ полярных по хронологическим определениям исследований советских и зарубежных ученых [5, с. 109—141]. Г. Коссак часто опирается на соответствующие главы монографии Б. Хенселя по хронологии памятников раннего Гальштата в Нижнем Подунавье [6] — книги, которая, несмотря на важность поставленных в ней вопросов и широту охвата источников, пока не получила должного отклика со стороны советских археологов. Г. Коссак попытался также вникнуть в существующие противоречия между датировками, предлагаемыми некоторыми советскими учеными, и проанализировать основные опорные данные для определения возраста групп памятников киммерийского круга и времени. Специальный разбор важной и интересной работы Г. Коссака не входит в нашу задачу. Поэтому остановимся только на тех положениях и заключениях исследователя, которые необходимы нам для рассмотрения вопросов о возрасте предскифских культур Среднего Поднестровья.

Исходной предпосылкой к данной работе Г. Коссака, как и 30 лет назад, когда он писал о киммерийских древностях, является следующее: «Если параллели вещам киммерийского типа в Средней Европе не моложе возраста культуры полей погребальных урн, а их прототипы происходят из Северного Причерноморья, то невозможно относить применение этих вещей на их родине ко времени более позднему, чем на западной

периферии их распространения» [5, с. 112—114]. Наиболее раннее появление в Средней Европе вещей киммерийского, а точнее черногоровского, типа по комплексу находок Г. Коссак вслед за рядом других исследователей (В. Подборский, Ф. Хольст, С. Габровец и др.) относит к периоду поздних полей погребальных урн, что в абсолютных датах, по его мнению, соответствует IX в. до н. э. Не уточняя в пределах указанного столетия возраст ранних среднеевропейских комплексов с вещами черногоровского типа, но будучи последовательным в своей логической предпосылке, он настаивает на их появлении в степях Северного Причерноморья после рубежа II—I тыс. до н. э. [5, с. 111—136], т. е. фактически в X в. до н. э.

Принимая новые, более низкие даты А. И. Тереножкина (черногоровская ступень — IX — середина VIII в. до н. э., новочеркасская — середина VIII — середина VII в. до н. э. и позднее Чернолесье — IX—VIII вв. до н. э.) и соответственно не соглашаясь с А. М. Лесковым, Г. Коссак проявляет явную тенденцию в сторону еще большего, чем у А. И. Тереножкина, удревнения тех или иных групп памятников предскифского периода. Например, говоря о жаботинском этапе, он, в отличие от В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина, относивших этот этап к VII в. до н. э., при некотором заходе в VIII в. до н. э., предлагает углубить его далеко в VIII в. до н. э., а начало позднего Чернолесья по наличию аналогий в орнаментации керамики в группах Бабадаг II, Козия и Сахарна-Солончены, датированных Б. Хенселем (а до него С. Моринцем и Н. К. Сандарс) X—IX вв. до н. э., отнести в X в. до н. э. [5, с. 115—124].

С нашей точки зрения, X в. до н. э. как нижняя граница черногоровской ступени, а соответственно позднего Чернолесья,— дата далеко не бесспорная, требующая дополнительных доказательств. Однако относительно IX в. до н. э. возражать уже не приходится. Эта новая дата, предложенная и обоснованная А. И. Тереножкиным для нижнего рубежа черногоровских и позднечернолесских памятников, более близка к истине. Одно из подтверждений тому — состав клада Прюдь, который Т. Кеменцеи считает наиболее древним из числа фрако-киммерийских комплексов в Венгрии и датирует его концом IX в. до н. э. Основанием для определения возраста клада является его состав, в который наряду с вещами киммерийского типа (в том числе конноголовый скипетр) входят бронзовые изделия типа Хайдубесермени, относящиеся к периоду HaB_2 [7, с. 40, 41]. Зарытие клада Т. Кеменцеи связывает с появлением в Венгерской равнине первой волны пришельцев с востока, т. е. киммерийцев, с приходом которых местное население — носители культуры Гава — покидают свои поселения, пряча при этом свои сокровища в землю(горизонт клада типа Хайдубесермени). Т. Кеменцеи далее уточняет, что первые киммерийские находки могли проникать в Среднюю Европу, возможно, со второй половины IX в. до н. э. в результате торговых связей [7, с. 40, 41; 8, с. 79—88].

Дата IX в. до н. э. для Черногоровки — позднего Чернолесья подтверждается весьма интересной параллелью, приводимой Г. Коссаком. Он называет прямую, хорошо датированную аналогию наконечнику ножен меча из клада на Субботовском городище (рис. 1, *15*), который А. И. Тереножкин связывал с позднечернолесским горизонтом [3, с. 82, 88, рис. 49, *2*, рис. 50, *4*]. Аналогичной формы наконечник (рис. 1, *16*). происходит из погр. 169 в могильнике подольской культуры Брно-Обжаны в Моравии [9, с. 68, табл. 59, *7*] и относится, по мнению Г. Коссака, ко времени не позднее IX в. до н. э. [5, с. 123].

При определении возраста памятников позднего Чернолесья не малую роль играет еще одна линия западных, точнее юго-западных, связей, на которых необходимо остановиться более подробно. С момента открытия памятников типа Сахарна-Солончены в Молдавии, а затем близкородственных им памятников типа Бабадаг-Козия и Инсула Банулуй в Румынии исследователями отмечается сходство в орнаментации столовой посуды и ее формах между названными группами, с одной стороны, и чернолесско-жаботинскими — с другой. Но хотя близость между ними всем

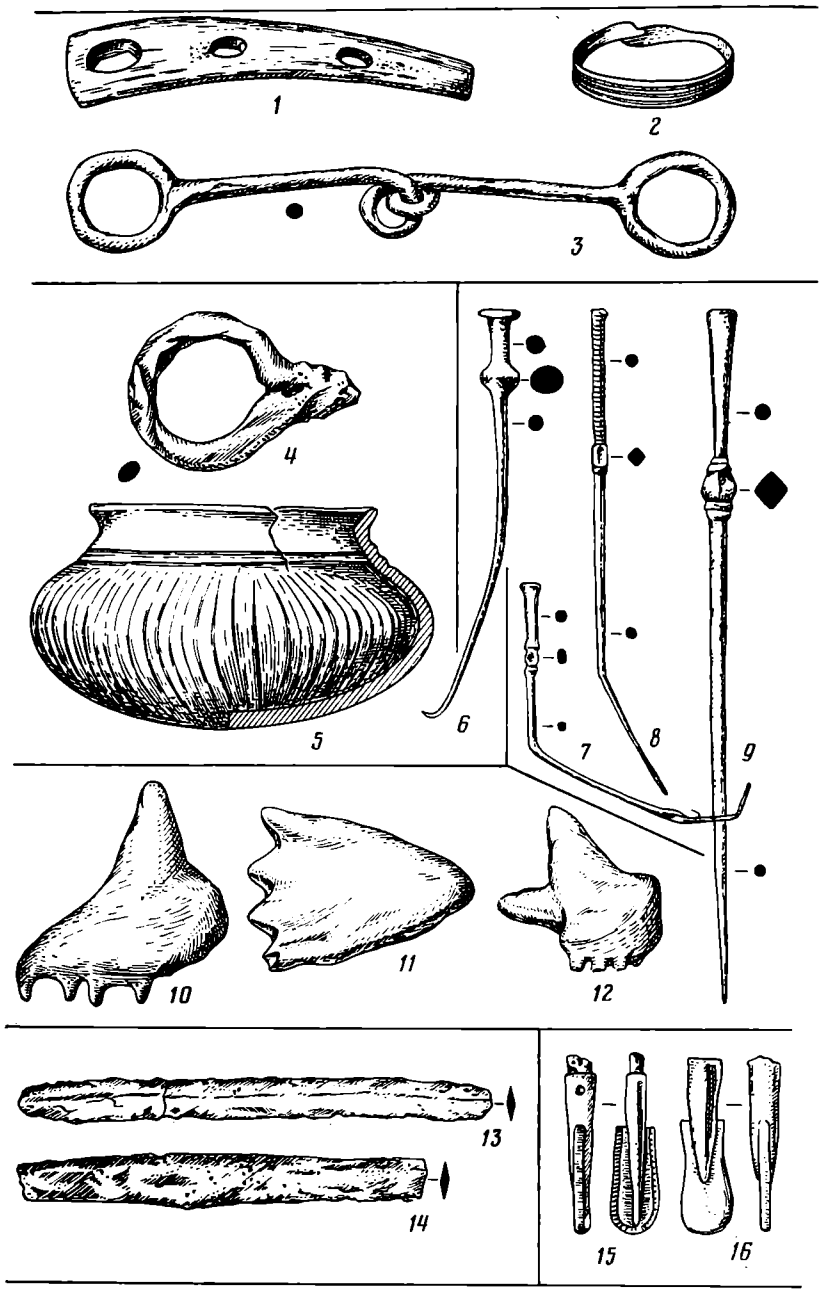


Рис. 1. Датирующие вещи для памятников типа Сахарна-Солончены, позднее Чернолесье и Кишинев-Корлатэнь. *1—3* — Сахарнянский могильник; *4, 5* — кург. у с. Мервинцы; *6* — поселение у с. Комаров; *7—9* — кург. у с. Днестровка; *10* — Козия; *11* — поселение у с. Днестровка; *12* — Григоровское городище; *13, 14* — Кишиневское поселение; *15* — Субботовский клад; *16* — могильник Брно-Обжаны (масштаб разный)

ясна и очевидна, в хронологическое соответствие данные памятники не приведены.

В связи с этим следует напомнить, что абсолютная хронология группы Сахарна-Солончены строилась в первую очередь на восточных привязках. По ряду идентичных типов инвентаря группу Сахарна-Солончены обоснованно синхронизировали с черногоровскими памятниками и второй ступенью Чернолесья. Прежние, высокие датировки киммерийских и чернолесских памятников приводили соответственно к сравнительно высокому датированию группы Сахарна-Солончены концом IX — началом VII в. до н. э. [10, с. 67—70; 11, с. 30]. Эти даты остались неизменными и в последней работе А. И. Мелюковой, сославшейся на отсутствие убедительных данных для новых, более низких дат А. И. Тереножкина для киммерийского и позднечернолесского периодов [12, с. 12].

При датировании памятников типа Бабадаг, Козия и Инсула Банулуй (группа Остров, по Хенселю) зарубежные коллеги шли другим путем. Их определения абсолютных дат строились в первую очередь через Трою VIIв$_2$, синхронизируемую с Бабадагом I. Следуя за Н. К. Сандарс, повысившей даты К. У. Блегена для конца Трои VI и падения ТроиVIIа, Бабадаг I отнесли к концу XII—XI в. до н. э., а следующий за ним Бабадаг II-Козию — к X—IX вв. до н. э. Существование памятников Бабадаг II-Козия, по их же мнению, прерывается в начале VIII в. до н. э. появлением культуры Басараби, с которой соотносится горизонт Бабадага III (подробнее см. [6, с. 132, 229—239]).

Для подкрепления даты X—IX вв. до н. э. используются также более или менее надежно датированные находки на этих поселениях. Правда, таких вещей очень мало. Среди них — две узелковые фибулы эгейского типа, найденные в Браду в слое пре-Басараби с керамикой типа Козия и на самом поселении Козия (рис. 2, *1*, *7*). По форме узелков на дужке эти фибулы не идентичны, хотя Б. Хенсель допускает родственность данных застежек [6, с. 139, табл. 52, *8*]. Фибулу из Браду по аналогии с фибулой из Врокастро А. Вульпе отнес к X—IX вв. до н. э. [13, с. 119, рис. 8]. После некоторых колебаний и оговорок по поводу широкой даты могилы с сожжением в Врокастро (после XI и по VIII в. до н. э. включительно), откуда происходит застежка, близкая фибуле из Браду, Б. Хенсель останавливается на ее дате — X—IX вв. до н. э. как на наиболее приемлемой [6, с. 139, 140]. О том же возрасте, а точнее только о X в. до н. э., говорит находка в слое Бабадаг II крышки пиксиды с высокой шишечкой-держателем (рис. 2, *6*), которая сравнивается Б. Хенселем с аналогичным по форме предметом из могилы 37 афинского Керамейкоса с поздней протогеометрической керамикой [6, с. 133, 134, табл. 46, *6*].

Для определения абсолютного возраста группы Остров Б. Хенсель использует три находки на поселении Инсула Банулуй. Две из них (рис. 2, *8*, *10*) — круглый в разрезе массивный браслет с заходящими и немного сужающимися концами, богато орнаментированный, и негатив булавки с луковичной головкой и двумя рифлеными поясками под нею на обломке литейной формы — датируются им широко, между XII и IX вв. до н. э. [6, с. 161, 162, табл. 67, *8*, *10*]. Третий предмет — железный топор с крыльями (рис. 2, *9*), для определения даты которого, по мнению Б. Хенселя, имеются наиболее надежные данные. Эту категорию вещей в зоне Подунавья он рассматривает подробно, классифицируя типологически и сопоставляя с топорами из погребений позднепротогеометрического периода на афинской Агоре и в Керамейкосе, которые «без сомнения могут быть датированы перед или около 900 г.» [6, с. 156—162, табл. 67, *9*]. Типологический анализ позволил исследователю выделить две группы топоров, из которых ранние характеризуются значительной широтой, стройностью, короткими крыльями, без выступа на затылке. Топоры типа Инсула Банулуй, Криводол, афинские и др. он относит к периоду X—VIII вв. до н. э., при этом сходство рассматриваемого топора с криводолским не дает Б. Хенселю возможности относить его к ранней половине этого отрезка времени [6, с. 160, 161]. В итоге Б. Хенсель относит группу Остров к X—IX вв. до н. э., аналогично фазе Бабадаг II и группе Козии [6, с. 164].

Г. Коссак, рассмотрев фактически все опорные данные Б. Хенселя для датировки Бабадага II-Козии и отметив их малочисленность и некоторую хронологическую широту, принимает его даты для указанных групп памятников [6, с. 115]. Далее, без каких-либо оговорок, он переносит эти даты на группу Сахарна-Солончены (поскольку она по керамике близка Козии), а затем и на позднее Чернолесье, сославшись на стилистическое сходство в орнаментации керамики [5, с. 115—117]. Датировка Г. Коссаком позднего Черного Леса X—IX вв. до н. э. несколько приблизилась к новым датам по А. И. Тереножкину (IX—VIII вв. до н. э.).

Для детального сопоставления мотивов резного и нанесенного штампом узора на посуде из Бабадага II-Козия, с одной стороны, и позднего Чернолесья, с другой, с точки зрения Г. Коссака, не достает полных и

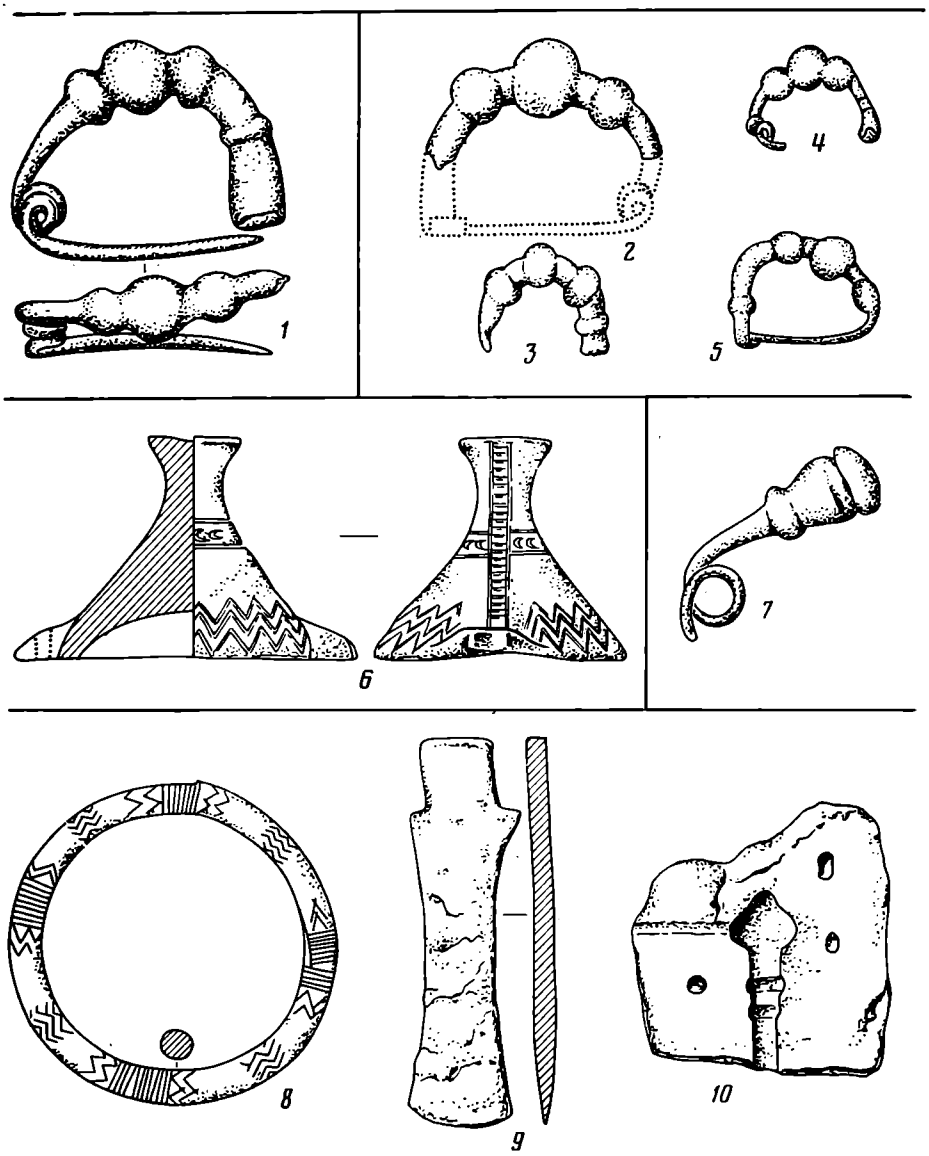


Рис. 2. Датирующие вещи для групп памятников Бабадаг II-Козия и Инсула Банулуй. *1* — Браду; *2* — Вроастро; *3* — Линдос; *4* — Фортеста; *5* — Ексохи; *6* — Бабадаг II; *7* — Козия; *8—10* — Инсула Банулуй (масштаб разный)

комплексных публикаций позднечернолесских и раннежаботинских памятников Среднего Поднепровья [5, с. 116]. С этим справедливым замечанием нельзя не согласиться. К сожалению, даже в последней работе В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина комплексные, сравнительно краткие характеристики керамики Жаботинского поселения остались не подкрепленными иллюстративным материалом [14, с. 257—259].

В рассматриваемой работе Г. Коссака из поля зрения почти полностью выпали позднечернолесские памятники Среднего Поднестровья. В какой-то мере это объяснимо, поскольку бóльшая часть позднечернолесских и раннежаботинских памятников на Среднем Днестре исследована сравнительно недавно, а ранее раскопанные (например, Григоровское городище) опубликованы с запозданием [15, с. 121—143].

Между тем среди введенных в научный оборот материалов из Среднего Поднестровья имеются вещи, которые уже привлекались при синхронизации позднего Чернолесья с группой Сахарна-Солончены и для уточнения верхнего хронологического предела последней. Напомним, что на основании находок железных удил с замкнутыми кольцами на концах в кург. 1 у с. Мервинцы и кург. 6 у с. Сахарна (рис. 1, *3*, *4*) верхняя граница группы Сахарна-Солончены была передвинута нами с VI в.

до н. э. на начало VII в. до н. э. [16, с. 101—106], с чем согласилась А. И. Мелюкова [11, с. 30]. Но по всем приведенным тогда параллелям однокольчатые удила из железа можно было датировать только VIII в. до н. э. При окончательном же определении финального рубежа Сахарнянской группы началом VII в. до н. э. мы исходили из предпосылки о совпадении его с концом чернолесской культуры, который в то время определялся началом VII в. до н. э. [16, с. 102]. В свете новых, более низких дат для развитого этапа чернолесской культуры (его верхний рубеж приблизительно падает на середину — вторую половину VIII в. до н. э., так как во второй половине VIII в. до н. э. начинается жаботинский этап [14, с. 11]) финал сахарнянских памятников можно условно передвинуть на середину — вторую половину VIII в. до н. э.

Что касается возраста железных однокольчатых удил, то в последнее время появились дополнительные подтверждения в пользу их бытования в рамках VIII, а может быть, IX в. до н. э. Так, И. Н. Медведская, углубленно занимающаяся всесторонним изучением материалов могильника Сиалк В, где найдены близкие нашим удила, уточнила время появления удил этого типа в Сиалке серединой VIII в. до н. э. [17, с. 64—77]. Полемизируя со сторонниками низких дат Сиалка В, она подкрепляет свои выводы о возрасте могильника, сделанные ею по находкам узды и расписной керамики. Интересно и убедительно исследовательница сопоставляет керамику по декору с аттической керамикой позднегеометрического периода (середина — вторая половина VIII в. до н. э. [18, с. 28—30]).

Наряду с этим уточнен возраст могильника Мезочат в Венгрии, на который мы также ссылались при рассмотрении вопроса о хронологии удил данного типа [15, с. 104]. Е. Патек, в отличие от своей предварительной датировки (рубеж HaB—C) [19, с. 353], сузила время этого интереснейшего памятника фрако-киммерийского круга, включая могилу 52 с удилами, до VIII в. до н. э. Основанием для уточнения послужила сравнительная характеристика входящей в мезочатский комплекс керамики и главным образом североитальянские и юго-восточноальпийские параллели (Эсте II, Мариа Раст и др.) отдельным видам корчаг [20, с. 160—163].

И наконец, ранняя дата железных однокольчатых удил — VIII в. до н. э. (а может быть, даже конец IX в. до н. э.) подтверждается новыми находками идентичных экземпляров конской узды на территории Ирана. Речь идет о довольно многочисленной группе удил этого типа из Хасанлу IVB, датированном его исследователями по методу ^{14}C концом IX в. до н. э. [21, с. 59—76, рис. 12, 14, 17]. Но, как можно судить по докладу И. Н. Медведской, дата гибели Хасанлу IVB далеко не бесспорна[1]. Исследовательница привела серьезные исторические и археологические доказательства гибели Хасанлу IVB в конце VIII в. до н. э. Поскольку эти спорные хронологические вопросы выходят за пределы нашей компетенции, поясним только, что если низкие даты для Сиалка В и Хасанлу IVB останутся в силе, это не повлияет на наши выводы о верхней границе сахарнянских и чернолесских памятников. Ниже будут приведены другие факты в пользу существования данных культур в VIII в. до н. э.

Продолжая разговор об удилах, нельзя обойти вниманием и такой вывод И. Н. Медведской, как неместный характер однокольчатых удил в Силке В и на Древнем Востоке в целом [17, с. 71—73]. Из этого следует, что как Мезочат в Венгрии, так и иранские комплексы фиксируют не начальный период их применения в указанных регионах. Где-то, может быть в области Нижнего Подунавья и Пруто-Днестровского бассейна, они имели хождение более раннее, чем в Иране, т. е. до середины VIII в. до н. э. Все эти предположения требуют дополнительных доказательств. Пока же из названного региона мы располагаем только 2 экз. удил, которые на основании данных И. Н. Медведской приблизительно датируем не концом VIII в. до н. э., а его серединой или скорее началом.

[1] Доклад И. Н. Медведской «Хасанлу IV и некоторые вопросы истории Урарту IX—VIII вв. до н. э.» прочитан на RAI (Rencontre assiriologique internationale) XXXI в июле 1984 г. в Ленинграде.

К числу поддающихся датировке вещей из Сахарны относятся бронзовые рифленые браслеты (рис. 1, *2*), которые в первых (ранних) своих работах А. И. Мелюкова датировала VII—VI вв. до н. э. [22, с. 87, рис. 29, *6*, *7*; 23, с. 20—23, рис. 5, *1*, *4*]. Затем исследовательница стала говорить о появлении их на территории Венгрии еще в конце XIII в. до н. э., а самые поздние из находок относить к IX—VIII вв. до н. э. [10, с. 71]. Последние высокие даты, приведенные А. И. Мелюковой со ссылкой на желобчатые браслеты из могильника Чорва в Венгрии, ошибочны, так как этот некрополь еще с момента первой публикации относится к периоду раннего гальштата, что в абсолютных датах приходится, по О. Трогмайеру, на время 1100—950 гг. до н. э. [24, с. 100—113, табл. XXIX, *15*, *16*; XXXIII, *4*]. Ныне же широко принято датировать памятники группы Чорва (ранние поля погребальных урн) концом BrD—HaA$_1$ [25, с. 311, рис. 1].

На хронологии браслетов с продольным рифлением специально останавливался Б. Хенсель в связи с рассмотрением опорных данных для определения возраста сахарнянских памятников. При этом он ссылается только на ранние, устаревшие по своим хронологическим доказательствам работы А. И. Мелюковой, что к сожалению, касается в равной мере и других его ссылок на работы советских ученых [6, с. 148—151]. Правда, независимо от этого Б. Хенсель приводит новые аргументы в пользу своего, более низкого, чем у А. Н. Мелюковой, датирования желобчатых браслетов, определяя конечную фазу их бытования в основном как XI—X вв. до н. э. В своих доказательствах он ссылается на ряд конкретных памятников с находками браслетов из Карпатского бассейна (например, клад Сусени), уточняя их возраст по работам о кладах М. Русу и В. А. Брунна [6, с. 150].

В данном случае нас интересует только финал бытования браслетов с продольными желобками, поскольку от этого зависит уточнение возраста сахарнянской группы. Обращаясь к разделам монографии В. А. Брунна, где затрагивается вопрос об этих украшениях, мы видим, что они в основном характерны для кладов периодов II и III (по В. А. Брунну) и что их финальное время как будто бы не выходит за пределы периода IV, что соответствует HaB$_1$, или в абсолютных датах X в. до н. э. [26, с. 182, 326, 344, 352].

К этому же времени, т. е. к HaB$_1$, он относит клад из Недилиско Львовской обл. [25, с. 56, 182, 295], где имеются три фрагмента желобчатого браслета [27, с. 263, табл. II, *1*; 28, с. 193, табл. XLIX, *3*]. Основанием для такого рода определения служит состав вещей из клада Недилиско, по типам соответствующих в основной массе горизонту кладов Роход-Сентеш, т. е. периоду IV. Трудно сказать, является ли такое определение возраста этого клада окончательным для В. А. Брунна, так как он тут же допускает мысль о его более позднем, чем HaB$_1$, времени, сославшись на присутствие предметов из железа и некоторых категорий вещей более поздних типов [26, с. 56].

Действительно, в состав клада Недилиско входит множество разнородных предметов, в том числе предметов лома, охватывающих большой хронологический диапазон. И даже если его зарытие относить к более позднему времени, чем HaB$_1$, как полагают польские ученые (IX—VIII вв. до н. э.— по Т. Сулимирскому [27, с. 278]; HaC — по К. Журовскому [28, с. 203, 204]; последняя ступень HaB — по Я. Домбровскому, который не соглашается с поздней датой К. Журовского [29, с. 64, 65, 315]), то это еще не означает, что верхний рубеж рифленых браслетов должен совпадать с последней фазой накопления клада Недилиско. Доказательства тому — многочисленные примеры более раннего бытования данных украшений. Поэтому скорее всего прав Б. Хенсель, определяя вслед за В. А. Брунном конечный период их существования XI—X вв. до н. э.

Итак, железные однокольчатые удила дают верхнюю дату для группы Сахарна-Солончены, а пластинчатые браслеты с рифлением нижнюю. В рамках X в. до н. э. (вероятно, его конца) — VIII в. до н. э. (скорее

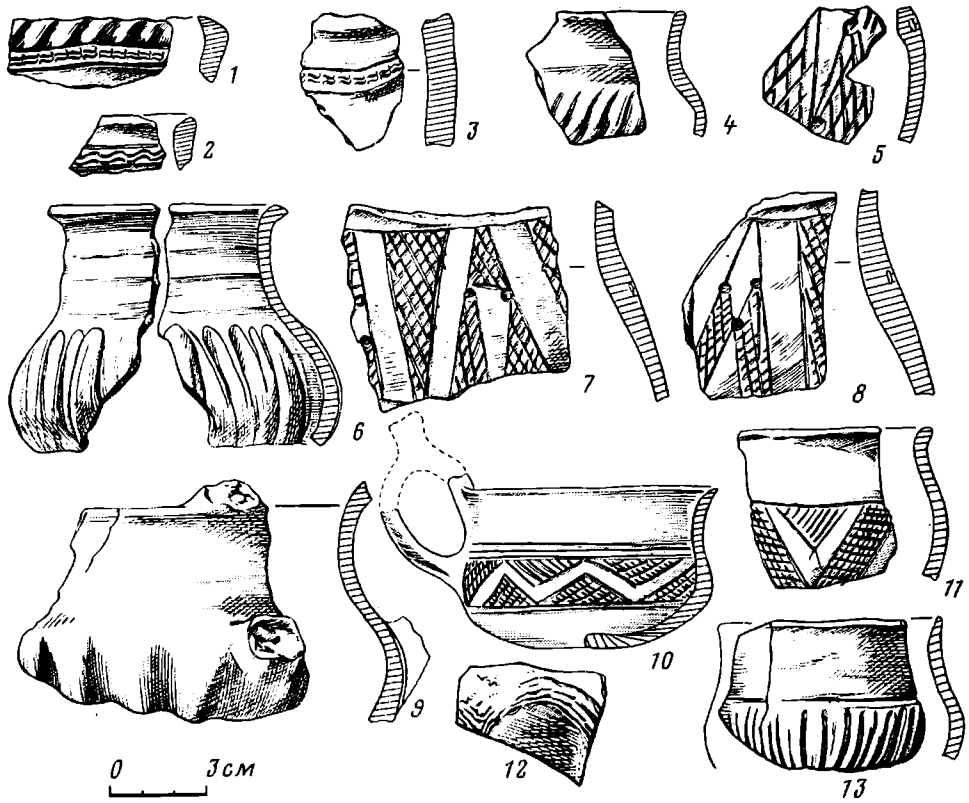


Рис. 3. Керамика типа Басараби-Шолданешты. *1—3*, *5*, *6*, *9*, *10*, *12* — Григоровское городище; *4*, *7*, *8*, *11*, *13* — поселение у с. Днестровка

только его первой половины) необходимо уточнить в дальнейшем датировку этих памятников.

На данном этапе нельзя полностью исключить VIII в. до н. э. как время сосуществования сахарнянских и чернолесских памятников. Об этом свидетельствуют не только однокольчатые удила, о которых речь шла выше. Говоря о финале данных памятников, следует считаться с присутствием на ряде позднечернолесских поселений Среднего Поднестровья керамики культуры Басараби, датируемой, как известно, не ранее VIII в. до н. э. Правда, находки такой керамики пока единичны, а некоторые из них по предполагаемой культурной атрибуции, может быть, и спорны. Учет их в составе чернолесско-жаботинских комплексов произведен А. М. Мелюковой [11, с. 81, рис. 28, *3—6*, *10*]. Для позднечернолесских памятников Среднего Поднестровья (например, Григоровское и Рудковецкое городища) это несколько фрагментов сосудов, орнаментированных двойными рядами отпечатков S-видного штампа (рис. 3, *1—3*). Добавим сюда григоровские глубокие черпаки с каннелированным орнаментом (рис. 3, *6*, *9*), похожие на шолданештские [22, рис. 21, *1—4*], затем фрагменты сосудов с типичным для культуры Басараби декором, найденные на поселении у с. Ленковцы [22, рис. 2, *17*] и на Григоровском городище (рис. 3, *12*), а также приземистый кубок с вертикальными каннелюрами (рис. 1, *5*), составляющий один комплекс с однокольчатыми удилами в кург. 1 у с. Мервинцы [16, с. 95, рис. *2*, *4*], и несколько таких же кубков из днестровских поселений (рис. 3, *4*, *11*). Аналогии таким низким кубкам с каннелюрами дает могильник Стойкань, соответствующий первой ступени культуры Басараби [30, рис. X, *45*, *55а*, *в*; 6, табл. IX, *15*, *17*]. И наконец, в пользу сосуществования басараби-шолданештских памятников с позднечернолесскими свидетельствует наличие на посуде позднего Чернолесья типичного для культуры Басараби орнамента в виде густой клетчатой штриховки [13, с. 107—117, рис. 4, *2*, *3*, *6*, *7*, *9*; 5, с. 116—120, рис. 3]. Этот прием, как, впрочем, и некоторые другие

мотивы и приемы басарабской орнаментации, получает широкое развитие в лесостепи только на жаботинском этапе [11, с. 81—83; 31, с. 133—142, рис. 15, рис. 16, *1—4*, *7*]. На Среднем Днестре присутствие единичных образцов керамики с таким декором зафиксировано в позднечернолесских комплексах, например на Григоровском городище [15, рис. 3, *1*; 32, рис. 2, *1*], на поселениях Днестровка-Лука [33, рис. 11, *5*, *6*; 34, рис. 8, *1*], Лука Врублевецкая [35, с. 33, табл. II, *13*] и ряде других (рис. 3, *5*, *7*, *8*, *10*, *13*).

В пользу предлагаемых более низких дат для позднего Чернолесья говорит еще одна категория изделий, имеющих полные аналогии на поселении Козия [36, рис. 4, *4*, *а*, *в*]. Это глиняные фигурные предметы в виде четырех-, семипалой лапы (рис. 1, *10—12*), известные с Григоровского городища [15, с. 130, рис. 6, *11*, *12*] и с поселения Днестровка-Лука [34, с. 54, рис. 4, *4*]. Типологическое сходство данных явно вотивных изделий свидетельствует, как справедливо полагает А. И. Мелюкова, об их хронологическом соответствии [11, с. 31]. Утверждая это, А. И. Мелюкова повышала возраст поселения Козия до существовавших тогда высоких дат позднего Чернолесья. Нам представляется, что в свете всего сказанного относительно удревнения позднего Чернолесья, есть все основания сближать его даты с возрастом группы Козия, датированной по параллелям с Бабадагом II X—IX вв. до н. э. [36, с. 221].

Но если для группы Сахарна-Солончены имеются некоторые данные (например, браслеты с горизонтальным рифлением) для датирования нижнего рубежа X в. до н. э., то для позднего Чернолесья определенных оснований для этого нет. Все наиболее ранние примеры, приведенные нами, относятся к IX в. до н. э., а не к X в. до н. э. Новые находки на позднечернолесских памятниках Среднего Поднестровья либо относятся ко времени после X в. до н. э., либо дают широкие, расплывчатые даты. Из их числа заслуживают внимания бронзовые булавки. Одна из них найдена в зольнике при раскопках в 1979 г. позднечернолесского поселения у с. Комаров Черновицкой обл.[2] (рис. 1, *6*). Полным аналогом ей является булавка из земляночного жилища 1 на поселении Магала, соответствующего второму этапу развития культуры Гава-Голиграды [37, с. 102—104, рис. 38, *12*). В свое время булавки из Магалы, со ссылкой на Г. Мюллера-Карпе [38, с. 163, 169, рис. 52, *12*; рис. 61, *18*, *19*], мы атрибутировали как вазочковидную и датировали HaB_2—B_3, т. е. IX—VIII вв. до н. э. [39, с. 31, рис. 7, III, *12*). В поисках новых аналогий мы пришли к выводу, что наши булавки отличаются от классических вазочковидных булавок. Их главные отличительные признаки по отношению к гвоздевидной плоской шляпке — низкая посадка на стержне округлого утолщения и заметная биконичность или приплюснутость утолщения. С учетом отмеченных признаков считаем необходимым отказаться от прежнего ошибочного определения этих булавок как вазочковидных и классифицировать их, по И. Ржиховскому, как Knotennadeln типа Велемсентвид, связывая с одним из вариантов узелковых булавок, характеризующихся небольшой круглой шляпкой и выпуклостями (одной или несколькими) на шейке [40, с. 20, табл. 7, *92—101*]. По мнению В. Подборского, относящего такие заколки к группе булавок с плоской гвоздевидной головкой (с выступом на шейке и без него), и по данным И. Ржиховского, булавки этого типа являются еще в средний период культуры полей погребальных урн и продолжают бытовать в начале младшего периода урновых полей [9, с. 131, 132, табл. 11, *1*, *4*, *13*; 40, с. 21], т. е. в HaB_1 и в раннем HaB_2. Исходя из этого, булавки из Магалы и Комарова, отличающиеся от западных (моравских и западновенгерских) образцов отсутствием орнамента, уверенно можно относить если не к HaB_1, то к HaB_2, т. е. к IX в. до н. э.

Булавки с посоховидной головкой и кубическим расширением на стержне из парного погр. 3 в кург. у с. Днестровка-Лука и из насыпи

---

[2] Материал не опубликован. Приносим глубокую благодарность Г. Т. Ковпаненко за разрешение воспроизвести булавку.

этого же кургана (рис. 1, *7—9*) оказались уникальными [33, с. 37, 38, рис. 4]. Вначале прямых аналогий найти им не удалось, хотя по форме головки (у двух — гладкой, а у одной — накольчатой) они напоминают посоховидные (иначе палицевидные) заколки периодов BrD и HaA, широко распространенные в приальпийской зоне и в Средней Европе [33, с. 37]. В свете последних работ И. Ржиховского о фибулах по форме головки, а главное — по наличию кубического расширения на стержне их можно связывать с одним из вариантов узелковых булавок с посоховидной головкой [40, с. 21, табл. 7, *104*]. Надежно датированных параллелей булавкам из Днестровки пока нет, поэтому, как и другие варианты узелковых булавок, условно ставим их в те же хронологические рамки HaB_1—B_2, т. е. не позже конца IX в. до н. э.

Сближая возрастные пределы групп Бабадаг II, Козия, Остров, с одной стороны, и Сахарна-Солончены, позднечернолесской, с другой, нельзя настаивать на полном совпадении их хронологических рамок. На несовпадении финальных рубежей этих групп мы останавливались выше. Относительно начальных дат каждой из них говорить с полной определенностью пока трудно из-за недостатка фактов и ограниченности наших возможностей. Все же, учитывая неместное происхождение памятников типа Сахарна-Солончены, можно допускать некоторый разрыв во времени между ними и группами Бабадаг II и Козия. Этот разрыв мог измеряться несколькими десятками лет, которые археологически трудно уловить.

Местная в своей основе, но испытавшая сильное воздействие со стороны группы Сахарна-Солончены культура позднего Чернолесья могла сформироваться только после становления сахарнянских памятников в Молдавии. За счет этого также можно допускать небольшой разрыв между нижними границами этих групп памятников (рис. 4).

Нижний рубеж сахарнянских и позднечернолесских памятников, а соответственно и черногоровских, в значительной степени зависит от определения верхних границ белозерской культуры в степях Северного Причерноморья и синхронных ей памятников типа Кишинев-Корлатэнь в Молдавии и в сопредельных с ней областях Румынии.

Хронология белозерских памятников строится в первую очередь на смычковых и арочных фибулах, найденных в ряде могильников этой культуры. Среди советских ученых в последние годы наметилась тенденция ее удревнения. Отказавшись от своих прежних довольно высоких дат, А. И. Тереножкин вслед за В. В. Отрощенко, убедительно пересмотревшим на примере арочной фибулы из Степного возраст фибул, которые встречены в белозерских комплексах [41, с. 202—204], отнес белозерскую культуру к середине XII—X в. до н. э. [3, с. 196, 197, 208].

Ныне эти даты (иногда с небольшими отклонениями) принимаются большинством исследователей белозерской культуры [41, с. 202—204; 42, с. 17; 43, с. 17, 18; 44, с. 14—17; 45, с. 30, 31]. И, пожалуй, только А. М. Лесков и И. Н. Шарафутдинова продолжают настаивать на высоких датах Белозерки, относя ее к X или к середине X — середине VIII в. до н. э. [46, с. 47—50; 47, с. 90—101, табл. 15; 48, с. 153—155].

Разбор предложенной А. М. Лесковым аргументации был проделан А. И. Тереножкиным [3, с. 196, 197]. К его критическим замечаниям присоединился и Г. Коссак, принявший даты А. И. Тереножкина, а не А. М. Лескова [5, с. 124—126]. Действительно, большинство приводимых параллелей свидетельствует о раннем возрасте белозерских фибул не поднимающемся за пределы X в. до н. э. [3, с. 197; 41, с. 202, 203; 48, с. 131, 153]. Редкие же находки их в более позднее время (VII—VI вв. до н. э.),— исключение и с нашей точки зрения, не могут являться решающими при определении возраста белозерских памятников [48, с. 153].

Число приводимых аналогий фибулам следует увеличить за счет ссылок на ряд важных и сравнительно новых работ, ранее не учтенных исследователями. В первую очередь остановимся на монографии К. Вински-Гаспарини, посвященной культуре полей погребальных урн Северной Хорватии [49]. Памятники конца II тыс. до н. э. в северных, придунайских областях Югославии, по нашему мнению, должны заслужи-

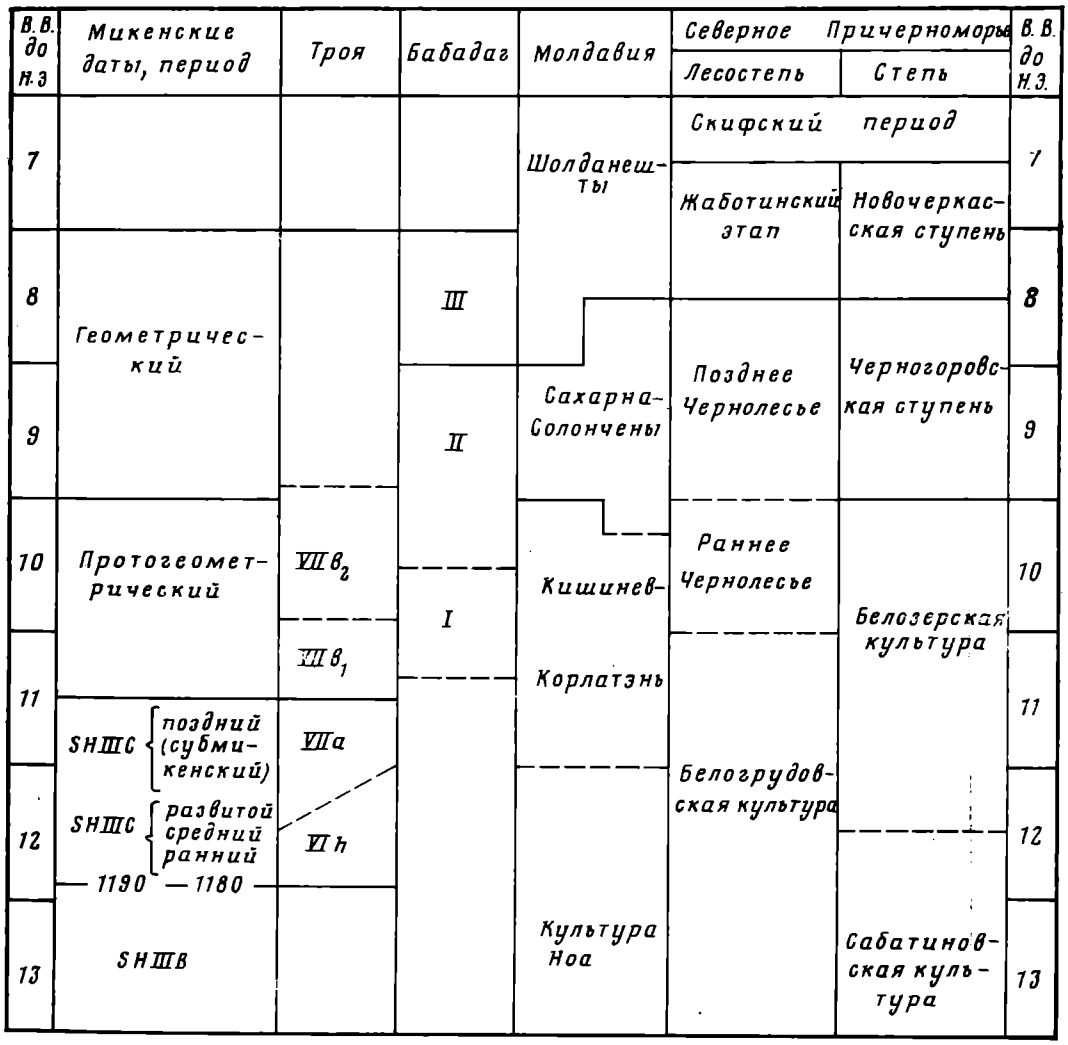


Рис. 4. Синхронистическая таблица

вать особого внимания в силу определенной близости некоторых из них (группа Сурчин-Белегиш-Дубовац) с группой Кишинев-Корлатэнь в Молдавии, о чем речь пойдет ниже. Все интересующие нас типы фибул относятся к фазам II и III развития культуры полей погребальных урн, являясь, по мнению К. Вински-Гаспарини, надежным хронологическим индикатором. В абсолютных датах фаза II датируется ею концом XIII—XII в. до н. э. [49, с. 112—125, 198—205, рис. 7], а фаза III — XI в. до н. э. [49, с. 132—149, рис. 7].

Из числа белозерских фибул самой ранней по праву считается смычковая застежка, недавно найденная в кург. 7 у с. Струмок Одесской обл. [45, с. 30, рис. 2, *4*]. Дужка ее параллельна игле (рис. 5, *1*). Фибулы такого рода (Violinbogenfibeln) К. Вински-Гаспарини относит только к фазе II, т. е. к концу XIII—XII в. до н. э. Целый экземпляр такой застежки (рис. 5, *6*) происходит, например, из закрытого комплекса Глазинац-Талине [49, с. 115, табл. 90, *1*].

В поисках эгейских параллелей мы пользуемся работой Е. Сапуна-Сакелларакис, представляющей собой исчерпывающий по своей полноте и систематизации свод фибул Греческих островов. Подчеркивая, что работа Х. Блинкенберга не утратила силу и по сей день, и опираясь на труды своих предшественников о фибулах отдельных больших регионов (например, Я. Зундваль по Италии, К. Килиана по Фессалии и ряд других), Е. Сапуна-Сакелларакис широко использует для своих выводов новые находки закрытых комплексов не только островов, но и материковой Греции [50, с. 1—8]. Фибулы типа Ia, с которыми мы сравниваем застежку из Струмка, характеризуются гладкой дужкой, круглой в разре-

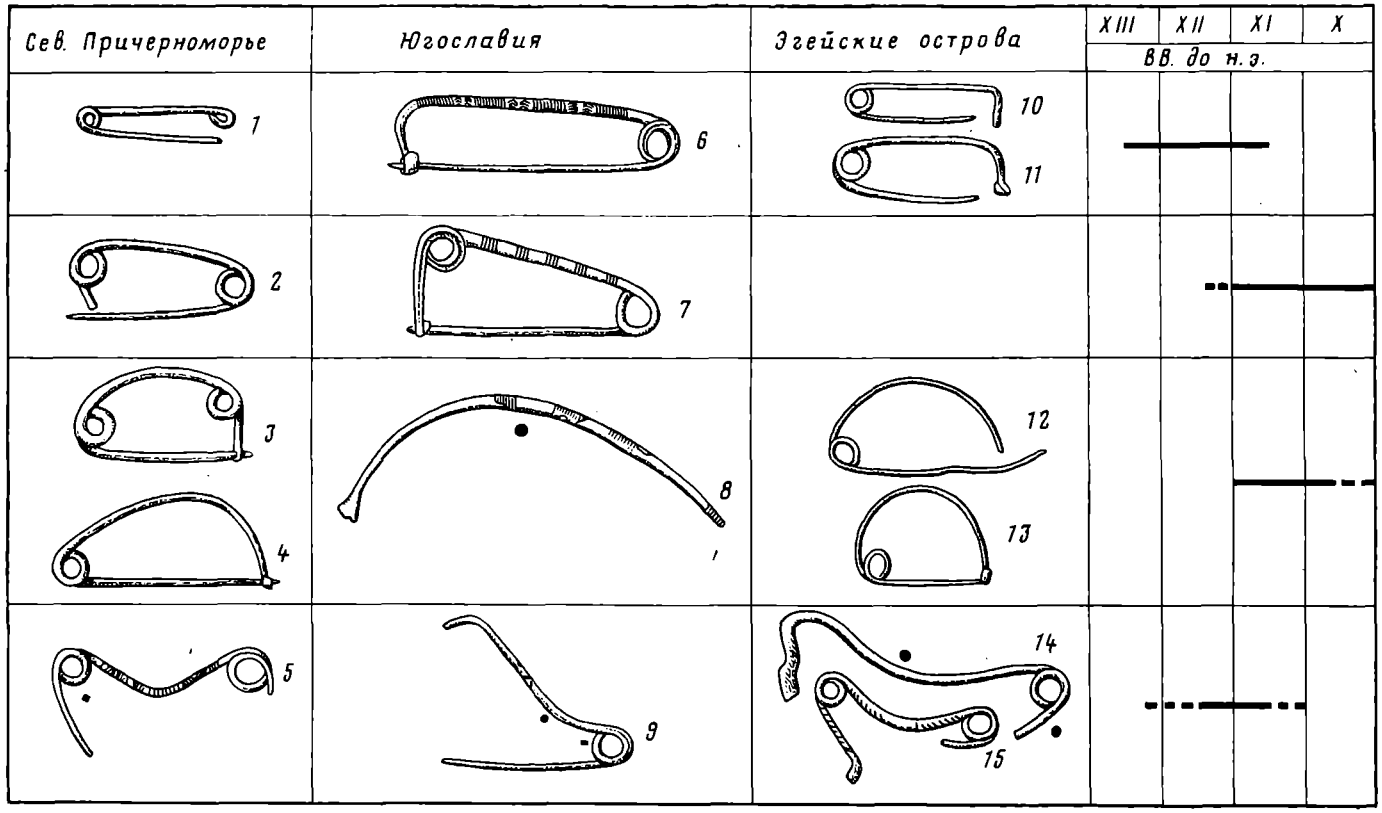


Рис. 5. Фибулы. Сравнительная таблица. *1* — Струмок; *2* — Лукьяновка; *3* — Широкое; *4* — Степное; *5* — Лукашевка; *6* — Глазинац-Талине; *7* — Велеснице (бывш. Корбово); *8* — Маленце; *9* — Горяни; *10* — Психро; *11* — Гортин; *12*, *13* — Карфи; *14* — Кавуси; *15* — Кидония (масштаб разный)

зе и параллельной ножке, и маленьким приемником языковидной формы или в виде загнутого конца проволоки (рис. 5, *10, 11*). Они известны только на Крите, где бытуют в основном в субмикенский период, т. е. в XI в. до н. э., точнее в первой его половине [50, с. 4, 35, табл. 1, *1, 2*].

Вторая белозерская смычковая фибула из Лукьяновки имеет спинку, не параллельную ножке, и вторую петлю над приемником (рис. 5, *2*). Только отсутствием дополнительной пружины отличаются от нее фибулы из Югославии, среди них экземпляры из Винчи, Глазинаца и Сплита, принадлежащие фазе II, по К. Вински-Гаспарини [49, с. 116, 204, табл. 89, *4, 6,* табл. 91, *6*]. По всем признакам прямой аналогией лукьяновской фибуле является найденная случайно двухпетельчатая фибула из Корбово в северо-восточной Сербии (рис. 5, *7*), датируемая К. Вински по сицилийским параллелям (горизонт Панталича II — Кассабиле и Муллино) периодом HaA_2, т. е. XI в. до н. э. [49, с. 116, табл. 89, *7*]. Уточняя место находки этой фибулы — Велесница, а не Корбово, Р. Вашич указывает ей полную параллель из недавно раскопанного урнового погребения в Ваюге (северо-восточная Сербия). Эта новая двуспиральная застежка найдена вместе с бронзовой чашей, ручка которой завершается головкой быка [51, с. 280, 281]. По датированным аналогиям из Чехословакии, Саксонии и восточной Венгрии исследователь относит эту чашу, а вместе с ней и весь комплекс из Ваюги к периоду HaA_2/B_1. Попутно он высказывает весьма важное предположение о том, что двупетельчатые фибулы типа Велесница (по-старому — Корбово) и Ваюга представляют собой локальный вариант смычковых застежек, развившийся в указанное время в районе Железных Ворот на Дунае [51, с. 281].

К группе арочных (Bogenfibeln) относится фибула из Степного (рис. 5, *4*). Судя по форме дужки, к этому же типу можно отнести и фибулу из Широчанского могильника, которая по общим контурам и наличию двух петель близка еще смычковой застежке из Лукьяновского кургана, но отличается от нее отчетливо выраженным дуговидным выгибом спинки (рис. 5, *3*). Проволочная застежка, подобная им по форме дужки, известна в Югославии (Маленце) (рис. 5, *8*), где она датируется HaA_2, т. е. XI в. [49, с. 117, 204, табл. 89, *8,* табл. 91, *14*].

Круг более близких аналогий фибуле из Степного можно существенно расширить за счет фибул, найденных как в материковой Греции, так и на островах Эгейского моря. Появление арочных фибул в Греции относится ко времени около 1100 г. до н. э., т. е. приблизительно одновременно с появлением их в Италии [50, с. 41, 42]. Наиболее близкие белозерским фибулы (тип IIа, по Е. Сапуна-Сакелларакис) характеризуются гладкой дуговидной, преимущественно симметричной дужкой с одной петлей, в разрезе круглой или Д-образной, маленьким приемником языковидной формы [50, с. 42, табл. 3, *51A—77B*] (рис. 5, *12, 13*). Основной период их бытования в Греции и на островах — субмикенский и протогеометрический периоды, т. е. XI—X вв. до н. э. [50, с. 44, 45].

Не останавливаясь на других категориях белозерского инвентаря середины XII—X в. до н. э. [11, с. 62; 41, с. 203; 43, с. 17], перейдем к группе Кишинев-Корлатэнь, которая всеми исследователями синхронизируется с белозерским этапом срубной культуры.

Соответственно прежним датам белозерского горизонта кишиневские памятники в Молдавии сначала относили ко второй половине или к концу IX — первой половине VIII в. до н. э. [52, с. 44]. Затем в связи с находками на поселении в Голерканах их удревнили до XI (или X) в. до н. э., заполнив хронологическую лакуну между концом культуры Ноа и кишиневской группой [2, с. 75; 10, с. 58]. В работах последних лет А. И. Мелюкова и В. Л. Лапушнян смыкают кишиневскую группу с культурой Ноа, полагая при этом, что памятники типа Голерканы частично синхронны кишиневским и занимают разные с ними территории. Время существования кишиневской группы определяется ими X—IX вв. [53, с. 10—15] или XI — серединой VIII в. до н. э. [11, с. 18].

Таким образом, нижняя дата кишиневских памятников приблизилась к новым датам начала белозерской культуры, но их финальные ру-

бежи не совпадают. Если же придерживаться прочно установившегося мнения о синхронности кишиневских и белозерских памятников, то верхний рубеж группы Кишинев следовало бы передвинуть из IX—VIII вв. до н. э. (по Мелюковой и Ляпушняну) вглубь, т. е. в конец X в. до н. э. Естественно, возникает вопрос: согласуется ли это с возрастом вещевых находок на кишиневских поселениях, устанавливаемым не по северопричерноморским, а по среднеевропейским и эгейским параллелям? К сожалению, находок такого рода в кишиневских комплексах очень мало — фрагмент фибулы из Лукашевского поселения и несколько пилок из разных мест.

Верхнюю часть двуспиральной застежки с вогнутой дужкой А. И. Мелюкова отнесла к простейшему варианту извилистых (змеевидных) фибул (Schlangenfibeln) и по аналогии с фибулами периода Беначчи I в Италии датировала XI—X вв. до н. э. [52, с. 44]. В отличие от нее, В. Л. Лапушнян считает, что фибула из Лукашевки, имеющая по его описанию проволочную обмотку на спинке, более близка италийским фибулам типа Болонья I-Савена [53, с. 14, рис. 1, *6*], т. е. к извилистым фибулам классического варианта. На этом основании он датирует находку, по Мюллеру-Карпе, концом X—IX в. до н. э.

К сожалению, от лукашевской фибулы сохранилась только часть вогнутой дужки с двумя петлями, что в известной мере затрудняет ее сопоставление с италийскими фибулами указанного типа. Однако пользуясь рисунком лукашевской застежки, сделанным с натуры[3], а не перекопировками этой вещи с рисунка в первой ее публикации [54, с. 55, рис. 18, *14*], где отсутствуют подробные описания ее признаков, попытаемся классифицировать фибулу из Лукашевки. Длина ее 8,4 см. Дужка не обмотана проволокой, как это отмечает В. Л. Лапушнян, а орнаментирована узором, нанесенным резцом (рис. 5, *5*).

Простейшие фибулы, с прогнутой спинкой, с одной или двумя пружинами, Е. Сапуна-Сакелларакис включила в группу смычковых застежек типа Ig, указав, что для фибул типа Ig характерна асимметричная дужка, круглая или листовидная в сечении [50, с. 40, 41, табл. 2, *43—46*]. Далее, следуя за Я. Зундваль, исследовательница отмечает, что этот вариант смычковых фибул послужил прототипом для более поздних фибул с извилистой (змеевидной) дужкой [50, с. 40]. Не оговаривая специально даты островных экземпляров, она пишет, что на Кипре они известны в микенское и субмикенское время, а точнее — с конца XII в. до н. э. [50, с. 40]. Из числа островных фибул лукашевская близка фибулам из Кидония и Кавуси [50, табл. 2, *44, 46*] (рис. 5, *14, 15*).

Среди многочисленных смычковых фибул из Югославии, приведенных в монографии К. Вински, только одна может быть сопоставлена с лукашевской (рис. 5, *9*). Фрагмент этой фибулы с прогнутой дужкой является случайной находкой (скорее всего связанной с погребением культуры полей погребальных урн) из Горяни. К. Вински относит ее к фазе II [49, с. 116, 214, табл. 26, *21*, табл. 91, *5*].

Прямой параллелью лукашевской застежке служит еще не опубликованная двуспиральная фибула с вогнутой дужкой из раскопанного в 1979 г. урнового погребения в Мала Врбица в северо-восточной Сербии. С этой находкой мы ознакомились в Народном музее в Белграде. От лукашевской застежки фибула из Мала Врбица отличается только отсутствием орнамента, который, однако, очень часто встречается на смычковых фибулах Югославии [49, табл. 89, 90]. Судя по форме урны псевдопротовилланнова типа с парными упорами на тулове (аналогии см. [55, с. 50—54, табл. III, *2—4*; табл. IV, *4, 5, 7*; 56, с. 333—339, 348—355, рис. 6, *1, 5*; рис. 7, *1, 3, 4*; 49, с. 199, 200, табл. 5, *2—8*; 57, с. 146—148] — могилы 2, 3, 49, 108 и др.), это погребение принадлежит к группе памятников Сурчин-Белегиш-Дубовац [58, с. 85—88; 59, с. 110—113], относимых К. Вински к фазам II—III [49, с. 199, 206].

---

[3] Приносим глубокую благодарность К. В. Каспаровой за предоставление нам рисунка этой фибулы.

Таким образом, исходя из всех приведенных параллелей, нет никаких оснований датировать фибулу из Лукашевки временем позже X в. до н. э.

Бронзовые пилки (рис. 1, *13, 14*), представленные 5 экз. (поселения Лукашевское, Кишиневское и у с. Варатик), относятся, судя по многочисленным югославским, венгерским и трансильванским параллелям, к периодам НаА и НаВ. С такой широкой датой согласны А. И. Мелюкова [11, с. 60; 52, с. 43, рис. 17, *5—7*], В. А. Дергачев [10, с. 29, 30; 60, с. 50, 51, рис. 8, *1—3*] и В. Л. Лапушнян [53, с. 102], ссылающиеся на одни и те же работы Др. Гарашанина (1954 г.) и Ф. Хольста (1951 г.).

Не используя указанные находки для уточнения хронологии кишиневской группы, считаем нужным отметить, что, например, по авторитетному мнению Т. Кеменцеи, пилки в основном характерны для венгерских бронзовых кладов периода НаА, а в период НаВ они встречаются значительно реже [61, с. 60]. Выборочный просмотр сравнительно новых изданий среднеевропейских кладов показал, что в Словакии пилки входят в состав кладов НаА [62, с. 36, 60, табл. XVIII], а в Югославии принадлежат кладам фазы II и, реже, фазы III, соответственно $НаА_1$ и $А_2$ [49, с. 77—112, табл. 46, *23, 24*; 54, с. 22—30; 63, с. 50, 51, табл XXVIII, *4, 5,* XXIX, *1*]. В каталоге Др. Гарашанина из четырех кладов с пилками два (Брестовник и Винча) отнесены к НаА [64, с. 19—21, табл. IX, *1*, с. 21, 22, табл. X, *3*] и только два других (Рудник и Привина Глава) имеют более широкую дату НаА—В [64, с. 25—29, табл. XIII, *6—11*, с. 29—31, табл. XVI, *10—22*]. Позже даты всех четырех кладов были уточнены, при этом возраст двух последних был сокращен до $НаА_2$ или $НаА_2—В_1$ [49, с. 84, 107, 108, 129; 65, с. 431; 66, с. 68—72, 90—93].

Итак, массовые находки пилок в составе кладов НаА, по данным М. Русу [67, с. 187], Т. Каменцеи [61, с. 60] и др., позволяют говорить о НаА и, вероятно, $НаВ_1$ как об основном периоде их бытования. Следовательно, можно допускать их попадание в Молдавию одновременно со смычковыми фибулами в XI—X вв. до н. э.

Большая лакуна наблюдается между датами кишиневских памятников в Молдавии и идентичных им объектов типа Корлатэнь в румынской Молдове. Б. Хенсель называет их «группой каннелированной керамики Молдовы». По его мнению, эта группа существовала недолго. Появившись в XII в. до н. э., она под натиском новой волны населения с юга, представленного сначала группой прочерченной керамики типа поселения у с. Тэмэоани, а затем группой Козия, прекратила свое существование еще в начале X в. до н. э. [6, с. 111—113, 147].

Считаем, что длительной хронологической лакуны между однотипными памятниками Молдавии и Молдовы быть не могло, поскольку занимаемая ими территория сравнительно невелика. Напомним, что при определении нижней их границы опорным репером служит факт хронологического стыка культуры Ноа с культурой фракийского гальштата и с группой Кишинев-Корлатэнь в частности [6, с. 106, 110; 10, с. 58—60; 53, с. 11]. По Б. Хенселю, этот стык имел место в XII в. до н. э. Советские ученые настаивают на XI в. до н. э., скорее на его начале. Видимо, вокруг рубежа XII—XI вв. до н. э. и следует искать эту дату, если учитывать, что носители кишиневско-корлатэньской группы — население не местное для области Днестро-Сиретского междуречья, а ответвившееся, скорее всего, от югославской группы Сурчин-Белегиш-Дубовац.

К такому выводу об исходной области группы Кишинев-Корлатэнь мы пришли после непосредственного знакомства в 1979 г. в музеях Белграда, Панчево и Вршаца с материалами некрополей, относимых к группе Сурчин-Белегиш-Дубовац. Именно там, среди раннегальштатских памятников названного круга, можно найти прообразы и прямые аналогии многим видам посуды из группы Кишинев-Корлатэнь. Нам представляется, что из числа некрополей этого горизонта, особенно из числа раскопанных в конце 70-х годов и неопубликованных (например, Банатска Паланка, Опово-Белы Брег, Панчево-Рафинерия, Ваюга) будет выделена поздняя группа — Сурчин-Белегиш-Дубовац, которая как по керамике,

так и по особенностям погребального обряда ближе всего стоит к кишиневско-корлатэньским.

Относительно финальных рубежей группы Кишинев-Корлатэнь необходимо сказать, что все приведенные выше параллели не позволяют расширить их хронологический диапазон на IX в. до н. э. Видимо, так же как и Белозерка, кишиневская группа заканчивается в X в. до н. э. Выводы В. Л. Лапушняна о непрерывной хронологически-генетической линии развития между кишиневскими и шолданештскими памятниками нельзя считать убедительными [53, с. 123—132]. Во всяком случае все представленные В. Л. Лапушняну характеристики основных типов и форм кишиневской и шолданештской посуды и сопровождающая их сравнительная таблица, к сожалению, не отличающаяся исчерпывающей полнотой, не свидетельствуют о продолжении традиций кишиневской культуры в группе Шолданешты [53, с. 62—88, табл. 11а—11в]. В связи с этим примечательно, что даже А. И. Мелюкова, разделяющая взгляды В. Л. Лапушняна на конечную дату кишиневских памятников и не исключающая полностью наследование шолданештцами традиции кишиневского круга, связывает появление шолданештской группы с новой волной фракийского населения в Днестро-Сиретском междуречье [11, с. 18].

Не настаивая сейчас на полном совпадении финала кишиневско-корлатэньских памятников с начальной датой группы Сахарна-Солончены (может быть, эти группы какое-то время и сосуществовали в пределах X в. до н. э.), вернемся к вопросу о хронологическом определении нижней границы последней. Если исходить из принимаемых большинством исследователей новых дат для белозерских памятников (середина XII или XI—X вв. до н. э.), а также учитывать возраст наиболее ранних вещей в составе сахарнянских комплексов (например, браслетов с рифлением), то начало группы Сахарна-Солончены должно определяться не всем X в. до н. э., а скорее его концом. В данном случае нельзя забывать, что общие с Сахарна-Солончанами вещи зафиксированы в степях Северного Причерноморья только на черногоровском этапе и неизвестны в белозерских памятниках, что фактически должно исключать сосуществование последних с сахарнянскими.

Из сказанного следует, что все наши попытки сблизить хронологические определения групп Бабадаг, Инсула-Банулуй и Козия, с одной стороны, и Сахарна-Солончены и позднее Чернолесье, с другой, не привели к их полному совмещению. Выше уже говорилось о том, что в силу несомненности факта появления сахарнянского населения в Молдавии из Юго-Восточного Подунавья и формирования культуры позднего Чернолесья под воздействием группы Сахарна-Солончены вполне допустим разрыв в начальных датах родственных групп памятников с резной и штампованной керамикой в зоне Юго-Восточного Подунавья. Однако этот разрыв вряд ли достигал целого столетия, так как слишком много общего между ними (рис. 4).

Мы не склонны подвергать сомнению все опорные данные зарубежных коллег при датировании рассматриваемых памятников. Но еще раз позволим себе остановиться на главных реперах для определения возраста Бабадага, используя для этого имеющие прямое отношение к нашей теме работы из недавно вышедшего сборника «Юго-Восточная Европа между 1600 и 1000 гг. до н. э.» [68].

В первую очередь обратимся к работе Хр. Подцувейта, значение которой, как нам кажется, трудно переоценить. Правда, Б. Хенсель в своей статье, открывающей этот сборник, считает, что работа Хр. Подцувейта подтверждает прежние выводы исследователей об абсолютных датах Бабадага I через Трою VIIв$_2$ [68, с. 16]. Нам же представляется, что в свете надежно аргументированных выводов Хр. Подцувейта о датах Трои VI и Трои VII существующая хронология памятников с резной и штампованной керамикой в Юго-Восточной Европе серьезно заколебалась.

Сравнительный анализ импортной микенской керамики в слоях Трои VI и VII, проведенный в первую очередь по закрытым комплексам

и целым сосудам, привел Хр. Подцувейта к весьма важным результатам, существенно меняющим хронологию не только Блегена, но и Сандарс для указанных слоев на холме Гиссарлык [69, с. 73—83]. Выделение из микенского керамического импорта и его местных имитаций в верхнем слое Трои VI (VIh) посуды развитой фазы периода SHIIIC, привело исследователя к убедительному выводу о более позднем времени гибели Трои VI, чем это считалось до сих пор (рис. 4). Придерживаясь поправок В. Хэнки и П. Уоррена относительно конечного рубежа периода SHIIIB, который, в отличие от А. Ф. Фурумарка, определяется ими не 1230, а 1190 г. до н. э., он с учетом присутствия в Трое VI микенской керамики развитой фазы периода SHIIIC переносит конец Трои VI во вторую половину XII в. до н. э., полагая, что гибель ее в результате землетрясения произошла между 1150—1000 гг. [69, с. 82, 83, рис. 4]. Из этого следует, что конец Трои VI по сравнению с датами К. У. Блегена сдвигается вверх почти на 150 лет [69, с. 83].

В соответствии с этим начало Трои VIIa, где встречается почти исключительно местная продукция по микенским образцам поздней фазы периода SHIIIC, а также зафиксированы первые влияния протогеометрического стиля, переносится им в первые десятилетия XI в. до н. э. Не уточняя абсолютной даты, исследователь допускает «доживание» Трои VIIa, которую, как известно, часто связывают с Троей Приама, до раннего протогеометрического периода [69, с. 80—83].

С интересующими нас слоями Трои VIIb ($в_1$ и $в_2$), где продолжает бытовать микенская посуда местного производства, характерная для поздней фазы периода SHIIIC, Хр. Подцувейт связывает и протогеометрическую керамику, найденную на холме Гиссарлык. Его уверенность в прямом отношении протогеометрической керамики к Трое VIIb основана на отсутствии в Гиссарлыке самостоятельного поселения протогеометрического периода, откуда в слои Трои VIIb могли бы попасть при перекопах черепки протогеометрического стиля [69, с. 81, 82]. А далее Хр. Подцувейт отбрасывает имевшие место сомнения относительно хиатуса между Троей VII и Троей VIII, доводя Трою VIIb до VIII в. до н. э.

Исходя из приведенных Хр. Подцувейтом фактов, Троя $VIIв_1$ должна была существовать в начале протогеометрического периода, а Троя $VIIв_2$, с которой связываются находки балканской — нижнедунайской керамики и синхронизируется Бабадаг I, в своей ранней фазе должна соответствовать протогеометрическому периоду.

К сожалению, у специалистов отсутствует однозначное определение нижнего и верхнего рубежей протогеометрического периода. Начальные абсолютные даты колеблются от середины XI до рубежа XI—X вв. до н. э., а финальные — от середины X до первой четверти IX в. до н. э. [70, с. 291—295; 71, с. 237—241, 257—263; 72, с. 302—318]. Большинство исследователей, на труды которых нам пришлось часто опираться, придерживаются более высоких дат для протогеометрического периода, т. е. X в. до н. э. полностью [6, с. 133; 37, рис. 64; 68, с. 16, рис. 1, *10*]. Только Е. Сапуна-Сакелларакис отводит для протогеометрического периода середину XI — середину X в. до н. э. [50, с. 4].

Будучи далекими от этих вопросов, мы будем придерживаться широко разделяемых многими учеными уточненных дат В. Р. Десборо для протогеометрического периода — середина XI—X в. до н. э. [71, с. 237—241, 257—263] и хронологии Дж. Н. Колдстрима для геометрического периода — IX—VIII вв. до н. э. [72, с. 302—318]. В соответствии с этим начало Трои VIIb, вероятно, должно совпадать с появлением протогеометрического стиля в середине XI в. до н. э. и, следовательно, границу между Троей $VIIв_1$, существовавшей по общему признанию недолго, возможно в пределах одной генерации (около 60 лет, по К. У. Блегену [6, с. 132]), и Троей $VIIв_2$ надо искать на рубеже XI—X вв. до н. э. или в первом десятилетии X в. до н. э. Пользуясь хронологическими определениями Н. К. Сандарс для Трои $VIIв_2$ (конец XII—XI в. до н. э.), Б. Хенсель датирует этим же временем Бабадаг I, поскольку он не сомневается в синхронности Трои $VIIв_2$ и Бабадаг I [6, с. 237, 238; 68, с. 16—18,

рис. 10]. Но такой подход к определению относительного возраста Бабадага I, существовавшего не менее 100 лет, привел бы нас в свете новых хронологических представлений о Трое $VIIb_2$ к распространению Бабадага I на весь X в. до н. э. Если же допустить, что нижние рубежи Трои $VIIb_2$ и Бабадага I не совпадают и Бабадаг I начинается где-то близко к середине XI в. до н. э., то конец Бабадага I (при учете длительности его не менее 100 лет) должен приходиться на середину или начало второй половины X в. до н. э. Видимо, в середине X в. до н. э. или во второй его половине, но никак не ранее, и следует намечать границу между Бабадагом I и II. При таком минимальном смещении вверх хронологии Бабадага I и II разрыв между датами Бабадага II и группой Сахарна-Солончены сокращается до 20—30 лет, что более правдоподобно в свете существующих представлений о формировании сахарнянской культурной общности.

Кстати, наши предварительные предложения о повышении возраста Бабадага II могут быть подтверждены рядом других примеров, основанных на иной линии связей. Эгейские параллели отдельным находкам из Бабадага II и Браду, о которых говорилось выше и к которым вновь обращается Б. Хенсель в последней упомянутой выше работе, вполне соответствуют предлагаемой начальной дате Бабадага II — после середины X в. до н. э. Наиболее узкие хронологические рамки имеет крышка пиксиды из слоя Бабадаг II, прямые аналогии которой приводятся Б. Хенселем из погр. 37 в Керамейкосе в Афинах, относящегося не ко всему протогеометрическому периоду, а только к его поздней фазе [6, с. 133; 68, с. 16]. Позднепротогеометрический период — это все-таки не весь X в. до н. э., а, наверное, только его вторая половина.

Другой предмет, используемый в качестве более или менее узкого хронологического индикатора,— фибула с тремя шариковидными утолщениями на дужке из Браду (рис. 2, *1*), датируемая, как говорилось выше, X—IX вв. до н. э. Эта застежка относится, по данным Е. Сапуна-Сакелларакис, к излюбленному на Эгейских островах типу IIIв, по ее классификации (рис. 2, *2—4*). Фибулы типа IIIв характеризуются тремя или четырьмя шариками на дужке, в разрезе круглыми, Д-образными или ромбическими. Утолщения расположены плотно друг другу (там, где их четыре) или на некотором расстоянии. Приемник разной формы [50, с. 54—59, табл. 11, *314—333*, табл. 12, *334—361*]. Е. Сапуна-Сакелларакис известна только одна ранняя находка фибулы типа IIIв из протогеометрического комплекса в Фортеста (рис. 2, *4*). Все другие ранние примеры относятся к геометрическому периоду, что и позволило ей сделать вывод о появлении фибул типа III на островах только в геометрический период, независимо от западных параллелей (в Италии близкие по виду фибулы датируются серединой IX — вплоть до середины VIII в. до н. э.). Далее фибулы этого типа на Эгейских островах бытуют в VIII—VI вв. до н. э. [50, с. 54].

Геометрический период как нижний рубеж для фибул с шариками на дужке принимается и другими исследователями. Например, фибулу этого типа из курганного могильника Ексохи (восточная Македония), кстати похожую на застежку из Браду (рис. 2, *5*), Д. Грамменос относит самое раннее к IX в. до н. э. [73, с. 97, рис. 2, *1*].

Итак, пользуясь приведенными данными относительно даты появления фибул с тремя-четырьмя утолщениями на дужке, X в. до н. э. как время их существования можно было бы исключить. Из этого в свою очередь вытекает, что фибула из Браду не является основанием для датировки памятников типа Бабадаг-Козия всем X в. до н. э.

В свете всего изложенного нельзя обойти вниманием еще одну работу в указанном сборнике. В ней на материалах Кастанаса — многослойного поселения типа теля в Македонии с безупречно четкой стратиграфией жилых горизонтов, надежно датированных микенским импортом,— рассматриваются вопросы культурных связей Македонии и Балканского региона в эпоху бронзы и раннего железного века (с 1600 по 700 г. до н. э.). Сравнительный анализ форм и особенно приемов и мотивов

резной орнаментации из стратифицированных комплексов Кастанаса и разных групп памятников Балканского региона позволил ее автору, А. Хохштеттер, представить убедительную картину хронологического соотношения балканских культур и групп памятников с конкретными горизонтами этого теля [74, с. 97—116, рис. 9].

По данным А. Хохштеттер, первые контакты с Бабадагом I фиксируются в 10-м слое Кастанаса, относящемся, как и следующий за ним 9-й слой, к чисто протогеометрическому периоду. Эти два слоя, начинаясь в конце XI в. до н. э., охватывают весь X в. до н. э. [74, с. 102, рис. 8, 9]. К сожалению, определяя общие хронологические рамки для времени контактов с группой Бабадаг концом XI—VIII в. до н. э. и разбирая соответствия в орнаментах (судя по таблицам, только с Бабадагом I), А. Хохштеттер нигде не оговаривает, в каком горизонте Кастанаса появляются характерные для Бабадага II приемы и мотивы штампованного узора. Это в значительной мере затрудняет определение хронологической позиции Бабадага II в пределах 10—4-го слоев Кастанаса, охватывающих период с конца XI по VIII в. до н. э. Но все-таки, если учесть время, отводимое обычно для Бабадага I (чуть более 100 лет), и если условно отсчитывать вверх от второй половины XI в. до н. э., то в поисках финального рубежа Бабадага I (а отсюда и начала Бабадага II) мы опять попадем во вторую половину X в. до н. э.

Таким образом, линия связей через Кастанас в Македонии и Керамейкос в Афинах находится в соответствии с высказанными выше предварительными датировками Бабадага I и II, основанными на новых, более высоких, чем раньше, датах Хр. Подцувейта для Трои VI и VII.

В заключение позволим себе выразить уверенность в том, что пересмотр дат Трои VI и VII Хр. Подцувейтом и открытия в Кастанасе не останутся без внимания у зарубежных исследователей и вызовут коррекцию существующих ныне хронологических схем. Надо надеяться, что после этого расхождения между измененной в сторону удревнения хронологией советских ученых и схемами их зарубежных коллег сократятся до минимума, допустимого по всей сумме фактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР, 1961.
2. *Тереножкин А. И.* Основы хронологии предскифского периода.— СА, 1965, № 1.
3. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1977.
4. *Мелюкова А. И., Смирнова Г. И.* Всесоюзный симпозиум «Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры».— СА, 1981, № 1.
5. *Kossak G.* «Kimmerische» Bronzen. Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa.— Situla, 20/21, Ljubljana, 1980.
6. *Hänsel B.* Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Bonn, 1976.
7. *Kemenczei T. A.* Prügyi koravaskori kincslelet.— In: Communicationes Archeologicae Hungariae. Budapest, 1981.
8. *Kemenczei T.* Ostungarn in der Zeit der Frühhallstattkultur.— In: Die Hallstattkultur. Linz, 1981.
9. *Podborsky V.* Mahren in der Spätbronzezeit und and der Schwelle der Eisenzeit. Brno, 1970.
10. *Мелюкова А. И.* О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии.— СА, 1972, № 1.
11. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
12. *Мелюкова А. И.* Новые данные о керамике типа Сахарна-Солончены в Молдавии.— КСИА, 1981, вып. 170.
13. *Vulpe A.* Zur mittleren Hallstattzeit in Rumänien.— Dacia, 1965, t. IX.
14. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
15. *Смирнова Г. И.* Среднее Поднестровье и нижнее Подунавье в предскифское время (контакты и хронологические соотношения).— Thracia, V. София, 1980.
16. *Смирнова Г. И.* О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин (по материалам курганов у с. Мервинцы на Днестре).— СА, 1977, № 4.
17. *Медведская И. Н.* Конский убор из могильников Сиалк В.— Iranica Autiqua. V.XXIII, Gent, 1983.
18. *Медведская И. Н.* Хронологические параллели между вазописью геометрического стиля Греции и росписью керамики Сиалк В.— В кн.: Краткие тезисы докла-

дов конференции «Древние культуры Евразии и античная цивилизация». Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1983.
19. *Patek E.* Präskythische Gräberfeld in Ostungarn.— In: Symposium zu Problemen der jungeren Hallstattzeit in Mitteleuropa. Bratislava, 1974.
20. *Patek E.* Einige Daten zu den Anfängen der Früheisenzeit in Ungarn.— Situla. 20/21. Ljubljana, 1980.
21. *Schauensee M. de, Dyson R. H.* Hasanlu Horse Trapping and Assyrian Reliefs.— In: Essays on «Near Eastern Art and Archaeology». In Honor of Ch. K. Wilkinson. N. Y., 1983.
22. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья.— МИА, 1958, № 64.
23. *Мелюкова А. И.* Культура племен Днестровско-Прутского междуречья (VIII—I вв. до н. э.).— В кн.: Древняя культура Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1974.
24. *Trogmayer O.* Beiträge zur Spätbronzezeit des südlichen Teils der ungarischen Tiefebene.— AAH, 1963, t. 15.
25. *Kemenczei T.* Nordostungarn in der Spätbronzezeit.— In: Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. B., 1982.
26. *Brunn W. A.* Mitteldeutsche Hortfunde der jüngeren Bronzezeit.— Romische-Germanische Forschungen, 1968, t. 29.
27. *Sulimirski T.* Ein Bronzedepotfund aus Niedzieliska, Kr. Przemyślany.— Świątowit, 1936/37, XVII.
28. *Żurowski K.* Zabytki brązome z mlodszej epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru.— Przegląd Archeologiczny. VIII, 2. Poznań, 1949.
29. *Dąbrowski J.* Powiązania ziem Polskich z terenami wschodnimi w epoce brazu. Wrocslaw, 1972.
30. *Petrescu-Dimbovita M.* Cimitirul hallstattian dela Stoicani.— Materiale şi cercetări arheologice. V. 1. Bucuresti, 1953.
31. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975.
32. *Смирнова Г. И.* Материальная культура Григоровского городища (К вопросу формировния чернолесско-жаботинских памятников).— АСГЭ, 1983, вып. 23.
33. *Смирнова Г. И.* Закрытые предскифские комплексы у села Днестровка-Лука.— В кн.: Древние памятники культуры на территории СССР. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1982.
34. *Смирнова Г. И.* О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре. По материалам поселения Днестровка-Лука.— АСГЭ, 1984, вып. 25.
35. *Шовкопляс І. Г.* Середньодністровська експедиція 1949—1951 рр.— АП, 1956, т. VI.
36. *László A.* O aşezare hallstattiană la Cozia.— Arheologia Moldovei. V. VII. Bucureşti, 1972.
37. *Смирнова Г. И.* Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой области.— КСИИМК, 1957, вып. 70.
38. *Müller-Karpe H.* Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. B., 1959.
39. *Смирнова Г. И.* Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII — середина VII в. до н. э.).— МИА, 1969, № 150.
40. *Říhovsky J.* Die Nadeln in Westungarn I.— PBF, 1981, Abt. XIII, B. 10.
41. *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
42. *Отрощенко В. В.* Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН СССР, 1981.
43. *Чередниченко М. М.* Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я.— Археологія, 1977, № 22.
44. *Ванчугов В. П., Черняков И. Т.* Северо-западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа.— В кн.: Ранний железный век северо-западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
45. *Тощев Г. Н.* Памятник белозерского периода у с. Струмок Одесской области.— В кн.: Ранний железный век северо-западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
46. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
47. *Leskow O.* Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheimischen Formen).— PBF, 1980, Abt. XX, B. 5.
48. *Шарафутдинова Л. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
49. *Vinski-Gasparini K.* Kultura polja sa zărama u sjevernoj Hrvatskoj. Zadar, 1973.
50. *Sapouna-Sakellarakis E.* Die Fibeln der griechischen Inseln.— PBF, 1978, Abt. XIV, B. 4.
51. *Vasić R.* Spätbronzezeitliche und älterhallstattzeitliche Hortfunds im oštlichen Yugoslawien.— In: Südosteuropa zwishcen 1600 und 1000 v. Chr. B., 1982.
52. *Мелюкова А. И.* Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии.— МИА, 1961, № 96.
53. *Лапушнян В. Л.* Ранние фракийцы X — начала IV в. до н. э. в лесостепной Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1979.
54. *Федоров Г. Б.* Лукашевский могильник.— КСИИМК, 1957, вып. 68.

55. *Foltiny St.* Neue Angaben zur Kenntnis der urnenfelderzeitlichen Keramik im südlichen Teile des Karpatenbeckens.— Apulum, 1967, VI.
56. *Foltiny St.* Zum Problem der sogenannten «Pseudoprotovillanovaurnen».— Origini. II, R., 1968.
57. *Todorović J.* Praistorijska Karaburma II — nekropola bronzanog doba. Beograd, 1977.
58. *Trbuhović V.* Problemi porekla i datovanja bronzanog doba u Srbiji. Biograd, 1968.
59 *Tacič N.* Die Pannonische Tiefebene und der Zentralbalkan am Übergang von der mittleren in die späte Bronzezeit.— Balkanica. 3. Beograd, 1982.
60. *Дергачев В. А.* Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из днестровско-прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1975.
61. *Kemenczei T.* Früheisezeitliche Bronze-Depotfunde im Museum von Miskolc.— A Herman Ottó Múzeum Évkönyve. B. VI. Miskolcs, 1966.
62. *Novotná M.* Die Bronzehortfunde in der Slovakei. Spätbronzezeit. Bratislava, 1970.
63. *Todorović J.* Каталог праисторијских металних предмета. Београд, 1971.
64. *Гарашанин Др.* Каталог металла. Београд, 1954.
65. *Гарашанин М.* Праисторија на тлу СР Србије. Београд, 1973.
66. *Гарашанин Др.* Остава из Привине Главе. Остава из Рудника.— В кн.: Праисторијске оставе у Србији и Војводини. I. Београд, 1975.
67. *Rusu M.* Die Verbreitung der Bronzehorte in Transsilvanien vom Ende der Bronzezeit bis in die mittlere Hallstattzeit.— Dacia, 1963, t. VII.
68. *Hänsel B.* Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr.— In: Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. B., 1982.
69. *Podzuweit* Chr. Die mikenische Welt und Troja.— In: Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. B., 1982.
70. *Desborough V. R. d'A.* Protogeometric pottery. Oxford, 1952.
71. *Desborough V. R. d'A.* The Last Mycenaeans and Their Successors. Oxford, 1964.
72. *Coldstream J. N.* Greek Geometrik Pottery. L., 1968.
73. *Grammenos D.* Bronzezeitliche Forschungen in Ostmakedonien.— In: Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. B., 1982.
74. *Hochstetter A.* Spätbronzezeitliches und Früheisenzeitliches Formengut in Makedonien und im Balkanraum.— In: Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. B., 1982.

G. I. Smirnova

BASIC CHRONOLOGY OF THE PRE-SCYTHIAN SITES IN THE SOUTH-WEST OF THE USSR

Summary

Following A. Terenozhkin the author revises the chronology of pre-Scythian sites in the south-west of the USSR and considers them to be much earlier. She also has tried to coordinate her new dates with the chronological schemes offered by some foreign scholars, B. Hanzel and G. Kossak in the first place. In her investigations G. Smirnova leans on the undoubted synchronism of the sites under discussion and those of the steppe cultures of the Northern Circumpontic area. She considers all basic data on the strength of which the pre-Scythian sites having chronological analogies in Central European, Balkan and Aegian complexes are dated. Fibulae, being a most reliable chronological indicator, are regarded as most important material finds.

The author offers a scheme of the synchronous and absolute dating of cultures and sites shown in Fig. 4. The gap between the new, earlier dates forwarded by Smirnova and the absolute dates proposed by her foreign colleagues has closed somewhat, though the complete coincidence between them has not been achieved. The author sees some reservers for its further narrowing. Her optimism is based on the new, higher dates for Troy VI and VII forwarded by Chr. Podzuweit, and on the Kastanas diggings. The fact proved by many authors that Thoy VII_{b_2} was synchronous with the Babadag I horizon has enabled Smirnova to raise the lower boundary for the Babadag II — Koziya group by not less than 50 years in the light of Potzuweit's new dates.

КОРЕНЯКО В. А.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ПЕРЕХОДА ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ В СТЕПЯХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(состояние источников и проблема отбора фактов)

Эпоха перехода от бронзы к железу — один из важнейших эпизодов в истории древнего населения Евразии. В это время, которое в литературе получило название «позднейшего предскифского», «переходного», «киммерийского», происходят решительное вытеснение бронзовых орудий труда и предметов вооружения железными, массовый переход к кочевому способу хозяйствования и образу жизни, быстрые изменения в материальной и духовной культуре, замена старых родовых структур новыми племенными союзами — носителями культур скифского типа.

Важнейшим археологическим источником для изучения истории степного населения в переходную эпоху являются погребения. Они уже давно привлекают внимание специалистов. Обряд и инвентарь этих погребений стали объектом анализа в работах О. А. Кривцовой-Граковой, А. И. Мелюковой, Н. Л. Членовой, К. Ф. Смирнова, А. И. Тереножкина, А. М. Лескова и других авторов. Уровень анализа погребальных памятников в различных исследованиях неодинаков, как неодинаково и количество погребальных комплексов, привлекаемых археологами.

Одним из важнейших этапов всякого квалифицированного исторического исследования является такая источниковедческая процедура, как выявление источников. Принципиально важное значение на данном этапе имеет предварительная критика источников — установление их подлинности, полноты, достоверности и точности [1, с. 591—599].

Для археологической науки [2, с. 5—14] важнейшей стороной источниковедческой критики являются отбор фактов и установление их бесспорного отношения к данной эпохе или к данной проблеме. При исследовании погребений эпохи перехода от бронзы к железу конечным результатом отбора фактов должно стать составление списка погребальных комплексов, достоверно относящихся именно к переходному периоду. Рассмотрим, как решается этот вопрос в различных работах, содержащих сводки погребальных комплексов эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Востока Европы.

Первой из наиболее серьезных разработок такого рода была сводка, охватившая Нижнее Подонье, Поволжье и Приуралье. Ее авторы — К. Ф. Смирнов и В. Г. Петренко [3]. Та же сводка была проанализирована К. Ф. Смирновым в монографии «Савроматы» [4]. В ней указано 46 захоронений. Только в волго-донских степях, по сведениям К. Ф. Смирнова, имелось не менее 39 погребений, которые датировались переходным временем.

Сейчас очевидно, что не все эти погребения можно привлекать как полноценный источник. Не говоря подробно в настоящей статье о погребениях восточного (южноуральского) ареала савроматских памятников (об этом см. ниже), можно отметить, что пять погребений находятся за пределами степных областей Волги и Дона: погребения в курганах у сел Мазурка и Владимировка находятся в воронежской лесостепи, погребение у пос. Кордон Деркульский необходимо отнести к территории казахстанских степей — бассейна Урала. Погребение с лощеным орнаментированным сосудом в кургане у с. Норки на Нижней Волге было найдено полностью разрушенным, никакой информации о его обряде нет.

Количество погребений, достаточно уверенно датируемых переходным периодом, значительно сократится, если мы будем осторожно решать вопрос о дате могил со слабоскорченными или вытянутыми на боку костяками, ориентированными черепами в широтном направлении и не содержащими сколько-нибудь выразительного инвентаря или стратиграфических оснований для узкого датирования VIII—VII вв. до н. э.

Таких погребений только в указанной сводке 15: с. Быково, группа I (кург. 4, погр. 7 и 13; кург. 7, погр. 10; кург. 9, погр. 6; кург. 11, погр. 1; кург. 12, погр. 8; кург. 13, погр. 4; кург. 16, погр. 10 [5, с. 182—184, 192, 197, 204—207, 250]); с. Быково, группа II (кург. 2, погр. 4 [5, с. 228]); с. Молчановка, северо-восточная группа (кург. 1, погр. 8 и 9 [6, с. 126, 127]); урочище «Ямки» (кург. 2, погр. 6 и 7 [4, с. 30, 31; 6, с. 141]); хут. Веселый (кург. 1, погр. 2; кург. 3, погр. 3 [7, с. 307, 308, 326, 327, рис. 6, *1*, *2*]).

При желании такую сводку можно значительно расширить, включив в нее погребения на Нижней Волге из старых [8, с. 7; 9, с. 61, рис. 1] и относительно новых [10, с. 29, 30, рис. 32, *3*; 11, с. 13] раскопок. Немало подобных захоронений имеется в Нижнем Подонье [12, с. 8; 13; 14; 15, с. 89—91, рис. 36].

Однако указанная особенность положения скелетов не может быть диагностической для могил только переходного периода, на что указывал и К. Ф. Смирнов [4, с. 31]. Аналогичные безынвентарные погребения встречаются во времени чрезвычайно широко.

До некоторой степени поучителен опыт датировки таких могил в дельте Дона. В 1969 г. в группе «Радутка» Койсугского курганного могильника была обнаружена серия погребений со слабоскорченными и широтно ориентированными скелетами без инвентаря [16, с. 93]. Предварительно они датировались самым началом железного века. В 1971 г. при раскопках соседнего кургана в тождественных захоронениях были обнаружены выразительные вещи IV—III вв. до н. э. [17, с. 48—51].

Погребения, в которых умершие помещены в данной позе, совершались на протяжении всего савромато-сарматского периода. Например, если взять могилы с вытянутыми на боку скелетами, то, по подсчетам К. Ф. Смирнова [4, с. 92], в конце VII—VI в. до н. э. они составляют 13,2%, в конце VI—V в. до н. э.— 2,2, в конце V—IV в. до н. э.— 1,1%. В раннесарматское время (прохоровская культура) [18, с. 21, табл. 1, *3*, табл. 3, *2*, *6—9*, табл. 4, *1*] при господстве вытянутого на спине положения скелета продолжают встречаться могилы, в которые умерший помещался вытянуто на боку или с подогнутыми ногами.

Совершенно аналогичный обряд трупоположения фиксируется у более поздних народов: угров [19, с. 118; 20, с. 128—136], кочевников Дешти-Кыпчака XI—XIII вв. Отмечен он в захоронениях на мусульманских кладбищах Золотой Орды и татарских ханств [11, с. 37, 38; 21, с. 1—110; 22; 23; 24, с. 299—321; 25, с. 180—186; 26, с. 197, 198; 27, с. 157—160, рис. 6—8] (кладбища эти нередко устраивались на курганных насыпях). Ко времени исламизации степного населения можно отнести, в частности, те погребения, скелеты в которых лежат без сопровождающего инвентаря, на боку, с вытянутыми или незначительно подогнутыми ногами, ориентированные черепом широтно, а лицевой частью черепа на юг, т. е. в сторону священных мест ислама (кибла). Интересно, что если из известной в настоящее время совокупности хорошо датированных погребений переходного периода выделить могилы со скелетами, зафиксированными в описанной позе, то в этой группе преобладает ориентировка лицевой частью черепа к югу [28, с. 66, 67, 69, 70, 257, 258, табл. 8, 9; 29]. Таким образом, в эпоху перехода от бронзы к железу была совершена группа захоронений, ритуал которых в ряде существенных черт формально совпадает с исламскими нормами (причем с вариантом киблы, приемлемым именно для южнорусских степей, по отношению к которым священные места мусульман находятся на юге).

Значительное формальное сходство позднесредневековых и позднейших предсавроматских ритуалов положения тела умершего было отмече-

но В. В. Дворниченко [30]. Анализируя материалы Кривой Луки (Астраханское Поволжье), исследователь обратил внимание на серию широтно ориентированных погребений со слабоскорченными или вытянутыми на боку скелетами. Упомянув имеющуюся в практике археологических исследований традицию датировать такие погребения эпохой перехода от бронзы к железу, он указал на то, что в нескольких из указанных погребений были обнаружены вещи, относящиеся, безусловно, к эпохе поздних кочевников.

Столь подробно на проблеме атрибуции этих погребений имеет смысл остановиться потому, что отмеченный стереотип датировки проявляется и сейчас. В монографии А. И. Терехожкина [31] (ее анализ дан ниже) и в статье В. И. Мамонтова [32, с. 178, рис. 1, *5*, *6*, *9—12*, *14—17*, с. 179, рис. 2, *5*, *6*, *8*, с. 180, рис. 3, *1—5*, *7*, *8*, *13—17*, с. 188—192, табл. 4, 6—8, 10, 11, 13, 14, 16—18, 21—23, 26, 27, 29, 32, 33, 35, 37—43, 46—48] значительное количество таких погребений безоговорочно отнесено к эпохе перехода от бронзы к железу (по терминологии В. И. Мамонтова, это поздний этап срубной культуры). В сводке В. И. Мамонтова их 30 из 50: 1) Быково I, кург. 4, погр. 7 (лопатка и ребра барана); 2) Быково I, кург 9, погр. 6; 3) Быково, раскопки А. С. Скрипкина 1977 г., кург. 6, погр. 1; 4) Быково I, кург. 4, погр. 13 (костяная проколка, кости барана, астрагалы); 5) Быково I, кург. 16, погр. 10 (угли в засыпке); 6) Быково I, кург. 12, погр. 8; 7) Быково I, кург. 11, погр. 1; 8) Быково I, кург. 13, погр. 4 (угольки); 9) Покровск, кург. 3, погр. 2 (кости коровы); 10) Быково II, кург. 2, погр. 4 (меловая посыпка); 11) Быково III, кург. 3, погр. 4; 12) Рыбный, кург. 3, погр. 2; 13) Заплавное, кург. 8, погр. 5; 14) Быково I, кург. 5, погр. 5; 15) Ершовка, кург. 1 (каменная кладка, в центре кургана — каменная плита); 16) Балкин, кург. 6, погр. 2; 17) Старица, кург. 58, погр. 2 (кости барана); 18) Котлубань II, кург. 5, погр. 2; 19) Котлубань II, кург. 6, погр. 6; 20) Жутово I, кург. 77, погр. 4; 21) Старица, кург. 50, погр. 1; 22) Старица, кург. 50, погр. 7; 23) Балкин, кург. 6, погр. 2; 24) Цаца, кург. 10, погр. 7 (кусок кремня, альчик); 25) Цаца, кург. 5, погр. 2; 26) Капитанский, кург. 13, погр. 1; 27) Аксеновский, кург. 8, погр. 1; 28) Кривая Лука II, кург. 2, погр. 4 (мелкий бронзовый предмет неясного назначения); 29) Кривая Лука II, кург. 1, погр. 9; 30) Кривая Лука III, кург. 1, погр. 7.

В. И. Мамонтов в отличие от К. Ф. Смирнова не включает в сводку погребения, инвентарь которых тяготеет к новочеркасскому комплексу, но таких в Поволжье очень мало.

В погребениях приведенного выше списка инвентарь или полностью отсутствует, или указаны такие широко распространенные элементы похоронной обрядности и такие невыразительные сопровождающие вещи, что говорить обоснованно о датировке этих могил исключительно переходным периодом нельзя.

В итоге можно сказать, что часть безынвентарных погребений со слабоскорченными или вытянутыми на боку скелетами действительно могла быть совершена в переходное от бронзы к железу время, поскольку в серии идентичных по обряду могил был обнаружен хорошо датируемый инвентарь. Генезис этого ритуала связан, видимо, с борьбой между ритуалами традиционными, господствовавшими в степи в эпоху поздней бронзы (скелеты на боку в явно скорченном положении), и ритуалами новыми, побеждающими в скифо-савроматской культуре (скелеты на спине вытянуто). Появление погребений описанного типа было, вероятно, проявлением компромисса между традициями и нововведениями в погребальной обрядности [4, с. 31, 183 сл.]. Из приведенных выше примеров следует, что аналогичные захоронения в небольшом количестве совершались на протяжении всего раннего железного века и в позднекочевническое время. Вероятно, их количество возросло после исламизации тюркоязычного населения степей Восточной Европы. Очевидно, что они совершались до весьма позднего времени [33, с. 135, 136]. Поэтому данный обряд положения умершего в могилу нельзя считать свойственным ис-

исключительно переходному (киммерийскому, позднейшему предскифскому и т. п.) периоду, определяющим только для него. Основанием для датировки такого погребения именно переходной эпохой может быть только выразительный инвентарь или четкое стратиграфическое положение (если погребение данного вида перекрывается раннесавроматским захоронением конца VII — VI в. до н. э.). Но случаи последнего рода практически неизвестны.

Необходимо подчеркнуть, что, выясняя структуру погребальной обрядности переходного периода, мы можем говорить о безынвентарных могилах с вытянутыми на боку или слабоскорченными скелетами как об элементе этой структуры. Но составить конкретный список таких погребений, отделить их от совершенно идентичных сарматских и позднекочевнических захоронений, установить их более или менее точное количество мы не можем.

Итак, после исключения из сводки К. Ф. Смирнова погребений, расположенных за пределами волго-донских степей или не датирующихся достаточно уверенно переходным временем, остается 18 захоронений, которые можно отнести к этому периоду вполне определенно.

Небольшая сводка регионального характера содержится также в книге В. Е. Максименко, посвященной кочевому населению Нижнего Дона в раннем железном веке [34, с. 22—25]. В. Е. Максименко выделяет 21 погребение переходного времени. В основном эта серия хорошо датируется по выразительному инвентарю. В то же время исследователь включил в нее несколько захоронений со слабоскорченными или вытянутыми на боку скелетами, не сопровождающимися вещами (хут. Веселый, кург. 1, погр. 2; хут. Алитуб, кург. 1, погр. 1; хут. Усьман, кург. 2, погр. 4; хут. Усьман, кург. 3, погр. 1).

Погребения переходного периода Северного Причерноморья (с привлечением материалов соседних территорий) наиболее полно анализировались в последние годы А. М. Лесковым и А. И. Тереножкиным. Сводка этих памятников, содержащаяся в рукописи докторской диссертации А. М. Лескова [35], в основном перекрывается списком киммерийских памятников, опубликованным в 1976 г. А. И. Тереножкиным [31, с. 25—69]. На работе А. И. Тереножкина необходимо остановиться подробнее.

Каталог А. И. Тереножкина включает различные категории археологических памятников, расположенных на обширной территории от Болгарии до Южного Приуралья. Только для степной полосы им указано 88 местонахождений, или 118 случаев обнаружения отдельных могил или вещевых находок без зафиксированных признаков захоронения. В 35 случаях обнаружены отдельные вещи («случайные находки») или вещевые комплексы («клады», или остатки инвентаря уничтоженных захоронений). Не касаясь в настоящей статье чисто вещевых находок, остановимся на погребениях и на обосновании их атрибуции как погребений киммерийцев — этноса, населявшего степную полосу в эпоху перехода от бронзы к железу.

А. И. Тереножкин включил в число степных памятников пять объектов, расположенных за пределами степной ландшафтной зоны: 1—2 могильники Енджа и Белоградец [31, с. 34, 35, 42, 43], фиксируемые не в степи, а в зоне плато Добруджа и гор Стара Планина; 3) погр. 2 в кург 1 у станицы Букановской в воронежской лесостепи [31, с. 37]; 4) погребения (кург. 2, погр. 1; кург. 3, погр. 3) у с. Марьино [31, с. 52], в пределах физико-географической провинции Горный Крым, конкретно — в зоне северной передовой куэсты Крымских гор [36, с. 509, 516, 520, цветная вклейка][1]; 5) погребение в Ставрополе в той зоне [31, с. 61, 62], которая выделяется в окружающей степи по своему ландшафту и которая была, судя по исследованиям последних лет [40, с. 31, 32, 35],

[1] Впервые опубликовавший марьинские материалы А. А. Щепинский относил их к кизил-кобинской культуре и связывал их с таврами [37, с. 252, 255, 257, 258, 261]. Этническое тождество тавров и носителей кизил-кобинской культуры может быть поставлено под сомнение [38, с. 16—19; 39], однако бесспорно то, что марьинские погребения находятся не в степи.

объектом проникновения кобанских культурных (и, вполне возможно, этнических) элементов; его обряд и инвентарь, во всяком случае, не опровергают суждений о кобанском облике памятника.

В каталоге А. И. Тереножкина имеются 11 погребений с недостаточно прослеженным или полностью неизвестным ритуалом: Веселый (кург. 1, погр. 1), Волошское, Камышеваха, Стрижена Могила, Норка, Парканы (кург. 178); Петрово-Свистуново, Привольное, Ростов-на-Дону, Суворово (кург. 7), Терновое [31, с. 38, 39, 48, 49, 53, 54, 57, 58, 64, 66].

Необходимо, к сожалению, констатировать, что часть погребений была датирована А. И. Тереножкиным неверно, хотя многие из них имели довольно выразительный инвентарь. Чтобы избежать возможных недоразумений, проанализируем такие случаи.

Погребение в кург. 7 у с. Перещепино на Днепропетровщине содержало скелет взрослого человека, вытянутый на правом боку, черепом на запад. Рядом с головой находились кости барана и маленький глиняный сосуд с вогнутым дном и горизонтальной ручкой. И авторы раскопок, и А. И. Тереножкин [31, с. 57, 58; 41, с. 53, 54, рис. 40, 44] считают погребение киммерийским, видимо, из-за позы погребенного, но не указывают никаких аналогий найденному сосуду редкой формы. Сосуд не может быть отнесен к черпакам предскифского времени, ручки которых только вертикальны. Наиболее вероятно, что горизонтальная ручка на перещепинском сосуде является результатом влияния античной столовой посуды, а погребение было совершено в сарматскую эпоху. Что касается отдельного обрядового признака, то он, как отмечалось выше, не может являться устойчивым основанием для датировки.

В кург. 58/26 у Саркела было обнаружено погр. 9 [31, с. 59], которое ни по обряду, ни тем более по инвентарю (среди вещей — типичная раннесарматская бронзовая пряжка) не может датироваться киммерийским временем [18, с. 15; 42, с. 74]. В этом же кургане имелось погр. 10 [31, с. 59], об обряде и инвентаре которого (железные наконечник дротика, нож и пряжка, каменный оселок, кремневый отщеп) можно уверенно сказать то же самое [3, с. 10; 42, с. 74].

В 1957 г. Н. Я. Мерперт исследовал курганы у хут. Степана Разина в Волгоградской обл. Погр. 14 и 15 в кург. 1 А. И. Тереножкин отнес к киммерийскому времени [31, с. 59], причем погр. 14 не содержало выразительного инвентаря [43, с. 39, 45, табл. 10; 44, с. 84, 95, 96, рис. 2, 3]. Датировка погр. 14 скорее всего дана из-за обрядового сходства с погр. 15. В последнем скелет лежал скорченно, на левом боку, черепом на восток и сопровождался сосудом. Видимо, сосуд был знаком А. И. Тереножкину лишь по краткому описанию в публикации, иначе ошибка в дате погребения не была бы допущена. Это типично сарматский сосуд, датирующийся скорее всего сусловским этапом, но не раньше [43, с. 40, табл. 10]. Н. Я. Мерперт не только уверенно относит погр. 14 и 15 к сарматскому времени, но и выделяет в кург. 1 особый участок захоронений этого периода со скорченными скелетами, сопровождающимися четко датируемым инвентарем [43, с. 45].

А. И. Тереножкин отнес к памятникам киммерийцев и погр. 41 в грунтовом могильнике у с. Фронтовое в Крыму (раскопки В. Н. Корпусовой в 1965 г.) [31, с. 66, 67, рис. 35, *11*, *12*]. Такая датировка опирается исключительно на скорченное положение погребенного, хотя хорошо известно наличие скорченных трупоположений в античных и скифских могильниках Северного Причерноморья. Что касается найденных в могиле украшений, то они достаточно выразительны. Их дата V—III вв. до н. э. [45, с. 112, 113, рис. 49, *7*; 46, с. 35, табл. 22, *13—17*].

В некоторых работах по проблеме перехода от бронзы к железу стало привычным датировать киммерийским временем все три могилы, обнаруженные В. А. Городцовым в насыпи кургана у хут. Черногоровка [47, с. 242, табл. XIII, *2—7*]. Наиболее глубокая из этих могил (погр. 3) была снабжена выразительным инвентарем (уздечный набор) и датируется киммерийской эпохой уверенно. В погр. 1 и 2 лежали скорченные на боку скелеты (погр. 1 — на правом боку, черепом на запад, погр. 2 —

на левом боку, черепом на северо-восток). В публикации В. А. Городцов не писал, что эти погребения перекрывают друг друга; он отмечал лишь разницу в глубине могил. Однако Б. Н. Граковым был опубликован рисунок, бесспорно свидетельствующий о том, что погр. 1 позже погр. 2, а погр. 2 позже погр. 3 [48, с. 126, 127, рис. 88]. Погребение 1 безынвентарно. В погр. 2 были обнаружены керамика, бронзовые игла и шило. К сожалению, В. А. Городцов не опубликовал изображения керамики, не было сделано это и позже. В. А. Городцов лишь кратко упомянул «глиняный кувшинчик с ручкой» и «второй узкогорлый сосуд», которые А. И. Тереножкин, правда предположительно, называет уже «черпаком» и «кубком» [31, с. 67, 68]. Тем не менее, учитывая стратиграфическую ситуацию и общий облик сопровождающего инвентаря, погр. 2 можно отнести к позднейшему предскифскому времени. Этого нельзя сказать о безынвентарном и стратиграфически наиболее позднем погр. 1. Его дата стратиграфически сверху не ограничена, а факты совершения скорченных захоронений на протяжении всего скифо-сарматского времени хорошо известны.

Вместе с черногоровским погр. 1 А. И. Тереножкин относит к киммерийским степным памятникам еще пять безынвентарных могил: Веселый, кург. 1, погр. 2 и кург. 3, погр. 6; Софиевка, кург. 40, погр. 1; Суворово, кург. 9 и кург. 10. Об ошибочности отнесения слабоскорченных или вытянутых на боку трупоположений исключительно к переходному периоду говорилось выше. Что касается Суворовского могильника, то датировка всех раскопанных курганов киммерийским временем была бы оправдана, если бы там не было обнаружено погребение позднекочевнического времени, объединенное авторами раскопок в один комплекс с могилой переходного времени [31, с. 63; 49, с. 33, 34, рис. 74—80]. Из всех безынвентарных погребений исключение, может быть, следует сделать только для погр. 5 в кург. 6 у хут. Жирноклеевского. Оно находилось под погр. 9, имевшим идентичный обряд и выразительный набор костяных предметов конской упряжки [31, с. 43, 44].

Наконец, отметим комплексы, относящиеся ко времени стыка «переходных» памятников с предшествующими белозерскими. Нас интересует сложность атрибуции данных комплексов, проблематичность их четкого отнесения к белозерской или переходной эпохе. Среди них — основная могила в кургане у с. Новопетровка, раскопанном В. И. Гошкевичем в 1895 г. А. М. Лесков датировал памятник белозерским временем [50, с. 41, 42], А. И. Тереножкин, ссылаясь на вытянутое положение скелета и находку железного ножа,— новочеркасской ступенью (750—650 гг. до н. э.) [31, с. 69]. Назовем также основное погребение в кургане у хут. Шированка в Николаевской обл. Обряд погребения в целом белозерский (скелет лежит скорченно, на правом боку, черепом на юго-юго-запад). Инвентарь пока не опубликован, но, судя по описанию, это вещи, хорошо известные в белозерских памятниках. Тем не менее А. И. Тереножкин относит погребение к черногоровской ступени киммерийской культуры (900—750 гг. до н. э.) [31, с. 68].

Такая ситуация не является следствием ошибок или каких-либо упущений. Очевидно, что здесь просто еще не исчерпаны возможности научного анализа, недостаточно уточнено содержание понятия «переходный период». Иное дело, когда мы сталкиваемся с неправильной датировкой погребений с инвентарем или с безосновательной атрибуцией безынвентарных слабоскорченных трупоположений как могил сугубо киммерийского времени. Здесь ослабление внимания к методической стороне исследования, к проблеме отбора фактов может привести к определенным просчетам в выводах, в реконструируемой картине древнего общества. Например, по данным А. И. Тереножкина, положение погребенного было детально зафиксировано в 13 погребениях новочеркасской ступени. При этом автор, характеризуя ритуалы погребений новочеркасского времени, считает, что преобладающим видом трупоположения является положение тела умершего в вытянутом состоянии на боку [31, с. 96, 98, 103]. Такое впечатление могло возникнуть, во-первых, потому, что в сводку были

включены безынвентарные погребения с именно таким ритуалом, во-вторых, из-за неполной мобилизации материалов (в частности, не в полной мере были использованы хорошо датируемые киммерийским временем могилы из сводки К. Ф. Смирнова). Более или менее полное использование устойчиво датированных и хорошо документированных комплексов приводит к другим выводам. По нашим данным, из 72 погребений переходного времени в степях Юго-Востока Европы в 23 случаях скелеты находились вытянуто на спине, в 33 случаях скелеты лежали явно (сильно) скорченно и лишь в 16 погребениях костяки имели промежуточное (компромиссное, по выражению К. Ф. Смирнова) положение: слабоскорченно или вытянуто на боку [28, с. 65, 254, табл. 4].

По-видимому, еще более далекая от истины модель погребальной обрядности переходного периода получена В. И. Мамонтовым. Для него, вероятно, прием датирования безынвентарных погребений с костяками, лежавшими в «компромиссной» позе, исключительно переходным периодом стал одним из основных методов сбора фактического материала. И хотя из публикаций и архивных данных можно извлечь еще большее количество погребений, необоснованно датируемых предскифской эпохой, в сводке В. И. Мамонтова они и так занимают 60% всего количества (30 из 50). Если же в сводке оставить комплексы, имеющие более или менее выразительный инвентарь (керамика, бронзовые однолезвийные ножи и др.), то окажется, что преобладают погребения со скорченными скелетами (13 из оставшихся 20) [32, с. 178—182, 188—192]. По подсчетам автора этих строк, в Нижнем Поволжье к середине 70-х годов было исследовано 21 погребение, устойчиво датирующееся переходным периодом, где было полностью зафиксировано положение человеческих скелетов. В 7 погребениях скелеты лежали вытянуто на спине, в 11 случаях они были явно (сильно) скорчены, и лишь в 3 захоронениях их положение было «переходным» («компромиссным») [28, с. 65, 66, 254, табл. 4].

Как указывалось выше, работа В. И. Мамонтова уже была подвергнута критике со стороны В. В. Дворниченко [30, с. 60, 62, 63], и именно в источниковедческом плане. В. В. Дворниченко совершенно справедливо указал на то, что в построениях В. И. Мамонтова инвентарь не играет существенной роли, а сама выборка производит впечатление случайной [2]. Однако и самого В. В. Дворниченко можно упрекнуть в некоторой непоследовательности, когда он относит к предскифскому времени погребения хотя и не безынвентарные, но с недостаточно выразительным инвентарем. В основе такого подхода, видимо, лежит желание максимально полного привлечения материала — желание понятное, но нередко приводящее к методическим погрешностям на источниковедческом уровне исследования.

Сходное положение наблюдается в восточной части степной полосы. Здесь в различных регионах количество погребений времени перехода от бронзы к железу или ничтожно, или само их наличие в раскопанных до сих пор могильниках можно поставить под сомнение, несмотря на появляющиеся в литературе попытки выделить серии «переходных захоронений». Вопрос о погребениях времени перехода бронзы к железу в приуральских степях, а также на территории Зауралья и Казахстана рассмотрен нами в специальной статье [51, с. 38—51].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что включение безынвентарных погребений в сводки памятников переходной эпохи может привести к существенному искажению статистических данных и общей реконструированной картины. Дело в том, что сложилось обыкновение относить к переходному времени могилы со скелетами, лежащими в «переходной позе» — слабоскорченно или вытянуто на боку. Что касается безынвентарных погребений с вытянутыми на спине или явно скорченными костяками, то первые почти автоматически относят к скифо-сарматскому вре-

[2] В настоящее время В. И. Мамонтов склонен исключить безынвентарные погребения из сводки памятников переходного периода (личное письмо к автору этих строк). Однако мы считаем необходимым опубликовать свой критический анализ сводки В. И. Мамонтова, поскольку она введена в научный оборот на страницах ведущего советского археологического журнала.

мени, а вторые — к эпохе бронзы. Однако совершенно ясно, что погребения со скелетами в «промежуточных» позах совершались не только в переходное время, а погребения со скорченными или вытянутыми скелетами могут датироваться также и этой эпохой. Основным аргументом в пользу такого вывода является наличие в погребениях всех указанных разновидностей вещей киммерийского этапа.

По-видимому, есть только один путь объективно исследовать погребальные обряды переходного этапа: необходимо изучать совокупность лишь тех погребений, которые содержат в качестве сопровождающего инвентаря предметы, вполне определенно датируемые временем именно перехода от бронзы к железу. Набор таких специфических для киммерийской эпохи вещей выделен в результате многочисленных исследований специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М.: Сов. энциклопедия, 1965.
2. *Формозов А. А.* О критике источников в археологии.— СА, 1977, № 1.
3. *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М.: Наука, 1963.
4. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
5. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78.
6. *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.) — МИА, 1960, № 78.
7. *Артамонов М. И.* Раскопки курганов на Маныче в 1937 г.— СА, 1949, т. IX.
8. *Греков П.* Отчет о раскопках в 1900 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1900/1, № 21.
9. *Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.
10. *Маловицкая Л. Я.* Отчет Астраханской экспедиции ЛО ИА АН СССР, за 1965 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3429.
11. *Синицын И. В.* Древние памятники Саратовского Заволжья.— В кн.: Археологический сборник. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1966.
12. *Ильин А. М.* Земский курган.— Зап. Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Кн. I. Т. 3. Вып. 3—4. Ростов-на-Дону, 1924.
13. *Шилов В. П.* Отчет о работах Астраханской экспедиции в 1962 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2727.
14. *Максименко В. Е.* Отчет об археологических работах в Азовском и Константиновском районах Ростовской области в 1969 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3873.
15. *Мелентьев А. Н.* Погребения эпохи бронзы в Задонье.— КСИА, 1969, вып. 115.
16. *Максименко В. Е.* Раскопки курганов на Нижнем Дону.— АО — 1969, М., 1970.
17. *Горбенко А. А., Кореняко В. А.* Раскопки Койсугского курганного могильника в 1971 г.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1973.
18. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. М.: Наука, 1963.
19. *Барта А.* Истоки венгерской культуры X в.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.
20. *Эрдели И.* Об археологической культуре древних венгров конца IX — первой половины X в. н. э.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.
21. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. СПб., 1908.
22. *Артамонова О. А.* Могильник Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1963, № 109.
23. *Плетнева С. А.* Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1963, № 109.
24. *Когонашвили К. К.* Приложение.— В кн.: Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье в V—I тыс. до н. э. Симферополь: Таврия, 1969.
25. *Яблонский Л. Т.* Исследование средневекового некрополя на городище у с. Селитренное.— В кн.: Полевые исследования Института этнографии, 1976. М.: Наука, 1978.
26. *Яблонский Л. Т.* Некоторые результаты исследования средневекового мусульманского некрополя Селитренного городища в 1976—1977 гг.— В кн.: Полевые исследования Института этнографии, 1977. М.: Наука, 1979.
27. *Иессен А. А.* Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе.— МИА, 1965, № 125.
28. *Кореняко В. А.* Степное население Юго-Востока Европы в эпоху перехода от бронзы к железу (по обрядам погребения): Канд. дис. (ИА АН СССР, 1978).— Архив ИА АН СССР, р-2, № 2251.
29. *Кореняко В. А.* Степное население Юго-Востока Европы в эпоху перехода от бронзы к железу (по обрядам погребений). Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1979.
30. *Дворниченко В. В.* Погребения предскифского времени на Нижней Волге.— КСИА, 1981, вып. 170.
31. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
32. *Мамонтов В. И.* О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском Междуречье.— СА, 1980, № 1.

33. *Шнайдштейн Е. В.* Пережитки культуры средневековых кочевников у современных народов Нижнего Поволжья.— Вест. Калм. НИИЯЛИ, 1974, № 10.
34. *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1983.
35. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на Юге Украины. Докт. дис.: ИА АН СССР, 1975.— Архив ИА АН СССР, р-2, № 2203, 2204.
36. Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 13. М.: Сов. энциклопедия, 1973.
37. *Щепинский А. А.* Марьинские курганы эпохи бронзы.— Зап. Одесского археологического общества. Т. 1. Одесса, 1960.
38. *Крис Х. И.* Памятники юго-западного Крыма VIII—V вв. до н. э. (кизил-кобинская культура и тавры): Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
39. *Крис Х. И.* Кизил-кобинская культура и тавры. М.: Наука, 1981.
40. *Козенкова В. И.* О границах западного варианта кобанской культуры.— СА, 1981, № 3.
41. *Телегин Д. Я., Беляев А. С., Васильченко С. А., Мезенцев В. И., Белозор В. П.* Отчет о работе экспедиции «Днепр—Донбасс» в 1973 г.— Архив ИА АН УССР, д. № 1973/6.
42. *Иессен А. А.* Раскопки курганов на Дону в 1951 г.— КСИИМК, 1954, вып. 53.
43. *Мерперт Н. Я.* Отчет о полевых исследованиях I отряда Сталинградской экспедиции ИИМК АН СССР 1957 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1972.
44. *Мерперт Н. Я.* Раскопки в Нижнем Поволжье.— В кн.: Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967.
45. *Яковенко Е. В.* Скіфи східного Криму в V—III ст. до н. е. Киев: Наук. думка, 1974.
46. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. М.: Наука, 1978.
47. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г.— Тр. XII АС. Т. I. М., 1905.
48. *Граков Б. Н.* Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во МГУ, 1977.
49. *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т., Алексеева И. Л.* Отчет об исследованиях Днестро-Дунайской (новостроечной) археологической экспедиции ИА АН УССР и Одесского археологического музея за 1970 г.— Архив ИА АН УССР, № 1970/40.
50. *Leskov A. M.* Die skythischen Kurgane.— Antike Welt. Sondernummer, 1974.
51. *Кореняко В. А.* О погребениях времени перехода от бронзы к железу в приуральских степях.— В кн.: Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.

V. A. Korenyako

BURIALS OF THE PERIOD OF TRANSITION FROM THE BRONZE TO IRON AGE IN THE SOUTH-EASTERN EUROPEAN STEPPES

Summary

The author has set out to analyse the published burial summaries related to the period of transition from Bronze to Iron ages (Cimmerian or late pre-Scythian times). He discusses archaeological sources and the selection of facts pattern. The range of published burials includes a large amount of graves containing no grave goods, in which the dead were placed on their sides or in a slightly contracted position. It would be erroneous to date such burials by the Cimmerian times only, since similar burials were made in later periods, from the Scythian-Sarmatian times to the Golden Horde and the Tatar khanates period. The publications contain burials with grave goods erroneously ascribed to the pre-Scythian times. Each case of mis-dating is analysed. The sites of the transitional periods should be dated only in case they contain objects which can be precisely dated.

МАЛЕВСКАЯ М. В., ФОНЯКОВ Д. П.

ПОСТРОЙКИ ДРЕВНЕГО ТОРОПЦА

Торопецкое Малое городище, детинец древнерусского города Торопца, расположено на моренном холме овальной формы (95×60 м) на берегу оз. Соломено, через которое протекает р. Торопа. По краю холма насыпан мощный кольцевой вал, его гребень возвышается на 14,5 м над уровнем озера. С северной стороны хорошо прослеживается въезд в город.

В 1938 г. Н. П. Милонов заложил на городище раскоп площадью около 200 м². В верхней части культурных напластований исследователь изучил остатки производственной постройки XV в. и жилища XIII в. Ниже были раскрыты остатки многочисленных сооружений, ни одно из которых не удалось изучить полностью [1, л. 21; 2, с. 111]. В 1957—1958 гг. Я. В. Станкевич вскрыла в западной части городища площадь в 512 м² [3, 4]. Были изучены остатки 18 построек, относившихся к двум строительным горизонтам. Запланированные на 1959 г. работы не состоялись из-за внезапной кончины Я. В. Станкевич. В 1960—1961, а затем в 1965 г. раскопки на Малом городище продолжались под руководством Г. Ф. Корзухиной и М. В. Малевской [5—7]. Была доведена до материка западная половина раскопа, начатого Я. В. Станкевич, площадью 252 м². В культурном слое мощностью до 3 м исследовано еще семь строительных горизонтов деревянных сооружений конца XI — середины XIII в., выявлена система застройки детинца, подчиненная кривизне вала, открыто 37 жилых и хозяйственных построек, настилы около них, улица. Однако в печати эти работы не получили полного отражения [8, с. 98—100; 9—12]. Тем не менее опубликованный материал позволил Ю. П. Спегальскому высказать соображения о характере застройки городища и дать графическую реконструкцию перекрытий одной из построек. Эти данные существенно дополнили выводы автора о древнерусских массовых жилищах, полученные в результате раскопок Старой Ладоги и Новгорода [13, с. 90—94].

Уже давно назрела необходимость опубликовать в более полном объеме материал, относящийся к постройкам древнего Торопца, тем более что в своде П. А. Раппопорта жилища этого памятника описаны суммарно [14, с. 111]. Начнем с описания тех построек, которые археологически полностью исследованы, но не изданы. Рассмотрим сначала наиболее ранние сооружения.

9-й строительный горизонт (конец XI — начало XII в.) [10, с. 178].

Постройка 40, вероятно, хозяйственная. От нее уцелели фрагменты трех бревен нижнего венца. Размер юго-западной стены 2,9 м. Врубка единственного уцелевшего юго-западного угла сделана в обло. Доски пола уложены на грунт (рис. 1).

Постройка 42. Установить ее назначение не удалось. Сохранились неполностью два бревна нижнего венца, врубка западного угла, сделанная в обло, и древесный тлен от пола с едва заметным направлением волокон.

8-й строительный горизонт. Вскрыты остатки всего одного сруба, ориентированного иначе, чем предшествующие постройки. Угол смещения примерно 20°.

Постройка 39. Размеры 3,0×3,1 м. Сохранился нижний венец, рубленный в обло, и остатки второго венца. Для нивелировки углов применены подкладки: под восточным концом северного бревна — параллельный ему обрубок, а под юго-восточным углом сруба — «подкладочный угол» из врубленных одно в другое бревен длиной 1,85 и 1,70 м. Настил пола

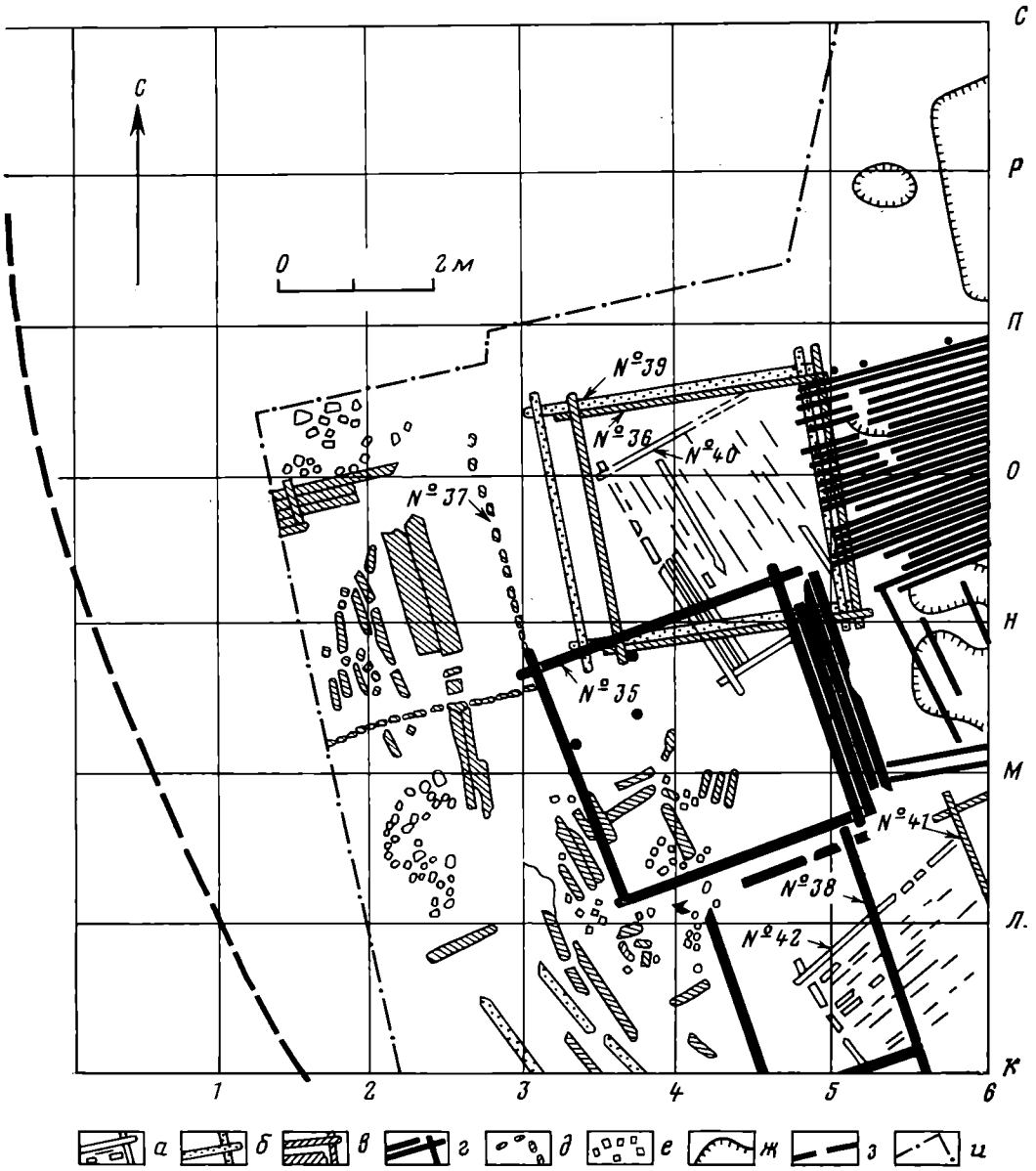


Рис. 1. Совмещенный план-схема построек 6—9-го строительных горизонтов (срубы 35—42). *а* — 9-й горизонт; *б* — 8-й горизонт; *в* — 7-й горизонт; *г* — 6-й горизонт; *д* — колья и горбыли; *е* — камни; *ж* — навозная яма; *з* — линия направления вала; *и* — граница раскопа 1965 г.

не сохранился, но уцелели две лаги, которые, как и бревна сруба, слегка обгорели. Можно предполагать, что постройка была разобрана после пожара. Вне постройки у северной стены обнаружены четыре колышка диаметром 6—8 см, а к западу от постройки прослежены остатки дощатого настила. Находки в заполнении постройки — пружины нутряных замков, фрагмент замочной личины, ключ, шиферные пряслица и фрагменты кожаной обуви — допускают отнесение ее к числу жилых, несмотря на отсутствие печи, которая могла быть полностью уничтожена при разборке пола, что неоднократно отмечено во время раскопок в Новгороде [15, с. 126]. Нижний венец постройки сложен из бревен диаметром 22—23 см, что, по наблюдениям П. И. Засурцева, также может свидетельствовать о ее принадлежности к жилищам [16, с. 18].

7-й строительный горизонт. Здесь выявлены остатки трех построек. Одна из них (37) опубликована [10, с. 176].

Постройка 36 лежит непосредственно на остатках постройки 39 предшествующего горизонта и отделена от нее подкладками из обрубков бре-

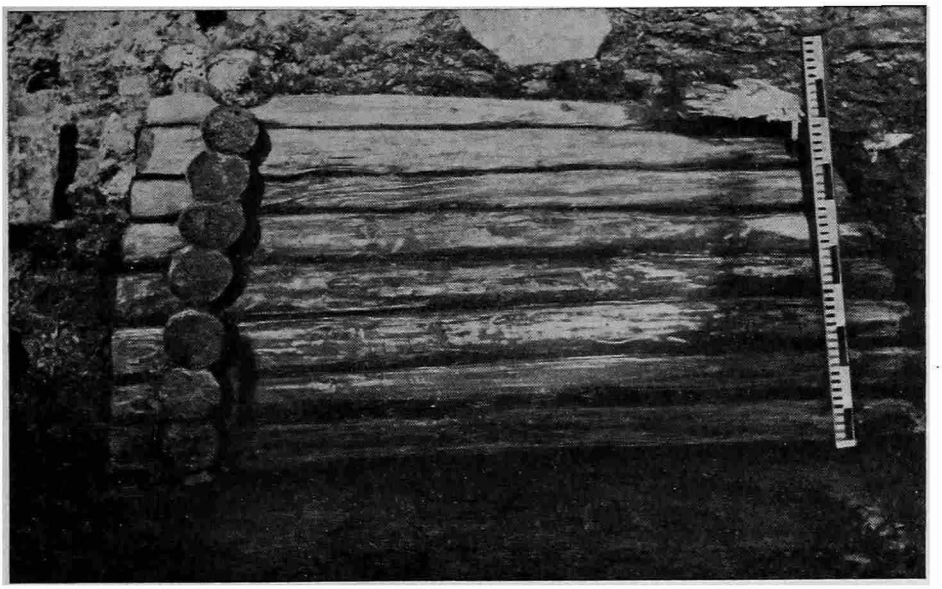


Рис. 2. Постройка 41. Вид с запада

вен, уложенных перпендикулярно бревнам сруба. Под юго-восточным углом — длинная подкладка, параллельная восточному бревну сруба, покоящаяся в свою очередь на четырех коротких поперечных подкладках. Размеры сруба 3×3 м. Пол не сохранился. Среди находок в заполнении постройки — части висячих и нутряных замков, значительное количество фрагментов обуви, бронзовый браслет с косой насечкой, две игрушечные стрелы и маленькая деревянная лопаточка. По-видимому, это было жилище. Дендрохронологическая дата сруба — 1121 г., сообразно с чем весь 7-й горизонт датируется условно 20-ми годами XII в. [17, с. 105].

Постройка 41. Раскрыт лишь ее северо-западный угол, но она представляет особый интерес как сохранившаяся на восемь венцов (рис. 2). Бревна западной стены помечены зарубками от двух до девяти на нижнем и верхнем венцах, т. е. постройка рубилась где-то за пределами детинца, затем была разобрана, перевезена и собрана на новом месте. Сооружение сильно покосилось в восточном направлении. Возможно, это был погреб.

6-й строительный горизонт. Сооружения датируются 40-ми годами XII в. [17, с. 105]. Исследованы остатки двух построек (рис. 1).

Постройка 35. От нее довольно хорошо сохранился нижний венец сруба размером 3,0×3,2 м. Порубочная дата бревна из этого венца — 1143 г. Под юго-восточный угол были уложены один на другой четыре «подкладочных угла». При этом два бревна под восточной стеной соответствовали ей по длине, а другие два бревна под этой же стеной и подкладки под южной и северной стенами были значительно короче. Такое большое количество «подкладочных углов» пришлось применять в связи с тем, что постройка возводилась прямо на культурном слое, а не на основе сруба предшествующего времени. В северо-западном углу сооружения расположены три столбика диаметром 15—16 см, там же слой серой глины мощностью 5—10 см и небольшое количество камней. Это остатки печи, поставленной на столбовой опечек и впоследствии разобранной так же, как и настил пола. Вход в постройку, которую можно считать жилищем, был, по всей вероятности, с восточной стороны, так как здесь к стене постройки снаружи примыкает бревенчатый настил шириной 40 см. Его внешнее бревно укреплено двумя колышками. Порубочная дата бревна из настила та же, что и бревен сруба.

Постройка 38 невелика (1,8×2,6 м). Сохранились два бревна от восточной стены (из которых нижнее и, возможно, верхнее являются подкладками) и по одному, вероятно тоже подкладочному, бревну от других стен. Постройка возведена одновременно с расположенной рядом

постройкой 35: верхнее бревно постройки 38 лежит на одном уровне с нижним подкладочным бревном постройки 35, и для этого верхнее бревно постройки 38 подтесано. По-видимому, постройка 38 имела хозяйственное назначение.

5-й строительный горизонт. Раскрыты остатки семи построек, возведенных в 60-е годы XII в. [17, с. 105]. Шесть из них опубликованы [11, с. 59—61], ниже приводим описание еще одной.

Постройка 26. Размеры примерно 2,6×2,0 м. Ее особенность составляет нижний венец, который сложен из сдвоенных бревен, лежащих параллельно северной и южной стенам. Под северо-восточным углом уложены два «подкладочных угла». При этом восточная сторона «подкладочных углов» длиннее, что связано с падением культурного слоя в юго-восточном направлении. Настил пола не сохранился, но обнаружена лага, северный конец которой врублен в бревно сруба и выступает за пределы постройки. Лага лежала на подкладках. Заполнение постройки — навоз с большим количеством крупной щепы — позволяет считать ее хлевом. Дата рубки одного из бревен (1180 г.) свидетельствует, что хлев этот был построен позже других сооружений 5-го горизонта и в дальнейшем сосуществовал с постройками 4-го горизонта.

4-й строительный горизонт. Одновременно сосуществовали 10 построек. Две из них (26 и 26а) были возведены в предшествующий период, описание шести других опубликовано [11, с. 54—58]; еще две (32 и 33) исследованы неполностью, поэтому их описание мы не даем. По данным дендрохронологии 4-й горизонт датируется 90-ми годами XII в. [17, с. 105].

3-й строительный горизонт (30-е годы XIII в.) [17, с. 105]. Открыто восемь построек. Из них четыре опубликованы [9, с. 76—78], четыре раскопаны частично (13, 17, 18, 18а), поэтому их описание не приводим.

2-й строительный горизонт раскопан на почти вдвое большей площади, чем предшествующие. Раскрыты остатки 21 постройки (рис. 3). Почти все они погибли от сильного пожара. В горелом слое найдены вещи, характерные для первой половины XIII в., например энколпионы киевского производства, костяные двусторонние гребни типа М. Здесь найдены почти все происходящие из Торопца предметы древнерусского вооружения и воинской амуниции: кинжал, наконечники стрел, перекрестье меча, пластины от доспехов, наконечник копья, удила и шпоры типов, бытование которых в основном прекращается к середине XIII столетия. Это дает основание предположительно связывать пожар с литовским набегом 1245 г., когда, по свидетельству летописи, Торопец был на короткое время захвачен неприятелем [18].

В сгоревших постройках 2-го горизонта, сохранились развалы печей, пол и другие детали, позволяющие судить о конструкции построек с большей точностью, чем это возможно для предшествующих горизонтов. Кроме того, здесь найдено множество вещей, которые тоже помогают при интерпретации срубов. Опубликованы четыре сооружения [9, с. 74—76]. Постройки 1а, 2б, 4, 5, 8а исследованы частично, и их описание в тексте статьи опускается. Остается еще 12 полностью исследованных построек.

Постройка 23 погибла от пожара. Она стояла на бревенчатой вымостке, шедшей вдоль оборонительного вала. Сохранился обгоревший накат пола из бревен диаметром 8—12 см, ориентированный с запада на восток и лежащий на трех лагах. Бревна нижнего венца стен уцелели частично: три из них сильно обгорели, а западное, примыкавшее к насыпи вала, сгнило. Развал печи размером 1,35×1 м находился у западной стены, почти посередине ее. Судя по его очертаниям, устье печи было направлено на юг. Вход в постройку мог вести с юга или с востока. В жилище были найдены кальцинированные кости, остатки одежды и украшения женщины, погибшей при пожаре.

Постройка 1 имела размер 3,6×3,4 м. Настил пола был устроен из плах шириной до 25 см. Печь из глины стояла ближе к юго-западному углу на помосте из шести широких плах, уложенных перпендикулярно половицам. Пол в постройке настилался дважды: на 0,2 м ниже верхнего

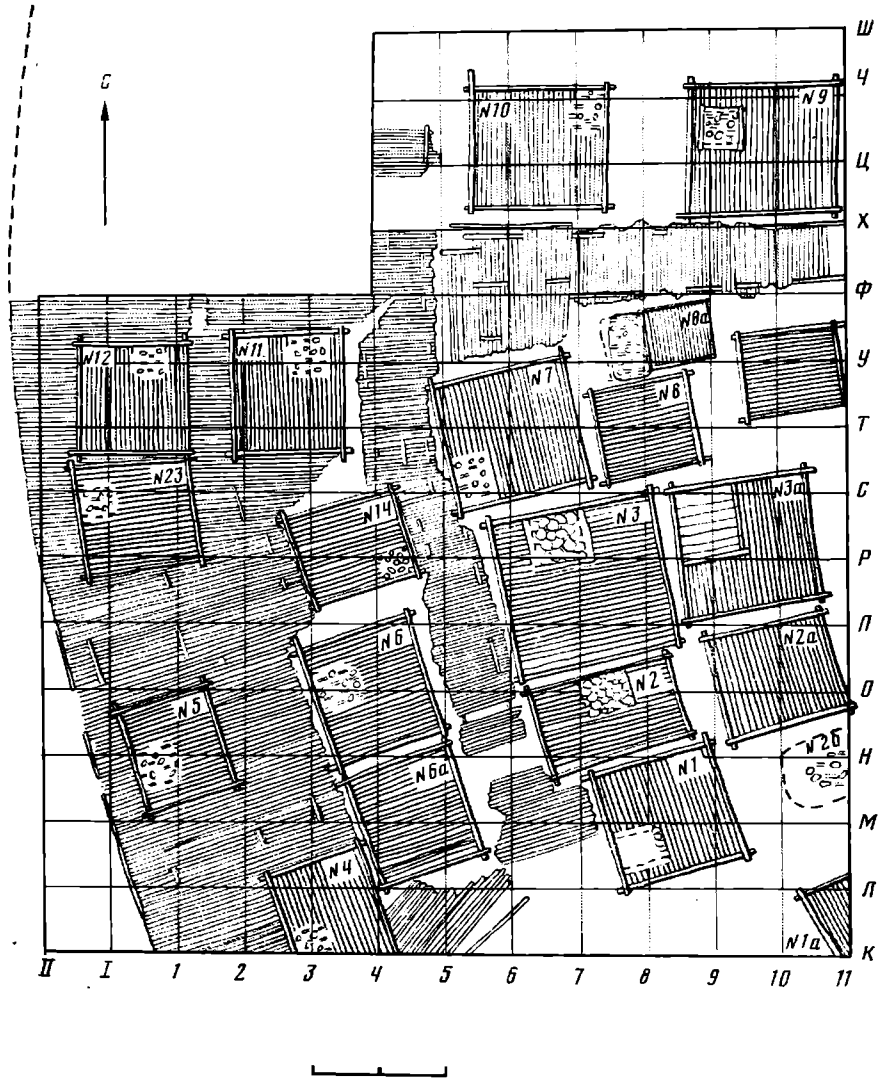


Рис. 3. План-схема построек 2-го строительного горизонта

обнаружен первоначальный настил, тоже из плах, но ориентированных иначе. Верхний настил пола лежал на двух лагах, нижний — на трех и при этом еще опирался на нижний венец сруба. Поверх развала печи и настила пола лежали части обрушившейся крыши в виде балок, плах и мелких плашек — всё обуглившееся. Наличие печи и характер находок (части двух жерновов, кресало и др.) говорят о том, что постройка была жилищем.

Постройка 2. Размеры 4,6×2,6 м. Пол был настлан из плах, уложенных вдоль длинной оси жилища. Он настилался дважды: ниже первого обнаружены остатки предшествующего истлевшего настила пола, ориентированного таким же образом. Печь, сложенная из камней на глине, была расположена на основании из камней и примыкала к северной стене постройки как раз по ее середине. Устье печи было направлено вдоль длинной оси жилища. Вход в жилище находился в одной из его коротких стен.

Постройка 2а соединялась с постройкой 2 настилом из коротких плах, уложенных в несколько рядов по лаге. Сруб имел размеры 3,3×3,1 м. Плахи пола были ориентированы по линии север — юг. Посередине постройки разбросаны камни и обгорелые плахи: длинная — продольная, налегающие на нее под разными углами — короткие. По-видимому, это детали сгоревшего перекрытия. В восточной половине постройки обнаруже-

Рис. 4. Постройки 2 и 3. Вид с севера

ны скопления обгорелого зерна, часть днища бочки и спекшаяся в ком в форме бочонка обгорелая масса, возможно мука. По всей вероятности, постройка 2а использовалась как кладовая.

Постройка 3 (рис. 4) имела размеры 5,2×4,5 м. Пол был настлан из широких досок, уложенных по направлению запад — восток поверх таким же образом ориентированного настила из бревен, лежащих на лагах. Для устройства печи пол был прорублен на участке 1,2×0,5 м, под печь было подведено основание из крупных камней. Печь примыкала к северной стене. От сгоревшего перекрытия почти целиком сохранилась одна слега, части других слег и короткие плашки, а также отдельные пучки соломы. Вход в постройку был расположен в восточной стене, где отмечены детали перехода, соединявшего ее с постройкой 3а. Он был устроен так: вдоль стены постройки 3а на ребро была поставлена доска. Доски, уложенные поверх нее, упирались также в бревно сруба постройки 3 [3, л. 29—31]. Постройка 3 была жилищем. Об этом помимо наличия печи говорят и найденные при расчистке сруба вещи: нижняя часть жернова и поблизости от нее скопление обгорелого зерна с остатками ткани, шиферное пряслице, обломок стеклянного браслета, костяной кочедык, грузила от сетей и большое количество фрагментов керамики.

Постройка 3а. Ее размеры 4,2×3,6 м. Под южной и северной стенами сруба были уложены весьма толстые бревна-подкладки, не доходившие до углов сруба. Северо-западный угол постройки был отгорожен бревенчатыми перегородками в особую камеру размером 1,5×1,8 м. Более длинная перегородка была параллельна западной стене сруба. Полы из досок, опиравшихся на лаги, в основной части постройки и в камере были настланы в различных направлениях, в камере — параллельно ее более длинной стороне. Внутри постройки обнаружено значительное скопление горелого зерна, горшок, заполненный рыбьей чешуей и костями рыб, костяное острие, точильный оселок, шиферное пряслице, железный ключ, плоское железное кольцо, возможно, от двери и другие бытовые предметы. По-видимому, постройка являлась кладовой, составляющей единый комплекс с жилищем 3.

Постройка 7 (рис. 5) имела размеры 4×4,1 м. От южной и восточной стен сохранилось по два бревна, от северной — четыре, а от западной — пять. Бревна пола, диаметром 12—14 см, были уложены по трем лагам в направлении север — юг. На одном участке обгоревшего наката под упавшей на него массивной доской обнаружены истлевшие доски пола, уложенные перпендикулярно бревнам наката. Это один из немногих случаев, когда сохранился не только «черный пол», но и части дощатого на-

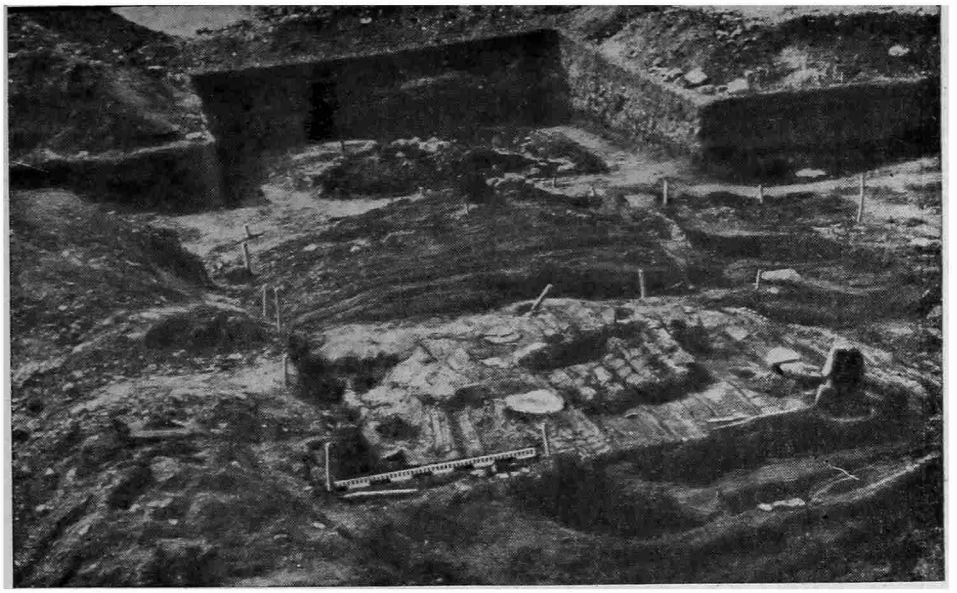


Рис. 5. Постройки 7, 8, 11. Вид с востока

стила поверх него. В юго-западном углу находилась печь, которая была установлена на глиняную подушку толщиной 12 см, уложенную поверх бревенчатого настила пола; бревна наката отпечатались на нижней поверхности этой подушки. В углу постройки под печью был обнаружен разбитый жернов. В северо-западной части жилища на расстоянии 0,6 м от северной и 0,9 м от западной стен выявлен вертикально забитый столбик диаметром 15 см с более тонкой верхней частью, на которую, возможно, надевался нижний круг жернова. Рядом со столбиком найдена половина жернова, обращенная к нему своим отверстием. Посреди постройки поперек наката пола лежало большое бревно и рядом два маленьких, которые, возможно, являлись остатками слег перекрытия. Под накатом пола прослежен массив глины, служивший гидроизоляционной подушкой.

Постройка 7а возведена после пожара на остатках сруба 7. Площадь обеих построек равная. Накат пола новой постройки уложили в прежнем направлении, а печь перенесли в северо-восточный угол. От сруба, как и от печи предшествовавшего жилища, сохранился развал камней и глиняного основания с отпечатками бревен наката. При разрушении постройки 7а на развал печи упала конструкция, состоящая из пяти досок, соединенных с нижней стороны двумя планками. Неполная длина этого «щита» 1,05, ширина 0,4 м. Он, возможно, был связан с внутренним убранством постройки. В северо-западной части жилища рядом со столбиком, связанным с предшествовавшей постройкой, обнаружен другой столбик, диаметром 25 см, с более тонкой верхней частью диаметром 10 см. Рядом с этим столбиком на полу лежал разбитый жернов — нижний и верхний круги. Это подтверждает ранее высказанное предположение о назначении таких столбиков в постройках. Выше уровня пола постройки на слое земли с углями толщиной 10—15 см находились остатки перекрытия в виде обломков центральной и северной слег, ориентированных поперек наката пола, и несколько бревен наката кровли. Вход в постройку, вероятно, был с западной стороны.

Постройка 8 (рис. 5) — небольшая кладовая, расположенная рядом с жилищем 7 и, возможно, с ним связанная. От постройки 8 сохранился нижний венец сруба размером 2,6×2,9 м и дощатый настил пола, ориентированный с запада на восток. Ширина досок от 15 до 40, толщина 6—8 см. Они были уложены на грунт, хорошо пригнаны друг к другу, а их концы упирались в бревна нижнего венца. На настиле находился развал перекрытия постройки, отделенный от пола слоем земли и песка толщи-

Постройка, №	Горизонт	Признаки I–XXV (по коду для описания построек)											
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
40	9	Конец XI в.	1	0	0	0	1	16–19	?	?	4	0	0
42	9	То же	1	0	0	0	1	16–19	?	?	?	?	?
39	8	Начало XII в.	1	?	?	?	1	20–23	?	?	*8*	0	?
36	7	1121 г.	1	?	?	?	1	15–20	?	?	?	?	?
37	7	20-е годы XII в.	1	0	0	0	2	8–15	0	0	4	0	0
41	7	То же	1	?	?	?	1	10–13	?	?	?	?	?
35	6	1143 г.	1	*2*	1	?	1	20–22	?	?	?	?	1
38	6	1143 г.	1	0	0	0	1	15–16	?	?	?	2	0
26	5	1180 г.	1	0	0	0	1	14–15	?	?	*3*	2	0
26а	5	1183 г.	1	0	0	0	3	15–17	?	?	9	1	0
29	5	60-е годы XII в.	1	?	1	?	1	16–18	?	?	7	3	1
28	5	1166 г.	1	0	0	0	1	25–28	?	?	?	?	0
27	5	1164 г.	1	?	?	?	1	15–18	?	?	?	?	?
31	5	60-е годы XII в.	1	*2*	1	*2*	1	10–12	?	?	10	0	*3*
34	5	То же	1	0	0	0	1	15–17	?	?	9	?	0
21	4	90-е годы XII в.	1	0	0	0	1	20–22	?	?	4	0	0
20	4	1192 г.	1	?	?	?	1	22–25	?	?	8	4	?
19	4	1192 г.	1	0	0	0	1	16–17	?	?	8	4	0
22	4	90-е годы XII в.	1	*1*	1	*1*	1	12–14	?	?	9	?	1
24	4		1	?	?	?	1	14–16	?	?	9	?	?
25	4		1	0	0	0	1	14–16	?	?	4	0	0
32	4		1	?	1	?	1	15–17	?	?	?	?	*3*
33	4		1	0	0	0	1	?	?	?	6	?	0
17	3	30-е годы XIII в.	1	?	?	?	1	18–20	?	?	9	?	?
16а	3		1	?	?	?	1	20–24	?	?	?	?	?
13	3		1	?	?	?	1	14–16	?	?	10	0	?
16	3		2	0	0	0	1	20–25	?	?	7	3	0
14	3		1	?	1	?	1	25–30	?	?	9	1	*3*
15	3		1	0	0	0	1	18–20	?	?	6	4	0
18	3		1	0	0	0	1	15–17	?	?	4	0	0
18а	3		1	?	?	?	1	12–14	?	?	?	?	?
4	2	Конец 30-х–начало 40-х годов XIII в.	1	*1*	*3*	?	1	16–17	?	2	9	?	3
6а	2		1	0	0	0	1	20–22	?	?	4	0	0
6	2		1	?	4	?	1	22–25	?	?	9	?	3
11	2		1	*1*	2	*2*	1	18–20	2	2	5	?	1
12	2		1	*2*	2	*1*	1	17–20	1	2	11	0	3
23	2		1	?	*2*	?	1	17–19	?	?	9	?	3
1	2		1	?	2	?	1	?	1	?	3	?	4
1а	2		1	0	0	0	1	?	?	?	4	0	0
2	2		1	1	3	2	1	?	?	?	6	?	5
2а	2		1	0	0	0	1	?	?	?	3	?	0
2б	2		1	0	*5*	0	1	?	?	?	4	0	0
3	2		1	*1*	2	*2*	1	?	2	1	1	?	5
3а	2		2	0	0	0	1	?	?	?	6	?	0
5	2		1	?	?	?	1	18–22	?	1	6	?	?
7	2		1	*1*	1	?	1	?	2	?	2	?	3
7а	2		1	*2*	1	?	1	?	1	?	2	?	3
8	2		1	0	0	0	1	?	?	?	4	0	0
8а	2		?	?	?	?	1	?	?	?	10	0	?
9	2		1	?	2	?	1	?	?	?	2	?	2
10	2		1	?	1	?	1	?	?	?	9	?	3
10а	2		1	?	?	?	1	?	?	2	9	?	3
Б	?	XIII в.	2	?	3	1	1	?	?	?	4	?	?
III	1	2-я половина XIII–XV в.	1	0	0	0	1	?	?	?	6	?	0
II	1		?	?	?	?	1	?	?	?	?	?	?

Примечание. Курсивом набраны значения признаков, определенные предположительно.

Признаки I–XXV (по коду для описания построек)													
XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	Публикация
0	0	0	?	1	0	0	0	*2*	1	0	0	1	
?	0	0	?	0	0	0	0	?	1	0	0	1	
?	3	0	9	0	0	0	0	*1*	2	0	0	2	
?	5	0	9	0	0	0	0	*1*	2	0	39	1	
0	0	0	?	0	0	0	0	*2*	2	0	0	1	[10, с. 176]
?	0	0	?	0	0	0	0	*5*	2	0	0	1	
1	3	1	10	0	0	0	0	1	2	0	0	1	
0	1	0	?	0	0	0	0	*2*	2	0	0	1	
0	3	0	5	3	0	0	0	3	2	0	0	1	
0	0	0	?	0	0	0	0	3	2	0	0	1	
1	2	2	9	0	0	0	0	1	2	27, 28	35	1	[11, с. 58]
0	2	0	13	2	0	0	0	3	2	27, 29	0	1	[11, с. 59]
?	5	0	8	0	0	0	0	?	2	28, 29	0	1	То же
1	0	0	8	0	0	0	0	1	2	0	0	1	»
0	0	0	?	0	0	0	0	*3*	2	0	0	1	»
0	2	0	9	3	0	0	0	3	2	19, 20	0	1	[11, с. 56–57]
?	1	0	13	3	0	0	0	*1*	2	19, 21	28	1	То же
0	1	0	9	0	0	0	0	3	2	20, 21	27	1	[11, с. 56]
1	0	0	7	0	0	0	0	1	2	0	0	1	То же
?	2	0	11	0	0	0	0	*1*	2	0	0	1	»
0	0	0	?	0	0	0	0	*2*	2	0	0	1	[11, с. 58]
1	0	0	?	0	0	0	0	1	2	0	0	1	То же
0	0	0	?	0	0	0	0	2	2	0	0	1	
?	0	0	?	0	0	0	0	?	2	0	26	1	
?	0	0	8	0	0	0	0	*1*	2	14, 16	21	1	[9, с. 78]
?	0	0	?	0	0	0	0	?	2	0	0	1	
0	0	0	13	2	0	0	0	2	2	14, 16a	20	1	То же
3	0	0	8	0	0	0	1	1	2	16, 16a, 6, 6a	19	1	[9, с. 76]
0	0	0	8	0	0	0	0	*4*	2	0	22	1	[9, с. 78]
0	0	0	?	0	0	0	0	*2*	2	0	30	1	
?	0	0	?	0	0	0	0	?	2	0	0	1	
1	0	1	?	0	0	0	0	1	2	0	0	1	
0	0	1	9	0	1	0	0	2	2	6, 14	16a	2	[9, с. 76]
1	0	1	12	1	0	0	0	1	2	6a, 14	16	2	То же
1	0	0	12	0	0	1	0	1	2	0	15	2	»
1	3	1	12	0	0	0	0	1	2	0	0	2	[9, с. 74]
1	0	0	?	0	0	0	0	1	2	0	0	2	
1	0	0	12	0	0	1	0	1	2	1a	0	2	
0	0	0	?	0	0	0	0	?	2	1	?	2	
1	0	0	12	0	0	1	0	1	2	2a	?	2	
0	0	0	10	2	1	1	0	4	2	2	?	2	
1	0	0	?	1	0	0	0	*1*	2	0	?	2	
1	0	0	23	4	1	1	0	1	2	3a	?	2	
0	1	0	15	0	1	0	0	4	2	3	?	2	
1	0	0	?	0	0	0	0	1	2	0	?	2	
1	0	1	16	0	0	1	0	1	2	8	?	2	
1	0	1	16	0	0	1	0	*1*	2	8	7	2	
0	0	0	8	4	1	0	0	*4*	2	7, 7a	?	2	
1	0	0	?	0	0	0	0	*1*	2	0	?	2	
1	0	0	15	0	0	1	0	*1*	2	0	?	2	
?	0	1	16	0	0	0	0	*1*	2	0	?	2	
1	0	1	16	0	0	0	0	1	2	0	10	2	
2	4	1	22	1	1	1	1	1	2	0	0	1	
0	0	0	?	0	0	0	0	*2*	2	0	0	1	
?	0	0	16	0	0	0	0	*1*	2	0	0	1	

ной 8—10 см. Частично сохранились князевая слега диаметром 18 см, лежавшая поперек пола, и некоторые бревна наката кровли. На полу кладовой найдены три донца бочек, несколько берестяных донцев от туесков, куски бересты, деталь ткацкого станка — бердо, обрывки крученой веревки, куски грубой ткани, большое количество обгорелого зерна, муки и пирожок.

Постройка 8а, расположенная к северу от постройки 8, не имеет четких очертаний, так как не выявлены остатки ее сруба. От постройки частично сохранился накат пола из бревен диаметром 15—18 см, уложенных в меридиональном направлении, а к западу от него развал печи в виде большого скопления кусков обожженной глины размером 1,3×2,0 м. Остатки постройки вместе с развалом печи занимают площадь 2,5×3,5 м. На южной части наката пола лежали толстые бревна, возможно, принадлежавшие рухнувшей южной стене жилища.

Постройка 9 находилась к северу от радиальной улицы, не имела четких очертаний. Нижние бревна северной, западной и южной стен сохранились очень плохо, а восточное бревно совсем не выявлено. Размер постройки по оси север — юг 3,7 м, а по оси восток — запад не менее 4 м. Бревенчатый накат пола, уложенный в меридиональном направлении, уцелел лишь в северной половине постройки. Печь, расположенная на расстоянии 0,3 м от западной и 0,5 м от северной стен, стояла на опечке, срубленном в обло из бревен диаметром 12—16 см. От него сохранилось два венца, размер которых по внешнему контуру 1,3×1,1 м. Опечек был заполнен глиной. Над остатками постройки находился развал обгорелых бревен от обрушившейся кровли. Постройка, по-видимому, была жилой.

Постройка 10 стояла с северной стороны от радиальной улицы, напротив постройки 7. Она сгорела, а затем была почти полностью разобрана. От нее сохранились только нижний венец сруба размером 4×4 м и часть наката пола из бревен диаметром 15—18 см. Постройку подстилала подушка из глины. Хотя остатки печи в постройке 10 не были обнаружены, большие размеры и пол с бревенчатым основанием свидетельствуют скорее в пользу жилого назначения постройки.

Постройка 10а. От нее сохранился накат пола, лежащий несколько выше остатков постройки 10, от которой его отделяла прослойка необожженной глины. Бревна наката диаметром 10—15 см сохранились плохо. В северо-восточном углу жилища находился развал печи, состоявший из кусков обожженной глины, золы и глиняного основания с отпечатками бревен наката. Поверх пола жилища лежал развал стен и перекрытия. Судя по положению некоторых бревен, можно предположить, что слеги были расположены параллельно накату пола. Кровля имела глиняную засыпку, обгоревшие комки ее были встречены в завале.

1-й строительный горизонт. К нему отнесены все постройки, возведенные на остатках сгоревших срубов предшествующего периода. Постройкам присвоены номера II и III. Сохранность сооружений настолько плоха, что их описание мы не приводим. Размеры срубов и некоторые другие данные указаны в табл. 1 На основании археологического материала сооружения 1-го горизонта датируются XIV в. [9, с. 74].

Рассмотренные срубы размещались в западной части городища. Представление о застройке северной половины могли бы дать сооружения, открытые в 1938 г. Н. П. Милоновым. Но, к сожалению, в его отчете [1] более или менее достоверно описаны остатки только одной постройки Б, которую исследователь датировал по находкам XII—XIII вв. Однако по глубине залегания (0,6 м) и по аналогии с постройками, раскопанными в 1957—1965 гг., ее можно отнести к середине XIII в.

Постройка Б — сруб, рубленный в обло, от которого сохранился нижний венец размером 4,7×4,7 м. Углы сруба опирались на четыре крупных камня, бревна лежали на полосе глины с камнями шириной около 0,4 м. Постройка была двухкамерной. Перегородка находилась ближе к восточной стене постройки; помещения по величине были неравными: 4,5×3,2 и 4,5×1,3 м. Проход сквозь перегородку располагался у южной стены. В последней был также и вход в жилище, ведший непосредствен-

но в большую камеру, где в углу, образованном северной стеной и перегородкой, находилась печь. Она имела подковообразное основание из крупных камней, поверх которого была устроена вымостка из досок, покрытых глиной и камнями,— под печи. Свод печи был глинобитным. Перед устьем печи находилась яма, заполненная золой и шлаками. Постройка имела деревянный пол. В заполнении сруба обнаружены находки, свидетельствующие о том, что это — жилище. Его хозяин занимался металлообработкой: близ печи найдены крицы и шлаки, медные обломки, две каменные литейные формочки. В жилище обнаружено много фрагментов керамики, височные кольца, обломки стеклянных браслетов. В камерах отмечены скопления зерна, в меньшей лежал жернов.

Для обобщения материалов о всех исследованных жилищах Торопца нами разработан код из 25 признаков. В соответствии с ним составлена сводная таблица.

Анализ содержащихся в ней данных позволяет указать характерные черты отдельных групп торопецких построек и определить их место в древнерусском домостроительстве [1].

Код для описания построек

I. Дата постройки. Для девяти срубов 7—4-го строительных горизонтов определены порубочные даты бревен венцов, тем самым установлено время возведения этих построек [19, с. 111, 112]. Остальные сооружения датированы сообразно их принадлежности к определенному горизонту и на основании находок [9—11].

Планировка постройки

II. Количество помещений.

III. Расположение печи и входа в постройку (рис. 6). 1. Печь примыкает к стене, в которой расположен вход, или находится вблизи этой стены. 2. Печь связана со стеной, в которой нет входа.

IV. Положение печи внутри постройки (рис. 6). 1. В углу. 2. В углу, но не примыкает к стенам (к одной из стен). 3. Посредине стены. 4. Посредине стены, но не примыкает к ней. 5. В центре постройки.

V. Направление устья печи (рис. 6). 1. Параллельно входу. 2. Перпендикулярно входу.

Конструкция постройки

VI. Конструкция стен. 1. Срубная, в обло, чаши и пазы сделаны в нижних бревнах. 2. Стены постройки образованы вертикально забитыми в грунт вплотную друг к другу кольями и горбылями. 3. Срубная, с использованием стен соседних построек, к которым прирублены самостоятельные стены.

VII. Диаметр бревен сруба (в см).

VIII. Конструкция перекрытий. 1. Настил кровли из бревен на трех слегах, врубленных в самцы порубов [13, с. 92]. 2. Настил кровли из бревен на пяти слегах, врубленных в самцы порубов,— так же как в предыдущем случае, но между князевой слегой и верхним бревном стены уложена не одна слега, а две.

IX. Покрытие кровли. 1. Солома. 2. Глиняно-земляная засыпка.

X. Конструкция пола (рис. 6). 1. Дощатый пол настлан по бревенчатому накату (доски и бревна параллельны), который опирается на лаги, приподнятые над грунтом посредством врубки в венцы стен или подкладками. 2. Дощатый пол уложен по бревенчатому накату (доски и бревна параллельны), который опирается на лаги, лежащие на грунте. 3. Дощатый пол уложен на лаги, приподнятые над грунтом посредством врубки в венцы стен или подкладками. 4. Дощатый пол уложен прямо на грунт. 5. Дощатый пол уложен по бревенчатому накату (доски и бревна перпендикулярны друг другу), который опирается на лаги, приподнятые над грунтом посредством врубки в венцы стен или подкладками. 6. Дощатый пол уложен по лагам, лежащим на грунте. 7. Дощатый пол уложен по бревенчатому накату (доски и бревна параллельны), который опирается

[1] При составлении таблицы и описании построек нами использованы архивные материалы [3—7].

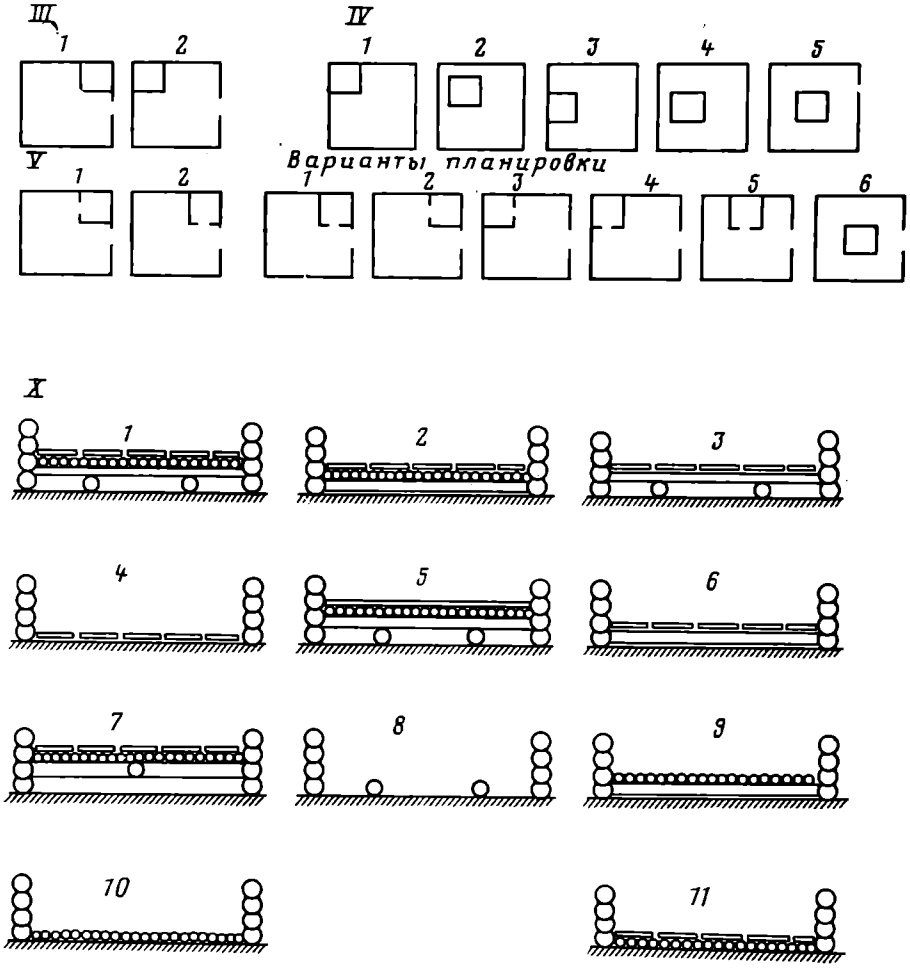


Рис. 6. Схема, поясняющая признаки III—V, X кода для описания построек: *III* — расположение печи и входа в постройку; *IV* — положение печи внутри постройки; *V* — направление устья печи; *X* — конструкция пола

на лаги, перпендикулярные друг другу и врубленные в венцы стен. 8. Дощатый пол, бревенчатый накат, лаги сняты в древности — сохранились подкладки под лаги. 9. Дощатый настил отсутствует (возможно, сгорел или разобран), сохранился бревенчатый накат, опирающийся на лаги, лежащие на грунте. 10. Дощатый настил отсутствует (возможно, сгорел или разобран), сохранился бревенчатый накат, лежащий на грунте. 11. Дощатый пол настлан по бревенчатому накату (доски и бревна параллельны), уложенному прямо на грунт.

XI. Способ врубки лаг в стены. 1. Глухая врубка. 2. Сквозная врубка. 3. В стены и в бревно, лежащее посреди постройки.

XII. Конструкция основания печи. 1. Столбовой опечек, забитый глиной. 2. Срубный опечек, забитый глиной. 3. Глиняная подушка поверх бревенчатого наката пола. 4. Специальный помост из досок или бревен поверх настила пола. 5. Каменная вымостка на грунте, пол прорублен.

XIII. Конструкция свода печи. 1. Из камней на глине. 2. Глинобитный. 3. Сложен из камней насухо.

XIV. Способ нивелировки сруба (конструкция фундамента). 1. Обрубки бревен, уложенные под венец параллельно стенам. 2. Обрубки бревен, уложенные под венец перпендикулярно стенам или близко к этому. 3. «Подкладочные углы», составленные из врубленных одно в другое бревен. 4. Крупные камни под углами сруба. 5. Подкладки из взаимно перпендикулярных обрубков бревен.

XV. Гидроизоляция сооружения. 1. Слой глины толщиной до 30 см. 2. Подушка из песка с прослойками глины.

XVI. Площадь постройки, м² (измерения производились по внутреннему периметру).

Назначение постройки

XVII. Наличие среди находок тары. 1. Керамической. 2. Деревянной. 3. Берестяной. 4. Различной.

XVIII. Наличие запасов зерна внутри постройки.

XIX. Наличие внутри постройки жерновов.

XX. Наличие внутри постройки следов металлообработки.

XXI. Назначение постройки. 1. Жилая. Основания для такого определения — наличие печи; если есть основания полагать, что печь была разобрана, то учитываются размеры постройки, ее положение в застройке, характер находок в заполнении, конструкция пола. 2. Хозяйственная — отсутствие печи, сравнительно небольшие размеры; конструкция пола. 3. Хлев — если в постройке обнаружено большое количество навоза. 4. Кладовая — если в постройке, которая по конструкции отнесена к хозяйственным, обнаружено зерно или иные припасы, или же большое количество тары — керамики, бочек, туесов. 5. Погреб — по конструкции сооружения.

Положение в застройке

XXII. Ориентация постройки. 1. Произвольная. 2. В зависимости от направления вала и улиц.

XXIII. С какой постройкой связана в единый хозяйственный комплекс.

XXIV. Какую предшествующую постройку повторяет.

XXV. Причина разрушения. 1. Разобрана. 2. Сгорела.

В таблице каждой постройке отведена одна строка, а каждый столбец — одному признаку в порядке приведенного выше перечисления. Для количественных признаков проставлены их значения в квадратных метрах, календарных датах и т. д. Для качественных признаков указан номер градации значения, зафиксированной на объекте; для классификационных признаков факт наличия их на объекте отмечен знаком «1», «0» означает, что постройка не имеет данного признака вовсе, а «?» —то, что использованная для описания построек документация не содержит сведений по данному признаку. Кроме того, в таблице указаны номер строительного горизонта, к которому принадлежит каждое сооружение, а также публикация, где дано его описание.

В Торопце раскопаны остатки 55 построек конца XI — конца XIII в. и две постройки, которые можно отнести к началу XIV в. Среди них — 29 жилищ, 19 хозяйственных построек (из последних 6 можно считать помещениями для скота, а 4 — кладовыми для хранения припасов). Определить назначение еще 7 построек не удалось.

Для того чтобы выяснить место торопецких жилищ в древнерусском домостроительстве, перечислим их характерные черты, отмечая степень своеобразия этих черт.

Жилые постройки, за исключением одной двухкамерной (Б), имеют единственное помещение — почти квадратный сруб, рубленный в обло из цельных бревен хвойных деревьев, при этом чашка и паз всегда вынимались в нижнем из двух бревен, а щели между бревнами проконопачивались мхом. Все жилища наземные. Размеры жилых построек колеблются в пределах от 8 до 23 м². Крыша укладывалась по трем—пяти слегам и покрывалась слоем глиняно-земляной засыпки или соломой. Печь чаще всего располагалась в углу, иногда на некотором расстоянии от стен, хотя есть несколько случаев, когда она находилась у середины стены, и один, когда печь, возможно, стояла в центре жилища. Свод печи почти всегда делался из камней на глиняном растворе, печь-каменка и глинобитная печь встречены по одному разу. Все эти детали конструкции обычны для жилых построек XII—XIII вв. [14, с. 94—111].

В постройке 29 столбовой опечек был выстлан изнутри берестой. Такой прием зафиксирован также в Старой Рязани, Белоозере и Новгороде [14, с. 104, 105, 107—110]. Другая деталь конструкции торопецких жилищ — установка печи на глиняной подушке поверх настила пола без

дополнительных субструкций — отмечена в качестве единичных случаев при раскопках Давид-городка и, возможно, Старой Рязани [14, с. 104, 105, 111]. В Торопце же таких жилищ исследовано 11. Почти все они относятся к сооружениям 2-го строительного горизонта и датируются второй половиной XIII в. Печь устанавливалась поверх бревенчатого наката, чему есть в развалах печей несомненные свидетельства в виде кусков глины с глубокими отпечатками бревен.

В Торопце встречается глиняная гидроизоляционная прослойка под жилыми срубами. Здесь список аналогий достаточно велик: Белоозеро, Старая Рязань, Туров, Новогрудок, Пронск, Браслав, городища Ижеславльское, Гать и Осовик, селище Лебедка [14, с. 95, 97—100, 102—105, 107, 108, 111].

В древнерусских жилых постройках везде устраивался пол из досок, уложенных по лагам, врубленным на некоторой высоте в стены. В Торопце же такая конструкция зафиксирована в жилищах только во второй половине XIII в. и широкого распространения не имеет (три случая). В остальных постройках, где конструкцию пола удалось зафиксировать, доски были уложены вдоль или поперек бревенчатого наката, опиравшегося на лаги, врубленные в стены или уложенные на грунт, т. е. в торопецких жилищах применялись двойные полы. Для древнерусских городов это явление необычное, так как двойные полы в Новгороде, во-первых, устраивались в нежилых сооружениях, а во-вторых, имели другую конструкцию [16, с. 28]. По всей видимости, мощная конструкция пола в сочетании с глиняной прослойкой под жилищем была связана со стремлением жителей изолировать помещения от грунтовых вод, показателем обилия которых в культурном слое Малого городища служит прекрасная сохранность в нем органических остатков. Возможно, потому же почти во всех жилищах Торопца нет подпольных и припечных ям.

Эта же основательная конструкция пола позволила устанавливать печь прямо на бревенчатый накат, так как пол стал достаточно прочным. Появилась также благоприятная в противопожарном отношении возможность несколько отодвинуть печь от стен.

Неровный рельеф поверхности Малого городища вызвал появление под углами жилых и хозяйственных построек Торопца подкладок. Этот прием известен и на других памятниках. Например, в Новгороде обрубки бревен клали не только под углами, но и на всем протяжении стены дома [16, с. 13—18]. Интересно, что в Торопце почти не применялись столь обычные для древнерусских наземных построек «стулья», т. е. столбы из толстых бревен или крупные камни, подведенные под углы постройки, хотя эта конструкция и была известна строителям торопецких жилищ, как об этом свидетельствуют остатки постройки Б у северного въезда на городище. Может быть, ее применяли только в более богатых, двухкамерных жилых постройках, единственный пример которых в Торопце — постройка Б. В то же время для однокамерных жилищ и хозяйственных построек в Торопце применялась специфическая конструкция, которую мы называем «подкладочным углом», составленная из двух врубленных под прямым углом друг в друга бревен. Иногда, в случае сильного перепада местности, несколько таких приспособлений укладывали одно на другое.

Для шести жилищ в Торопце удалось найти указания на положение входа, печи и печного устья. Планировочные схемы дают шесть различных вариантов (рис. 6), которые можно сопоставить с типами однокамерных жилищ, выделенными Ю. П. Спегальским при исследовании жилых построек Новгорода [13, с. 63]. Вариант 1 и вариант 2 соответствуют I типу, варианты 3—5 — типу II и вариант 6 — типу III. Любопытно, что, несмотря на неизмеримо меньшее количество жилищ в Торопце, для которых определена планировка, по сравнению с Новгородом в Торопце представлено большее разнообразие вариантов планировки. Например, в Новгороде тип II представлен только вариантом, в котором печь обращена устьем ко входу, а в Торопце есть и постройка, в которой печь стоит в дальнем от входа углу и устьем обращена к боковой стене. Если при-

водить этнографические параллели, то такая планировка совпадает с западным южновеликорусским типом крестьянского жилища XIX—XX вв. [20, с. 212].

Поскольку жилищ, где определена планировка, очень немного, трудно говорить о хронологических отношениях вариантов между собой. Можно только отметить, что 2-й и 4-й варианты планировки зафиксированы в горизонтах, датирующихся промежутком времени от 60-х годов XII в. до 30-х годов XIII в., а остальные варианты встречены в горизонте пожара второй половины XIII в. и существовали одновременно.

Быть может, такое разнообразие планировочных решений, связанных этнографическими параллелями с различными областями Руси, объясняется сложностью состава населения Торопца во второй половине XIII в. Известно, что в одной из сгоревших построек этого периода погибла женщина, носившая украшения киевских типов, которая, по предположению Г. Ф. Корзухиной, укрылась в Торопце от татарского нашествия. В культурном слое, в верхних его горизонтах, были также найдены кресты-энколпионы киевского типа [12, с. 100, 101].

С другой стороны, в нашем распоряжении есть пример, когда постройка 7, относящаяся к типу I, была перестроена и приобрела планировку типа II, т. е. из западной или северной великорусской превратилась в южнорусскую. Налицо довольно свободное обращение с планировочной схемой. Возможно, что при выборе варианта планировки жилища сообразовывались не столько с традицией, сколько с иными, более динамичными факторами, например с удобствами отопления. К такому же заключению относительно построек Новгорода склоняется и Ю. П. Спегальский [13, с. 74, 75].

Перейдем к хозяйственным постройкам. Все они наземные. За исключением постройки 37, стены которой состояли из вертикально вкопанных в грунт кольев и горбылей, все они срубные. В Торопце выявлена лишь одна двухкамерная хозяйственная постройка, остальные имеют одно помещение. Ни в одной из раскопанных хозяйственных построек не удалось выяснить конструкцию перекрытий. Вероятно, они устраивались так же, как и у жилищ, но, быть может, не имели глиняно-земляной засыпки.

Полы в постройках, определенных как помещения для скота, устроены либо из досок, уложенных прямо на грунт, либо из тонких бревен на лагах, лежащих на земле. Отмечен случай, когда пол хлева был сделан из досок, опиравшихся на лаги, врубленные в стены постройки.

Полы в постройках, определенных как кладовые, делались из досок, уложенных на лаги, лежащие на земле или врубленные в стены. То же самое можно сказать о хозяйственных постройках, назначение которых точнее определить не удалось. Возможно, они также использовались под кладовые.

Хозяйственные постройки, как правило, возводили меньшей площади — от 5 до 15 м^2 — и из более тонких бревен, чем дома. Полы имели облегченную конструкцию. Похоже, что их строители мало заботились о гидроизоляции сооружения; есть только один случай присутствия под хозяйственной постройкой слоя глины. Но в целом хозяйственные постройки возводили в Торопце с использованием тех же строительных приемов, что и при строительстве жилищ: рубка в обло, использование подкладок и т. д.

Сравнивая торопецкие хозяйственные постройки с аналогичными сооружениями, раскопанными в Новгороде, заметим, что в Торопце отмечены не все типы, обнаруженные в Новгороде. Нет, например, риги или амбара, признаки которых определены на материалах Неревского раскопа [16, с. 80]. С другой стороны, в Торопце конструкция хозяйственной постройки менее жестко связана с ее функцией по сравнению с Новгородом, где во всех без исключения хлевах были жердевые полы, а в кладовых пол был сделан особенно тщательно [16, с. 28]. Впрочем, неудивительно, что в сравнительно небольшом Торопце не сложилась разработанная система типов хозяйственных помещений.

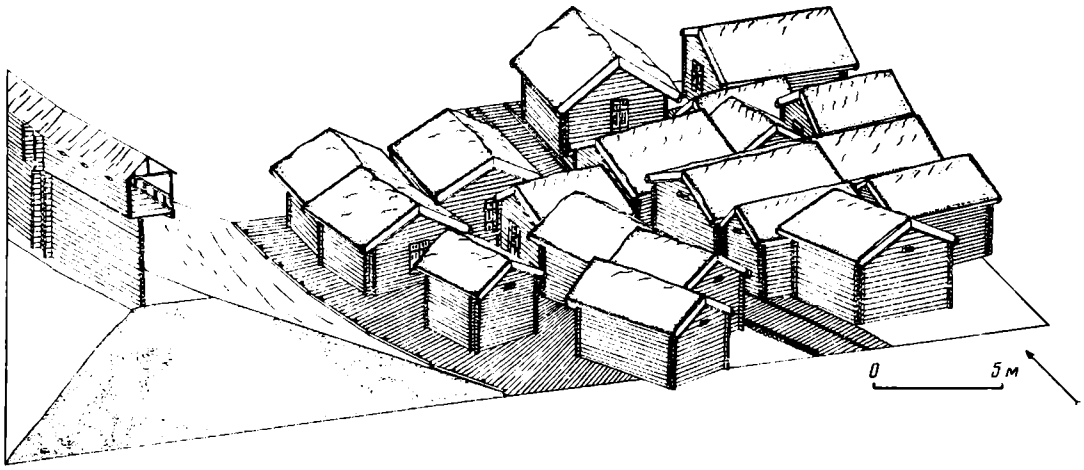


Рис. 7. Торопецкое Малое Городище. Графическая реконструкция раскопанного участка середины XIII в. (2-й строительный горизонт)

Подводя итог сказанному о конструкции построек, изученных в Торопце, можно отметить, что, не отличаясь в целом от рядовых построек других древнерусских городов, они расширяют наши представления о домостроительстве XII—XIII вв. в области конструкции полов, печей и перекрытий, переводят некоторые предварительные соображения в разряд достоверных фактов (например, о гидроизоляционной функции глиняных прослоек под жилищами) и еще раз убедительно демонстрируют высокий уровень древнерусского деревянного домостроительства, свободное использование в нем наиболее целесообразных конструктивных схем и строительных приемов.

Некоторые выводы можно сделать и о развитии застройки на раскопанном участке.

1. Расположение построек, начиная с 8-го строительного горизонта, подчинено кривизне оборонительного вала. Из этого следует вывод о том, что вал был воздвигнут прежде сооружения построек этого горизонта, т. е. в конце XI в. В 4-м горизонте, примерно через 100 лет после возведения вала, этот принцип планировки получил дальнейшее развитие: параллельно валу за первым, считая от него, рядом построек была замощена улица, просуществовавшая до большого пожара, уничтожившего постройки 2-го горизонта. В 3-м строительном горизонте, через 30—40 лет после создания концентрической, появилась и радиальная улица. Возможно, что радиально-концентрическая планировка застройки распространялась на всю территорию детинца. Наконец, во 2-м горизонте, спустя еще 20—30 лет, планировочная структура на раскопанном участке была дополнена пристенной вымосткой из бревен, шедшей между валом и ближайшим к нему рядом построек. Ширина этой вымостки достигала 8 м (рис. 7).

2. Существенно, что многие постройки не изменяли своего положения в течение длительного промежутка времени, а лишь возобновлялись на прежних местах. Это относится, например, к комплексу из трех построек (реконструкция Ю. П. Спегальского [13, с. 92—94]), который просуществовал на одном и том же месте более ста лет. Назначение сменяющих друг друга построек, однако, могло быть различным: иногда на месте хозяйственного сооружения возводили жилище, и наоборот.

3. Начиная с 60-х годов XII в.— с 5-го строительного горизонта — застройка резко уплотняется. Если в древнейших горизонтах на раскопанном участке было обнаружено по 1—2 постройки, то в 5-м — 7, в 4-м одновременно существовало 10 построек, в 3-м — 8 и во 2-м — 7 на той же площади, что и в предшествующие периоды. Вымостка вдоль вала, сооруженная во 2-м горизонте, сократила площадь под застройку, и в результате два жилища были незадолго до большого пожара построены

прямо на этой вымостке. После пожара середины XIII в. плотность застройки резко упала, что, несомненно, связано с сокращением населения, по крайней мере в этой части древнего Торопца.

Интересно, что, начиная с 4-го горизонта, среди исследованных построек исчезают помещения для содержания скота — хлевы. Сопоставив этот факт с происшедшим незадолго до этого уплотнением застройки, можно предположить, что рост населения детинца привел к изменению хозяйства. Скот, возможно, стали содержать за пределами укрепления в связи с наступившей теснотой.

К сожалению, ограниченные размеры исследованного участка не позволяют уверенно отвергнуть усадебную застройку, свойственную некоторым древнерусским городам, тем более что в раскопе найдены остатки частокола, шедшего вдоль концентрической улицы. Однако высокая плотность застройки для верхних четырех строительных горизонтов на участках, раскопанных в 1938 и 1957—1965 гг., будто бы свидетельствует в пользу иного планировочного решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Милонов Н. П.* Отчет о работах в Торопце. 1938 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 45.
2. *Вершинский А. Н.* Города Калининской области. Исторические очерки. Калинин: Обл. лит. изд-во, 1939.
3. *Станкевич Я. В.* Отчет о работах в 1957 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 19, 20.
4. *Станкевич Я. В.* Отчет о работах в 1958 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 41.
5. *Корзухина Г. Ф., Малевская М. В.* Отчет о раскопках на Малом Торопецком городище в 1960 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 3.
6. *Корзухина Г. Ф., Малевская М. В.* Отчет о работах 1961 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 29.
7. *Малевская М. В.* Отчет о раскопках Малого Торопецкого городища в 1965 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 107, 108.
8. *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и в начале II тысячелетия н. э.— МИА, 1960, № 76.
9. *Малевская М. В.* Раскопки на Малом Торопецком городище.— КСИА, 1963, вып. 96.
10. *Малевская М. В.* Раскопки древнего Торопца.— АО — 1965. М.: Наука, 1966.
11. *Малевская М. В.* Раскопки на Малом Торопецком городище в 1961 г.— КСИА, 1967, вып. 110.
12. *Корзухина Г. Ф.* О некоторых находках в древнем Торопце.— КСИА, 1962, вып. 87.
13. *Спегальский Ю. П.* Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л.: Наука, 1972.
14. *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище.— САИ, 1975, вып. Е1-32.
15. *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде.— МИА, 1949, № 11.
16. *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода.— МИА, 1963, № 123.
17. *Черных Н. Б.* Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы.— В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972.
18. Новгородская Первая летопись. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
19. *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Дендрохронология Восточной Европы. М.: Наука, 1977.
20. *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М.: АН СССР, 1956.

M. V. Malevskaya, D. I. Fonyakov

CONSTRUCTIONS OF OLD TOROPETS

Summary

Diggings of the Toropets Smaller Fortified Settlement, the citadel of the old Russian city, were started in 1938 and continued in 1957-65. Archaeologists investigated remains of 55 dwelling houses and household constructions dated to the late 11th through the 13th century. The article describes the previously unpublished constructions and offers a generalising table based on the code uniting all dwelling and household constructions. The layout and the majority of details of the dwelling house closely resemble similar houses in other Russian cities, though some details are quite new. The layout of the citadel was made significantly clear due to archaeological investigations. In the latter half of the 13th century a paved strip, a line of houses and a street, crossed by other street, going from the citadel centre to the rampart, ran along the rampart. Archaeologists have not managed, so far, to identify individual urban estates.

РАППОПОРТ П. А.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ АРТЕЛИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ИХ ЗАКАЗЧИКИ

При изучении памятников зодчества Древней Руси исследователи до самого последнего времени основное внимание уделяли архитектурным формам сооружений, значительно меньше интересуясь строительно-техническим аспектом зданий. Между тем даже самые первые шаги в этом направлении показали, какие огромные возможности открываются здесь в выяснении объективной и полнокровной картины архитектурно-строительной деятельности. Тщательное изучение конструкций, строительных материалов и технических приемов, применявшихся древними зодчими, позволяет вплотную приблизиться к пониманию процесса строительства сооружений, выявить «почерк» создавших их мастеров. Для изучения древнерусского строительного производства это имеет особенно большое значение, поскольку в Древней Руси, как, впрочем, и в романском зодчестве Западной Европы, полностью господствовала артельная организация строительства.

Основная ячейка строительного производства Древней Руси, вероятно, называлась *дружиной*. Во всяком случае, в XIV—XV вв. такой термин по отношению к строительным организациям уже, безусловно, применялся [1, с. 729; 2, с. 19], а в новгородском и псковском говорах даже в XIX в. это название соответствовало производственной ячейке [3, с. 511]. Однако некоторая расплывчатость термина и отсутствие уверенности в правильности его применения заставляют нас условно называть строительные организации Древней Руси *артелями*, используя более позднее определение, не встречающееся в древнерусских письменных источниках.

В настоящее время накопилось уже достаточное количество материала, чтобы судить о составе древнерусской строительной артели. Во главе ее стоял зодчий. Письменные источники Древней Руси для его обозначения используют несколько терминов. Чаще всего употребляется термин «*мастер*». Так названы строитель новгородского Георгиевского собора Юрьева монастыря («мастер трудился Петр» [4, с. 214]), зодчий Кирилловской церкви в Новгороде («а мастер бяше Коров Якович» [5, с. 235]), зодчий Петр-Милонег, строивший стену у Выдубицкого монастыря в Киеве [6, с. 711]. Так же названы и зодчие, строившие Десятинную церковь («мастери от грек» [7, с. 83]), Успенский собор Киево-Печерского монастыря («мастери церковнии» [8, с. 5]), Успенский собор во Владимире («из всех земель все мастеры» [9, с. 351]). Впрочем, под термином «мастер» понимали не только зодчего. При построении города Холм летописцем упомянуты «мастера всяции» [6, с. 843]. Позднее, в XIV—XV вв., мастерами обычно называли зодчих, но были известны и «мастера всякие, спроста реци плотници и горнчары» [10, с. 164]. Таким образом, термин «мастер» обозначал не только зодчего, но и всякого квалифицированного ремесленника.

Другой термин, под которым более узко понимали только зодчего,— *здатель*. Для строительства церкви Бориса и Глеба в Вышгороде князь Олег «привед зьдатели, повеле им здати» [11, с. 361]. В Никоновской летописи, где несколько изменена формулировка «Повести Временных лет», при строительстве Десятинной церкви упомянуты «каменосечци и зиздателе полат каменных» [12, с. 64]. Иногда встречается термин *хитрец*, которым, вероятно, обозначали как зодчих, так и скульпторов-резчиков: «двери же... украшены... некимь хытрецемь Авдьемь» [6, с.

844]. Греческое слово «архитектор» также переводили как «хитрец» [13, с. 1431]. Впрочем, с XIV в. в переводных письменных источниках встречается и термин *архитектон* [1, с. 31]. Зодчий Петр-Милонег назван в летописи не только мастером, но и *художником* [6, с. 711]. В одном-единственном случае зодчий упомянут как руководитель артели строителей («приставник над делатели церковными» — строитель Спасского собора полоцкого Евфросиньева монастыря Иоанн [14, с. 175]).

По именам нам известны всего четыре русских зодчих домонгольского периода: Петр — строитель собора Юрьева монастыря в Новгороде (1119 г.), Иоанн, который возвел собор Евфросиньева монастыря в Полоцке (середина XII в.), Коров Яковлевич, построивший Кирилловскую церковь в Новгороде (1196 г.) и Петр-Милонег — строитель стены у Выдубицкого монастыря в Киеве (1199 г.).

Каковы были точные функции древнерусского зодчего, нам пока не вполне ясно. Возможно, в это время деятельность руководителя строительства еще не полностью отделилась от непосредственного выполнения строительных работ, т. е. зодчий был одновременно и главным каменщиком. Очень вероятно, что руководитель строительной артели имел помощника (или ученика), а может быть, даже двух или трех. В Смоленске, например, в конце XII — начале XIII в. в одной из строительных артелей работали два зодчих, почерк которых довольно явно различается [15, с. 406]. Но оба эти мастера продолжали развивать идеи, заложенные в церкви архангела Михаила; по-видимому, они начали работать еще как ученики или помощники того зодчего, который построил эту церковь. В Новгороде можно отметить существенные различия в архитектурном характере соборов Антониева и Юрьева монастырей. Очевидно, их строительством руководили разные зодчие, хотя в это время в городе, несомненно, была всего одна строительная артель.

Основное ядро строительной артели составляли каменщики (*каменьщици, каменосечци*), т. е. мастера, которые вели кладку кирпичных или каменных стен и сводов. На основании изучения некоторых памятников зодчества можно попытаться подсчитать количество каменщиков, работавших при возведении здания. Так, изучая кладку собора на Протоке в Смоленске, М. Б. Чернышев сделал попытку определить производительность труда древних каменщиков [16, с. 289]. Выяснилось, что один каменщик за один рабочий день выкладывал участок длиной в одну сажень и высотой около 0,6 м (семь рядов кирпичной кладки). При этом каменщик укладывал лишь половину толщины стены, так как с другой стороны одновременно работал второй каменщик. Кладку собора на Протоке поднимали за один строительный сезон, по-видимому, не более чем на 5 м; дневная кладка каменщика укладывается здесь 8 раз. Следовательно, участок длиной в 1 сажень каменщик мог довести до такой высоты за 8 рабочих дней. Поскольку длительность строительного сезона около 120 рабочих дней, каждый каменщик за сезон складывал примерно 15 таких участков. Общая сумма этих участков, учитывая уже не половину, а полную толщину стен, составит часть здания, которую за один сезон под силу сложить одному каменщику. Подобных частей в соборе на Протоке около 15. Очевидно, что для возведения на высоту сезонной кладки всего здания собора при такой производительности должны были работать 15—16 каменщиков. В этом случае кирпичная кладка собора могла быть исполнена за четыре сезона. Конечно, точность приведенного подсчета весьма приблизительна, но она все же позволяет хотя бы в самых общих чертах судить о количестве каменщиков, ведших строительство крупного храма.

При белокаменном строительстве кладку, по-видимому, вели те же мастера, которые отесывали и обрабатывали камень. Отеска камня очень трудоемка, поэтому в таких артелях количество каменщиков было, вероятно, больше, чем в артелях, ведших кирпичное строительство. Если принять за основу расчет, исполненный Н. Н. Ворониным для церкви Покрова на Нерли, окажется, что обработка камня для этой церкви должна была занять несколько более 7 тыс. человеко-дней [17, с. 325].

При исполнении этой работы за два строительных сезона нужно было иметь не менее 30 каменщиков.

Кроме каменщиков в состав строительной артели должны были входить один или два плотника для сооружения лесов, кружал и других деревянных конструкций. Наконец, в артелях, работавших в кирпичной технике, должна была существовать группа мастеров, приготовлявших плинфу. В более поздних письменных источниках таких мастеров называли *плинфотворителями* [2, с. 51]. В эту группу входили формовщики кирпича и обжигальщики. Формовщиков могло быть немного, всего два-три человека [18, с. 32]. Вероятно, столько же было и обжигальщиков. Обжигальщики кирпича могли обслуживать и известково-обжигательные печи — приготовлять известь.

Полный перечень специальностей, работу по которым обеспечивала строительная артель, сейчас пока трудно установить. Очень вероятно, что изготовление оконного стекла или свинцовых листов не входило в компетенцию артелей, поскольку эти специальности не были неразрывно связаны со строительством. В таком случае стекла для окон и свинцовые листы для кровли строители должны были получать со стороны. Неясно, как было организовано производство поливных керамических плиток для покрытия полов; обжиг этих плиток могли выполнять обжигальщики кирпича, но в то же время изготовление поливы было тесно связано с производством стеклянных изделий. Явно не входили в строительную артель живописцы — фрескисты и мозаичисты, очевидно имевшие самостоятельные объединения, т. е. составлявшие собственные артели, работавшие независимо от строителей. Работы артелей строителей и живописцев далеко не всегда совпадали. Так, строительная артель, возводившая киевский Софийский собор, после завершения работ приступила к постройке Софийского собора в Новгороде, но мозаичисты, работавшие в Киеве, в Новгород не поехали. В Смоленске, судя по полному совпадению орнаментальных мотивов, одна и та же группа живописцев исполнила роспись в соборе на Протоке и в церкви на Воскресенской горе, хотя эти две церкви были построены разными строительными артелями [15, с. 404]. Подтверждением того, что живописцы не входили в состав строительной артели, может служить и тот факт, что среди храмов, построенных одной и той же артелью, некоторые были расписаны, а другие так и остались без росписи.

Кроме основного состава строительной артели в строительстве участвовала еще значительная группа подсобных рабочих, вероятно каждый раз набираемая заново. Исходя из специфики процесса строительного производства и привлекая более поздние аналогии, следует полагать, что количество вспомогательных рабочих было значительно больше, чем количество членов самой артели.

Детальное изучение архитектурных и строительно-технических особенностей памятников позволяет выявить не только почерк различных строительных артелей, но и их отдельных звеньев. Легче всего выявляется работа основного звена артели — каменщиков, поскольку показателем здесь является сам характер кладки стен и сводов, состав строительного раствора, наличие или отсутствие двойных швов в кладке и другие технические особенности. Обычно довольно ясно определяется и работа различных групп плинфотворителей, характеризуемая способом формовки и клеймения кирпичей. Значительно сложнее выявить работу различных зодчих. Здесь показателем могут служить излюбленные мастером архитектурные формы и особенно детали. Менее всего зависит от деятельности строительной артели тип сооружения, поскольку указание на определенный образец, желание сохранить традицию диктуется, как правило, заказчиком. Однако и здесь иногда все же прорывается индивидуальность зодчего.

Сопоставление этих данных по большому количеству памятников приводит к выводу, что строительные артели большей частью формировались по вертикальному принципу, т. е. имели в своем составе мастеров всех специальностей (от плинфотворителей до зодчего), необходимых для осу-

ществления всего объема строительства: от заготовки строительных материалов, закладки здания и до его полного завершения. При переезде из одного города в другой строительные артели обычно перебазировались также полным составом. Иногда артели выезжали не целиком, а делились и посылали в другой город лишь часть своих мастеров. Очевидно, это было возможно в тех случаях, когда артель была настолько многочисленной, что после разделения могла обеспечить возведение объектов в обоих городах. Но даже и в этом случае выезжавшая часть артели представляла собой вполне самостоятельную артель полного состава, включавшую мастеров всех специальностей, хотя, вероятно, и в небольшом количестве. В результате здания, построенные в новом пункте, имели все черты, характерные для деятельности этой артели на старом месте. Именно так было в середине XII в., когда черниговские мастера начали вести строительство в Смоленске [19, с. 385], а галицкие — в Суздале [20, с. 40]; наблюдалось данное явление и в конце XII в., когда смоленские мастера появились в Рязани [19, с. 399].

Конечно, на новом месте мастера кое-что меняли в своих приемах, приспосабливаясь к местным условиям, использовали местные строительные материалы. Так, киевские зодчие при возведении в середине XI в. новгородского Софийского собора широко использовали для кладки стен местную известняковую плиту, а переяславльские мастера, переехав на Волынь, стали применять в качестве заполнителя строительного раствора местный меловой известняк, частично заменяя им цемянку. Тем не менее, несмотря на подобные изменения, все основные приемы в этих случаях свидетельствуют о работе той же строительной артели.

Известны, однако, случаи, когда строительная артель перебазировалась не целиком, пользуясь тем, что в городе, куда она переезжала, уже были свои строительные кадры. Например, в начале XIII в. для постройки церкви Пятницы в Новгород приехала смоленская артель, не имевшая нижнего звена, т. е. плинфотворителей. Поэтому, хотя строительство Пятницкой церкви шло целиком по смоленским образцам, формовка кирпичей этой церкви не смоленского типа, а новгородского [19, с. 353].

Ведущие мастера-зодчие, очевидно, были тесно связаны со своими артелями. Поэтому в зданиях, возведенных одной артелью, мы видим совершенно определенный набор архитектурных форм и деталей, характерных для творчества зодчего — руководителя этой артели. Однако вне своей земли зодчие работали со своей артелью лишь там, где не было собственных кадров строителей. В противном случае довольно часто приезжал только зодчий, бравший на себя руководство местной строительной артелью. Так, постройка Успенского собора киевского Печерского монастыря была, несомненно, исполнена местной, т. е. киевской, артелью, но под руководством приехавших из Константинополя зодчих (судя по Печерскому Патерику, их было четверо). Смоленскую церковь архангела Михаила строили смоленские мастера, но под руководством полоцкого зодчего. Точно так же местные киевские мастера возвели церковь на Вознесенском спуске под руководством смоленского зодчего, а новгородские мастера — Мирожский собор в Пскове под руководством греческого архитектора.

Иногда встречаются пока еще труднообъяснимые сочетания различных звеньев строительной артели. Например, древнейшие памятники зодчества Полоцка явно несут на себе все признаки работы киевских мастеров, что сказывается во всех элементах строительной техники, а во многом и в архитектурных формах. Однако формовка кирпичей здесь не киевского, а черниговского типа. Точно так же в здании «Остерской божницы» (церковь архангела Михаила в Остре) кладка и тип сооружения отражают манеру переяславльских мастеров, а формовка кирпичей — черниговских.

При распаде строительной организации обычно удается определить, где нашли применение ее отдельные компоненты. Так, прекращение в конце XII в. монументального строительства в Полоцке освободило здесь местных строителей, и артель распалась на составные части: по-

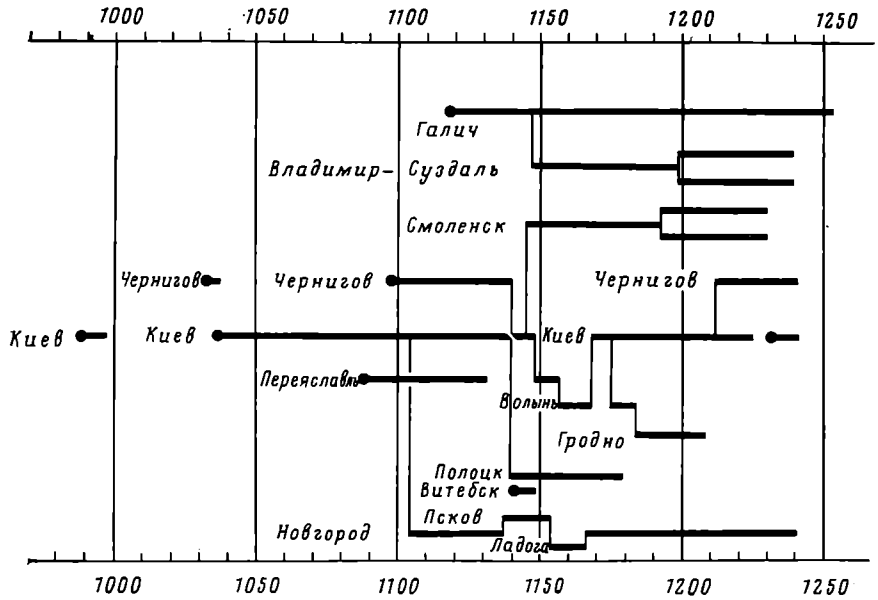


Рис. 1. Схема передвижения древнерусских строительных артелей

лоцкий зодчий начал работать в Смоленске (церковь архангела Михаила), полоцкие каменщики вели кладку церкви Петра и Павла на Синичьей горе в Новгороде, а следы деятельности полоцких плинфотворителей обнаруживаются в слагающейся архитектурной школе Гродно.

Существование строительной артели было целесообразно лишь тогда, когда велось монументальное строительство. Конечно, неблагоприятные условия могли задержать или даже прервать на некоторое время строительную деятельность, но длительный перерыв в возведении зданий всегда свидетельствует о том, что артель распалась или уехала в другой город. Поэтому деятельность каждой строительной артели, как правило, отражается в непрерывной цепи памятников, построенных один за другим. В Киеве за период с 60-х годов XI в. до начала XII в. нам известно о существовании 12 памятников зодчества. Если предполагать, что еще один-два памятника остались невыявленными, то на постройку каждого здания приходится около 3—4 лет, т. е. нормальный срок возведения древнерусского храма средней величины. Таким образом, в Киеве в это время работала одна строительная артель.

В настоящее время уже сведены воедино данные о всех известных нам древнерусских памятниках зодчества [21], что дает возможность сделать попытку подсчитать количество работавших на Руси строительных артелей, выяснить географию их передвижений и генетические связи. Выводы могут быть представлены графически (рис. 1). При этом следует иметь в виду, что данная схема отражает не общую картину строительной деятельности, а лишь существование и передвижение строительных артелей. Если артель выезжала в другой город для возведения определенного объекта и сразу же после этого возвращалась обратно, не переходя в ведение другого заказчика, то это не находит отражения в схеме. Поэтому здесь не учтены строительство новгородского и полоцкого Софийских соборов в середине XI в., соборов в Суздале и Смоленске в начале XII в., Михайловской и Благовещенской церквей в Чернигове в 70—80-х годах XII в., поскольку все перечисленные памятники возводились мастерами киевской строительной артели. Следует также оговорить, что многие вопросы развития древнерусского зодчества, формирования и работы строительных артелей остаются еще неясными, и поэтому данная схема, отражающая уровень наших современных знаний, потребует в дальнейшем еще существенной конкретизации, уточнения, а возможно, и изменений. И все же такая схема позволяет уже сейчас представить хотя бы в общих чертах картину деятельности древнерусских строительных артелей в домонгольский период. Выясня-

ется, что вплоть до конца XI в. на всей территории Руси функционировала лишь одна строительная артель, в первой половине XII в. их количество увеличилось до четырех, во второй половине XII в.— до шести, а в начале XIII в., когда древнерусское строительное производство переживало период наибольшей интенсивности, их количество достигло семи.

В древнерусских письменных источниках имеются многочисленные сведения о строительстве церквей. В этих сведениях практически полностью отсутствуют указания на строителей, но зато часто упоминаются заказчики; заказчик всегда назван в летописях создателем храма: он «заложил» или «создал» его, реже «поставил». Описывая погребения князей в церквах, построенных по их заказу, летописец не забывает отметить, что князь погребен в церкви «юже бе сам создал» или «юже бе создал отец его». Иногда упоминаются не только князья, но и княгини, и тогда летописец пишет: «юже бе сама создала». В Киевской земле в XI—XIII вв. из 24 упоминаний заказчиков только два — церковные иерархи, а все остальные — князья. Во Владимиро-Суздальской земле все 17 заказчиков, упоминающихся в летописи, только князья. То же относится и к Черниговской земле. Начало каменно-кирпичного строительства в каком-либо городе или создание здесь собственной строительной организации почти всегда совпадают по времени с правлением укрепившегося в этой земле князя, а также со строительством городских укреплений. В середине XII в. это связано в Смоленске с правлением Ростислава, в Суздале — с правлением Юрия Долгорукого, во Владимире-Волынском — Мстислава Изяславича. По просьбе князя Андрея прислал во Владимир строителей император Фридрих. Учитывая указанные сведения, можно уверенно сделать вывод, что монументальное строительство на Руси в эту пору было связано в первую очередь с княжескими заказами и отвечало не столько экономическому значению города, сколько престижу правившей в данном городе княжеской династии. Лишь в Переяславле начало строительства летописец объяснял деятельностью не князя, а епископа. Вероятно, в этом случае епископ Ефрем смог пригласить в Переяславль византийскую строительную артель, пользуясь своими личными связями, поскольку сам он лишь незадолго до этого приехал из Греции. Но и здесь уже через несколько лет строители оказались в распоряжении князя и возвели для Владимира Мономаха церковь на его княжеском дворе.

Единственным исключением является Новгород. В первой половине XII в. основным заказчиком здесь был также князь. И хотя реальная его власть в Новгороде все время сокращалась, интенсивность строительства и величие возводимых сооружений нисколько не уменьшались. Из этого парадоксального явления исследователи сделали справедливый вывод: «Быть может, именно ускользание действительного авторитета явилось одной из причин интенсивного княжеского строительства первой трети XII века» [22, с. 290]. В 40-е годы XII в., после изгнания из Новгорода князя Всеволода, новгородские строители целиком перешли в распоряжение архиепископа Нифонта, а с 60-х годов заказчиками выступают уже как церковные иерархи, так и светские лица — новгородские бояре. Не исключена возможность, что подобная картина имела место и в Галиче, где во второй половине XII в. строительство небольших центрических храмов романского типа, возможно, велось по заказам крупных галицких бояр. К сожалению, отсутствие письменных свидетельств не позволяет проверить такое предположение.

Итак, во всех русских землях, за исключением Новгорода и, возможно, Галича, заказчиками строительства каменно-кирпичных зданий были почти исключительно князья. При этом, заказывая постройку церкви, князья во многих случаях посвящали ее своему патрону, как писал летописец, «в свое имя».

О тесной связи деятельности строительных артелей с князьями свидетельствуют и факты перехода строителей из одной земли в другую, всегда совпадающие с династическими союзными отношениями или пе-

реездом самих князей. Так, переезд галицких строителей в Суздаль оказался возможным благодаря скрепленному династическим браком военному союзу Юрия Долгорукого с галицким князем Владимиром. Черниговские мастера начали работать в Киеве после того, как киевский стол занял черниговский князь Всеволод Ольгович. Тогда же киевские строители заложили основы полоцкой строительной артели, поскольку Всеволод Ольгович, в отличие от враждебных полоцким князьям Мономашичей, вошел в союз с полоцким князем Васильком. Князь Мстислав, оставив Переяславль и возвратившись к себе на Волынь, забрал с собою всю переяславльскую строительную артель [23, с. 200]. В 70—80-е годы XII в. киевские строители одновременно возводили храмы в Чернигове, так как киевским князем был в это время черниговский князь Святослав Всеволодич.

О том, что строители иногда бывали подчинены епископии, говорит сообщение летописи о перестройке в 1194 г. владимирского Успенского собора: князь пользовался мастерами «от клеврет святое Богородици». Наличие в Смоленске в конце XII — начале XIII в. параллельно работавших двух строительных артелей, возможно, говорит о том, что одна из них была не княжеской, а епископской. В «Житии» Евфросиньи полоцкой отмечено, что, обращаясь к мастеру Иоанну, строившему для нее Спасскую церковь, княгиня называет его «отче»; видимо, он был монахом, но это еще не доказывает, что вся полоцкая строительная артель была монастырской. Следует отметить, что сведения о строителях, подчиненных епископу (даже если учесть все косвенные и предположительные данные), буквально теряются на фоне многочисленных и несомненных сведений о принадлежности строительных артелей князю. По-видимому, древнерусские строительные артели, как правило, находились в прямой зависимости от княжеской власти.

Несомненно, что в Древней Руси хорошо понимали, каким мощным средством укрепления феодальной власти является монументальное строительство. Усиленную строительную деятельность какого-либо князя летописец обычно отмечает как одно из достижений его правления, впрочем подавая это как результат искренней набожности данного князя. Например, о князе Рюрике Ростиславиче сказано, что он имел «хотение же... ко всим церквам и любовь несытну о зданьих» (вариант: «о зданьи их» [6, с. 710]). А при строительстве Георгиевского собора в Юрьеве-Польском летописец написал, что князь Святослав «сам бе мастер» [24, с. 355]). Конечно, это явное преувеличение. В действительности князь не руководил строительством, но, вероятно, в данном случае его роль все же не ограничивалась простым заказом, и возможно, что тип сооружения или система его декоративного убранства действительно были сделаны по прямому указанию князя.

Замечательно, что освобождение строителей от княжеской опеки и переход их на боярские заказы, что имело место в Новгороде во второй половине XII в., сразу заставило строителей резко упростить декоративные формы и технику зданий, чтобы сократить сроки их возведения, а очевидно и стоимость строительства [25, с. 45].

О тесной связи монументального строительства с княжескими заказами и, видимо, о прямой феодальной зависимости строительных артелей от князя свидетельствуют княжеские знаки, обнаруживаемые на кирпичах и камнях. Конечно, не все указанные знаки в виде двузубца или трезубца являются подлинными княжескими; некоторые лишь внешне похожи на них [26, с. 449]. Однако во многих случаях на камнях и кирпичах имеются знаки, не вызывающие сомнения в том, что это родовые знаки определенных князей. Так, на камнях Золотых ворот во Владимире и кивория в Боголюбове вырезаны знаки, принадлежащие Андрею Боголюбскому и, быть может, его брату Ростиславу [17, с. 258 и 325].

Особенно показательны знаки, встречающиеся на постелистой стороне кирпичей. Известно, что в Византии на постелистой стороне кирпичей иногда ставили знак с именем или монограммой заказчика. Очевидно, эта традиция перешла и на Русь. На кирпичах Десятинной церкви

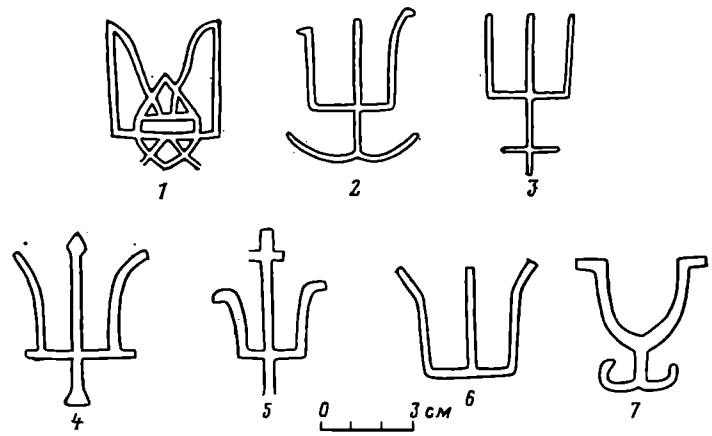


Рис. 2. Знаки на постелистой стороне кирпичей: *1* — Киев, Десятинная церковь; *2* — Смоленск, Борисоглебский собор Смядынского монастыря; *3* — Владимир-Волынский, Успенский собор; *4*, *5* — Полоцк, церковь на рву; *6* — Витебск, церковь Благовещения; *7* — Псков, церковь Дмитрия Солунского

имеется родовой знак князя Владимира Святославича (рис. 2, *1*) [27, с. 455]. Встречаются княжеские знаки и на кирпичах памятников XII в.: в Смоленске на кирпичах Борисоглебского собора Смядынского монастыря (рис. 2, *2*) и во Владимире-Волынском на кирпичах Успенского собора (рис. 2, *3*). Из письменных источников нам известны заказчики этих храмов, и поэтому смоленский знак, видимо, относится к князю Ростиславу Мстиславичу, а волынский — к князю Мстиславу Изяславичу. Менее ясно, каким князьям отвечают знаки на кирпичах церкви на рву в Полоцке (рис. 2, *4*, *5*), церкви Благовещения в Витебске (рис. 2, *6*) и церкви Дмитрия Солунского в Пскове (рис. 2, *7*) [28, с. 272]. Знаки встречаются, как правило, на каждом памятнике лишь одного рисунка, хотя в полоцкой церкви на рву обнаружены два не вполне идентичных знака. Кроме княжеского знака на постелистой стороне кирпичей того же храма обычно встречаются и другие знаки. Общее количество известных знаков на постелистой стороне кирпичей крайне невелико, что отчасти связано с трудностью их обнаружения,

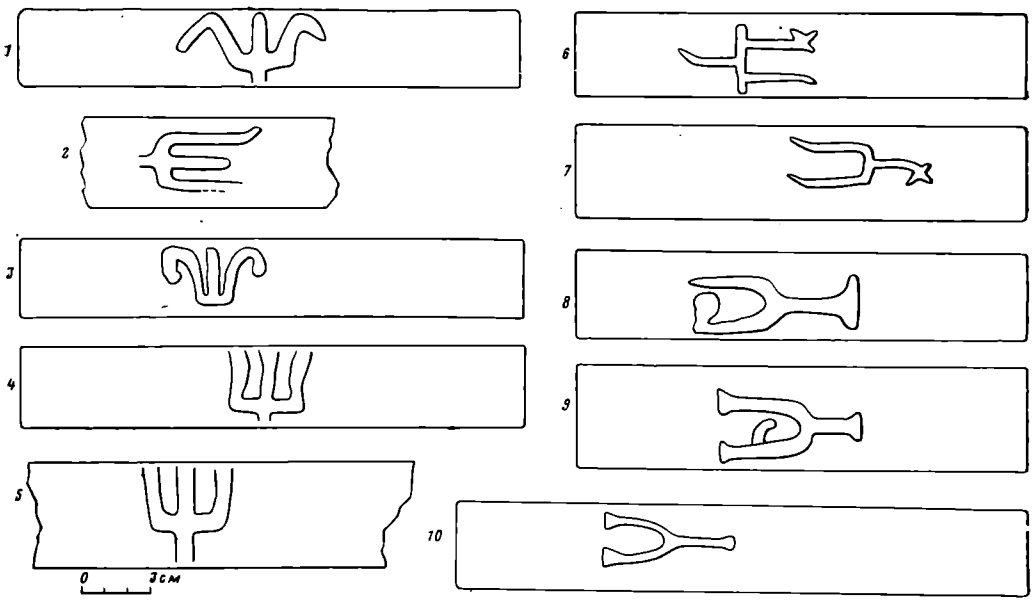


Рис. 3. Знаки на торцах кирпичей. *1*, *2* — Полоцк, церковь на рву; *3*, *4* — Полоцк, церковь в детинце; *5* — Смоленск, Борисоглебский собор Смядынского монастыря; *6* — Гродно, Коложская церковь; *7* — Гродно, терем; *8* — Смоленск, Васильевская церковь; *9* — Смоленск, собор Троицкого монастыря на Кловке; *10* — Смоленск, собор на Протоке

поскольку в кладке такие знаки выявить нельзя, а увидеть их можно только на отдельных кирпичах, главным образом в процессе раскопок.

Совершенно иной характер имеют знаки на торцах кирпичей: это не знаки заказчиков, а производственные знаки мастеров, отмечающие партии сырцов, предназначенных к обжигу [18, с. 32]. Однако и среди них встречаются такие, которые совпадают по рисунку с княжескими. Обычно подобных знаков бывает очень немного (по одному знаку в памятнике), хотя иногда в нескольких вариантах рисунка. Эти знаки действительно княжеские, а не случайно совпадающие с ними, поскольку такие знаки по схеме идентичны знакам на постелистой стороне кирпичей того же памятника, что хорошо видно по знакам на кирпичах церкви на рву в Полоцке. Княжеские знаки на торцах кирпичей встречаются кроме Полоцка в Смоленске, Гродно, Чернигове (рис. 3). Возможно, о заказчике здания свидетельствуют и некоторые клейма на кирпичах Спасского собора в Новгороде-Северском (начало XIII в.), также напоминающие княжеские знаки (рис. 4).

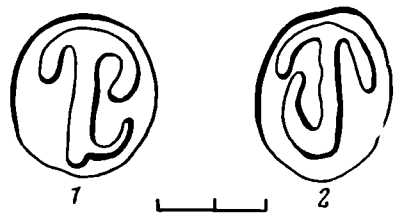


Рис. 4. Клейма на кирпичах Спасского собора в Новгороде-Северском

Широкое применение родовых знаков князей-заказчиков говорит в пользу предположения о феодальной зависимости строителей от княжеской власти. Во всяком случае, тесная связь строительных артелей с княжескими дворами представляется несомненной. В свободных городских ремесленников строители переросли лишь в Новгороде со второй половины XII в. Но ни подчинение воле заказчика, ни даже феодальная зависимость строителей от заказчика не могли быть решающими обстоятельствами, влиявшими на развитие архитектуры. Объективные исторические факторы, определявшие развитие зодчества, преломлялись не только через идеологию князей-заказчиков: в еще большей степени они преломлялись через сознание, опыт и традиции мастеров. Как уже отмечалось, заказчик мог определить тип сооружения и его размер, указать образец (впрочем, повторяемый обычно очень свободно), но стилистический характер здания, набор архитектурных форм, не говоря уже о строительных материалах и конструкциях, определяли мастера — зодчий и его строительная артель.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893.
2. *Poppe A.* Materialy do slownika terminów budownictwa staroruskiego X—XV w. Wrocław, 1962.
3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб., 1880.
4. Новгородская Третья летопись.— ПСРЛ, 1841, т. III.
5. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
6. Ипатьевская летопись.— ПСРЛ, 1962, т. II.
7. Повесть временных лет. Ч. 1. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
8. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.
9. Лаврентьевская летопись.— ПСРЛ, 1962, т. I.
10. Воскресенская летопись.— ПСРЛ, 1857, т. VIII.
11. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 5. М., 1978.
12. Никоновская летопись.— ПСРЛ, 1862, т. IX.
13. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1912.
14. «Житие» Евфросиньи Полоцкой.— Памятники старинной русской литературы, 1862, вып. IV.
15. *Раппопорт П. А.* Зодчие и строители древнего Смоленска.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.

16. *Чернышев М. Б.* О производительности труда каменщиков в древней Руси.— В кн.: Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966.
17. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
18. *Раппопорт П. А.* Знаки на плинфе.— КСИА, 1977, вып. 150.
19. *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л.: Наука, 1979.
20. *Иоаннисян О. М.* О раннем этапе развития галицкого зодчества.— КСИА, 1981, вып. 164.
21. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников.— САИ, 1982, вып. Е1-47.
22. *Комеч. А.* Архитектура Новгорода XII столетия.— Actes du XV-e Congrès International d'Études Byzantines. T. II. Athènes, 1981.
23. *Раппопорт П. А.* Роль памятников архитектуры в изучении истории древнерусских городов.— In: Gesellschaft und Kultur Russlands im Frühen Mittelalter. Halle, 1981.
24. Тверская летопись.— ПСРЛ, 1863, т. XV.
25. *Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М.* К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы.— СА, 1982, № 3.
26. *Беляев Л. А.* Из истории древнерусского строительного ремесла.— В кн.: Проблемы истории СССР. М.: Изд-во МГУ, 1973.
27. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. I. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
28. *Белецкий В. Д.* Клейма и знаки на кирпичах XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове.— СА, 1971, № 2.

P. A. Rappoport

OLD RUSSIAN CONSTRUCTION TEAMS AND THEIR CUSTOMERS

Summary

The author has set out to determine the composition of construction teams in the pre-Mongol Rus, the number of workers they comprised and the names used to denote them. Archaeological evidence has made it possible to graphically present how teams of construction workers were distributed among various regions and their migration patterns (Fig. 1). Cases when construction teams sent some of their members (architects, masons or brickmakers) to other towns are also discussed.

A number of examples are used to demonstrate that prior to the Mongol invasion Russian construction teams were closely connected with princes and fulfilled their orders. Novgorod was the only exception from this rule. Since the second half of the 12th century there existed free town teams which served boyars.

БУРОВ В. А.

УЛИЧАНСКАЯ ОБЩИНА ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Община уличан — яркое явление в жизни Новгородской феодальной республики. «Самобытной корпорацией» называл ее Н. И. Костомаров [1, с. 7]. «Особый местный мир, пользовавшийся самоуправлением»,— характеризовал улицу В. О. Ключевский [2, с. 80]. Известно, что во главе жителей улиц республиканского Новгорода стояли выборные «улицкие старосты» [3, с. 175, 176; 4, с. 203, 206]; здесь имелся свой суд [5, с. 101—103; 6, с. 151—152; 7, с. 141], собиралось уличанское вече, выбиравшее старост [8, с. 7—10]. Уличане строили патрональные храмы, мостили и поддерживали в чистоте мостовые. Их община являлась, по-видимому, первичной ступенью военной организации [9, с. 55]. Современные исследователи доказывают, что улица представляла собой соседскую общину, восходящую к глубокой древности [10, с. 16—20]. Уличанская организация на два столетия пережила Новгородскую республику. В несколько измененном виде она просуществовала до XVII в. [11; 12, с. 178; 13, с. 161—166].

До недавнего времени изучение общины уличан древнего Новгорода строилось лишь на основании отрывочных сведений, взятых из летописей, писцовых книг, актовых документов. Затем стали привлекать берестяные грамоты (№ 115, 140, 276) [10, с. 19; 14, с. 324—326]. И хотя археологический материал играет важную роль в разработке проблемы административно-территориальной, социально-политической структуры Новгорода [15, с. 52; 16, с. 92, 93], он до сих пор применительно к нашей теме активно не используется. Необходима дальнейшая обработка отчетов о раскопках прежних лет. Для начала обратимся к частоколам, которые на протяжении столетий возобновлялись из яруса в ярус на одних и тех же участках, отделяя одну усадьбу от другой.

Впервые археологи зафиксировали эти частоколы в 1950-х годах на территории Неревского конца, где у перекрестка древних Великой и Холопьей улиц были раскопаны дворы X—XV вв. «Итак,— констатировал тогда Б. А. Колчин,— в течение более пяти веков границы перечисленных участков были постоянны и строго соблюдались. Ни разу не встречено случая нарушения или уничтожения той или иной границы постройкой какого-либо сооружения» [17, с. 49]. Исследователь сделал вполне обоснованный вывод о стабильности планировки новгородских городских кварталов с основания города. Через несколько лет на том же Неревском раскопе постоянные частоколы были открыты и на дворах, расположенных у перекрестка Великой и Козмодемьянской улиц. Стабильность планировки раскопанного квартала Новгорода теперь подтвердилась, но и потребовала в свою очередь объяснения. П. И. Засурцев нашел прямые аналогии данной системе планировки квартала в позднем источнике — плане южной части Неревского конца 1695 г. (рис. 1). Он отметил, что постоянные частоколы — это тыльные границы усадеб, примыкающих к разным улицам. Расстояние между параллельными улицами делилось примерно пополам, что и предопределяло устойчивость тыльных границ дворов [18, с. 83]. Таким образом, П. И. Засурцеву удалось вскрыть принципы системы планировки новгородского квартала, хотя подоснову этих принципов он так и не объяснил.

Открытие на дворах Козмодемьянской улицы берестяных грамот XIV—XV вв. представителей боярского рода Мишиничей — Онцифорови-

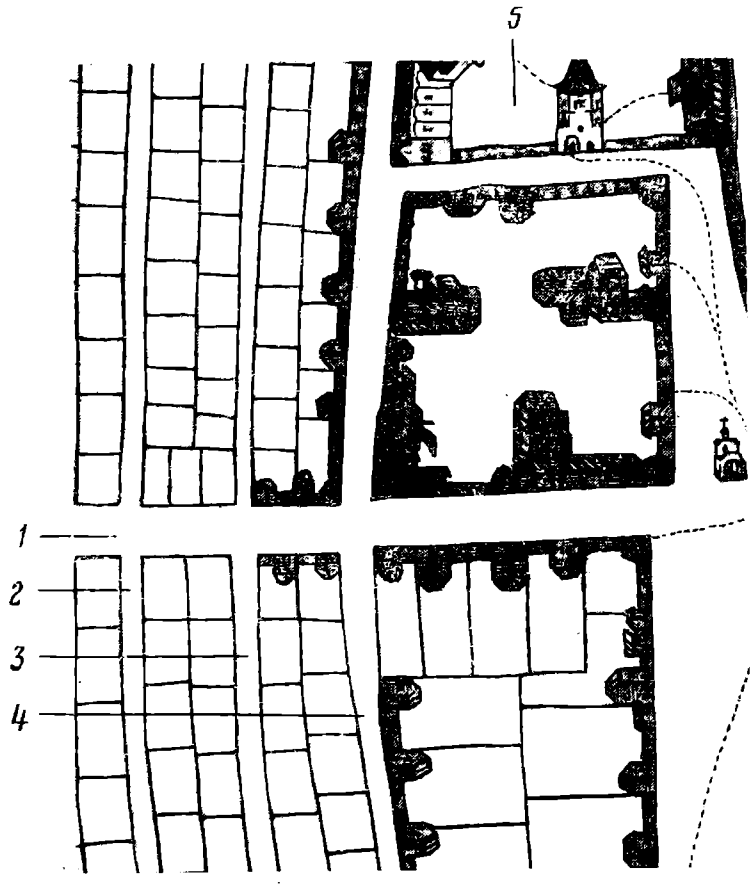


Рис. 1. Фрагмент плана южной части Неревского конца 1695 г. Улицы: *1* — Великая; *2* — Холопья; *3* — Козмодемьянская; *4* — Розважа; *5* — Николо-Розважский монастырь

чей [6, 7, 19—22] дало основание В. Л. Янину увидеть некую закономерность между наличием на данном участке города боярских усадеб и постоянных частоколов. Был сделан вывод: неизменяемость границ дворов Неревского раскопа есть результат устойчивости и исконности городского землевладения новгородских бояр. Исследователь подчеркивает, что расположенные по сторонам Холопьей и Козмодемьянской улиц участки делились частоколами на громадные усадьбы площадью 1200—2000 м² каждая. «Поразительно,— пишет В. Л. Янин,— что линии частоколов, рубежи усадебных участков, проведенные в X в., оставались неизменными вплоть до присоединения Новгорода к Москве во второй половине XV в. Несомненно, что стабильность городского боярского землевладения отражает его исключительную экономическую устойчивость» [21, с. 224]. Или: «Прочность, традиционность внутрикончанских связей имели в своей основе, как можно догадываться, устойчивость первоначальных боярских гнезд, сохранивших на протяжении веков всю систему экономического и политического влияния на граждан своего конца. В этой связи интересной кажется многократно отмеченная при раскопках устойчивость не только городской планировки, но и усадебных границ, остававшихся практически неизменными на всем протяжении второй половины X—XV в.» [21, с. 151; 23, с. 313—317; 24, с. 39]. Таким образом, причины существования постоянных частоколов на Неревском раскопе получили объяснение через призму социальной топографии.

Однако такая трактовка встретила некоторое возражение со стороны А. В. Кузы. Он полагает, что постоянство в течение пяти веков усадеб площадью 1200—2000 м² нельзя объяснить только непрерывной преемственностью владения: в Новгороде, по-видимому, существовали веские, скорее всего юридические, основания строго соблюдать границы сложив-

шихся на заре городской истории земельных участков. Они, надо полагать, как замечает А. В. Куза, служили единицей обложения, исчисления взносов в «городской потуг» и прочие общегосударственные повинности, о чем косвенно свидетельствуют события, связанные со сбором «числа» при Александре Невском [25, с. 305].

Из сказанного следует, что вопрос о причинах существования стабильных оград на дворах Козмодемьянской и Холопьей улиц не решен окончательно и нуждается в дальнейшем изучении. Мы полагаем, что настало время обобщить материалы о всех постоянных частоколах, которые выявлены за последние 20 лет — уже после завершения работ на Неревском раскопе (1951—1962 гг.). Для этого и обратимся к Тихвинскому, Ильинскому, Кировскому раскопам.

Тихвинский раскоп был заложен в 1969 г. к западу от Неревского раскопа [26, с. 20]. Раскопки затронули две усадьбы. Границей между ними являлась линия частоколов, прослеженная в трех строительных периодах в центре раскопа. Эта линия, пересекавшая раскоп с запада на восток (с отклонением, соответствующим ориентации параллельных ей древних улиц), на протяжении всего изученного периода составляла тыльную границу усадеб, выходящих своими фасадами на Розважу (усадьба А) и Щеркову (усадьба Б) улицы, а раскопкам подверглись внутренние участки этих усадеб. По археологическим данным обе усадьбы отнесены В. Л. Яниным к владениям бояр Мишиничей — Онцифоровичей. Возможно, два двора принадлежали одному владельцу [27, с. 117—134].

Ильинский раскоп 1962—1967 гг. вскрыл несколько усадеб, располагавшихся на древней Ильине улице, неподалеку от церкви Спаса [28, с. 124—134; 29, с. 16—18]. Стабильная граница между дворами в этом раскопе прослежена во всех ярусах. Она проходила в 32 м от Ильиной улицы, параллельно ей. Социальный облик данного района Новгорода был уже иным. Со второй половины XI в. (т. е. с момента заселения) здесь, как предполагают, располагались дворы свободных горожан со «строго регламентированной земельной площадью, выделенной им городом» [30, с. 57—116]. В начале XIV столетия владельцем данного участка стал боярин Феликс, потомкам которого этот участок принадлежал и в позднее время [7, с. 184—187]. После появления здесь Феликса постоянная граница осталась на прежнем месте.

Кировский раскоп 1971—1974 гг. пришелся на неудобную, насыщенную в древности грунтовыми водами территорию по соседству с ручьем, что, конечно, не могло не сказаться на планировке квартала, ее усложненности. Однако и здесь по тыльной границе дворов прослежен постоянный частокол, идущий параллельно мостовым Виткова переулка в 44 м от него. По-видимому, это была все же Виткова улица, поскольку мостовая выходит к берегу Волхова перпендикулярно ему, что характерно для новгородских улиц. Анализ материалов Кировского раскопа показал, что владельцы данных усадеб не принадлежали к числу древнейших боярских родов. Их следует искать среди житьих людей (феодалов небоярского происхождения) или купцов [31, с. 118—121; 32, с. 178—238].

Рассмотренные материалы четырех раскопов позволяют выявить черты, характерные для всех постоянных частокольных оград, известных к настоящему времени. 1. Все эти частоколы идут вдоль уличных мостовых (параллельно или почти параллельно им); направление частоколов совпадает с направлением улиц. 2. Постоянные частоколы находятся от мостовых на расстоянии, приблизительно равном 25—40 м (32 м — Ильинский раскоп, 26 и 40 — Неревский раскоп, 25—30 — Тихвинский раскоп, 44 м — Кировский раскоп). 3. Постоянные частоколы встречаются на стыке усадеб, выходящих на разные улицы (Неревский, Тихвинский раскопы; для Ильинского и Кировского раскопов данных нет); эти частоколы являются тыльной границей усадеб. 4. Постоянные границы отмечены как на небольших усадьбах рядовых горожан (Ильинский раскоп; площадь дворов 400—500 м^2), так и на огромных дворах бояр

(Неревский раскоп; площадь усадеб 1200—2000 м²). Кроме того, на Ильинском раскопе отмечен факт смены владельцев: вместо горожан там появляются бояре. 5. Постоянная частокольная ограда встречается на стыке двух усадеб, принадлежащих одной боярской семье, возможно даже одному владельцу (Тихвинский раскоп). 6. Данные частоколы расположены примерно посредине пространства между улицами.

Рассмотренные особенности стабильных частокольных линий позволяют сделать прежде всего вывод о том, что постоянные границы не зависели от размеров усадеб и социальной принадлежности владельцев. Действительно, эти частоколы отмечены на огромных боярских дворах площадью 1200—2000 м² Козмодемьянской улицы, на дворах размером 400—500 м² рядовых горожан Ильиной улицы, а также на усадьбах купцов или феодалов небоярского происхождения (житьих) Витковой улицы. Второй, не менее важный вывод: постоянные частокольные ограды соблюдались всеми дворовладельцами, даже если две усадьбы одного владельца выходили на разные улицы (Тихвинский раскоп). Следовательно, в Новгороде действовал жесткий, обязательный для всех принцип планировки городской территории, требовавший соблюдения границы между дворами, стоявшими на разных улицах. Как отмечалось выше, на него впервые обратил внимание П. И. Засурцев, привлекший план Неревского конца 1695 г. [33]. Постоянные частоколы действительно оказались тыльной границей усадеб, выходящих на разные улицы. Из этого вытекает третий вывод: по наличию в пределах раскопа постоянных частоколов нельзя судить об устойчивости раскапываемых городских усадеб, имевших еще и боковые границы. Усадьба стабильна лишь в том случае, если стабильны ее боковые границы.

Наконец, последний вывод. Коль скоро направление стабильных частокольных оград учитывает направление мостовых и коль скоро древнейшие стабильные частоколы восходят примерно к тому же времени, что и первые настилы мостовых (пример с Холопьей и Козмодемьянской улицами), то эти частоколы должны были возникнуть одновременно с прокладкой мостовой. Для проверки необходимо обратиться к тем раскопам, где прослежены не только постоянные частокольные ограды, но и вскрыты все ярусы мостовых. Только при таком условии можно по стратиграфии проверить хронологическую взаимосвязь самого нижнего настила улицы и первого (нижнего) ряда стабильной частокольной границы. К сожалению, данным требованиям отвечает лишь один раскоп — Неревский.

Обращение к публикациям по Неревскому раскопу показало, что в них имеются неточности в датировке частоколов. Так, в обобщающей работе П. И. Засурцева сообщается о частоколах двора К времени 3—1-го ярусов (1429—1462 гг.) следующее: «В этот период не прослеживались частоколы, ограничивающие усадьбу с юга и востока». Но буквально через несколько строк читаем о частоколе 2-го яруса: «В этом ярусе открыт частокол по южной границе усадьбы» [18, с. 146]. На планах той же усадьбы восточная граница показана только для 10—9-го ярусов, хотя в тексте П. И. Засурцев приводит совершенно иные хронологические рамки (10—3-й ярусы) [18, с. 145, 146, рис. 51—55], и т. д. Имеются также расхождения в датировке отдельных линий частоколов между Б. А. Колчиным и П. И. Засурцевым. Приведем лишь два характерных примера. На дворе Г частокол, проходивший в 10 м от Великой улицы параллельно ей, был отнесен Б. А. Колчиным к 5-му ярусу, а П. И. Засурцевым — к 10-му и 5—4-му ярусам [18, рис. 51, 55; 17, рис. 10]. На той же усадьбе Б. А. Колчин отмечает в 10-м ярусе существование частокола на границе с соседним двором Ж, а П. И. Засурцев не прослеживает его вообще [17, рис. 16; 18, с. 135]. Причину столь существенных расхождений, видимо, следует искать в методике датировки линий частоколов, которая основывалась в одном случае на визуальных наблюдениях в поле, а в другом — на стремлении сделать увязку уровней мостовых и частоколов по чертежам после окончания раскопок. Встречающаяся неточность, противоречивость сведений о гра-

Таблица 1

Постоянные частоколы Неревского раскопа времени 28–25-го ярусов (953–1025 гг.)

Частокол	Раскоп	Квадрат	Нивелировочные отметки поверхности частокола	Нивелировочные отметки низа кольев	Пласт	Ярус
а-1	Н-XVIII	1282	601–613	638, 639	31	27–28
		1283	602–604	673, 674		
а-2	Н-XVIII	1282	568–599	638–669	29–30	26–27
		1283	565–602	629–675		
		1287	569–584	608–625		
		1288	567–570	602–628		
		1291	563–572	588–600		
		1292	570–580, 558	594–607		
а-3	Н-XXIV	1600	524–537	–	27	25–26
		1612	–	542–550		
		1613	–	–		
		1614	–	542–549		
		1603	–	551		
		1604	521	554		
а-4	Н-VII	528	449–459	–	23	25
		518	461–465	500–507		
	Н-XIV	1067	490–498	568–572	25	24–25
		1068	481–498	552		
а-5	Н-X	786	601–610	–	31	26

ницах усадеб требуют их перепроверки и корректировки. По-видимому, настала пора перевести датировку частоколов на твердую основу, в связи с чем мы предлагаем следующее.

Сначала необходимо провести фиксацию на поквадратном плане Неревского раскопа всех фрагментов частокольных оград, снабдив их для каждой усадьбы буквенным и цифровым обозначением (а-1, а-2, б-1, б-2 и т. д.). Это позволит не перепутать частоколы и одновременно исключить возможность оставить без внимания даже незначительное частокольное звено. Расшифровку обозначений необходимо давать в таблице, где указаны все паспортные данные частоколов: раскоп, квадрат, нивелировочные отметки поверхности, нивелировочные отметки низа кольев, пласт, к которому должен быть отнесен частокол. Затем по переводным таблицам-атласам Б. А. Колчина[1] устанавливаем ярус частокола. Наконец, на особый поквадратный план раскопа наносим частоколы с указанием их яруса (даем расшифровку) и с помощью пунктирных линий проводим реконструкцию трасс оград.

Применение подобной методики с использованием переводных таблиц-атласов оправдано тем, что они должны учитывать соотношение уровней поверхностей настилов мостовых с уровнем пласта, к которому относится частокол. Правда, следует сразу оговориться о возможных небольших погрешностях в определении яруса отдельных звеньев частокольных оград, поскольку не всегда в полной мере учитывается рельеф местности. Таблицы-атласы дают усредненный ярус.

Поскольку Козмодемьянская улица была проложена в 28-м ярусе, а Холопья — в 25-м ярусе, то нас должны интересовать частоколы этого времени. Составленная по предложенной выше методике таблица датировок частоколов Неревского раскопа времени 28–25-го ярусов дала следующую ситуацию (табл. 1). Оказалось, что в 28–27-м ярусах постоянные частоколы прослежены лишь к югу от Козмодемьянской улицы, на территории усадьбы К (рис. 2 и 3). Они действительно оказались синхронны первым настилам мостовой. На усадьбе И постоянных частоколов не было, так как в это время не существовало самой усадьбы и Козмодемьянская улица западнее пересечения ее с Великой не мостилась. По нашим данным, постоянные частоколы появились

[1] По ним осуществляется перевод пластов в ярусы для отдельных квадратов или целых участков из нескольких квадратов.

здесь только в 26—25-м ярусах. Тогда же настилы Козмодемьянской улицы были проложены до западной границы Неревского раскопа. Снова наблюдается хронологическое единство установки постоянных границ и прокладки мостовой. Вся территория к северу от Козмодемьянской и к востоку от Великой улиц была расчленена на шесть неравных земельных участков[2]. Тыльная граница дворов Козмодемьянской улицы здесь идет параллельно мостовой. Территория к западу от Великой напротив этих двориков частоколов не имела.

В 25-м ярусе положение меняется (рис. 4). С прокладкой Холопьей улицы постоянные частоколы возникают на дворе Г. Окончательно оформляется постоянная граница будущих усадеб Б и Е. Исключение составляет территория на месте дворов Д и В, где нет еще четкого рубежа. Постоянный частокол здесь появился только в 21-м ярусе (табл. 2). Итак, почти во всех случаях постоянные частоколы были установлены одновременно с укладкой плах улиц. Следовательно, устойчивость планировки новгородского квартала восходит ко времени появления мощеных улиц. Отсюда становится ясно происхождение и назначение постоянных частоколов.

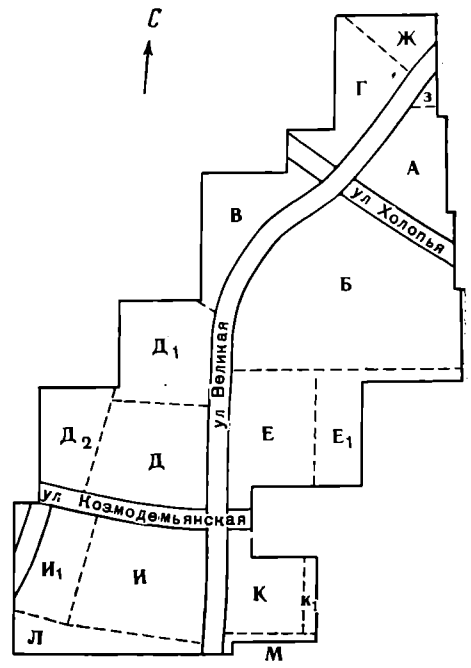


Рис. 2. Схема расположений усадеб Неревского раскопа

Согласно поздним источникам, улица мостилась уличанами — ее жителями, составлявшими общину. Представляется бесспорным, что плахи Холопьей и Козмодемьянской улиц в XIII—XV вв. были уложены уличанами. Но возникает вопрос: а кто мостил те же улицы в XII, XI, наконец, в X вв.? Думаем, что не ошибемся, если назовем тех же уличан. Тогда сам факт прокладки первой мостовой приобретает чрезвычайно важное значение: он свидетельствует об оформлении уличанской организации[3]. Методом дендрохронологии установлено, что нижний ярус Козмодемьянской улицы уложен в 953 г., а Холопьей — в 1006 г. [34]. Оказывается, обочина Холопьей улицы оформилась позднее козмодемьянцев на полстолетия. Если это так, то появление постоянных частоколов одновременно с прокладкой улицы (или с оформлением общины уличан) можно рассматривать только в одном аспекте — как установку границ территории уличанской общины. Иными словами, постоянные частоколы были не просто «межуличными», формально разделявшими усадьбы, расположенные на разных улицах, а *межуличанскими,* т. е. внешними рубежами, за которыми начиналась территория, где располагались дворы членов уличанской общины. Эти рубежи были неприкосновенны, закреплены за общиной, потому и оставались на прежних местах в течение столетий. Мы вправе видеть в уличанской общине территориальное объединение владельцев индивидуальных усадеб с изначально установленными постоянными внешними границами. По мере роста города удлинялись улицы, а с ними и внешние частоколы. Так территория общины увеличивалась в длину. В связи с этим полагаем, что дальнейшее изучение социальной топографии древнего Новгорода должно включать программу по возможности наиболее полного археологического изучения одной из новго-

[2] Объем статьи не позволил нам привести в табл. 1 все паспортные данные частокольных звеньев «б». Датировка этих частоколов указана лишь на рис. 3.

[3] Следует сделать оговорку, что не на всех улицах была уличанская община. Например, ее не могло быть на центральных магистралях (Великой, Пробойной). Мостились эти улицы всем концом. В Новгороде имелись и общественные территории: кремль, торг [21, с. 108], о которых заботился весь город.

Таблица 2

Постоянные частоколы между усадьбами Д и В

Частокол	Раскоп	Квадрат	Нивелировочные отметки поверхности частокола	Нивелировочные отметки низа кольев	Пласт	Ярус
а-6	Н-VIII	591	–	–	20	21
		581	393–398, 466	–		
		582	380–400	433–441		
а-7	Н-VIII	575	368–392	–	19–20	20–21
		565	366–375	–		
		584	358–361, 370	–		
а-8	Н-VIII	583	345–356	–	18–19	19–20
		573	338, 350–366	434–448		
		563	352–357	432–452		
а-9	Н-XXVI	1681	332–335	–	17	19
		1682	331–340	–		
		1683	331–339	–		
а-10	Н-VIII	562	328–333, 309	–	17	17–18
		564	322–330, 300	–		
а-11	Н-VIII	601	290–298	–	14–15	14–15
		602	277–294	–		
		592	262–286	–		
		582	275–288			
		572	283–284	–		
	Н-VII	563	267–286	–		
а-12	Н-XXVI	1664А	148–158	238–241	8	8–9
	Н-VIII	562	152–170	181–190, 210	8–9	8–9
а-13	Н-VIII	601	141–159, 162	243–261	8	7–8
		591	142–160, 164	234–256		
		582	138–148	241–247	7–8	7–8
		572	134–159	242–253		
а-14	Н-VIII	581	120–130	–	7	6–7
		582	121–138	–		

родских улиц на всем ее протяжении: от Волхова до окольного вала XIV в. Тогда наши представления об эволюции уличанской общины как территориального объединения владельцев индивидуальных усадеб неизмеримо возрастут.

Наш вывод о том, что уличанская община существовала уже в X в. и что она имела свою территорию, полностью соответствует наблюдению Я. Н. Щапова, сопоставившего улицу с вервью (соседской общиной) Русской Правды XI–XII вв. «Русская Правда,– отмечает исследователь,– полнее всего характеризует общину по линии уголовной ответственности ее членов перед князем. Этому посвящено несколько статей, из которых выясняется, что существует *территория*, связанная с определенным коллективом людей, называемым вервью (Кратк. 20; Простр. 3, 19, 70). Этот коллектив – устойчивая организация, которая платит князю „дикую виру" – штраф за нераскрытое убийство *на ее территории*, причем платит в рассрочку в течение нескольких лет (Простр. 4). Вервь несет перед княжеской властью коллективную ответственность за убийство в разбое, происшедшем *на ее территории*» [10, с. 16] (курсив наш.– *В. Б.*). Добавим только, что, по-видимому, несколько улиц – соседских общин образовывали единую кончанскую общину. Поскольку соседская община выросла из родовой общины, то появление первых улиц в концах Новгорода надо рассматривать как конечный результат распада родовой общины, составлявшей первоначальное ядро конца. Отсюда особое значение получает вопрос о времени возникновения на территории Новгорода самых первых мостовых. Древнейшая улица, известная археологически, относится к 20–30-м годам X столетия. Это Черницына улица в Людином конце [35, с. 42]. Возможно, будут найдены и более древние мостовые – конца IX в.: судя по погребальным

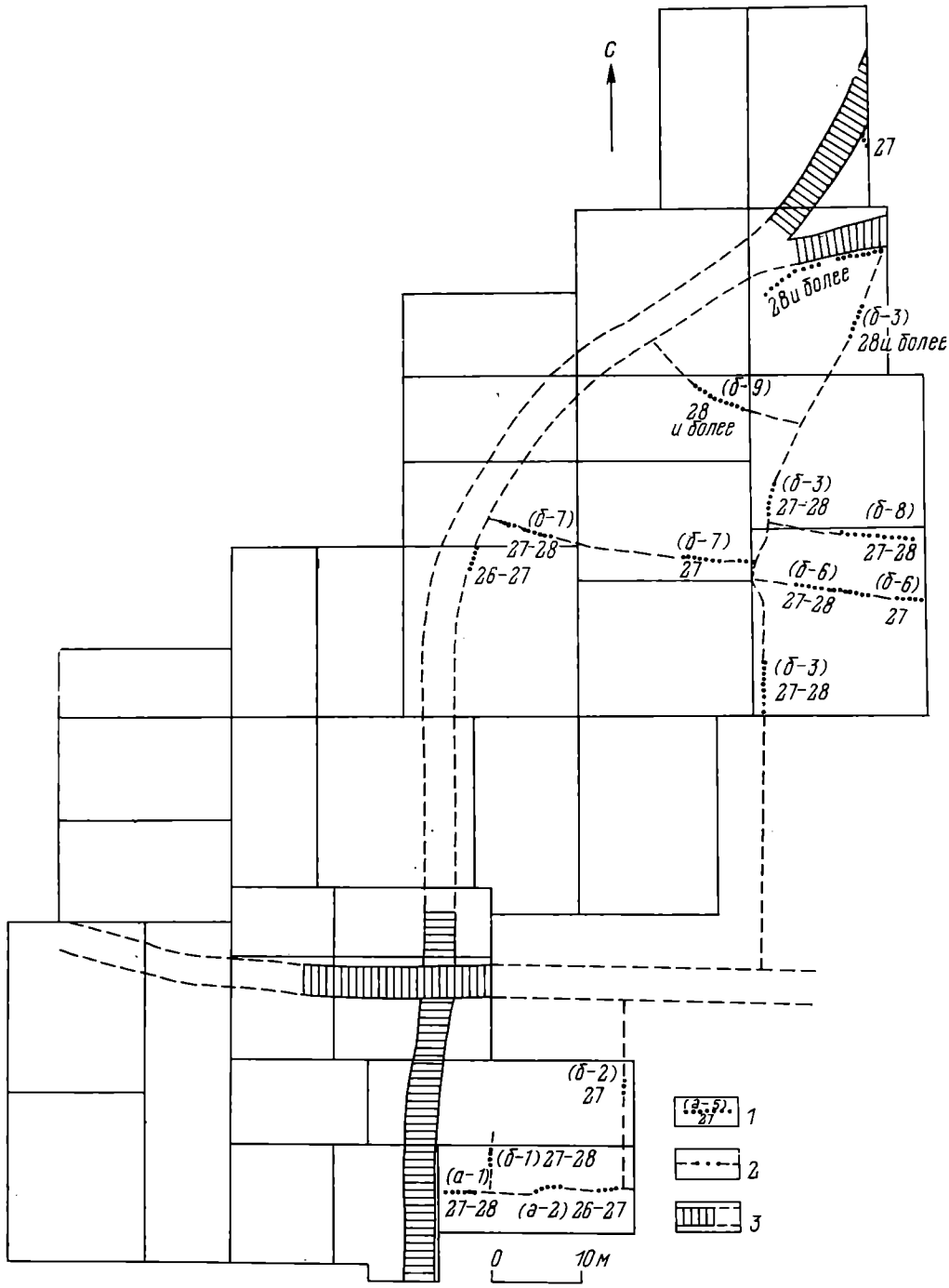


Рис. 3. Неревский раскоп. Частоколы и мостовые 28—27-го ярусов (953—989 гг.). *1* — фрагменты частоколов с указанием яруса и шифра (см. табл. 1); *2* — реконструкция трасс частокольных оград; *3* — мостовая и ее трасса

памятникам, именно тогда на северо-западе Восточной Европы произошел распад родовых отношений [36, с. 32].

Но постоянные частоколы и уличные мостовые не единственное свидетельство деятельности уличан. Некоторые постройки, найденные при раскопках, также могут иметь к ним самое прямое отношение. Примером может послужить сруб, стоявший к югу от перекрестка Великой и Холопьей улиц. Впервые на него обратил внимание П. И. Засурцев. При описании построек 6-го яруса Неревского раскопа исследователь отметил, что непосредственно у перекрестка была выгорожена небольшая площадка размером 7×5 м, на которой стояла постройка Б6Д. Она отгораживалась от соседней усадьбы Б частоколом и имела самостоятельное значение. П. И. Засурцев трактовал эту постройку как помещение

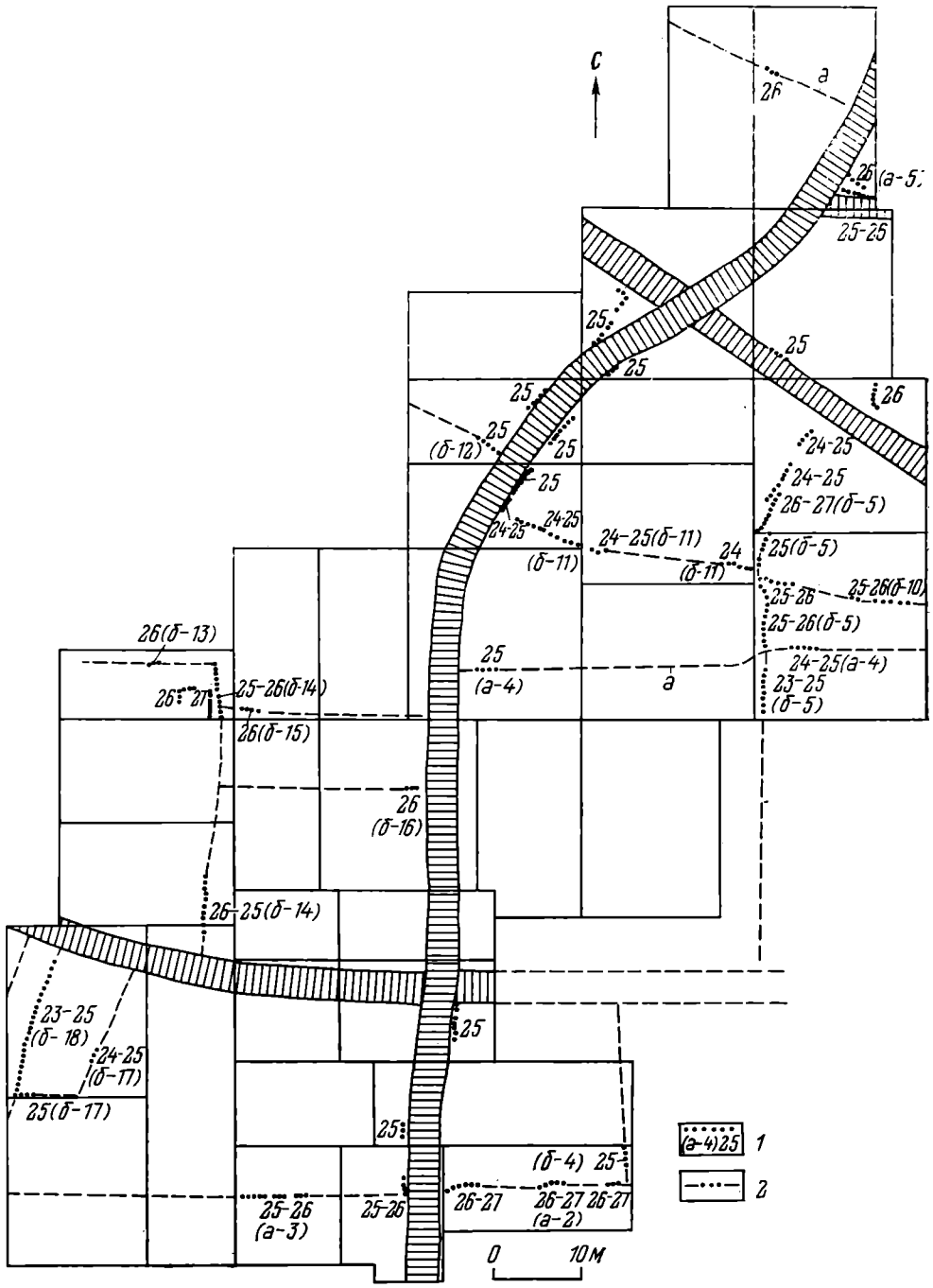


Рис. 4. Неревский раскоп. Частоколы и мостовые 26—25-го ярусов (989—1025 гг.). *1* — фрагменты частоколов с указанием яруса и шифра (см. табл. 1); *2* — реконструкция трасс частокольных оград

для уличанской стражи [18, с. 161]. Действительно, у перекрестка есть небольшой участок, выгороженный частоколом, размером 40—50 м². Частокол здесь отмечен трижды (табл. 3): в 3—4-м, 4—5-м ярусах (6×7 м=42 м²), в 8—9-м ярусах (7×7 м=49 м²) и в 13—14-м ярусах (6×7,5=45 м²) (рис. 5). За это время здесь прослежено шесть срубов [18, с. 159—162] (табл. 4).

Как видим, все срубы отнесены к разряду жилых, за исключением Б10А. Однако этот сруб определен как хозяйственное помещение предположительно. Общественное назначение указанных сооружений проясняется на примере сруба БЗЕ. Его северо-западное бревно, уложенное вдоль мостовой Великой улицы, заходит под мостовую Холопьей улицы и служит подкладкой под лаги последней (рис. 6). Таким образом, дом

Таблица 3

Частоколы к югу от перекрестка улиц Великой и Холопьей

Частокол	Раскоп	Квадрат	Нивелировочные отметки поверхности частокола	Пласт	Ярус
в-1	Н-II	210	170–181	9–10	3–4
		199	183–191		
	Н-III	286	175–185	9–10	4–5
в-2	Н-II	200	278–281	14	8–9
	Н-III	291	248–270	13–15	8–10
		287	251–292		
в-3	Н-II	200	371–384	19–20	13–14
	Н-III	291	339–349	18	13

Примечание. Нивелировочные отметки низа кольев на чертежах не даны.

Таблица 4

Характеристика срубов к югу от перекрестка Великой и Холопьей улиц 3–13-го ярусов (1268–1446 гг.)

Ярус	Сруб	Размеры, площадь, м²	Назначение
3	БЗЕ	5,5×6,5=35,75	Жилой дом
4	Б4Е	3×4=12	То же
6	Б6Д	3×4,6=13,8	»
7–8	Б8Ж	6×4,5=27	»
10	Б10А	4×5=20	Предположительно хозяйственная постройка
13	Б13Е	6×5,2=31,2	Жилой дом

БЗЕ на выгороженной территории конструктивно связан с общественным уличанским сооружением — мостовой и одновременен одному из ее ярусов. Поскольку Холопья улица мостилась уличанами, то к деятельности тех же улпчан следует отнести не только укладку данного бревна, но и постройку самого сруба БЗЕ. Мощение Холопьей улицы шло одновременно с возведением постройки БЗЕ. Одновременны с мостовыми и вымостки из плах, прослеженные перед срубами (рис. 7).

Культурный слой на данном участке ничем не выделялся, кроме того, что здесь в 5—2-м ярусах найдено большое скопление коровьих челюстей и скорлупы лесных орехов. Коровьими челюстями замощено также пространство между мостовой Великой улицы и уличанскими срубами в период 4—5-го ярусов [37, с. 141—167].

Обилие скорлупы лесных орехов у перекрестка Великой и Холопьей улиц заставляет нас предполагать, что этот участок имел какое-то общественное назначение, что здесь собирались люди. А находка челюстей коров вызывает прямые ассоциации с материалами раскопок А. В. Арциховского на Ярославовом дворище, где в 1938 г. между Никольским собором и Пятницкой церковью в раскопе площадью 12×8 м были найдены в огромном количестве коровьи челюсти. А. В. Арциховский предварительно датировал это скопление XV—XVII вв., предположив, что челюсти являлись подкладками под мостовые для большей устойчивости и предохранения дерева от гниения [38, с. 157—160]. П. И. Засурцев предпринял попытку пересмотреть датировку и трактовку настила из коровьих челюстей. Им было высказано мнение, что раскоп 1938 г. вскрыл вечевую площадь XIV—XV вв. [39, с. 28][4]. Пока трудно судить, действительно ли скопление коровьих челюстей характерно для вечевых и иных общественных территорий. Во всяком случае, не отказываясь от этого предположения, мы решили обратиться к берестяным грамотам, найденным рядом с перекрестком Великой и Холопьей улиц,

[4] В. Л. Янин полагает, что вечевая площадь находилась к западу от Николо-Дворищенского собора [24, с. 47].

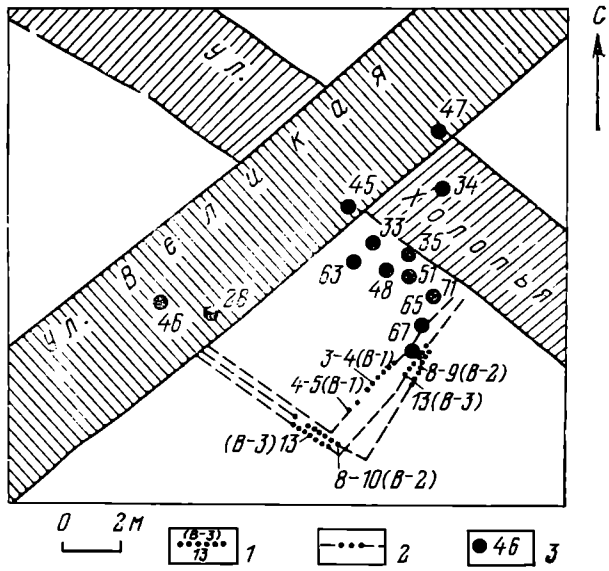


Рис. 5. Частоколы к югу от перекрестка улиц Великой и Холопьей (XIII—XV вв.) и места находок берестяных грамот. *1* — фрагменты частоколов с указанием яруса и шифра (см. табл. 3); *2* — реконструкция трасс частокольных оград; *3* — грамота

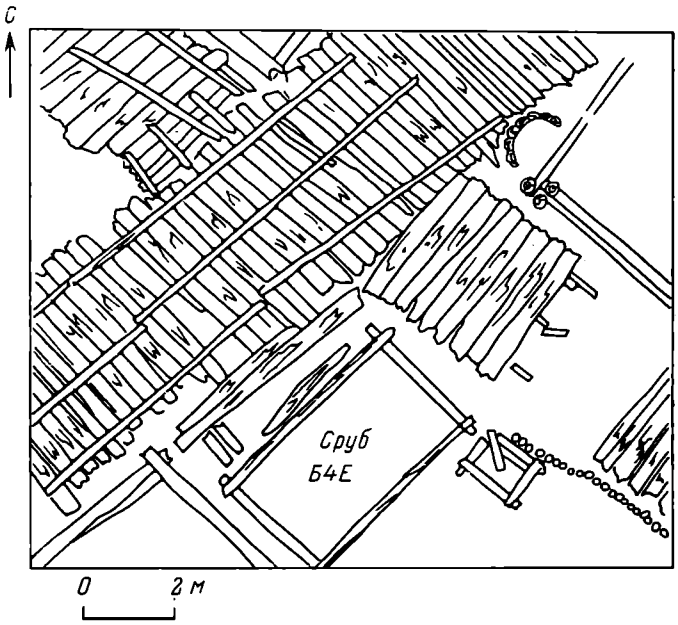


Рис. 6. Неревский раскоп. Перекресток улиц Великой и Холопьей. Фрагмент плана раскопа Н-II, пласт 9

а также на выгороженном участке. Привлекались грамоты, датирующиеся по 13-й ярус (1268—1281 гг.) включительно, т. е. временем существования здесь уличанской постройки. Таких грамот оказалось 13: № 33, 34, 35, 28, 45, 46, 47, 48, 51, 63, 65, 67, 71. Из списка следует исключить письмо № 65, поднятое у частокола, отделявшего выгороженный участок от усадьбы Б. Береста № 65 адресована владельцу двора Б — «мужу доброму» Есифу Давыдовичу; она является частью его переписки [40]. Все остальные послания, исходя из содержания, можно сгруппировать следующим образом: а) отрывки без толкований (№ 35, 63); б) письма на тему феодального хозяйства (№ 51, 67, 71) [14, с. 117, 149, 150; 41, с. 54, 55, 73, 74]; в) грамоты, которые относятся к судебной деятельности или какому-то решению спорных дел (№ 33, 34, 45, 47, 48); г) духовное завещание № 28; д) шутка (береста № 46). По

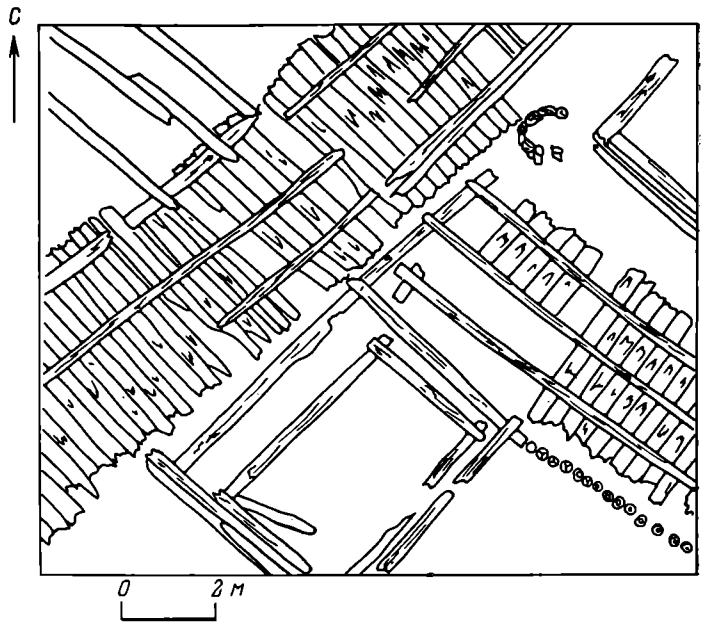


Рис. 7. Неревский раскоп. Перекресток улиц Великой и Холопьей. Фрагмент плана раскопа Н-II, пласт. 8

количеству заметно выделяются письма на судебную тематику. Их пять против трех на хозяйственную тему, одного завещания и одной шутливой записи. Такое соотношение нам представляется не случайным, что подтверждается содержанием грамот, происходящих с мостовых Неревского раскопа этого же времени (табл. 5).

Рассмотрим содержание грамот, имеющих отношение к судебной деятельности. Письма № 34 и 48 разрезаны ножом на узкие полоски. По-видимому, это какие-то официальные документы, так как такие же разрезанные грамоты были встречены на Суворовском раскопе, на усадьбе судьи. По поводу таких писем А. В. Арциховский и В. Л. Янин замечают: «Так всегда поступали с официальными письмами, если необходимость в них была исчерпана, а их огласка нежелательна» [42, с. 69].

Береста № 47 содержит постановление об отдаче излишков: «Се лишки дати Т...» [41, с. 49]. Грамота № 33 упоминает Давыда: «Давыда обидя, и о...онъ» [14, с. 330]. Фрагментарность письма не позволяет в деталях говорить о его содержании. Л. В. Черепнин считает, что грамота относится к судопроизводству. Береста № 45 упоминает денежные расчеты в два с половиной рубля и тринадцать с половиной гривен: «Се соцетеся добро со Семеномо на полотеретея рубля на 3 годы полоцтевертынатця гривно, а рубл...» [41, с. 46]. Это мировая запись, которой закончился спор между истцом-заимодавцем и его должником. Соглашение состоялось о расчетах, связанных с договором займа [14, с. 356—358].

Итак, почти половина из указанных грамот на бересте, происходящих с перекрестка Великой и Холопьей улиц, относится к судопроизводству. Их кучность, тяготение к перекрестку, к месту, где стояла уличанская постройка, могут быть объяснены лишь тем, что все письма связаны с деятельностью каких-то официальных лиц — представителей уличанской общины. Можно догадываться, что мы имеем дело с уличанскими старостами, в компетенции которых и находились рассмотрение жалоб, разрешение конфликтов между жителями улицы. Два таких старосты с соседней Козмодемьянской улицы упомянуты в бересте № 276 второй половины XIV в. (усадьба Е, 8-й ярус): «Поклоно от Одрея со братию ко Василию и ко Сидру. Была жалоба передо вами и попъеми...» [5, с. 103]. Исследователи рассматривают это послание как свидетельство существования в Новгороде уличанского суда [7, с. 141, 142; 14, с. 325, 326].

Таблица 5

Грамоты, найденные на перекрестке Великой и Холопьей улиц

Место находки грамоты	Грамота №	Ярус	Дендрохронологическая дата	Краткое содержание
Великая ул.	44	8	1369–1382	О товаре и чьем-то бегстве в земли Ливонского ордена
	54	10	1313–1340	Отрывок. Упоминаются два сокола
	72	13	1268–1281	Отрывок: «Иванко сыно Дьмеянко»
	95	10	1313–1340	Отрывок без толкования
	106	10	1313–1340	Заголовок письма: «[От поса]дника...»
	162	4	1422–1429	Список крестьянских повинностей
	184	8	1369–1382	Отрывок без толкования
	185	8	1369–1382	Заголовок письма: «Поклонъ ко Захарии ко Дм[итру]...»
	187	9	1340–1369	Об уборке сена
	188	10	1369–1382	Отрывок без толкования
Холопья ул.	1	8–7	1369–1396	Запись феодальных повинностей, шедших Фоме
	10	8–7	1369–1396	Загадка на библейскую тему
	16	5	1409–1422	Отрывок без толкования
Козмодемьянская ул.	167	7	1382–1396	Челобитная мельника боярину Юрию Онцифоровичу
	171	8	1369–1382	Отрывок без толкования
	172			
	182	8	1369–1382	Начало письма: «[С]воему оспод[ину]...»
	190	11	1299–1313	Отрывок без толкования
	191	11	1299–1313	Отрывок. Упоминаются коробья ржи
	193	11	1299–1313	Отрывок без толкования
	372	8	1369–1382	Письмо господину о сене
	377	13	1268–1281	Письмо Микиты к Ульяне с просьбой выйти замуж
	378	13	1268–1281	Ярлык к вещи
	388	9	1340–1369	Отрывок без толкования

Судопроизводство, очевидно, осуществлялось в постройке, выгороженной частоколом у места пересечения мостовых. Письменные источники указывают название этих помещений: «гридница», «беседа улицкая» [13, с. 166; 43, с. 722; 44, с. 134], наконец, «обчина» [8, с. 7]. И. Д. Беляев приводит сообщение летописи под 1342 г., где говорится, что, когда псковичи пришли к новгородцам просить помощи для похода на немцев, то «новгородци же, не умедлище ни мала, поехаша вборзе в великую пятницу, а иныи в великую суботу, а обьчины вси попечатавъ» [45, с. 354]. Комментируя этот отрывок, историк пишет: «У каждой улицы была своя уличанская печать и своя контора, по тогдашнему — обчина, где хранились общественные уличанские деньги и дела между своими уличанами, где, вероятно, заседали уличанские старосты и держали уличанский суд и управу» [8, с. 7].

Думается, что «обчины» уличан, будучи общественными постройками, должны были выделяться своим архитектурным обликом подобно кончанским вечевым гридницам — континам [46, с. 12, 13]. У нас нет археологических свидетельств о деревянных украшениях «обчин». Таковых могло и не быть. Зато имеются данные, позволяющие утверждать, что окна уличанской избы на Холопьей улице имели в первой половине XV в. цветные стекла. На кв. 199, 208, 209, 219 (на месте «обчины») в слоях 2–6-го ярусов (1396–1462 гг.) найдено 16 фрагментов оконных стекол: 15 — зеленого цвета и 1 — желтого [47, с. 160–163]. Ю. Л. Щапова отмечает, что оконные стекла принадлежат к числу редких находок: застекленные окна отличали дома бояр, князей, церкви и некоторые постройки общественного назначения [47, с. 142].

Перекресток Великой и Холопьей улиц мог быть не только местом, где решались спорные дела уличан, но и участком, на котором собирались дворовладельцы, т. е. вечевой площадью. Для уличанского веча

здесь было вполне достаточно места: на мостовой Холопьей улицы, за «обчиной»,— площадка 4×4 м, на мостовой Великой улицы, напротив «обчины»,— площадка размером 7×4 м, перекресток 4×4 м и, наконец, мощеный участок перед «обчиной» со стороны Великой улицы 0,7×7 м. Итого — 65 м². Если учесть, что на 1 м² могло разместиться примерно четыре-пять человек, то вечевая площадь могла вместить около 260—320 уличан.

В заключение несколько слов о другом археологическом объекте — каменных башнях («кострах») Окольного города, которые были возведены после пожара 1391 г., что зафиксировано в летописи: «Новгородци взяли сребра 5000 оу святеи Софьи с полатеи, скопленна владычня Алексеева, и разделиша на 5 концевъ, по 1000 на конецъ, и иставиша костры каменыи по обе стороне острога, оу всякои оулицы...» [48, с. 370]. А. Л. Монгайт отмечает, что это «чисто новгородское и по масштабам, и по системе организации мероприятие. Строят у всякой улицы, по концам, и строит, вероятно, улица, уличанская корпорация... Улица, построившая башню, должна была и содержать ее, и защищать». Не лишено оснований заключение того же исследователя, что строительство острога было расчленено по улицам, вследствие чего каменные стены были построены лишь на отдельных участках. Таким образом, «уличанская организация отразилась на конструкции острога как фортификационного целого» [49, с. 28—30, 95].

Мы полагаем, что сама система возведения башен и стен острога XIV в. непосредственно связана с территориальностью уличанской общины: уличане строили укрепления на своей территории. Показателен, на наш взгляд, пример с башнями, которые ставились в конце мостовых, в то время как земля под мостовую являлась собственностью всей улицы. Последнее особенно наглядно проявилось во время конфликта 1439 г. между жителями Михайловой улицы и Готским двором. Когда приказчик решил подвинуть косяки ворот на полфута вперед на мостовую, то сейчас же на Готский двор явились старосты Михайловой улицы вместе с толпой народа, требуя выдачи виновника, который так дерзко позволил себе захватить принадлежавшую им землю [50, с. 111].

О наличии в распоряжении уличан земельных участков говорят также поздние источники. Лавочные книги 1583 г. упоминают за городским валом, в «заполье», напротив отдельных улиц «огороды», «полоски», «нивки», которые числятся «за всеми уличаны» этих улиц [11, с. 170—179; 13, с. 162]: связь жителей русских средневековых городов с земледелием теперь уже не вызывает сомнений [51, с. 92; 52, с. 129—132].

Все это полностью соответствует представлениям современных исследователей о соседской общине, сочетающей индивидуальную собственность на дом, приусадебный участок и пашню с общинной собственностью на пустующие земли и остальные угодья. Обращает на себя внимание и другой факт. Хотя индивидуальная собственность внутри соседской общины может достигать в дальнейшем большого развития (наследование, отчуждение, завещание), община все же сохраняет некоторые права на всю землю, в том числе и на индивидуальные участки. Вступление в общину в период раннего средневековья было затруднено. Даже в XVI в. уличане предпочитали оставлять за собой выморочные, опустевшие дворы, земли, лавки, владея ими на корпоративных началах [11, с. VIII; 43, с. 721]. Но если соседская уличанская община владела городской землей и прилегающими к общине участками еще в республиканское время, сохраняя контроль над своей территорией даже в XVI в., то это и объясняет причины возведения острога XIV столетия отдельными участками силами каждой улицы. Уличане были заинтересованы в укреплении владений своих общин. Думается, что в дальнейшем целесообразно предпринять попытки выявить «швы» в теле вала или каменных стен (на участках между башнями острога) и проверить, действительно ли они расположены напротив межуличанских частоколов.

Возводя острог на своей территории, уличане максимально заботились о хозяйственных нуждах своих общин. По-видимому, в связи с потреб-

ностями уличан в сообщении с прилегающими земельными участками и водоснабжении во многих башнях в конце улиц были сделаны ворота в ущерб обороноспособности острога. Иначе трудно объяснить обилие проездных башен напротив улиц. Логично считать, что все башни, возведенные в конце улиц, были проездными. Определить, проездная башня или нет, можно в дальнейшем только археологически. Доверять в данном случае поздним письменным источникам нельзя: исследование одной из башен Торговой стороны, предпринятое П. М. Алешковским, показало, что, хотя в описи Новгорода 1686 г. эта башня значится как «глухая», на самом деле она проездная [53, с. 4].

Подведем итоги:

1. Постоянные частоколы, которые проходят по тыльным границам усадеб, стоящих на разных улицах,— межуличанские. Эти частоколы возникают, как правило, одновременно с прокладкой мостовой и являются границами между уличанскими общинами. Появление этих частокольных оград, так же как и прокладка 1-го яруса мостовой,— свидетельство оформления общины уличан. Тем самым получено археологическое подтверждение тезиса, выдвинутого Я. Н. Щаповым [10] и развитого Ю. Г. Алексеевым [54, с. 270—272; 55, с. 23—28], о том, что улицы Новгорода представляли собой территориальные соседские общины, восходящие к глубокой древности.

2. Высказано предположение о том, что строительство укреплений Окольного города XIV в. тесно связано с территориальностью уличанских общин: каждая община возводила башни и укрепления в виде стен, валов на своей территории.

3. Срубы, прослеженные в XIII—XV вв. к югу от перекрестка древних улиц Великой и Холопьей, признаны нами уличанской «обчиной» летописных источников, т. е. общественной постройкой, где заседали уличанские старосты, решавшие конфликты между уличанами. Рядом собиралось вече Холопьей улицы.

4. Необходимо разработать программу изучения одной из улиц Новгорода на всем ее протяжении от Волхова до вала Окольного города; это значительно расширит наши представления об уличанской общине.

5. Уличанская («квартальная община»), вероятно, представляла собой явление общеисторическое. Аналогичные общины прослежены О. А. Сухаревой по материалам средневековой Бухары. Там также отмечены границы общин, проходившие «по задним стенам домов и усадеб, обращенных на разные улицы» [56, с. 13, 41 сл.].

Археологическое изучение уличанских общин древнего Новгорода только начато. Дальнейшие раскопки должны ответить еще на многие вопросы. Пока же получены первые археологические данные об уличанской организации новгородцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Т. 2. СПб., 1863.
2. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2. Пг., 1918.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
4. Софийские летописи.— ПСРЛ, 1853, т. VI.
5. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1963.
6. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... 1-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1965.
7. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1975.
8. *Беляев И. Д.* Рассказы из русской истории. Кн. 2. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1864.
9. *Рабинович М. Г.* Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII—XV вв.— КСИИМК, 1949, № 30.
10. *Щапов Я. Н.* О функциях общины в Древней Руси.— В кн.: Общество и государство феодальной России. М.: Наука, 1975.
11. Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г./Предисл. и ред. Бахрушина С. В. М., 1930.
12. *Бахрушин С. В.* Торги новгородцев Кошкиных. Научные труды. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

13. *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI в. Очерки социально-экономической и политической истории русского города. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1957.
14. *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969.
15. *Янин В. Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики.— История СССР, 1970, № 1.
16. *Янин В. Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований.— В кн.: Новгородский исторический сборник. Вып. 1 (11). Л.: Наука, 1982.
17. *Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа.— МИА, 1956, № 55.
18. *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода.— МИА, 1963, № 123.
19. *Арциховский А. В.* Письма Онцифора.— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию М. Н. Тихомирова. М.: Изд-во вост. лит., 1963.
20. *Янин В. Л.* Заметки о новгородских берестяных грамотах.— СА, 1965, № 4.
21. *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высш. школа, 1977.
22. *Янин В. Л.* О принадлежности южных усадеб Неревского раскопа в Новгороде.— СА, 1979, № 4.
23. *Янин В. Л.* Раскопки в Новгороде: итоги и перспективы.— В кн.: Будущее науки. Международный ежегодник. Вып. 5. М., 1972.
24. *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
25. *Куза А. В.* Рец.: *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высш. школа, 1977.— СА, 1979, № 4.
26. *Авдусина Г. А., Хорошев А. С.* Новгородская экспедиция.— АО-1969. М.: Наука, 1970.
27. *Янин В. Л.* Тихвинский раскоп.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
28. *Авдусина Г. А., Засурцев П. И.* Раскопки на древней Ильиной улице в Новгороде в 1962—1963 гг.— КСИА, 1965, № 104.
29. *Авдусина Г. А.* Раскопки в Новгороде.— АО — 1966. М.: Наука, 1967.
30. *Колчин Б. А.* Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология).— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
31. *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли. М.: Изд-во МГУ, 1978.
32. *Колчин Б. А., Рыбина Е. А.* Раскоп на улице Кирова.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
33. *Греков Б. Д.* План части Новгорода конца XVII в. Л.: Изд-во АН СССР, 1926.
34. *Колчин Б. А.* Дендрохронология Новгорода.— МИА, 1963, № 117.
35. *Янин В. Л., Колчин Б. А., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С.* Новгородская экспедиция.— АО—1977. М.: Наука, 1978.
36. *Седов В. В.* Новгородские сопки.— САИ, 1970, вып. Е1-8.
37. *Арциховский А. В., Колчин Б. А.* Отчет Новгородской археологической экспедиции. 1952 г.— Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 703, 704.
38. *Арциховский А. В.* Раскопки восточной части Дворища в Новгороде.— МИА, 1949, № 11.
39. *Засурцев П. И.* Новгород, открытый археологами. М.: Наука, 1967.
40. *Буров В. А.* «Муж добръ Есифъ Давыдович».— СА, 1975, № 4.
41. *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1954.
42. *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М.: Наука, 1978.
43. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
44. *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978.
45. Новгородская Первая летопись. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
46. *Арциховский А. В.* Городские концы в Древней Руси.— В кн.: Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1945, т. 16.
47. *Щапова Ю. Л.* Стеклянные изделия древнего Новгорода.— МИА, 1963, № 117.
48. Новгородская IV летопись. Вып. 2.— ПСРЛ, 1925, т. 4.
49. *Монгайт А. Л.* Оборонительные сооружения Новгорода Великого.— МИА, 1952, № 31.
50. *Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1892.
51. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1956.
52. *Рабинович М. Г.* О земледелии в русском феодальном городе.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
53. *Алешковский П. М.* Раскопки башни XIV в. на валу Окольного города.— АО—1980. М.: Наука, 1981.
54. *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины).— Исторические записки, 1979, т. 103.
55. *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л.: Наука, 1980.
56. *Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: Наука, 1976.

V. A. Burov

STREET COMMUNITY OF EARLY NOVGOROD ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL DATA

Summary

The author provides a more precise date of palings found in the Nerev digging (1951—1962) and dwells on their purpose. Archaeologists have agreed that the 10th-15th-century palings separated one street from another. They were erected together with street pavements in the Kozmodemyanskaya and Kholopya streets and marked the limits of street communities. When in the 14th century defense constructions were built in Novgorod each street community contributed by building towers on its territory. Remains of 13th-15th-century wooden constructions found to the south of the Velikaya and Kholopya crossing were recognised as communal premises mentioned in chronicles. There heads of the street community settled disputes between its members; it was probably the place where the street veche met. The author forwards a proposition to comprehensively investigate one of the Novgorodian streets along its entire length, that is, from the Volkhov River up to the Okolny gorod rampart.

Публикации

МИХАЙЛОВА Л. А.

РУСАНИХА — НОВЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ВБЛИЗИ СУНГИРЯ

Исследование палеолита центральной части Русской равнины началось более 100 лет тому назад с раскопок А. С. Уваровым Карачаровской стоянки под г. Муромом [1, с. 61]. С того момента вплоть до 50-х годов нашего века эта стоянка была не только единственным на данной территории, но и самым северным памятником эпохи палеолита в Восточной Европе. Новым импульсом для изучения древнего каменного века на европейской части СССР послужило открытие стоянки Сунгирь [2, с. 5], получившей всемирную известность благодаря более чем двадцатилетнему исследованию ее большой комплексной экспедицией во главе с О. Н. Бадером. Многочисленные разведочные работы этой экспедиции по рекам Клязьме, Оке и прилегающим к ним районам хотя и не обнаружили палеолитических местонахождений, однако О. Н. Бадер не сомневался в существовании их в районе Сунгирской стоянки, полагая, что «новые поиски и время познакомят нас с ними» [3, с. 19]. К аналогичному выводу пришел и В. И. Громов, с уверенностью говоривший о вероятности нахождения стоянок близ Сунгиря под Владимиром, под Ковровом на левом берегу р. Клязьмы [4, с. 38]. Придерживается этой точки зрения и С. М. Цейтлин, занимающийся геологией стоянки Сунгирь и Рпень-Нерльского междуречья.

Сотрудники сектора археологических исследований Владимиро-Суздальского музея-заповедника на протяжении многих лет систематически осматривают различные местонахождения костей животных, в частности костей мамонтов. Так, автором совместно с заведующей сектором Н. Н. Мошениной было обследовано местонахождение костей мамонтов, на которое наткнулся в ходе земляных работ 30 апреля 1981 г. экскаваторщик Р. А. Сидоров. Вместе с костями нами были обнаружены угольки, кальцинированные кости, включения охры и два кремневых отщепа явно верхнепалеолитического облика. Зачистка стенки карьера показала наличие культурного слоя стоянки. В связи с интенсивностью строительства в этом месте раскопки были проведены незамедлительно силами сотрудников музея[1]. Стоянка получила название Русаниха по наименованию высокого плато между р. Рпень и оврагом Кузячка.

Стоянка Русаниха располагалась на правом берегу р. Рпень (левый приток р. Клязьмы), на уровне второй надпойменной террасы, на северо-западной окраине г. Владимира, в 8 км к западу от стоянки Сунгирь, в 500 м справа от шоссе Москва—Горький, на высоте более 50 м от современного уреза р. Рпень (рис. 1).

Культурный слой стоянки, мощностью 65—70 см, залегал на глубине 2 м 48 см (верхняя отметка)[2] и представлял собой суглинок серого цвета, иногда темно-серого, комковатый, с большим содержанием угля,

[1] Выражаем глубокую признательность С. М. Цейтлину, Л. И. Алексеевой, Н. О. Бадеру, А. А. Тенеткиной, принявшим непосредственное участие в исследовании памятника и оказавшим всемерное содействие.

[2] Следует учитывать, что современная поверхность стоянки неоднократно нивелировалась в ходе земляных работ.

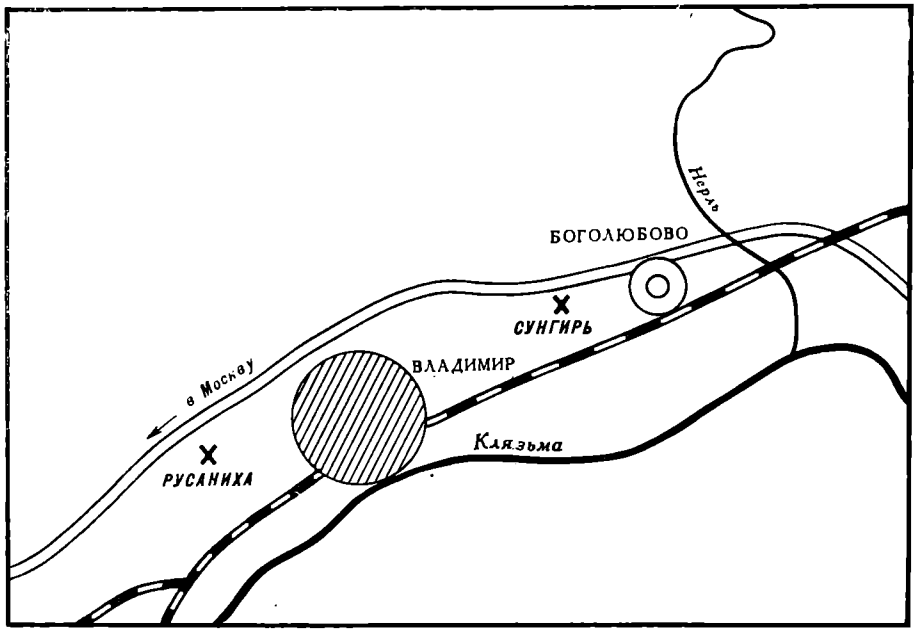


Рис. 1. Местонахождение стоянки Русаниха

кальцинированных костей, включениями и пятнами охры. Стратиграфическое положение культурного слоя определимо по разрезу, записанному в 20 м на юго-запад от раскопа С. М. Цейтлиным. Стратиграфия разреза следующая (рис. 2).

1. Почвенно-растительный горизонт, развитый в суглинке, песчанистом, сероватого цвета, пронизанном корнями растений; граница подошвы резкая.

2. Суглинок коричневый, вертикально-трещиноватый, с карбонатными присыпками по трещинам. Граница подошвы слоя резкая, отчетливая.

3. Суглинок бурый, плотный, пластичный, с марганцовистыми точками и пятнами; граница подошвы слоя постепенная.

4. Суглинок тот же, несколько темнее предыдущего, с большим количеством темных точек (марганцовистость?).

5. Зона почвообразования. Суглинок тот же, но более плотный, с пятнами и полосами гумусового вещества. Слой сильно нарушен солифлюкцией, пятна гумуса затащены выше и ниже слоя, полосы гумуса извилисты и прерывисты. Основная гумусированная полоса в подошве слоя.

6. Суглинок тот же, очень плотный, коричнево-желтоватый, разбитый неправильными трещинами, подчеркнутыми подтеками темного вещества (гумуса?). Граница подошвы постепенная.

7. Зона почвообразования, сильно нарушенная солифлюкцией. Суглинок плотный, темный, с гумусовыми разводами темного цвета различной интенсивности — от серого до черного. В слой затащены серовато-желтые пятна и линзы (до 10—20 см, подзола?). Вся зона разбита мощными косо расположенными мерзлотными клиньями, шириной в средней части до 1, а в нижней — до 0,15 м.

8. Линия контакта горизонтов 2 и 3 (следы размытой первой ископаемой почвы).

Культурный слой стоянки включен в слой 5, занимает бóльшую часть его мощности. Только самая нижняя часть погребенной почвы (10—15 см) не имела находок. Однако очажная яма, обнаруженная на стоянке, прорезала эту часть почвы и была вкопана в подстилающий суглинок. Весь культурный слой сильно нарушен солифлюкцией. Аналогичную стратиграфическую ситуацию мы видим и на стоянке Сунгирь [3, с. 32, рис. 15]. По заключению С. М. Цейтлина, условия залегания культурного слоя стоянки Русаниха фактически не отличаются от условий залегания культурного слоя стоянки Сунгирь, поэтому мы можем говорить о геологической синхронности данных памятников.

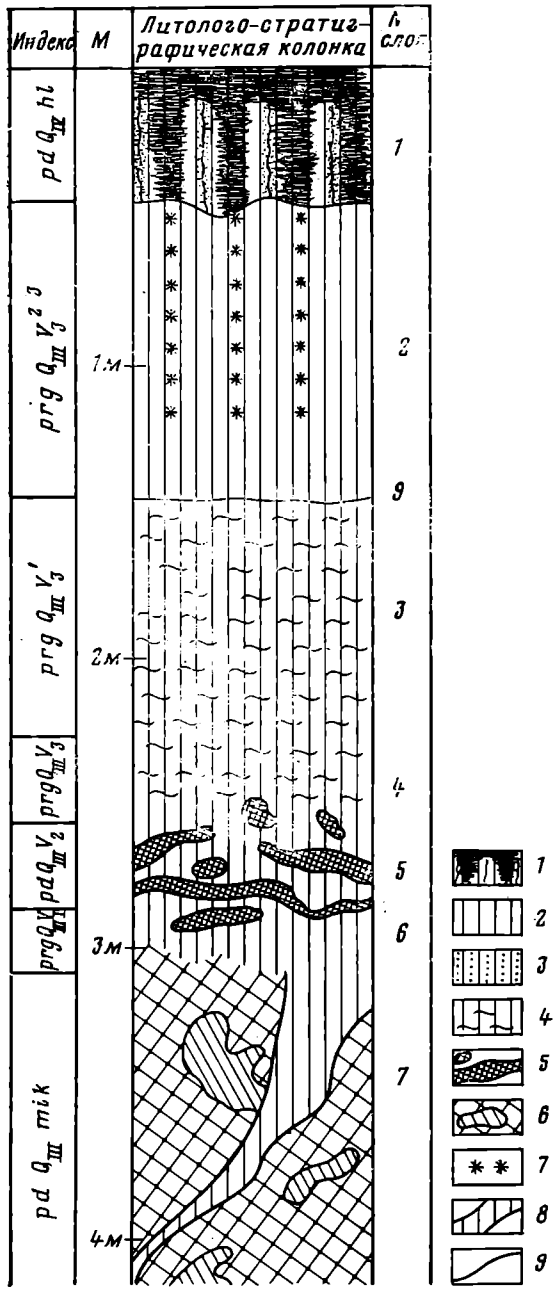


Рис. 2. Геологический разрез стоянки Русаниха. *1* — современная почва; *2* — суглинок; *3* — суглинок песчанистый; *4* — суглинок плотный, пластичный; *5* — фрагменты солифлюкционно-деформированной почвы; *6* — погребенная почва с пятнами подзола (?) внутри; *7* — карбонатные присыпки; *8* — мерзлотный клин; *9* — следы размытой первой ископаемой почвы

На небольшой площади раскопа (7×8 м) собрана значительная коллекция фауны, хотя сохранность костей очень плохая в силу геологических условий, особенно в юго-восточном углу раскопа, где слой был вязкий и сырой из-за понижения его в сторону какой-то древней ложбины, которая на современной поверхности не прослеживалась. Культурный слой был буквально насыщен костями животных, как крупными, так и мелкими, расколотыми (рис. 3). В расположении костей не было какой-либо системы, многие из них находились не в горизонтальном положении, а иногда с наклоном в 30—35°. В юго-восточной части раскопа некоторые костные остатки располагались в анатомическом порядке, в частности позвонки мамонтов. Обращало на себя внимание большое количество ос-

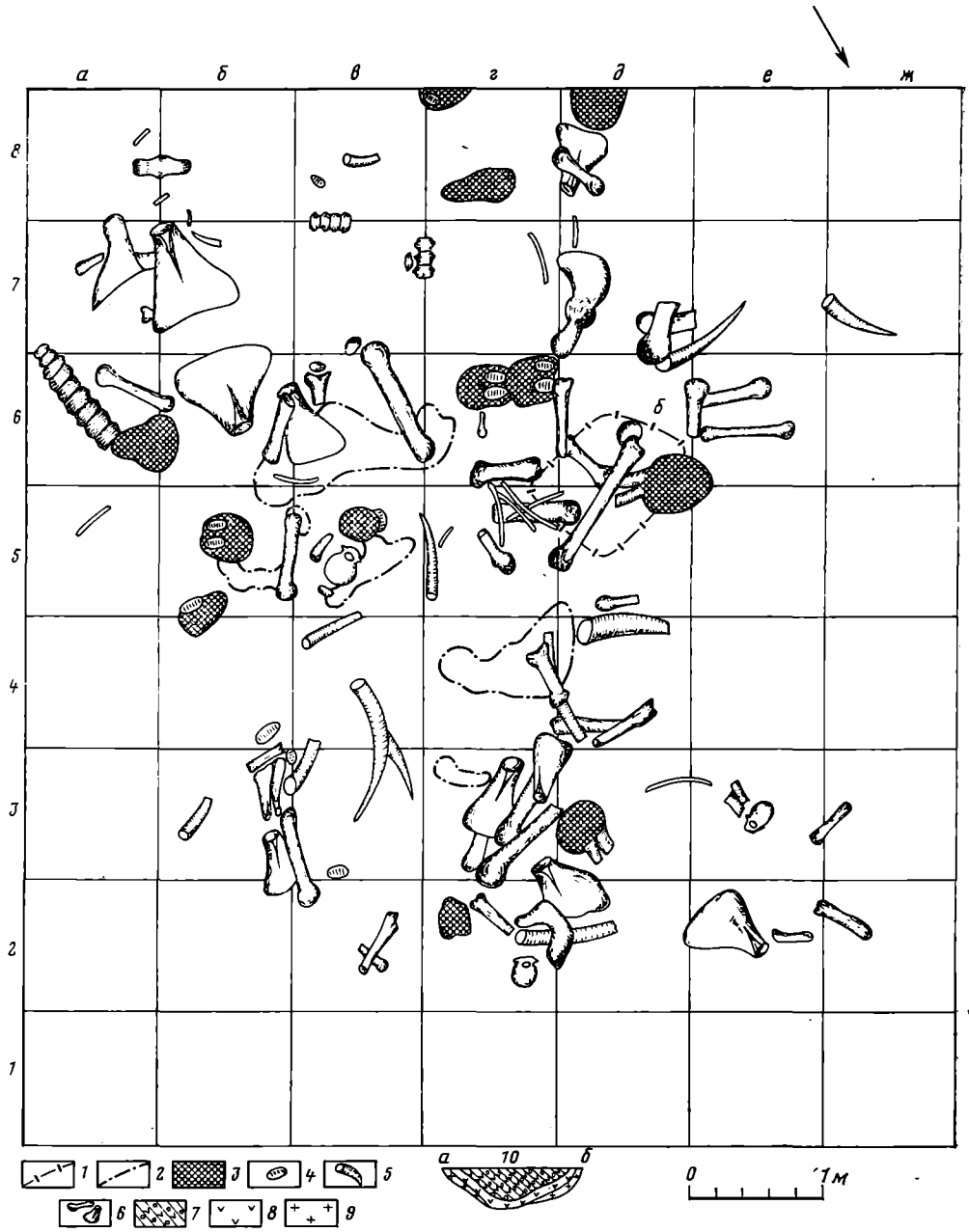


Рис. 3. План расположения крупных костей, кострищ и очажной ямы на раскопе. *1* — очажная яма; *2* — кострища; *3* — остатки черепов мамонтов; *4* — зубы мамонтов; *5* — бивни мамонтов; *6* — крупные кости животных; *7* — почвенно-культурный слой; *8* — углистая прослойка; *9* — прокаленная земля; *10* — разрез очажной ямы по линии *а* — *б*

татков черепов мамонтов с обрубленными бивнями. Приводим определение костных остатков, данное Л. И. Алексеевой. Костные остатки млекопитающих в культурном слое стоянки Русаниха принадлежат следующим животным: Mammuthus primigenius, Equus cf. latipes Crom, Rangifer tarandus L., Alopex lagopus L. Преобладающее количество костных остатков принадлежит мамонту (90—95%). Среди остатков мамонтов встречены отдельные отделы скелета, кости которых сохранили анатомический порядок (запястные кости — головчатая и крючковидная, несколько последних шейных позвонков мамонта; три мелкие заплюсневые кости лошади, две заплюсневые кости северного оленя).

Подсчет особей, проведенный по количеству правых зубов мамонтов (последний молочный предкоренной), показал четыре особи, по обломкам лопаток — три особи, по фрагментам черепов мамонтов — pd^4 не менее

шести особей. Следует отметить, что среди костей на стоянке Русаниха нет ни нижних челюстей, ни нижних зубов мамонтов. Этот факт пока не находит своего объяснения. По остаткам лошадей установлены две особи (подсчитано по нижним резцам и по левым берцовым костям), по остаткам северного оленя — две особи (по фалангам и пяточным костям), по остаткам песца — две особи (по зубам).

Возраст — вторая (поздняя) половина верхнего плейстоцена.

Мы видим здесь обычный холодолюбивый фаунистический комплекс, распространенный в приледниковой зоне в эпоху верхнего плейстоцена, ничуть не противоречащий известному на сегодняшний день для данной герритории по стоянке Сунгирь. Из-за разницы в изученной площади список животных стоянки Русаниха значительно беднее, чем на стоянке Сунгирь, но все-таки повторяет основные виды, выделенные на последнем [2, с. 74].

В культурном слое стоянки Русаниха зафиксированы кострища и очажная яма. Кострища встречены по всей мощности культурного слоя. Большинство из них — диаметром от 5 до 25 см, мощностью от 7 до 22 см — явно остатки кострищ, перемытых солифлюкцией. Два кострища, хотя и нарушенные, были более выраженными (рис. 3). Они располагались в центре скопления костей животных, имели неправильные очертания, вытянуты с запада на восток на 120—150 см, достигали мощности от 17 до 35 см. В кострищах очень много обожженной кости и большое количество охры. Среди находок здесь встречены кремневые орудия и отщепы, частью обожженные.

Вблизи от крупных кострищ, но чуть к западу от них, была расчищена очажная яма. Верхняя часть ее была несколько размыта в юго-восточном направлении. Четкие очертания ямы обнаружились с глубины 306 см. В плане она имела форму, близкую к квадрату со скругленными углами. Разрез ямы показал, что яма прорезала нижнюю часть погребенной почвы и врезалась в подстилающий суглинок почти на 10 см, а общая глубина ненарушенной части ямы достигала 28 см. В профиле стенки ямы покатые, дно — вогнутое. В заполнении ямы под почвенно-культурным слоем шел углистый слой мощностью 5—8 см, а под ним — слой прокаленной земли в 4—6 см (рис. 3). Очажная яма, как и кострища, содержала в основном костный уголь. Крупные кости животных, находившиеся в яме, не были обожжены.

При раскопках стоянки Русаниха нами собрана обширная археологическая коллекция, состоящая из 902 предметов, которая дает достаточно полное представление о характере используемого материала для орудий, о технике обработки кремня, в значительной степени объясняет и функциональное назначение памятника. Археологические находки, как и костный материал, потревожены солифлюкцией, и их расположение по отношению к очагам и кострищам не имело никакой закономерности, что хорошо видно на сводном плане (рис. 4). В состав археологического материала стоянки Русаниха вошли:

Куски и осколки	69	Раковина	1
Кварцитовые гальки	17	Белемнит	1
Нуклеусы и нуклевидные куски	8	Отбойник	1
Отщепы: кремнчевые	301	Долотовидные орудия	53
кварцитовые	132	Скребки	38
кварцевые	22	Скребла	16
сланцевые	40	Ножевидные пластины с ретушью	14
из опоки	39	Резцы	10
гранитные	15	Проколки, сверла	15
чешуйки	11	Скобели	6
Отщепы с ретушью	52	Режущие орудия	6
Ножевидные пластины	23	Наконечники копий из бивня	2
Ребристые пластины	6	Костяные лопаточки	2
Резцовые сколы	2		

Обитатели стоянки в основном использовали валунный, плохо колющийся кремень и только незначительную часть орудий изготовляли из

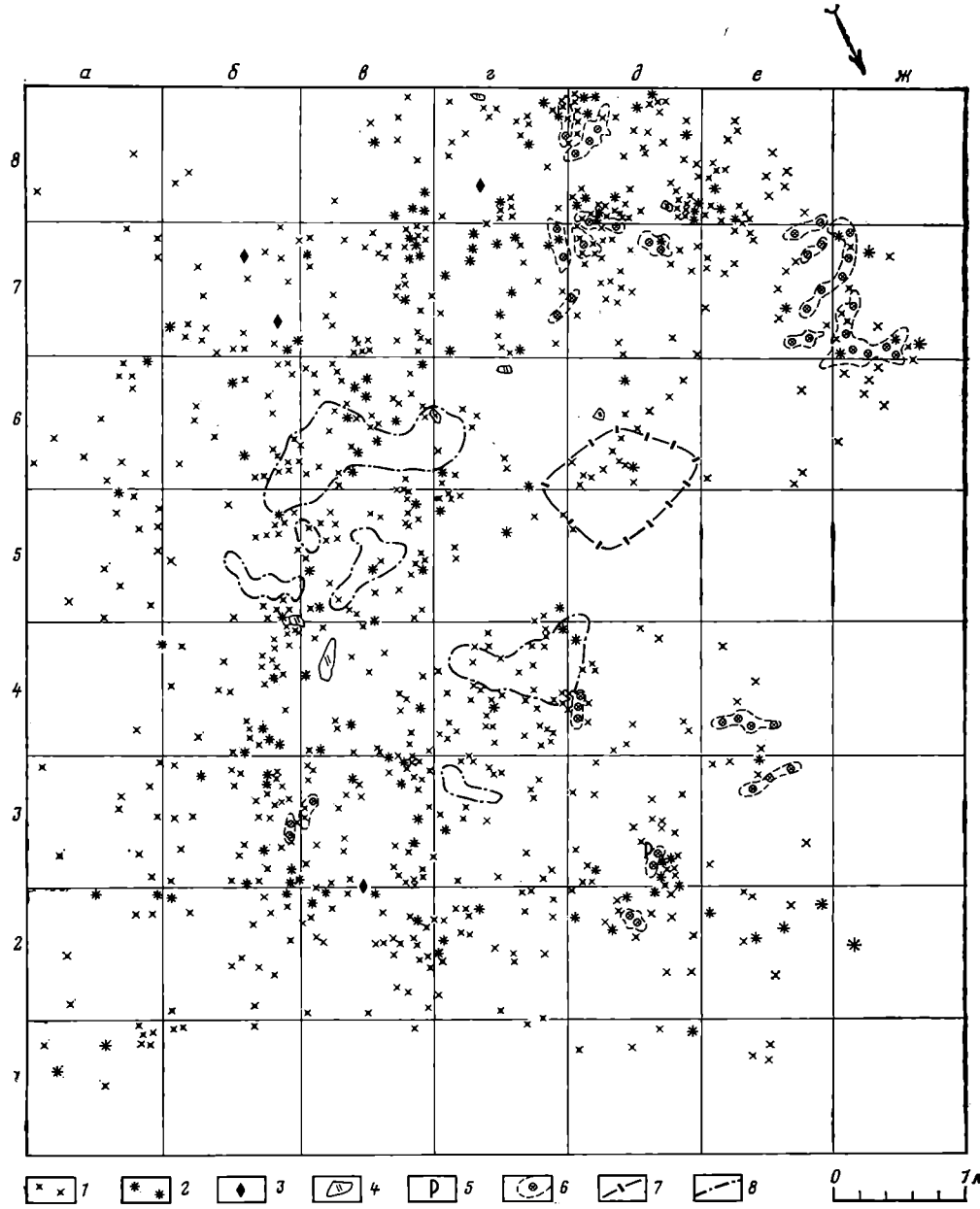


Рис. 4. План расположения археологических находок на раскопе. *1* — отщепы; *2* — орудия; *3* — изделия из кости; *4* — крупные камни; *5* — раковина; *6* — пятна охры; *7* — границы очажной ямы; *8* — границы кострищ

хорошего мелового кремния. Помимо кремня интенсивно применяли кварцит, реже кварц, сланец. Отсутствие хорошего кремня объясняет и находку нескольких орудий из опоки. Материал стоянки по своей специфике очень напоминает сунгирский комплекс.

По численности в коллекции преобладают отходы производства орудий: это 629 отщепов кремневых, кварцитовых, кварцевых, сланцевых; далее идут куски кремня, осколки, желваки, различные каменные плитки.

Преобладает техника изготовления орудий на отщепах с максимальным использованием материала, так как нуклеусов встречено всего восемь и только два из них — кварцитовый и сланцевый — не сработаны до конца (рис. 5, *1*). Остальные же сильно сработаны, имеют обычно две и более ударные площадки, негативы сколов пластин на них практически отсутствуют. Подработанную ударную площадку имеет только один нуклеус (рис. 5, *4*).

Ножевидные пластины очень немногочисленны по отношению к общей численности инвентаря. Их всего 23. Семь пластин из этого количе-

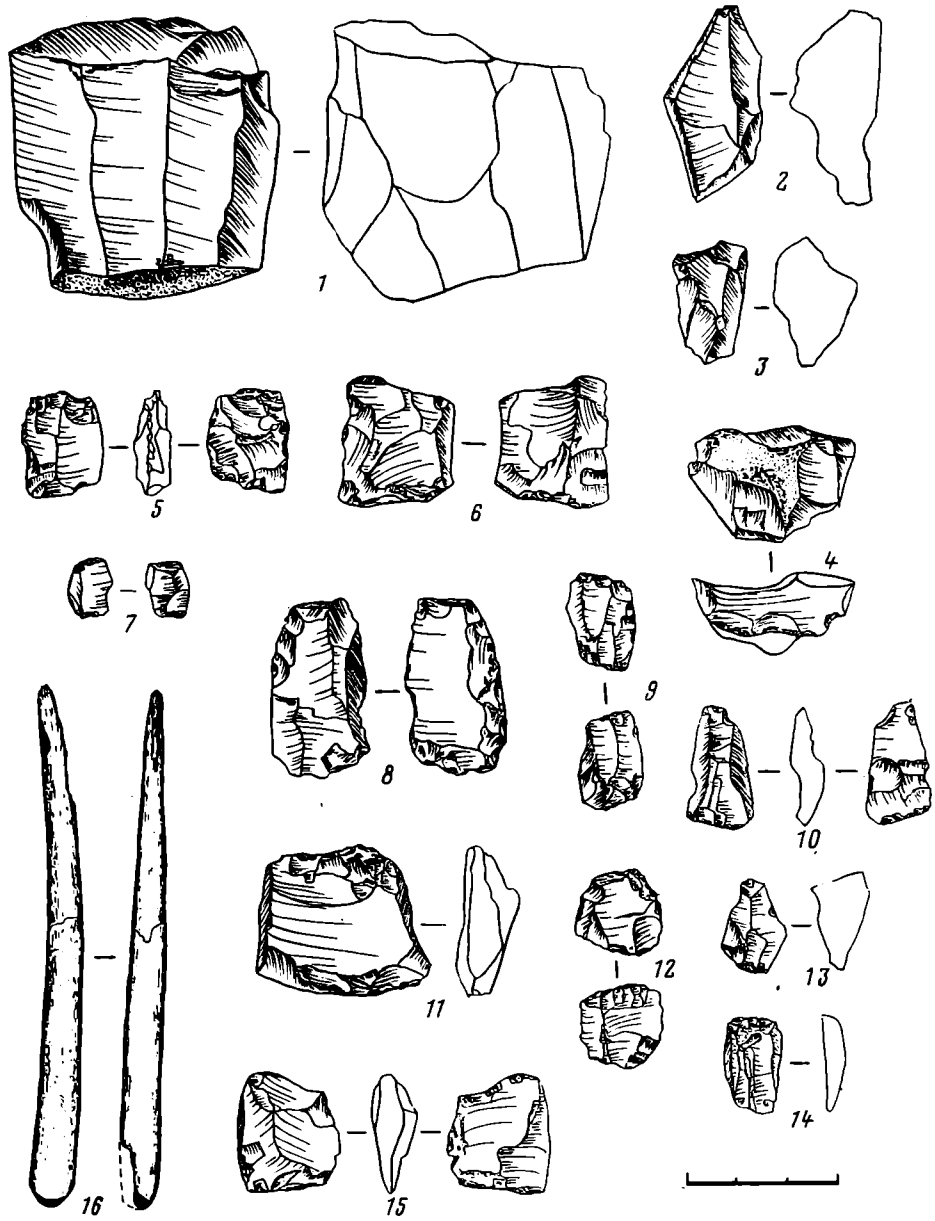


Рис. 5. Нуклеусы (*1—4*), долотовидные орудия (*5—15*), наконечник из бивня (*16*)

ства составляют обломки. Ширина пластин колеблется от 11 до 30 мм, в основном они массивны, имеют по две не всегда параллельных грани на спинке и только в единичных случаях — по три и более. Среди пластин — одна из кварцита и один обломок пластины из кварца.

Восемнадцать процентов от общего числа находок на стоянке Русаниха составляют орудия — их 163. Самая многочисленная категория орудий — долотовидные (piece ecaillée) — 53, что составляет 32,5%. Все они изготовлены на достаточно массивных отщепах кремня или сланцевых пород, имеют различный размер: от самых маленьких — 11×15, до крупных — 40×57 мм (рис. 5,*5—15*). Форма большинства из этих орудий близка к четырехугольной или даже квадратной (рис. 5, *5, 6, 15*). Рабочие лезвия сильно сработаны, имеют плоскую с заломами ретушь, очень неровную, чаще с обоих концов. В большинстве своем рабочий край прямой, реже — желобчатой формы в профиле. Одно долотовидное орудие выполнено на крупной ножевидной пластине (рис. 5, *10*), два являются сильно сработанными нуклеусами, которые использовались в качестве долотовидных орудий. В последнем случае у орудия, более чем у тех, которые выполнены на отщепах, выражен противоположный рабочему

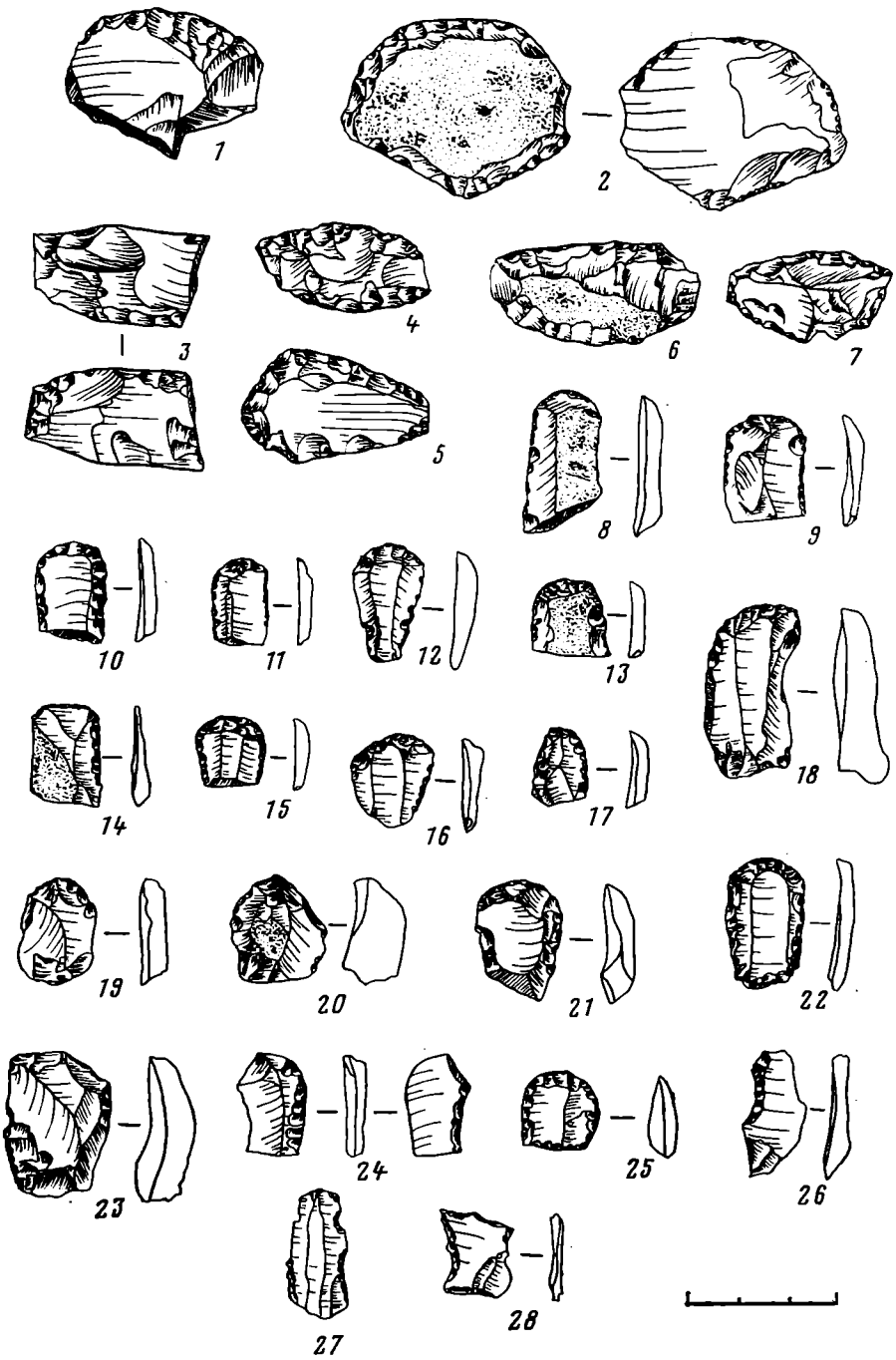


Рис. 6. Скребла (*1—7*), скребки (*8—25*), скобели (*26—28*)

краю утолщенный обушок. В профиле такие орудия имеют форму клина (рис. 5, *13*, *15*).

Следующая по численности категория орудий — скребки, их 38 штук. Бóльшая часть скребков изготовлена также на отщепах. Рабочий край таких скребков имеет округлую форму, достаточно крупную и крутую ретушь, которая редко заходит на боковые края (рис. 6, *18*, *19*, *23*). Одиннадцать скребков изготовлено на ножевидных пластинах. Это концевые скребки средних размеров, шириной от 15 до 22 мм. Рабочий край скребков на пластинах или прямой (рис. 6, *14*), или округлой формы, причем мелкая ровная ретушь заходит на боковые края (рис. 6, *8*, *10*, *11*, *22*). На нескольких скребках этой категории на спинке сохранилась корка от желвака кремня, хотя почти все они выполнены из хорошего мелового кремня.

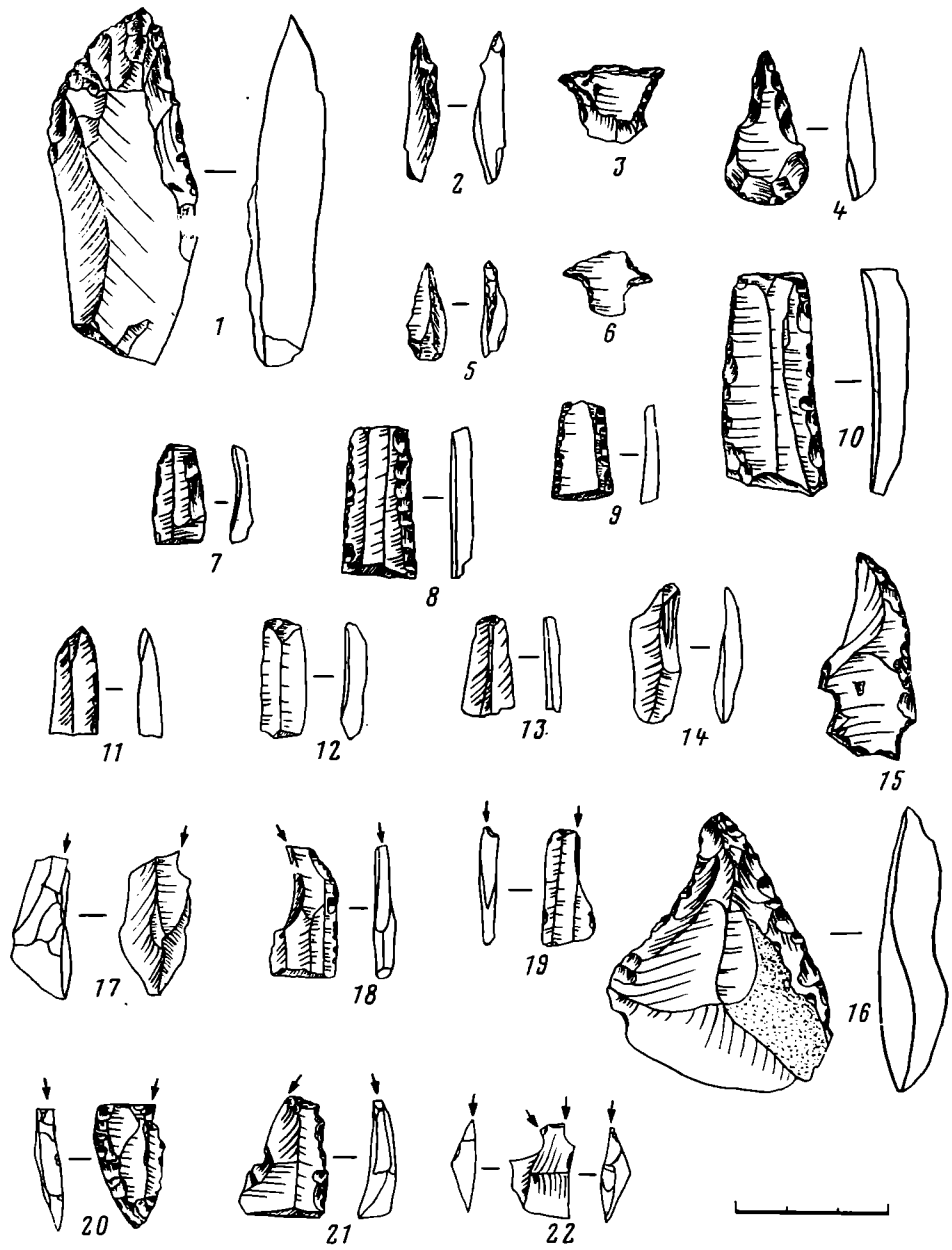


Рис. 7. Остроконечные ножи-скребла (*1*, *16*), проколки, сверла (*2—6*), режущие орудия (*7—15*), резцы (*17—22*)

Значительное место в коллекции занимают и скребла — 16 предметов. Это крупные орудия из опоки, кварцита и кремня, имеющие очень длинный, чаще овальной формы, рабочий край, оформленный крупной, неровной плоской ретушью (рис. 6, *1*, *2*). В качестве скребел часто использовались и массивные отщепы, а в одном случае — просто нуклевидный кусок кварцита. Несколько орудий изготовлено на отщепах сравнительно хорошего кремня, но и они имеют архаичную форму, один или два рабочих края, выгнутых, с хорошо выраженным почти острым концом между ретушированными краями (рис. 6, *4*, *5*). Два орудия можно отнести к остроконечным ножам-скреблам, хотя одно из них выполнено из опоки (рис. 7, *1*, *16*).

Что же касается скобелей, то они немногочисленны — шесть предметов, слабо выражены, носят подчас случайный характер. Это отщепы с неровной ретушью по одному краю, сильно вогнутому (рис. 6, *26*, *28*). При этом ретушь не распространяется на всю длину края. Исключением в данном случае является только один скобель на ножевидной пластине (рис. 6, *27*).

Среди десяти резцов из коллекции есть срединные, выполненные на отщепах. Один резец на нуклевидном куске имеет один режущий край, широкий и неровный (рис. 7, *17*). Только один резец имеет ретушь на ударной площадке (рис. 7, *21*). Три резца являются боковыми, имеют по одному резцовому сколу, длинному и узкому в двух случаях (до 23 мм), короткому — в одном. Эти резцы по боковым сторонам оформлены ретушью, так как сделаны они на сломанных или изношенных орудиях из ножевидных пластин (рис. 7, *18*). Один резец имеет своеобразную форму: на коротком обломке ножевидной пластины резцовые сколы выполнены не вдоль ножевидной пластины, а поперек.

В данном случае они короткие и имеют в профиле сильно вогнутую форму (рис. 7, *12*).

Довольно большую часть орудий составляют проколки и сверла. Пятнадцать орудий этой серии разнообразны, хотя выполнены они на отщепах и лишь одно — на резцовом сколе (рис. 7, *2*). Последнее наиболее пригодно для сверления, нежели для прокалывания, так как имеет трехгранное сечение. Орудия же на отщепах можно разделить на две группы. Первая — это отщепы, один конец которых, более удобный для работы, подправлен крутой тонкой ретушью (рис. 7, *4*, *5*). Другая — орудия, имеющие два рабочих конца, очень острых, тщательно оформленных мелкой ретушью (рис. 7, *3*, *6*). Одно орудие этой серии имеет скребковую ретушь на противоположном рабочему краю конце. Не исключено, что в качестве проколки использовался и остроконечный нож, при этом не только его острый конец, но и противоположный ему, угол которого также заострен мелкой крутой ретушью со стороны спинки (рис. 7, *15*).

В отдельную категорию следует выделить так называемые режущие орудия. Это отщепы удлиненной формы, с плоской заостряющей ретушью по одному или двум краям, или остроконечные ножи, иногда изогнутые в профиле. Один такой нож, служивший одновременно проколкой, был описан выше. Семь предметов этой серии — ножевидные пластины, имеющие ретушь на двух боковых краях со стороны спинки. Эти пластины выполнены из хорошего мелового кремня (рис. 7, *8*, *9*, *11*). Две пластины не имеют вторичной обработки, но носят следы использования, видимо, в качестве режущих орудий (рис. 7, *12*, *13*).

Обращает на себя внимание и тот факт, что на стоянке мало использовался галечниковый материал. Среди находок есть только один отбойник из гальки.

Без сомнения, обитатели стоянки обрабатывали и кость. Об этом говорит находка двух костяных лопаточек, сильно заполированных от работы ими, сделанных из плоских трубчатых костей. Обе они, как и многие вещи из культурного слоя, покрыты охрой. Особый интерес среди костяных находок представляют два наконечника копий, выполненных из бивня мамонта. К сожалению, один из них очень плохой сохранности. Судя по хорошо сохранившемуся наконечнику, они имели острый рабочий конец и массивный, скругленный противоположный, тыльный. В профиле наконечники имеют незначительный изгиб, видимо, в соответствии со структурой материала, т. е. бивня (рис. 5, *16*). Эти наконечники очень схожи с некоторыми аналогичными предметами из культурного слоя и могилы стоянки Сунгирь [3, с. 162]. Состав и расположение костных остатков на площади раскопа позволяет в какой-то мере говорить о функциональном назначении памятника как охотничьего стойбища. По всей вероятности, это было место вблизи охотничьих угодий и служило не местом постоянной жизни, а местом разделки добычи, в основном мамонтов. В связи с этим следует сказать, что на Русанихе собраны кости в основном очень молодых особей. В пользу этого говорит тот факт, что на стоянке нет нижних челюстей и нижних зубов мамонтов. Как известно, на ряде верхнепалеолитических стоянок люди использовали нижние челюсти мамонтов для укладки в основание каркаса жилища. Вполне допустимо, что с Русанихи данные части черепов были перенесены на основное стойбище. Трактовать данный памятник как место разделки охотничьей добычи можно и на основании присутствия тех категорий орудий,

которые функционально служили именно для этой цели, например, обилия долотовидных орудий.

Рассматривать стоянку Русанихи отдельно от стоянки Сунгирь было бы неправомерно. Во-первых, мы видим типичную сунгирскую топографию — на мысе, образованном р. Рпень и впадающим в нее оврагом Кузячка, очень далеко от современного уреза воды, на уровне второй надпойменной террасы. Во-вторых, культурный слой стоянки приурочен ко второй (средней) погребенной почве. Можно, конечно, спорить по поводу конкретного расположения слоя в самой почве. Но нам представляется более вероятным говорить о верхней ее половине, так же как и на Сунгире, сильно нарушенной солифлюкцией, имевшей место после ухода людей со стоянки. Геологическая синхронность этих памятников вряд ли вызывает сомнения. В-третьих, о непосредственной близости по времени говорит и весь археологический материал. К сожалению, на Русанихе не было обнаружено ни одного совершенно идентичного сунгирскому предмета типа наконечников копий треугольной формы с вогнутым основанием, но набор всех остальных орудий буквально повторяет, пусть в меньших количествах, сунгирский комплекс. Сомнение вызывают только некоторые резцы (рис. 7, *18*, *19*), тогда как остальные не противоречат сунгирским, а многие практически повторяют их (рис. 7, *21*) [3, с. 142].

Так или иначе, открытие и исследование стоянки Русаниха подтвердило предположение многих ученых о наличии на р. Клязьме и в прилегающих районах палеолитических местонахождений помимо стоянки Сунгирь, конкретизировало топографию и уточнило территорию поисков новых памятников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Формозов А. А.* К столетию «Археологии России» А. С. Уварова.— Природа, 1981, № 12.
2. *Сукачев В. Н., Громов В. И., Бадер О. Н.* Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь. М.: Наука, 1978.
3. *Бадер О. Н.* Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука, 1978.
4. *Громов В. И.* Поисковые критерии и прогнозы в археологии.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.

L. A. Mikhailova

RUSANIKHA, A NEW PALAEOLITHIC SITE AT SUNGIR

Summary

Rusanikha is an Upper Palaeolithic site on the bank of the Rpen River (a left tributary of the Klayzma River), in the north-eastern suburb of Vladimir, 8 km from the Sungir site (Fig. 1). It was discovered on April 30, 1981. The cultural layer is found in the upper part of the second (middle) buried soil, considerably damaged by solifluction (Fig. 2). The stratum consists of chunky grey loam, which in parts becomes darker, containing a great amount of coal, ochre and calcined bone. The cultural layer is 65-70 cm deep. *Mammuthus primigenius* (90-95 per cent), *Equus cf. latipes Crom.*, *Rangifer tarandus L.*, *Alopex lagopus L.* predominate on the site. It must be indicated that mammoth remains lack lower jaws. The fire pit and traces of fires testify to the intensity of life in Rusanikha. The pit is deeply cut into the buried soil, goes across it and 10 cm of the bedding loam (Fig. 3). The site has yielded 902 stone implements made of flint, quartzite, shale and guartz (Fig. 4). Labour tools comprise 18 per cent of the entire amount. Piece ecaillée predominate among labour tools followed by racloirs, scrapers, awls and drills, burins and cutting tools (Figs. 5-7). The entire complex closely resembles the Sungir one on the material, processing techniques and the main tool types. The site was, probably, a small-scale hunting camp synchronous with the neighbouring Sungir.

ДОЛУХАНОВ П. М., ЩЕТЕНКО А. Я., ТОЗИ М.

СЕРИЯ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТИРОВОК НАСЛОЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА НАМАЗГАДЕПЕ

Работами советских исследователей прослежено развитие культур энеолита и эпохи бронзы в предгорной полосе Копетдага, определено место культур юга Туркмении в системе раннеземледельческих и протогородских цивилизаций Ближнего и Среднего Востока, многое сделано для решения социально-экономических проблем [1—4]. В то же время для археологии энеолита и эпохи бронзы рассматриваемого региона еще недостаточно разработаны вопросы абсолютной хронологии.

Как известно, разрешению проблем абсолютной хронологии во многом способствовало широкое внедрение в практику археологических исследований датировок методом радиоактивного углерода (^{14}C). К настоящему времени получены тысячи радиоуглеродных датировок, появились обобщающие работы, основанные на интерпретации полученных данных [5, 6]. Применение радиоуглеродного метода привело в ряде случаев к пересмотру устоявшихся в археологии хронологических схем. В частности, основываясь на массовых радиоуглеродных определениях, большинство европейских исследователей отказались от «короткой» хронологии применительно к материалам неолита и эпохи бронзы Европы. Общепринятой стала «длинная» хронологическая схема, соответственно «понизились» привязки европейских культур к фазам развития культур Передней Азии [7, с. 338—376].

Методические работы, проводимые в последние годы (в частности, серийное датирование древесных колец долгоживущих деревьев), привели исследователей к выводу о необходимости дальнейшего уточнения радиоуглеродного метода. В ряде научных центров были предложены различные системы поправок к радиоуглеродным датировкам. Наибольшее распространение получили поправки, предложенные Центром прикладной археологии Пенсильванского университета (США), известные как «корректирующий фактор МАСКА» [8, с. 25—29]. Введение «фактора МАСКА» приводит к значительному удревнению радиоуглеродных дат, достигающему значения 750 лет для 4060 лет до н. э.

Применение радиоуглеродного метода для датирования памятников аридной зоны связано со значительными трудностями. Райт [9, с. 93—98] указывает на три основные источника погрешностей: 1) удревнение образцов за счет датирования органических объектов более древних, чем изучаемый памятник (в условиях аридного климата органическое вещество сохраняется очень долгое время); 2) омоложение образца молодым углеродом; 3) неправильно понятая стратиграфия. Существенное значение имеют систематические погрешности, свойственные аппаратуре той или иной лаборатории. Все названные факторы способствовали существенной неопределенности радиоуглеродных датировок первобытных памятников аридной зоны Евразии. Значительный разброс обнаруживают многие из полученных до сего времени радиоуглеродных датировок памятников энеолита — бронзы Средней Азии.

Для уточнения вопросов, связанных с абсолютной хронологией эпохи бронзы Южной Туркмении, в 1975—1976 гг. были предприняты раскопки одного из участков крупнейшего археологического памятника этого региона — Намазгадепе. Эти раскопки сопровождались отбором образцов на целый ряд специальных анализов.

Намазгадепе является наиболее значительным центром раннеземледель-

ческой культуры на югеТуркмении и одним из крупнейших поселений эпохи энеолита — бронзы на Ближнем и Среднем Востоке [10, с. 152—178]. Поселение расположено в пределах восточного (Каахкинского) участка предгорной полосы Копетдага, являющегося одним из наиболее водообеспеченных. Поселение лежит в 6 км к северо-востоку от пос. Каахка, на полого наклоненном к северу участке пролювиально-аллювиальной равнины [11].

В полном разрезе поселения вскрыты все основные этапы развития раннеземледельческих культур Южной Туркмении, соответствующие энеолиту (Намазга I—III) и эпохе бронзы (Намазга IV—VI). Наибольший расцвет памятника приходится на эпоху ранней бронзы (период Намазга IV). В это время здесь возникает крупное поселение протогородского типа, охватывающее всю площадь холма (ок. 50 га). В то же время в пределах земледельческого оазиса возникает ряд небольших поселений, образующих четкую иерархическую структуру.

Схема расселения резко изменяется при переходе от эпохи средней к эпохе поздней (Намазга V—VI) бронзы. В это время площадь поселения резко сокращается, ограничиваясь лишь территорией северного участка — «Вышки». Именно здесь был заложен контрольный стратиграфический шурф. Исследованный участок представляет собой отдельно стоящий холм. От остального массива Намазгадепе его отделяет отчетливо выраженная ложбина. Северные, восточные и западные склоны холма чрезвычайно крутые (50—60°). Шурф был пройден на восточном склоне. Мощность культурных напластований, вскрытых шурфом, составляет 13,6 м. У основания шурфа была пройдена скважина, зафиксировавшая культурные напластования вплоть до глубины 11 м. Общая мощность культурных отложений в районе «Вышки» превышает 24,6 м.

В процессе прохождения шурфа из различных слоев производился отбор образцов на радиоуглеродный, спорово-пыльцевой, этнопалеоботанический, литологический и ряд других анализов. Одновременно производилась фиксация археологического материала, фауны и архитектурных форм, установленных в раскопе. В ходе раскопок было отобрано 27 образцов древесного угля на радиоуглеродный анализ. Эти образцы были переданы в Радиоуглеродную лабораторию Римского университета (Италия), где по ним было получено 17 измерений.

Ниже дается описание слоев, вскрытых в стратиграфическом раскопе, и приводятся значения радиоуглеродных определений.

Верхняя часть шурфа (до глубины 4,5 м) содержит материал, соответствующий периоду Намазга VI (рис. 1). На этот участок пришелся ряд жилых помещений, соответствующих, по крайней мере, восьми строительным периодам. Повсеместно в южной части раскопа прослеживалась стена из сырцового кирпича толщиной 0,5—0,7 м. Начиная с глубины 2,6 м, толщина стены увеличивается, достигая 0,8 м. Образец 1 был отобран с глубины 0,6 м из заполнения жилого помещения первого (сверху) строительного периода. Для этого образца получена дата (R-1297): 2870±50 лет назад (920±50 лет до н. э.)[1].

В заполнении жилого помещения, соответствующего второму сверху строительному периоду, на глубине 1,4—1,6 м от поверхности шурфа было отобрано четыре образца (№ 2—5). В процессе обработки они были объединены. Их дата (R-1298): 3130±40 лет назад (1180±40 лет до н. э.).

Образец 6 был отобран с уровня пола жилого помещения второго строительного периода на глубине 1,5—1,7 м. Для этого образца получена дата (R-1299): 3240±50 лет назад (1290±50 лет до н. э.).

В заполнении жилого помещения третьего строительного периода собрано три образца (№ 7—9), представлявших собой концентрации мелких угольков, рассеянные на ограниченной площади. Глубина залегания

[1] Здесь и далее приводятся некалиброванные даты, вычисленные для значения периода полураспада ^{14}C 5568±30. Даты для значения периода полураспада 5730±40, а также калиброванные даты (по МАСКА) приводятся ниже (табл. 1).

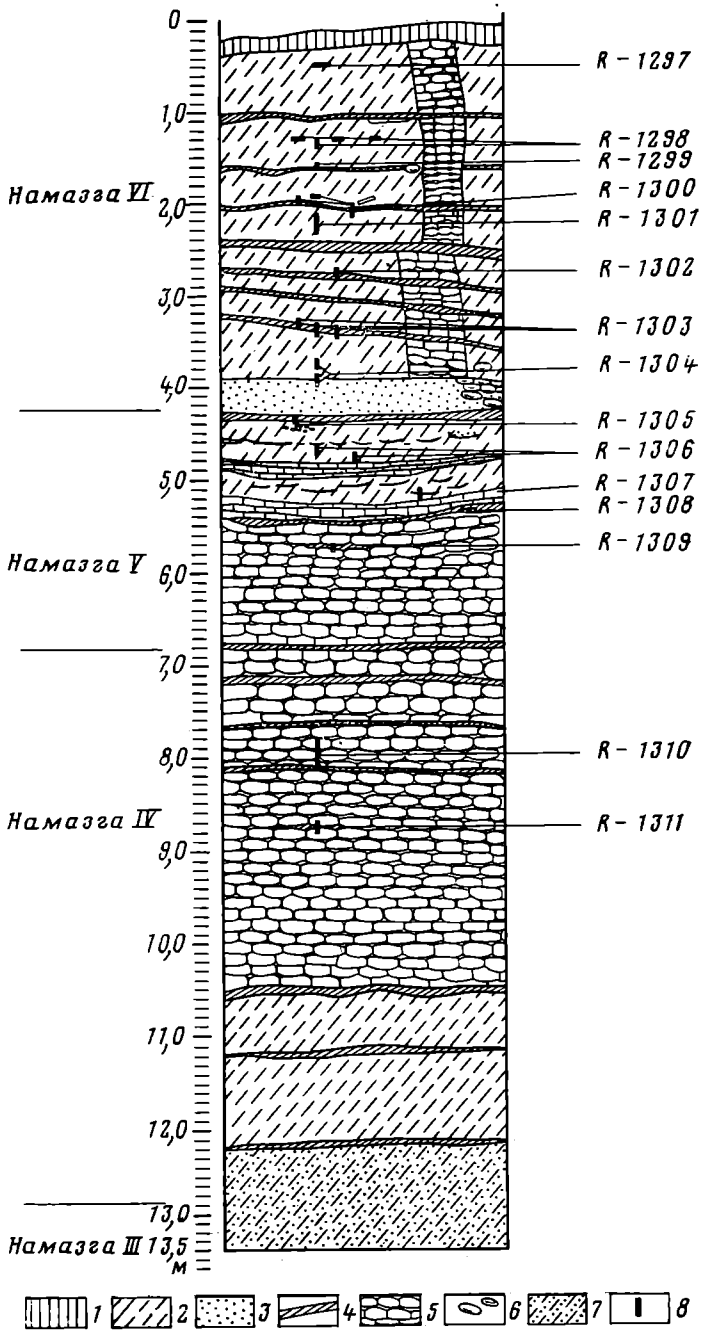


Рис. 1. Стратиграфический шурф на поселении Намазгадепе. *1* — современная почва; *2* — лёссовидные отложения; *3* — песок; *4* — углистые прослойки; *5* — сырцовая кладка; *6* — каменная кладка; *7* — песчанистый лёсс; *8* — места взятия образцов

образцов 2,0—2,2 м. В ходе лабораторной обработки эти образцы были объединены. По ним получено два радиоуглеродных определения: R-1300: 3050±50 лет назад (1100±50 лет до н. э.); R-1300а: 2880±60 лет назад (930±60 лет до н. э.).

Из заполнения жилого помещения четвертого строительного периода был отобран образец 10, представляющий собой концентрацию небольших фрагментов древесного угля, рассеянных на глубине 2,2—2,4 м. Дата (R-1301): 2960±50 лет назад (1010±50 лет до н. э.).

Образец 11 отобран на глубине 2,8—2,9 м в заполнении жилого помещения пятого строительного периода. Измерение образца позволило получить дату (R-1302): 3220±90 лет назад (1270±90 лет до н. э.).

На уровне жилого помещения шестого строительного периода, на глубине 3,3—3,6 м от поверхности, было обнаружено сильно разрушенное

Таблица 1

Намазгадепе. Серия радиоуглеродных датировок

Образец, №	Лабораторный индекс образца	1/2=5568±30		1/2=5730±40		Калибровочные даты (по МАСКА), годы до н. э.
		лет назад	лет до н. э.	лет назад	лет до н. э.	
1	R-1297	2870±50	920±50	2955±50	1005±50	1210–1020
2–5	R-1298	3130±40	1180±40	3220±40	1270±40	1540–1400
6	R-1299	3240±50	1290±50	3340±50	1390±50	1680–1510
7–9	R-1300	3050±50	1100±50	3150±50	1200±50	1480–1300
7–9	R-1300a	2880±60	930±60	2965±60	1015±60	1270–1020
10	R-1301	2960±50	1010±50	3050±50	1100±50	1360–1170
11	R-1302	3220±90	1270±90	3320±90	1370±90	1615–1490
12–14	R-1303	2680±95	730±95	2760±95	810±95	1010–800
15–16	R-1304	3550±50	1600±50	3655±50	1705±50	2110–2000
17	R-1305	3380±140	1430±140	3480±140	1530±140	2050–1570
18–19	R-1306	3760±50	1810±50	3880±50	1930±50	2330–2160
18–19	R-1306a	4080±50	2130±50	4200±50	2440±50	2900–2600
20	R-1307	3860±40	1910±40	3970±40	2020±40	2540–2190
21	R-1308	3770±40	1820±40	3885±40	1935±40	2310–2170
22	R-1309	3550±40	1600±40	3655±40	1705±40	2110–2000
23	R-1310	3280±100	1330±100	3380±100	1430±100	1760–1510
24	R-1311	3830±40	1880±40	3840±40	1990±40	2480–2190

погребение, частично уходящее под сырцовую стену. Из заполнения жилого помещения непосредственно в области погребения было отобрано три образца (№ 12—14). В ходе лабораторной обработки эти образцы были объединены и для них была получена дата (R-1303): 2680±95 лет назад (730±95 лет до н. э.).

На глубине 3,8—4,1 м в шурфе было встречено скопление камней диаметром 0,3—0,4 м, образующее вымостку и уходящее под сырцовую стену. В слое было отобрано два образца (№ 15 и 16), для которых получена дата (R-1304): 3550±50 лет назад (1600±50 лет до н. э.).

Непосредственно под слоем вымостки располагается горизонт, представляющий собой скопление спрессованных сырцовых кирпичей, зольных прослоек, сильно фрагментированной керамики и фаунистических остатков. На этом уровне исчезают стены, прослеживавшиеся на всех вышележащих уровнях. В составе керамики преобладают формы, характерные для периода Намазга V. Этот же материал преобладает в нижележащих слоях (до глубины 7 м). Для образца 17, отобранного с глубины 4,5—4,6 м, получена дата (R-1305): 3380±140 лет назад (1430±140 лет до н. э.). Образцы 18 и 19, отобранные из основания этого горизонта, были объединены в лаборатории. По ним получены две даты: R-1306: 3760±50 лет назад (1810±50 лет до н. э.); R-1306a: 4080±50 лет назад (2130±50 лет до н. э.). Последняя дата является наиболее древней из всех, полученных для изученного разреза.

Ниже располагается слой, представляющий собой скопление сильно разрушенных сырцовых кирпичей, не образующих закономерных скоплений. Образец 20, отобранный от этого слоя с глубины 5,3—5,5 м, позволил получить дату (R-1307): 3860±40 лет назад (1910±40 лет до н. э.). На глубине 5,7 м была встречена углистая прослойка, из которой был отобран образец 21. Его измерение (R-1308) показало возраст: 3770±40 лет назад (1820±40 лет до н. э.).

Ниже датированной прослойки в раскопе была выявлена мощная стена, толщиной не менее 2 м, из сырцового кирпича. В толще стены обнаружено не менее восьми прослоек, состоящих из глины с большим содержанием углистых частиц. В составе сырцовых кирпичей обнаружены керамика и кость; их количество особенно велико в глинистых прослойках. Начиная с глубины 7,0 м, преобладает керамика типа Намазга IV. В основании шурфа (глубина 12,4—13,0 м) встречена керамика типа Намазга III.

В верхней части стены из углистого слоя на глубине 5,9—6,1 м был отобран образец 22, для которого была получена дата (R-1309): 3550±

±40 лет назад (1600±40 лет до н. э.). Отдельные фрагменты угля на глубине 8,0—8,4 м (образец 23) позволили получить дату (R-1310): 3280±100 лет назад (1330±100 лет до н. э.). Крупный фрагмент древесного угля, отобранный на глубине 8,9—9,0 м (образец 24), датирован (R-1311): 3830±40 лет назад (1880±40 лет до н. э.).

Образцы 25—27, отобранные в основании раскопа, не были датированы ввиду недостаточного количества материала.

Предварительный анализ полученных материалов показывает, что они обнаруживают удовлетворительное соответствие со стратиграфией памятника. Наблюдаемые инверсии радиоуглеродных дат во всех случаях могут быть объяснены нарушением стратиграфии: датированные образцы могли быть перемещены или из нижних, или из верхних слоев. Первое обстоятельство более вероятно.

Семь датировок, полученных для верхних слоев (R-1297 — R-1302), довольно хорошо следуют стратиграфической последовательности. Исключение составляют лишь даты R-1298 и R-1299, которые обнаружили более древний возраст, чем те, которые происходят из подстилающих слоев (R-1300, R-1300a и R-1301). Вполне вероятно, что фрагменты угля, по которым были получены древние даты, могли попасть в процессе перестройки жилых помещений из нижних слоев поселения.

Из всей серии дат выпадает определение R-1303. Как отмечалось, эта дата была получена по трем образцам (№ 12—14), отобранным в слое, где было зафиксировано разрушенное погребение, уходящее под сырцовую стену. Не исключено, что впускное погребение было сооружено после формирования основного слоя и оно соответствует более позднему этапу функционирования поселения.

Наиболее древняя дата (R-1306a: 4080±50 лет назад) была получена для образца, отобранного из основания сильно перемешанного слоя, который образовался в результате разрушения и перестройки нижележащих сооружений. Вполне вероятно, что датированный образец попал в этот горизонт из нижних слоев.

Несколько омоложенными представляются даты R-1309 и R-1310. Они были получены по образцам древесных углей, обнаруженным в прослойках внутри сырцовой стены. Образцы были взяты из внешнего края стены, что не исключает возможность их перемещения из вышележащих слоев.

Исключая оговоренные выше датировки, можно сделать заключение о том, что исследованный участок шурфа, соответствующий глубинам до 9 м, образовался в течение одного тысячелетия, приблизительно от 3800 до 1800 лет назад (от 1850 до 850 г. до н. э.). С учетом «фактора МАСКА» это время от 2480—2190 до 1200—1000 г. до н. э.

В археологическом отношении датированный участок представлен двумя периодами. На протяжении более древнего периода, бо́льшая часть которого соответствует Намазга V, на месте раскопа находилась мощная сырцовая стена. На протяжении позднего периода, целиком соответствующего Намазга VI, на месте раскопа располагались жилые помещения. Здесь происходила интенсивная строительная деятельность (выделяется не менее восьми строительных периодов). При этом наблюдается последовательное сохранение традиционных форм построек: стены в пределах каждого последующего строительного горизонта соответствуют стенам нижележащих горизонтов.

Оба периода, выделенные стратиграфически, разделяются переходным периодом, на протяжении которого происходила интенсивная перестройка более ранних сооружений. По археологическим материалам — это переход от Намазга V к Намазга VI. Судя по полученным датам, он осуществился 3800—3500 лет назад (т. е. приблизительно в 1850—1550 гг. до н. э.), что с учетом «фактора МАСКА» соответствует времени между 2330—2160 и 2110—2000 гг. до н. э.

Период интенсивного строительства (Намазга VI) продолжался приблизительно 700 лет: 3550±50 — 2870±50 лет назад. На исследованном участке сменилось восемь строительных периодов; средняя продолжи-

тельность каждого из них, таким образом, оказывается равной 87,5 лет.

Полученная серия радиоуглеродных датировок является в настоящее время одной из наиболее репрезентативных для территории Центральной Азии и Среднего Востока. Бóльшая часть полученных датировок для периодов Намазга V—VI оказывается несколько моложе, чем датировки, полученные для раннединастических периодов Месопотамии (Ниппур, Абу-Салабих, Мари-3, Ур),—в пределах 4600—3800 лет назад, т. е. 2650—1850 гг. до н. э. [9]. Приблизительно в тех же пределах лежит бóльшая часть датировок, полученных для поселения Шахри-Сохте в Сеистане (Иран),—4600—3700 лет назад (2650—1750 гг. до н. э.), а также для поселения Шорту в Южном Афганистане — 4600—3600 лет назад (2650—1650 гг. до н. э.). Определения, близкие к нашим датировкам, были получены для группы поселений Дашлы в Северном Афганистине [12] — 3750—3000 лет назад (1700—1050 гг. до н. э.) и для поселения Сапаллитепе в Южном Узбекистане — 3705—3400 лет назад (1700—1450 гг. до н. э.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, 1959, № 73.
2. *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л.: Наука, 1964.
3. *Массон В. М.* Поселение Джейтун. (Проблема становления производящей экономики.) Л.: Наука, 1971.
4. *Массон В. М.* Алтын-депе.— Тр. ЮТАКЭ, 1981, т. XVIII.
5. *Долуханов П. М., Тимофеев В. И.* Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода).— В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972.
6. *Зайцева Г. И., Марков Ю. Н., Щетенко А. Я.* Абсолютная хронология памятника эпохи поздней бронзы (Теккем-депе, Южная Туркмения).— В кн.: Изотопные и геохимические методы в биологии, геологии и археологии. Тез. регион. совещания. Тарту, 1981.
7. *Renfrew C.* The tree-ring calibration of radiocarbon: an archaeological evaluation.— In: Problem in European Preheistory. Edinburgh University Press, 1979.
8. *Ralph E. K.* Carbon-14 dating.— In: Dating technique for the Archaeologist. Massachusets Institute of Technology Press, 1971.
9. *Wright H.* Problems of absolute chronology in Protohistoric Mecopotamia.— Paléorient, 1980, v. 6.
10. *Массон В. М.* Бронзовый век Средней Азии.— В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.— Л.: Наука, 1966.
11. *Граве М. К.* Северная подгорная равнина Копетдага. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
12. *Сариниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.

P. M. Dolukhanov, A. Ya. Shchetenko, M. Tosi

SERIES OF RADIOCARBON DATES FOR THE BRONZE AGE LAYERS OF THE NAMAZGA-DEPE SITE

Summary

Seventeen C_{14} dates were obtained for the Bronze Age layers in a test-pit at the Namazga-depe site in southern Turkmenia. As follows from the radiocarbon measurements, the investigated archaeological deposits were formed between 2480/2190+ +1200/1000 B. C. (the MASCA correction factor applied). The Namazga V/VI transition occurred between 2330/2160+2110/2000 B. C.

ТРЕФЦ М. И.

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ БУЙ I НА ВЯТКЕ

Поселение Буй I находится на левом берегу Вятки, в Нолинском р-не, Кировской обл. Оно открыто и впервые исследовано В. П. Денисовым в 1955 г. [1, с. 111—119]. Долгое время памятник оставался одним из немногих раскопанных поселений эпохи раннего металла в бассейне Вятки и, несмотря на небольшое количество материала, учитывался исследователями в связи с проблемами неолита [2, с. 42—43, рис. 9; 3, с. 90; 4, с. 10; 5, с. 108—109, рис.1, 2; 6, с. 167—168, рис. 25], фатьяновскими и балановскими материалами [7, с. 15, рис. 2, с. 237; 8, с. 211—218, рис. 147—148; 9, с. 85, с. 119, табл. 12, *2*, с. 120, табл. 13], приказанской культурой [2, с. 290—291, рис. 64; 10, с. 148—149; 11, с. 115]. В связи с новыми открытиями на территории Кировской области, а также в Удмуртии, Татарии и Марийской АССР появилась необходимость продолжить раскопки поселения Буй I и пересмотреть его материалы в свете новых данных. В 1980—1981 гг. работы на памятнике проводила Вятская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР.

Поселение занимает мыс первой надпойменной террасы. От реки до мыса идет заболоченная пойма, которая делится на два уровня — низкий (3—3,5 м) и высокий (6—7 м). Высота боровой террасы над уровнем высокой поймы 4 м. Верхняя часть мыса представляет собой площадку размером 40×40 м. С восточной стороны терраса круто опускается к протекающему у ее подножия ручью Криуша. Южный и западный скаты мыса пологие и частично разрушены осыпями и старым, в настоящее время разрушенным карьером. С севера площадка ограничена небольшой ложбиной, за которой идет постепенное поднятие первой террасы и переход ее во вторую, высотой 12 м над уровнем высокой поймы.

Раскоп (площадь 196 м²) заложен в восточной части площадки к северу от раскопа 1955 г. (рис. 1). Он включал две слабо выраженные овальные впадины размером 11×5 — 6 м, глубиной до 40 см. Установлена следующая картина напластований. 1. Дерн — 10—15 см. 2. Черный торфянистый гумус с находками XIX в., мощностью 20—40 см (прослеживается только в южной части раскопа). 3. Коричневый рыхлый песок — 20—40 см, содержащий преимущественно находки поздней бронзы и в небольшом количестве находки более раннего времени. 4. Темно-коричневый, почти черный песок с золой и сажистыми включениями — 20—30 см (до 70 см в ямах), представляющий собой заполнение жилищ. 5. Материковый песок желтого цвета.

Памятник многослойный, культурный слой залегает в песчаном сыпучем грунте, неоднократно нарушенном перекопами при строительстве жилищ и рытье ям. В связи с этим особое внимание было уделено наблюдению за стратиграфией и возможностью выделения чистых комплексов. Особый интерес представлял материал раскопок двух разновременных жилищ и небольшой наземной постройки (рис. 2, *А*, *Б*). Период ранней бронзы представлен на поселении жилищем 1, время поздней бронзы — жилищем 2, крупными ямами и небольшой наземной постройкой. При раскопках получен материал, включающий 99 кремневых орудий, более 1800 единиц керамики не менее чем от 120 сосудов, выделенных по венчику, и 13 раздавленных, частично реконструируемых сосудов (рис. 3—8).

Жилище 1 выявлено в южной части раскопа, на уровне 60—80 см

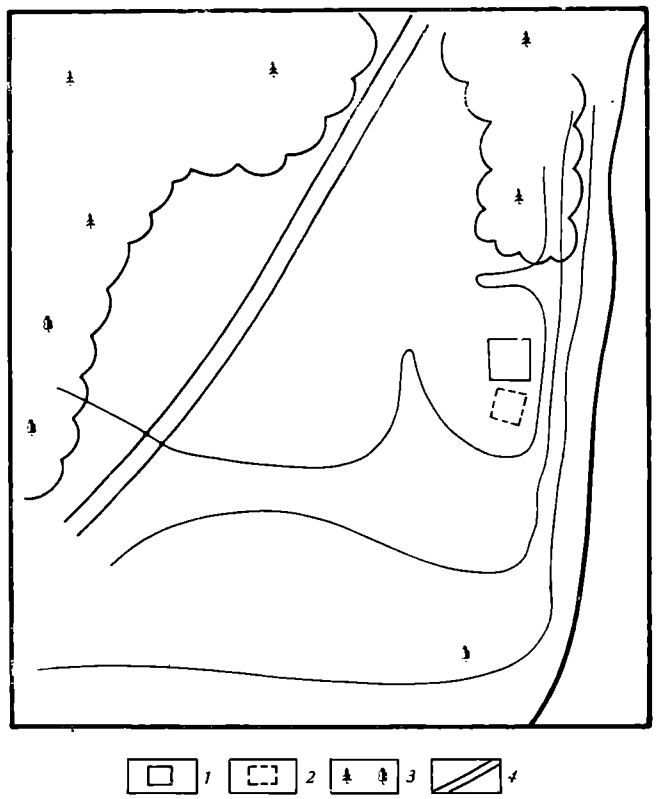
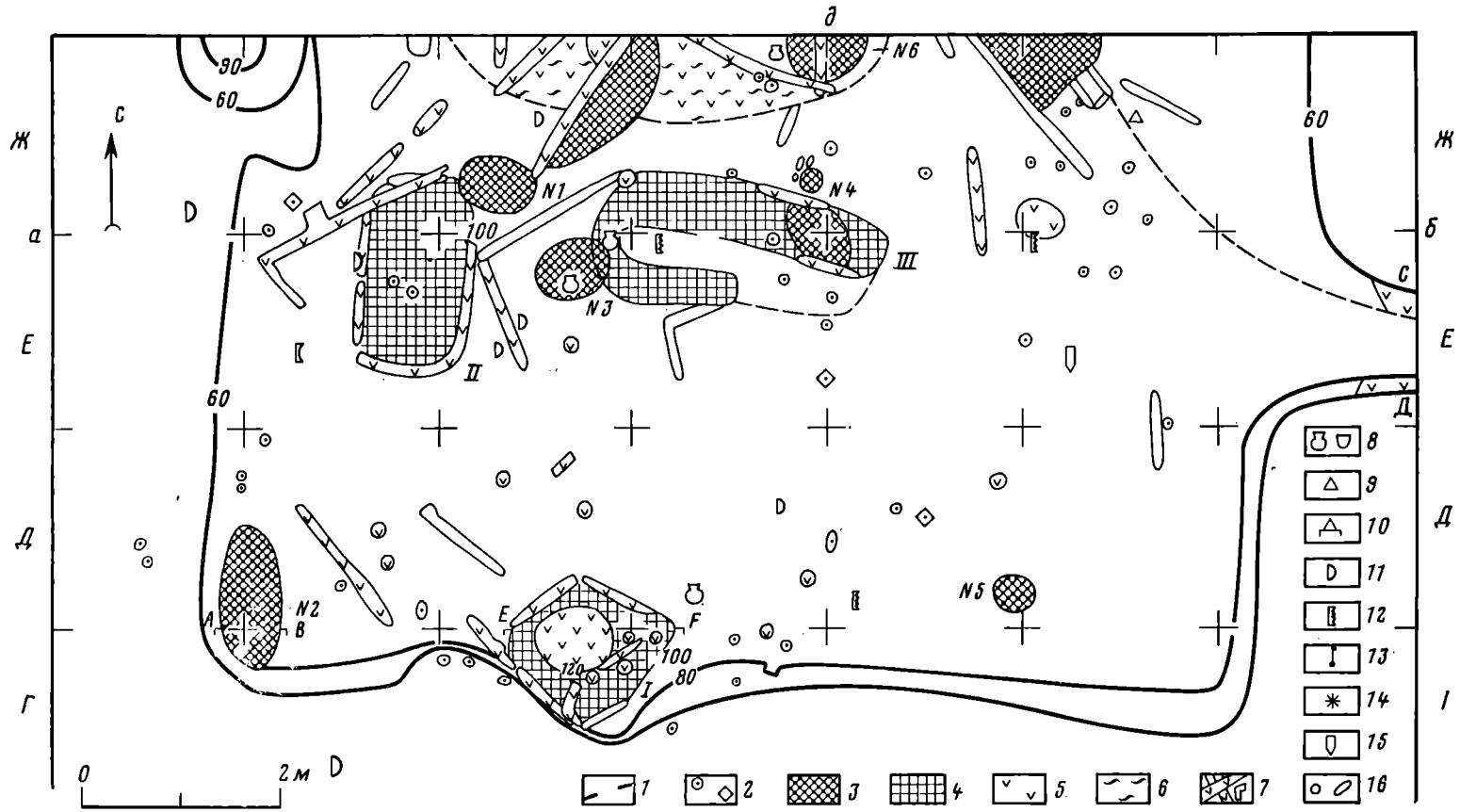


Рис. 1. Схематический план поселения Буй I. *1* — раскоп 1980—1981 гг.; *2* — раскоп 1955 г.; *3* — лес, деревья; *4* — шоссе

от современной поверхности, в виде темно-коричневого песчаного пятна на фоне желтого материкового песка. Оно имело прямоугольную форму, площадь по дну 33,6 м² (4,8×7 м) [1] и было ориентировано в направлении запад — восток. Пол жилища имел четкую границу с подстилающим материковым песком на глубине 1 м в северной половине и 1,20 м — в южной. В более углубленной части жилища располагались очаги и выходы. Восточная и западная стенки осыпались еще в древности, северная и южная сохранились лучше и опускались вертикально вниз на 40 см. Северо-западный и северо-восточный углы жилища округлены. Жилище имело два коридорообразных выхода шириной около 1 м. Первый, в юго-восточном углу, был обращен в сторону пологого спуска террасы к ручью. Дверной проем фланкировался, по-видимому, столбами, от которых остались углистые ямки. Второй, в юго-западном углу, имел длину в пределах раскопа 3,8 м и ровный горизонтальный пол. Он, вероятно, являлся переходом в соседнее жилище, выраженное на поверхности слабой впадиной.

При зачистке дна жилища прослежены следы 22 опорных столбов в виде темных гумусных, реже углистых ямок (21 круглая, диаметром 10—12 см, и 1 квадратная, со стороной 16 см). Глубина ямок колеблется в жилище от 8 до 32 см, а за пределами жилища не превышает 10 см. Дно их округлое или плоское. Две ямки располагались рядом, в центре южной стены, а семь — в два ряда, на расстоянии друг от друга 0,3—0,4 м вдоль северной стены. Они могли служить для крепления деревянной облицовки, прижимая ее к песчаным стенкам котлована. Пять столбовых ямок располагались поперек жилища, по линии, параллельной восточной стене, на расстоянии 2 м от нее. Пять ямок, по продольной линии в 1,6 м от южной стенки, хорошо прослеживаются в профиле в-г. Они, по-видимому, связаны с внутренней перегородкой в

[1] Размеры очагов жилищ даются по величине прокала, так как в районе очагов пол был покрыт сплошной зольно-сажистой массой и границы очажных пятен выявлялись не четко.



Ж
а
Е
Д
Г
б
С
Д
Ж
Е
Д
I
90
60
60
60
100
100
120
80
N1
N2
N3
N4
N5
N6
A
B
E
F
I
II
III
0
2 м
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

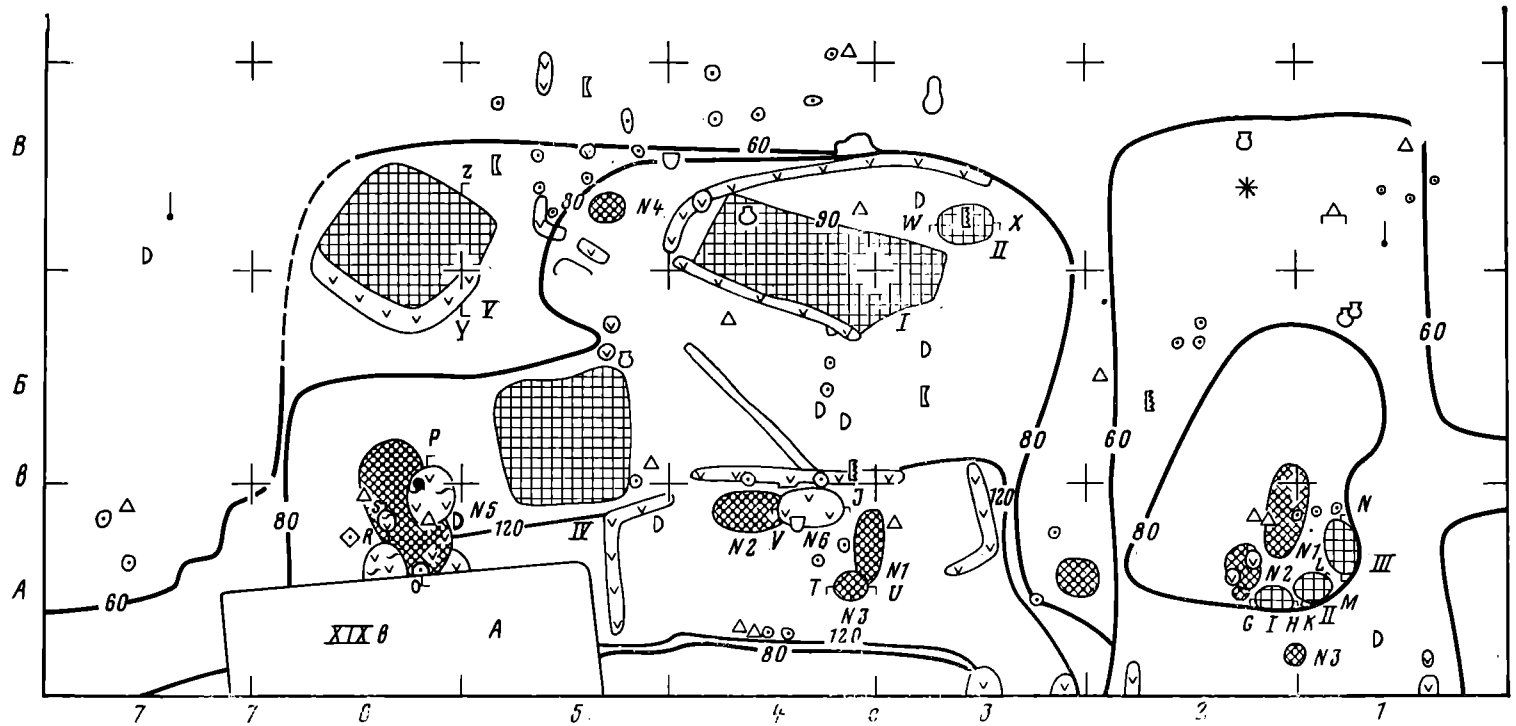


Рис. 2*А*. План раскопа 1980—1981 гг. *1* — очертания жилищ; *2* — столбовые ямки; *3* — пятна прокала, очажные; *4* — хозяйственные ямы; *5* — углистые включения; *6* — зольные включения; *7* — следы деревянных конструкций; *8* — развалы сосудов; *9* — наконечник стрелы; *10* — наконечник дротика; *11* — скребок; *12* — нож; *13* — проколка; *14* — кремневая поделка; *15* — рубящее орудие; *16* — гальки

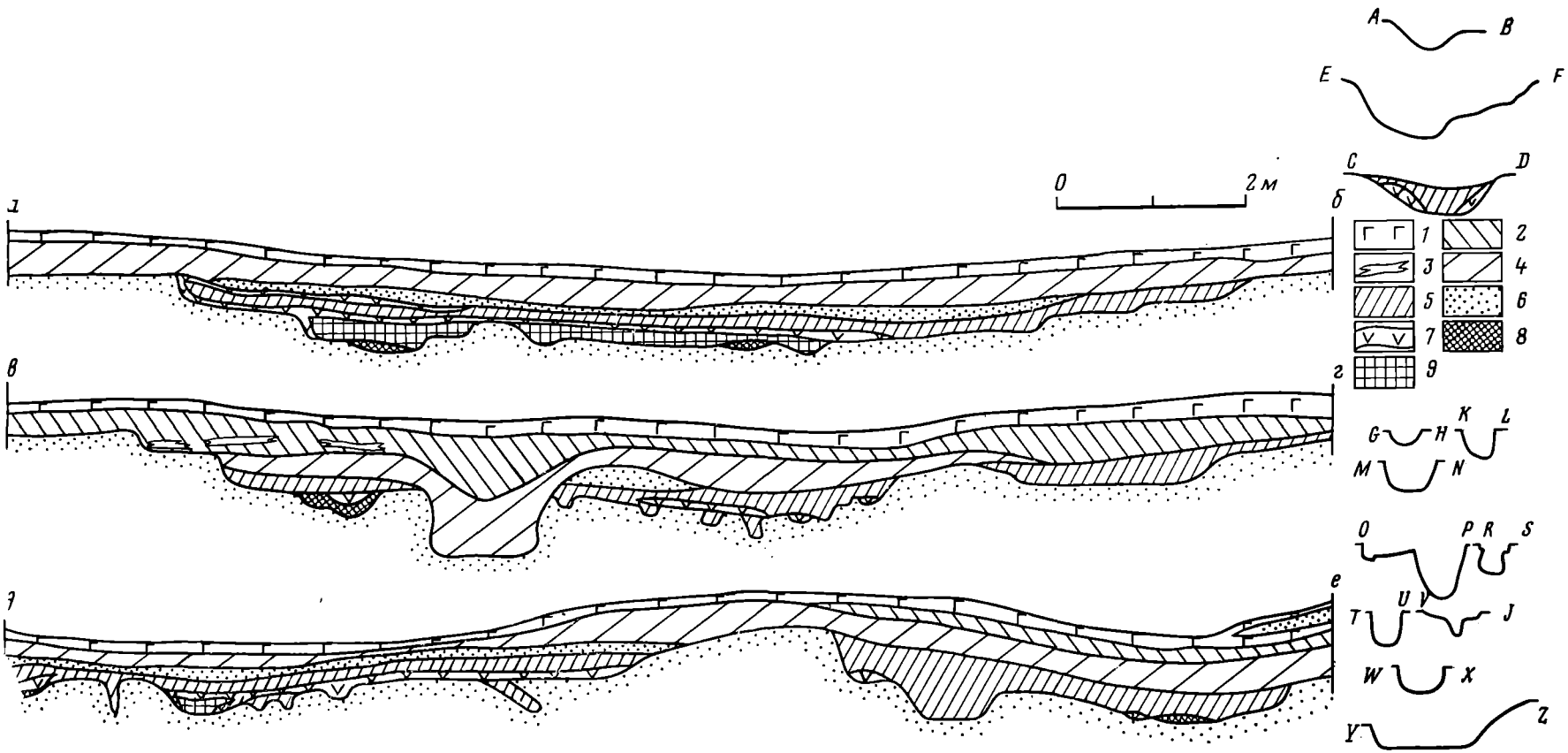


Рис. 2Б. Профили жилищ и ям. *1* — дерн; *2* — черный торфянистый гумус — слой XIX в.; *3* — обломки досок, строительный мусор; *4* — коричневый рыхлый песок — культурный слой эпохи бронзы; *5* — темно-коричневый песок — заполнение жилищ; *6* — желтый материковый песок; *7* — углистая прослойка; *8* — прокаленный песок; *9* — хозяйственная яма

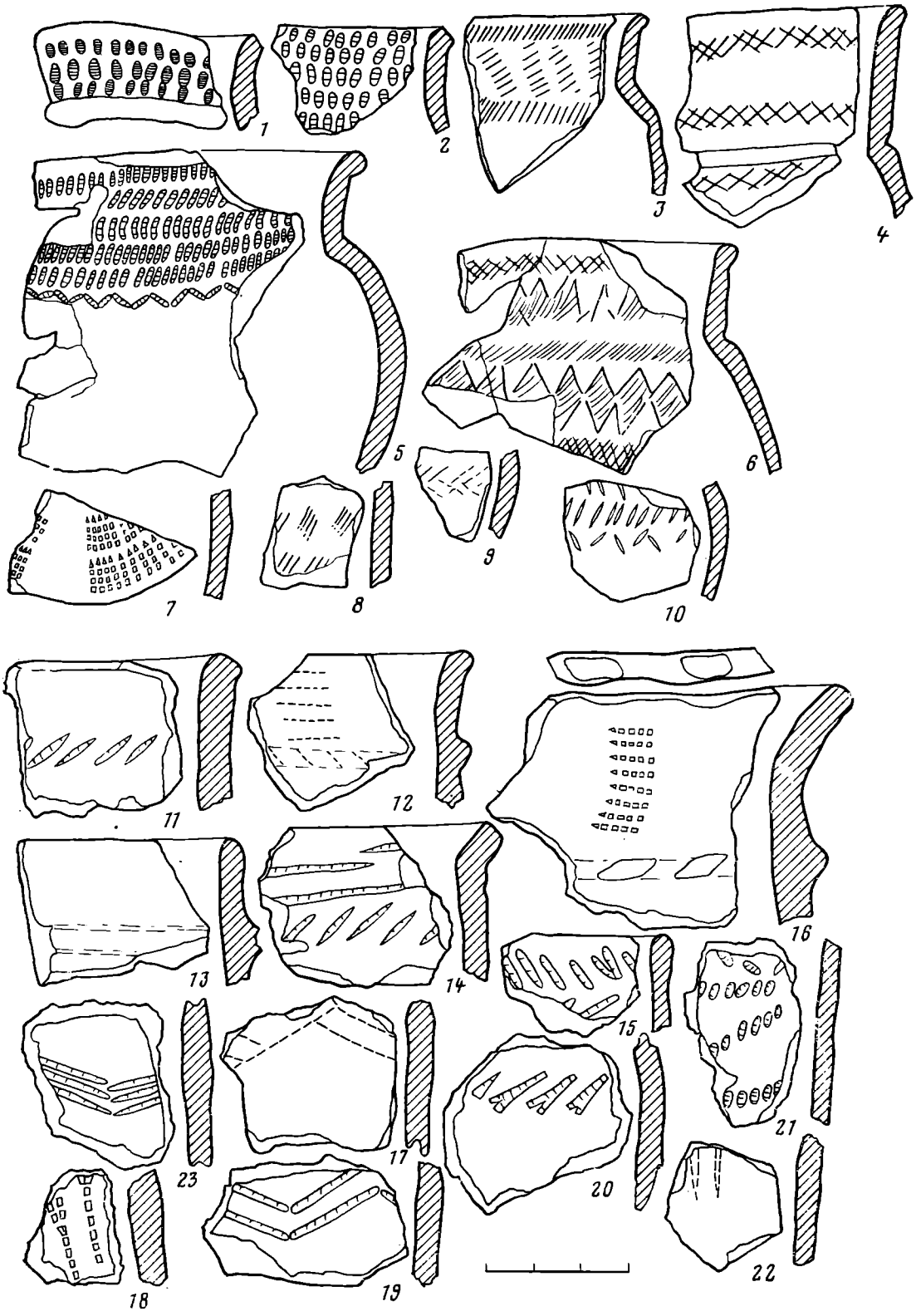


Рис. 3. Керамика из жилища 1. *1—10* — фатьяновская, *11 — 23* — пористая

жилище 1, от которой осталась мощная углистая полоса длиной 2 м. Одиннадцать столбовых ямок находились около жилища, за его пределами, и были зафиксированы на глубине 40—60 см. К северу от каждого выхода находилось по две ямки, они могли принадлежать деревянным конструкциям этих выходов. Семь ямок располагались вдоль северной стенки на расстоянии 0,4—0,6 м от нее.

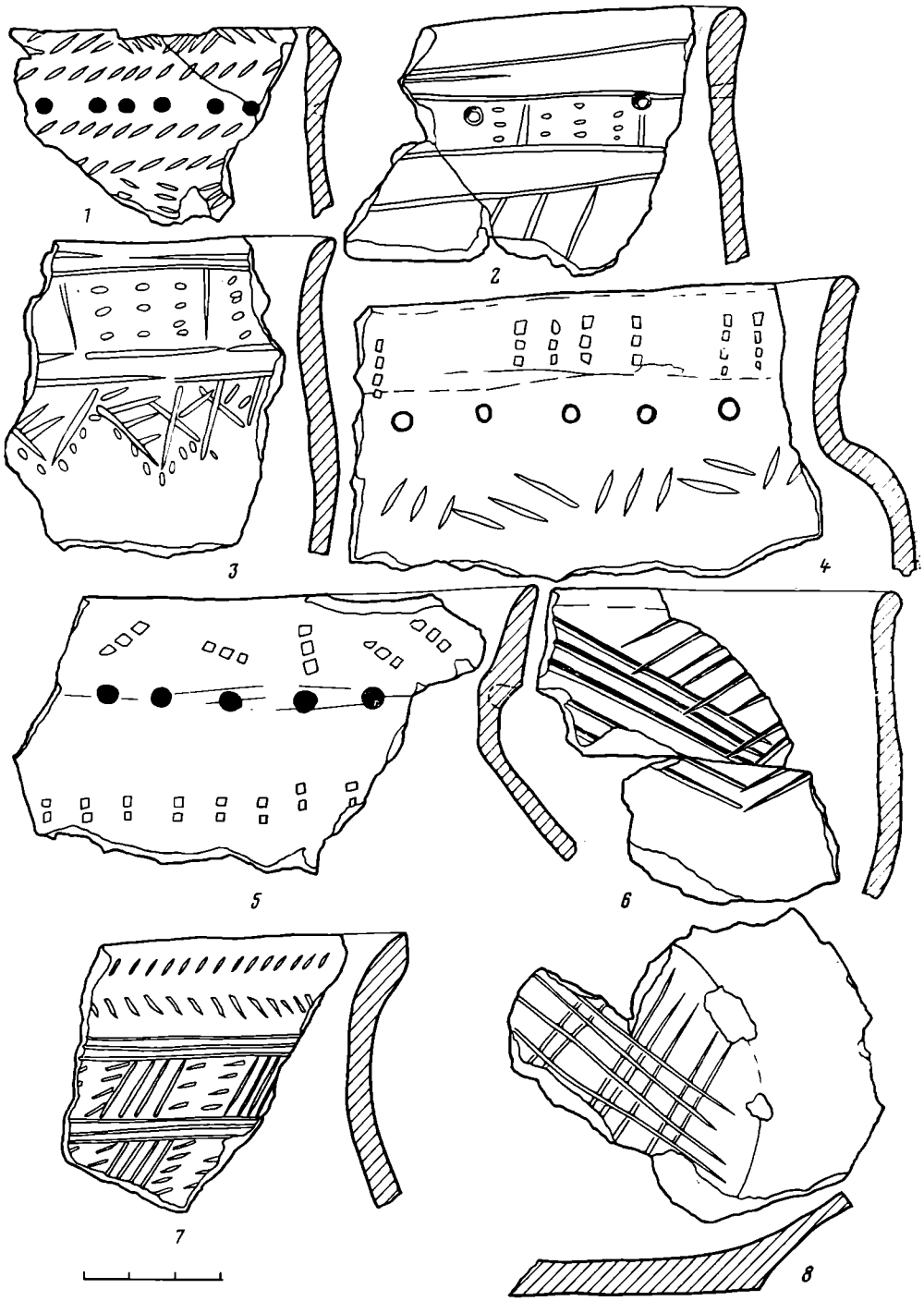


Рис. 4. Керамика из жилища 2

На полу удалось зафиксировать следы от бревен и плах в виде углистых или темных гумусированных полос, которые могли быть связаны как с деталями перекрытия, так и с конструкциями внутри дома. Длина их колеблется от 0,4 до 2 м, толщина не более 15 см. Расположение углистых полос в юго-восточном углу дает возможность предполагать существование перегородки, отделявшей часть дома (4×1,6 м) с выходом и системой очагов от остального жилища. Следует отметить, что пол здесь был понижен примерно на 20 см. В последующий период перегородка была уничтожена.

Четыре очага (1, 2, 4, 5) представляли собой прокаленные участки грунтового пола, перекрытые и окруженные зольно-сажистыми прослойками. Мощность прокала в центре не превышала 10 см. Кроме очагов на полу прослежены две очажные ямы (3 и 6). Очаг имел вытянутую

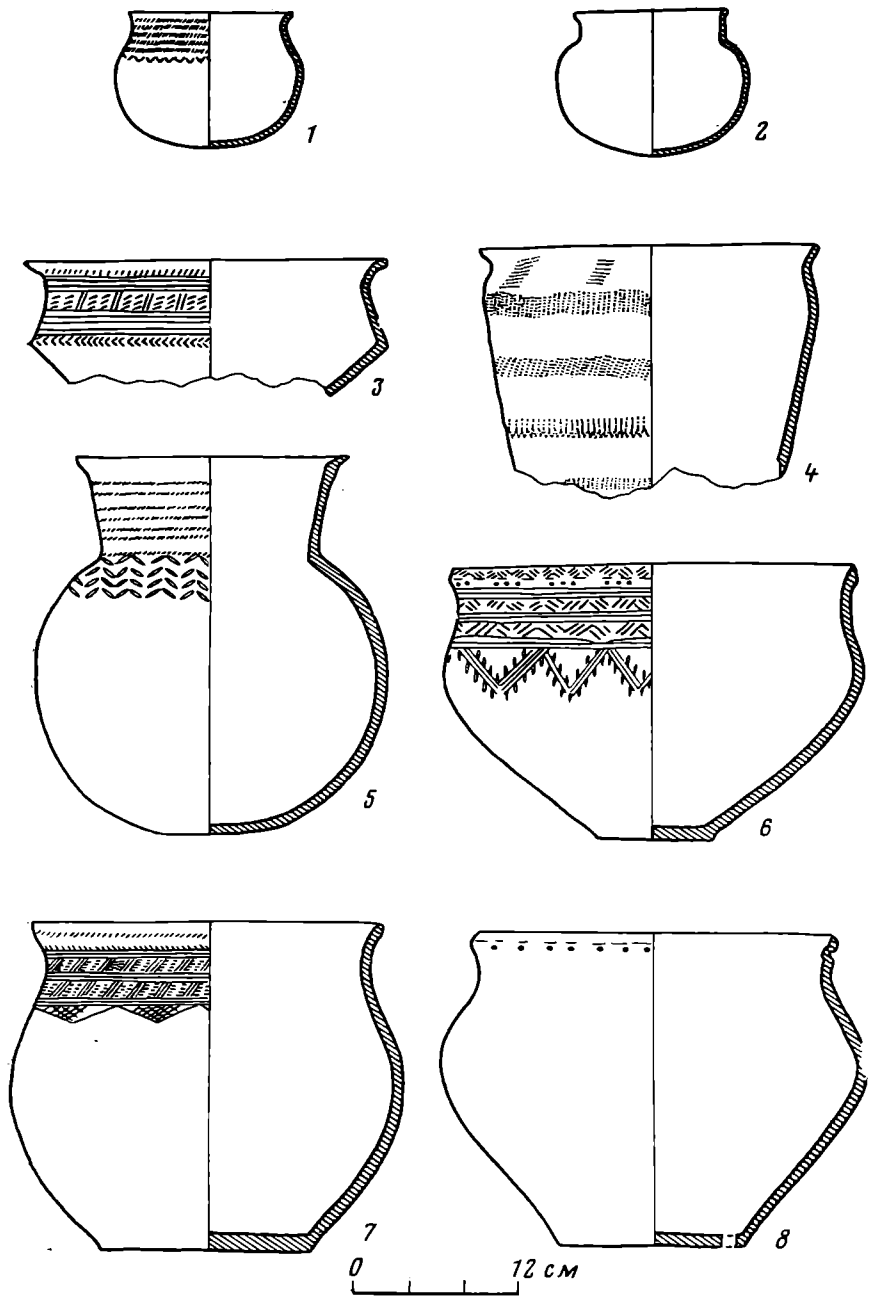


Рис. 5. Сосуды. *1, 2* — фатьяновские; *3—8* — эпохи поздней бронзы

овальную форму и размеры прокала 0,7×0,3 м. С северо-западной стороны к нему примыкало пятно зольного песка мощностью 5 см. Очаг, по-видимому, являлся самым ранним. За период функционирования жилища он сдвигался в северном и западном направлении, к центру жилища. Очаг 2 имел размеры 0,65×0,4 м, мощность его достигала 40 см в центре. Между очагами 1 и 2 прослежено углистое пятно, которому ниже соответствовала подквадратная яма (0,18×0,2 м) глубиной 20 см, обозначенная как очаг 6. Основу ее заполнения составляла углисто-сажистая супесь черного цвета, и лишь на дне были видны слабые следы прокала. Аналогичное заполнение имела очажная яма 3 диаметром 0,32 м и глубиной 30 см. Следы прокала здесь были еще слабее, а на дне зафиксирован слой угля. Небольшой очаг 4, диаметром 0,35 м и мощностью 5 см, обнаружен около северной стены. Большой и сложный очажный комплекс 5 находился в западной части жилища 1, против перехода, где уровень пола снижался до глубины 1 м. Основу составлял

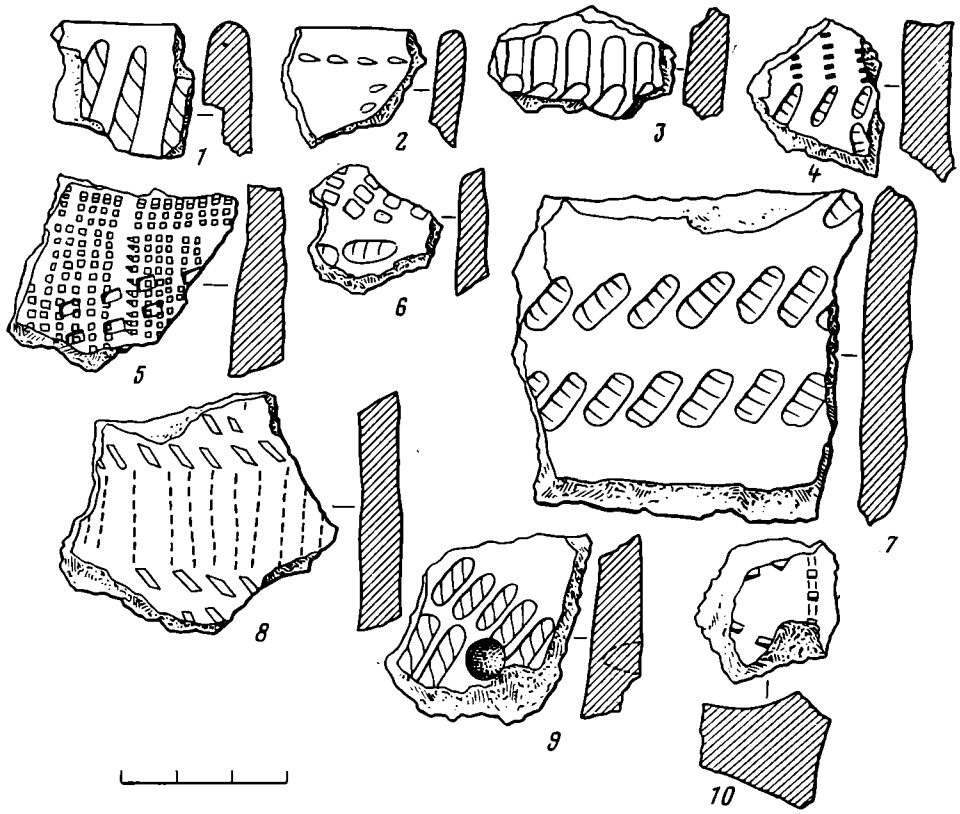


Рис. 6. Неолитическая керамика

обширный прокаленный участок пола овальной формы (1,2×0,6 м) и мощностью в центре 10 см. С южной стороны к нему примыкало небольшое пятно углисто-пеплистого песка. К востоку от прокала находилась большая котловидная в профиле яма диаметром и глубиной 50 см. Заполнение ямы составляла зола и мелкие угли. Другая яма с таким же заполнением находилась к западу от первой. Диаметр ее — 0,2 м вверху и немного больше внизу.

В северо-восточной части жилища располагалась большая яма I с темным плотным заполнением, условно названная «хозяйственной». Яма имела прямоугольную форму, 2,2×0,8 м. Стенки почти вертикально опускались вниз на 40 см к ровному горизонтальному дну, достигая общей глубины 130 см. Вдоль ее южного края в верхней части прослежены следы сгоревшей деревянной обкладки в виде углистой полосы, которая охватывала яму также с запада и севера, но шла по полу на некотором расстоянии от нее и вплотную приближалась к северной стене жилища. Небольшая подквадратная яма II (0,4×0,5 м) глубиной 30 см от уровня пола, с таким же плотным заполнением, прослежена у северо-восточного угла ямы I.

Северо-западная часть жилища нарушена двумя большими подквадратными ямами, IV и V, которые относятся к периоду поздней бронзы. Об этом свидетельствуют наблюдения над стратиграфией и состав находок.

Основная задача заключалась в выделении комплекса находок, характеризующих жилище 1. С этой целью особое внимание было обращено на вещи, найденные непосредственно на дне котлована, в очагах, ямах, вдоль стен. Среди них 2 развала сосудов, 93 мелких фрагмента пористой керамики, 1 целый сосуд и 33 фрагмента фатьяновской керамики, 14 кремневых орудий. Один развал пористого сосуда находился в углистом слое очага 6, второй — у северной стенки жилища, к северо-востоку от очага 4. Пористая керамика распределялась по площади пола равномерно. Скопление ее отмечено лишь в южной части жилища, западнее очага 2. Фатьяновская керамика, напротив, концентрировалась главным

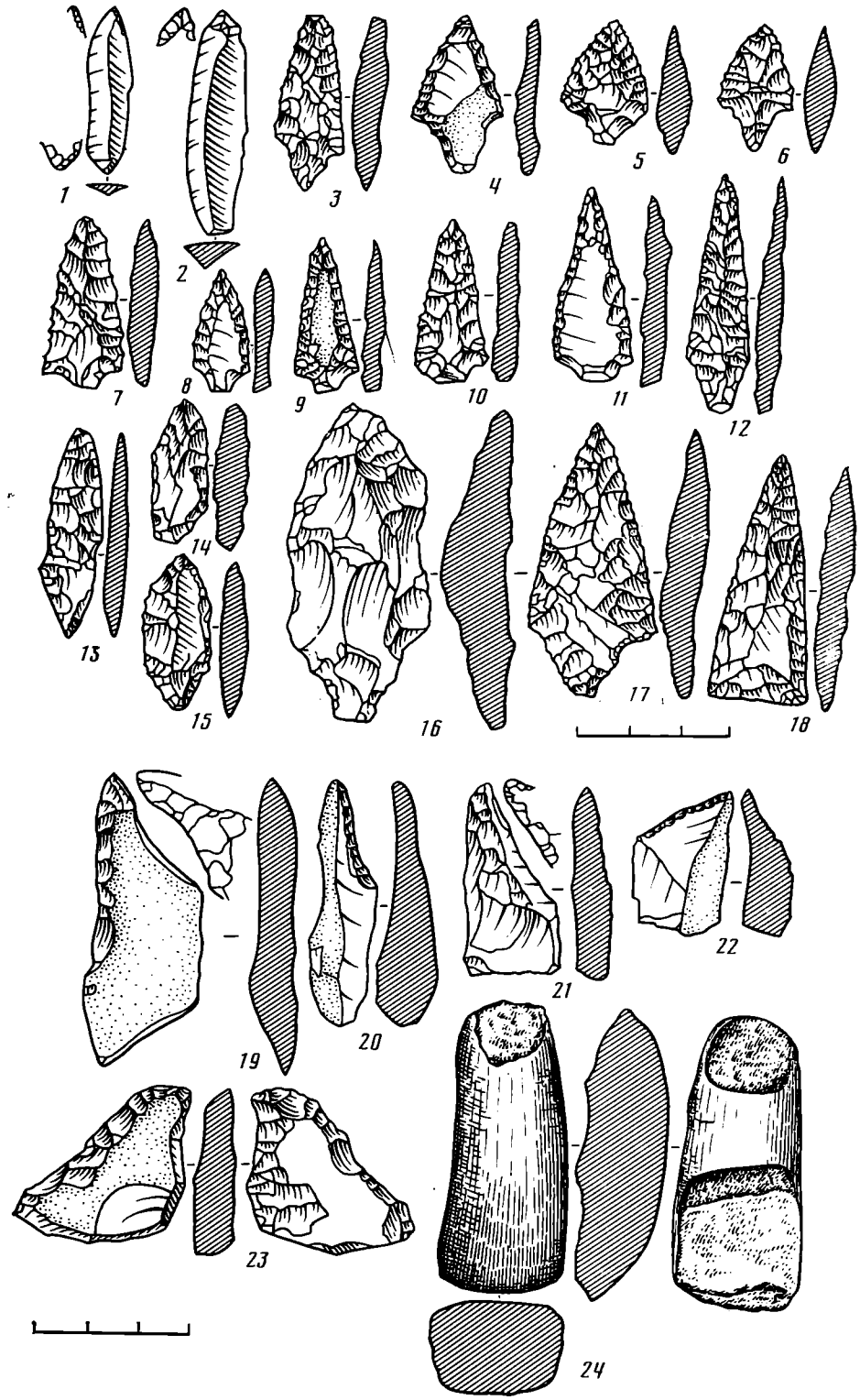


Рис. 7. Кремневый инвентарь. *1—15*, *17*, *18* — наконечники стрел; *16* — наконечник дротика; *19—22* — проколки; *23* — кремневая поделка; *24* — тесло

образом около очага 5. Развал неорнаментированного фатьяновского сосуда (рис. 5, *2*) находился в северо-восточном углу, на дне ямы I. Кремневые орудия, обнаруженные на полу жилища, включают один сломанный и пять целых наконечников стрел (рис. 7, *4*, *6*, *7*, *9*, *11*), пять скребков на удлиненных отщепах, два ножа на плитках кремня (рис. 8, *8*, *13*) и два невыразительных скобеля на отщепах случайной формы.

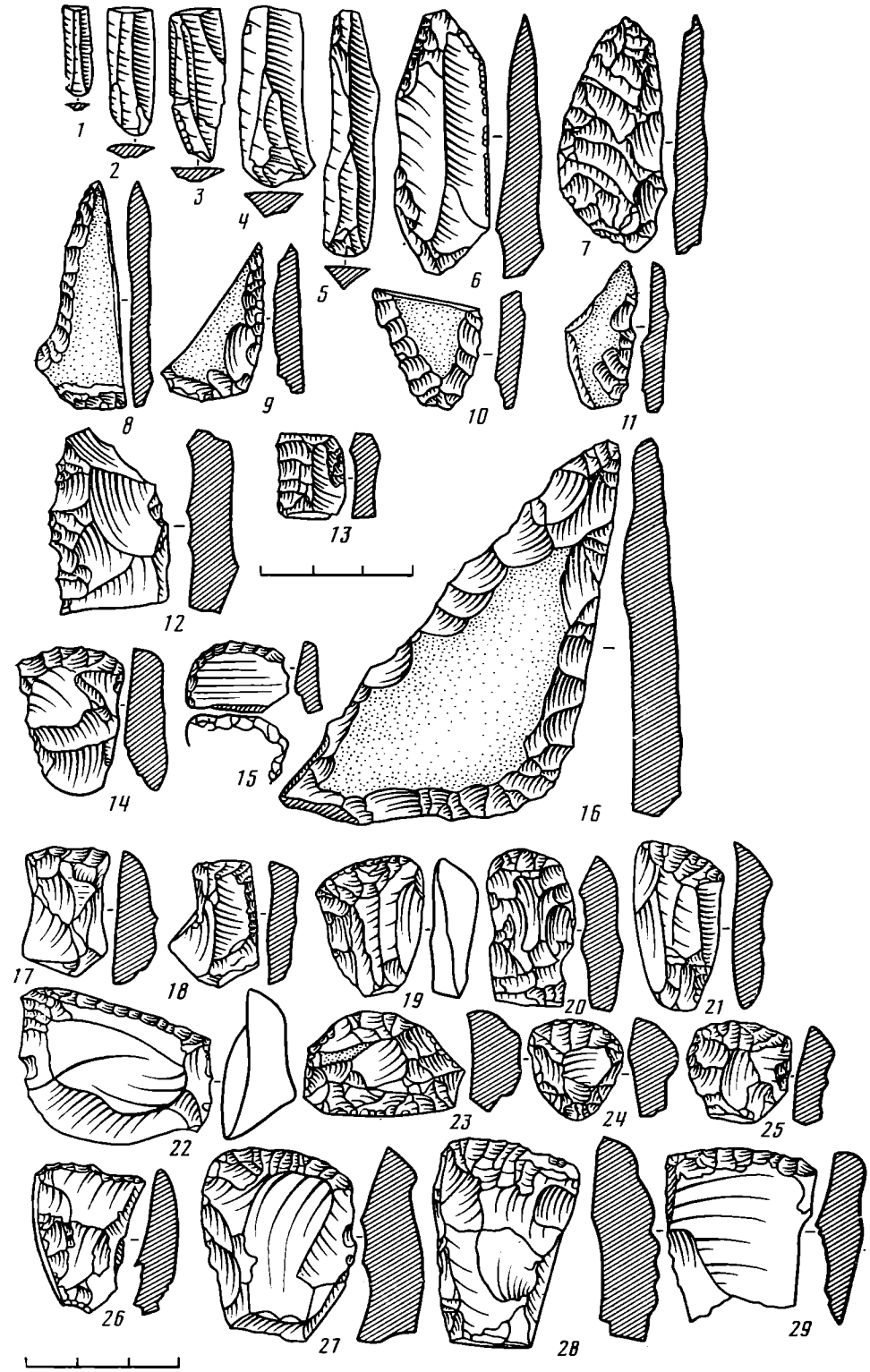


Рис. 8. Кремневый инвентарь. *1—5* — пластины и пластинчатые отщепы; *6—13*, *16* — ножи; *14*, *15*, *17* — *29* — скребки

В темном гумусном слое мощностью 20—30 см, образовавшемся в период функционирования жилища 1, сосредоточено преобладающее количество пористой и фатьяновской керамики. За пределами жилища 1 данные типы керамики немногочисленны.

Жилище 2 находилось к северу от жилища 1. На поверхности ему соответствовала неглубокая, до 40 см, овальная в плане впадина, размером 11×6 м, вытянутая с запада на восток.

Частичные очертания стен жилища появились на глубине 40 см, чет-

кие границы жилищного котлована зафиксированы на глубине 50—70 см в виде углистых полос и темно-коричневого гумусного пятна на фоне материкового песка желтого цвета.

Жилище 2 имело прямоугольную форму и площадь по дну около 80 м² (11×7 м). С восточной стороны находился выход к ручью шириной 1,2 и длиной в пределах раскопа 1 м. В профиле хорошо заметны следы от сгоревшей обкладки его стенок. Северо-западный угол жилища 2 поврежден ямой позднего происхождения. Стратиграфические наблюдения были также затруднены в юго-восточной части, где культурный слой нарушен многочисленными корнями деревьев.

В южной стене четко обозначился выступ прямоугольной формы, размером 0,6×0,4 м. Он слегка повернут в сторону юго-запада. Одна сторона выступа имела деревянную обкладку, следы от которой сохранились в виде углистой полосы толщиной 10 см, изогнутой под прямым углом, и темной полосы древесного тлена. Пол жилища находился на уровне 80—90 см и давал в профиле четкую границу с материком. В центре уровень пола слегка понижался. Вокруг очагов и по площади жилища пол, очевидно, застилался деревом, о чем свидетельствует плотная прослойка песка мощностью 3—5 см, интенсивно окрашенная в черный цвет органикой и углем. Заглубленность котлована по отношению к дневной поверхности не превышала 30 см. Его стенки, по-видимому, осыпались еще в древности. Наиболее хорошо сохранилась западная стенка, которая опускалась вниз вертикально. В северо-восточной части понижение до уровня пола шло двумя уступами, шириной от 1 до 2 м. При небольшой глубине котлована следует полагать, что жилище имело вертикальные деревянные стены. Косвенным подтверждением этого является расположение у стен очагов-кострищ (2, 5, 6). Вдоль северной и западной стен жилищный слой перекрывали тонкие зольно-углистые прослойки шириной более 2 м, которые, возможно, являются следами рухнувших обгоревших стен.

Упавшие бревна и плахи перекрытия и внутренних конструкций в виде углистых или темных гумусированных полос толщиной 10—12 см были сосредоточены главным образом в северной части жилища. Длина их достигала 2 м. Плахи располагались преимущественно параллельно, в северо-западном углу — в направлении северо-восток — юго-запад, а в северо-восточной и юго-восточной части — в направлении с юго-востока на северо-запад. Следы перекрытий в виде изогнутых под углом полос в центральной части жилища (кв. Е4, ЕЖ5) могли принадлежать коньковой части двускатной крыши.

После снятия пола на уровне материка (гл. 90—100 см) выявлены 42 столбовые ямки диаметром 8—12 см. В пяти случаях удалось проследить квадратную форму столбов со стороной 12—14 см. Глубина ямок, находящихся за пределами жилища, не превышает 10 см, дно округлое. В жилище их глубина варьирует от 8 до 30 см, достигая в одном случае 60 см; дно, как правило, приостренное. Вдоль южной и западной стен семь ямок расположены с наружной стороны жилища 2 и девять — с внутренней. Пять столбовых ям находятся по средней линии жилища, поперек его, в 5 м от восточной стены и в 6 м от западной. Параллельно южной стене, на расстоянии 1,8—2 м, можно заметить линию из шести столбовых ямок. В северо-восточном углу наблюдалось скопление ямок, возможно, от внутренних дополнительных конструкций.

Шесть очажных пятен по своей структуре аналогичны пятнам жилища 1. Они располагаются на полу жилища, имеют в профиле линзовидную форму с максимальной мощностью в центре 10—15 см. Очаги 1 и 3 овальной формы и одинаковых размеров (0,8×0,6 м) находились в северо-западной части жилища. Возле очага 3 найдены развалы двух сосудов: один — слабо профилированный, орнаментированный отпечатками гребенчатого штампа (рис. 5, *4*), второй — с намечающимся воротничком, орнаментирован прочерченными линиями. Очаг 2 в юго-западном углу имел вытянутую овальную форму (размеры прокала 1,4×0,3 м). Под ним обнаружена небольшая по размерам (0,4×0,3 м) и глубиной

не более 20 см яма с темно-коричневым плотным заполнением без находок. Форма очагов 4 и 5 в плане приближалась к круглой, с диаметром соответственно 0,3 и 0,4 м. Возле очага 4 наблюдалось скопление отдельных фрагментов керамики и рядом лежали три гальки, две продолговатые и одна круглая, без видимых следов обработки. Гальки, по-видимому, специально принесены в жилище с берега реки, так как в песчаном грунте боровой террасы окатанные камни не встречаются. Подобное явление наблюдалось на поселении Юртик, где у центральных очагов в трех жилищах также найдены гальки [12, с. 53]. Очаг 6 зафиксирован только на уровне прокала, где его размеры не превышали 0,8×0,5 м. Сверху границы его не проявлялись из-за сплошной зольно-сажистой массы, образовавшейся, по-видимому, от сгоревшей северной стены или перекрытия. В этом слое возле очага обнаружен развал остроребериого сосуда, по форме приближающегося к абашевским, с прочерченным орнаментом в виде насечек и горизонтальных линий в верхней части. Днище сосуда также было орнаментировано прочерченными линиями в виде сетки (рис. 4, *8*).

Два обширных, но слабо прокаленных пятна песка находились у северной стенки (кв. Ж2-3 и Ж4-5). Они, по-видимому, образовались в результате кратковременного пожара.

Ниже уровня пола, на глубине 90—100 см, в слое материкового песка прослежены три большие ямы, условно названные «хозяйственными». Яма I частично занимала нишу-выступ в южной стене. Ее неправильная шестиугольная форма была близка к квадрату размером 1,4× ×1,3 м. Яма имела глубину от уровня пола 60 см и в верхней части по четырем сторонам была обложена деревом, сохранившимся в виде углистых и темных полос разложившейся органики. Ниже деревянная обкладка не наблюдалась. Стенки покато, а в восточной части уступом опускались к неровному округлому дну. На дне залегал углистый слой мощностью 5—8 см. Возле восточного угла ямы I обнаружен развал большого сосуда, орнаментированного крупными ямками под венчиком (рис. 5, *8*). В сохранившейся части плоского донца просверлены два отверстия диаметром 8 мм.

Ямы II и III имели прямоугольную форму и размеры соответственно 2×1,2 и 2,9×1,3 м, плоское дно и глубину от уровня пола 20—25 см. Яма III в центральной и юго-восточной части была менее заглублена, поэтому на глубине 110 см она приобрела несколько странную, изогнутую форму. В ее восточной части, на дне, хорошо заметна овальная в плане (0,9×0,5 м) линза прокала мощностью 6 см. Подобная линза прокаленного песка, толщиной в центре 10 см и диаметром 0,8 м, находилась в северной половине ямы II. Эта яма по периметру на всю глубину была обшита деревом, от которого сохранились углистые полосы. Заполнение всех трех ям представляло собой темно-коричневую рыхлую супесь, насыщенную вкраплениями угля, золой, небольшим количеством кальцинированных костей и мелкими фрагментами пористой керамики. Можно полагать, основываясь на наличии прокаленных участков на дне и присутствии в заполнении мелких угольков, золы и кальцинированных костей, что ямы определенный период времени могли использоваться в качестве очагов, а позднее были засыпаны.

Находки представлены керамикой в основном эпохи поздней бронзы, в том числе четырьмя развалами сосудов, немногочисленными кремневыми изделиями, среди которых один наконечник стрелы (рис. 7, *13*), пять скребков (рис. 8, *15*, *17*, *20*, *23*, *28*), пять ножевидных орудий (рис. 8, *9*, *11*) и одно невыразительное рубящее орудие на нуклевидном куске. Значительное скопление керамики наблюдалось в северо-восточной части жилища, много фрагментов сосредоточено и учагов 4 и 5, возле ям II и III и вдоль южной стены.

Над заполнением жилищной впадины повсеместно наблюдался слой желтого чистого песка. Мощность его, одинаковая по всей площади, не превышала 15 см. Выше песчаной засыпки залегал слабо гумусированный слой, также в значительной степени насыщенный керамикой време-

ни поздней бронзы. По-видимому, после разрушения жилища 2 жизнь на поселении продолжалась.

К этому же периоду относилась небольшая наземная постройка к востоку от жилища 1. Она имела прямоугольную форму площадью 17,3 м² (5,4×3,2 м) и выход на восток шириной 0,7 и длиной в пределах раскопа 0,6 м. Вероятно, пол постройки был углублен в материк не более чем на 10 см, при этом уступом заглублен на 20 см участок пола против выхода, где располагались очаги и хозяйственные ямы. Очаг 1 в плане имел овально-вытянутую форму размером 1×0,4 м, очаг 2 круглый, диаметром 0,45 м. Один небольшой очаг 3, диаметром 0,25 м, расположен за пределами углубления, к югу от него. Все очаги связаны с полом, и мощность их не превышает 10 см в центре. Три ямы прослеживались хорошо на фоне материкового песка, ниже уровня пола. Заполнение их по цвету и плотности не отличалось от заполнения постройки. Яма I имела в профиле чашевидную форму, размеры в верхней части 0,38×0,28 м и глубину от уровня пола 18 см. Ямы II и III имели вертикальные стенки, плоское дно, размеры 0,32×0,28 и 0,52×0,4 м при заглубленности на 30 и 33 см. Находки в ямах отсутствовали, но на основании их расположения можно предполагать, что ямы и очаги входили в единый хозяйственный комплекс данного сооружения. Небольшие размеры постройки не дают достаточных оснований считать ее жилищем. Тем не менее наличие очагов и ям свидетельствует о хозяйственной деятельности внутри сооружения.

Две крупные подквадратные ямы прорезали заполнение жилища 1 и, так же как жилище 2, относились к периоду поздней бронзы.

За пределами жилищ культурный слой представлял собой песок серо-коричневого цвета, мощностью 20—30 см, в некоторых местах до 40 см. В связи со строительством жилищ и неоднократными перекопами слой в значительной степени перемешан. Большая часть находок сосредоточена в южной части раскопа, по линиям квадратов А—В. Среди находок наибольший интерес представляют следующие: развал сосуда, относящегося к верхнему горизонту эпохи бронзы, орнаментированного прочерченными линиями в виде заштрихованных треугольников (рис. 4, *6*); три тщательно обработанных наконечника стрел (рис. 7, *12*, *17*, *18*) и один наконечник на пластине (рис. 7, *1*); поделка в виде круглого диска из стенки пористого сосуда, орнаментированного гребенчатым штампом, диаметр ее 28 мм.

Как отмечалось выше, находки, найденные на полу жилища 1, включали керамику двух видов — фатьяновскую и пористую. Данная керамика в значительной степени преобладала в заполнении жилища 1. Пористая керамика (рис. 3, *11—22*), очень плохой сохранности, представлена 333 мелкими фрагментами, что составляет 18,5% всей керамики поселения. По венчикам удалось выделить лишь 10 сосудов. Внешняя поверхность заглаживалась мягким предметом, внутренняя — зубчатым штампом. Общий тон керамики оранжевый, бурый до черного. В изломе фрагменты двух- и трехслойные. Толщина стенок 5—6 мм. Встречены три плоских донца. Венчики прямые или слегка отогнутые, по толщине равны стенкам. Срез венчика слегка округлен. В одном случае по срезу шли пальцевые вдавления, создающие впечатление волнистого венчика (рис. 3, *16*). Из-за большой фрагментарности материала реконструировать форму сосудов не представляется возможным. Орнаментированные фрагменты, включая те, где характер орнамента установить не удалось, составляют 40,6%. Орнамент, разреженный и очень нечеткий, поверхностный, наносился прямозубым, средним и узким гребенчатым штампом. Среди узоров наиболее распространены горизонтальные, реже диагональные и вертикальные ряды косо поставленных отпечатков штампа, пологий зигзаг. Встречены четыре венчика с одинарным (рис. 3, *12*, *16*) или двойным налепным валиком (рис. 3, *13*). Одинарный валик был орнаментирован в одном случае узким гребенчатым штампом, в другом — пальцевыми вдавлениями. Основная часть керамики данного типа сосредоточена на полу жилища 1, а также встречалась в ямах I—III жилища 2.

Аналогии ей можно найти на поселениях Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья: Уржумкинское [12, с. 16—24], Ахмыловское II [13, с. 44—67], Кубашевское (первая группа керамики) [10, с. 101, табл. XLV], Русско-Азибейская (вторая группа керамики) [14, с. 33, 34], Галанкина Гора (первая группа керамики) [10, с. 88, табл. XXXIX—XL; 15, рис. 18]. Для последнего памятника также характерны налепные валики [2, рис. 45, *2*], представленные на аналогичной керамике гаринских поселений Камский Бор II [16, с. 76—94, рис. 12; 17, с. 95—109], Бойцовская VII, Тюремка I—III [18, рис. 58, 64, 99], Бор I [19, рис. 27, *7*] и др. В бассейне Вятки наиболее близки керамические комплексы поселений Юртик (вторая группа жилищ) [20, с. 57], Усть-Лудяна II (основная группа керамики) [21, с. 103—105, рис. 4], Аркуль III (первый комплекс) [22, с. 132—134, рис. 4], Лобань I (поселение эпохи ранней бронзы) [23, с. 124, 125, рис. 5]. В настоящее время период существования этих памятников определен исследователями как вторая четверть— середина II тыс. до н. э. [2, с. 191; 12, с. 36; 19, с. 189; 20, с. 57; 21, с. 117; 22, с. 141; 23, с. 130]. По C^{14} первая, ранняя группа жилищ поселения Юртик, находящегося в 6 км от поселения Буй I, датирована XX—XVI вв. до н. э. С учетом этого вторая группа жилищ отнесена к середине II тыс. до н. э. [20, с. 57]. По-видимому, на основании типологической близости эту же дату следует принять и для пористой керамики, характеризующей жилище 1.

Вторая группа, составляющая 7,5% всего керамического комплекса, представлена 136 фрагментами не менее чем от 20 фатьяновских сосудов (рис. 3, *1—10*; рис. 5, *1*, *2*). Имеющиеся фрагменты относятся к самой распространенной форме фатьяновских сосудов— с раструбной шейкой средней величины, плавно соединяющейся с туловом. Край венчика округлый, слегка отогнутый, ровный. Диаметр по венчику колеблется от 10 до 16 см. Удалось полностью реконструировать два сосуда (рис. 5, *1*, *2*). Сосуды тонкостенные, подлощенные, тесто хорошо отмучено, в качестве примеси использован в небольших количествах песок. Орнамент выполнен отпечатками мелкозубчатого штампа и прочерченными линиями. Шнуровой орнамент отсутствует, что характерно для верхне- и средневолжских памятников [24, с. 127]. Основные узоры — горизонтальные ряды вертикальных отпечатков штампа, зигзаг, полосы косой решетки — на фатьяновской керамике распространены повсеместно. Прослеживается бороздка-разделитель в основании шейки, характерная для сосудов ярославской и ивановской групп [25, с. 48]. Такой элемент, как оконтуренный ромб, выполненный тонким резным орнаментом, широко представлен на средневолжских, балановских памятниках, но в сочетании с полосами косой решетки и наклонных линий (рис. 3, *6*) встречается в ивановско-горьковской и верхневолжской группах, причем ромбы нанесены по балансовой схеме в один ряд [25, с. 45]. К сожалению, материала недостаточно для более точной атрибуции фатьяновской керамики с поселения Буй I. Присутствие этой керамики в закрытом комплексе, на полу жилища 1, наряду с пористой керамикой дает возможность датировать ее также серединой II тыс. до н. э. Это не противоречит принятой датировке близких фатьяновских ивановско-горьковской [25, с. 72) и позднебалановской [26, с. 77] групп.

Третья и наиболее многочисленная группа составляет 64,5% всей керамики. Она представлена 9 развалами сосудов и 1172 отдельными фрагментами не менее чем от 75 сосудов, выделенных по венчикам. Эта керамика преобладала в верхнем горизонте культурного слоя, две трети ее сосредоточено в заполнении жилища 2 и наземной постройке. Четыре раздавленных сосуда были найдены на полу жилища 2 (рис. 5, *4*, *6*, *8*), три на полу постройки (рис. 5, *5*), один в слое над заполнением жилища 1 и один в яме IV, прорезающей заполнение этого жилища (рис.5, *7*). Керамика изготовлялась из глины с небольшой примесью органических остатков, что придавало пористость. Иногда встречается примесь песка, дресвы, реже шамота, в этом случае фрагменты отличаются большей плотностью. Поверхность сосудов заглаживалась, очень редко встре-

чаются следы штриховой зачистки. Общий тон керамики серо-коричневый, реже — розоватый, в изломе однородный. Толщина стенок колеблется от 4 до 6 мм. Донца преобладали плоские. Венчики прямые или слегка отогнутые, по толщине равны стенкам или утолщены, край округло-приостренный (рис. 4). Иногда венчики имеют скошенный бортик по краю (рис. 4, *1*, *7*; 5, *6*, *7*), переходящий в более широкий валик (рис. 4, *4*, *5*). Полностью или частично удалось восстановить несколько сосудов (рис. 5, *3—8*). Отдельные фрагменты донцев и венчиков позволяют дополнить представление о форме сосудов. Бо́льшая часть имела горшковидную форму с плавно изогнутым горлом и небольшим плоским днищем (рис. 5, *6—8*). Диаметр по венчику обычно 20—28 см, хотя встречаются небольшие сосуды с диаметром венчика 8—12 см. Величина диаметра определимых донцев колеблется в пределах 4—7 см. Вторая группа сосудов имела округлое днище и горло, расширенное раструбом (рис. 5, *5*). Встречен один остроребериый сосуд (рис. 5, *3*), имеющий форму, более характерную для абашевских и поздняковских памятников. Орнамент на сосудах располагался в верхней половине тулова. Узоры наносились при помощи прочерчиваний, оттисков гребенчатого штампа, реже — шнура. Часто по горлу шел ряд ямок (рис. 4, *1*, *2*, *5*; 5, *6*, *8*). Почти половина всех орнаментов в узорах содержит горизонтальные линии, разграничивающие отдельные зоны. Преобладают такие элементы, как горизонтальный зигзаг, иногда образующий вертикальную «елочку», горизонтальные ряды наклонных линий, косая сетка. Характерны заштрихованные треугольники (рис. 4, *3*; 5, *7*), окантовка их бахромкой (рис. 4, *3*; 5, *6*). Аналогии керамике можно найти на Балымском поселении, на стоянках: I Луговской, I Атабаевской, частично на Малококузинской, Ерзовской, Заюрчимской и др. [11, табл. 24—26, 29, 30, 57, 58, 60], относимых ко второму, балымско-карташихинскому, и третьему, атабаевскому, этапам приказанской культуры, датированных А. Х. Халиковым XIV—XII вв. до н. э. [11, с. 52]. Для поселения Буй I характерен высокий процент (60%) сосудов с органической примесью к керамическому тесту, что является ранним признаком для приказанской культуры, а на памятниках второго и третьего этапа такие сосуды составляют лишь 7—10%. Но на поселениях, удаленных от непосредственного воздействия срубных племен (например, в Чувашско-Марийском Поволжье) количество сосудов с органической примесью значительно выше [11, с. 34].

Последняя, четвертая группа керамики, выделенная на поселении Буй I, представлена 173 фрагментами (9,6% всей керамики) не менее чем от 17 различных сосудов. Данная посуда резко отличалась от всей остальной (рис. 6). Она толстостенная, 7—8 мм, плотная, в качестве примеси содержит шамот, иногда охру, имеет красновато-оранжевый цвет. Внешняя и внутренняя поверхность заглаживались мягким предметом. Имеющиеся в коллекции венчики прямые, с округло-уплощенным срезом. Встречены два мелких фрагмента плоского и слегка вогнутого донцев. Все фрагменты орнаментированы рядами прямо и косо поставленных четких глубоких отпечатков широкого прямозубого гребенчатого штампа. Одно донце орнаментировано наколами и насечками по ребру (рис. 6, *10*). Наибольшая близость керамики проявляется с керамическим комплексом поселения Новомултанское в Удмуртии [27, с. 67—71, рис. 3—5] и первой группой керамики поселения Усть-Лудяна II на р. Вятке [21, с. 100—103, рис. 3, *1—5*, *7*, *11*], относимых исследователями к кругу камских памятников позднего неолита. Но отсутствие наплыва на внутренней стороне венчика, более разреженный орнамент, присутствие плоских донцев свидетельствуют о несколько более позднем времени неолитической керамики с поселения Буй I по сравнению с керамикой с поселений Новомултанское и Усть-Лудяна II. Более отдаленные аналогии (присутствие в керамическом тесте охры, наличие плоских и вогнутых донцев) можно усматривать с неолитической гребенчатой керамикой памятников Нижнего Прикамья, Русско-Азибейской стоянкой [14, с. 32—33] и II Татарско-Азибейским поселением [28, с. 55—58, рис. 10—12]. В 1955 г. неолитическая керамика составляла третью

часть от всей полученной во время раскопок [1, с. 114]. Видимо, раннее поселение располагалось южнее раскопа 1980—1981 гг. и к настоящему времени уничтожено.

Кремневый инвентарь немногочисленный — 511 экз. В качестве основной породы камня использовался пестрый, серый, реже красный кремень, невысокого качества, валунный и плитчатый. Основную группу находок составляют: бесформенные куски, крупные и мелкие, со следами сколов; отщепы, относительно широкие и плоские, часто с хорошо выраженным раковистым изломом со стороны брюшка, и мелкие отщепы и чешуйки.

Орудия в количестве 102 экз. составляют 20% всего кремневого комплекса. Анализ их дан суммарно. На основе типологических особенностей орудий и наблюдений за стратиграфией представляется возможным связать некоторые наконечники стрел с определенными периодами жизни поселения. Большинство орудий хозяйственно-бытового назначения относятся к широко бытовавшим типам, что затрудняет их дифференциацию.

Предметы охотничьего вооружения представлены 17 целыми (рис. 7, *1—15, 17, 18*) и 3 сломанными наконечниками стрел и 1 наконечником дротика (рис. 7, *6*). Их качество и устойчивость форм свидетельствуют о высоком уровне обработки камня. Пять наконечников найдены непосредственно на полу жилища 1. Они четко подразделяются на два типа. К первому отнесены 3 экз. (рис. 7, *7, 9, 11*), которые имеют вытянутую подтреугольную форму, выделенные шипы и короткий черешок. Подобный тип встречен на поселениях II Ахмыловское [13, рис. 15, *14*] и Лобань I [23, рис. 6, *22*]. Второй тип представлен 2 экз. (рис. 7, *4, 6*). Они широкие с узким черешком, по форме приближаются к ромбу. Подобные наконечники стрел встречены на многих памятниках эпохи раннего металла, в частности на фатьяновских [7, рис. 26] и балановских [9, табл. 20—26]. Еще два наконечника, относящиеся к первому (рис. 7, *10*) и второму (рис. 7, *5*) типам, найдены рядом, также в заполнении жилища 1, у его южной стены. Один грубо обработанный наконечник подлистовидной формы (рис. 7, *14*) обнаружен в заполнении жилища 2. Его, по-видимому, следует отнести к периоду поздней бронзы, так же как и иволистный наконечник с намечающимися боковыми выемками в средней части (рис. 7, *13*), найденный на полу наземной постройки. Вместе с ним здесь находился массивный дротик подлистовидной формы с выделенным узким усеченным черешком (рис. 7, *16*). Дротик небрежно обработан крупными сколами. Наконечники стрел, найденные за пределами жилищ, чрезвычайно разнотипны. Два из них изготовлены на ножевидных пластинах. Один имеет двухстороннюю подправку мелкой ретушью черешка и кончика пера (рис. 6, *1*), у второго подправлен только кончик пера (рис. 7, *2*). Их, по-видимому, можно связывать с неолитическим комплексом. Однако аналогичный наконечник на пластине встречен на гаринском поселении Бор II [19, рис. 17—25] в жилище 1 наряду с поздними типами орудий. Наконечник стрелы треугольной формы (рис. 7, *18*), обработанный великолепной плоской ретушью, принадлежит к основному типу наконечников Турбинского могильника [29, рис. 90]. Данный тип широко представлен на борских памятниках Прикамья (Басенький Борок, Нижнераздорное, Выстелишна) [19, рис. 43, *106, 124*], в Сейминском могильнике [30, рис. 60], а также на поселениях II и III этапов приказанской культуры (I Карташихинская, I Атабаевская и др.) [11, табл. 60, *75, 76, 116, 117*]. Три наконечника с треугольным черешком могут быть отнесены к широко распространенному сейминскому типу (рис. 7, *3, 8, 17*) [30, рис. 60]. Длинный узкий наконечник со слабо выраженными жальцами и усеченным черешком по форме приближается к вытянутому ромбу (рис. 7, *12*). Он находит аналогии как на ближайших памятниках ранней бронзы (Усть-Лудяна II) [21, рис. 11, *6*], так и на приказанских (Займище III) [11, табл. 60, *42*] и не может быть связан с определенным периодом существования поселения. Еще 1 экз. подлистовидного наконечника имеет два слабо выражен-

ных шипа при переходе пера в черешок (рис. 7, *15*). Наконечники стрел, представленные в обломках, типологически неопределимы.

К орудиям хозяйственно-бытового назначения относятся скребки, ножи, ножевидные орудия, скобели, проколки, острия и рубящие орудия. Набор скребков стандартен (рис. 8, *14, 15, 17—29*). К этой категории относится 35 орудий на отщепах. Ведущим типом являются скребки на удлиненных прямоугольных, реже на коротких подквадратных отщепах, с прямым или слегка выпуклым рабочим краем, обработанным крутой односторонней ретушью. Иногда рабочий край скошен (рис. 8, *19, 21, 22, 27, 28*). У некоторых скребков подчеркнуты углы (рис. 8, *17, 18, 25, 26, 29*). Данный тип скребков широко представлен на многих памятниках эпохи неолита и бронзы лесной полосы.

Категория ножей по характеру заготовки делится на две группы: на плитках — 9 экз. (рис. 8, *8—11, 16*), на отщепах — 12 экз. Признаком ножа является наличие острого режущего рабочего края, обработанного двусторонней приостряющей ретушью. На тонких, не более 4 мм толщиной, плитках кремня изготовлено девять ножей и один крупный нож подтреугольной формы — на плитке толщиной 10 мм (рис. 8, *16*). Ножи, как правило, имеют один или два режущих края и обушковую часть, затупленную ретушью или сколом. Ножи на отщепах в большинстве случаев имеют случайную форму, которая зависит от формы отщепа-заготовки. Исключением является нож асимметричной листовидной формы, тщательно обработанный по всей поверхности с двух сторон (рис. 8, *7*), а также нож на массивной пластине, обработанной по одному краю мелкой ретушью (рис. 8, *6*).

Три ножевидные пластины (рис. 8, *1, 2, 4*) и пластинчатые отщепы (рис. 8, *3, 5*) без ретуши, но со следами сработанности по краям использовались, по-видимому, в качестве ножевидных орудий.

К скобелям отнесена немногочисленная группа (5 экз.) орудий на неправильных отщепах, имеющих вогнутый рабочий край.

Категория проколок включает три орудия (рис. 7, *19—21*) с рабочим стержнем, тщательно обработанным ретушью со всех сторон, и широкой, массивной обушковой частью. Роль проколок могли выполнять и различные острия с вытянутым острым концом, подправленным ретушью (рис. 7, *22*).

На поселении встречено три рубящих орудия, относящихся, судя по условиям залегания, к эпохе поздней бронзы. Одно из них изготовлено на плоском нуклевидном куске подквадратной формы, размером 40×40×13 мм. Орудие имеет два заостренных рабочих края со следами забитости и могло использоваться в качестве небольшого ручного топорика. Два других орудия на гальках следует отнести к категории тесел. Одно из них изготовлено на продолговатой в сечении гальке, размером 56×23×16 мм (рис. 7, *24*). Благодаря удачно подобранной форме заготовки для получения орудия со стороны брюшка сделана выемка и с двух сторон подработан обушковый конец. У второго орудия галечниковая корка сохранилась лишь на спинке. Орудие имеет прямоугольную форму (46×28×18), массивную обушковую часть и скошенное рабочее лезвие.

К оригинальным предметам можно отнести поделку на плитке кремня толщиной 8 мм, тщательно обработанную по периметру с обеих сторон плоской ретушью и аккуратными сколами (рис. 7, *23*). Следы сработанности на ее поверхности не прослеживаются. Поделку, по-видимому, следует относить к группе фигурных кремней. По очертаниям она отдаленно напоминает изображение водоплавающей птицы.

На поселении Буй I выделено три разновременных комплекса находок, главным образом на основе типологического изучения керамики, а также на основе стратиграфических наблюдений. В последнем случае особую роль играли жилища. За пределами жилищ слой был сильно перемешан, и самые тщательные наблюдения за глубиной залегания отдельных находок не дали положительных результатов. Но планиграфическое распределение находок показало, что неолитическая керамика сконцентрирована в западной и северо-западной части раскопа и почти не встре-

чается в других местах. При исследовании жилищ особое внимание было уделено определению состава находок в слое, образовавшемся в период их функционирования. Установлено, что вещи, найденные на полу жилища 1, составляют «закрытый комплекс». В заполнение, лежащее выше, попали вещи других периодов, в результате осыпания стенок и затекания культурного слоя поселения внутрь котлована. Возможно, что впадина, оставшаяся от жилища 1, немного позднее использовалась в качестве мусорной ямы. Об этом свидетельствует высокая насыщенность перекрывающего слоя керамикой эпохи поздней бронзы, включая развалы сосудов. Вторичное использование котлована под жилище не подтверждается стратиграфией. Два поздних сосуда, скорее, были разбиты и выброшены еще в древности, а не характеризовали уровень пола.

Восстанавливая форму и размеры жилища 1, необходимо учитывать, что его южная часть разрушена постройками XIX в., которые частично прорезали ранние культурные слои. Судя по аналогии в устройстве жилищ ряда поселений эпохи энеолита и ранней бронзы на Средней Вятке (Усть-Лудяна II, Аркуль III, Юртик и др.), следует предположить, что первоначально жилище 1 имело квадратную форму и два выхода по противоположным сторонам. Такая планировка типична для домостроительства середины II тыс. до н. э. в данном районе.

Жилище 2 по своей форме и размерам типично для приказанского времени. Подобные изолированные жилища абсолютно преобладали на третьем, атабаевском, этапе [11, с. 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Денисов В. П.* Новые археологические памятники на р. Вятке.— СА, 1958, № 3.
2. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1967.
3. *Буров Г. М.* Племена Вычегодского края в эпоху неолита и ранней бронзы.— МИА, 1973, № 172.
4. *Бадер О. Н.* Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита.— МИА, 1973, № 172.
5. *Халиков А. Х.* Неолитические племена Среднего Поволжья.— МИА, 1973, № 172.
6. *Буров Г. М.* Древний Синдор. М.: Наука, 1967.
7. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972.
8. *Бадер О. Н.* Балановский могильник. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
9. *Бадер О. Н., Халиков А. Х.* Памятники балановской культуры.— САИ, 1976, вып. В1-25.
10. *Халиков А. Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.— Тр. Марийской археологической экспедиции. Т. I. Йошкар-Ола, 1960.
11. *Халиков А. Х.* Приказанская культура.— САИ, 1980, вып. В1-24.
12. *Архипов Г. А., Никитин В. В.* Уржумкинское поселение.— В кн.: Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Археология и этнография Марийского края. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1977.
13. *Никитин В. В.* Ахмыловское II поселение.— В кн.: Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Археология и этнография Марийского края. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1977.
14. *Габяшев Р. С.* Русско-Азибейская стоянка.— В кн.: Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978.
15. *Никитин В. В.* Волосовские племена на Средней Волге.— В кн.: Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Археология и этнография Марийского края. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1978.
16. *Коногорова (Ширинкина) А. А.* Жилища 3—8 поселения Камский Бор II.— В кн.: Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии АН СССР. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
17. *Кольцов Л. В.* Жилища № 9—13 на поселении Камский Бор II.— В кн.: Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии АН СССР. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
18. *Бадер О. Н.* Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы.— В кн.: Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии АН СССР. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
19. *Бадер О. Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье.— МИА, 1961, № 99.
20. *Ошибкина С. В.* Поселение Юртик. Результаты исследований.— В кн.: Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980.
21. *Наговицин Л. А.* Поселение Усть-Лудяна II.— В кн.: Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980.
22. *Наговицин Л. А.* Поселение эпохи раннего металла Аркуль III на Средней Вятке.— В кн.: Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Археология и этнография Марийского края. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1978.

23. *Гусенцова Т. М., Сенникова Л. А.* Многослойное поселение Лобань I — В кн.: Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980.
24. *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.— САИ, 1964, вып. В1-20.
25. *Гадзяцкая О. С.* Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа.— САИ. 1976, вып. В1-21.
26. *Бадер О. Н., Халиков А. Х.* Памятники балановской культуры.— САИ, 1976, вып. В1-25.
27. *Гусенцова Т. М.* Новомултанское неолитическое поселение.—В кн.: Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1977.
28. *Габяшев Р. С.* Второе Татарско-Азибейское поселение.— В кн.: Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978.
29. *Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964.
30. *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970.

M. I. Trefts

BUY I, A BRONZE EPOCH SETTLEMENT ON THE VYATKA RIVER

Summary

The author publishes materials obtained from the Buy I diggings in the middle reaches of the Vyatka. Investigations have shown that the place passed through three settlement periods. The first of them is characterised by combed ceramics of the Kama type and is dated to the later Neolithic. About the mid-second millennium B. C. people came to the place for the second time. Dwelling No. 1, yielding porous pottery and the Fatyanovo vessels (Fig. 3), is dated precisely to this period. People, kindred to the population of the near Kazan culture (of its second and third stages) (Fig. 4) appeared there in the Late Bronze epoch. They left behind a large dwelling No. 2 and a small ground construction (Fig. 2).

КУБЫШЕВ А. И., ПОЛИН С. В., ЧЕРНЯКОВ И. Т.

ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ИНГУЛЬЦЕ

При раскопках большого кургана у пос. Великая Александровка Херсонской обл. на левом берегу р. Ингулец в 1981 г. отрядом Херсонской экспедиции Института археологии АН УССР, которым руководил Ю. А. Шилов, исследовано впускное погр. 1 раннежелезного века. Курган относится к эпохе энеолита и бронзы. Его высота — 4,5, диаметр — 50 м. Погребение 1 впущено с поверхности насыпи в центре кургана. С этим погребением, по-видимому, связан и кромлех из мелких известняковых камней, уложенных широкой полосой до 2,5 м по внешнему краю склона древней насыпи. Его диаметр — 26 м.

Погребение 1 совершено в большой овально-подпрямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии восток — запад. Ее стенки сужаются ко дну, размеры которого составляют 3,15×2,4 м. Глубина ямы — 3,25 м. С самого верха до глубины 1,25 м она забутована известняковыми плитками, размеры которых 0,4×0,2×0,3 м. На глубине 3,0 м отмечены остатки деревянного перекрытия в виде прослойки древесины толщиной 0,15 м. В северо-восточном углу древесина слабо обуглена. Деревянное перекрытие держалось, вероятно, на четырех опорных столбах, поставленных в центре ямы вокруг погребенного. На дне ямы прослежены четыре ямки диаметром 0,2 и глубиной 0,15 м для опорных столбов, три из которых расположены у головы и одна — в ногах погребенного. Скелет взрослого человека плохой сохранности. Судя по расположению костей, погребенный был положен вытянуто на спине, головой ориентирован на запад. Правая рука лежала вдоль туловища, левая согнута в локте и положена кистью на таз (рис. 1).

Сопровождающий погребальный инвентарь довольно многочислен и разнообразен: четыре глиняных сосуда, один из которых многогорлый (рис. 2), и кубок с резным орнаментом (рис. 3, *19*) находились справа от погребенного на уровне его колен, два других (рис. 3, *20*; рис. 4) — слева от черепа; деревянная чаша (рис. 3, *1*) — слева от черепа; две костяных орнаментированных пластинки (рис. 3, *12, 13*) — в районе таза; гвоздевидная железная булавка со шляпкой (рис. 3, *14*) — в районе таза; железный кинжал (рис. 3, *15*) — в районе пояса; мраморный оселок с отверстием (рис. 3, *18*) — у пояса; парные лопастевидные железные предметы (рис. 3, *16, 17*) и кремневый осколок — в районе таза.

Большой пятигорлый корчаговидный сосуд с сильно расширенными боками, в верхней части которых ниже перехода к горлу асимметрично расположены четыре вертикальных, чуть изогнутых к середине полых отростка в виде труб, соединяющихся с полостью сосуда (рис. 2, *1, 2*). Размеры сосуда (в см): высота — 33,5, диаметр венчика — 19, диаметр горла — 15, диаметр средней части — 39, диаметр дна — 12. Размеры четырех полых дополнительных труб (горлышек): высота — 7—9, диаметр — 6,5—7,5 см. Венчик у них оформлен в виде сердцеобразных овалов. В глине сосуда наблюдаются значительные примеси мелко толченного известняка; обжиг неоднородный, с темными и желтыми пятнами на поверхности и темным изломом черепка с более светлой прослойкой у поверхности. Толщина стенок сосуда — 0,8 см. Внутренняя поверхность заглажена водой, внешняя имеет хорошее черное лощение. На месте перехода от плечиков к горлу выделен небольшой уступ, ниже которого верхняя часть тулова орнаментирована широкими неглубокими каннелюрами. Ширина каннелюр — 2 см. Внешняя поверхность двух дополни-

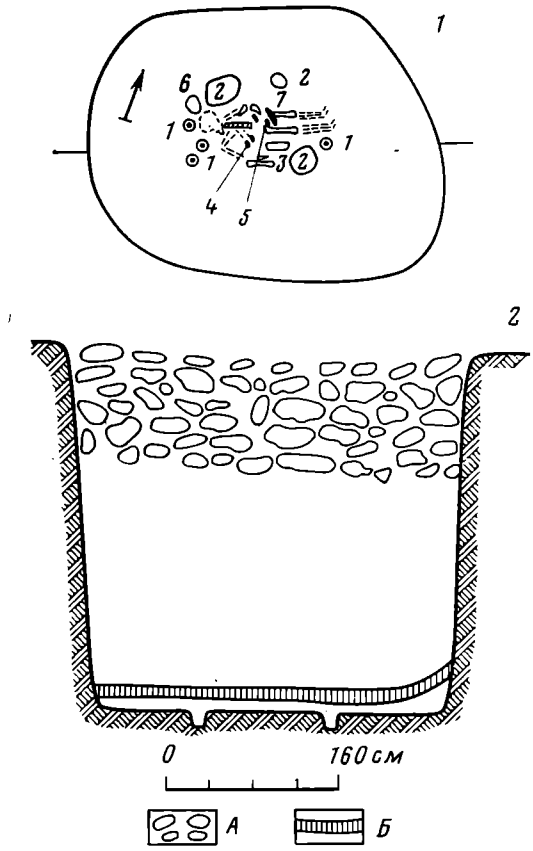


Рис. 1

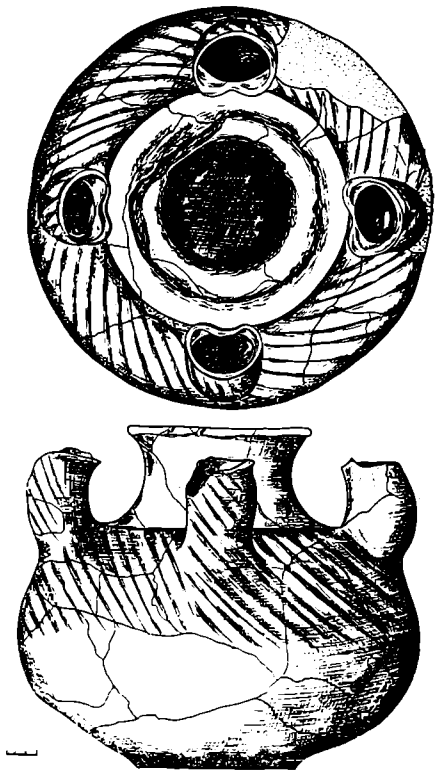


Рис. 2

Рис. 1. План (*1*) и разрез (*2*) погр. 1 в кург. 1 у с. Великая Александровка. *1* — ямы для столбов; *2* — развалы сосудов; *3* — костяные предметы; *4* — железные предметы; *5* — оселок; *6* — деревянная чаша; *7* — железный кинжал; *А* — камни; *Б* — остатки деревянного перекрытия

Рис. 2. Многогорлый сосуд из погребения у с. Великая Александровка

тельных горлышек труб также имеет косое рифление, а у двух других — гладкая. Ширина каннелюр на них — 1 см.

Лощеный приземистый кубок с округлым широким туловом и цилиндрическим, сравнительно невысоким горлом (рис. 3, *19*). Его размеры (в см): высота — 14,5, диаметр венчика — 10,5, диаметр горла — 8, диаметр наиболее широкой средней части тулова — 15,5, диаметр плоского дна — 7. Сосуд имеет два пояса резной орнаментации, разделенных в месте перехода от горла к тулову полосой в 1 см. Верхний пояс орнаментации нанесен на горло и состоит из треугольников, направленных вершинами вверх и опирающихся своими основаниями на горизонтальную линию. Нижний пояс орнаментации состоит из двух рядов, верхний из которых представляет собой ряд треугольников, опущенных вершинами вниз. Нижний ряд — зигзагообразная полоса, заполненная вертикальными линиями, окаймляющая ряд треугольников, от которых она отделена небольшим свободным пространством. Треугольники внутри заполнены последовательно уменьшающимися треугольниками.

Приземистая корчага с почти шаровидным туловом и цилиндрическим горлом (рис. 3, *20*). Ее поверхность только заглажена водой по сырой глине и в отличие от других сосудов не имеет лощения. В глине заметны примеси мелко толченной ракушки, выгоревшие следы от которой хорошо видны и на поверхности. В изломе масса черепка серая, поверхность желтовато-серого цвета. Размеры сосуда (в см): высота — 25, диаметр венчика — 13,5, диаметр горла — 11, диаметр наиболее широкой средней части тулова — 27,5, диаметр дна — 12 см.

Высокогорлый корчагообразный сосуд с сильно расширенными боками, на наиболее широкой части которых сделаны четыре конических на-

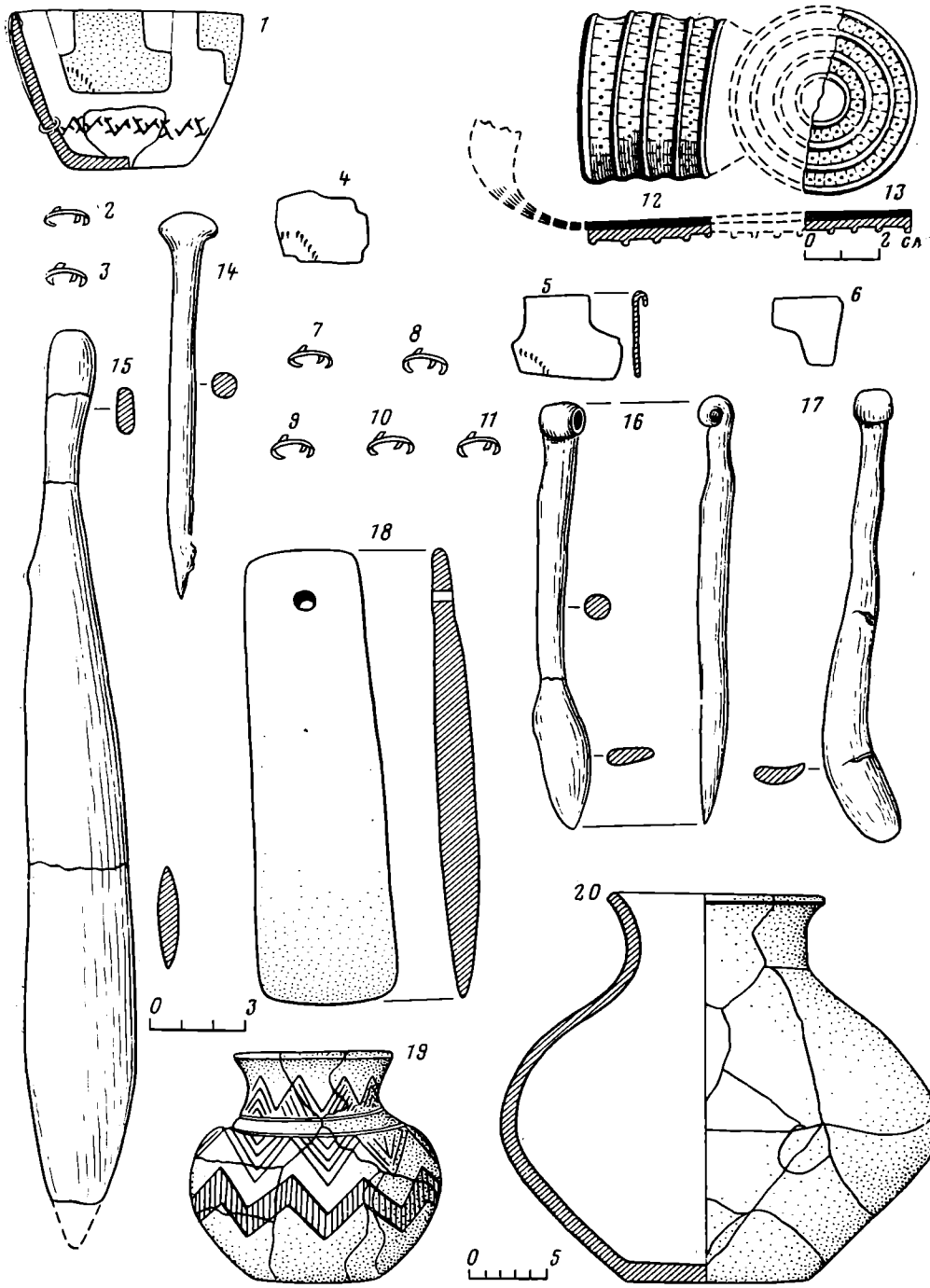


Рис. 3. Инвентарь из погребения у с. Великая Александровка. *1* — деревянная чаша; *2*, *3*, *7—11* — бронзовые заклепки от деревянной чаши; *4—6* — бронзовые пластинки от деревянной чаши; *12*, *13* — обломки костяной пластинки и бляшки; *14* — железная булавка; *15* — железный кинжал; *16*, *17* — железные предметы; *19*, *20* — глиняные сосуды

лепа, расположенных несколько асимметрично по четырем сторонам от горла (рис. 4). Размеры сосуда (в см): высота — 26,5, диаметр венчика — 19, наименьший диаметр горла — 12,5, диаметр тулова — 28, диаметр дна — 10. В глине заметны примеси мелко толченного известняка, обжиг неравномерный, черепок в изломе — черного и желтоватого тона. Вся внешняя поверхность сосуда имеет черное лощение, а на широкой средней части тулова нанесен резной орнамент. Он состоит из четырех полос неодинаковой длины, расположенных горизонтально между коническими налепами. По заполнению орнаментации полосы разделяются на две группы, по одной длинной и короткой в каждой. В первой группе орнамент состоит из чередующихся остриями вниз и вверх треугольни-

ков. заполненных сетчатым фоном и разделенных между собой полосами свободного пространства, в крайней из которых имеются углубления, заполненные белой пастой. Во второй группе орнамент также состоит из чередующихся остриями вниз и вверх треугольников, но разделенных зигзагами полос, заполненных внутри прямыми параллельными линиями, либо без них. Во второй группе внутреннее пространство треугольников свободно и лишь у одного заполнено сетчатым орнаментом. Обе группы орнаментальных полос объединены между собой помещенными над ними круглыми углублениями в виде крупных точек, сгруппированных по три и заполненных белой пастой. Орнамент из заполненных резным сетчатым фоном или параллельными линиями треугольников и овалов нанесен и на конические выступы-налепы (рис. 4, *а—в*).

Небольшая коническая деревянная чаша (рис. 3, 1), размеры которой следующие (в см): высота — 5,5, диаметр верхней части — 7,5, диаметр дна — 3, толщина стенок — 0,3—0,4. Верхняя ее часть окована фигурными бронзовыми листами составляющими полумеандровый орнамент (рис. 3, *4—6*). На листах металлической оковки видны следы гравировки короткими рисками в линию, составляющую четверть круга. Нижняя часть чаши также украшена узкими полосками металла длиной 1,2, шириной 0,1 см, составляющими полосу зигзагов (рис. 3, *2, 3, 7—11*). По обеим сторонам каждой металлической скобы сделаны выступы-отростки, придающие орнаменту сложный вид.

Обломок изогнутой небольшой костяной пластинки, на которой сделаны углубленные полосы примерно одинаковой ширины, разделенные небольшими валиками (рис. 3, *12*). Полосы орнаментированы по краям рядами черточек, разделенных точками и заполненных красной охрой. Размеры обломка (в см): длина — 4,5, ширина — 3,3, толщина — 0,4. На оборотной стороне пластинки сохранились следы от кожи.

Обломок круглой костяной бляшки с концентрическими кругами, разделенных валиками (рис. 3, *13*). Полосы кругов заполнены орнаментом аналогично описанному на костяной пластинке. На бляшке орнамент также затерт охрой, и на оборотной стороне видны следы от кожи. Размеры бляшки: диаметр — 5, толщина — 0,4 см. Описанные обломки, вероятно, являются частями одной пряжки.

Железная гвоздевидная булавка со шляпкой (рис. 3, *14*). Ее длина — 12, диаметр стержня — 0,7, диаметр шляпки — 1,2 см.

Железный кинжал продолговато-листовидной формы с длинным черенком (рис. 3, *15*). Размеры кинжала (в см): длина — 29,5 (конец клинка обломан), длина черенка — 5, длина клинка — 24, ширина клинка — 3, толщина линзовидного в разрезе клинка — 0,7, толщина плоского черенка — 0,5.

Точильный, прекрасно отшлифованный брусок из белого мрамора, по-видимому, средиземноморского происхождения (рис. 3, *18*). Длина бруска — 14,4, ширина — 3,6—4,5, толщина — 1, диаметр отверстия для подвешивания — 0,6 см.

Два немного изогнутых железных предмета с откованной и закрученной в кольцо головкой (рис. 3, *16, 17*). Их длина — 13,7—14,4, диаметр головки — 1, ширина плоской лопасти — 2 см.

Довольно редким случаем для погребений раннежелезного века Северного Причерноморья следует считать наличие в одном комплексе сразу четырех глиняных сосудов. Среди них выделяется уникальный для этой территории многогорлый экземпляр (рис. 2). Сосуды, имеющие в верхней части тулова дополнительные сосудики или горла, относятся к типу «керносов». Считается, что впервые они появились в IV тыс. до н. э. в Восточном Средиземноморье и в небольшом количестве известны во многих культурах Европы начиная с эпохи энеолита [1, с. 289, рис. 8, *18*; 2, с. 168, рис. 10]. В раннежелезном веке находки «керносов» известны на территории Передней Азии, Ирана и Закавказья [3; 4, с. 94, рис. 19]. В Северном Причерноморье фрагменты «керносов» обнаружены в памятниках I в. н. э.— Золотой Балке и Любимовском городище [5, с. 90]. В общем редко встречающиеся находки таких сосудов относят

к категории малоизвестных атрибутов древнегреческих земледельческих культов (Панспермии, Элевсинские мистерии), уходящих в глубокую древность бронзового века. «Керносы» находили на территории Греции, в Подунавье, в том числе и в культурах фракийского гальштата [6]. По сообщению Г. И. Смирновой и Г. Т. Ковпаненко, обломки такого сосуда обнаружены при раскопках поселения чернолесского типа в Комарово Черновицкой обл.

Редкие находки многогорлых сосудов, имеющих широкий хронологический диапазон, на различных удаленных территориях, использование в каждом случае для их создания определенных форм, присущих конкретным культурам, вряд ли помогут в определении культурно-хронологического места погребения из кургана у с. Великая Александровка. Здесь более важным, на наш взгляд, оказывается изучение общей формы сосуда, его технологии и техники орнаментации. Форма приземистой корчаги в сочетании с черным лощением поверхности и применением косых каннелюр характерна прежде всего для культур фракийского гальштата Подунавья, особенно культуры Бабадаг в Румынии [7, с. 101—132; 8, с. 21, рис. 14, *22*]. Лощеное каннелирование или рифление поверхности является традиционным приемом обработки поверхности керамики в Центральной и Юго-Восточной Европе с эпохи энеолита и получило особое распространение в культурах фракийского гальштата раннежелезного века. В Северном Причерноморье косые каннелюры начали применяться на посуде белозерского типа [8, с. 50, рис. 13, *9*]. Чисто фракийским явлением можно считать оформление дополнительных четырех горлышек венчиками в виде сердцеобразных овалов. Особенно широко применялось такое оформление на керамике гава-голиградского комплекса [9, с. 18—32]. Встречается оно и на керамике Медиаша в Трансильвании [10, с. 91, рис. 6, *1*], могильника Фериджеле в Олтении [11, рис. 4, *2*]. Определенное сходство «кернос» из Великой Александровки имеет с вазой из гальштатского могильника знати (кург. 6) у Нови-Козариска возле Братиславы в Чехословакии [12, табл. 28, *2*], где в одном кургане обнаружено более 70 сосудов. Среди них — несколько «керносов».

Корчага с резным орнаментом и большими налепами из описанного погребения (рис. 4) также является редкой находкой в Северном Причерноморье, хотя применение налепов на керамике встречается на посуде чернолесской культуры [13], на керамике белозерского типа и сосудах из киммерийских погребений [8, с. 47, рис. 12, *4*; с. 67, рис. 22, *1*, *2*; 13, с. 27, рис. 3, *6*]. Наиболее близкие формы посуды с такими же налепами характерны для Балкано-Дунайского района [14, с. 28, рис. 1]. Сосуды подобной формы с территории Болгарии и Румынии, иногда называемые «букель-керамика», находят наибольшее сходство с керамикой из слоя VII B_2 Трои и являются основанием для синхронизации ряда памятников Юго-Восточной Европы и Малой Азии [15—17].

Однако наибольшие аналогии как по форме, так и по общей композиции, деталям, расположению резного орнамента корчага (рис. 4) и кубок (рис. 3, *19*) находят в керамике жаботинского типа [18, с. 69, рис. 4, *2*, *3*, *11*]. Широкое распространение такая посуда имеет в составе инвентаря раннекочевнических или киммерийских погребений степной полосы Северного Причерноморья [8, с. 62—67; 13, с. 32, рис. 6, *9*, с. 40, рис. 13; 18, с. 132, рис. 15].

Находки деревянных сосудов в степях Северного Причерноморья известны в погр. 5 Высокой Могилы [13, с. 31], погр. 11 у хут. Верхнеподольного [13, с. 37], погр. 2 кург. 1 у с. Калиновка [13, с. 47], детском погребении у хут. Ширванка [13, с. 63]. Большинство из них также оковано бронзовыми, иногда золотыми пластинками.

Наиболее близкими аналогиями железному кинжалу из погребения у с. Великая Александровка (рис. 3, *15*; рис. 5, *3*) являются железный кинжал (рис. 5, *1*) из кургана у с. Енджа в Болгарии [14, с. 85, рис. 34, *3*], бронзовый кинжал (рис. 5, *2*) из погр. 5 Высокой Могилы [13, с. 32, рис. 6, *1*]. Кинжал из Енджи имеет длину 40,5 см, а из Высокой Могилы — 23,8 см.

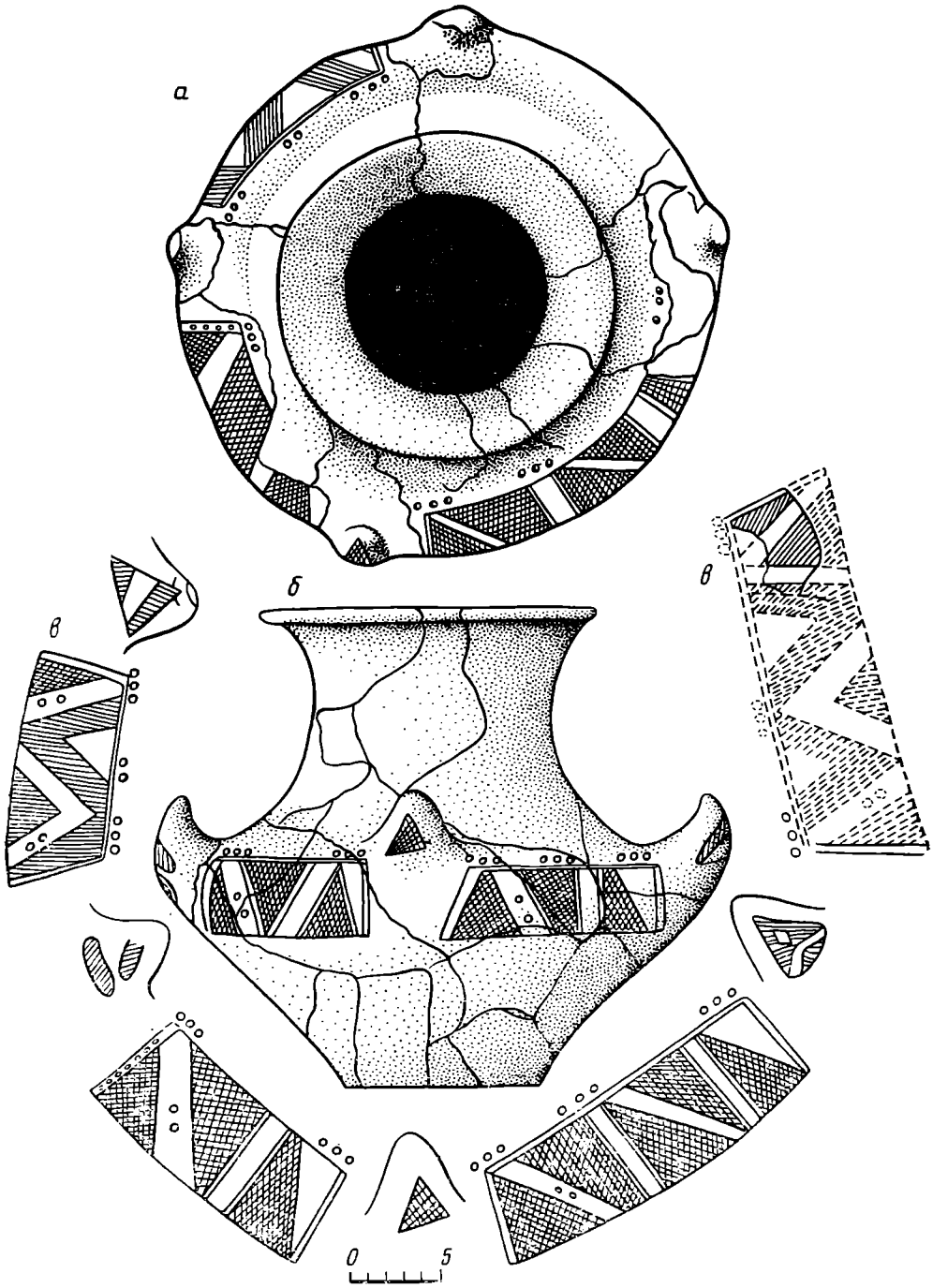


Рис. 4. Сосуд из погребения у с. Великая Александровка

Железная гвоздевидная булавка из погребения в кургане у с. Великая Александровка относится к числу распространенных предметов в памятниках раннежелезного века Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. Генетически такие булавки восходят к подобным предметам бронзового века. В Северном Причерноморье негатив гвоздевидной булавки находится на литейной матрице Красномаяцкого клада [19, с. 103, рис. 8, *4*].

Определенные сложности вызывает определение функционального назначения пары железных предметов с небольшой лопастью на одном конце и петелькой на другом (рис. 3, *16*, *17*). Парность этих предметов, а также общая форма, напоминающая псалии из памятников новочеркасского типа, однако, не могут быть основанием для определения их

как псалий. В них отсутствуют отверстия в средней части, необходимые для крепления с удилами и ремнями оголовья. С другой стороны, распространенные в памятниках раннего железного века Европы железные ножи с рукояткой, имеющей откованную петельку, нельзя принять в качестве аналогичных предметов, поскольку великоалександровские изделия не могут выполнять функции ножей по оформлению и толщине лезвийной части. Далекая по времени, однако полная им аналогия находится в пластинчатых железных кресалах раннего средневековья с петелькой для подвешивания [20, с. 144, рис. 36]. Вполне определенное отношение к огниву имеет и кремневый осколок, найденный вместе с лопастевидными железными предметами. А. Х. Халиков отмечает частые находки осколков кремней в Старшем Ахмыловском могильнике, где они иногда встречаются вместе с коррозированными остатками железных кресал, которые иногда сделаны из обломков ножей [21, с. 155].

Точильные бруски одинаковой формы являются наиболее распространенной находкой не только в степных погребениях раннежелезного века, но и во многих культурах этой эпохи Евразии. Необычным в описываемом погребении является материал, из которого изготовлен точильный брусок, не имеющий хороших абразивных качеств. Также из необычного материала (полупрозрачный кварцит) изготовлен точильный брусок из погр. 2 Высокой Могилы [13, с. 31]. Такие необычные, хорошо отшлифованные бруски, скорее, играли декоративную роль в парадном снаряжении древних воинов.

Определенный интерес представляют и орнаментированные костяные предметы. Орнамент их сходен с орнаментом на бронзовых предметах в культурах фракийского гальштата (рис. 5, *8*), например в Руска Бяла в Болгарии [14, с. 110, табл. 45, *8*]. Концентрические круги часто применяются в орнаментации керамики культуры Бабадаг (рис. 5, *18*). Этот же мотив употребляется и на металлических круглых бляшках гальштатских культур (рис. 5, *9*). Такие бляшки известны из Бычьей Скалы в Чехословакии [22, табл. 21], в кладе VIII в. до н. э. (HB_3) Череуша из Трансильвании [23, с. 355, табл. 364, *4*].

Находят аналогии в орнаментике гальштатских культур отдельные детали орнаментов и мотивы на круглых бляшках с территории Восточной Европы. Так, ряды окаймляющих точек на бляшке из Высокой Могилы (рис. 5, *7*) и из Михалковского клада (рис. 5, *10*), а также ряды полуовалов составляют характерную черту в декорировании керамики культуры Бабадаг (рис. 5, *15—17*) [24, табл. VI, *1*, *3*, *6*]. Явно фракийского происхождения круглая бляшка со спиральным орнаментом (рис. 5, *11*) из Ситняжки [13, с. 76, рис. 42, *3*]. Подобный орнамент является наиболее распространенным и характерным для металлических и костяных изделий Карпато-Дунайского района с эпохи бронзового века. В раннем железном веке он часто применяется в орнаментации и даже конструкции металлических изделий (рис. 5, *14*), известных по металлическим кладам VIII—VII вв. до н. э. в Румынии [23, с. 37, рис. 394, *1*, *2*, с. 368, рис. 391, *1*, с. 366, рис. 385, *1—3*]. Редкое употребление спирального орнамента зафиксировано и на металлических пряжках кобанской культуры (рис. 5, *12*, *13*), что связано, очевидно, с влиянием культур фракийского гальштата через территорию Северного Причерноморья [25, табл. 30, *12*, *13*]. Поэтому абсолютно справедливой является критика А. И. Мелюковой [8, с. 70] взглядов А. И. Тереножкина относительно независимого происхождения киммерийского искусства [13, с. 173 и сл.]. Орнамент на киммерийских изделиях, по ее мнению, «ближе всего к излюбленным мотивам, издавна свойственным западным соседям киммерийцев» [8, с. 70].

По набору погребального инвентаря, обряду и типу сооружения рассмотренное погребение может быть отнесено, по классификации А. И. Тереножкина [13, с. 96, 193], к новочеркасской ступени киммерийской культуры в Северном Причерноморье (750—650 гг. до н. э.). Отличительной особенностью этой группы погребений является устройство глубоких ям значительных размеров, впущенных в насыпи более древних курга-

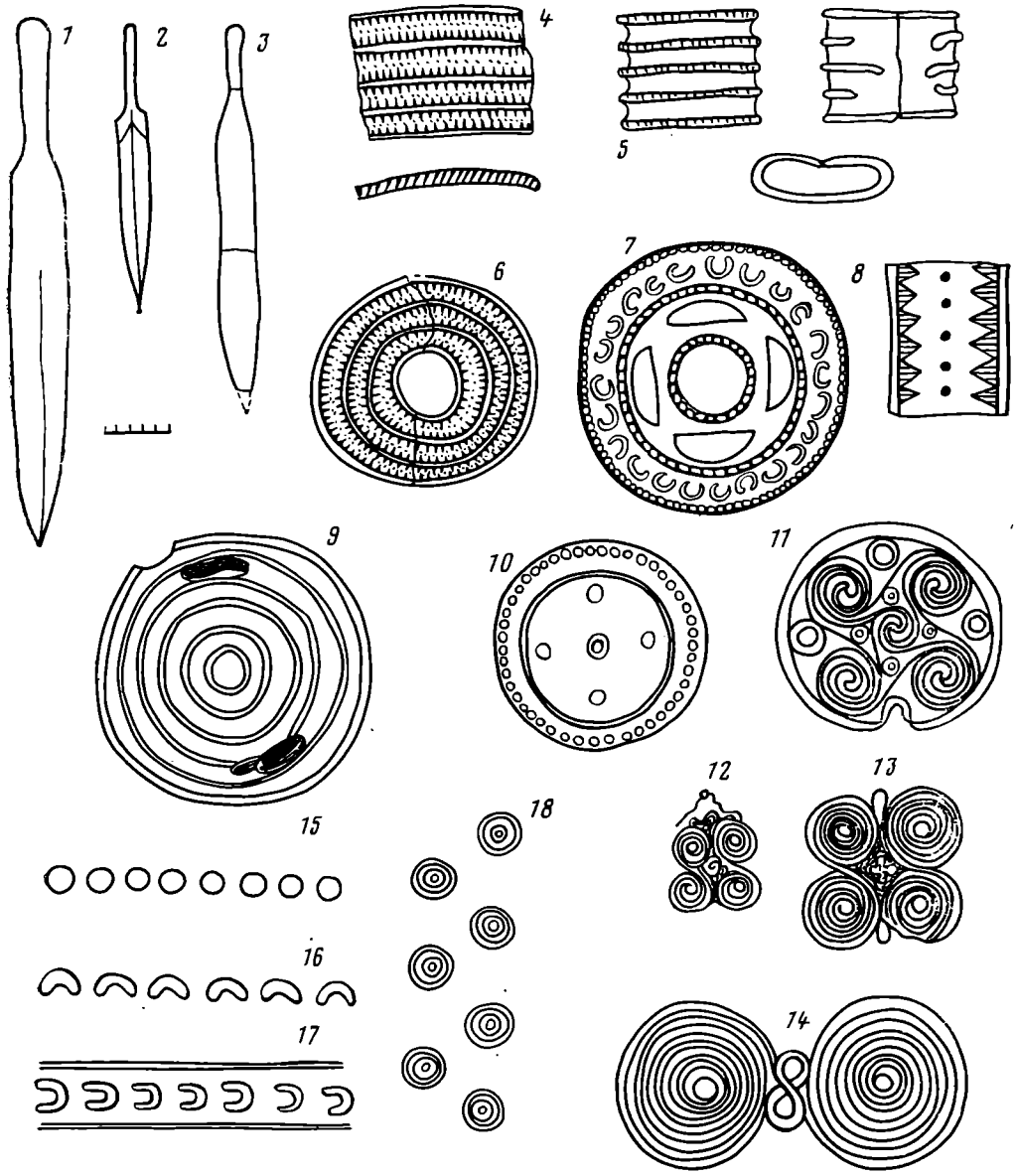


Рис. 5. *1* — Енджа (Болгария); *2*, *5*, *7* — Высокая Могила; *3*, *4*, *6* — Великая Александровка; *8* — Руска Бяла (Болгария); *9* — Бычья Скала (Чехословакия); *10* — Михалковский клад; *11* — Осипняжка; *12*, *13* — кобанская культура; *14* — Бильванешти (Румыния); *15—18* — культура Бабадаг (Румыния). *1—3* — железо; *2*, *8*, *9*, *11—14* — бронза; *4*, *6* — кость; *15—18* — керамика; *5*, *7*, *10* — золото

нов, каменных вымосток над погребениями и кромлехов вокруг них, а также вытянутое положение покойника с западной ориентировкой. К этой группе А. И. Тереножкиным [13, с. 96] отнесено 36 захоронений, для 13 из них были известны сведения об устройстве погребальных сооружений. На рис. 6 мы приводим данные о распространении на территории Восточной Европы погребений с обрядом вытянутого положения костяков. Во многих погребениях отмечается наличие деревянных конструкций или перекрытий.

Кроме киммерийских или предскифских погребений степной полосы в эту группу, вероятно, можно включить и погребения лесостепной полосы, относимые исследователями к доскифскому периоду [18, с. 79 и сл.; 26, с. 123]. Речь идет о впускных погребениях в курганы бронзового века в бассейнах рек Тясмин (кург. 174 на р. Тенетинка, кург. 9 у с. Константиновка) и Рось (курганы у с. Зеленки, Кагарлыка, Россавы и Берестняги). Для них во многом характерны тот же погребальный обряд и инвентарь. Погребение у с. Великая Александровка сближает с лесостепными и наличие следов огня в могиле. В. А. Ильинская

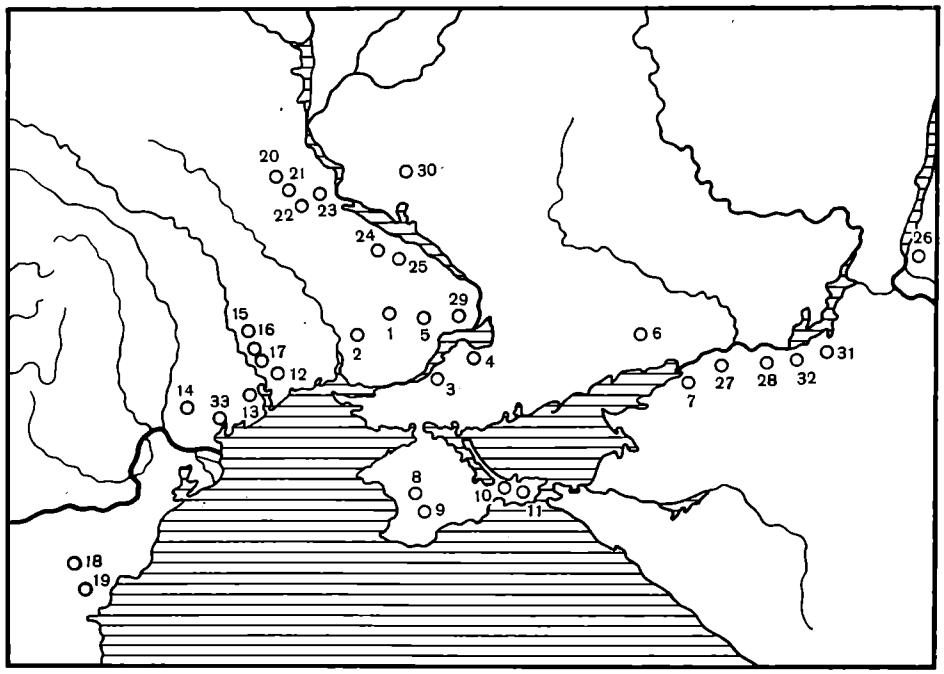


Рис. 6. Карта распространения доскифских (киммерийских) погребений с вытянутым положением костяка. *1* — Великая Александровка; *2* — Калиновка; *3* — Софиевка; *4* — Балки (Высокая Могила); *5* — Кут; *6* — Васильевка; *7* — хут. Алитуп; *8* — Зольное; *9* — Марьино; *10* — Зеленый Яр; *11* — Луговое; *12* — Маяки; *13* — Пивденное; *14* — Огородное; *15* — Тирасполь; *16* — Парканы; *17* — Суклея; *18* — Белоградец; *19* — Енджа; *20* — Кагарлык; *21* — Зеленки; *22* — Россава; *23* — Берестняги; *24* — Константиновка; *25* — Тенетинка; *26* — Верхнепогромное; *27* — хут. Верхнеподольный; *28* — хут. Веселый; *29* — Никополь; *30* — Перещепино; *31* — Саркел; *32* — Ст. Соленовская; *33* — Суворово (по А. И. Тереножкину, В. А. Ильинской, Г. Т. Ковпаненко)

[18, с. 132] включает находки корчаг и лощеных кубков с резным орнаментом в степных погребениях в единую жаботинскую группу, считая их распространение в степной зоне фактом влияния лесостепного населения на степные племена Северного Причерноморья [18, с. 168]. Действительно, чернолощеная посуда жаботинского типа имеет много общего со степной подобного типа. Однако направление этого влияния, вероятно, носит обратный характер. Скорее всего, находки погребений доскифского периода с набором конского снаряжения свидетельствуют о проникновении степного населения в лесостепь.

Можно также отметить некоторые различия в сходных формах корчаг и кубков лесостепных и степных памятников. Если у лесостепных корчаг высота равна наибольшей ширине тулова или даже несколько меньше, то у степных корчаг и кубков высота всегда меньше. Такая пропорция степных типов керамики сближает их с посудой фракийского гальштата Нижнего Подунавья. Попытки А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской объяснить распространение лощеной посуды с резным геометрическим орнаментом среди степных племен Северного Причерноморья исключительно влиянием лесостепных культур позднебронзового и раннежелезного веков не находят должного обоснования [19, с. 130; 27, с. 81]. В связи с изложенным нам представляется наиболее убедительной точка зрения А. И. Мелюковой [8, с. 32, 42], объясняющей ее появление результатом связей с культурами фракийского гальштата. Фракийские элементы, проявляющиеся в белогрудовской и чернолесской культурах, могли попасть в днепровскую лесостепь двумя путями: через культуры фракийского гальштата лесостепной Молдавии и степную зону Северо-Западного Причерноморья. Появление лощеной посуды в степной зоне Северо-Западного Причерноморья отмечено довольно рано. Так, лощеные кубки известны для сабатиновских памятников [28, с. 127, рис. 29, 7]. Резной геометрический орнамент на кубках и появление лощеных корчаг в Северо-Западном Причерноморье относятся ко времени появления

памятников белозерского типа эпохи поздней бронзы [8, с. 45, рис. 10, *7*, *12*; 29, с. 98, рис. 3, *11—15*, *18*, *20*; 30, с. 48—49, рис. 2]. Все это указывает на довольно тесные связи степной зоны Северного Причерноморья с культурами балкано-дунайского круга, отношения с которыми, как показывают материалы погребения в кургане у с. Великая Александровка, не прерывались и в раннем железном веке.

Отмеченные аналогии вещам из погребения у с. Великая Александровка, а также отнесение его к группе погребений новочеркасской ступени (750—650 гг. до н. э.), по А. И. Тереножкину, позволяют в основном датировать его VIII — началом VII в. до н. э. Однако следует заметить, что произведенное А. И. Тереножкиным [13] расчленение позднекиммерийских погребений на черногоровскую и новочеркасскую ступени нуждается в дальнейшей разработке, так как в скорченных погребениях черногоровской ступени (900—750 гг. до н. э.) и вытянутых погребениях новочеркасской ступени (750—650 гг. до н. э.) погребальные сооружения и инвентарь часто бывают одинаковыми. Нуждается в разработке и проблема появления вытянутых погребений раннежелезного века в степях Восточной Европы. Попытка объяснения появления обряда вытянутых погребений, предпринятая А. М. Лесковым [31, с. 86—89] и А. И. Тереножкиным [13, с. 93], как постепенного перехода от «скорченных» к «вытянутым на боку» и далее к «вытянутым на спине», возможно, и имеет право на существование, но не может объяснить довольно резкое изменение погребального обряда и связанных с ним религиозных верований.

Выявление новых фракийских элементов в памятниках раннежелезного века Северного Причерноморья имеет существенное значение для исследования в целом комплекса фрако-киммерийских древностей, изучения связей степных племен с Центральной и Юго-Восточной Европой, для решения проблем контактов древнего населения Кавказа с Подунавьем, осуществлявшихся через северопричерноморские степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sochacki Z.* Kultura keramiki promienistej w Europie. Warszawa, 1980.
2. *Маркевич В. И.* Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1981.
3. *Vanderberghe L.* La necropole de Khurvin. Istanbul, 1964.
4. *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977.
5. *Амирханов А. М.* К вопросу о сосудах типа кернос.— В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых. Киев, 1981.
6. *Gedl M.* Epoca brazu i wczesna epoka zèlaza w Europie.— Archeologia pierwotna i wczesnoireniowieczna, № 3. Krakow, 1980.
7. *Morintz S.* Quelques problemes concernant la periode ancienne du Hallstatt au Bas-Danube à la buniere des foulles de Babadag. Dacia. N. S., 1964, t. 8.
8. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
9. *Смирнова Г. И.* Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпаткого бассейна.— АСГЭ, 1976, вып. 17.
10. *Zaharia E.* Remarques sur le Hallstattancien de Transylvanie. Foulles et trouvailles de Medias.— Dacia, N. S., 1965, t. 9.
11. *Vulpe A.* Necropola Hallstattianâ de la Ferigile. Bucureşti, 1967.
12. *Pichlerova M.* Novè Kosariskà. Kniezacie mohyly zo starsej doby żeleznej. Bratislava, 1969.
13. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
14. *Tonceva G.* Chronologie du Hallstatt ancien dans la Bulgarie de Nord-Est.— Studia Thracica, Sofia, 1980, № 5.
15. *Dimitrov D. P.* Troja VII B_2 und die Thrakischen und Mosischen Stamme auf dem Balkan.— Studia Balkanica, 1971, t. V.
16. *Димитров Д. П.* Троя VII B_2 и балканите и мизийските племена.— Археология, 1968, № 3.
17. *Stefanovich M.* The Possible Origins of the Knobbed Ware in Troy VII B_2.— Thracia, 1974, t. III.
18. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975.
19. *Черняков И. Т.* Красномаяцкий клад литейщика.— КСОГАМ, 1965.
20. *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М.: Наука, 1982.
21. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII—VI вв. до н. э. М.: Наука, 1977.

22. *Nekvasil J.* Kuiziei pohreb v jeskyni Byci Skala. Brno — Bratislava — Praha, 1969.
23. *Petrescu-Dimbovita M.* Depozitele de bronzuri din Romania. Bucurest, 1977.
24. *Hansel B.* Beitrage zur Regionalen und Chronologischen Gliederung der alteren Hallstattzeit an der Unteren Donau. T. I—II. Bonn, 1976.
25. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант.— САИ, 1982. вып. В2-5.
26. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР, 1961.
27. *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наук. думка, 1981.
28. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.
29. *Ванчугов В. П.* Поселение конца позднего бронзового века Ялпуг IV в Нижнем Подунавье.— В кн.: Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
30. *Ванчугов В. П.* О появлении корчаг в памятниках эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья.— В кн.: Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
31. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— МИА, 1971, № 177.

A. I. Kubyshev, S. V. Polin, I. T. Chernyakov

AN EARLY IRON AGE BURIAL ON THE INGULETS RIVER

Summary

An Early Iron Age secondary burial was studied in 1981. It is found in a barrow dated to the Eneolithic and the Bronze Age at the Velikaya Alexandrovka village, Kherson Region, on the left bank of the Ingulets River. The burial pit was filled in with rubble and coverel with wooden planks resting on pillars (Fig. 1). The burial was west-oriented. Four earthenware vessels (Figs. 2; 3, *19*, *20*; 4) a wooden bowl (Fig. 3, *1*), bone plates (Fig. 3, *12*, *13*), an iron pit (Fig. 3, *14*), a dagger (Fig. 3, *15*) and a marble grindstone (Fig. 3, *18*) were found. Shapes and ornaments of the vessels and bone objects have analogies among archaeological finds from the Thracian Hellstatt sites (Fig. 5). A rare example of the kernos-type vessel attracts attention (Fig. 2). The burial is referred to the Novocherkassk group of Cimmerian burials in the Northern Circumpontic region dated between 750 and 650 B. C. (Fig. 6) which was identifed by A. Terenozhkin (13). The Thracian-Cimmerian ties are archaeologically supported by the Thracian elements in Early Iron Age burials.

РЫЖОВ С. Г.

ДОМ IV—III ВВ. ДО Н. Э. В ХЕРСОНЕСЕ

Сведения о жилых постройках Херсонеса первых пяти столетий его жизни очень скудны: сохранились фундаменты девяти домов в районе Северного берега, а также остатки двух жилых построек, раскопанные Р. Х. Лепером в 1908—1913 гг. в северо-восточной части города [1, с. 47, 131; 2, приложение, л. 3; 3, с. 87, рис. 18; 4, с. 120; 5, с. 141; 6, с. 143; 7, с. 258]. Это, естественно, не дает полной картины городской планировки и застройки, но позволяет хотя бы частично восстановить архитектурный облик жилых домов и социальную принадлежность их обитателей.

Реконструкция жилых домов Херсонеса IV—III вв. до н. э. вследствие их малочисленности ограничивалась главным образом выяснением их планировки, ордера и отдельных конструкций того или иного здания. Объемные же их решения из-за скудости имевшейся информации оставались, как правило, неясными. Правда, подобные попытки все же предпринимались С. Ф. Стржелецким, А. Н. Щегловым, Б. Н. Федоровым [8, с. 13; 9, с. 30, 31]. Последний предложил реконструкцию двух эллинистических домов, расположенных в северном районе Херсонеса, классифицировав их как пастадные, фасад которых был выполнен в виде простого понического портика. Рассмотренные им дома относятся ко времени расширения города в III в. до н. э. и были, судя по их размерам, жилищами средних слоев городского населения.

В центральных районах города, примыкавших к Главной улице площади, скорее всего, были сосредоточены общественные постройки и дома зажиточных горожан. Особенно интересно здание, раскопанное Р. Х. Лепером в 1908—1909 гг. во II квартале северо-восточного участка Херсонеса, которое он классифицировал как общественное сооружение, возможно булевтерий или пританейон [2, с. 51]. По его мнению, здание полностью занимало весь квартал. Поскольку остатки стен из крупных рустованных блоков прослеживались под фундаментами средневековых усадеб, это помешало исследователю заметить границы более ранней постройки (рис. 1).

Работами 1978—1980 гг. установлено, что в эллинистическое время тут находились два жилых дома, имевших общую стену, которая делила квартал приблизительно на равные части — по 625 м². Один из домов занимал северную, а другой — южную половину квартала, выходя фасадом на Главную улицу города [10]. С боков их ограничивали II и III поперечные улицы; входы в дома с остатками порогов обнаружены в западной стене, т. е. с поперечной улицы (рис. 2).

Таким образом, площадь квартала конца IV в. до н. э. равнялась 1250 м². Для большинства городов эллинистического времени кварталы площадью от 1000 до 1600 м² с двумя — четырьмя домами были обычным явлением [11, с. 51], хотя некоторые участки эллинистических кварталов Херсонеса — с двумя-тремя домами — занимают гораздо меньшую площадь (240—650 м²) [12, с. 14; 13, с. 222].

Рассматриваемая нами постройка занимает площадь в 648 м², что намного больше домов эллинистического времени, открытых в северном районе Херсонеса [7, с. 257, 258]. Реконструируемое здание в этом отношении ближе к ордерным домам Делоса, Приены, Ольвии [11, с. 51; 13, с. 219—226], Олинфа [14, с. 54—59], да и тщательность отделки стен дома, построенного из крупных рустованных блоков, указывает на то,

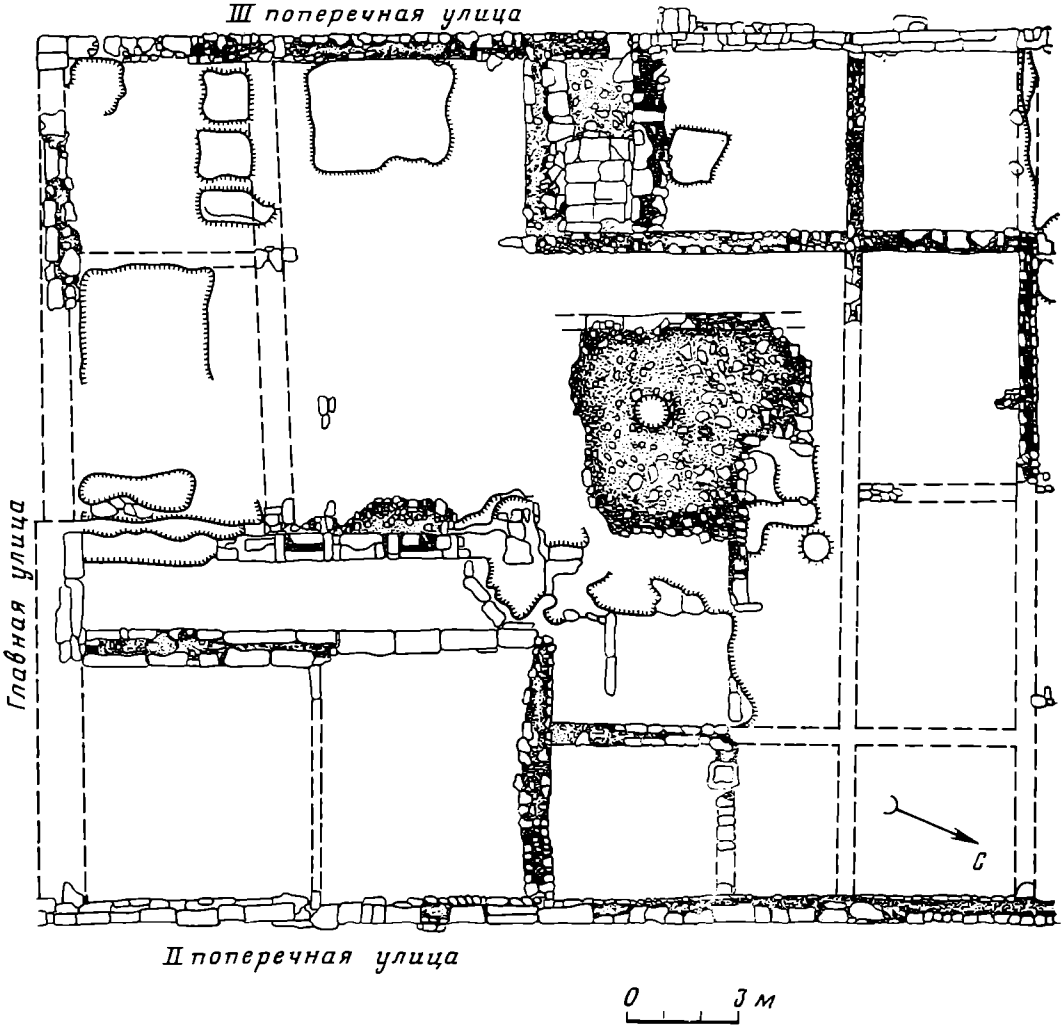


Рис. 1. План дома IV—III вв. до н. э. после раскопок

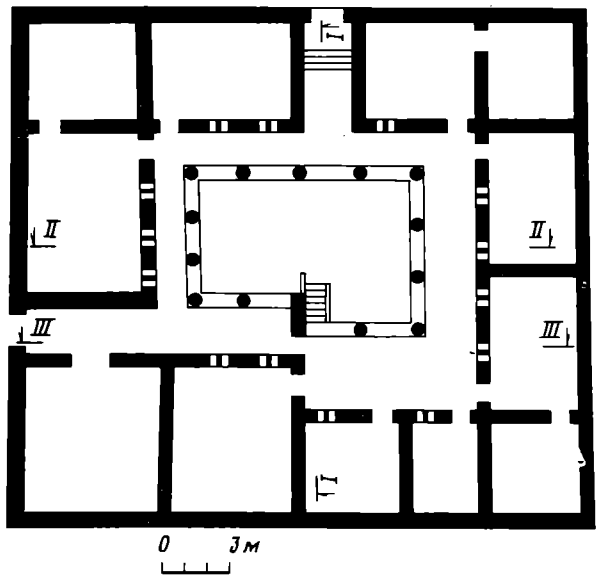


Рис. 2. План дома IV—III вв. до н. э., реконструкция

что он принадлежал зажиточному человеку. В такой технике в Херсонесе построены так называемая «казарма», монетный двор и оборонительные сооружения [15, с. 202], а также несколько не полностью раскопанных домов в различных частях города, относящихся к концу IV — началу III в. до н. э.

Для определения числа домов и уяснения внутренней планировки в исследуемом нами квартале были выявлены путем раскопок их внутренние дворы. Последние занимали центральную часть каждого дома, несколько смещенную к югу за счет разной ширины их галерей. При такой планировке дом, находящийся в южном участке квартала, не закрывал от солнца стоявшее за ним здание, что позволяло разместить большинство

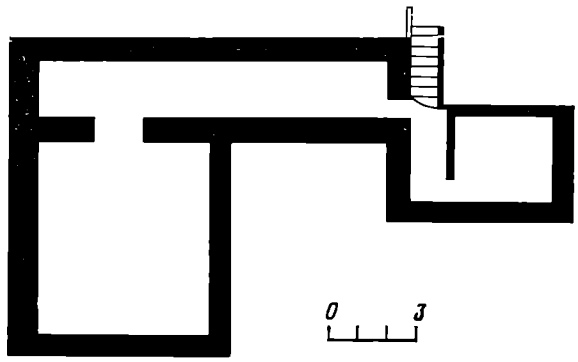


Рис. 3. План подвального этажа дома IV—III вв. до н. э.

жилых помещений фасадом на юг. Это не противоречит указанию Витрувия о том, что дома на севере следует строить так, чтобы жилые комнаты были обращены в южную сторону.

Остатки двух дворов, открытых внутри квартала, свидетельствуют, что в IV—III вв. до н. э. здесь стояли два дома, занимавшие примерно равные площади. На этот факт указывают два входа в дома со стороны III поперечной улицы, а также стык наружных стен со смежной стеной обоих зданий. Наружные стены дома, занимавшего северную часть квартала, на 15 см тоньше стен дома, примыкавшего к Главной улице города. Лучше сохранившиеся остатки дома и были взяты нами для реконструкции. Его размеры (27×24 м), расположение и внутренняя отделка свидетельствуют, что он принадлежал зажиточному горожанину. Только двор занимал площадь в 120 м², что составляет 18% от площади жилой застройки. Это характерно для эллинистических ордерных домов Пантикапея, Ольвии, Приены, Олинфа, в то время как в безордерных домах площадь дворов не превышает 40—60 м² [11, с. 46; 13, с. 222—226; 14, с. 157].

Вокруг двора были расположены жилые и хозяйственные помещения. Восточная часть дома имела подвальный этаж, состоявший из двух помещений, вырубленных в скале, соединенных между собой 12-метровым коридором шириной 1,8 м, который, несомненно, использовался и как дополнительная кладовая (рис. 3). Несмотря на то что подвальный этаж вырублен в скале, его стены были облицованы рустованными блоками больших размеров, аналогичными блокам панциря оборонительной стены города, построенной в конце IV — начале III в. до н. э.

Интересной особенностью входа в подвальный этаж является стена лестницы, ведущей в подвал, на которую опиралась северо-восточная колоннада перистиля: она смещена на 1,2 м в сторону подвала 1, расположенного в северном углу дома.

Для того чтобы сделать нормальной высоты дверь со двора в подвальный этаж, понадобился пилон, который частично перегородил коридор, образовав как бы дверной проем между северной частью подвала и южной. Ввиду такого конструктивного решения подвал 1 имеет площадь гораздо меньше подвального помещения, примыкающего к Главной улице. Если бы стена, на которую опирается колоннада, не была смеще-

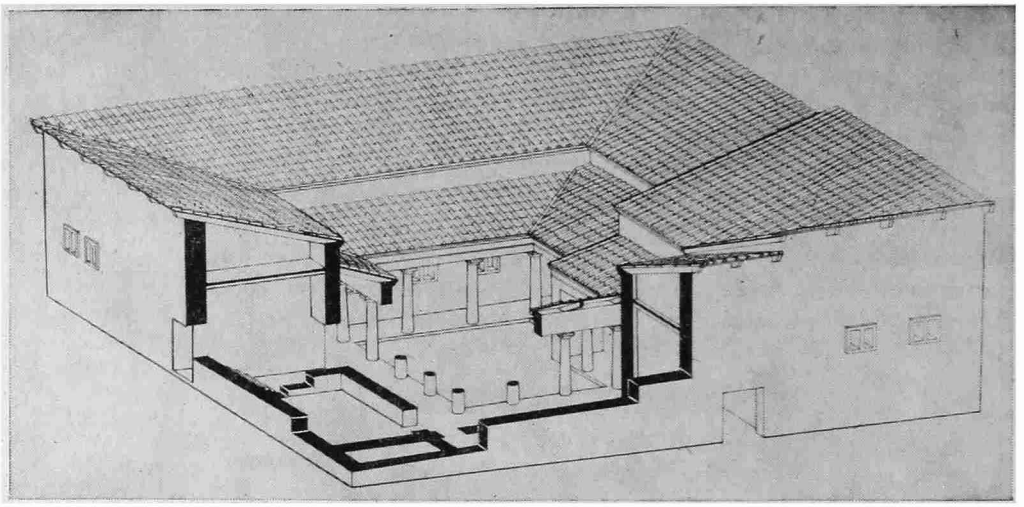


Рис. 4. Реконструкция дома IV—III вв. до н. э., аксонометрия

на у лестницы в сторону подвала, то необходимо было бы сделать слишком низкую дверь (1,15 м) или же придать очень большой уклон лестнице, вследствие чего вход в подвал начинался бы почти в центре двора.

Решение, которое приняли строители (сместили стену в сторону подвала 1), с одной стороны, уменьшило его размеры, а с другой — увеличило площадь двора. Это необходимо было сделать здесь еще и потому, что здесь, во дворе, находилась грушевидная цистерна для хранения воды, подход к которой требовал большего простора. Для того чтобы проем двери в подвал был достаточной высоты, две ступеньки лестницы, которые располагаются непосредственно под балкой, перекрывающей вход, достигают 30 см высоты, в то время как остальные — 15—17 см.

Из подвального этажа можно было попасть во двор, реконструкция которого дана на основе строительных остатков и архитектурных деталей, найденных здесь. К последним относятся дорическая капитель диаметром 366 мм из известняка и фуст колонны из того же материала. С западной стороны двора сохранилась лента каменного настила длиной 5,7 и шириной 0,6 м, служившая, очевидно, стилобатом колоннады, которая проходила, по-видимому, по периметру двора, поскольку отдельные камни того же настила найдены на других, соответствующих участках двора.

Все вышесказанное дает нам основание реконструировать двор как перистиль, вокруг которого располагались жилые, культовые и хозяйственные помещения (кладовые-подвалы) дома.

Крыша перистиля опиралась на 13 известняковых колонн, места установки которых и сами колонны, к сожалению, не найдены, за исключением небольшого обломка колонны, о котором говорилось ранее (рис. 4).

Следует отметить, что ширина галереи не везде одинакова: северная и восточная стороны, обращенные к солнцу, имели ширину 2,8 м, в то время как южная и западная (наиболее затемненные) не превышали 1,5—1,8 м. Аналогичное решение портика мы встречаем в Олинфе, в доме Доброй Судьбы [14, с. 56, рис. 85]. Торцовые стороны двора не равны, поэтому строители дома применили два размера интерколюмниев: 2 м на короткой южной стороне и 2,5 м на более длинной северной. Во двор попадали через два входа, оформленных в виде узких (1,7 м) коридоров, длина которых достигает 5,6 м. Один из них, как уже указывалось ранее, находился со стороны III поперечной улицы, а другой, с Главной улицы, по-видимому, проходил над коридором, соединявшим оба подвала. Перистильный двор с двумя длинными входами мы встречаем в доме Доброй Судьбы в Олинфе [14, с. 55, рис. 85] и в доме Трезубца в Делосе [16, с. 322—324, рис. 24 (4)]. На полу коридора с

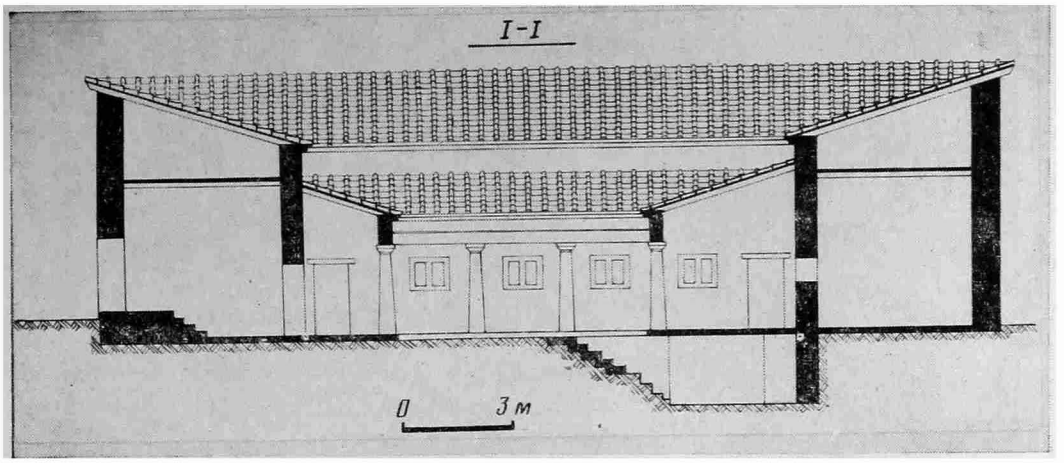


Рис. 5. Реконструкция дома IV—III вв. до н. э., разрез I—I

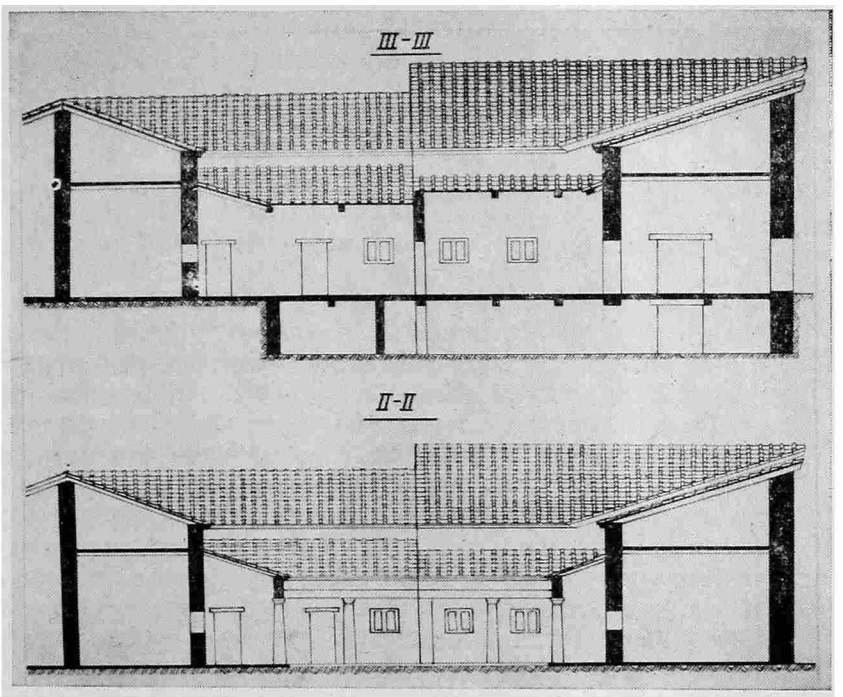


Рис. 6. Реконструкция дома IV—III вв. до н. э., разрезы II—II, III—III

III поперечной улицы сохранилась вымостка из тщательно обработанных известняковых плит. Это единственное в доме помещение с каменным полом. Если придерживаться вывода И. Дурма [14, с. 142], к которому присоединяется А. Н. Щеглов [9, с. 32, 17, с. 233], о принадлежности помещений с каменными полами кухням, то и наше следует классифицировать как таковое. Но размеры помещения, его интерьер, отсутствие предметов домашнего обихода, а также наличие двери прямо на улицу свидетельствуют не в пользу кухни.

Перед входом в дом с III поперечной улицы, на противоположной стороне двора, расположена лестница в подвальный этаж, над которым размещались, очевидно, хозяйственные помещения. Двери из них выходили в восточное крыло галереи. Функциональное назначение большинства из 12 помещений дома определить в настоящий момент не представляется возможным в связи с большими перестройками участка в более позднее время. Впрочем, северную и восточную части здания, скорее всего, занимали жилые комнаты, в то время как западная и южная были отведены под хозяйственные и производственные нужды. Наличие в доме

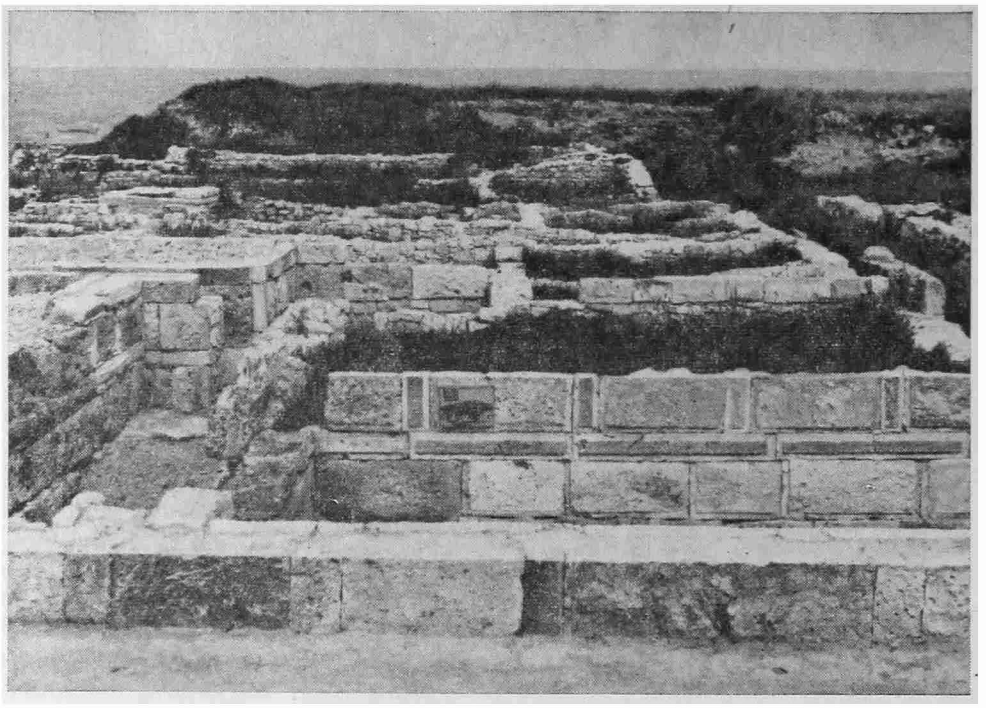


Рис. 7. Восточный угол дома IV—III вв. до н. э. после реставрации, подвальный этаж

огромных подвалов, площадью около 100 м² позволяет говорить о торговле как главном занятии хозяев дома. Если это так, то наиболее крупные помещения, примыкающие к Главной улице, могли быть отведены под лавки, о чем и свидетельствуют сами их размеры. Размещение торговых лавок в домах, фасады которых выходили на главную магистраль города, представляется вполне целесообразным, тем более что последняя соединяла центральную площадь Херсонеса с одним из самых зажиточных и наиболее густонаселенных районов города.

Таким образом, высказанное Р. Х. Лепером мнение, что это здание могло быть булевтерием, кажется нам несостоятельным (учитывая размер дома, его план, архитектурные и строительные остатки). Наличие подвалов только указывает на принадлежность дома частному лицу, поскольку мы не знаем ни одного общественного здания подобного типа.

Архитектурные детали, найденные при раскопках дома, позволяют восстановить архитектуру здания. В подвале 1 лежала дорическая капитель диаметром 366 мм. Исходя из расчетов Витрувия [12, с. 90], высота портика двора — 2,9—3,2 м, что соответствует ордерным домам Ольвии, которая находится приблизительно в равных климатических условиях с Херсонесом [17, с. 237; 18, с. 25].

Для определения количества колонн при известной нам длине и ширине двора прежде всего необходимо было определить интерколюмний, что довольно сложно в наших условиях, поскольку in situ не сохранилось никаких следов установки колонн. Данные расчетов (по Витрувию) при диаметре капители 366 мм дают высоту колонны 2,6 м. При такой же высоте аналогичные дома Ольвии и Олинфа [14, с. 55, 56] имеют интерколюмний от 1,7 до 3,2 м [11, с. 90]. Поскольку интерколюмний уже 1 м для портика в жилом доме слишком мал, а пролет в 3 м велик, наиболее приемлема ширина интерколюмния 1,5—2 м. В нашем случае интерколюмний в 2 м позволяет разместить на длинной стороне двора пять колонн, а на узких соответственно по четыре. Таким образом, для устройства перистильного двора необходимо было иметь 13 колонн.

Учитывая уклон кровель домов в городах Северного Причерноморья в 17—20° [11, с. 95; 17, с. 237] при толщине архитрава 0,3—0,4 м, можно предположить, что высота помещений дома могла составить 5,5—4 м.

Крыша его была черепичной и имела уклон в сторону двора. При таком устройстве кровли необходимо, чтобы наружные стены дома были гораздо выше несущих внутренних стен (рис. 5). Упомянутый уклон кровли (17—20°) приводит к тому, что высота наружных стен — около 5 м. Окна дома, скорее всего, так же, как и двери, выходили в галерею, т. е. внутрь двора, хотя возможен и тот вариант, что угловые помещения имели окна на боковые и Главную улицы. Возможно, что с Главной улицы был еще один вход в дом. Если таковой действительно имелся, он мог проходить над коридором подвала, поскольку при таком размещении входили в восточную часть крытой галереи (рис. 6, 7).

Найденные во время раскопок куски известковой штукатурки, окрашенные в красный и желтые цвета, свидетельствуют, что стены внутри помещений были оштукатурены и расписаны. Аналогичное цветовое решение интерьеров жилых домов обнаружено в Олинфе, Ольвии и Приене, где стены одной из комнат дома XXIII были отделаны чередующимися квадратами желтого и красного цвета [8, с. 13; 19, с. 256, 257]. Найденная при раскопках клейменая черепица синопского производства датирует время строительства здания концом IV — началом III в. до н. э. [20, с. 298]. Этому не противоречит и остальной керамический материал, найденный под фундаментом дома, а также архитектурные детали, в частности дорическая капитель.

Раскопки II квартала северо-восточного района дали важный материал по вопросу о градостроительстве Херсонеса конца IV — начала III в. до н. э. Они позволили установить размеры эллинистического квартала (65,7×24,6 м) и число стоявших в нем домов, а также решить вопрос архитектурного оформления жилья зажиточной прослойки жителей города. По-видимому, в соседних кварталах, примыкающих к Главной улице, были размещены аналогичные здания, но об этом можно будет судить только после дальнейших раскопок. Пока же можно говорить о том, что в эллинистическое время в Херсонесе бытовали все типы ордерных жилых домов. Наряду с пастадными [8, с. 13] как наиболее простыми в бедных кварталах города, находившихся дальше от центра, доминировали безордерные дома, в то время как его аристократическая часть была застроена ордерными домами перестильного типа, которые требовали гораздо большей площади и, естественно, затрат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Херсонесский сборник. Вып. III. Севастополь, 1930.
2. *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—36 гг. Симферополь, 1938.
3. *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948.
4. *Белов Г. Д.* Античный дом в Херсонесе.— ВДИ, 1950, № 2.
5. *Белов Г. Д.* Эллинистический квартал в Херсонесе.— ВДИ, 1956, № 3.
6. *Белов Г. Д.* Эллинистический дом в Херсонесе.— Тр. ГЭ, 1962, вып. VII.
7. *Белов Г. Д.* Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—53 гг.— СА, 1955, т. XXIV.
8. *Федоров Б. Н.* Объемно-планировочная реконструкция двух жилых домов эллинистического времени (IV—II вв. до н. э.) в Херсонесе.— Проблемы развития зарубежного искусства. Вып. VII. Л., 1977.
9. *Щеглов А. Н.* Полис и хора. Симферополь: Таврия, 1976.
10. *Рыжов С. Г.* Отчет за 1979 г.— Архив Херсонесского музея, д. № 2136.
11. *Крыжицкий С. Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии. Киев: Наук. думка, 1974.
12. *Белов Г. Д.* Северный прибрежный район Херсонеса.— МИА, 1953, № 34.
13. *Леви Е. М., Карасев А. А.* Дома античных городов Северного Причерноморья.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
14. *Robinson D. M., Graham U. W.* The Hellenie House.— Excavations at Olynthus. Part VIII. Baltimore, 1938.
15. *Карасев А. Н.* Архитектура.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
16. Всеобщая история архитектуры: В 12-ти т. Т. II. М., 1973.
17. *Щеглов А. Н.* Жилой дом эллинистического Калос-Лимена.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
18. *Федоров Б. Н.* О дорической архитектуре греческого Херсонеса.— Проблемы развития зарубежного искусства. Вып. IV. Л., 1974.
19. *Ернштедт Е. В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
20. *Брашинский И. Б.* Комплекс кровельной черепицы из раскопок Ольвийской агоры. 1959—1960 гг.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.— Л.: Наука, 1964.

S. G. Ryzhov

HOUSE OF THE 4th-3rd CENTURIES B. C. IN CHERSONESUS

Summary

The article deals with dwelling houses of Hellenistic Chersonesus, the least studied problem of town planning. Remains of houses permit to establish the sizes of living quarters and the number of houses in them. Using architectural details the author offers a reconstruction of a dwelling house of the 4th-3rd centuries B. C. as a peristylar construction. This type coexisted with simpler houses in Chersonesus suburbs.

БЕСПАЛЫЙ Е. И.

КУРГАН I В. Н. Э. У Г. АЗОВА

Экспедиция Азовского краеведческого музея с 1976 г. проводит исследования курганов в зоне строительства Приморской оросительной системы на водоразделе рек Дон и Кагальник[1]. За прошедший период вскрыто более 130 насыпей, бóльшая часть которых относится ко времени раннего железного века. Среди этих погребальных комплексов особый интерес представляет кург. 28 в могильнике Высочино VII, раскопанный в 1982 г. В настоящей публикации приводится предполагаемая последовательность совершения погребального ритуала и описание инвентаря из этого кургана [1, с. 110][2]. Курган расположен в 12 км к востоку — юго-востоку от г. Азова, на пахотных землях колхоза им. XX Партсъезда. к началу работ имел высоту 1,4 при диаметре 45 м. Раскопки велись с помощью бульдозера, были оставлены три бровки, ориентированные по линии север — юг, в которых произведены дополнительные поперечные разрезы. Это позволило проследить следующий порядок возведения насыпи (рис. 1). Вначале были устроены два тайника (рис. 1, *А*, *Б*), при сооружении могильной ямы тайники оказались перекрытыми глинистым выкидом, выкид в свою очередь был перекрыт слоем чернозема мощностью 0,1—0,25 м, могильная яма с юга была ограничена полукольцевым валом из чернозема высотой до 1 м, в котором зарыты два бронзовых котла (рис. 2, *1*, *2*). После сооружения вала могильную яму подчистили и несколько углубили, в профилях бровок хорошо видно, как вторичный выкид из могильной ямы залегает наклонно, на внутреннем скате вала к югу от ямы и расположен горизонтально к северу от нее; в это же время, вероятно, была засыпана сооруженная ранее яма 1 с остатками тризны (?). Вторичный выкид перекрыт слоем камыша мощностью до 0,1 м. На камыше к северу от могильной ямы найдено железное долото (?). После совершения погребения была возведена основная насыпь кургана. Погребение оказалось ограбленным.

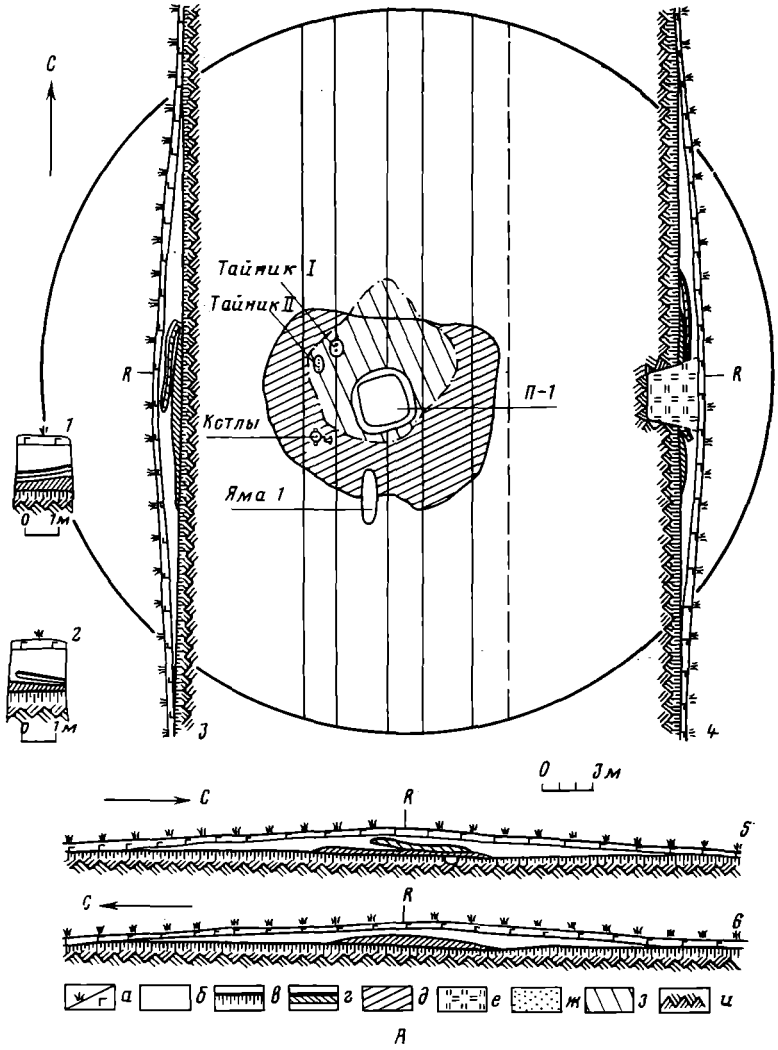
Тайник I обнаружен в западном — северо-западном секторе кургана, на глубине 1,85 м; он представлял собой округлую в плане ямку (0,75××0,8 м) глубиной 0,4 м. Заполнение темное рыхлое, в верхней части в заполнение просел выкид из погребения. В тайнике встречены остатки деревянного ларца, разбитого в древности, серебряный таз, серебряный кувшин и железный умбон от щита.

Серебряный таз с напаянными серебряными ручками найден в центральной части тайника, был перевернут вверх дном. На дне — высокий кольцевой поддон, расширяющийся книзу, венчик под прямым углом отогнут наружу. Ручки литые, полукруглой формы с круглыми атташами, полые внутри. Ручки разделены посредине тремя балясинками. Высота сосуда 4, диаметр венчика 39, диаметр поддона 13,5, высота 2 см (рис. 3, *1*). Аналогичные ручки, датируемые III в., с круглыми атташами, известны из Болгарии, но форма таза резко отличается от нашего [2, с. 637, № 38, табл. 18, *4*].

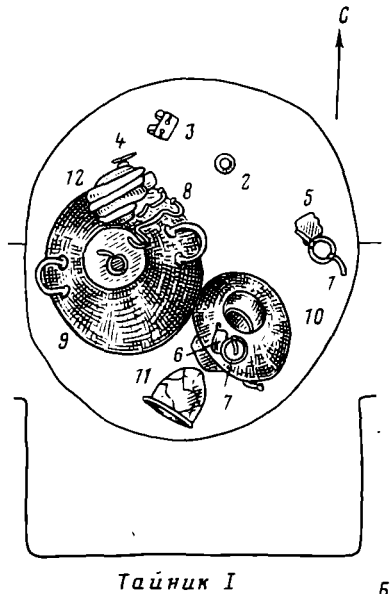
2. Вплотную к тазу, с юго-восточной стороны, лежал на боку устьем к юго-западу серебряный кувшин на кольцевом поддоне со сливом и зооморфной ручкой. Горло, тулово, дно и ручка изготавливались раздельно,

[1] В 1976—1979 гг. начальник отряда С. И. Лукьяшко, в 1981—1984 гг. начальник отряда Е. И. Беспалый.

[2] В предварительной публикации [1] порядок возведения насыпи описан не совсем точно, поскольку работы на памятнике еще продолжались.

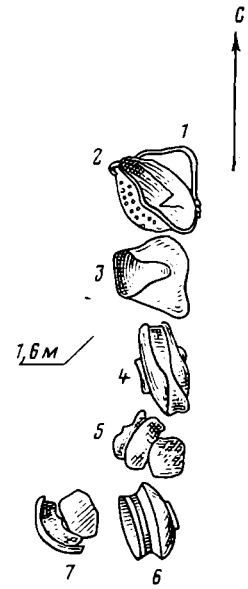


А



Тайник I

Б



Тайник II

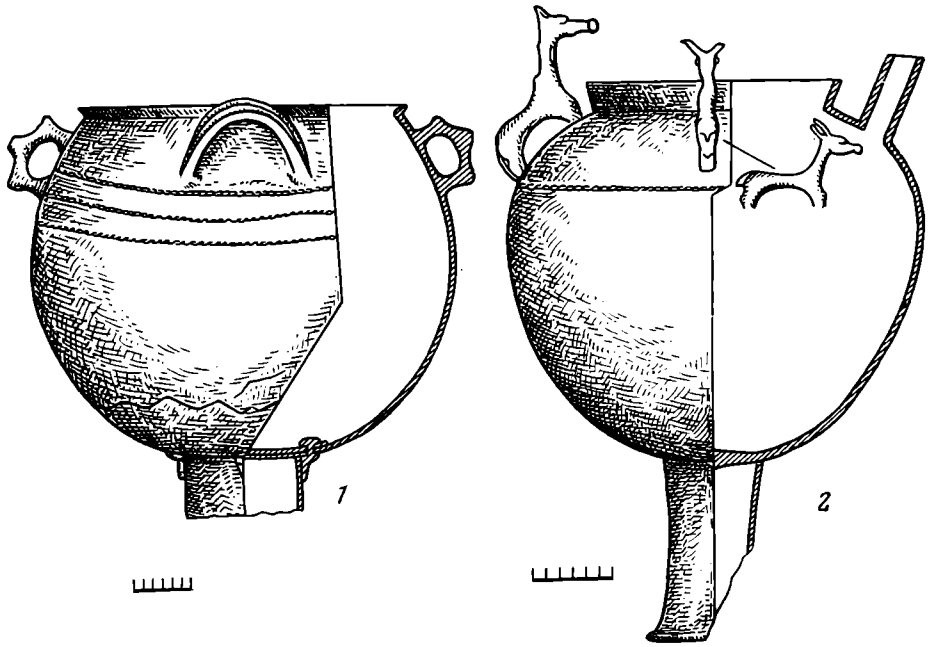


Рис. 2. Бронзовые котлы из насыпи кургана

а затем были спаяны. Тулово сосуда в средней части покрыто двумя фризами с изображениями водоплавающих и хищных птиц, рыб, дельфинов, гиппокампов и людей. Изображения инкрустированы золотой нитью.

Фризы ограничены сверху и снизу орнаментом в виде волны, а посредине разделены прочерченными городками, символизирующими землю. Орнамент покрыт позолотой. На верхней трети тулова припаяна литая серебряная ручка в виде сидящего хищника (гиена)[3]. Фигурка полая внутри, обтянута золотой фольгой, уши и хвост отливались и крепились отдельно (утрачены в древности), лапы отливались отдельно, крепились на серебряных штифтах. Высота кувшина 27,5, диаметр венчика 10, длина ручки-фигуры 10,5, высота 7 см. Кувшин накрыт крышкой, повторяющей в плане очертания венчика и слива, на крышке изнутри крепился посредством заклепок полый цилиндр, по диаметру равный внутреннему диаметру горла. Высота цилиндра 3,5 см. На внешней поверхности крышки, в центре, приклепан серебряный шарик. Поверхность крышки покрыта циркульным орнаментом в виде 12-лепестковой розетки, инкрустированной золотой нитью, пространство вне розетки покрыто позолотой (рис. 4).

3. Железный умбон с обломанным конусом найден к юго-западу от кувшина (рис. 3, *6*). На отогнутом бортике имеются отверстия, часть бортика утрачена в древности. Высота 9, диаметр у бортика 10,5, ширина бортика 2,5 см. Аналогичный умбон встречен при раскопках Садового

[3] Определение доцента биофака РГУ В. С. Байгушевой.

Рис. 1. Высочино VII, кург. 28. *А*: *1* — поперечный разрез центральной бровки, вид с юга; *2* — поперечный разрез западной вспомогательной бровки, вид с юга; *3* — восточный фас центральной бровки; *4* — западный фас центральной бровки; *5* — восточный фас западной вспомогательной бровки; *6* — западный фас западной вспомогательной бровки. *а* — пахотный слой; *б* — насыпь; *в* — погребенная почва и предматерик; *г* — прослойка камыша на втором выкиде; *д* — первый выкид из погребения; *е* — заполнение грабительской воронки; *ж* — заполнение тайника I; *з* — второй выкид из погребения; *и* — материк. *Б*: Тайник I (*1* — кольцо железное с двумя прогонами; *2* — кольцо железное с одним прогоном; *3* — железная пластина — шарнир; *4—6* — железные предметы; *7* — кольцо железное с одним прогоном; *8* — ручка железная; *9* — таз серебряный; *10* — кувшин серебряный; *11* — умбон железный; *12* — крышка от ларца, фрагмент); тайник II (*1* — золотая чаша; *2* — серебряное ситечко; *3* — серебряная чаша; *4* — серебряный канфар; *5* — фрагмент серебряного канфара; *6* — серебряный канфар; *7* — фрагмент серебряного канфара)

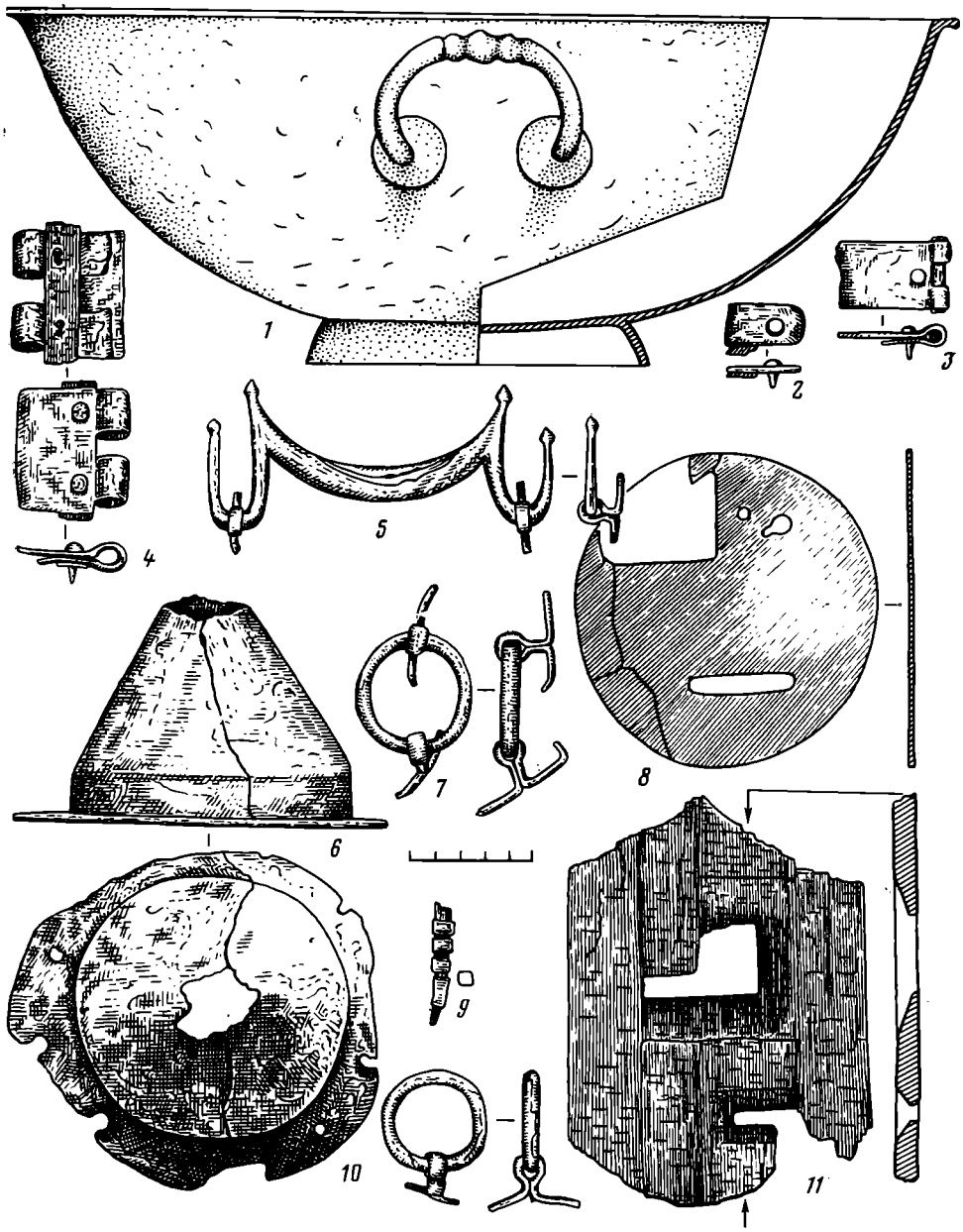


Рис. 3. Предметы из Тайника I. *1* — серебро; *2—7*, *9*, *10* — железо; *8* — бронза; *11* — дерево

кургана у Новочеркасска [3, с. 35], известны подобные умбоны и в Западной Европе в комплексах I—II вв. [4, с. 355, рис. 14].

4. По всему тайнику встречались остатки деревянного ларца. Часть крышки ларца лежала на дне серебряного таза и поэтому хорошо сохранилась. На ней прослежены фрагменты деревянных плашек с прорезными отверстиями различных размеров, соответствующими отверстиям на крышке (рис. 3, *8*, *11*). Вероятно, это остатки гнезда от замка. Остальные детали выполнены из железа: две железные ручки (рис. 3, *5*), два железных кольца с двумя штифтами (возможно, кольца служили в качестве шарниров, диаметр каждого 6 см; рис. 3, *7*), три железных кольца, имеющих по одному штифту (рис. 3, *10*), железные пластины-шарниры и неопределимые фрагменты железных предметов (рис. 3, *2—4*, *9*).

Тайник II расположен в 1 м к юго-западу от предыдущего, на глубине 1,6 м. Его границы не прослеживались, поэтому вещи, находящиеся в тайнике, частично повреждены бульдозером. В тайнике стояли в ряд вплотную друг к другу по линии север — юг следующие металлические сосуды.

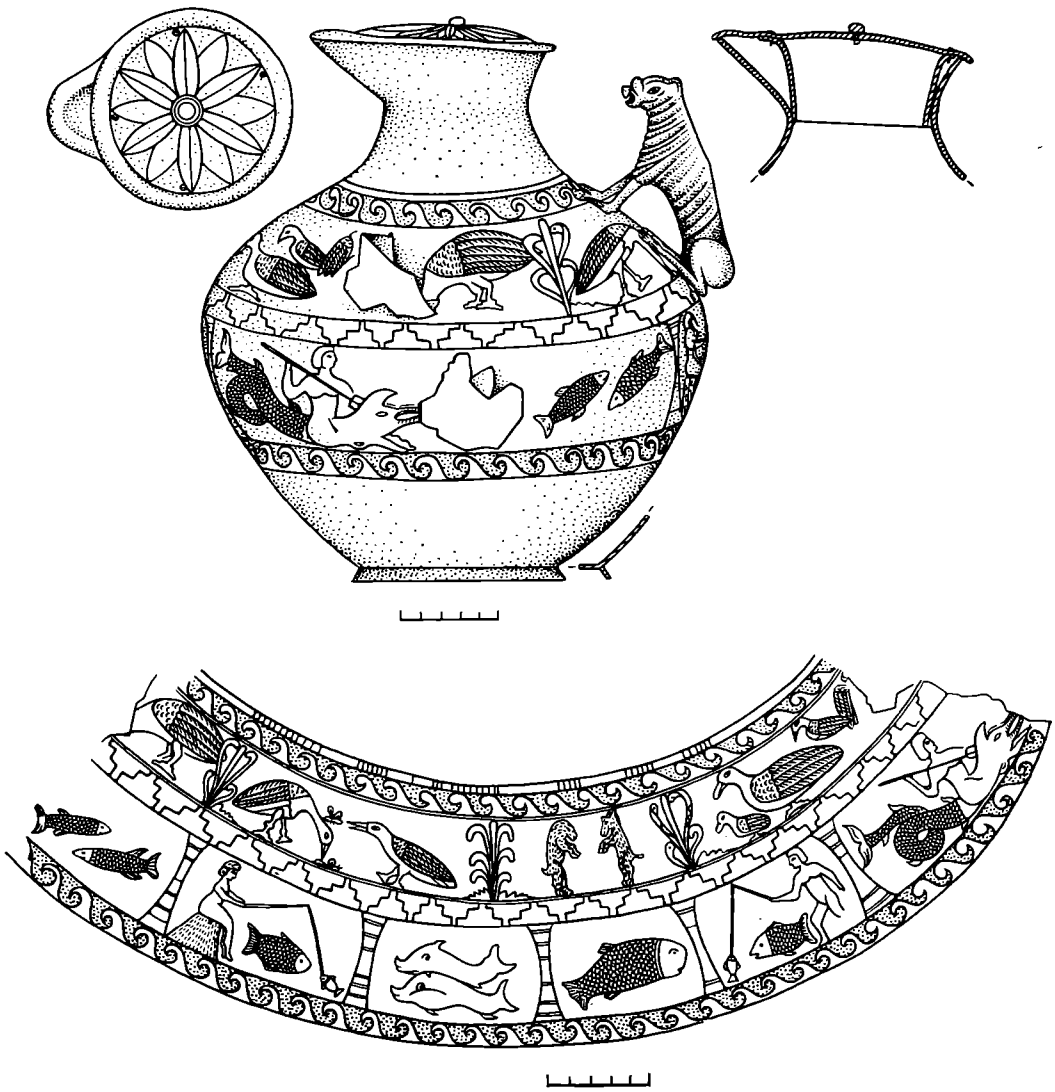


Рис. 4. Серебряный сосуд из Тайника I

1. Золотая полусферическая чаша, орнаментированная горизонтальными рядами полукруглых вдавлений, диаметр которых уменьшается ко дну (возможно, это гнезда для вставок драгоценных камней). На дне врезана пятилепестковая розетка. Под венчиком припаяны две ручки, причем одна перевернута. Высота чаши 7, диаметр венчика 13 см (рис. 5, *1*).

2. Внутри чаши находилось серебряное ситичко полусферической формы с отогнутым наружу краем венчика. Высота 5,5, диаметр венчика 10,2 см (рис. 6, *1*).

3. Серебряный кубок шаровидной формы с вертикальным бортиком и ручкой в виде стоящей пантеры (рис. 6, *2*, реконструкция). На плече и крупе животного — гнезда для вставок в виде запятых вершинами вниз. Ребра подчеркнуты параллельными линиями, кончик хвоста обвивает левую заднюю ногу. Шерсть на ногах и хвосте показана насечками.

4. Серебряный канфар имеет сложнопрофилированные ручки, которые отливались отдельно и затем припаивались. На корпусе — вертикальные рельефные полоски. Край кубка и основания плечиков украшены рядами лесбийского каматия, ограниченными сверху и снизу рядами зерни. Высота канфара 5,5, диаметр венчика 8,3, наибольший диаметр 9, диаметр поддона 4,8 см, ручки на 1 см возвышаются над краем венчика (рис. 5, *2*), подобный канфар, но без орнамента, встречен в ограбленном погр. 1 (I в. н. э.) из кург. 2, раскопанного у хут. Тузлуков, Багаевского р-на, Ростовской обл. в 1979 г. [5, с. 14].

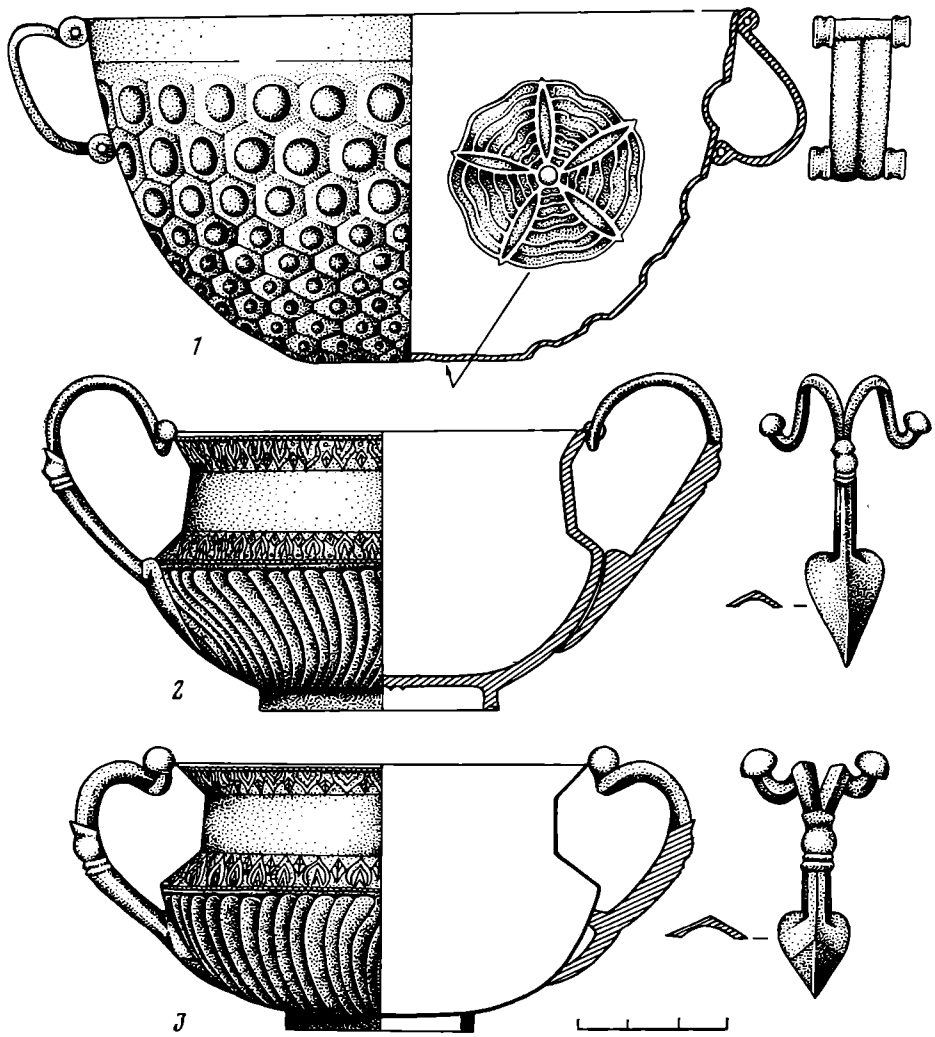


Рис. 5. Вещи из Тайника II. *1* — золото; *2*, *3* — серебро

5. Второй серебряный канфар (рис. 5, *3*) отличается от предыдущего обратным наклоном орнамента в нижней части тулова, меньшей толщиной стенок, более низкими и массивными ручками и меньшим диаметром поддона (3,7 см), канфар фрагментирован.

6. Третий канфар аналогичен первому.

7. Четвертый канфар аналогичен второму.

В 4 м к югу от тайника II на глубине 1,15 м, над первым выкидом из могильной ямы, обнаружены два бронзовых котла. Первый лежал на боку устьем к востоку. Он имеет выпуклое тулово, опоясанное в верхней трети литым перевитым шнуром, венчик с насечками по краю резко отогнут наружу, под венчиком диаметрально расположены ручки в виде стоящих осликов (?), перпендикулярно к ним — носик-слив, напротив которого — ручка в виде стилизованной фигурки лошади. Ножка частично отбита в древности (рис. 2, *2*).

Второй котел, перевернутый вверх дном, стоял вплотную к первому, к западу от него. Тулово шаровидное, ножка частично утрачена в древности, край венчика резко отогнут наружу, в верхней трети тулово опоясано спиралью из трех рядов литого перевитого шнура. На тулове в верхней трети расположены диаметрально две петлевидные ручки для подвешивания. Ручки вертикальные, с тремя валикообразными утолщениями, в сечении округлые. Перпендикулярно первым ручкам расположены две дуговидные ручки для переноса котла, овальные в сечении, на внешней поверхности имеются три продольные валика, разграниченные двумя же-

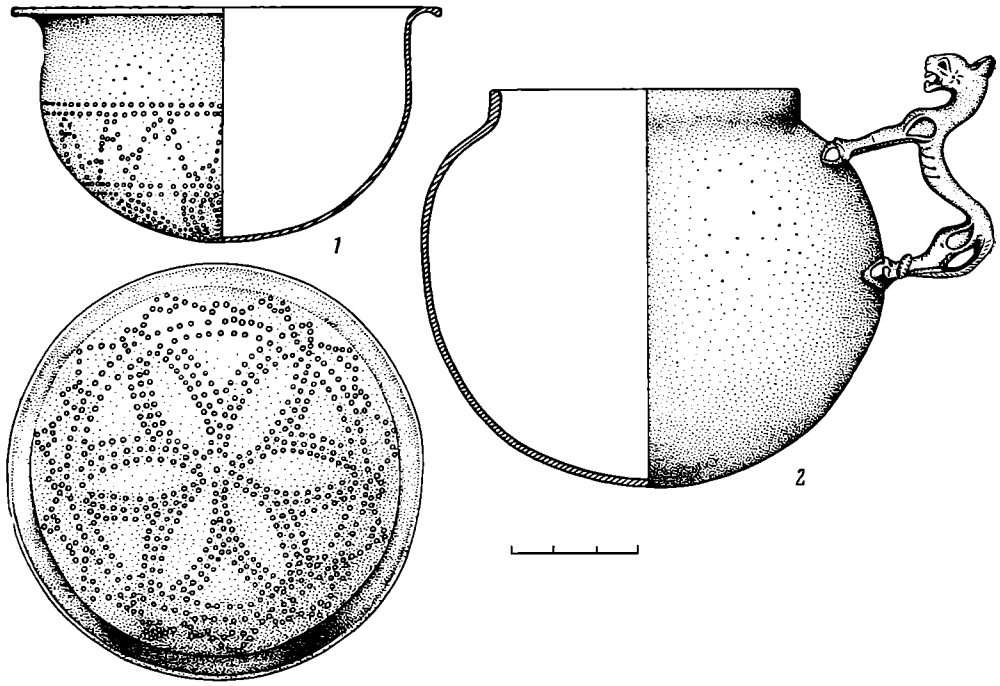


Рис. 6. Вещи из Тайника II. *1*, *2* — серебро

лобками. Высота котла без ножки 36, диаметр 45, сохранившаяся высота ножки 12 см; ножка крепилась к котлу с помощью четырех заклепок, Котел частично поврежден бульдозером (рис. 2, *1*). На внешней поверхности обоих котлов мощный слой сажи.

В 6 м к югу — юго-западу от репера на глубине 1,65 м располагалась длинная узкая яма с остатками тризны (?). Яма прорезала первый глинистый выкид из погребения. В плане яма 1 овальной формы (0,7× ×3,22 м), ориентирована по линии север — юг. Заполнение темное, рыхлое. В заполнении у дна встречались следующие предметы.

1. Обломок тонкой плитки песчаника (33×17×1,5 см), одна плоскость зашлифована, вторая необработана.

2. Четыре стеклянные бусины с внутренней позолотой, диаметр 0,8—1,2 см. Подобные бусы были широко распространены в Северном Причерноморье в первые века нашей эры [6, с. 29].

3. Мелкие обломки неопределимых костей животных, остатки дерева и древесные угольки.

4. Фрагменты серолощеной крышки полусферической формы с отверстием в центре (рис. 7, *17*). Высота 3,4, диаметр 13,5 см. Аналогичная крышка известна в Танаисе в погребении I в. до н. э. [7, с. 99, табл. XXV, *2*]; подобные крышки широко бытовали в Прикубанье в III—I вв. до н. э. [8, с. 178, рис. 9, 10].

Погребение расположено в центральной части кургана, на глубине 3,4 м, ограблено в древности. Могильная яма, в плане подквадратной формы (2,8×2,8 м), ориентирована по сторонам света с незначительным отклонением. Заполнение ямы плотное, темного цвета. В заполнении на разной глубине по всей площади ямы встречались мелкие обломки костей взрослого человека (женщины) и остатки погребального инвентаря.

1. Обломок камня-ракушечника неправильной формы (10×9,5× ×4 см).

2. Фрагменты краснолаковой миски с высоким вертикальным бортиком и кольцевым поддоном. Тесто хорошо отмучено. Внутри лак красного цвета, снаружи — красно-бурого. Высота 5,3, диаметр 10,8, диаметр поддона 5,5 см (рис. 7, *2*). Подобные миски пергамского производства известны в некрополях Северного Причерноморья в четко датируемых комплексах I в. (см., например, [9, с. 69, рис. 1, *2*]).

3. Фрагменты костяных пластин с обработанными поверхностями.

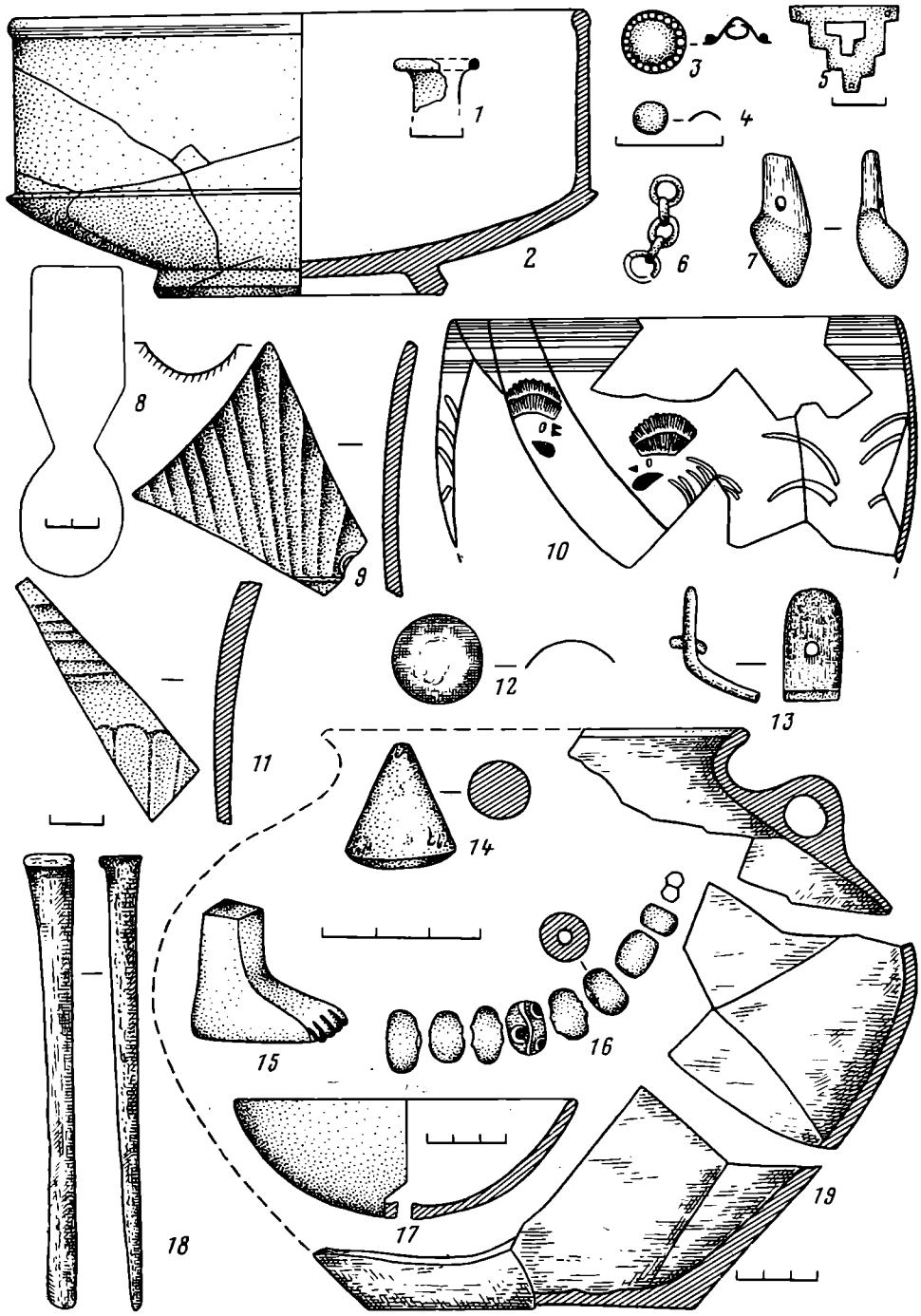


Рис. 7. Остатки погребального инвентаря. *1*, *9—11*, *16* — стекло; *2*, *14*, *15*, *17*, *19* — керамика; *3—5* — золото; *6* — бронза; *7* — клык; *8* — отпечаток серебряного предмета; *12* — серебро; *13*, *18* — железо

4. Фрагменты крупной стеклянной чаши из литого стекла молочного цвета. Размеры не восстанавливаются. Внешняя поверхность покрыта рельефным орнаментом в виде вертикальных желобков, сужающихся книзу, под венчиком несколько горизонтальных желобков (рис. 7, *9*, *11*) По датировке Н. П. Сорокиной, сосуд относится к I в. н. э.[4]

5. Обломок глиняного амулета.

6. Глиняный амулет в виде стопы человека, высота 2,7, длина 3,1, ширина 1,5 см (рис. 7, *15*).

---

[4] Автор выражает свою признательность Н. П. Сорокиной за помощь в определении дат ряда публикуемых сосудов.

7. Коническая пирамидка с несколько выпуклым основанием, высота 2,4, диаметр 2,2 см (рис. 7, *14*).

8. Подвеска из клыка благородного оленя (рис. 7, *7*).

9. Обломки железных скоб (шириной 1,5 м), видимо скреплявших углы гроба и остатки железных гвоздей (рис. 7, *13*).

10. Обломок железного штыря округлого в сечении, длина 5, диаметр 1,5 см.

11. Дно железного цилиндра, диаметр 2,5 см.

12. Фрагмент венчика бальзамария дутого стекла (рис. 7, *1*).

13. Обрывок бронзовой цепочки, собранной из уплощенных в сечении колец диаметром 0,7 см (рис. 7, *6*).

14. Обломок гальки.

15. Мелкие фрагменты светлоглиняной амфоры.

16. Бусы. Две стеклянные глазчатые полихромные из непрозрачного светлого стекла, украшены глазчатым орнаментом с поперечными полосами, глазки образованы наслоением друг на друга коричневых, белых и синих дисков. Шесть глазков расположены в шахматном порядке. 26 округлых пропорциональных и поперечносжатых бусин из прозрачного стекла с металлической прокладкой из желтого и белого металла. Все бусы имеют ярко выраженную продольную структуру (рис. 7, *16*). Подобные бусы датируются широко, но часто встречаются в погребальных комплексах первых веков нашей эры [6, с. 29].

17. Серебряная полусферическая бляшка со следами припоя на внутренней поверхности, диаметр 1,6 см (рис. 7, *12*).

18. Мелкие неопределимые фрагменты железных предметов.

19. Фрагмент тонкой серебряной пластинки с пунсонным орнаментом.

20. Фрагмент венчика лепного сосуда с насечками по внешнему краю.

21. Обломок речной раковины unio.

22. Остатки золотой парчи.

23. Золотая нашивная полусферическая бляшка с отогнутым краем, по краю припаян ряд зерни, с внутренней стороны бляшки припаяна золотая петелька для пришивания. Диаметр бляшки 0,6 см (рис. 7, *3*), точно такие же бляшки были найдены в ограбленном погр. 1 кург. I, расположенного в 100 м к востоку от нашего кургана. С. И. Лукьяшко датировал это погребение I в. до н. э.— I в. н. э. [10, с. 2].

24. Три золотые нашивные бляшки с двумя отверстиями для пришивания, диаметр бляшек 0,25 см (рис. 7, *4*).

25 Золотые нашивные бляшки в виде городков и их фрагменты с тремя отверстиями для пришивания (рис. 7, *5*).

26. Фрагменты серолощеного сосуда с отогнутым невысоким венчиком и небольшой петельчатой ручкой. В тесте примесь песка и мелких блесток (рис. 7, *19*).

27. На дне могильной ямы прослеживался отпечаток серебряного предмета (рис. 7, *8*).

28. В заполнении встречались фрагменты полусферической чашечки дутого стекла, по стенкам которой идут цветные изображения дерущихся петухов (рис. 7, *10*). Изображения дерущихся петухов на сосудах известны в античном мире с IV в. до н. э. [11, с. 63, рис. 4] и по III в. н. э. [12, с. 112, рис. 81].

Подквадратные могильные ямы широко распространены как на Нижнем Дону, так и на прилегающих территориях в средне- и позднесарматское время [13, с. 150; 14, с. 454]. В могильнике Височино VII ямы подобной формы зафиксированы в 28 курганах из 42[5].

Учитывая конструкцию могильной ямы и характер погребального инвентаря, можно датировать рассмотренный комплекс I в. н. э.

Подробный анализ всех материалов комплекса не входит в задачу данной публикации и требует специальной проработки.

---

[5] Данные 1976—1979 гг. учтены не полностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беспалый Е. И.* Работы Приморского отряда.— АО — 1982. М., 1983.
2. *Raev B. A.* Die Bronsegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. Frankfurt-am-Main, 1977.
3. *Капошина С. И.* Научное значение находок из Садового кургана.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1973.
4. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. М.: Наука, 1973.
5. *Беспалый Е. И.* Отчет о работах Манычского отряда в 1979 г.— Архив АКМ, КВФ, № 10190/51, 52.
6. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.—САИ, 1978, вып. Г1-12.
7. *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.
8. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23.
9. *Козуб Ю. И.* Стеклянный ритон из Ольвии.— В кн.: История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
10. *Лукьяшко С. И.* Отчет об исследовании курганов в зоне строительства Приморской оросительной системы в 1978 г.— Архив АКМ, КВФ, № 10190/45.
11. *Борисковская С. П.* Группа раннескифских алабастров ориентализирующего стиля в Эрмитаже.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
12. *Султов Б.* Античные центры керамики в Нижней Мезии. София, 1976.
13. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
14. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.

E. I. Bespaly

A 1st-CENTURY A. D. BARROW AT AZOV

Summary

An expedition of the Azov Local Lore Museum investigated in 1982 barrow 28 (the Vysochino VII burial ground) in which a rich burial of the Sarmatian times was found. The barrow is found 12 km to the east-south-east from Azov. The burial occupied its central part at the depth of 3.4 m with a nearly square burial pit. The grave was plundered in antiquity. What was left for modern archaeologists to find were red-laquer and glass vessels, beads, silver and gold jewellery. Two caches were discovered: No. 1 (Fig. 3) contained a silver basin, a silver jug, an iron umbo and the remains of a wooden box. Cache No. 2 yielded metal vessels (Figs. 5, 6), a gold bowl, a silver beaker, four silver cantharuses. Two bronze cauldrons were found near cache No. 2, four metres from it.

МЕДЫНЦЕВА А. А.

О «ДОСКАХ» РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ И ЮРИДИЧЕСКИХ АКТОВ

Термин «доска» в значении долговой записи, особого рода юридического документа, впервые появляется на страницах русских летописей в связи с описанием восстания новгородцев против посадника Дмитра Мирошкинича в 1208 г. Во время своего посадничества Дмитр совершил ряд финансовых злоупотреблений, облагая население Новгорода и новгородской земли незаконными поборами: «повелеша на новгородцех серебро имати, а по волости куры брати, а по купцам виру дикую, и повозы возить, и иное зло ...» [1, с. 51, 248]. Эта политика, обогатившая семью Мирошкиничей, вызвала недовольство не только противоположных боярских группировок, но и всего населения Новгорода.

Воспользовавшись этим недовольством, Всеволод III, преследуя свои интересы [2, с. 118], подстрекает новгородцев выступить против посадника. «Новгородци... створиша вече на посадника Дмитра и на братью его... Мирошкин двор Димитров зажгоша, а житье их поимаша, а села их распродаша и челядь, а скровища их изискаша и поимаша бещисла, а избыток разделиша по зубу... а что на досках, а то князю оставиша» [1, с. 51, 248].

Общепринято мнение, что на этих досках были записаны ростовщические операции Мирошкиничей. Но В. Л. Янин считает, что это не так, ибо в этом случае доски должны были быть уничтожены, а не переданы князю для взимания долгов. По его мнению, это были, скорее всего, записи, подтверждающие незаконные поборы Мирошкиничей [2, с. 118, примеч. 75].

Так или иначе, независимо от тонкостей толкования термина «доски», ясно, что речь идет о каких-то записях, фиксирующих имущественные операции: или ростовщические, или взимание каких-то поборов.

Особенно часто термин «доска» в смысле письменного документа, оформляющего различного рода сделки, встречается в целом ряде статей Псковской Судной Грамоты, фиксирующей правовые нормы Псковской феодальной республики XIV—XV вв. В комментариях к Псковской Судной Грамоте так объясняется термин «доска»: «Частный акт, расписка, обычно о долговых обязательствах, формально не утвержденная» [13, с. 339].

Ю. Г. Алексеев, посвятивший специальное исследование Псковской Судной Грамоте, выяснил целый ряд особенностей судебных исков, возбуждавшихся по «доскам» [4, с. 73—91]. По его мнению, старые сделки, оформлявшиеся раньше согласно Русской Правде при послухах, не требовали составления письменных актов. Псковская Судная Грамота фиксирует уже изменение качества сделок, возрастание их числа и, как необходимое следствие, тот факт, что даже доски́ — неформальной письменной сделки — оказывается уже недостаточно для сделок на сумму свыше рубля. Для сделок на сумму свыше рубля требуется заклад или запись — формальный акт, заверенный властями, дубликат которого хранится в государственном архиве. Однако рубль в то время — цена целого стада овец из 20—30 голов, и сделки между основной массой городских и сельских жителей вряд ли могли превышать эту сумму. Поэтому Ю. Г. Алексеев справедливо отмечает, что городской и сельский люд продолжает свои мелкие сделки заключать патриархально, без заклада и без записи, по доскам [4, с. 78, 80].

Но если юридическое содержание термина «доска» относительно ясно,

то продолжает быть не известным ее внешнее оформление, конкретный облик. Что это — бирка, запись на дереве-доске, пергаменте или бересте?

М. Н. Тихомиров считал, что свое название «доски» получили от письменных актов, записанных в книгу, переплетенную в доскп [5, с. 51—56].

А. И. Яковлев и Л. В. Черепнин в комментариях к Псковской Судной Грамоте склонны были считать, что доски — примитивный письменный документ, записанный на доске, на лубье или древесной коре [6, с. 267]. С открытием берестяных грамот А. В. Арциховский предположил, что некоторые из них и были такими досками [7, с. 15]. Л. В. Черепнин, исследуя берестяные грамоты, писал, что «словом „доска" обозначался документ, не заверенный официальным нотариальным порядком. Это могла быть и доска в буквальном смысле данного термина, но мог быть и кусок бересты» [8, с. 71]. А. Ф. Медведев считал, что письмо на досках — это в буквальном смысле слова надписи на деревянных досках, бирках, бочках, деревянных поплавках и тому подобных предметах, вырезанные ножом или процарапанные металлическим острием [9, с. 82]. Б. Б. Кафенгауз склонен видеть в досках бирки или берестяные грамоты [10, с. 125].

Таким образом, большинство исследователей прежде всего подразумевают под «досками» записи на досках или бирки, допуская, что данный термин в некоторых случаях мог относиться к берестяным грамотам. Действительно, немало открыто берестяных грамот, к которым можно с полным основанием отнести этот термин: это записи ростовщиков, феодальных повинностей, завещания и т. д.

В последнее время опубликованы сведения о находке в Новгороде в слоях XII—XV вв. семи «плоских дощечек» с зарубками на их ребрах и краткими записями [11, с. 103]. Авторы публикации склонны именно к таким записям относить термин «доска». Насколько можно судить по описанию, это обычные счетные бирки, где количество зарубок объясняется еще и текстом. Возможно, что юридический термин «доска» помимо берестяных грамот включал и такого рода документы. Но имеется еще одна категория находок, к которой мы можем отнести этот термин.

Во влажном культурном слое Новгорода, хорошо сохраняющем органические остатки, найдены церы — дощечки, покрытые слоем воска, по которому писали стилями. Восковые таблички, так же как и стили, широко известны и в античное время, и в средневековье. Они употреблялись преимущественно в роли материала для кратковременных записей. После того как записи становились ненужными, воск разглаживался обратной стороной стиля, и таким образом одна табличка использовалась много раз. Дороговизна пергамента, а потом и бумаги была причиной, по которой дощечки, покрытые воском, или «вощечки», получили широкое распространение во всем средневековом мире. Церы не изменили своего облика и в Древней Руси. Из новгородских раскопок происходит несколько таких дощечек. Впервые они были определены А. В. Арциховским [12, с. 79—82], затем изданы более полно А. Ф. Медведевым [9] и Б. А. Колчиным [13, с. 18]. Обычно это прямоугольные, высотой 13—16 и шириной около 9 см дощечки, имеющие неглубокую выемку для заполнения воском с узкими бортиками. По всему донышку выемки делалась насечка из штрихованных линий для лучшего сцепления воска и дерева. Для обеспечения сохранности записей к каждой такой дощечке полагалась и крышка такого же размера. В бортиках — два отверстия для соединения с крышкой и одно — для завязывания такого «блокнота» тесемкой. Древнейшая из таких дощечек найдена в Новгороде в слоях XI в. [9, с. 82]. Иногда верхняя поверхность церы украшалась резьбой, такова дощечка, найденная в слоях конца XI в. (рис. 1, *2*). Это дощечка прямоугольной формы, размером 16,3×9,5 см, верхняя сторона покрыта плоскорельефной резьбой, такой же резьбой покрыты все четыре торцовые стороны дощечки [13, с. 18, табл. 6, *2*, *3*]. Иногда церы имеют более сложную форму. Например, дощечка, найденная в слоях середины XIII в. (размеры ее 14,7×6,1 см; рис. 1, *1*). Прямоугольная в основе форма церы завершается вверху овалом, гладкая сторона украшена сложным плетеным

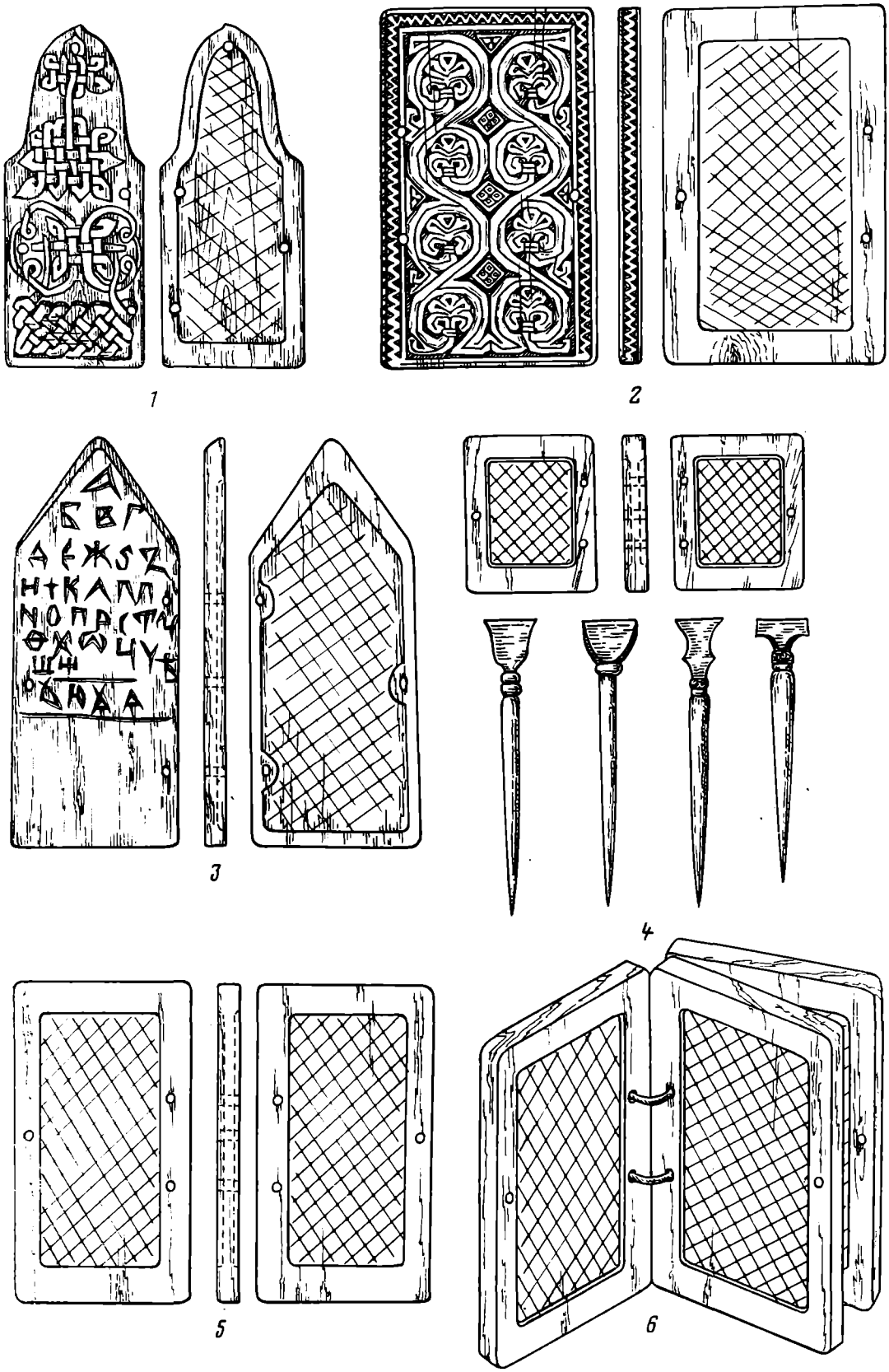


Рис. 1. Церы — доски из новгородских раскопок (рисунок предоставлен Б. А. Колчиным). *1* — Ильинский раскоп (сер. XIII в.); *2* — Неревский раскоп (конец XI в.); *3* — Неревский раскоп (XIV в.); *4* — усадьба Олисея Гречина; *5*, *6* — реконструкции

узором, сохранились обе створки дощечки [13, с. 18]. Как и в Западной Европе, дощечки состояли или из двух створок (диптихи), как вышеупомянутая, или больше — триптихи и т. д. (рис. 1, *5*, *6*).

На внешней стороне одной из дощечек, найденной на Неревском раскопе в слоях первой половины XIV в. (рис. 1, *3*), имеющей форму вытянутого вверх пятиугольника размером 18×17 см и толщиной около 1 см, вырезана вся азбука, от а до А [12, с. 79—82].

При издании этой восковой дощечки А. Б. Арциховский высказал мысль, что эта дощечка с азбукой употреблялась для обучения грамоте. Действительно, общедоступные вощечки, на которых легко исправить написанное и которые можно использовать практически бесконечно, чрезвычайно удобны для обучения письму. Находка дощечки с азбукой — прямое доказательство такого назначения цер. Именно тем, что школьники обучались письму в основном на восковых дощечках, исследователи объясняют редкость берестяных грамот со школьными упражнениями [14, с. 57].

Б. А. Колчин предполагает, что восковые дощечки церы имели более широкое назначение, играя роль «записной книжки», в то время как А. Ф. Медведев писал, что они почти исключительно использовались для обучения грамоте, так как записи на воске непрочны [9, с. 84].

Однако было бы неправильно ограничивать назначение цер только в качестве школьного пособия. Об этом говорит практика употребления вощечков в Западной Европе, где они использовались не только в процессе обучения, но и для записи краткосрочных счетов, писем, квитанций, регистров городских и рыночных сборов. От античного времени известны клады восковых дощечек, на которых записаны тексты торговых сделок, арендных договоров. Таблички же с записями счетов, квитанций употреблялись в немецких и французских городах до начала XIX в. [15, с. 22—27]. Таким образом, назначение цер — гораздо шире, чем просто учебных пособий.

Очевидно, и в Древней Руси такие дощечки использовались не только при обучении грамоте. Об этом свидетельствуют и письменные документы с упоминанием «досок», и само название восковых дощечек. Дощечки для письма, церы, в Древней Руси также носили название «доски». Источники, называя доской частные документы, расписки, доской же называют и восковые дощечки. Например, в Житии Авраамия Смоленского (XIII в.) говорится; «В доску вписав, глаголаще свои грех» [16, с. 329]. Монахам Студитского монастыря запрещалось записывать в «доски» что-нибудь помимо «книжно и лексикон» [17, с. 762].

Логичным кажется, что писание на досках следует понимать как письмо по дощечкам, покрытым воском, а не вырезание, довольно трудоемкое, документов непосредственно по дереву.

Записи на восковых дощечках отнюдь не были такими недолговечными, как принято думать, так как наличие второй и более створок обеспечивало сохранность записанных на воске текстов. Эти записи могли храниться гораздо дольше, чем записи на бересте. Исследователи справедливо отмечают, что условием сохранности берестяных документов является быстрое попадание во влажную среду, так как береста на воздухе быстро скручивается, расслаивается и трескается [18, с. 48]. Записи же на восковых дощечках практически могли храниться неограниченно, достаточно вспомнить античные и средневековые клады цер. Очевидно, самой процедурой составления долговых записей обеспечивались их правильность и сохранность (например, церы могли запечатываться — на церах обязательны три отверстия). Это предположение подтверждается находкой, сделанной на расстоянии тысяч километров от Новгорода — на территории Туркестана. При раскопках одного из городов Хотанского ханства в руинах, относящихся к III в. н. э., было найдено около сотни деревянных табличек. Таблички представляли собой пару клинообразных дощечек, скрепленных шнурком, обязанным вокруг их широких сторон и продетым через отверстия в узких концах. На некоторых уцелевших шнурках сохранились глиняные печати классического греко-римского

типа. На табличках особым письмом записаны официальные записи, договоры и письма [19, с. 506, 507].

Таким образом, находки эллинистического времени показывают устойчивость письменных традиций на огромной территории и демонстрируют способ, каким обеспечивалась сохранность записей. Аналогичным путем таблички могли запечатываться и в Древней Руси. Только вместо керамических печатей, скорее всего, использовались восковые.

Аналогии со средневековыми и античными церами, которые использовались и для долговых записей, возможность хранения записи желательное время, легкость письма по воску, как и само название, заставляют видеть в церах, вощечках те самые неофициальные долговые записи древнерусских летописей и юридических сводов. Конечно, это не исключает того обстоятельства, что «досками» в более широком смысле могли называться и долговые записи на другом материале, но, очевидно, свое название документы такого рода ведут от записей на восковых табличках — церах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
2. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ, 1962.
3. Псковская Судная Грамота. Памятники русского права/Под ред. Юшкова С. В. Автор-составитель Зимин А. А. Т. II. М.: Госюриздат, 1953.
4. *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная Грамота и ее время. Л.: Наука, 1980.
5. *Тихомиров М. Н.* Городская письменность на Руси XI—XIII вв.— ТОДРЛ, 1953, т. IX.
6. *Яковлев А. И., Черепнин Л. В.* Псковская Судная Грамота. Новый перевод и комментарии.— Исторические записи, 1940, т. 6.
7. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1966 г. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
8. *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969.
9. *Медведев А. Ф.* Древнерусские писала X—XV вв.— СА, 1960, № 2.
10. *Кафенгауз Б. Б.* Древний Псков. М.: Наука, 1969.
11. *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археология Новгорода. 50 лет.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
12. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953—1954 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
13. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево.— САИ, 1971, вып. Е1-55.
14. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М.: Изд-во МГУ, 1975.
15. *Добиаш-Рождественская О. А.* История письма в средние века. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
16. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977.
17. *Средневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893.
18. *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
19. *Дойель Л.* Завещанное временем. М.: Наука, 1980.

A. A. Medyntseva

ABOUT THE «BOARDS» OF RUSSIAN CRONICLES AND LEGAL ACTS

Summary

The author takes as her subject the «boards» (promissory notes) mentioned in Russian written sources. She has come to the conclusion that the term was applied to private promissory notes made on wax tablets.

КАЗАКОВ Е. П.

ЗНАКИ И ПИСЬМО РАННЕЙ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Изучением письменности волжских болгар исследователи занимаются уже более двух столетий, однако интерес к этой теме со временем только возрастает. Во многом это связано с тем, что выявление и расшифровка письменности способствуют решению многих актуальных проблем происхождения, этнического состава, языка, политической истории волжских болгар.

Историю Волжской Болгарии традиционно делят на три периода: раннеболгарский, домонгольский и золотоордынский. Наиболее изученными являются два последних, охватывающих в целом время существования государства с X—XI по XIV в. При этом для домонгольского периода известны костяные «писала», единичные надписи на арабском языке, например надпись на бронзовом замке имени мастера Абу Бекра, изготовившего изделие в 1146—1147 гг. [1, с. 155], надписи (?) на сфероконусах из Биляра [2, с. 192, рис. 9], тамги на керамике и т. д. К золотоордынскому времени относятся клейма [3, с. 365, рис. 18], сравнительно хорошо исследованные многочисленные эпитафии XIII—XIV вв. [4, 5].

До недавнего времени в археологическом отношении наиболее слабо изученным являлся раннеболгарский период, поскольку памятники этого времени практически не были известны. За последние 15—20 лет благодаря открытию и широкому изучению многих могильников (Кайбельского, Большетарханского, Танкеевского, Тетюшского, Большетиганского и др.) и местонахождений (постоянные поселения этого времени отсутствуют) накоплен большой материал, хронологически укладывающийся в пределах VIII—X вв., который позволяет определить специфику этого времени. Это был преимущественно догосударственный, языческий и кочевнический период, в течение которого на основе взаимодействия различных пришлых в Среднее Поволжье этнических групп происходило формирование нового этноса — волжских болгар. Выделены три этапа. На первом (вторая половина VIII — первая половина IX в.) происходило взаимодействие болгаро-салтовских (Кайбельский, Большетарханский и другие могильники) и кушнаренковских (Большетиганский, Немчанский и другие могильники) этнических групп. На втором этапе (вторая половина IX первая четверть X в., в их среду проникают большие массы приуральского ломоватовско-поломского населения (Танкеевский, Тетюшский и другие могильники). На третьем, переходном от раннеболгарского к домонгольскому периоду, этапе (практически весь X в., за исключением первой четверти) появляются постоянные поселения, укрепляются государственные институты, мусульманство вытесняет язычество и т. д.

Различные этнические группы раннеболгарского времени, на основе которых в дальнейшем в значительной мере формировались волжские болгары, видимо, говорили на разных, предположительно на древнетюркских и угорских языках. Наиболее вероятно, что они, особенно болгаро-салтовские группы, были знакомы с руническим письмом.

Возможно, с болгарами связаны некоторые рунические надписи из Куйбышевской обл. [6, с. 267—271], Марийской [7, с. 23] и Удмуртской АССР [8, с. 96, табл. 18, *5*, *6*; с. 98, табл.20,*5*]. На основе рунических букв могли формироваться некоторые тамги, фиксируемые на днищах круговых салтовских сосудов из Большетарханского могильника [9, табл. I—IV].

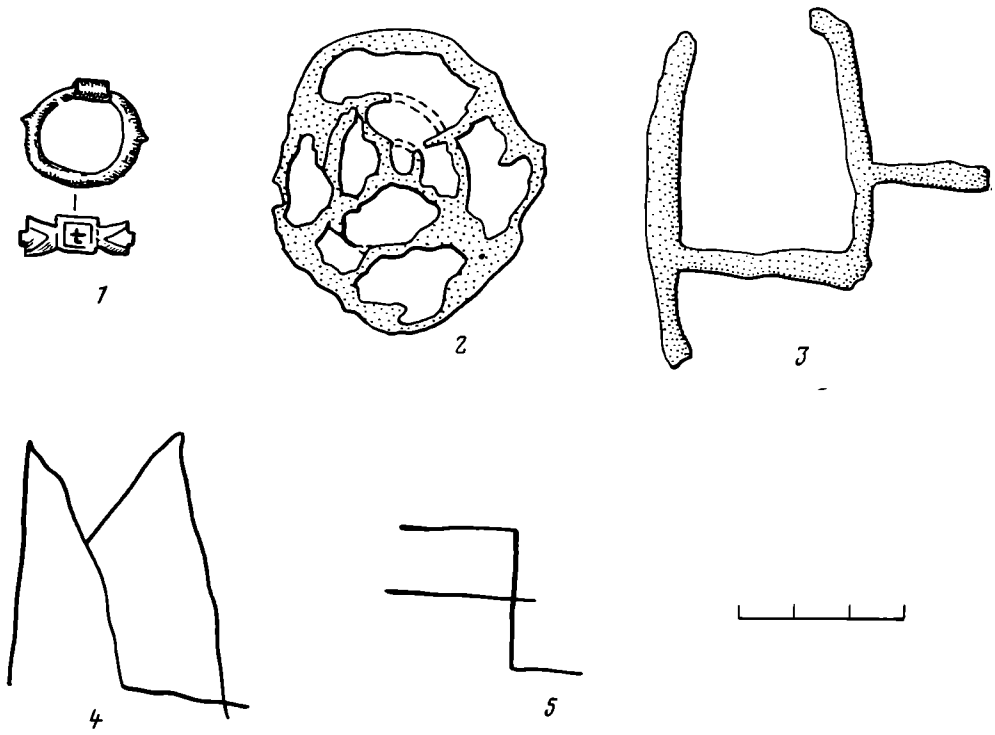


Рис. 1. Знаки на изделиях из раннеболгарских памятников. Большетарханский могильник. *1* — погр. 237; Танкеевский могильник: *2* — погр. 6; *3* — из разрушенного погребения; *4* — погр. 138; *5*, *6* — погр. 877. *1* — знак на серебре, остальное на керамике

Обобщенные данные по таким тамгам, собранные С. А. Плетневой [10, с. 177 и др.], свидетельствуют о том, что они принадлежат болгарам, хотя каждая группа тамг в Среднем Поволжье, Подонье или на Дунае имеет свою специфику, отражающую специфику родственных, но самостоятельных этнических групп болгар.

К первому этапу раннеболгарского периода относится также серебряный литой перстень из погр. 237 Большетарханского могильника. На подпрямоугольном щитке его имеется знак (рис. 1, *1*).

Ко второму этапу раннеболгарского периода принадлежит ряд знаков и надписей из Танкеевского могильника. На днище сосуда из погр. 6, датированного первой половиной X в., изображена колесовидная тамга (рис. 1, *2*), на днище другого сосуда — тамга в виде знака (рис. 1, *3*). На тулове одноручного кувшина из погр. 138, относящегося к X в., выцарапан знак (рис. 1, *4*).

Две надписи зафиксированы в неграбленном погр. 877 Танкеевского могильника. Здесь женское захоронение (рис. 2) сопровождалось лопаткой коровы, круговым одноручным сосудом, расположенными у изголовья. У предплечья правой руки, как обычно в женских погребениях Танкеевки, расчищен комплекс вещей: бронзовая копоушка и нож в деревянных ножнах. На правой руке находился цельнолитой серебряный перстень с овальным щитком, имеющим надпись. У ступней ног были положены шило и напрясло, выточенное из стенки кругового сосуда. На лицевой части черепа располагалась завернутая в шелк серебряная личина, а на лобной части расчищены остатки венчика из узкой шелковой и тесмяной ленты с нашитыми на нее серебряными накладками (рис. 2).

Под отбитой в древности ручкой на верхней части тулова сосуда был вырезан знак (рис. 1, *5*; рис. 2, *8*). На щитке перстня выгравирована надпись из трех знаков (рис. 2, *2*). Таким образом, на изделиях из этого захоронения нанесены знаки, которые требуют расшифровки. Возможно, они связаны по происхождению с рунической письменностью.

Судя по маске (рис. 2, *1*), погребенная имела прикамско-уральское происхождение [11, с. 230—239]. Однако сосуд с отбитой ручкой, ко-

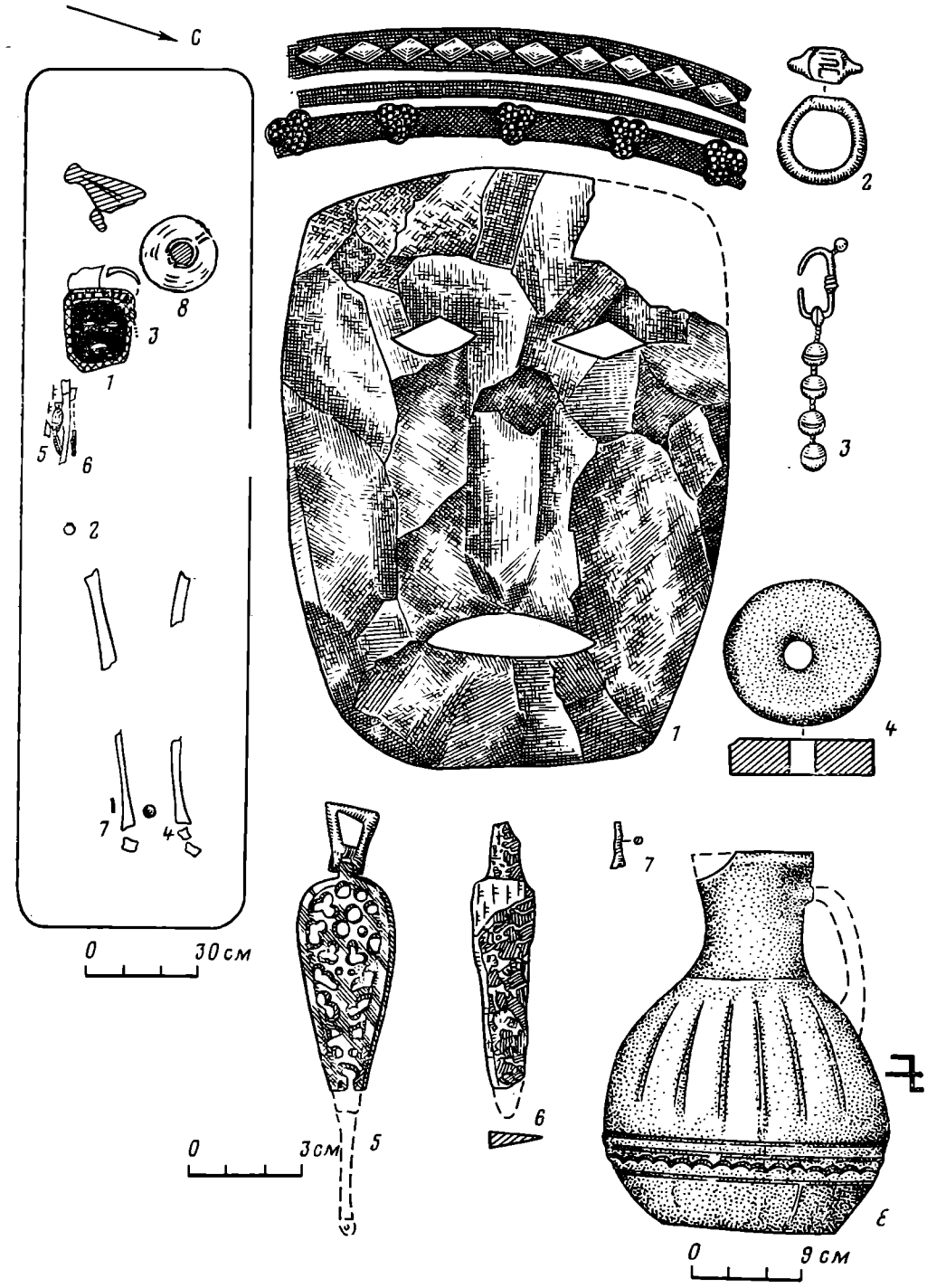


Рис. 2. Комплекс пог. 877 Танкевского могильника. *1* — серебро, ткань; *2*, *3* — серебро; *4*, *8* — керамика, *5* — бронза; *6*, *7* — железо

поушка (рис. 2, *5*, *8*) связаны по своему происхождению с болгаро-салтовским миром. Материал захоронения, таким образом, ярко иллюстрирует процесс формирования культуры волжских болгар языческого периода на основе взаимовлияния культур различных пришлых в Среднее Поволжье этнических групп.

Топография погр. 877 на площадке могильника, копоушка и одноручный кувшин, который можно рассматривать как типологически промежуточный между кувшинами Большетарханского могильника второй половины VIII — первой половины IX в. и сосудами из Танкеевки X в. [12, с. 128, рис. 1], позволяют относить данный комплекс и, следовательно, надписи ко второй половине IX в.

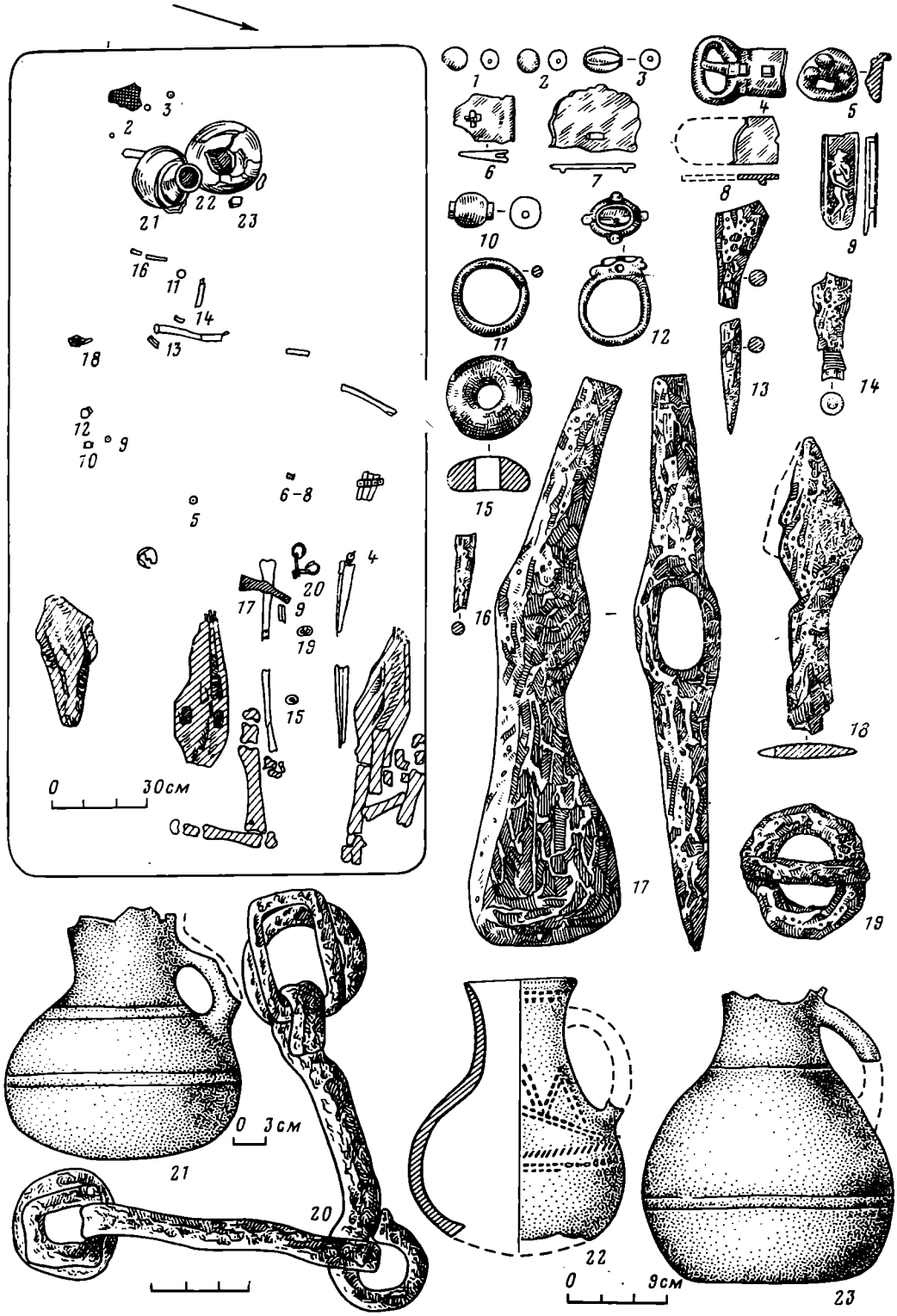


Рис. 3. Комплекс погр. 999 Танкеевского могильника. *1—3* — сердолик и горный хрусталь; *4—9, 11, 12* — серебро; *10* — бронза; *13, 14, 16—20* — железо; *15* — свинец; *21—23* — керамика

Интересная находка происходит из ограбленного коллективного захоронения 999 Танкеевского могильника. Здесь обнаружен лапчатый перстень, на сердоликовой вставке которого выгравирована надпись, а под ней изображен шестиконечный звездообразный знак (рис. 3, *12*; рис. 4, *1*; рис. 5, *1*), Н. Г. Гараева полагает, что надпись следует читать как арабское «во имя Аллаха» (рис. 6, *1*). Конечно, трудности гравировки по

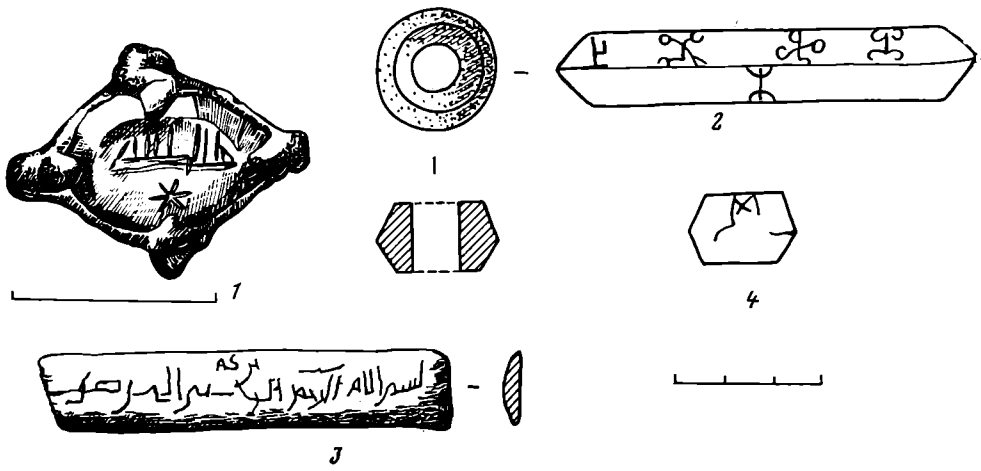


Рис. 4. Знаки и надписи из памятников ранней Волжской Болгарии. *1* — погр. 999 Танкеевского могильника; *2—4* — I Измерское селище. *1* — серебро, сердолик; *2*, *4* — шифер; *3* — кость.

сердолику придали свою специфику надписи. Буквы схематически обозначены, в основном прямыми резными линиями.

По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, надпись на вставке перстня зеркальная. Полагая, что чтение Н. Ф. Гараевой может быть верным, он в то же время отмечает, что в ней вместо «мим» ошибочно могли быть написаны буквы «лям» и «иа» [1].

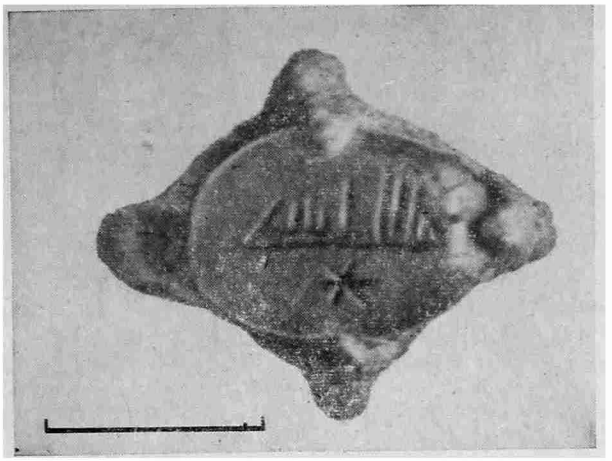
Судя по инвентарю, погребения были мужскими. В них находились: железный боевой топор, наконечники стрел, детали конского снаряжения, серебряные предметы поясного набора, свинцовая подвеска, мужская кольцевидная серьга и т. д. (рис. 3, *4—20*). Один из одноручных кувшинов является поздним вариантом болгаро-салтовской круговой посуды (рис. 3, *23*), а два лепных кувшина (рис. 3, *21*, *22*) — подражаниями ей. В ногах костяков лежали три черепа и кости ног лошадей.

Данное захоронение, несмотря на смешанный характер комплекса, также принадлежало выходцам из прикамско-уральских районов. Лепные подражания салтовским одноручным кувшинам (рис. 3, *21*, *22*) изготовлялись на рубеже IX—X вв. прикамским населением [12, с. 129], детали поясного набора (рис. 3, *4—9*) находят аналогии в поздних кушнаренковских памятниках [13, табл. I—XIX]. Видимо, влиянием сасанидского искусства, хорошо известным по кушнаренковским комплексам, следует объяснять наличие в составе поясного набора серебряного наконечника ремня с изображением обнаженной женщины (рис. 3, *9*). Подобные изображения танцующих жриц нередки в сасанидском художественном металле [14, рис. 16]. В Чуринском кладе Удмуртской АССР имеется серебряное блюдо VIII — первой половины IX в. из восточных районов Средней Азии с фигуркой обнаженной богини [8, с. 101, табл. 22, *1*], но в языческих памятниках волжских болгар такой сюжет встречен впервые.

Дата захоронения по перстню IX—X вв., деталям поясного набора, топографии погребения на площади памятника и лепным кувшинам определяется рубежом IX—X вв. Видимо, к этому же времени относится и надпись на вставке перстня.

Лапчатый перстень с подобной же надписью на вставке щитка происходит из погр. 515 (IX—X вв.) в могильнике Бирка [15, табл. III, *1*]. Близкая надпись (?), но другого времени, встречена на перстне в одном из погребений в Западном Казахстане [16, с. 73, рис. 2, *3*]. В обоих случаях на изображениях также преобладали прямые резные линии.

[1] Автор пользуется возможностью выразить благодарность профессору МГУ Г. А. Федорову-Давыдову за прочтение и интерпретацию приводимых в данной работе арабских надписей.



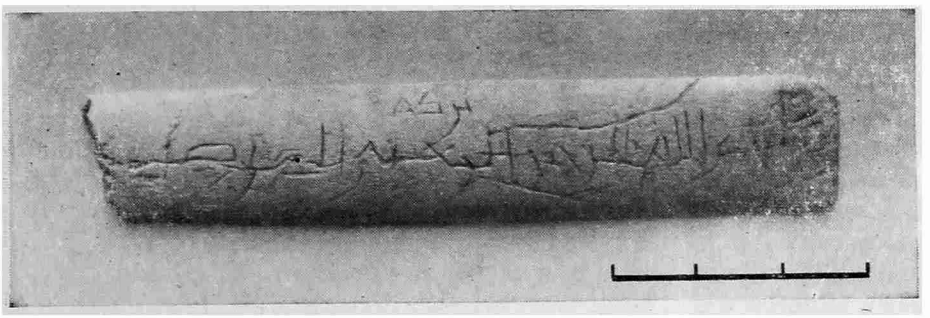


Рис. 5. Фотографии изделий с надписями. *1* — погр. 999 Танкеевского могильника; *2* — I Измерское селище. *1* — серебро, сердолик; 2 — кость

Преимущественно к домонгольскому времени или к переходному этапу от раннеболгарского к домонгольскому периоду относятся надписи с I Измерского селища, расположенного на берегу Куйбышевского водохранилища у д. Измери, Куйбышевского р-на, ТАССР. В результате многолетних работ на селище получен большой материал, позволяющий датировать его в целом домонгольским временем, а возникновение его отнести ко второй половине — концу X в.

На биконическом напряслице из коричневого шифера, найденном на поселении, было выгравировано пять знаков. На одной стороне находится рунический (?) знак. На другой стороне в ряд располагались четыре знака (рис. 4, *2*). Один из них также напоминает рунический знак [17, с. 99, 115], а три имеют кружковые завершения окончаний резных линий. Своеобразие последних изображений требует дополнительных данных для расшифровки. Подобные знаки встречены на торцовой стороне железной, но с бронзовым покрытием гири с болгарского I Семеновского селища домонгольского времени в Куйбышевском р-не Татарии.

Интерес представляет надпись на сломанной костяной пластинке от составного лука с I Измерского селища (рис. 4, *3*; рис. 5, *2*). Длина сохранившейся части пластинки 8,5, ширина 1,6 и толщина 0,2 см. На лицевой стороне ее вырезана в два ряда прочитанная Г. А. Федоровым-Давыдовым надпись. В верхнем ряду: «Благословение» (рис. 6, *2*). В нижнем ряду: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного...» (рис. 6, *3*). Надпись обломана и начало последнего слова не читается.

Изречение выполнялось концом остро заточенного металлического ножа или резца. В таких случаях при работе по кости легче выполняются прямые, а не закругленные линии, что и прослеживается на пластинке. Сложные элементы арабского письма резчик выполнял уверенно, всего несколькими легкими движениями. Одинаковые элементы повторяются с примечательной точностью. В целом широко, уверенно, легко и даже с

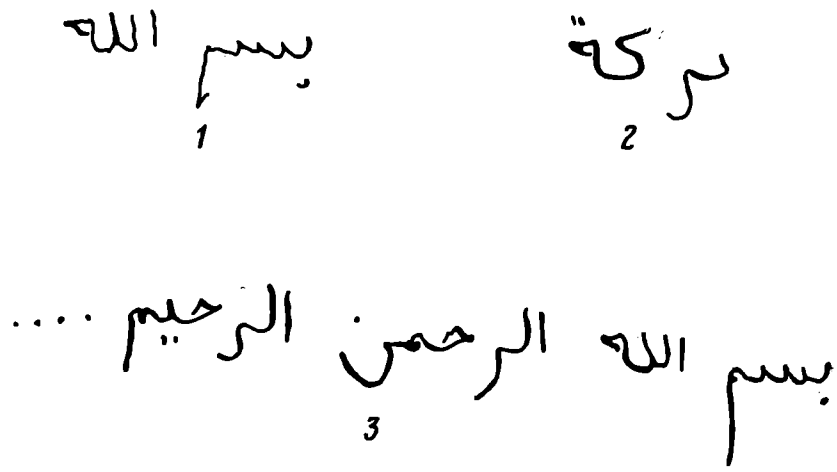


Рис. 6. Надписи на перстне (*1*) и костяной пластинке (*2*, *3*)

некоторым изяществом выполненная надпись может свидетельствовать о том, что автор ее неоднократно занимался такой работой.

В той же технике выполнена тамга (?) на пряслице из розового шифера, найденного в яме 1 раскопа VII на I Измерском селище (рис. 4, *4*). Характерные, как и на костяной пластине, элементы тамги свидетельствуют, что выполнивший ее резчик знал арабское письмо.

Описанные находки, полученные при археологических работах, могут свидетельствовать о наличии у населения ранней Волжской Болгарии доарабской письменности. Расшифровка и чтение их, видимо, будут возможны с накоплением нового материала.

Активное проникновение в Волжскую Болгарию мусульманства и, видимо, арабской письменности, судя по сообщению Ибн-Фадлана от 922 г., приходится на конец первой четверти X в. Тем не менее еще в середине X в. мусульманство в ожесточенной борьбе с язычеством утверждало себя. Это выражалось в постоянных войнах мусульман с «неверными» [18, с. 36—39], возможно, иногда и с соплеменниками, не принявшими мусульманство. Язычество, судя по материалам Танкеевского и Тетюшского могильников, пережиточно продолжает существовать всю вторую половину X и начало XI в. [19, с. 21—35]. Однако надпись на щитке перстня из погр. 999 Танкеевского могильника (рис. 5, *1*) предположительно позволяет говорить о том, что мусульманство или, по крайней мере, арабская письменность, проникали в Волжскую Болгарию уже на рубеже IX—X в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малов С. Е.* Замок из Билярска с арабской надписью.— Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. II. Л., 1926.
2. *Григорьева Г. В., Терехина Л. С., Терехина Н. А., Халиков А. Х.* Гончарная керамика Билярского городища (по материалам раскопок 1967—1972 гг.).— В кн.: Исследования Великого города. М.: Наука, 1976.
3. *Хованская О. С.* Гончарное дело города Болгара.— МИА, 1954, № 42 (Тр. Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1).
4. *Юсупов Г. В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
5. *Хакимзянова Ф. С.* Язык эпитафии волжских булгар. М.: Наука, 1978.
6. *Roña-Tas.* A runic inscription in the Kujbysev region.— Acta Orientalia Hungaria, 1976, t. XXX, f. 3.
7. *Тенишев Э. М.* Камень с рунической надписью на Юрино.— В кн.: Лингвистический сборник. Ташкент, 1971.
8. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока. М.: Наука, 1976.
9. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964.
10. *Плетнева С. А.* От кочевки к городам. М.: Наука, 1967.
11. *Казаков Е. П.* О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника. (Об одном элементе погребального обряда).— Уч. зап. Перм. гос. ун-та, 1968, № 191. (Тр. Камской археологической экспедиции, вып. IV).
12. *Казаков Е. П.* О болгаро-салтовском компоненте в погребальных инвентарях ранней Волжской Болгарии.— В кн.: Плиска-Преслав. 2. София, 1981.
13. *Chalikova E. A., Chalikov A. H.* Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest, 1981.

14. *Кинжалов Р. В., Луконин В. Г.* Памятники культуры сасанидского Ирана. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1960.
15. *Arbman H.* Birka. Die Gräber. T. I. Upsala, 1940.
16. *Багриков Г. И., Сенигова Т. Н.* Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—IV и XIV вв.) — Изв. АН КазССР. Сер. общественная. Алма-Ата, 1968.
17. *Васильев Д. Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М.: Наука, 1983.
18. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.: Наука, 1967.
19. *Казаков Е. П., Халикова Е. А.* Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника.— В кн.: Из истории ранних булгар. Казань, 1981.

E. P. Kazakov

ARCHAEOLOGICAL DATA ON THE SIGNS AND THE SYSTEM OF WRITING IN THE EARLY VOLGA BULGARIA

Summary

Archaeologists have at their disposal metal, stone, ceramic, slate and bone objects, obtained during recent excavations in the early Volga Bulgaria (the 8th-10th centuries) which carry various inscriptions, signs and tamgas. Objects with signs, probably of runic origin, were found in pagan burials of the late 8th-9th centuries (Figs. 1, *1*; 2). The earliest Arab inscription was discovered in a pagan burial of the turn of the 10th century (Fig. 3). Archaeological materials yielded by permanent settlements in the region, which sprang into existence at about mid-10th century, present Arab inscriptions together with Runic signs (Fig. 4, *2—4*). All this is highly relevant for the study of both the Volga Bulgars pre-Arab system of writing mainly of the pagan period and for the period when they switched to the Arab writing and monotheism.

ГАЛКИН Л. Л.

НЕКОТОРЫЕ НОВОГОДНИЕ МОНЕТЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Правители отдельных средневековых мусульманских государств раздавали выбитые к Новому году монеты всем явившимся во дворец для новогодних поздравлений. Так поступал, например, абасидский Халиф ал-Мутавакил (847—861 гг.), приказавший однажды отчеканить пять миллионов новых дирхемов, чтобы разбросать их на празднования Нового года хиджры [1, с. 334]. Турецкий султан Осман I (1299—1325 гг.), основатель Османского государства, выпустил к ноурузу 1315 г. медную монету, отмеченную одним из знаков двенадцатилетнего животного цикла [2, с. 124].

Названные правители следовали традиции, издревле укоренившейся на Ближнем Востоке и в Иране, где чеканка монет к Новому году и щедрая раздача их считались богоугодным делом [3, с. 190; 4, с. 147—158]. Эта традиция продолжала жить на Востоке и в более позднее время. Так, среди монет Коканда XVIII—XIX вв. есть медная монета, на лицевой стороне которой отчеканено слово «наурузу», т. е. новогодняя 1210 г. х. [5, с. 6].

Новогоднюю монету к началу года хиджры выпускали и некоторые сельджукиды Рума. На это указывают отдельные сельджукские монеты со знаками Зодиака. Для пояснения напомним, что лунный год короче солнечного на 11 суток и мусульманский лунный календарь не совпадает с солнечным календарем. Мусульманский год начинается 1 мухаррема. Начало его ежегодно смещается на указанное выше число суток, проходя последовательно через 12 фиксированных месяцев солнечного года [6, с. 379].

Датированные серебряные монеты сельджукидов с изображением льва и солнца биты в годы хиджры, начало которых приходится на июль. В этот месяц, по традиционным представлениям, берущим начало в древнем Двуречье [7, с. 169; 8, с. 169; 9, с. 224—243] и кое-где дожившим без изменений до наших дней [10, с. 23; 11, с. 319], солнце находилось в созвездии Льва. Дирхемы со львом и солнцем выпускались Кей Хосровом II с 638 (1240/41) по 641 (1243/44) г. х. [12, III, № 190—230]. Годы хиджры под знаком созвездия Льва начинались: 638 — 23 июля, 639 — 12 июля, 640 — 1 июля [13, с. 62]. Всего в XII в. сельджукидами Рума было отчеканено 40 выпусков монет с изображением льва и солнца (рис. 1). Из них 39 выпусков биты в годы хиджры, начинавшиеся в июле.

Современная монетам легенда своеобразно объясняет изображение на них льва и солнца. Кей Хосров II (1236 — 1245) пожелал якобы поместить на монете портрет горячо любимой им жены Тамары — дочери грузинской царицы Расудан, но этому воспротивились мусульманские богословы. Тогда он решил символически изобразить себя в виде льва, а Тамару в образе солнца.

Если А. Е. Пахомов, приводящий эту легенду со слов Абуль-Фараджа, сомневается в правильности такой интерпретации рисунка [14, с. 132], то другие исследователи принимают ее без оговорок [15, с. 212—213; 16, с. 110]. Но, как уже было сказано, лев и солнце на этих монетах имели астральное значение. Как видно из одного античного рисунка VII в. до н. э. [17, с. 100, 156] (рис. 1, *2*), иконографическая традиция льва и солнца восходит к очень отдаленному от ислама времени. Возможно, в древности она имела иное значение

Рис. 1. *1* — Лев и Солнце на сельджукидских монетах (увеличено); *2* — Лев и Солнце на античном сосуде; *3* — александрийская монета римского императора Антонина Пия (138—161 гг.); *4* — знак Зодиака — Скорпион на сельджукидской монете из г. Маридина (увеличено)

[18, с. 49—59], но в римское время [19, с. 224] (рис. 1, *3*) и в средние века, за рядом исключений, понималась как изображение солнца в созвездии Льва.

Подобно античным чеканщикам сельджукиды, видимо, в силу древней традиции поместили над Львом — знаком Зодиака антропоморфное изображение солнца.

Приведенная выше народная легенда говорит о том, что изображение льва и солнца воспринималось как астральный символ только в кругах, где пользовались услугами астрономии и астрологии, т. е. в первую очередь среди придворной знати и богатой части населения, способной оплачивать эти услуги. О том, что услуги эти высоко ценились, свидетельствуют, например, богатые подарки, которые направил Рашид-ад-Дин магрибским ученым (в том числе и астрологу), приславшим ему в дар свои сочинения [20, с. 285—289]. Широкие народные массы прибегали к помощи астрологов «второго сорта», зачастую малограмотных нищенствующих бродяг, в практике которых переплетались астрология, магия и волхование [21, с. 47].

На то, что монеты с зодиакальной символикой льва и солнца не случайное явление в сельджукидской нумизматике, указывает медная монета с изображением сфинкса, стреляющего из лука в голову дракона, которой заканчивается его хвост [22, № 429] (рис. 1, *4*). Монета бита в городе Маридине в 599 г. х., который начинался 20 сентября 1202 г. Большая часть новогоднего месяца мухаррема в этом году приходилась на октябрь, имевший сиро-арабское название гэкреб—скорпион [11, с. 319]. С. Лен-Пуль считал, что на этой монете выбит знак созвездия Стрельца, но, видимо, он неправ. Это обнаруживается при сравнении монеты с изображением знаков Зодиака на бронзовом зеркале из Алеппо. На этом зеркале, датированном 1320 г., зодиакальный знак Скорпиона [23, с. 454—457] аналогичен рисунку на названной монете (рис. 3, *5*). Подобным образом изображали знак созвездия Скорпиона и на других средневековых памятниках Ближнего Востока [24, с. 75; 25, с. 203, 215] и Закавказья [26, с. 210, табл. 107].

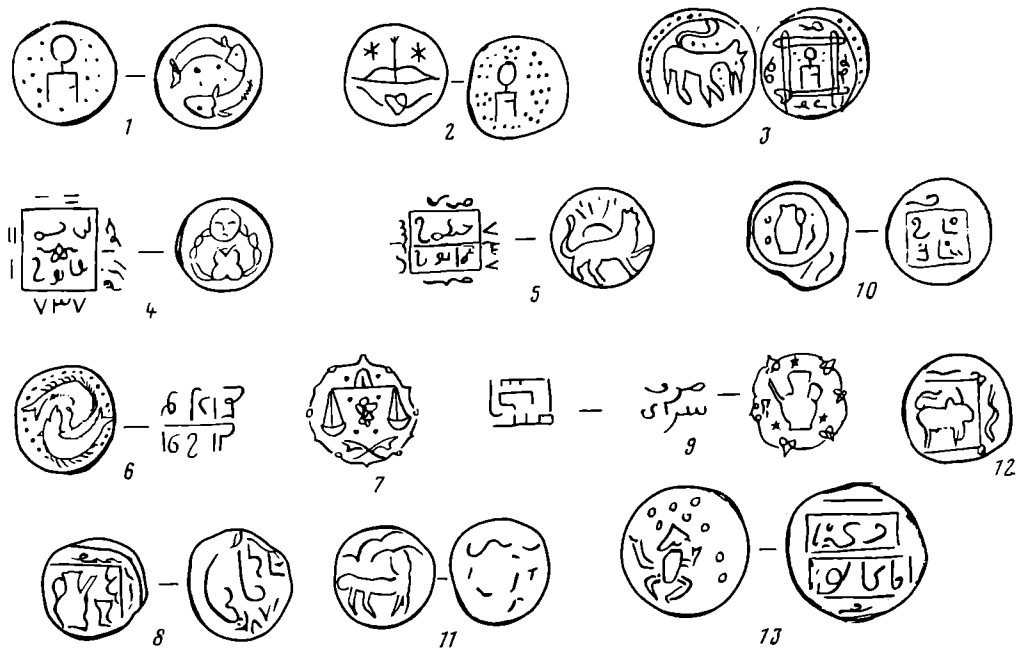


Рис. 2. Джучидские монеты со знаками созвездий Зодиака. Первый период. Болгары. XIII в.: *1* — серебряная монета со знаком созвездия Рыб; *2* — серебряная монета со знаком созвездия Стрельца; *3* — медная монета со знаком созвездия Козерога. Второй период. Эпоха хана Узбека: *4* — датированная медная монета со знаком созвездия Рака, 737 г. х., Хорезм; *5* — датированная медная монета со знаком созвездия Льва, 737 г. х., Сарай. Третий период. Эпоха хана Тохтамыша: *6* — медная монета со знаком Зодиака — Рыбы, Сарай; *7* — медная монета со знаком Зодиака — Весы, Сарай; *8* — медная датированная монета со знаком созвездия Водолея, Хаджи-Тархан, 787 г. х.; *9* — медная недатированная монета со знаком созвездия Водолея, Сарай; *10* — медная недатированная монета со знаком созвездия Водолея; поднята на поселении Шахарлик, Хорезм; *11* — медная монета со знаком созвездия Овна, Сарай; *12* — медная монета со знаком созвездия Тельца, Сарай; *13* — медная монета со знаком созвездия Девы, Сарайчик

Три датированные джучидские медные монеты с изображением знаков Зодиака дают право утверждать, что и в Золотой Орде отдельные правители чеканили монеты к Новому году хиджры. Одна из них бита в 737 г. х. в Новом Сарае. Она впервые опубликована Х. М. Френом, который интерпретировал ее как монету с изображением знака Зодиака — Льва [27, табл. II, XVIII] (рис. 2, *5*). Вторая монета выпущена в том же 737 г. х. в Хорезме. Первая публикация ее принадлежит Р. Р. Фасмеру. Он предположил, что отчеканенное на монете изображение солнца в клешнях у рака является символом зодиакального созвездия Рака [28, с. 110—111] (рис. 2, *4*).

Третья монета отчеканена в Хаджи Тархане в 787 г. хиджры. На обратной стороне ее изображен кувшин с чаркой[1] (рис. 2, *8*). Таким символом в Золотой Орде было представлено зодиакальное созвездие Водолея. Это впервые отметил Р. Р. Фасмер [28, с. 110, 111].

В XI—XIV вв. во многих восточных странах наблюдается увлечение строительством астрономических обсерваторий. Почти при каждом дворе крупного восточного монарха под его покровительством функционировала обсерватория. Они оснащались приборами для наблюдения неподвижных звезд (с возможной для того времени точностью) с целью построения ответственных гороскопов [20, с. 160, 187, 189—191, 211—215; 29, с. 51; 30, с. 83; 31, с. 114; 32, с. 169—186; 33, с. 31, 32].

В Золотой Орде, как и везде на средневековом Востоке, гадание по звездам и составление гороскопов также бытовали широко. Об этом свидетельствуют археологические находки. При раскопках Нового Сарая (Царевское городище) были найдены фрагменты бронзового квадранта [34, с. рис. 8], который принадлежал одному из звездочетов, вероятно

[1] Не издана. Хранится в ГИМе, № В-15437. Дата определена в ГИМе.

исполнявшему должность «определителя времени молитв» [35, с. 237]. Известна находка на этом же городище фрагментов другого астрономического инструмента — астролябии [2].

В Старом Крыму, входившем в состав Золотой Орды, была обнаружена могила астролога. На массивном могильном камне имелась надпись: «Могила покойного астролога Урус Хаджи, сына Хасана», а в верхней, сферической части памятника — изображение точками какого-то созвездия [36, надпись № 57].

Выпуски некоторых указанных выше датированных монет со знаками Зодиака, битых в период правления хана Узбека (1312—1339), дают право предполагать, что в его время проводились астрономические наблюдения и определялись точки равноденствий и солнцестояний [6, с. 407].

Как уже говорилось выше, в 737 г. х. в Хорезме бита монета с изображением знака созвездия Рака. В Сарае в том же 737 г. отчеканена монета с зодиакальным знаком Льва. Выпуск монет с изображением двух соседних знаков Зодиака в одном году, естественно, наводит на мысль, что 737 г. х. начинался на стыке двух зодиакальных периодов. Такое предположение находит подтверждение в расчете точки весеннего равноденствия для 1336 г. (737 г. х.). В этот день, т. е. 21 марта 1336 г. по григорианскому календарю, солнце находилось почти в центре созвездия Рыб [3]. Установив с помощью астрономических наблюдений точку весеннего равноденствия на эклиптике, золотоордынские астрономы-астрологи отсчитывали от нее знаки Зодиака, на каждый из которых приходится 30° [4]. Они поступили так же, как это сделали в свое время «румы и сирийцы», по сведениям Бируни: «Они передвинули начало времени года на половину одного созвездия Зодиака и начало их стали считать от вступления солнца в половину предшествующего созвездия» [38, с. 369]. Как видно из схемы (рис. 3), 10 августа 1336 г., или 18 августа по григорианскому календарю, в момент начала 737 г. х., солнце находилось почти на границе двух периодов (не созвездий) Зодиака, обозначенных знаками Рака и Льва [11, с. 68]. Расхождение в 2—3° может быть отнесено за счет неточности астрономических наблюдений по сравнению с современными или за счет счисления месяцев по неомении — первому видимому заходу луны [6, с. 370]. Следует иметь в виду также, что новолуния в таблицах В. В. Цибульского даны по координатам Мекки. В Хорезме начало нового 737 г. х. отмечалось под знаком Рака, в то время как в Сарае местные астрологи поместили 1 мухаррема 737 г. х. под знаком Льва, что и нашло красноречивое выражение в соответствующих монетных выпусках.

Рассмотренные выше две датированные джучидские монеты со знаками Зодиака дают первое достоверное свидетельство точных астрономических наблюдений в эпоху хана Узбека в Золотой Орде с помощью астрономических обсерваторий. Безусловно, они были значительно скромнее Марагской обсерватории или обсерватории Газан-хана в Тебризе, о которых хан Узбек мог слышать во время походов в Азербайджан и по примеру которых осуществил постройку подобных сооружений у себя в Золотой Орде. Монеты со знаком Зодиака 737 г. х. биты через два года после второго похода Узбека на Азербайджан [39, с. 328]. Возможно, что астрономические наблюдения за «неподвижными» звездами и солнцем велись и в соборных мечетях, или медресе [40, с. 158; 41, с. 39—45].

В эпоху Тохтамыша (1379—1395) вновь появляются датированные монеты с зодиакальной символикой. Монета с изображением знака Во-

---

[2] Хранится в Эрмитаже, № Сар-802. Раскопки А. В. Терещенко.

[3] Расчет истинного положения солнца на эклиптике для XIV в. провели научные сотрудники Комитета по метеоритам АН СССР А. Н. Симоненко, И. Т. Зоткин. Приносим им глубокую благодарность.

[4] Расчеты совпадают со сведениями мусульманских авторов XI в. Один из них указывал, что день весеннего равноденствия (науруз) совпадал с вхождением солнца в середину созвездия Рыб [21, рис. 161]. На рисунке показано положение солнца на эклиптике 21 числа каждого месяца согласно проведенным расчетам. Схема эклиптики и границ созвездий дана по «Звездному атласу» А. А. Михайлова [37].

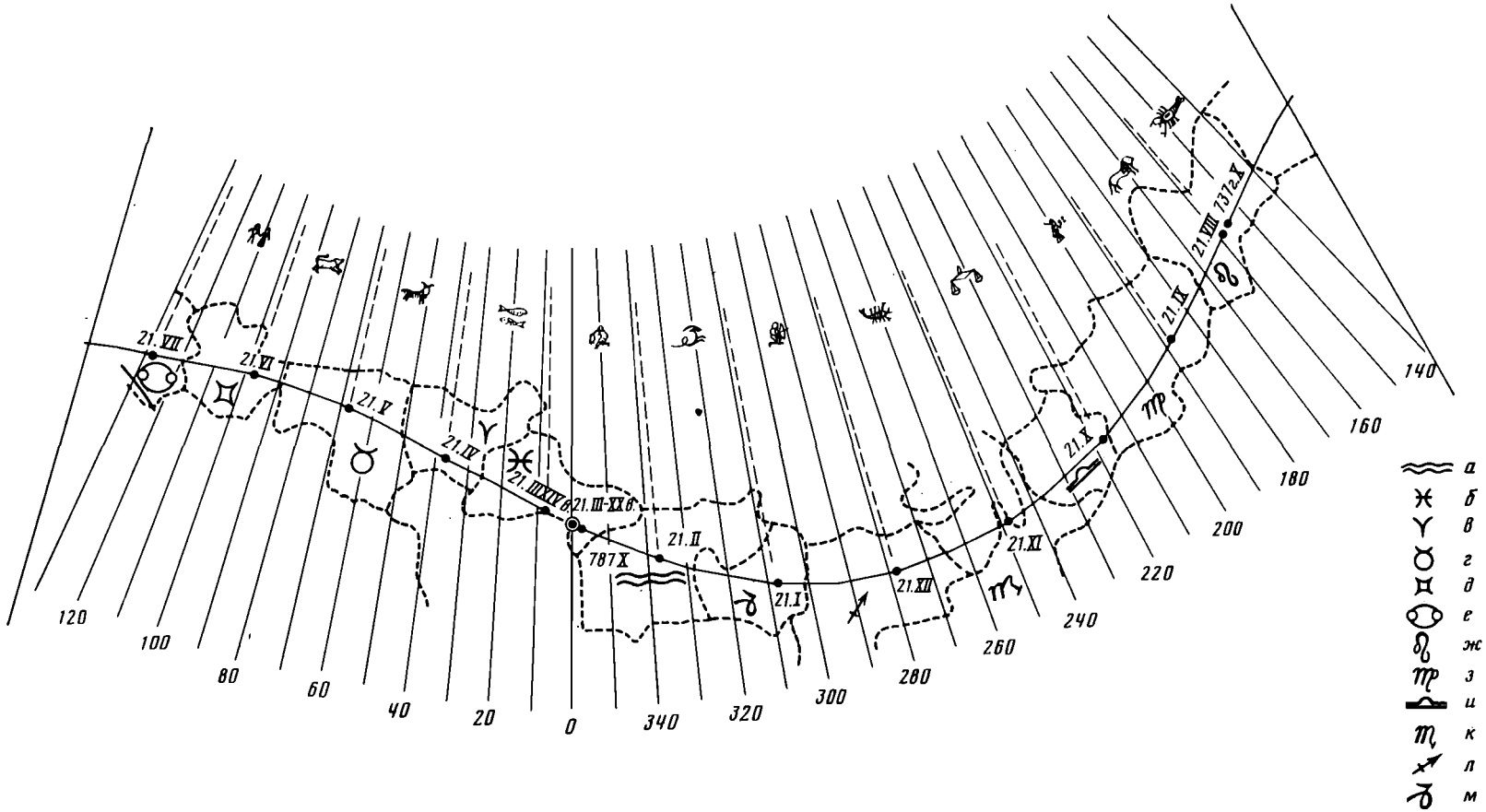


Рис. 3. Современные границы созвездий Зодиака и границы знаков Зодиака для XIV в. в соответствии с точкой весеннего равноденствия. На рисунке показано положение Солнца на эклиптике 21 числа каждого месяца (по григорианскому стилю) согласно произведенным расчетам. Схема эклиптики и границ созвездий по Михайлову А. А. [37]: *а* — Водолей; *б* — Рыбы; *в* — Овен; *г* — Телец; *д* — Близнецы; *е* — Рак; *ж* — Лев; *з* — Дева; *и* — Весы; *к* — Скорпион; *л* — Стрелец; *м* — Козерог

долей, битая в 787 г. х. в Хаджи Тархане[5], бесспорно свидетельствует, что к этому времени воскрешается традиция чеканки монет со знаком Зодиака, под которым рождался Новый мусульманский год.

Помимо указанных датированных монет с изображением знаков Зодиака существует в джучидских выпусках большое количество недатированных монет, на которых представлены почти все знаки Зодиака.

Намечается три периода выпуска монет с изображением знаков Зодиака. В каждый период входило несколько монет, составлявших серию.

Первый период датируется концом XIII в. Монеты со знаками Зодиака в это время чеканились только в Болгарах. К этому периоду относится серия из трех монет (рис. 2).

1. Монета (серебряная) с изображением лука со стрелой [27, табл. XII] (рис. 2). Возможно, на ней представлен символ знака Зодиака — Стрелец. Так он изображен на близких к этому времени памятниках из Харо-Хото [42, табл. I, с. 498, 499] (рис. 4, *2*). Х. М. Френ считал, что монета бита при хане Узбеке [27, табл. XII, *2*]. Но, вероятно, эту монету с тамгой дома Бату следует отнести к аналогичным монетам, которые С. А. Янина определяет временем 1280—1300 гг. [43, с. 433].

2. Серебряная монета с изображением на лицевой стороне тамги дома Бату. На обратной стороне — две рыбы (рис. 2, *1*). Х. М. Френ считал, что это — знак созвездия Рыб [27, с. 10, № 68].

3. К этому же периоду следует отнести недатированную монету с изображением бородатого животного (рис. 2, *3*), изданную Х. М. Френом [27, табл. II, LVIII]. Очевидно, здесь изображен знак Зодиака — Козерог, если сравнить его с подобным изображением животного на упомянутом выше бронзовом зеркале из Алеппо [23, с. 454—457] (рис. 4, *5*).

Второй период приходится на время хана Узбека. В это время монеты со знаками Зодиака чеканились в Сарае и Хорезме. Как уже говорилось об этом подробно, при хане Узбеке учитывалась поправка на точность определения точек равноденствия, что и зафиксировано выпуском датированных монет со знаками Зодиака — Раком и Львом (рис. 2, *4*, *5*). Однако у нас нет оснований утверждать, что такая поправка принималась в расчет в первый период выпуска монет с зодиакальной символикой, поскольку нет ни одной датированной монеты этого времени.

Третий период наступает после смутного времени в Золотой Орде. Он связан в основном с эпохой Тохтамыша. В третий период была выпущена самая многочисленная серия монет со знаками созвездий Рыб, Весов, Водолея, Овна, Тельца (рис. 2, *6—13*).

Последняя монета не издана. Эта редкая медная недатированная монета найдена астраханским краеведом В. В. Плаховым на Селитренном городище[6]. Лицевая сторона ее испорчена коррозией, и надпись не читается. На обратной стороне в рамке изображен вправо стоящий горбатый бык. Хвост его поднят вверх и переходит в орнаментальные растительные побеги. Вес монеты 2 г. Тождество этого символа созвездия Тельца с иранскими и индийскими изображениями, относящимися к XIII—XVII вв., бесспорно (рис. 4). В Сарайчике автором найдена неизвестная ранее медная монета с изображением символа созвездия Девы (рис. 2, *13*)[7]. Вес ее 2,2 г. На обратной стороне выбита фигура сидящего человека в позе адорации. Из-под головного убора опущена вправо коса. Аналогичным образом изображался в XIII—XIV вв. знак созвездия Девы на различных металлических изделиях Ирана (рис. 4). На лицевой стороне выбита лаконичная формула «По высочайшему повелению», которая встречается на многих монетах с зодиакальной символикой этого периода. Возможно, ее следует рассматривать как указание на то, что выпуск монет со знаками Зодиака был обусловлен не требованиями рынка, а волей монарха, пожелавшего произвести традиционную раздачу новогодних денег. По поводу данной формулы существует высказанная

[5] Не издана. ГИМ, инв. № В-15437.

[6] Выражаем глубокую признательность В. В. Плахову за возможность опубликовать эту монету.

[7] Передана в фонды Гурьевского областного историко-краеведческого музея.

Северное Причерноморье II в до н.э.-IV в н.э.
Франция XIV в
Балканы XVI в
Ср. Азия XV в
Сирия Египет XIV в
Иран XIII в
Иран XIII в
Иран XIII в
Хорезмо-хого XIII в
Индия XIII в
Джучидские монеты
Хорезм XIV в
Поволжье XIII в
1
2
3
4
5
6

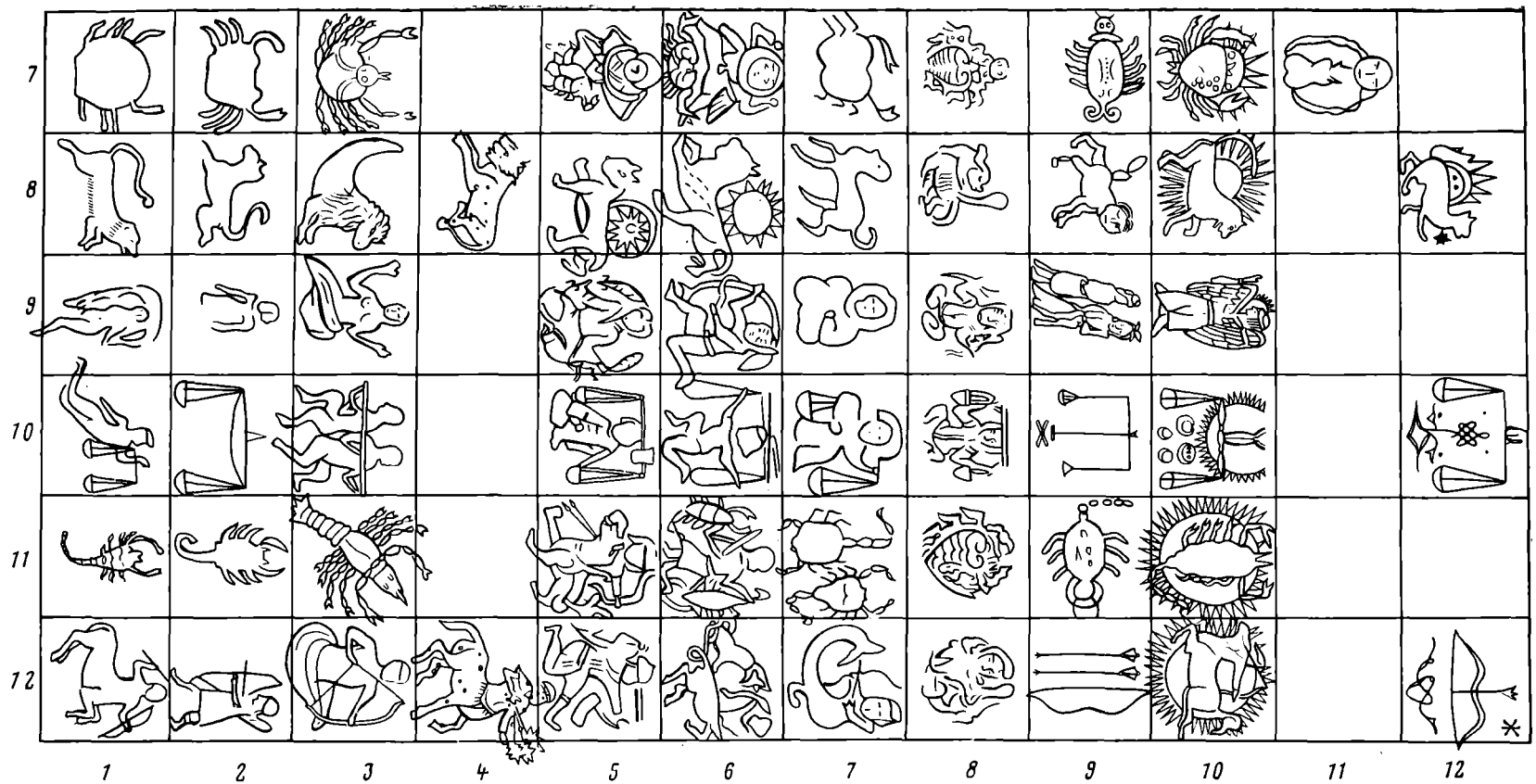


Рис. 4. Системы знаков Зодиака (снизу вверх): *1* — изображение на бронзовом зеркале; *2* — рукопись; *3* — настенная роспись; *4* — рукопись; *5* — бронзовое зеркало из Алеппо; *6—8* — изображения на металлических изделиях; *9* — роспись иконы; *10* — монеты Великих моголов XVII в.; *11*, *12* — джучидские монеты

в литературе точка зрения, суть которой сводится к тому, что медные монеты с такой надписью были обязательны к приему как определенная реформой, твердо установленная часть серебряного дирхема [44, с. 203; 45, с. 151—154]. Возможно, применение этой формулы более универсально [45, с. 147].

Все перечисленные выше монеты третьего периода не датированы, за исключением одной, битой в Хаджи-Тархане, с изображением кувшина с чаркой — знака созвездия Водолея. Как уже говорилось, она выпущена в 787 г. х., начало которого приходится на период вступления Солнца в созвездие Водолея. 787 г. х. начинался 12 февраля 1385 г. по юлианскому календарю [13, с. 72], или 20 февраля по григорианскому календарю. Солнце вступало в знак Водолея 21 февраля того же григорианского стиля. Несовпадение на 1 день или на 1° — вполне допустимая погрешность, причины которой оговорены выше. Если бы не учитывалась поправка на точность определения точек равноденствия, то начало Нового года хиджры по древней традиции должны были бы отметить знаком созвездия Рыб. Знак Водолея, согласно этой традиции, соответствовал январю. Ниже мы вернемся к иконографии данной монеты.

Основываясь на хаджи-тарханской датированной монете, датируем с учетом астрономических наблюдений серию монет третьего периода второй половины XIV в. из Сарая: с изображением Тельца — 776—778 гг. х. (1374—1375 гг.); с изображением Овна — 779—781 гг. х. (1377—1379 гг.); с изображением Рыб — 782—784 гг. х. (1380—1382 гг.); с изображением Водолея — 787—788 гг. х. (1385—1386 гг.)[8]; с изображением Весов — 796—797 гг. х. (1393—1394 гг.); монету из Сарайчика с изображением Девы — 797 г. х. (1394 г.) [13, с. 70—72].

Из многочисленных недатированных монет с изображением льва, льва и солнца на данном этапе исследования не могут быть выделены монеты с зодиакальными символами созвездия Льва, ибо все многообразие изображений льва в средневековом мире (в том числе и в Улусе Джучи) может быть учтено и истолковано только на основании тщательной разработки этого вопроса, что, однако, выходит за рамки данной работы. Здесь достаточно сказать, что для льва в мусульманских странах Ближнего Востока в XIV—XV вв. имелось около 700 наименований. Например, одно из них: Сафинах — слуга апостола бога (пророка Мухашмеда) [47, с. 5—8]. Далее, хорезмийская медная монета с изображением льва на фоне солнца [44, табл. II], очень напоминающая иранскую иконографию льва и солнца, могла быть символом Халифа Али [48, с. 71, 75]. Укажем в связи с этим, что первые монеты со львом и солнцем появляются в Хулагуидском Иране [49, № 7—162] при хане Улджейту (1304—1317), исповедовавшем ислам шиитского толка [50, 385]. Известно также, что изображение льва и солнца было вытканно на одном из штандартов Тимура конца XIV в. [51, ил. 14, 102]. Клавихо называет этот символ «гербом царя Самаркандского» [52, с. 293].

Сравнивая иконографию изображений знаков Зодиака на монетах Золотой Орды с иконографией Зодиака Центральной Азии, Индии, Ближнего Востока и Европы того же или близкого к нему времени (рис. 4), можно найти ряд неслучайных соответствий.

Так, для первого периода выпуска джучидских монет с символикой зодиакальных созвездий характерна иконографическая близость со знаками Зодиака Центральной Азии (Харо-Хото) [42, с. 498—499] и Индии [53, № 312—316; 54, с. 22—27]. Выбитые на булгарских монетах XIII в. знаки созвездий Стрельца и Весов аналогичны тем же знакам из Харо-Хото XIII в.[9]

[8] В том числе и монету с изображением кувшина из пос. Шахарлика, Хорезм [46, т. 91, с. 125, рис. 1].

[9] Экспозиция древностей из Харо-Хото в Гос. Эрмитаже. Приносим глубокую благодарность В. М. Исаевой, тщательно снявшей графическую копию со знаков Зодиака на иконе, которая в свое время была опубликована С. М. Кочетовой [42, с. 498—499, табл. 1]. В публикации С. М. Кочетовой с трудом различимы два знака. Издавая их, С. М. Кочетова ошиблась: она полагала, что знак Водолея изображен в виде кувшина. В действительности он представлен человекоподобным существом с веревкой на шее. В данном случае вместо знака Зодиака изображен астрономиче-

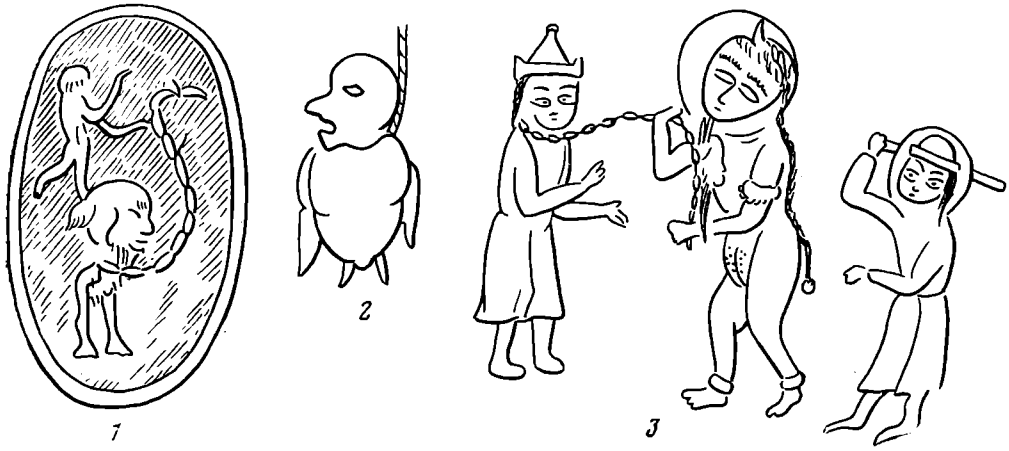


Рис. 5. Символическое изображение Сатурна. *1* — античная гемма; *2* — Харо-Хото, Сатурн вместо знака созвездия Водолея; *3* — изображение Сатурна, которого за цепь ведет Венера. Средневековый астрологический трактат. Рукопись

Знак Козерога в виде бородатого животного, отчеканенный на булгарской монете первого периода, как уже отмечалось, находит аналогии в Сирии начала XIV в. Эти аналогии указывают на направление связей и заимствований астрономических знаний и астрологической практики в первый период выпуска интересующих нас монет [57, с. 322; 58, с. 155; 59, с. 116; 60, с. 228]. Монеты второго и третьего периодов с изображением знаков Зодиака иконографически близки иранским, сиро-египетским и индийским зодиакальным символам. Таковы изображения на джучидских монетах знаков созвездий Льва, Рака, Девы, Тельца (рис. 4, *5—8*, *10*) [23, с. 224, 243; 53, с. 22—27; 61, с. 89, 90, рис. 1, *4*, *6*].

Изображение знака Водолея очень самобытно, хотя и может быть сопоставимо с индийской и сирийско-египетской зодиакальной символикой. Рисунок кувшина с чаркой на монетах из Хаджи-Тархана, Сарая ближе всего стоит к сирийско-египетскому образцу на зеркале из Алеппо (рис. 4, *5*). Изображенная там фигура у колодца здесь удалена, а такая деталь, как кувшин с чашей, становится ярким средством выражения символа знака Зодиака — Водолея. Следует отметить еще, что вместо чаши на джучидской монете изображена чарка для вина, в чем нашло, очевидно, отражение более древнее представление о том, что знак Водолея (или Ручья) ассоциировался с образом виночерпия Ганимеда древнегреческих мифов [62. с. 175]. Этот любопытный штрих в джучидской иконографии символа, не отмеченный в других дошедших до нас системах изображений знаков Зодиака, показывает, что джучидские мастера пользовались образами из неизвестных нам источников.

Монета, найденная в Хорезме, на поселении Шахарлик (рис. 2), с изображением кувшина как знака Водолея не имеет иконографических параллелей в Поволжье и ближе стоит к иконографии, традиционной в Индии на протяжении столетий (рис. 4, *10*). Монета, вероятно, местного, хорезмийского чекана. Знак Зодиака — Весы также близок индийской иконографии, хотя недалеко отстоит и от центральноазиатских аналогий. Прочные торговые связи, которые установились между Улусом Джучи и Индией [63, с. 73—80], несомненно, способствовали проникновению астрологической практики в золотоордынские города.

Очень самобытен джучидский астральный знак — Рыбы. Он повторяет иранские и индийские композиции знака, но особенностью его является изображение осетровых рыб — характерных представителей ихтиофауны Волги.

Не менее интересен знак Зодиака — Овен. Он представлен изображением курдючной породы овцы, очевидно, широко распространенной в

ский символ планеты Сатурн, для которой созвездие Водолея было «домом». Изображение Сатурна в виде человека с веревкой на шее известно на перстне эллинистического времени [55, с. 176, 177] (рис. 5, *1*) и в арабском астрологическом трактате XIII в. [56, с. 31—39, рис. VI] (рис. 5, *3*.)

Золотоордынском Поволжье, что находит подтверждение в письменных источниках [64, с. 149]. Следует отметить, что на джучидских монетах нет аналогий иконографии Зодиака из Западной Европы [65, с. 128, рис. 104; 66, с. 57, 58; 67, табл. III] (рис. 4, *1—3*).

Иконография рассмотренных выше монет зримо иллюстрирует наблюдение Ибн Батуры, посетившего столицу Золотой Орды — Сарай Берке в 1333 г. Он писал: «...в Сарае живут разные народы, как-то монголы — жители и владельцы ее; некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане, кыпчаки, черкесы, русские и ромейцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта и Сирии и других мест живут (в особом) участке, где стены ограждают имущество купцов» [35]. Как можно видеть, зодиакальная монетная символика джучидов имеет самобытные черты, сложившиеся на местной основе и испытавшие влияние культурных традиций различных народов, находящихся в контакте с Улусом Джучи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мец А.* Мусульманский ренесанс. М.: Наука, 1968.
2. *Шапшал С. М.* Редкая турецкая монета.— КСИИМК, 1949, вып. XXX.
3. *Керимов Г. М.* Шариат и его социальная сущность. М.: Наука, 1978.
4. *Ал-Газали Абу Хамид.* Воскрешение наук о вере/Пер. с арабского, исследования и комментарий Наумкина В. В. Памятники письменности Востока. М.: Наука, 1980.
5. Каталог монет Коканда XVIII—XIX вв./Сост. Шахнович С. Х. Ташкент: Фан, 1976.
6. *Идельсон Н. И.* Этюды по истории небесной механики. История календаря. М.: Наука, 1975.
7. *Гуреев Г. А.* История одного заблуждения. М.: Наука, 1970.
8. *Редер Д. Г.* Мифы и легенды Древнего Двуречья. М.: Наука, 1965.
9. *Hartner W.* Zur astrologichen symbolik des «Wade Cup».— In: Aus der islamishen kunst. B., 1959.
10. *Тихомиров М. Н.* О двенадцати монгольских месяцах в старинной русской письменности.— СЭ, 1958, № 3.
11. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967.
12. *Lane-Poole St.* Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. V. VIII, L., 1883.
13. *Цыбульский В. В.* Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1964.
14. *Пахомов Е. А.* Монеты Грузии. Тбилиси: Мецнереба, 1970.
15. *Ромаскевич А. А.* Изваяния и изображения львов в Иране.— В кн.: III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М.— Л., 1939.
16. *Rice T.* The seljuks. L., 1961.
17. *Daux G.* Ceramique des Cuclades du VII ciècle, retrouvés a Thasos proviennent des Cuclades. P., 1968.
18. *Vernale C.* Greek Funerary Animals, 450-300 B. C.— Amer. J. archeol., 1972, N 1.
19. *Добровольский И. Г., Брабич В. М.* Александрийские монеты Антонина Пия.— Историко-астрономические исследования, 1959, вып. V.
20. *Рашид-ад-Дин.* Переписка/Пер., введение и комментарии Филиной А. Н. М.: Наука, 1971.
21. *Sayili A.* The observatory in Islam and its place in the general history of the observatory.— Türk tarih kurumu. Ankara, 1960, t. 24.
22. *Lane-Poole St.* Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. V. III. L., 1879.
23. *Aga-Oglu M.* Ein Prachtspiegel im Topkapu Sarayi museum.— Pantheon Jahrgang. B., 1930, № 10.
24. *Baer E.* Sphinxes and Harpies in Medieval Islamik Art. Jerusalem, 1965.
25. Gönily O., Dragon Figures in Anatolian Seljuk art.— Türk tarih kurumu. Ankara. 1969, t. 33.
26. *Амиранишвили Ш. Я.* История грузинского искусства. Т. I. М.: Искусство, 1950.
27. *Френ Х. М.* Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий. СПб., 1832.
28. *Фасмер Р. Р.* О двух золотоордынских монетах.— Зап. коллегии востоковедов. Т. II. Вып. 1. Л., 1926.
29. *Зеленский А. Н.* Конструктивные принципы древнерусского календаря.— В кн.: Контекст. М.: Наука, 1978.
30. *Nasr S. H.* An introduction to Islamic Cosmological Doctrines. Cambridge, 1964.
31. *Ikram S. M.* Muslim Civilization in India. L.— N. Y., 1964.
32. *Кары Ниязов Г. Н.* Астрономическая школа Улугбека. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
33. *Мамедбейли Г. Д.* Основатель марагинской обсерватории Насир Эддин Туси. Баку: Изд-во АН АзССР, 1961.
34. *Федоров-Давыдов Г. А.* Новый Сарай по раскопкам в 1963—1964 гг.— СА, 1966, № 2.
35. *Тизенгаузен В. В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.
36. *Акчакраклы О.* Старо-крымские и отузские надписи XIII—XV вв.— Изв. Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. Т. I (58). Симферополь, 1927.

37. *Михайлов А. А.* Звездный атлас. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
38. *Бируни.* Памятники минувших поколений.— В кн.: Бируни. Избранные произведения. Т. I. Ташкент: Фан, 1957.
39. *Али-Заде.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку: Изд-во АН АзССР, 1956.
40. *Рахимов М. Р.* Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период. Душанбе: АН ТаджССР, 1957.
41. *Булатов М. С.* К вопросу о генезисе архитектуры мавзолея Саманидов.— Обществ. науки в Узбекистане, 1964, № 2.
42. *Кочетова С. М.* Божества светил в живописи Харо-Хото.— Тр. отдела истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа, 1947, т. IV.
43. *Янина С. А.* Джучидские монеты.— МИА, 1954, № 42.
44. *Федоров-Давыдов Г. А.* Нумизматика Хорезма.— НЭ, 1965, т. V.
45. *Мухамадиев А. Г.* Клад татарских монет XIV в.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969.
46. *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты с городища Шахерлик.— В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
47. *Ad-Damiris. Hagat al-Hayawan A.* Zoological lexicon/Transl. by colonel Yakar A. S. G. V. VI. London — Bombay, 1906.
48. *Толстов С. П.* Очерки первоначального ислама.— СЭ, 1932, № 2.
49. *Lane-Poole St.* Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. V. VI. L., 1881.
50. *Рашид ад-Дин.* Переписка/Пер. и коммент. Филина А. И. М.: Наука, 1971.
51. *Пугаченкова Г. А.* К истории костюма Средней Азии и Ирана XV; первой половины XVI вв. по данным миниатюр.— Тр. Среднеазиатского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Новая сер. Историческая наука. Кн. 12. Археология Средней Азии. Вып. 3. Ташкент, 1956.
52. *Клавихо Гонзалес, де.* Дневник путешествия ко дворцу Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг./Пер. Срезневского В. И. СПб., 1881.
53. *Lane-Poole St.* The Coins of Moghul Emperors of Hindustan in British Museum. L., 1892.
54. *Debrovolsris J.* Zodiaka svaiganaji us Indijas XVII G. S. Monetam un miniaturam.— Zvaiga nota debess. Riga: Gada Ziema, 1963.
55. *Babelon E.* La Gravure en pierres fines. P. 1894.
56. *Rise D. S. A* Drawing of the Fatimid Period.— Bull. School Orient. and African Studies. University of London, 1958, XXI.
57. *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период.— ЭВОРАО, 1894, т. VIII.
58. *Кычанов Е. И.* Очерки истории Тангутского государства. М.: Наука, 1968.
59. *Попов П. С.* Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань-чао-дянь-чжай.— ЗВОРАО, 1907, т. XVII.
60. *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1972.
61. *Пигулевская Н. В.* Сирийские и сиро-тюркский фрагмент из Харо-Хото и Турфана.— Сов. востоковедение, 1940, т. 1.
62. *Леклерк Б.* Из истории культуры. Истолкование чудесного (ведовство) в античном мире/Пер. Мищенко Ф. Г. Киев, 1881.
63. *Быков А. А.* Находки средневековых индийских монет в Восточной Европе.— ЭВ, 1969, т. XIX.
64. Барбаро и Контарини о России/Вступ. статьи, подготовка текста, пер. и коммент. Скрижинской Е. И. Л.: Наука, 1971.
65. *Редин Е. К.* Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916.
66. *Musicescu M. A. Ulea S.* Vornet. Bucarest, 1969.
67. Зап. Имп. Одесского о-ва истории и древностей. Т. XXIX. Одесса, 1911.

L. L. Galkin

SOME GOLDEN HORDE NEW YEAR COINS

Summary

The tradition of minting New Year coins with charity purposes was widely spread in the Near East and Iran. The Seljuks of Rum minted about 40 coin series showing the Sun and Lion in the years of Hegira which began under the Zodiacal constellation of Leo. The tradition was adopted by some Golden Horde rulers.

There were three periods of minting coins with Zodiacal symbols: the first is dated to the late 13th century, the second and the third coincide with the rule of khans Uzbek and Tokhtamysh, respectively. Some dated coins of the second and third periods carrying Zodiacal symbols testify that a correction to the observation of the equinox was taken into account. This shows that in Golden Horde cities there were astronomic observatories or observation posts. An analysis of the coins' iconography indicates that in the first period astronomy in the Golden Horde was influenced by Central Asian traditions while in the second and third periods — by the Iranian and Near Eastern traditions. At the same time the author points to a certain specificity of the Golden Horde astral symbols.

НЕМЦОВА Н. И.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИЗРАЗЦОВЫХ ПЕЧЕЙ В ДОМЕ САПОЖНИКОВА В ГОРОХОВЦЕ

Вопрос о восстановлении изразцовых печей в доме Сапожникова в г. Гороховце возник в связи с его реставрацией и приспособлением под музей [1].

А. А. Тиц считает, что дом был построен гостиной сотни торговым человеком Семеном Ершовым в 80—90-е годы XVII в. Здание первоначально состояло из подклета и жилого этажа с традиционной трехкамерной планировкой. Исследователь предполагает наличие второго жилого деревянного этажа [1, с. 81, 329, 330]. В 30—40-х годах XVIII в. дом был куплен купцом Ширяевым, который основательно отремонтировал здание [2]. Следующий ремонт относится к 1795 г., когда домом завладел купец Льготин. По-видимому, в этот период появился третий, каменный этаж [3] [3]. Таким образом, в современном облике здания отражены три основных строительных периода.

С самого начала во всех жилых палатах находились изразцовые печи. Об этом свидетельствуют хорошо сохранившиеся элементы древней отопительной системы, тесно связанной с планировкой дома. Почти все помещения отапливались проемными печами (т. е. печами, обогревавшими два смежных помещения, в которые выходили разные фасады печи) [4, с. 541]. Хорошо сохранились печные топки — «печуры», они представляют собой не очень большие арочные ниши, открывающие доступ из сеней к топочному пространству печи. В своде этих ниш устроены дымоходы.

В нижнем жилом этаже находятся три палаты. Большую гостиную — красную палату — обогревала угловая печь, топившаяся из сеней. Печура для отопления палат в западной части первого этажа выходит как раз в место соединения продольной и поперечной стены, в которой оставлен арочный проем. Это значит, что малые палаты отапливались одной проемной печью. Строители более позднего верхнего этажа сохранили такую систему отопления и в том же объеме: верхние печуры устроены над нижними, а дымоходы продолжены внутри верхних стен и выведены к дымникам. Планировка надстроенного этажа аналогична нижнему с той разницей, что по обе стороны сеней находится по две палаты тоже с проемными печами (рис. 1).

При исследовании дома Сапожникова в разное время были найдены изразцы нескольких типологических групп. К первой группе относятся рельефно-полихромные изразцы от разных печей. Один из них был обмерен в 1876 г. В. Леоновым [5, табл. VI] [4]; это стенной изразец с рельефом в виде восьмиконечной звезды (рис. 2, *4*) из печного комплекта, от которого нам известен еще один плоский поясовый изразец [5]. Несколько таких поясков сохранилось в облицовке переложенной в XIX в. печи красной палаты (рис. 2, *2*). А. И. Ивановым описаны изразцы, най-

[1] Дом изучал А. А. Тиц, историко-архивные исследования проведены Л. В. Дудоровой, проект реставрации выполнен Л. С. Лисовой.

[2] Впервые этот дом упоминается как принадлежащий Ширяеву в челобитной императрице Елизавете Петровне в 1746 г. [2].

[3] Источники [2, 3] обнаружены Л. В. Дудоровой, автор выражает признательность за разрешение использовать их в статье.

[4] В 1885 г. этот изразец был обмерен Н. В. Султановым [6, табл. IX].

[5] Такой поясовый изразец хранится в фондах ГОВСИАХМЗ.

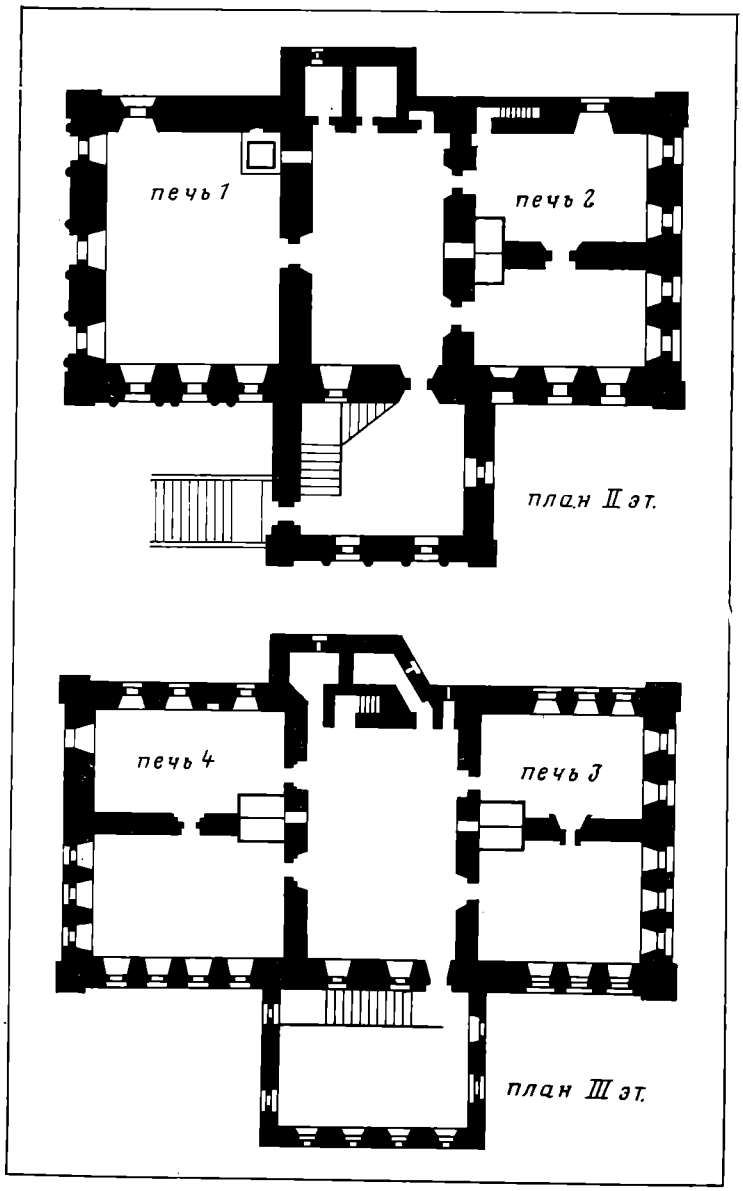


Рис. 1. Планы этажей дома Сапожникова

денные им в доме Сапожникова, еще от трех печей первой группы: с цветочным узором на бирюзовом фоне [6], двухцветные с белым рельефом по синему фону и трехцветные с восьмилепестковыми розетками, окаймленными волнистыми линиями медальонов, с белым рельефом по бирюзовому фону.

Такие характеристики, как коробчатая румпа, эмалевый рельеф, яркие, чистые цвета полив, большие размеры лицевой пластины изразцов, указывают на их балахнинское происхождение.

Балахнинские рельефно-полихромные изразцы применялись примерно с 70—80-х годов XVII в. до 20—40-х годов XVIII в. В настоящее время балахнинские изразцы известны в декоре колокольни Флорищевой Пустыни 1681 г. [7, с. 81], собора Благовещенского монастыря в Вязниках 1683 г. [8, с. 396], Успенской церкви на Ильинской горе в Горьком 1672 г. [9, с. 63, 66], были такие изразцы в Никольском соборе в Вязниках 1694 г. [10, с. 24], в Благовещенском храме в Юрьевце 1700 г. [11, с. 22], в декоре колокольни Спасской церкви в Балахне 1702 г. [9, с. 170], в Сергиевской церкви в Горьком 1702 г. [9, с. 173], в крыльце церкви Иоанна Лествичника в Горховце 1710 г. [8, с. 430],

[6] В 1982 г. такие изразцы найдены на территории усадьбы дома Сапожникова.

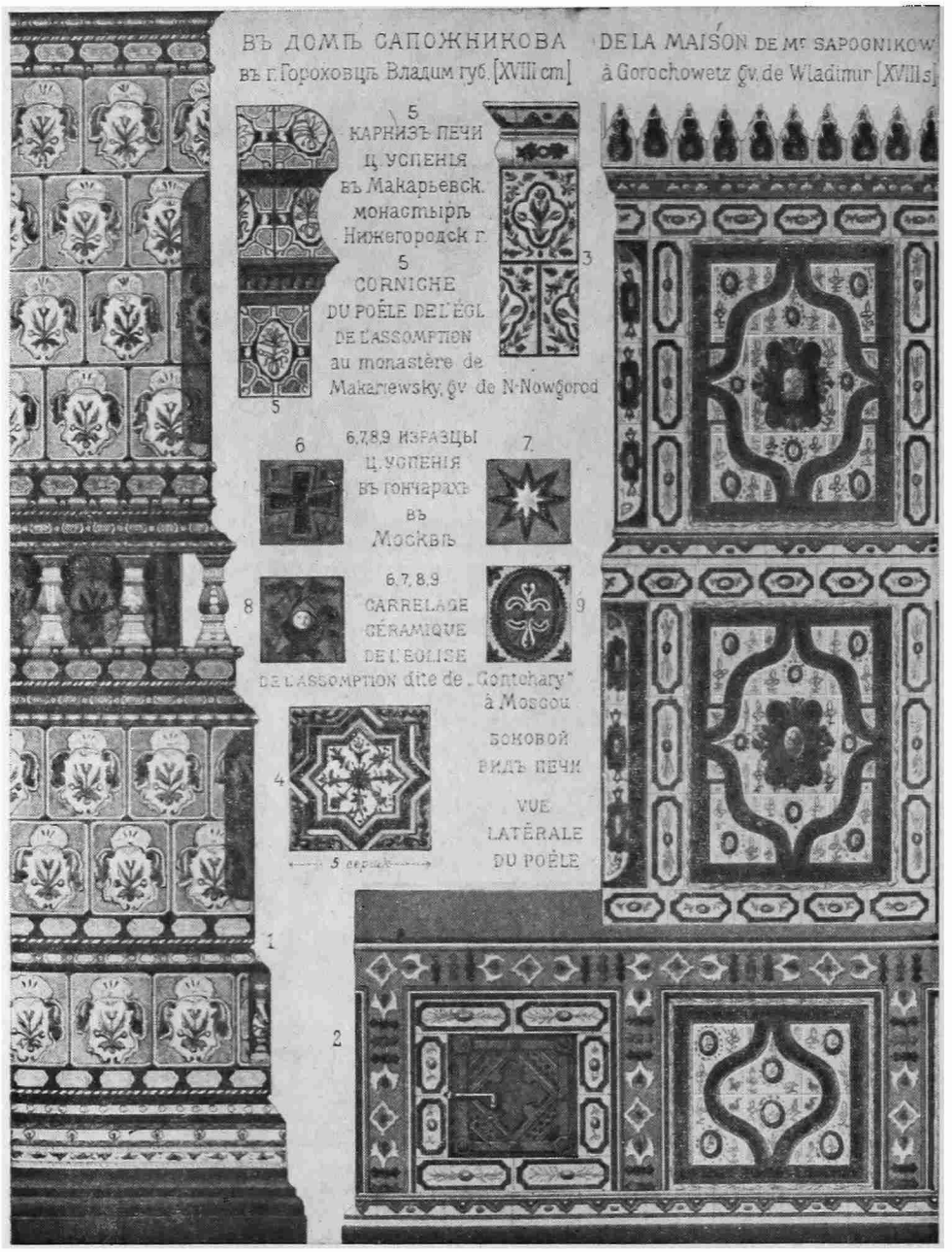


Рис. 2. Печи в доме Сапожникова, обмер В. Леонова (из кн. В. В. Суслова «Памятники русского зодчества» [5])

в Борисоглебской церкви в Балахне 1701—1722 гг. [9, с. 178], в ограде Никольского монастыря в Гороховце середины XVIII в. и т. д.

Среди известных датированных балахнинских изразцов мы видим, что самые крупные с чистыми цветами поливы, т. е. такие, как найденные в доме Сапожникова, являются наиболее ранними. Следовательно, изразцы первой группы в доме Сапожникова относятся к XVII в.— периоду строительства дома.

Ко второй группе относятся изразцы от рельефно-расписной печи. Два вида поясков (с коробчатой румпой — балахнинские) были найдены в доме во время исследования, остальные изразцы печного комплекта нам известны по обмерным чертежам Леонова, выполненным в XIX в. (рис. 2, *2*).

Рельефно-расписные изразцы появились в России в первом десятилетии XVIII в. [12, с. 85], широкое распространение в столице они получили в 20—30-е годы XVIII в., а в провинции — еще позже. В Суздале рельефно-расписные изразцы сохранились на колокольне Воскресенской

церкви 1720 г. [13], на Михайло-Архангельской церкви в Михалях 1740 г. [14, с. 91]. В посадском доме в Суздале изразцовая печь, облицованная рельефно-расписными изразцами, установлена во время строительства дома, в 30-е годы XVIII в.[7], аналогичные печи сохранились в Марфиных палатах в Успенском монастыре в Александрове (1753 г.) [16]. Мы не имеем возможности установить точную датировку балахнинских рельефно-расписных изразцов, но, учитывая, что рельефно-полихромные изразцы изготавливали в Балахне примерно в тот же период, что и во Владимирском крае, логично считать, что совпадали периоды производства изразцов следующей типологической группы в 30—50-е годы XVIII в. Печи, облицованные рельефно-расписными изразцами, в доме Сапожникова могли появиться во время первого ремонта дома в 30—40-е годы XVIII в.

Третью группу изразцов, найденных в доме Сапожникова, составляют гладкие расписные изразцы от двух видов печей: изразцы с медальонами, выполненными синей эмалью с полихромной росписью (рис. 3), и изразцы с диагональным рисунком ветвей, цветов, бабочек (рис. 4). Расписные изразцы выполнены из светложгущейся глины, имеют румпу, отступающую от краев, с двойным валиком по краю, как в московских изразцах XVII—XVIII вв.

Гладкие расписные изразцы начали выпускать в России по распоряжению Петра с 1709 г. в Новом Иерусалиме [12, с. 9], а в Москве — с 1725 г. на фабрике Гребенщикова [17, с. 504]. Примерно с 40-х годов расписные изразцы прочно вошли в быт по всей территории России. На протяжении второй половины XVIII в. они претерпели ряд изменений [18, с. 198, 199]. В 80—90-е годы XVIII в. надписи исчезают, а вместо сюжетных сцен появляется несколько вариантов композиций с цветами, вазами и т. п. Расписные изразцы из светлой глины в конце XVIII в. изготавливали в Гжели. Можно с уверенностью отнести появление расписных печей в доме Сапожникова ко времени последнего ремонта в 1795 г.

Таким образом, нам известны остатки четырех печей конца XVII в., печи первой половины XVIII в. и двух печей конца XVIII в. Следует учесть, что одна печь в среднем служила полстолетия. Нередко, когда в документах отмечены сведения о ремонтах какого-либо здания в течение одного-двух столетий, удается проследить, что полной замене предшествовали переделки изразцовых печей с использованием старых и с добавлением новых изразцов[8].

В первоначальном варианте дома Сапожникова было только три палаты в среднем этаже с двумя печами в них. Кроме того, изразцовые печи могли быть и в палатах предполагаемого деревянного этажа.

После ремонта 30—40-х годов XVIII в. были куплены новые печи, но, видимо, в этот раз заменили не все старые печи, часть из них была только отремонтирована. Московские расписные печи появились, по-видимому, вместе с третьим этажом.

В настоящее время трудно представить, как выглядели первоначально все печи в доме Сапожникова, но для реконструкции большей части из них есть достаточно оснований. Поскольку дом Сапожникова предназначен для размещения экспозиции купеческого быта XVII—XVIII вв., в проекте реставрации было предложено выполнить реконструкции трех типов печей соответственно конца XVII, первой половины XVIII и конца XVIII в. Обмеры и заметки Леонова содержат сведения о трех печах [5]. Самая поздняя, облицованная гладкими изразцами с синей росписью, зафиксирована в первоначальном виде, рельефно-расписная печь в момент обмера сохранила 80% первоначального печного набора. В кратком опи-

[7] Датировка дома установлена автором в процессе проведения реставрационных работ [15, с. 24].

[8] Много таких указаний есть в материалах по истории Успенского монастыря в Александрове, собранных Л. В. Дудоровой. Например, в монашеских кельях находились муравленые печи 90-х годов XVII в. В 1754 г. «за ветхостью старые изращатые печи разобраны и вновь сделаны из старых же изразцов» [19]. Подобные сведения относятся к печам Марфиных палат и других зданий монастыря.

Рис. 3. Стенные расписные изразцы от синей печи, найденные в доме

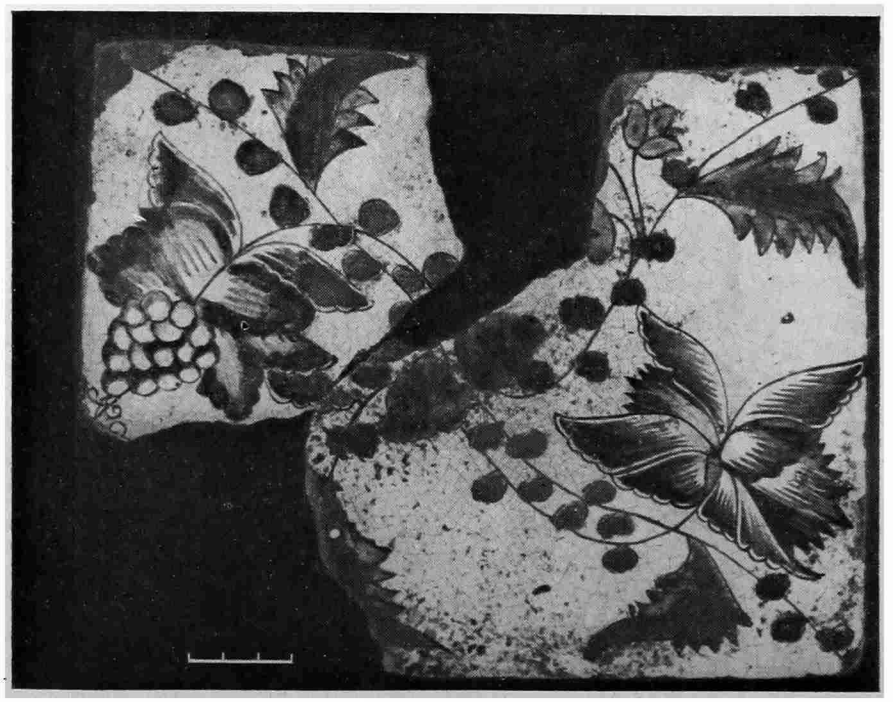


Рис. 4. Стенные расписные изразцы от печи 4, найденные в доме

сании, сопровождающем обмер, сообщается, что синяя печь находилась на верхнем этаже, а зеленая (рельефно-расписная) перенесена из правой палаты в красную палату и сложена на месте проданной отсюда печи. Следовательно, предыдущая печь была продана до 1876 г.[9] При разборке от нее осталась часть стенных и поясовых изразцов, которые были в разное время обмерены Леоновым, Султановым, Веселовским и Далем. А. А. Тиц указывает, что в красной палате до 1943 г. сохранялась изразцовая печь, но он не дал ее описания, поэтому неизвестно, была ли это зеленая печь или другая [1, с. 330].

В красной палате, видимо, находилась печь, облицованная изразцами с восьмиконечной розеткой, именно от нее использованы детали, дополненные в перенесенную сюда печь. Это тем более вероятно, что в гостиной комнате, скорее всего, была самая яркая и красивая печь.

Главное условие для выполнения графической реконструкции изразцовой печи — выявление полного печного набора. Из комплекта ранней печи не сохранилось ни одного изразца. Стенной изразец от этой печи, а также плоский поясовый нам известны из обмеров Леонова и Султанова.

Изразцы с восьмиконечной розеткой известны во многих местах: в Москве (они были в церкви Николы в Столпах, Новодевичьем монастыре, Зарядье, Новоспасском монастыре), Ярославле, Александрове и т. д. Но нигде не сохранилась печь с такой облицовкой, поэтому для выявления недостающих элементов использован ряд аналогий.

В различных печных наборах одного периода (в печах, изготовленных в разных городах) мы встречаем одинаковые поясовые элементы: городки, ноги, подзоры вместе с различными стенными изразцами. По-видимому, у древних мастеров было около 10 образцов орнаментов для вспомогательных элементов, которыми они варьировали, добиваясь определенного разнообразия в печных комплектах[10]. Эти орнаменты повторялись в различных сочетаниях на плоских изразцах, профильных поясах, подзорах, ножках и городках. Таким образом, на каждой печи можно было увидеть совокупность приблизительно 10 видов орнаментов на вспомогательных элементах (рис. 5). Выбор орнаментов для стенных изразцов был значительно шире. Все известные нам изразцы 80—90-х годов XVII в.— печные, за исключением архитектурных изразцов, изготовленных специально для облицовки фасадов[11].

Таблица взаимовстречаемости элементов печной облицовки, в которую включена только часть материалов музейных коллекций[12], характеризует наиболее употребительные изразцы этого времени.

Следовательно, сумма изразцов, известных нам от печей одного времени, найденных при раскопках или хранящихся в музеях, представляет собой разрозненные печные комплекты, в чем-то повторяющие, в чем-то дополняющие друг друга. Анализируя форму и качество орнамента, иногда можно из этого материала выбрать все элементы для определен-

[9] А. И. Иванов ошибочно считал, что ранняя печь находилась на своем месте до 1899 г. [10, с. 20]. Вероятно, он сделал этот вывод на основании письма некой О. А. Замотринской, в котором она сообщала: «...у наследников Сапожниковского дома в нижнем этаже сохранилась от древних времен изразцовая печь, еще ни разу никем не осмотренная до сего времени...». Конечно, подательнице этого письма могло быть неизвестно, что еще 23 года назад в доме Сапожникова были обмерены и печи, и мебель [20].

[10] Можно предполагать, что у гончаров кроме целых форм для изразцов были отдельно формы для орнаментальных вставок. Такое предположение мы строим на основании наблюдений. Остальные виды орнамента повторяются на плоских поясах и участках ножки. Встречаются ножки с одинаковым орнаментом на профильной части и разным на плоской части. Использование штампов для фрагментов орнаментов замечено и в более ранних рамочных изразцах [21, с. 93].

[11] К архитектурным можно отнести изразцы Воскресенского собора в Новом Иерусалиме, горельефы Степана Иванова, некоторые изразцовые наличники ярославских храмов, фризы московских храмов, а также балахнинские фризы.

[12] В таблице взаимовстречаемости использованы в основном археологические материалы, которые могут характеризовать именно совокупность изразцов печных наборов. Автор приносит благодарность В. П. Глазову за использование владимирских раскопочных материалов, И. И. Сергиенко, А. Г. Векслеру и сотрудникам фондов МИРМ за помощь в ознакомлении с изразцами московских памятников.

№ п. п.	Перечень объектов (печи, развалы печей, археологические находки (а. н.))	Элемент печной облицовки							
		1	2	3	4	5	6	7	8
1	Печь из немецкой слободы	×							
2	Печь, Надвратная церковь, Новодевичий монастырь	×					×		
3	Печь, церковь в с. Алексеевском	×	×		×	×	×		
4	Печь, палата Софьи, Новодевичий монастырь	×	×						
5	Палаты Натальи Кирилловны, Кремль				×	×			
6	Дом бояр Романовых	×	×	×		×			
7	Дворец Алексея Михайловича в Коломенском	×					×		×
8	Печь, Теремной дворец в Кремле	×	×		×		×		
9	Боровское подворье, а. н.	×					×		
10	Зарядье, а. н.		×		×	×			
11	Ордынский тупик, а. н.				×		×		
12	Кировский р-н, а. н.			×	×				
13	Бауманский р-н, а. н.				×				
14	Заяузье, а. н.				×	×			
15	Площадь Ногина, а. н.		×		×	×			
16	Московский Кремль, а. н.	×				×			
17	Церковь Успения в Гончарах, а. н.								
18	Болдинский монастырь в Дорогобуже, а. н.				×				
19	Александрова Слобода, кельи, а. н.				×	×			
20	Суздаль, Сп. Евфим. монастырь, Братский корп.		×		×				
21	Ярославль, церковь Петра и Павла						×		
22	Ярославль, Федоровская церковь			×					
23	Балахнинские изразцы				×		×		×

ного печного набора. В декоре колокольни Флорищевой пустыни, Благовещенского собора в Вязниках, колокольни Спасской церкви в Балахне, Успенской, Сергиевской и Благовещенской церквей в Горьком, а также на других памятниках мы встречаем несколько видов повторяющихся стенных изразцов и одни и те же поясовые элементы. Пояса такой же группы из коллекции И. В. Голышева из Вязников и Гороховца находятся сейчас в фондах музея в Суздале. Они не имеют аннотаций, но, по некоторым данным, в том числе по зарисовкам XIX в., нам известно, что большинство из них относится к дому Сапожникова и к дому Шумилова в Гороховце [22, с. 7]. Именно в этой коллекции изразцов следует искать недостающие элементы печного набора для печи 1 в доме Сапожникова.

Среди поясовых элементов мы находим пояс, аналогичный изображенному в обмере В. Леонова (рис. 2, *2*). Такой же поясовый элемент найден среди изразцов печного развала Коломенского дворца. Изразцов такого типа сохранилось очень немного: кроме упомянутых нам известен еще только один случай их применения на галерее Успенского собора Иосифо-Волоколамского монастыря [23, с. 106]. Учитывая, что в гороховецкой и коломенской печах использован малоупотребительный изразец, можно считать эти печные наборы в какой-то мере родственными. При подборе группы вспомогательных элементов для исследуемой печи в Гороховце из известных нам балахнинских изразцов в качестве аналогий были использованы коломенские изразцы. Городки, ножки, подзоры приняты по типу коломенских.

Таким образом, состав печного комплекта установлен с большой долей вероятности. Что касается вопроса о восстановлении архитектурных форм печи, то наблюдения показывают, что печи последней четверти XVII в. были двухъярусными, ярусы строили с уменьшением ширины кверху и с увеличением высоты. В большинстве случаев в нижнем ярусе было два ряда изразцов, а в верхнем — три или четыре. Высокая цокольная часть как бы образовывала еще один ярус. Ряды стенных изразцов, как правило, опоясаны плоскими поясами, чаще всего с различным орнаментом сверху и снизу. Иногда печь ставили на ряд изразцов, но этот ряд был необязательным, таким же был ряд плоских изразцов в завершении, их

Элемент печной облицовки																		
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
×	×	×							×		×					×		
		×	×	×				×								×		
			×	×				×			×			×				×
					×							×	×					
	×		×		×	×								×				
	×	×	×		×									×		×	×	
			×					×				×		×		×		
		×	×		×								×					
	×		×	×									×	×				
	×	×	×	×														
			×															
	×		×	×	×							×	×					
			×		×													
	×						×						×	×				
																×	×	
	×	×	×															×
	×	×	×	×	×	×												×
			×															
									×	×								
	×			×						×								
×	×	×			×	×			×							×		×

применяли в печах для высокого помещения. В низком помещении их обычно убирали, могли убрать и какой-нибудь из промежуточных поясов. Изменение ширины ярусов достигалось при помощи профильного пояска, так называемого каблучка. Выступ каблучка обычно равен четверти ширины стенного изразца, поэтому в сумме два выступа по обе стороны одного фасада дают разницу в ширине верхнего и нижнего поясов, равную половине стенного изразца. При угловом расположении печи цокольная часть примыкала к стенам таким образом, что с одной стороны оставались свободными два яруса, а с другой (где была устроена топка) — только верхний. В средизальной печи три фасада были свободны, а четвертой стороной она примыкала к стене. Верхний ярус в любом случае оставался свободным, что увеличивало теплоотдачу печи. Размер цокольной части печи ограничен размерами подзоров, потому что может быть установлено только целое число подзоров. На каждую ножку опиралось два подзора, а на угловую — один и вставочка, имеющая такую же ширину. как основание подзора. В верхней части печи взаимосвязаны размеры стенных и поясовых изразцов. Решающими для общих габаритов печи являются размеры городков и стенных изразцов, потому что общий размер завершения печи должен быть кратным размеру половины стенного изразца (поскольку ярусы по ширине всегда отличаются на пол-изразца).

В графической реконструкции печи в красной палате использованы все эти закономерности. Важную роль для определения габаритов печи играет частично сохранившаяся и восстановленная печура. Ось торцового фасада печи должна совпадать с осью печуры. В этом случае решаются все вопросы. В остальных случаях либо не достигается совпадения топочного прохода с внутренним объемом печи, что совершенно исключено, либо не совмещаются размеры всех поясов печной облицовки. Следовательно, такой вариант композиционного размещения печи, который разработан, является единственно верным. В цокольной части помещаются с обеих сторон по четыре подзорных изразца; размеры печи в основании равны приблизительно 1,40×1,40 м, что близко к часто встречаемым габаритам изразцовых печей XVII в. Высоту печи определили размеры

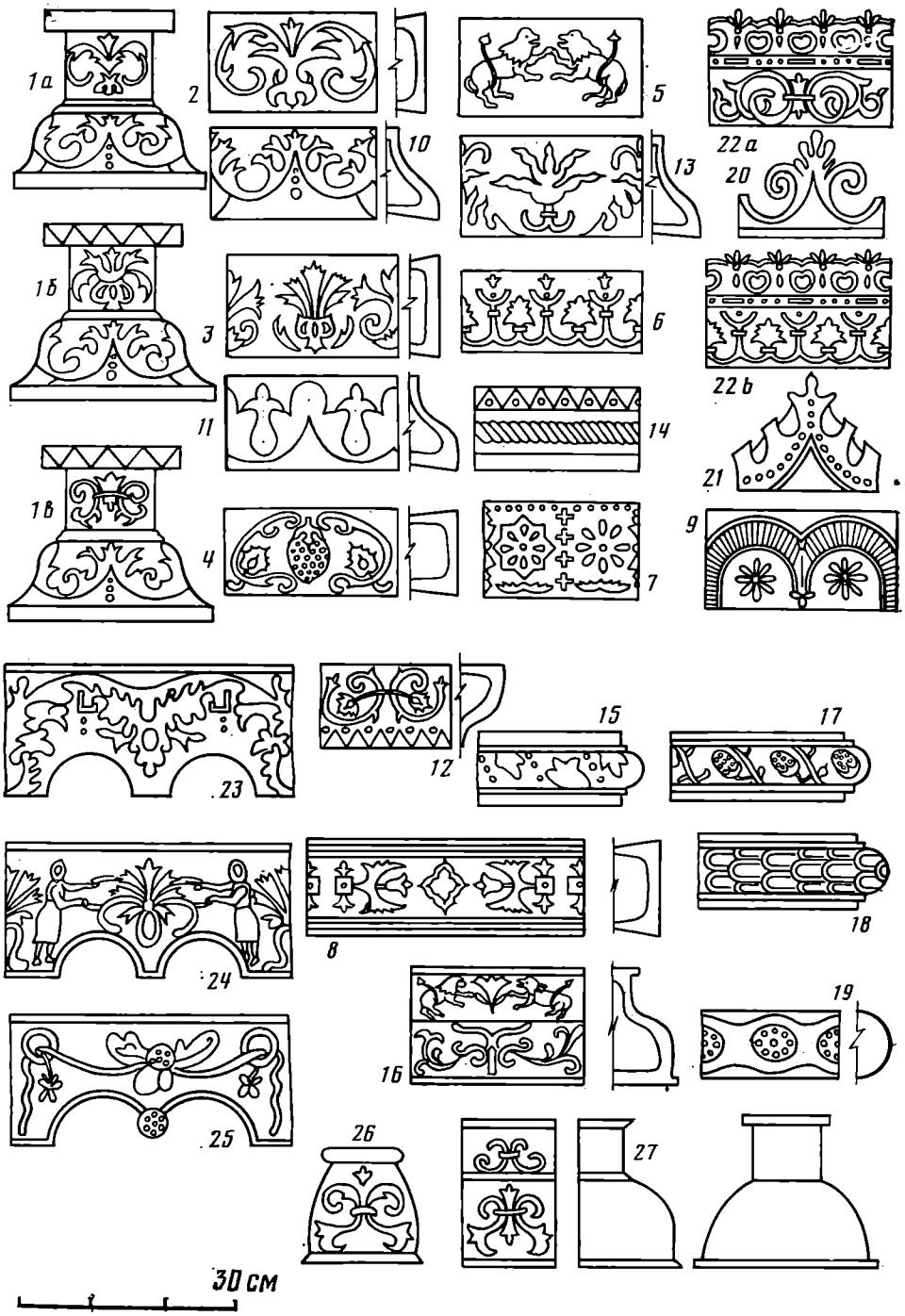


Рис. 5. Вспомогательные элементы изразцовой облицовки рельефно-полихромных печей 80-х годов XVII в.

израцов и высота помещения. Нижний ярус принят, как это было обычным, высотой в два ряда, а верхний — в три ряда. Каждый ярус опоясан сверху и снизу плоскими изразцами, которые чередуются с профильными. В целом завершение печи состоит из четырех поясов, три ряда разделяют ярусы, и цоколь состоит из шести рядов (рис. 6).

Следующий этап развития изразцовых печей представлен в доме Сапожникова рельефно-расписной печью 30—40-х годов XVIII в. Такой вид печи, облицованной геральдическими изразцами с девятиизразцовым клеймом, был широко распространен в памятниках Гороховецкого района и в других городах, куда в XVII в. поставляла изразцы Балахна, в частности в Муроме. Подобные печи выпускали и в Москве. Отличительная особенность такой печи заключается в том, что в ее оформлении присут-

ствуют как горизонтальные, так и вертикальные пояса. В печах других типов такое сочетание пока не встречено. Представить первоначальный вид такой печи помогает чертеж Леонова. При перекладке в XIX в. была собрана большая печь с лежанкой (на ее облицовку понадобились все изразцы от зеленой печи и часть изразцов от предыдущей печи из красной палаты). Верхняя ее часть сохранила свою первоначальную архитектуру, и только нижняя переделана без учета начальных форм. Следовательно, большая часть печного комплекта нам известна. В последнем варианте не сохранились подзоры и ножки.

В составе печного комплекта есть городки, подзоры, ноги, угловые вставки (узкая и широкая), профильные пояски и два вида плоских поясков — короткие и длинные. В чертеже Леонова мы находим непривычное вертикальное расположение длинных поясков. Очевидно, что такое расположение не ошибочно и не случайно. Роспись на всех изразцах и частях клейма расположена вертикально, так, будто веточки растут снизу вверх. Это обстоятельство помогает уточнить первоначальное расположение всех частей облицовки. Разместив все изразцы соответственно этому принципу, мы убеждаемся, что длинные пояски действительно были расположены вертикально в первоначальном варианте. Симметричные части клейма изготовлены в одной форме, но в процессе росписи каждому изразцу было определено место, поменять местами их уже нельзя. Таким образом, облицовка исследуемой печи представляет собой в своей основе девятиизразцовое клеймо, опоясанное со всех сторон плоскими изразцами. Размер суммы трех длинных изразцов равен вертикальному размеру клейма — это дополнительное свидетельство правильности вывода о вертикальном расположении поясков. Поскольку размер клейма остается неизменным и в верхнем, и в нижнем ярусе, для традиционного расширения нижнего яруса были выполнены расширенные угловые вставки (вставки сохранились в печи Сергиевской церкви и в обмере Леонова). Увеличение нижней вставки равно выступу карнизного изразца, так взаимосвязаны размеры ярусов. Во всех остальных композиционных частях остаются неизменными основные формообразующие принципы, характерные для печей более ранних этапов. На изразцовые ножки опирается ряд подзоров, плоские пояски чередуются с профильными, каждый ярус печи опоясан сверху и снизу рядом плоских поясов, завершается печь городками (рис. 7). Поскольку в данном случае мы располагаем размерами всех изразцов, у нас есть возможность графического построения реконструкции фасадов.

Сделанная реконструкция может послужить образцом для всех печей этого типа с некоторыми корректировками общих размеров в зависимости от их расположения в помещении. Нам известно, что кроме указанных случаев применения такие печи находились в Игуменском доме Знаменского монастыря в Гороховце, в настоятельском каменном корпусе Спасского монастыря в Муроме, во Флорищевой Пустыни [10, с. 28, рис. 20, с. 33—34, рис. 29] [13]. В средизальной печи один фасад будет примыкать к стене, а три фасада останутся свободными. А в угловой печи два фасада будут примыкать к стене, а два фасада останутся свободными. Такой была проемная печь в доме Сапожникова, которая составлена из двух маленьких печей, расположенных в разных помещениях. Каждая из них фактически представляет собой уголовую печь, примыкающую к продольной стене, в которой находится печура, и к поперечной стене, в которой оставлен проем. Для того чтобы печь могла примыкать к стене одним фасадом, в нем не должно быть выступов. В этом случае угол фасада, примыкающего к стене, должен быть облицован угловой вставкой одинаковой ширины в верхнем и нижнем ярусах. При таком решении цокольная часть печи будет ограничена последним целым подзорным изразцом, опирающимся на половину ноги.

---

[13] А. И. Иванов ошибочно отнес печь из Спасского монастыря к ценинным печам XVII в. Это была балахнинская печь с девятиизразцовым клеймом. В Муроме в разных местах встречены пояски от печей этого типа.

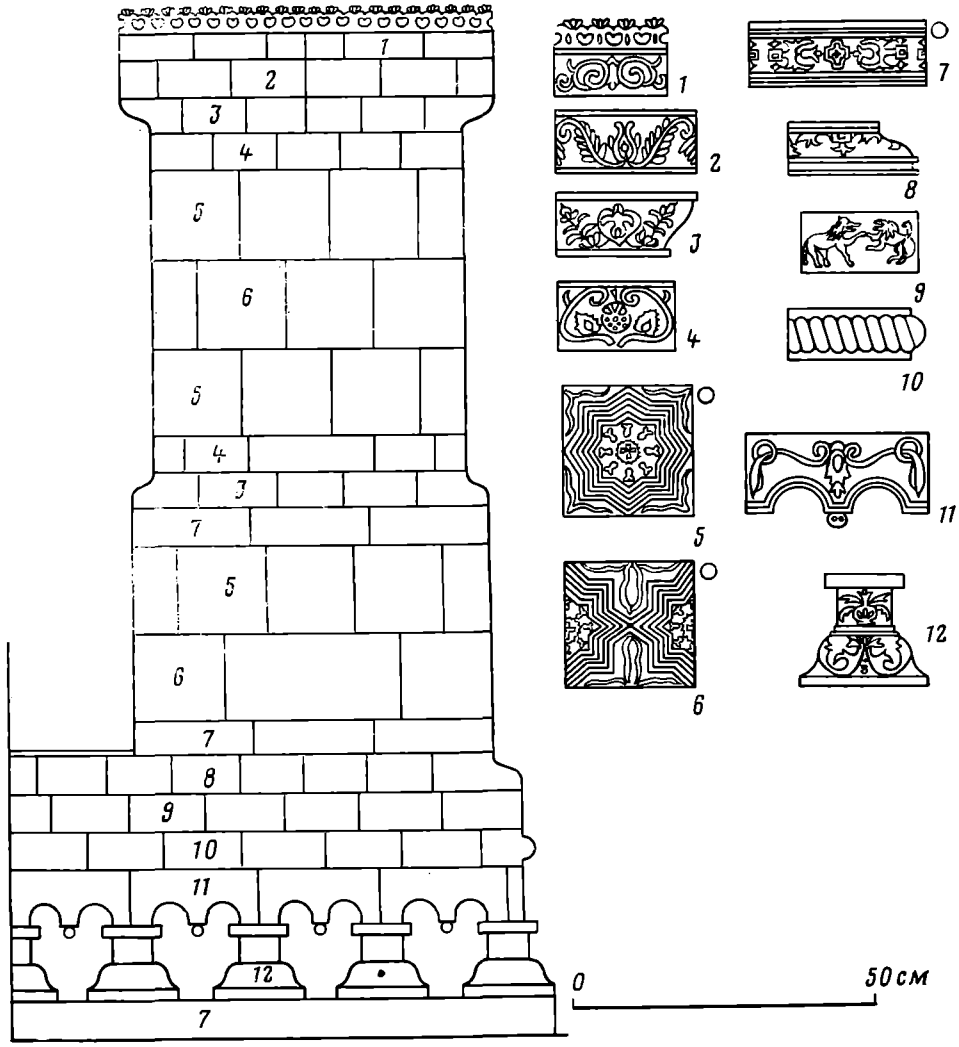


Рис. 6. Реконструкция печи 1 (кружками обозначены подлинные изразцы. То же на рис. 7—9)

В плане габариты печи ограничены дверными проемами в продольной и поперечной стенах, к которым примыкает печь. В проектном решении размеры печи хорошо увязываются с размерами помещения и печь удобно размещается на своем месте.

Для верхнего этажа выполнены проекты восстановления расписных печей. Одна из них, синяя, неоднократно обмерена до разрушения[14]. В этих обмерах зафиксированы первоначальные архитектурные формы печи. Судя по обмеру А. В. Филиппова, сделанному в 20-е годы XX в., печь не изменила свой облик на протяжении XIX столетия. Сохранившиеся образцы изразцовых печей конца XVIII в. позволяют составить представление об их архитектуре. На основании этого мы можем убедиться в первоначальности форм печи, изображенной на обмерах. Ярким примером этому служит балахнинская печь конца XVIII в., сохранившаяся в Муроме, а также печи в палатах Волкова в Москве. В развалах печей Лефортовского дворца аналогией служат только изразцы печного комплекта, так как архитектурные формы неизвестны. И в этом случае мы убеждаемся, что имеем дело с первоначальным набором печного комплекта.

В печах, облицованных расписными изразцами, наблюдается значительное разнообразие видов. По типу завершения они разделяются на

[14] В 1876 г. эта печь была обмерена В. Леоновым (рис. 2, *1*). Обмер А. В. Филиппова в настоящее время хранится в фондах Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева.

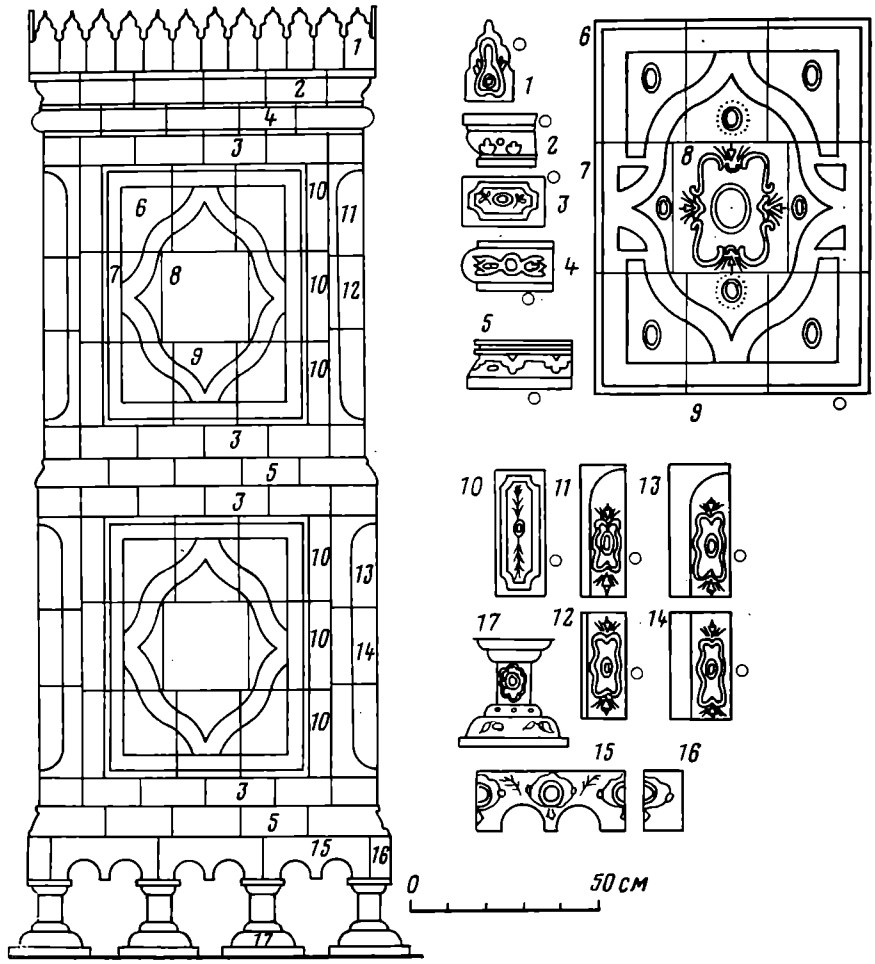


Рис. 7. Реконструкция печи 2

две группы. В первой группе завершение собрано из чередующихся плоских и профильных поясков с венчающим рядом городков. Во второй завершение выполнено из двух рядов (вогнутого и выпуклого) полукруглых изразцов типа стенных. В этом случае городки отсутствуют. По типу росписи расписные печи можно разделить на три группы: полихромные трехцветные, полихромные пятицветные и монохромные с синей росписью на белом фоне. Все поясовые элементы (кроме верхних рядов завершения) во всех группах выполнялись в одинаковых формах. Затем одинаковые заготовки расписывались различно для трех групп[15]. Стенные изразцы имели несколько разновидностей росписи внутри каждой группы, а поясовые изразцы были одинаковыми для всех разновидностей печей одной группы. В этом прослеживается наметившаяся ранее тенденция к многоплановости группы печных комплектов. Два вида расписных изразцов, найденных в процессе исследования в доме Сапожникова, относятся к разным группам печей одного времени, имеющим принципиально одинаковые решения архитектурного образа. Поэтому было принято решение построить вторую печь по аналогии с синей печью, имеющей достаточно документальных и натурных оснований для восстановления (рис. 8). Для другой печи мы располагаем только стенными изразцами. Все остальные элементы печного набора были собраны по аналогии с печами этой группы. В частности, в качестве аналогий использованы печи палат Волкова. Учитывая то обстоятельство, что расписные печи дома Сапожникова — московские, недостающие элементы печного набора для второй печи были подобраны в фондах московских музеев из разобранных московских печей (рис. 9).

[15] Ножки и подзоры в цокольной части печи в этот период не применяли.

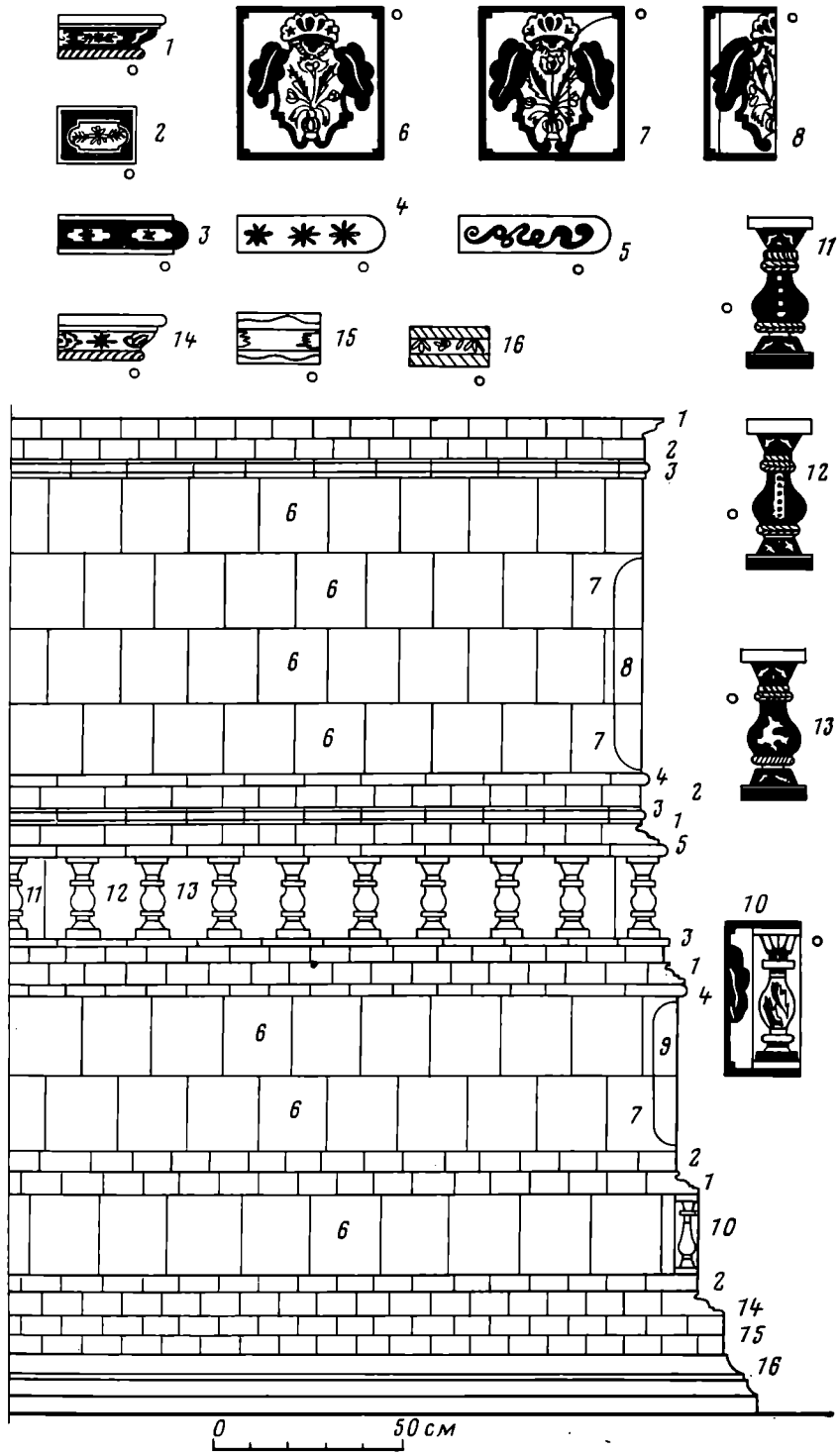


Рис. 8. Реконструкция печи 3

На опыте проделанной работы можно сделать некоторые общие выводы, касающиеся методики реставрационной реконструкции изразцовых печей XVII—XVIII вв. Первым необходимым условием является выявление печного набора. Если нам известен подлинный комплект изразцов, реконструкция значительно облегчается, потому что в этом случае благодаря взаимосвязанности их размеров построение допустимо производить графическим методом (печь 2), используя данные натурных исследований. Если части печного комплекта подбираются по аналогии, т. е. достоверность их размеров не может быть проверена, особое значение приобретает раскрытие натурных остатков печи — фундаментов, печур и пр. В некоторых памятниках исследователями были обнаружены штрабы от

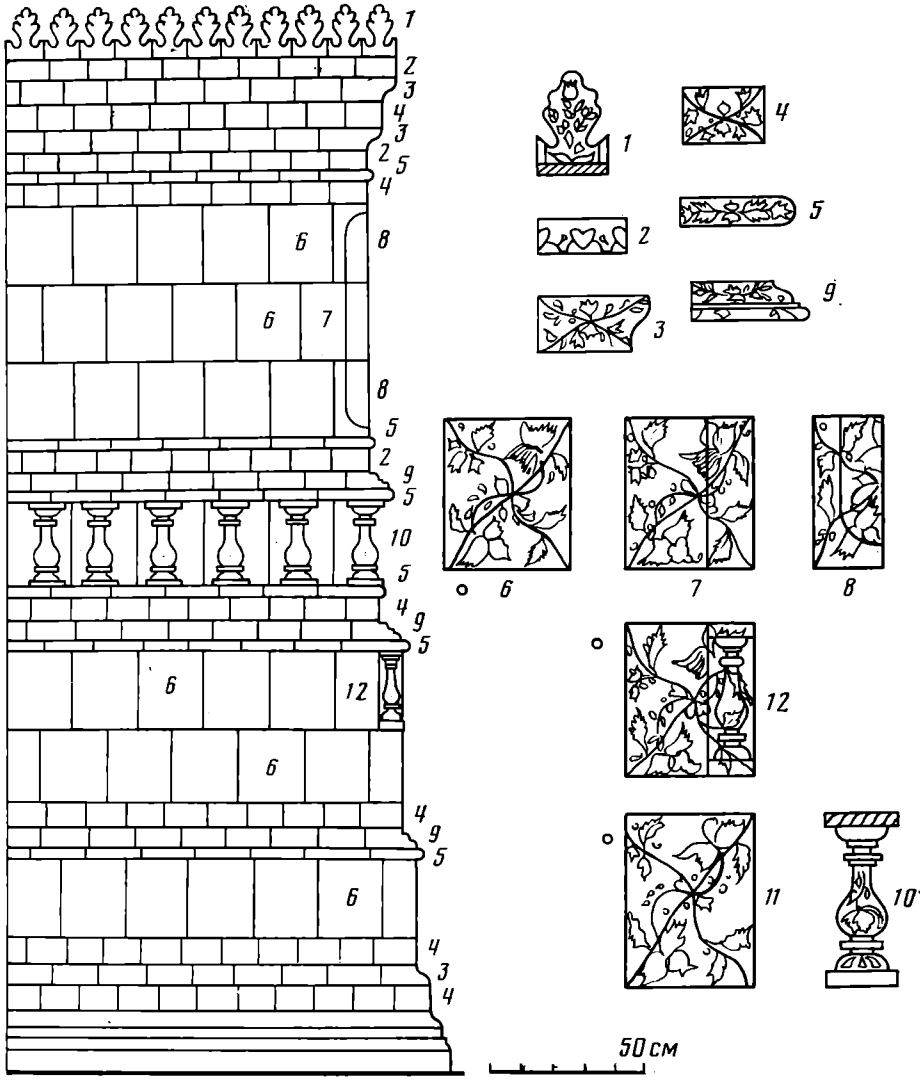


Рис. 9. Реконструкция печи 4

примыкания печи или железные балочки, поддерживающие печь [24, с. 80]. В памятниках Владимирской области XVII—XVIII вв. исследования печного места не показали такого способа заделки печи, который оставляет штрабу в стене по контуру всей печи. Использование балочки под печью было обнаружено в Суздале, в посадском доме первой половины XVIII в., где найдены гнезда от балочки. Фундаменты печей сохраняются далеко не во всех случаях; в зданиях, перестроенных много раз, фундаменты в большинстве случаев отсутствуют. Подлинная печь, даже перестроенная, в древних зданиях сохраняется еще реже. Исходя из таких условий работы, мы видим, что опирающийся только на натурные остатки метод (аналитический) реставрации изразцовых печей может быть применен в исключительных случаях — при наличии подлинной печи, фундаментов, печуры и т. д. Примерами этому служат печи в Сергиевской церкви Сретенского монастыря в Гороховце, расписная печь в палате архимандритского корпуса Михайло-Архангельского монастыря в Юрьеве-Польском и аналогичные случаи. Однако такие случаи редки в практике реставрации. Например, печи XVII в. в памятниках Владимирской области совсем не сохранились. Значительно чаще в распоряжении реставраторов есть только часть натурных обоснований. Поэтому в большинстве случаев при реконструкции печей применяется метод, основанный на использовании аналогий, а вопрос о правомерности восстановления в натуре должен решаться индивидуально в каждом отдельном случае в зависимости от достоверности графической реконструкции. Специ-

фика комплектования печи из маловарьируемого набора изразцов значительно расширяет рамки достоверности их реконструкции.

В доме Сапожникова, несмотря на то, что не сохранились подлинные печи и фундаменты от них, выполнены реконструкции печей 2 и 3 на основании размеров подлинных изразцов и комплекса рассмотренных материалов. Достоверность этих реконструкций очевидна. Это дает право решить вопрос о восстановлении печей в натуре положительным образом для более полного раскрытия художественных особенностей дома Сапожникова. Если бы реставрация дома Сапожникова была конечной целью, то следовало бы ограничиться восстановлением в натуре этих двух печей, а по печам 1 и 4 выполнить только графическую реконструкцию на основании проведенных исследований. Однако в настоящем случае ввиду использования отреставрированного памятника как музея купеческого быта XVII—XVIII вв. главной задачей выступает восстановление художественного облика интерьеров этого дома. Этим обусловлено принятое решение восстановить в натуре печи 1 и 4, выполненные по аналогиям с другими печами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тиц А. А.* Русское каменное зодчество XVII в. М.: Наука, 1966.
2. ЦГАДА, ф. 723, оп. 1, д. 20.
3. ВОГА, ф. 19, оп. 3, д. 290, л. 15/об. 1795 г.
4. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Т. XXIII[а]. СПб., 1898.
5. *Суслов В. В.* Памятники русского зодчества. Вып. IV. СПб., 1900.
6. *Султанов Н. В.* Изразцы в древнерусском искусстве.— В кн.: Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. СПб., 1885.
7. *Георгиевский В.* Флорищева Пустынь. Вязники, 1896.
8. *Ушаков Н. Н.* Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913.
9. *Агафонов С.* Горький, Балахна, Макарьев. М.: Искусство, 1969.
10. *Иванов А. И.* Забытое производство. Очерк изразцовой промышленности Владимирского края. Владимир, 1930.
11. *Кудряшов Е. В.* Юрьевецкие изразцы.— ДИ, 1973, № 2.
12. *Кавелин Л.* Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом монастыре.— Вестник общества древнерусского искусства, 1876, № 11—12.
13. ЦГИА, ф. 796, оп. 2, д. 207, л. 1.
14. *Березин В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской Епархии. Владимир, 1896.
15. *Немцова Н. И.* Отчет о реставрационных работах по дому Москвиной в Суздале.— Архив ВСЭНРПМ, инв. № 14297.
16. ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 81, д. 41233, лист 9 (об).
17. *Салтыков А. Б.* Изразцы.— В кн.: Русское декоративное искусство. Т. 2. М., 1963.
18. *Воронов Н. В.* Русские изразцы XVIII в.— В кн.: Памятники культуры. Исследование и реставрация. М., 1960.
19. ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 81, д. 41325, л. 30.
20. ВОГА, ф. 526, оп. 1, д. 1, л. 32 (Архив ВУАК).
21. *Рабинович М. Г.* Московская керамика. Изразцы.— МИА, 1949, № 12.
22. *Веселовский Б.* Изразцовые печи в доме госпожи Шумиловой в г. Гороховце.— Зодчий, 1880.
23. *Воронов Н. В., Сахарова И. Г.* О датировке и распространении некоторых типов московских изразцов.— МИА, 1955, № 44.
24. *Казакевич И. И.* Московское Зарядье. М., 1977.

N. I. Nemtsova

RECONSTRUCTION OF THE TILE STOVES IN THE SAPOZHNIKOV HOUSE IN GOROKHOVETS

Summary

The author discusses three types of tile stoves found in a merchant's house dated between the 17th and 18th centuries in Gorokhovets, Vladimir Region. The stoves belonged to three chronological periods — to the late 17th, mid-18th and late 18th centuries. Relying on her vast practical experience the author offers general conclusions on reconstruction of the Russian 17th-18th-century tile stoves. The main thing is to identify the character and number of tiles of each reconstructed stove. When the tile sizes have been established the size of the stove is a matter of calculations. Stove foundations and furnaces found on archaeological sites are of especial importance. Drawings of each particular stove and the use of analogies for its reconstruction are strictly individual in each case.

Заметки

ГОЛОВАНОВА Л. В.

ПОЗДНЕАШЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ СРЕДНИЙ ХАДЖОХ

В 1965 г. на Северном Кавказе была обнаружена первая ашельская стоянка открытого типа с непотревоженным культурным слоем — Средний Хаджох. До настоящего времени она остается единственным памятником такого типа, что, естественно, вызывает повышенное внимание исследователей.

Стоянка располагается в среднем течении р. Средний Хаджох (правый приток р. Белая, Майкопский р-н, Адыгейская АО), близ впадения в нее ручья Филипповка[1] [1]. Она находится на пологом делювиальном склоне, на высоте 86 м над уровнем реки, выше цокольных позднеплейстоценовых террас, самая высокая из которых возвышается над руслом реки на 25—30 м. В. В. Муратов, первый геолог, посетивший памятник, датировал слой, содержащий находки, ранним вюрмом и древнее [1, с. 71].

Исследования стоянки, проведенные автором[2] в 1982 г., позволили уточнить стратиграфию делювиальной толщи отложений. Она представляла собой «глинистый делювий глауконитсодержащих песчаников, приближающихся по составу к арозовым...; в них помимо глауконита находятся кварц, преимущественно калиевые и полевой шпаты, мусковит и др.»[3].

На северной стенке шурфа 1 (1965 г.) и на северном разрезе раскопа 1982 г. выделяются следующие (табл. 1) литологические подразделения (сверху вниз).

Общая мощность отложений 2,2 м. В результате раскопок были вскрыты отложения до кровли 3-го слоя (на площади 9 м^2). Изделия из кремня встречены во всех слоях, но построение девяти микропрофилей (через каждый метр вдоль и поперек раскопа) позволило выделить в делювиальной толще четыре уровня концентрации находок (на рис. 1 представлен один из микропрофилей). Ориентировка всех четырех горизонтов не совпадает с наклоном современного склона. В отличие от последнего они не имеют падения с запада на восток, а залегают строго горизонтально; с севера на юг склон имеет наклон приблизительно 10°, первый уровень концентрации — 5—7. остальные — 3—5° (рис. 1). Мощность этих горизонтов колеблется на разных микропрофилях: первого — от 10 до 28, второго — от 5 до 16, третьего — от 16 до 35, четвертого—от 14 до 46 см. Между горизонтами концентрации прослеживаются стерильные прослойки, мощность которых изменяется на разных участках. Между горизонтами 1 и 2 толщина стерильной прослойки равна 6—10, между 2 и 3— 5—11, между 3 и 4 — 2—12 см. К сожа-

[1] Начало археологическим исследованиям на р. Средний Хаджох положила Северо-Кавказская палеолитическая экспедиция под руководством А. А. Формозова и А. Д. Столяра. В 1959 г. в русле р. Средний Хаджок было впервые обнаружено палеолитическое изделие [1, с. 43]. Из этого же района происходит случайная находка ашельского рубила, опубликованного С. Н. Замятниным в 1949 г. [2].

[2] Пользуюсь возможностью поблагодарить первооткрывателя памятника П. У. Аутлева, предоставившего мне возможность исследовать стоянку.

[3] Определение сотрудника Геологического института АН СССР, докт. геол. наук А. Г. Черняховского, изучившего образцы. Из письма к автору от 5.IV.1983 г.

Таблица 1

№ п. п.	Слой	Мощность, см
1	Супесь, местами переходящая в легкий суглинок черного, на отдельных участках грязно-серого цвета. Содержит локальные линзы песка, большое количество мелких галечек из меловых конгломератов, железистые конкреции и куски сильноокатанного, разложившегося песчаника, подкрашенного марганцевыми солями. Слой сильно нарушен корневищами, норами мелких животных и ямами неизвестного происхождения. Контакт с нижележащим слоем нечеткий, так как последний также сильно нарушен корневищами и норами животных	0–1,44
2	Суглинок коричневато-красного цвета с большим количеством сланцевой, песчаниковой и кварцевой гальки размерами от 1–2 мм до 7–8 см. К низам слоя количество ее заметно сокращается, но увеличивается количество кусков песчаника, часто подкрашенных марганцевистыми солями. Изредка встречаются железистые конкреции. Контакт с нижележащим слоем нечеткий, постепенный, граница проведена условно	0,21–0,73
2[а]	Суглинок рыхлый, крупнозернистый, оранжево-желтого цвета (выделен в 1982 г.). По структуре ближе к слою 2, по цвету – к слою 3. Появляется большое количество кусков песчаника, часто сильноразложившихся, подкрашенных марганцевыми солями. Количество гальки сокращается. Размеры ее по-прежнему колеблются от 1 мм до 8 см. Контакт с нижележащим слоем очень нечеткий	0,05–0,24
3	Суглинок светло-желтого цвета, плотный. Нарушений значительно меньше (наблюдаются лишь небольшие корнеходы). Слой неоднороден: содержит линзы песка, большое количество линз глеево-серой глины, включает обломки выветренного песчаника и незначительное число гальки от 1 до 5 см	0,75–1,53

лению, уровни концентрации кремневых изделий нельзя связать с литологическими подразделениями, так как «почвообразование стерло ту вполне возможную литологическую неоднородность, которая, вероятно, существовала между различными по возрасту археологическими слоями. Во всяком случае при предварительном осмотре образцов принципиальных различий между ними не выявляется»[4].

Среди находок преобладают изделия из камня, кость в слое не обнаружена (делювиальный почвообразовательный процесс привел к разрушению всех неустойчивых компонентов осадка, прежде всего карбонатных соединений и фосфора).

Два углистых горизонта, расчищенных в слоях 2 и 2[а], соответствуют 2-му и 3-му уровням концентрации кремневых изделий. В первом из них угольки встречены в разрозненном состоянии и не образуют каких-либо скоплений. Во втором (условный горизонт 4 слоя 2), в квадрате $Г_5$ приблизительно на одной глубине (от 90 до 98 см) расчищено скопление песчаниковых плиток (рис. 2); единичные разрозненные плитки прослеживаются по всему горизонту. Большинство плиток – неправильной формы, длиной 15–20, толщиной 2–12 см. На тыльной стороне их прослеживаются угольные пятна; единичные угольки встречались и по всему горизонту. В центре скопления плиток, имеющем овальную форму (размеры: 1,0×1,4 м), наблюдалось незначительное потемнение слоя, которое представляет собой «следы золы. Это выражается в обогащении отдельных микроучастков породы мельчайшими обугленными фрагментами растительной ткани и главным образом в присутствии в этих участках такого характерного компонента зольного остатка, как растительные фитолиты, представленные опалом. Похоже, это фитолиты древесных

[4] Определение А. Г. Черняховского.

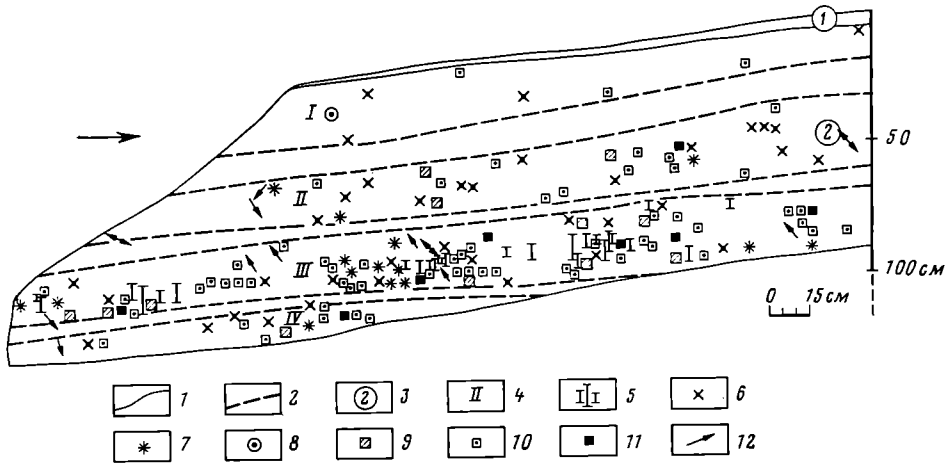


Рис. 1. Позднеашельское поселение Средний Хаджох. Микропрофиль отложений с уровнями концентрации находок. *1* — граница между литологическими подразделениями; *2* — граница между горизонтами концентрации находок; *3* — обозначение литологических подразделений; *4* — обозначение горизонтов концентрации находок; *5* — песчаниковые плитки с глубинными отметками; *6* — отщепы; *7* — чешуйки; *8* — пластины; *9* — желваки; *10* — желваки со следами раскалывания; *11* — нуклеусы; *12* — орудия

пород»[5]. Дополнительным доказательством того, что здесь мы имеем дело с очагом ашельского времени, служат два нуклеуса, расколовшиеся от сильного огня. Части их находились рядом и собираются. В данном горизонте верхняя сторона всех орудий из серого кремня имела густую белую патину или участки, покрытые тонким слоем патины. Нижняя сторона их оставалась непатинированной. Названные свидетельства предполагают, что на поселении Средний Хаджох четыре уровня концентрации находок соответствуют четырем уровням обитания, в одном из этих уровней расчищен очаг, вероятно, позднеашельского времени.

На относительно небольшой площади раскопа (9 м²) и в осыпи шурфа 1965 г. обнаружено 432 кремневых предмета. Коллекция пока недостаточна для того, чтобы можно было говорить о культурной принадлежности каждого из горизонтов и генезисе индустрии в целом.

В качестве исходного сырья использовались преимущественно небольшие (до 10 см) аморфные конкреции кремня, залегающие в третичных песчаниках горы Шахан, в 1,5 км от поселения. Это сырье наложило существенный отпечаток на облик индустрии. Треть коллекции (34,0%) составляют аморфные куски кремня с нечеткими следами раскалывания; часть желваков (19 экз.— 4,3%) вообще не была использована при расщеплении. Имеющиеся в коллекции формы нуклеусов (9 экз.) позволяют говорить о преобладании плоскостного параллельного скалывания. Большая часть нуклеусов — односторонние одноплощадочные (рис. 3, *1*, *4*). Одно ядрище — двухплощадочное одностороннее со смежными площадками (рис. 3, *2*). В одной плоскости осуществлялось скалывание и на двухплощадочном нуклеусе с противолежащими площадками. Часто утилизация сырья производилась в разных плоскостях. Представлены двухплоскостные ядрища (со смежными поверхностями раскалывания; рис. 3, *3*), трехплоскостные (2 экз.) и пятиплоскостные. Из-за плохого качества сырья и доступности его значительное количество желваков (16 экз.) имеет следы только одного, пробного скола. На одном из желваков прослеживаются семь бессистемных пробных снятий.

Среди отходов раскалывания значительное число составляют чешуйки (23 экз.) и мелкие неопределимые обломки сколов (34 экз.). Большое количество сколов или полностью покрыто коркой (13 экз.), или сохранило участки корки (108 экз.). На спинках 26 отщепов прослеживаются нечеткие бессистемные снятия (рис. 3, *5*, *9*), по которым трудно

[5] Определение А. Г. Черняховского.

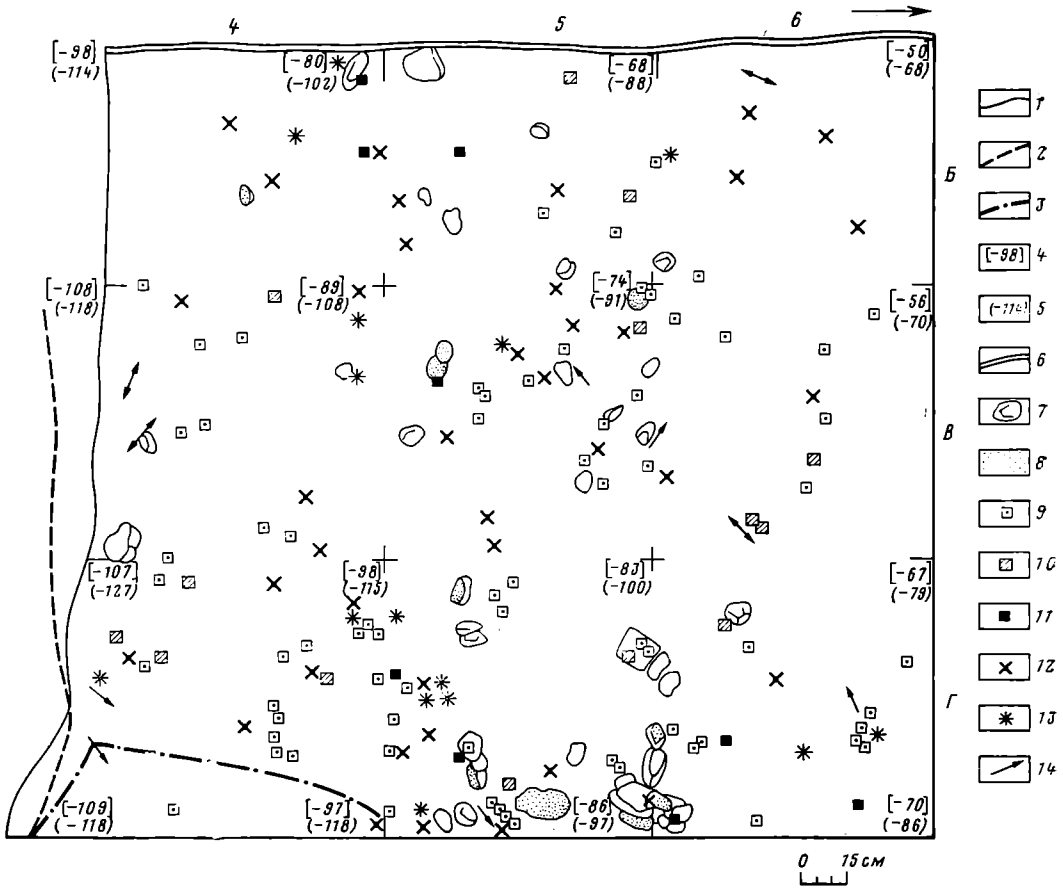


Рис. 2. Позднеашельское поселение Средний Хаджох. План 4-го условного горизонта слоя 2. *1* — граница кровли; *2* — граница подошвы; *3* — локальное поднятие 3-го слоя; *4* — нивелировочные отметки кровли; *5* — нивелировочные отметки подошвы; *6* — бровка; *7* — песчаниковые плитки с глубинными отметками; *8* — угольки в подошве песчаниковых плиток; *9* — желваки со следами раскалывания; *10* — желваки; *11* — нуклеусы; *12* — отщепы; *13* — чешуйки; *14* — орудия

судить о системе снятия заготовок. Пластинчатые сколы (15 экз.) были выделены по наличию на спинках негативов параллельных снятий (рис. 3, *7*, *8*). О пропорциях данных сколов судить сложно, так как бо́льшая часть их (11 экз.) фрагментирована, пропорции же остальных не позволяют относить их к разряду пластин (рис. 3, *10*).

Ни на нуклеусах, ни на склонах нет следов специальной подправки рабочей поверхности нуклеуса перед скалыванием. Большинство площадок на нуклеусах и сколах подправлено одним-двумя сколами (рис. 3, *1*, *2*, *4*, *6*, *8*), и только на пластинчатых сколах встречаются тщательно оформленные площадки (рис. 3, *7*). Около трети сколов фрагментировано, причем основная часть — в процессе раскалывания (рис. 3, *6*, *8*), или обломано (рис. 3, *7*). Особенно велик процент фрагментации среди пластинчатых сколов (73,3%). Преимущественно сохранились проксимальные части сколов, дистальные, как правило, утеряны.

На облик орудий (77 экз.) существенный отпечаток наложило качество заготовок; в основном это аморфные отщепы, часто с коркой; 18,3% орудий оформлено на расколотых кусках кремня. Однако при изготовлении орудий использовались разнообразные приемы вторичной обработки. С помощью отжимной (?) ретуши изготовлены скребковидные орудия (9 экз.), у которых на фасетки лямелярной ретуши наложены чешуйчатые снятия (рис. 4, *5*). Большинство из них (8 экз.) оформлены на дистальных концах отщепов: рабочий край имеет длину не более 3 см и угол 70—73°. Единственный в коллекции скребок высокой формы изготовлен на небольшом массивном отщепе. Рабочий элемент его, оформленный субпараллельной ретушью, не имеет следов забитости или огла-

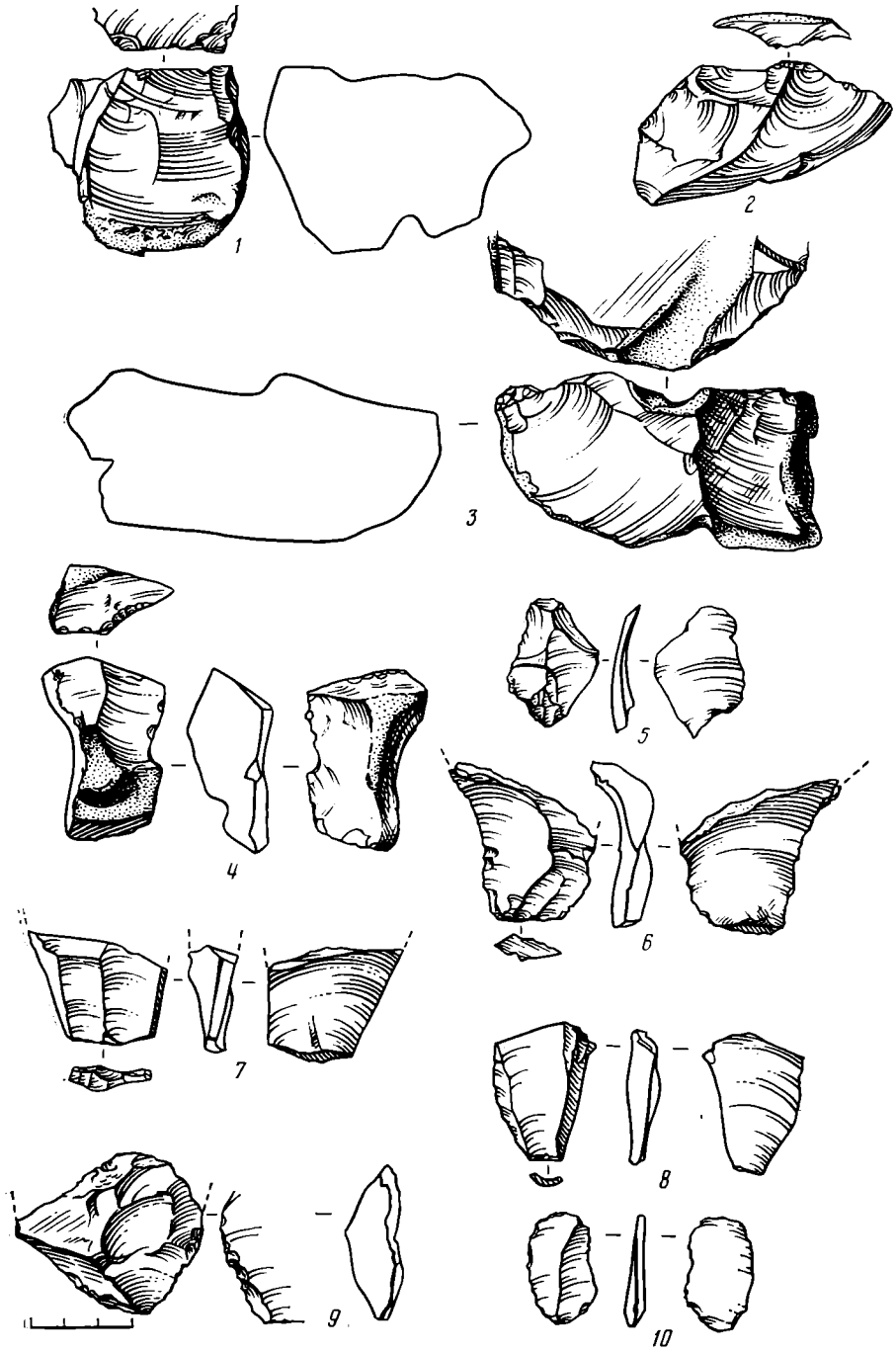


Рис. 3. Позднеашельское поселение Средний Хаджох. Нуклеусы и сколы

женности по краю. У клювовидных орудий (97 экз.) рабочий элемент, изготовленный с использованием лямелярной и чешуйчатой ретуши, сильно смят и оглажен. Для орудий этого типа характерно использование в качестве заготовок преимущественно расколотых кусков кремня (77,8%), реже — отщепов. В общей сложности лямелярной ретушью в коллекции изготовлена приблизительно треть орудий (24,6%). Фасетки ретуши типа «une raclette» отмечены на 18 орудиях (23,4%). Часть из них представляет собой отщепы с естественным обушком (1 экз.) или обушком-гранью (2 экз.), по продольному краю которых прослеживаются нерегулярные чередующиеся фасетки ретуши типа «une raclette», образуя неровный, «рваный» край (рис. 4, *12*). Подобный неровный край имеют и рабочие элементы, расположенные на дистальных краях массивных отщепов (рис. 4, *3*). 6,5% орудий составляют анкоши. Три из

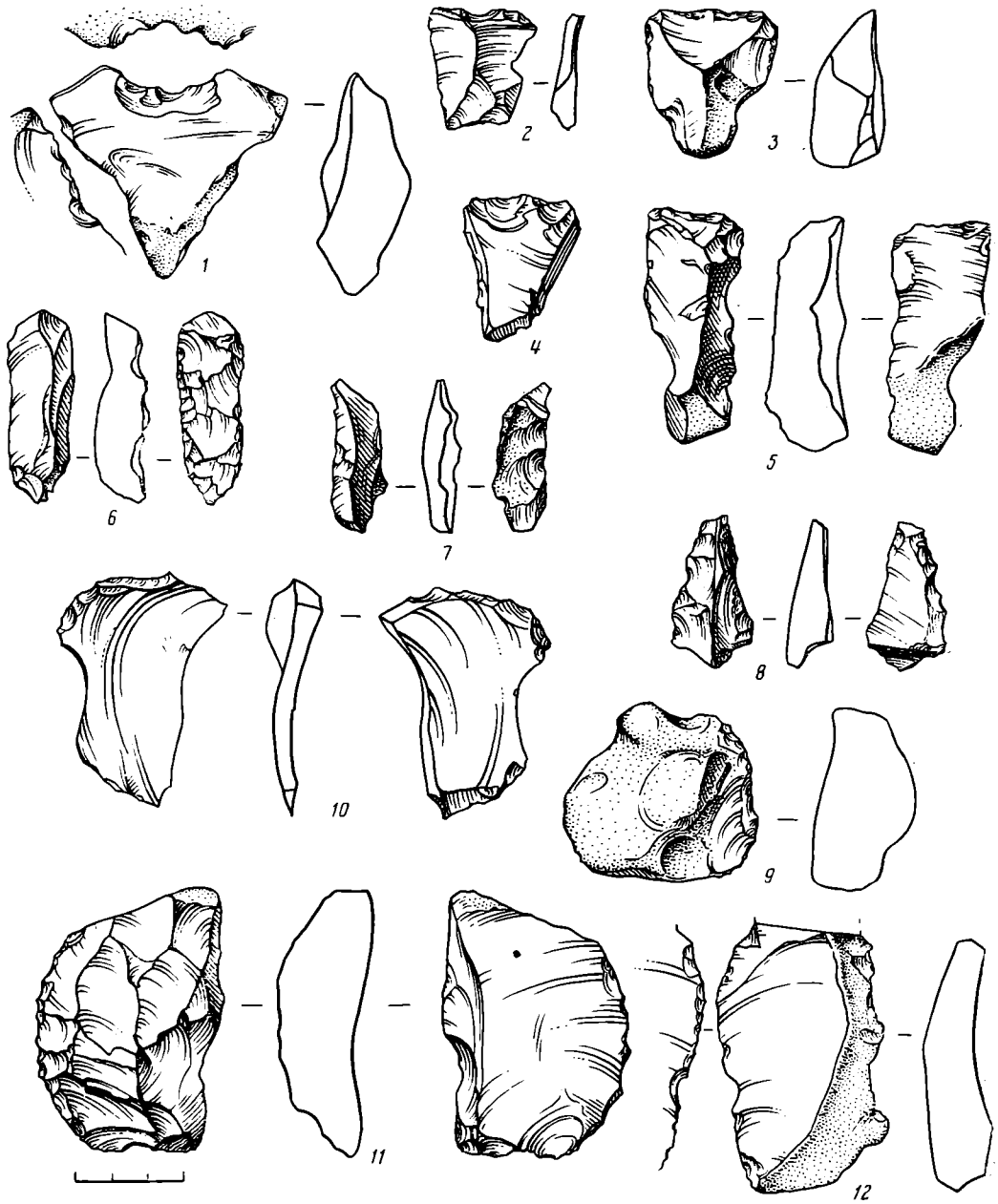


Рис. 4. Позднеашельское поселение Средний Хаджох. Орудия

них оформлены на продольных (2 экз.) или дистальных (1 экз.) краях отщепов ровными краевыми фасетками ретуши типа «une raclette». Два анкоша изготовлены укороченными чешуйчатыми снятиями на куске кремня подтреугольной формы (рис. 4, *1*) и дистальном крае отщепа (рис. 4, *2*).

Для оформления скребловидных орудий (22,1%) чаще всего использовалась чешуйчатая ретушь. Большинство из них — на отщепах с обушком (15 экз.), реже — на кусках (2 экз.). Обушки (рис. 4, *9*) в основном натуральные (8 экз.), реже — обушки-грани (6 экз.), и только у одного скребла обушок подправлен крупными грубыми снятиями (рис. 4, *11*). Скребловидные орудия имеют преимущественно выпуклый рабочий край (95,3%), подправленный разноразмерными чешуйчатыми снятиями; кромка большей частью забита, смята (рис. 4, *9*, *11*). Двусторонней чешуйчатой ретушью оформлено только одно орудие — скребловидный выступ на фрагменте отщепа. (рис. 4, *10*) У трех других подобные рабочие элементы оформлены односторонней чешуйчатой ретушью на дистальных углах отщепов. Чешуйчатыми же снятиями, незначительно

подправленными по краю, обработано и единственное в коллекции (рис. 4, *8*) острие (дистальная часть остроконечника). У 10 отщепов по всему периметру прослеживаются непрерывные чередующиеся неровные чешуйчатые снятия, образующие зубчатый забитый край.

Клектонские анкоши отмечены только на одном расколотом куске кремня (рис. 4, *4*). В выемках по краю они подправлены мелкими чешуйчатыми снятиями. Столь же редки в коллекции и изделия с резцовым сколом. Лишь на одной заготовке встречены резцовые сколы, которые, вероятнее всего, являются случайными.

Два острия кинсон (рис. 4, *6*, *7*) и заготовка для орудия этого типа подчеркивают своеобразие индустрии Среднехаджохского поселения. Она заметно выделяется на фоне других позднеашельских памятников Северного Кавказа. Индустрия Среднехаджохского поселения характеризуется очень архаичным параллельным плоскостным скалыванием, производившимся с неподправленных нуклеусов, у которых даже площадка оформлялась в основном одним сколом. В результате раскалывания получались аморфные отщепы, преимущественно с коркой. У них на брюшке редко выделяется точка удара, бугорок расплывчатый, ударная волна нечеткая. Немногочисленный набор типов орудий и их четкая типологическая определенность (взаимосвязанность типа заготовки, размещения на ней рабочего края, формы и размеров последнего, а также типа ретуши) подчеркивают своеобразие комплекса. Преобладают скребковидные формы (11,7%), весьма архаичные по внешнему облику: они изготовлены на дистальных краях отщепов отжимной (?) ретушью, длина рабочего элемента 2—3 см, угол 70—73°. Характерен тип орудий, изготавливающихся на массивных отщепах, по дистальному краю которых прослеживаются фасетки ретуши типа «une raclette», образующие неровный, зубчатый край. Дополняют своеобразие индустрии острия кинсон.

В целом материал, полученный в результате раскопок поселения, дает более полную информацию о процессе раскалывания, выборе заготовок и изготовлении орудий, чем другие ашельские памятники Северного Кавказа. Но, к сожалению, позднеашельское поселение Средний Хаджох остается здесь единственным ашельским памятником с непотревоженным культурным слоем. В будущем Средний Хаджох может стать опорным памятником в изучении ашельской эпохи на Северном Кавказе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Муратов В. М., Аутлев П. У.* Среднехаджохское раннепалеолитическое местонахождение.— МИА, 1971, № 173.
2. *Замятнин С. Н.* Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани.— СМАЭ, 1949, т. XII.

АНИКОВИЧ М. В.

О ХАРАКТЕРЕ ОХОТНИЧЬЕГО ВООРУЖЕНИЯ В ПАМЯТНИКАХ КОСТЕНКОВСКО-СТРЕЛЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Костенковско-стрелецкая позднепалеолитическая культура была открыта А. Н. Рогачевым, впервые доказавшим своеобразие восточноевропейских памятников с двусторонне обработанными треугольными наконечниками по отношению к центральноевропейскому селету и западноевропейскому солютре. Почти все памятники этой культуры сосредоточены в Костенковско-Борщевском районе (Средний Дон); единственное исключение — стоянка Сунгирь, расположенная значительно севернее, в бассейне Клязьмы[1]. Основные особенности костенковско-стрелецкой (стрелецко-сунгирьской) археологической культуры — архаичная техника

[1] Эту стоянку подчас относят к особой культуре, но никто тем не менее не отрицает наличия генетических связей Сунгиря с костенковскими памятниками стрелецкого типа.

первичного расщепления, отщеп и осколок как ведущая форма заготовки, широкое применение техники двусторонней ретуши — сближают ее с брынзенской культурой на юго-западе Русской равнины и селетоидными культурами в Центральной Европе.

Стратиграфия покровных отложений Костенковско-Борщевского района, вмещающих позднепалеолитические слои, позволила обосновать их относительную хронологию. Напомним, что древнейшими памятниками этого района (I хронологическая группа) являются стоянки, залегающие в сложнопостроенных гумусированных отложениях (так называемая нижняя гумусированная толща), перекрытых негумусированными суглинками, включающими линзы вулканического пепла. Для одного из этих памятников (Костенки 17, культурный слой II) получена радиоуглеродная дата $32\,200\pm\frac{2000}{1600}$ (GrN-10512). Более молодые памятники (II хронологическая группа) залегают в сложнопостроенных гумусированных суглинках (так называемая верхняя гумусированная толща), перекрывающих суглинки с линзами вулканического пепла. Для некоторых из них в последнее время получены радиоуглеродные даты: Костенки 8, слой II — 27 000±750 (GrN-10509), Костенки 12, слой Iа — 32 700± ±700 (GrN-7758). Костенки 14, слой II — 26 300±700 (ЛГ-59а) и 28 100±700 (ЛГ-59в), Костенки 17, слой I — 26 750±700 (GrN-10511). Выше верхней гумусированной толщи, в бурых лёссовидных суглинках, залегают памятники III хронологической группы. Радиоуглеродные даты, полученные в последнее время для ряда этих памятников, дают возраст в основном в пределах 23—21 тыс. лет назад.

Геологический возраст этих трех хронологических групп окончательно не установлен. По нашему мнению, стоянки III хронологической группы, во всяком случае подавляющее их большинство, достаточно определенно связываются с раннеосташковским временем (до валдайского климатического минимума). Стоянки II хронологической группы относятся к дунаевскому потеплению среднего валдая (брянский интерстадиал), а некоторые из них, может быть, и к концу кашинского потепления. С кашинским же потеплением связаны памятники I хронологической группы, а древнейшие из них, возможно, относятся к концу гражданского потепления.

Памятники костенковско-стрелецкой культуры относятся к I (Костенки 12, слой III, Костенки 6 или Стрелецкая 2, возможно, Костенки 1, слой V) и ко II (Костенки 12, слой Iа, Костенки 11, слой V, возможно, Костенки 1, слой V) хронологическим группам. Вопрос о стратиграфическом положении слоя V Костенок 1 до конца не выяснен, так как не установлено соотношение вмещающих его гумусированных отложений с линзами вулканического пепла. Стоянка Сунгирь по условиям залегания культурного слоя (верх брянской почвы) и по абсолютным датам (GrN-5446: 24 430±400; GrN-5425: 25 500±200) относится к концу среднего валдая и является самой молодой из известных ныне стоянок костенковско-стрелецкой (стрелецко-сунгирьской) культуры.

На основе изменений в составе инвентаря и с учетом данной относительной хронологии выделяется три этапа развития костенковско-стрелецкой культуры. К раннему этапу относятся наиболее архаичные по материалу памятники I хронологической группы (Костенки 12, слой III, Стрелецкая 2). К среднему этапу относятся стоянки с более развитым инвентарем; все они или почти все входят во II хронологическую группу (Костенки 1, слой V, Костенки 11, слой V, Костенки 12, слой Iа). Поздний этап представлен наиболее молодой и развитой по инвентарю стоянкой Сунгирь. Данная периодизация позволяет проследить во времени изменения в составе охотничьего вооружения костенковско-стрелецкой культуры, представленного здесь в основном кремневыми наконечниками, а на позднем этапе и другими видами оружия.

Одним из наиболее специфических типов костенковско-стрелецкой культуры являются треугольные наконечники с вогнутым основанием. Общие признаки этого типа: индекс удлиненности ниже 1,5; максималь-

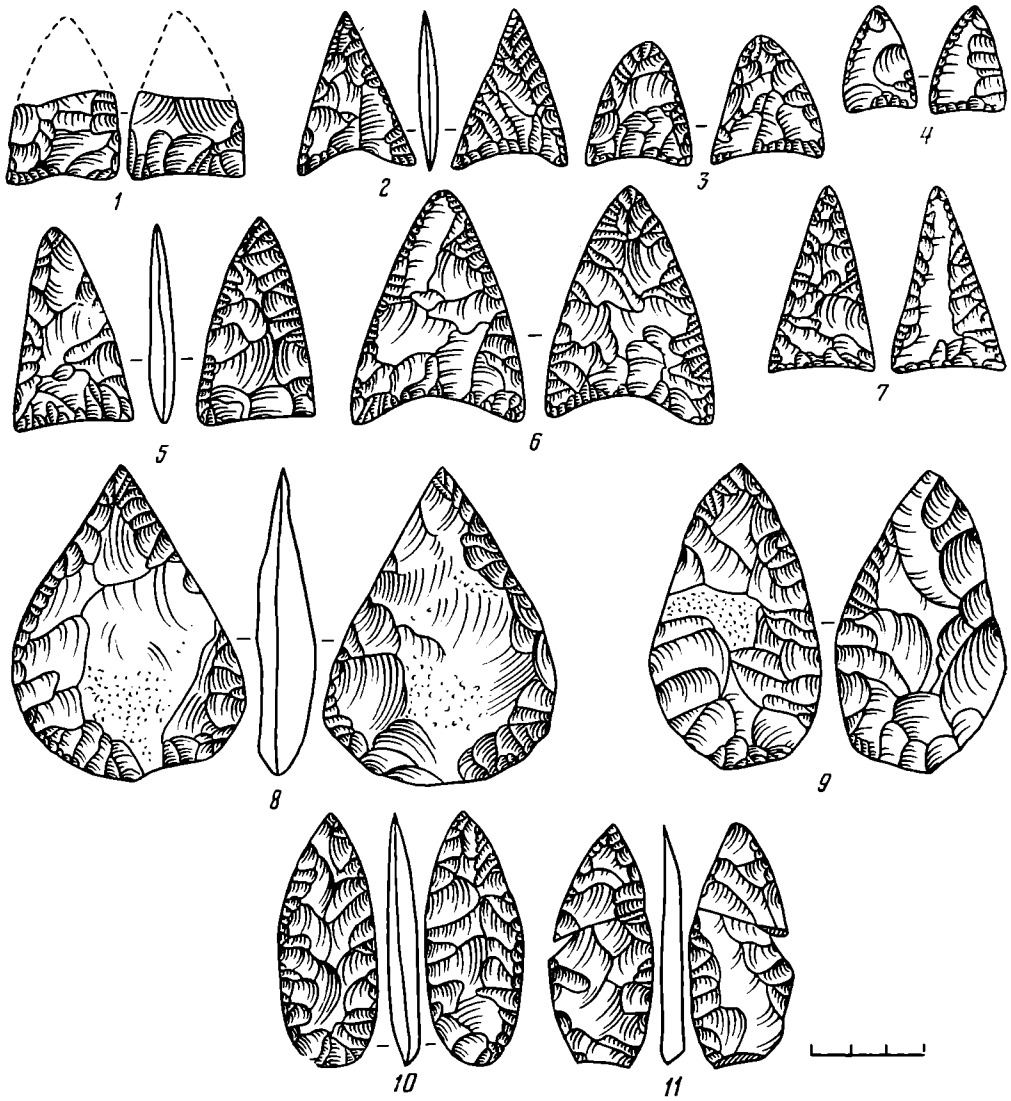


Рис. 1. Кремневые наконечники костенковско-стрелецкой культуры

ная ширина совпадает с основанием, края и основание обычно асимметричны относительно длинной оси, концы основания («элероны») никогда не бывают отогнутыми.

Выделяется шесть основных подтипов таких наконечников: 1) размеры небольшие (2,5×3,5 см), основание слабовогнутое, почти прямое, края слабовыпуклые, углы между краями и основанием нечеткие; известны в слое III Костенок 12 (рис. 1, *1*) и в слое V Костенок 1. По размерам и форме основания к этому подтипу близко большинство сунгирьских треугольных наконечников, отличающихся более выраженными «элеронами»; 2) размеры средние (до 3,0×3,5—4,0 см), основание вогнутое, края почти прямые, образуют с основанием выраженные «элероны»; встречаются в Костенках 6 (рис. 1, *2*, *3*) и слое III Костенок 12; 3) размеры выше среднего (3,0×5,0 см), основание слабовогнутое, края слабовыпуклые, образуют с основанием выраженные углы; известны в слое V Костенок 1 (рис. 1, *5*) и слое V Костенок 11; 4) размеры выше среднего и крупные (до 4,0×6,0 см), основание сильновогнутое, асимметричное, края слабовыпуклые, образуют с основанием ярко выраженные «элероны»; известен в слое V Костенок 1 и слое V Костенок 11 (рис. 1, *6*); 5) размеры маленькие (2,0×2,5—3,0 см), поверхность отретуширована, как правило, неполностью, формы краев и основания довольно разнородны; встречаются только в слое V Костенок 1 (рис. 1, *4*), кроме того, наконечник этого подтипа был найден выше I слоя

Таблица 1

Этап	Памятник	Типы наконечников, (целые/фрагменты)				Всего наконечников	Всего изделий со вторичной обработкой	Раскопанная площадь, м²
		I	II	III	IV			
Поздний	Сунгирь	$^{8}/_{8}$	–	–	2/–	18(1) *	~1870	~3390
	Костенки 12, слой Ia	–/1	–	1/–	–	2	16	~80
	Костенки 11, слой V	$^{1}/_{1}$	–	–	–	2	4	~10
Средний	Костенки 1, слой V	$^{10}/_{16}$	1/–	–/1	–	28(22)	~130	~50
	Костенки 6. (Стрелецкая 2)	$^{2}/_{2}$	–	1/–	–	5(9)	55	125
Ранний	Костенки 12, слой III	–/4	1/–	–	–	5(5)	105	~160

* В скобках приведены процентные данные от общего числа находок на памятнике.

Костенок 12 [1, рис. 29, *1*]; 6) наконечники удлиненные с прямыми краями и почти прямым основанием. Среди памятников стрелецкой культуры известны только на Сунгире [2, рис. 86, *8*], но на территории Костенковско-Борщевского района наконечник такого подтипа был найден в еще более молодом памятнике, не относящемся к костенковско-стрелецкой культуре: в слое III Костенок 11 (рис. 1, *7*).

В литературе данные наконечники обычно описываются как наконечники дротиков. Однако размеры 1-го, 2-го и, в особенности, 5-го подтипов настолько малы, что соответствующее им древко едва ли можно было бы метнуть достаточно эффективно размахом руки, хотя бы и вооруженной копьеметалкой. О том, что треугольные наконечники стрелецкого типа оснащали именно метательное оружие, свидетельствуют, например, данные Л. Б. Ермолова, согласно которым подобные наконечники (с широким основанием) наиболее эффективны для нанесения раны на напряженной мускулатуре (в беге), т. е. при охоте с дальней дистанции на быстро бегущих стадных животных [3]. Этому целиком и полностью соответствует характер остеологического материала из костенковских стоянок стрелецкой культуры: там абсолютное большинство составляют кости лошади [4]. Таким образом, можно допустить, что уже в раннюю пору позднего палеолита в отдельных человеческих коллективах, охотившихся на быстро бегущих стадных животных (в том числе и в костенковско-стрелецкой культуре), в качестве охотничьего оружия наряду с копьями и дротиками использовались лук и стрелы.

Интересно проследить развитие треугольного наконечника стрелецкого типа во времени. На раннем этапе костенковско-стрелецкой культуры известны только один-два подтипа этой формы. На среднем этапе наконечники стрелецкого типа становятся разнообразнее, подразделяясь уже на четыре подтипа. Наконец, на позднем этапе эта форма вновь упрощается, сводясь к двум основным подтипам, один из которых сочетает признаки 1-го и 2-го подтипов, а другой в более ранних памятниках не встречается (табл. 1).

Второй тип кремневых наконечников, известных в памятниках костенковско-стрелецкой культуры, представлен крупными (6,0×8,5 см) наконечниками формы «лист тополя». Встречаются на раннем (Костенки 12, слой III, рис. 1, *8*) и среднем (Костенки 1, слой V) этапах. Третий тип — тоже крупные, но удлиненные наконечники (5,0×9,0 см) со слабовыпуклым неровным основанием. Они также известны в памятниках раннего (Стрелецкая 2, рис. 1, *9*) и среднего (Костенки 12, слой Ia, Костенки 1, слой V) этапов развития костенковско-стрелецкой культуры. Эти наконечники, отличающиеся также более грубой отделкой, являлись наконечниками дротиков или легких копий. Четвертый тип представлен удлиненными «миндалевидными» наконечниками с округлым

основанием, имеющими меньшие размеры (2,8×6,9 и 3,0×6,6 см) и более тщательную обработку. Они могли быть наконечниками дротиков. Этот тип известен только в стоянке Сунгирь (рис. 1, *10*, *11*). Не исключено, что он генетически связан с третьим типом, однако, доказательств этому предположению пока нет.

В сунгирьской стоянке появляется новое оружие, не известное на более ранних этапах развития стрелецкой культуры: дротики и копья, изготовленные из выпрямленного бивня мамонта и достигающие до 2,42 м в длину. Они являются сложным оружием: их концы оснащались рядами кремневых чешуек, прикреплявшихся для того, чтобы наносить более опасные, рваные раны. Ряд таких чешуек начинался в 1—2 см от ударного конца копья или дротика и доходил до 42 см в длину [5]. Исследователь Сунгиря О. Н. Бадер показал, что в парном погребении где были найдены эти уникальные дротики и копья, находились и деревянные дротики, концы которых тоже были оснащены рядами кремневых чешуек [6]. Кроме того, на один бивневый и на один деревянный дротики было надето по костяному диску, может быть, имевшему церемониальное значение. По данным Л. Б. Ермолова, копья с длинными и узкими наконечниками применялись при охоте с близкой дистанции, причем оружие с подобными наконечниками наиболее глубоко проникало в расслабленную мускулатуру, когда животное находилось в спокойном состоянии [3]. Изменения в характере охотничьего вооружения соответствуют изменениям в составе фауны на Сунгире: в отличие от более ранних памятников костенковско-стрелецкой культуры здесь число костей лошади заметно сокращается, количественно на первое место выступают находки костей северного оленя, сильно возрастает также число костей мамонта [2, с. 183]. Принимая во внимание длину ударной части сунгирьских копий, оснащенной кремневыми чешуйками, можно предполагать, что это оружие применялось в охоте на мамонтов.

Таким образом, по имеющимся в настоящее время данным, развитие охотничьего вооружения в костенковско-стрелецкой культуре шло в следующем направлении. На раннем и среднем этапах развития этой культуры ведущую роль играло метательное оружие, оснащенное кремневыми наконечниками различных типов, дротики, а также, по-видимому, лук и стрелы, причем значение такого оружия на среднем этапе возрастает — об этом свидетельствует как увеличение количества кремневых наконечников так и разнообразие их форм (табл. 1). Такое оружие отвечало ведущей роли охоты с дальней дистанции на стада быстро двигавшихся животных, в данном случае лошадей. На позднем этапе, представленном Сунгирьской стоянкой, роль подобного оружия заметно снижается, что особенно ярко видно из сопоставления количества кремневых наконечников и раскопанной площади на Сунгире и на памятниках Костенковско-Борщевского района (табл. 1). Зато в это время появляются новые дротики и копья, приближающиеся к вкладышевым, выполненные из цельного бивня, выпрямление которого, несомненно, требовало больших технологических знаний и опыта. Судя по этим изменениям, менялся и сам способ охоты в сторону усиления приемов добычи животных с близкой дистанции. Вероятно, это связано и с упомянутыми выше изменениями в составе охотничьей добычи.

Возникает вопрос: если уже на раннем этапе развития стрелецкой культуры существовало столь совершенное оружие, как лук, то почему дальнейшее развитие охотничьего вооружения в этой культуре пошло не по линии его усовершенствования, а иным путем? По моему мнению, общий ответ на него таков. Техническое новшество может появиться задолго до того, как общественные отношения позволят максимально его использовать. В этом случае роль такого новшества в обществе, не способном реализовать его потенциальные возможности, неизбежно будет весьма ограниченной. Собранные уже в настоящее время косвенные данные достаточно убедительно свидетельствуют о весьма широком распространении лука в позднепалеолитическую эпоху, по крайней мере в некоторых археологических культурах [7, с. 232, 233]. Однако вполне

вероятно, что в этот период роль лука как охотничьего оружия была весьма ограниченной, вспомогательной и что полная реализация потенциальных возможностей, заложенных в этом изобретении, произошла в более поздние эпохи, при изменившихся общественных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине.— МИА, 1957, № 59.
2. *Бадер О. Н.* Сунгирь верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука, 1978.
3. *Ермолов Л. Б.* Охотничья деятельность и экология в каменном веке Северной и Центральной Азии.— XI конгресс INQUA. тез. докл., т. III. М., 1982.
4. *Верещагин Н. К., Кузмина И. Е.* Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне.— В кн.: Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири. Л.: Наука. 1977.
5. *Бадер О. Н.* Человек палеолита у северных пределов ойкумены.— Природа, 1971, № 5.
6. *Бадер О. Н.* Об исчезнувших деревянных изделиях во второй могиле на Сунгире.— В кн.: Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977.
7. *Праслов Н. Д.* О времени изобретения лука.— XI конгресс INQUA, тез. докл., т. II. М.: 1982.

БОКИЙ Н. М., ГОРБУЛ Г. П.

МОГИЛА КИММЕРИЙСКОГО ВСАДНИКА У СЕЛА ЧЕЧЕЛИЕВКА КИРОВОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Весной 1981 г. у с. Чечелиевка Петровского р-на Кировоградской обл. в зоне строительства местной оросительной системы были исследованы два кургана. Курганы находились на левом берегу р. Ингулец. В них открыты 24 захоронения, относящиеся к разным эпохам — от энеолита до раннего железного века. В настоящей заметке публикуются материалы погр. 8 в кург. 2.

Погребение находилось на расстоянии 4,2 м к юго-востоку от центра насыпи, на глубине 1,8 м от вершины кургана. Оно было помещено в прямоугольной яме с закругленными углами, ориентированной с ЮЗ на СВ. Размеры ямы 1,6×0,8 м. Она имела деревянное перекрытие (дощатое?), дно было устлано слоем коры и густо посыпано мелом. Костяк мужчины (рис. 1) лежал на спине, с подогнутыми ногами, головой на северо-восток. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая, согнутая в локте, лежала поперек живота. По обеим сторонам черепа найдены массивные височные подвески. У левой руки лежали два костяных псалия. Ладонью правой руки на животе была накрыта массивная медная ворворка. У ног костяка в юго-западном углу могилы найдены бараньи кости.

Височные подвески (рис. 2, *1*) в виде закрученных бараньих рогов (так называемые гвоздевидные) изготовлены из массивного, овального в сечении прута толщиной 0,8 см. Один конец подвески уплощен и заострен, на другом имеется круглая шляпка, поверхность которой украшена тремя радиально расходящимися лучами. Основание шляпки обведено неглубоким желобком. Подвеска изготовлена из сплава золота с серебром с незначительной примесью меди [1]. Размеры (в см): длина 2,7, диаметр шляпки 1,2.

Височные подвески такого типа в Северном Причерноморье стали известны только в последнее время. Золотая подвеска найдена в погребении кургана Высокая могила, датированном VIII—VII вв. до н. э. [1, с. 154, рис. 7]. Этим же временем датируются две бронзовые, плакированные золотом подвески из кургана у с. Львово на Херсонщине [2, с. 75, рис. 1, *2*]. Две бронзовые подвески, плакированные тонким

[1] Анализ металла выполнен в лаборатории Института металловедения АН УССР.

золотым листом, обнаружены в кургане у с. Целинного Джанкойского р-на Крымской обл. [3, с. 240 рис. 3, *1*]. Погребение датировано авторами публикации IX в. до н. э. [3, с. 241].

Поиски морфологически подобных форм ведут к памятникам эпохи бронзы на Северном Кавказе. В кобанских древностях Кумбулты, Фаскау имеются бронзовые зооморфные подвески в виде бараньих головок, завитки массивных рогов которых воспроизводят тот же рисунок [4, табл. LXXXIX, *3*, XCIII, *2*, *3*, CXVIII, *1*]. На других территориях юга европейской части СССР подобные подвески в памятниках этого времени неизвестны.

Костяные псалии (рис. 2, *3*, *4*) изготовлены из трубчатой кости животного, поверхность их слабо изогнута. Концы ровно обрезаны, плоскость среза слегка вогнута внутрь и заполирована. Каждый псалий имее по три одинаковых круглых отвер стия, расположенных в двух взаимно перпендикулярных плоскостях. Размеры (в см): 1) длина 4, 6, диаметр 2,1—2,3; 2) длина 5,1; диаметр 1,8—2,1. Диаметры отверстий у обоих предметов 1—1,1 см.

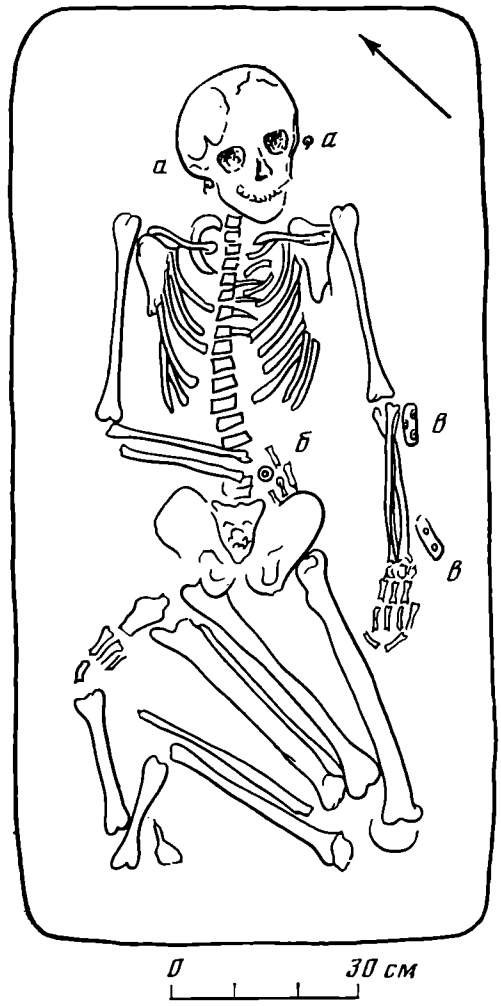


Рис. 1. План погребения 8 в кургане 2 у с. Чечелиевка. *а* — височные подвески, *б* — ворворка, *в* — псалии

Костяные цилиндрические псалии, сходные с публикуемыми, в памятниках предскифского времени Восточной Европы ранее не встречались. Ассортимент костяных псалиев эпохи поздней бронзы и предскифского времени не отличается разнообразием. Большинство находок происходит с белозерских памятников Они однотипны, имеют по три отверстия (центральное и два на концах), расположенные в одной плоскости. На основании морфологических особенностей псалиев предполагалась их периодизация [5, с. 84]. Однако следует согласиться с А. И. Тереножкиным в том, что выяснение эволюции костяных псалиев при нынешнем состоянии источников затруднительно [6, с. 156]. По мнению А. М. Лескова и Н. Н. Чередниченко, форма и расположение отверстий являются датирующим признаком [5. с. 85; 7, с. 79—80]. Наиболее ранними (рубеж II—I тыс. до н. э.) считаются псалии, имеющие овальное отверстие в центре и маленькие круглые отверстия на концах [5, с. 86; 6. с. 156; 7, с. 79]. Все отверстия расположены в одной плоскости. Это так называемые псалии белогрудовского типа [6, с. 148, рис. 85, *1*], распространившиеся на юге Восточной Европы в белозерское время (Дереивка, Кайбелы, Дагбашский могильник, Фонтаны и др.) [5, с. 85—86, рис. 4, *1*, *7*, *9*; 6, с. 156; 8, с. 60, рис. 3, *3*; 9, с. 435, табл. XIII, *2*; 10, с. 108, рис. 4, *1*]. По форме отверстий к ним близко стоят целый костяной псалий, случайно найденный в Субботове, на месте усадьбы Б. Хмельницкого, и обломок подобного псалия с Субботовского городища [6, с. 148, рис. 85, *5*, с. 91, рис. 54, *6*]. Но отверстия у этих псалиев расположены во взаимно перпендикулярных плоскостях, что сближает субботовские находки с чечелиевской.

Наиболее ранние костяные стержневидные псалии с взаимно перпендикулярными плоскостями отверстий Н. Н. Чередниченко датирует

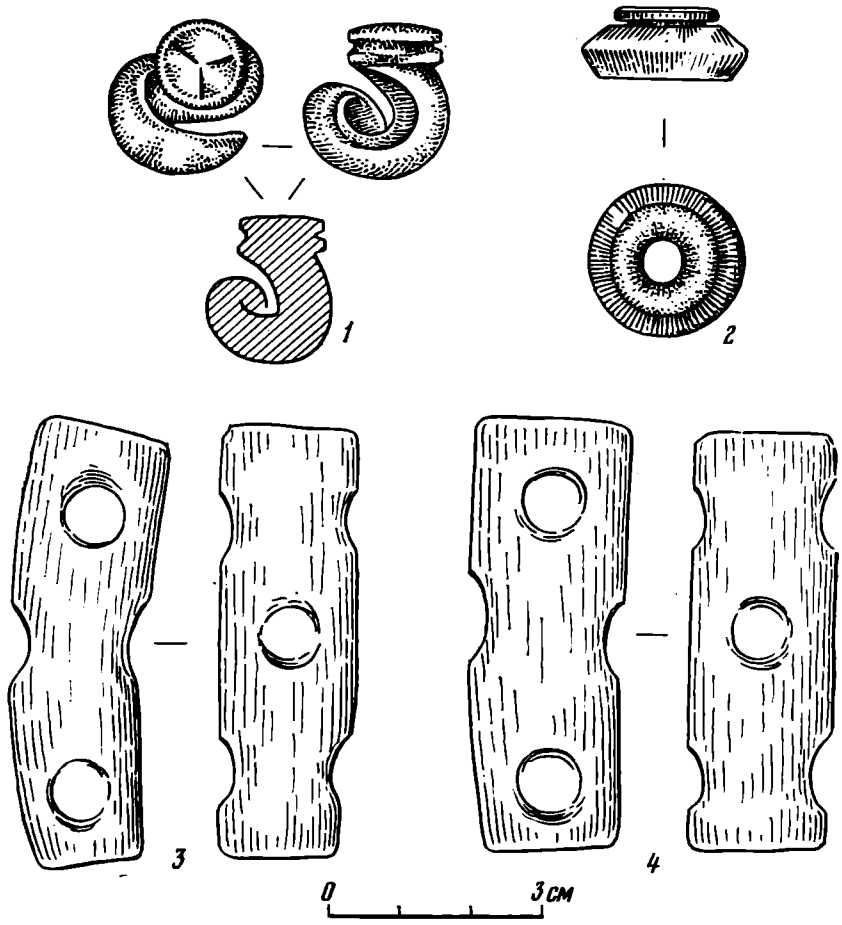


Рис. 2. Инвентарь погребения 8 в кургане 2 у с. Чечелиевка. *1* — электра; *2* — медь; *3*, *4* — кость

XIII—XI вв. до н. э. [7, с. 79]. Отверстия в псалиях этого времени неодинаковы по форме и размерам.

В псалиях последующего времени отверстия разновелики и размещаются в одной плоскости (белогрудовский тип, XI—IX вв. до н. э.) [6, с. 155; 7, с. 80]. А. И. Тереножкин предварительно датировал субботовские псалии ранней ступенью чернолесской культуры [6, с. 156, 157].

Весьма близко к чечелиевской находке стоит псалий с поселения Асеновец (типа Пшеничево) в Юго-Восточной Болгарии [11, с. 26, рис. 4, *1*]. Памятники типа Пшеничево относятся к первому периоду гальштата, и датировка их возможна, как полагает А. И. Мелюкова, в пределах конца XII — конца IX в. до н. э. [11, с. 24]. Это в целом соответствует белозерскому этапу в Степи (XII — рубеж X—IX вв. до н. э.) [6, с. 208]. Подобные псалии известны и в Венгрии, где они относятся к раннему гальштату [11, с. 24].

Н. Н. Чередниченко[2] обратил наше внимание на бронзовые псалии, найденные в Высокой могиле [1, с. 154, рис. 8]. Они изготовлены вместе с удилами и описаны авторами публикации как «литые цилиндрические муфты с двумя круглыми отверстиями и овальной петлей» [1, с. 154]. Осмотр удил в фондах КИМ позволил убедиться в том, что они являются одним из вариантов удил предскифского времени в Северном Причерноморье отлитых вместе с псалиями. Впервые подобные удила

[2] Благодарим Н. Н. Чередниченко за консультации при работе над публикуемым материалом.

были выделены в отдельную группу А. А. Иессеном. Он считал, что они состоят из двух звеньев, «каждое из которых представляет собой одно колено удил и псалий» [12, с. 92], и что псалии в них отлиты «нацело со звеньями удил» [12, с. 93]. Удила такого типа обнаружены в кург. 376 у с. Константиновка [6, с. 75, рис. 41, *3*] и во впускном захоронении в кург. 2 у с. Енджа в Болгарии [6, с. 43, рис. 16, *8*]. Такие же удила хранятся в Кировоградском краеведческом музее[3] [13, с. 79, рис. 5].

Короткие бронзовые трубчатые псалии из Высокой могилы имеют два круглых отверстия, расположенных по концам. На месте третьего отверстия находится кольцо удил, плоскость которого перпендикулярна плоскости отверстий. Внешне находка из Высокой могилы близка псалиям из Чечелиевки. Воплощению в бронзе коротких цилиндрических псалиев (единственный в настоящее время вариант) мог предшествовать период существования этого типа псалиев, изготовленных из кости.

Ворворка (рис. 2, *2*) медная, биконической формы, с невысоким, выступающим на одном из оснований ободком, отделенными от него небольшим углублением. Боковая поверхность ободка украшена вертикальными насечками. Размеры (в см): высота 1,2 диаметр (по центру) 2,3, диаметр основания 2,1, высота ободка 0,3, диаметр ободка 1,6.

Ворворки, подобные публикуемой, в Северном Причерноморье до сих пор не встречались. Они хорошо известны в кобанских древностях Северного Кавказа под названием «грибовидных» [14, с. 164, рис. 3, *4;* 15, с. 82, табл. XXI, *31*, *32*; 16, с. 190, рис. 4, *3*, *12*, с. 197, рис. 7, *5*, *30*] и представлены разнообразными вариантами. Верхняя часть (ободок) всегда прямая, а нижняя может быть в сечении биконической, овальной, прямоугольной. Существование подобных предметов определено в пределах от IX до VII в. до н. э. [15, с. 82].

Для датировки чечелиевского комплекса важны элементы погребального обряда. Публикуемое погребение в целом вписывается в рамки позднебелозерско-черногоровского времени. Черногоровской ступени в целом свойственно скорченное на боку положение костяков с некоторым преобладанием вариантов восточной ориентировки [6, с. 92—94, 100, 200]. В чечелиевском захоронении костяк лежал на спине с подогнутыми ногами головой на северо-восток. По наблюдениям В. В. Отрощенко, в захоронениях белозерского этапа такое положение костяков не является исключением [17, с. 204]. Небольшие размеры могильной ямы, связанные со скорченностью костяка, положение рук погребенного (одна вытянута, другая согнута в локте) также характерны для черногоровского этапа [3, с. 238—241].

Одной из черт погребального обряда чечелиевского захоронения является посыпка дна могилы мелом, что известно и в памятниках белозерского времени [17, с. 197]. Такая же деталь зафиксирована в погребении у с. Целинного [3, с. 241].

Присущим для киммерийцев, как полагал А. И. Тереножкин, был обычай вкладывать в руку погребенного предметы вооружения [6, с. 99, 102]. Как выясняется, это могли быть не обязательно принадлежности вооружения. В захоронении у Джанкоя в руке у погребенного находился оселок [3, с. 238]. В нашем случае под правую ладонь была положена ворворка.

Анализ материалов погребения у с. Чечелиевка позволяет отнести его ко времени не позднее второй половины IX в. до н. э.

Погребение у с. Чечелиевка представляет интерес не только для дальнейшего выяснения характерных черт материальной культуры населения Северного Причерноморья в киммерийское время. Важными представляются внешние связи киммерийцев, контакты их с населением кобанской культуры [6, с. 200, 203; 16, с. 196], свидетельствующие о длительности и стабильности отношений с Кавказом населения Северного Причерноморья в начале I тыс. до н. э. [18, с. 170, 171].

---

[3] Кировоградский краеведческий музей, КОМ-1081, А-49/2.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Киммерийские погребения Высокой могилы.— СА, 1974, № 1.
2. *Мурзін В. Ю.* Поховання VIII — початку VII ст. до н. е. на Херсонщині.— Археологія, 1977, № 22.
3. *Корпусова В. Н., Белозор В. П.* Могила киммерийского воина у Джанкоя в Крыму.— СА, 1980, № 3.
4. МАК, 1900, т. VIII.
5. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— В кн.: Проблемы скифо-сарматской археологии. М.: Наука, 1971.
6. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
7. *Чередниченко Н. Н.* Основные этапы развития конской узды Евразии в середине II — начале I тыс. до н. э.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Ч. I. Киев: Наук. думка, 1975.
8. *Шарафутдинова И. Н.* К вопросу о сабатиновской культуре.— СА, 1968, № 3.
9. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
10. *Колотухин В. А.* Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму.— СА, 1982, № 1.
11. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
12. *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР.— СА, 1953, т. XVIII.
13. *Ковпаненко Г. Т.* Закавказские удила, найденные на Полтавщине.— КСИА АН УССР, 1954, вып. 3.
14. *Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И.* О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска.— СА, 1981, № 2.
15. *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант.— САИ, 1977, вып. В2-5.
16. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П.* Киммерийско-кавказские связи.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1975.
17. *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
18. *Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья.— В кн.: Проблемы скифо-сарматской археологии. М.: Наука, 1971.

КАМИНСКАЯ И. В., КАМИНСКИЙ В. Н., ПЬЯНКОВ А. В.

САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У СТАНИЦЫ МИХАЙЛОВСКОЙ (Закубанье)

В 1982 г. Лабинская археологическая экспедиция Краснодарского музея-заповедника исследовала три кургана, расположенных в 1,5 км к юго-западу от станицы Михайловской (Курганинский р-н Краснодарского края). Курганы находились на краю левой коренной террасы р. Чамлык (правый приток р. Лабы). Они были насыпаны племенами майкопской культуры, хотя содержали и погребения более позднего времени.

Среди последних большой интерес представляет погребение 14 в кургане 2. Диаметр кургана около 60, высота 1,2 м. Погребение 14 было впущено в насыпь с поверхности кургана, в его юго-западной части, на глубину 1,56 м от поверхности. Погребальное сооружение представляло собой простую яму, ориентированную длинной осью по линии СЗ—ЮВ. Размеры ямы (в м): 2,18, ширина 1,78. По всему дну ямы зафиксированы обширные пятна органической подстилки коричневого и черного цветов. Костяк, довольно плохой сохранности, принадлежал взрослому мужчине и лежал в вытянутом положении на спине, головой на СЗ (рис. 1). Положение черепа и правой руки не определено. Левая рука вытянута и немного откинута от костяка в северную сторону. Судя по сохранившимся фрагментам костей ног и их расположению, возможно, что правая нога была вытянута, а левая немного согнута в коленном суставе.

Под черепом была найдена гагатовая бусина бипирамидальной формы (рис. 2, *3*). Из области черепа бульдозером была вынесена золотая фибула овальной формы с вставкой из халцедона красноватого цвета. Вокруг вставки гнездо украшено филигранью и зубчиками, которые держали камень. Вокруг вставки и по краю фибулы к основе припаяны две

Рис. 1. План погребения 14 в кургане 2 у станицы Михайловской (Закубанье). *а* — подстилка черного цвета; *б* — подстилка коричневого цвета; *в* — кости. *1* — обрывки надочажной цепи; *2* — алебастровый сосудик; *3* — патера; *4* — кольчуга; *5* — серебряный сосуд; *6* — меч; *7* — миска; *8* — кувшин; *9* — фрагмент канделябра; *10* — черпак; *11* — котел

проволоки с насечками, толщиной 0,8 мм. Между ними поле фибулы украшено пояском из штампованных жемчужин, обрамленных такой же проволокой, но немного меньшего диаметра (рис. 2, *1*; 3). Возле фрагментов костей правой руки лежала половина железного меча с кольцевидным навершием и брусковидным перекрестием (рис. 4, *1*).

В 0,65 м к югу от черепа находилась бронзовая патера, перевернутая вверх дном, свернутая кольчуга, обрывки очажной цепи, алебастровый сосуд, янтарная бусина и кусочки мела. Патера с отогнутым наружу венчиком. На венчике два углубленных желобка. Корпус, округляясь, сужается к донцу. На корпусе имеется след крепления ручки, утерянной в древности. На донце три фигурные ножки, которые припаивались (рис. 5). Внутри патеры на дне рельефное изображение сфинкса. В ногах сфинкса голова лани. Все изображение заключено в бордюр из двух рядов точечного орнамента, елочного пояска и двух концентрических линий. На патере обнаружены фрагменты деревянной доски или миски.

Кольчуга погребенного сохранилась плохо. Она состояла из колец диаметром 8 мм (рис. 2, *5*). Покрой кольчуги не определен. Спинная часть кольчуги состояла только из железных колец, а грудная — из поясков бронзовых и железных колец. Алебастровый сосудик шаровидной формы со следами ручки (рис. 2, *6*). Рядом с ним и патерой лежало пять раздельных эсовидных звеньев железной очажной цепи

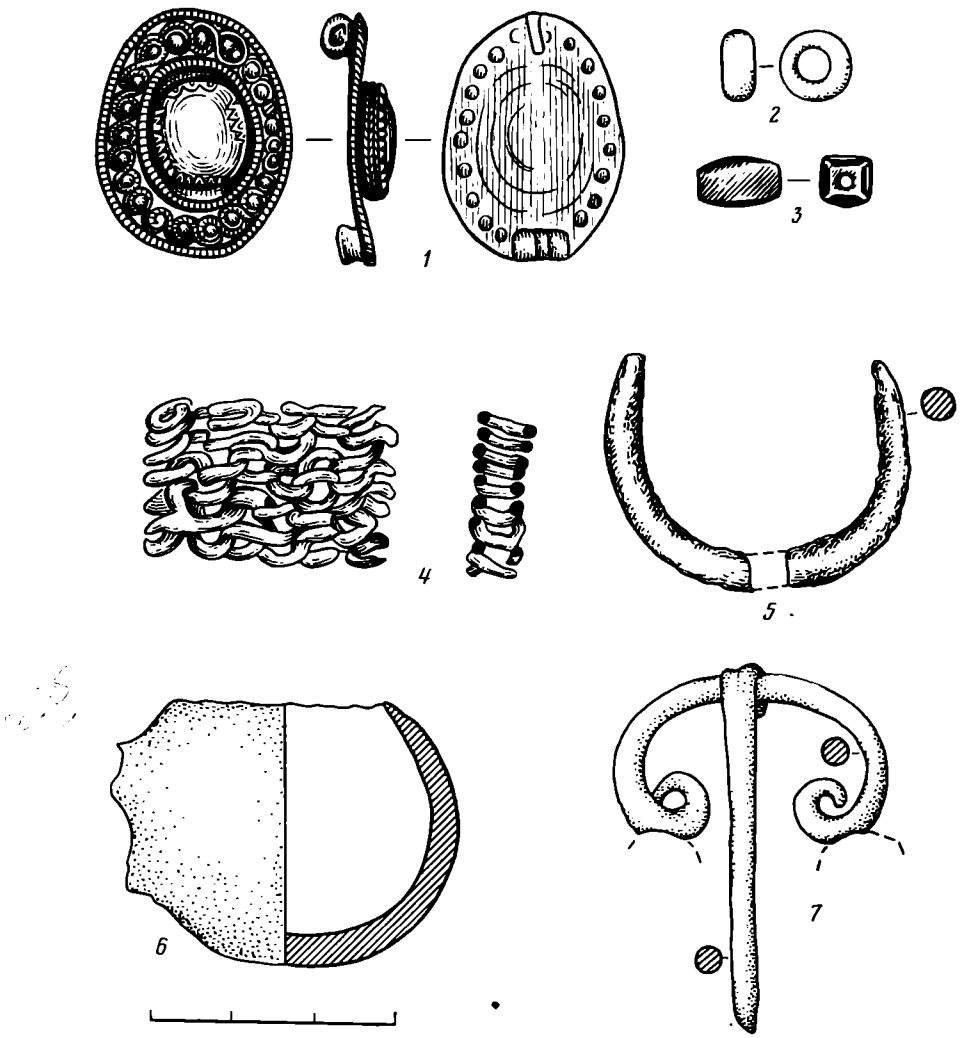


Рис. 2. Инвентарь погребения 14. *1* — фибула; *2*, *3* — бусы; *4* — фрагменты кольчуги; *5* — фрагменты кольца; *6* — сосудик; *7* — фрагмент пряжки. *1* — золото; *2* — янтарь; *3* — гагат; *4*, *5* — железо; *6* — алебастр; *7* — серебро

(рис. 4, *4*). Янтарная бусина кольцевидной формы (рис. 2, *2*) находилась под кольчугой.

Между кольчугой и фрагментом меча лежали обломки серебрянного сосуда. Дно плоское, стенки раструбом. Венчик был таким же сильно профилированным, как и у второго серебрянного сосуда, вынесенного из погребения бульдозером (рис. 4, *2*). На донцах обоих сосудов тамгообразные знаки, нанесенные точечным способом (рис. 4, *2а*). Под первым сосудом зафиксированы следы «циновки». В юго-восточной части погребения находилась вверх дном круговая чернолощеная миска с желобчатым бортиком (рис. 6, *2*). На донце миски с внутренней стороны процарапан знак в виде полоски с раздвоенным концом (рис. 6, *2а*). Тесто плотное, с дресвой, темно-коричневого цвета. Рядом с миской стоял круговой красноглиняный кувшин на кольцевом поддоне (рис. 6, *1*). На плечиках следы черного лака (?).

В области нижних конечностей обнаружены бронзовый котел, фрагменты канделябра, железный черпак, золотая проволока, фрагмент раковины моллюска, половина железного кольца (рис. 2, *5*) и серебряная монограмма (?) (рис. 4, *7*). Котел тонкостенный, с округлым дном и двумя диаметрально расположенными ручками. Венчик вертикальный, резко сужается к шейке. Шейка постепенно расширяется к тулову. Плечики ярко выражены резким расширением тулова котла. Ручки фигурных очертаний и приклепаны к котлу при помощи бронзовых заклепок. На ручки

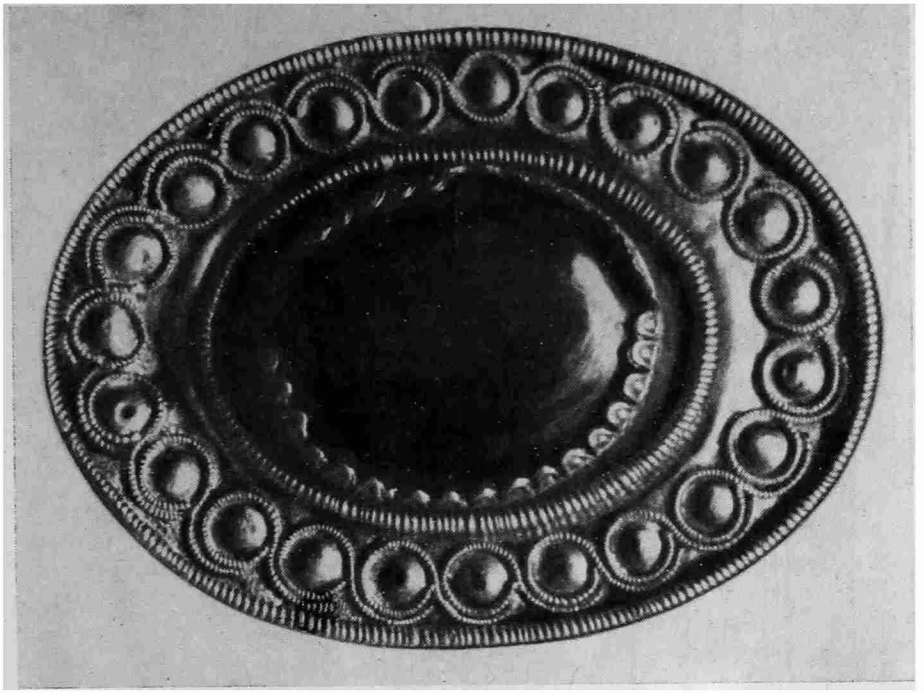


Рис. 3. Фибула из погребения 14 (увеличено)

надеты железные кольца для подвешивания, круглые в сечении (рис. 6, 3). В котле находился массивный железный черпак с витой, переломленной в древности ручкой (рис. 4, *6*). Здесь же обнаружено восемь фрагментов железного канделябра на трех ножках (рис. 4, *5*). Из средней части погребения были вынесены каменный оселок прямоугольных очертаний (рис. 4, *3*) и половина рамки с язычком от серебряной пряжки с волютообразными загнутыми концами (рис. 2, *7*).

Для определения культурной принадлежности погребенного следует рассмотреть имеющиеся данные по погребальному обряду. Впускной характер погребения в курганную насыпь, форма и ориентировка могильной ямы позволяют сблизить захоронение с сарматскими погребениями зубовско-воздвиженской группы на Кубани [1, с. 129]. Судя по сохранившимся костям, скелет лежал головой на северо-запад. Такая ориентировка господствует в сарматских погребениях Прикубанья в первые века нашей эры. Сарматской принадлежности не противоречит расположение посуды в ногах погребенного. Наконец, на сарматскую принадлежность указывает использование в погребальном ритуале мела и алебастрового сосуда [2, с. 60; 3, с. 240].

Инвентарь подтверждает вывод о сарматской принадлежности погребения и позволяет датировать его довольно точно. Чернолощеная миска имеет многочисленные аналогии в меотских и сарматских материалах первых веков нашей эры [4, с. 42; 5, с. 30, 32]. Процарапанный знак на дне миски в виде полоски с раздвоенным концом аналогичен знаку на известняковой плите, найденной на территории Боспорского царства [6, с. 111, табл. 11, *61*]. Гончарный красноглиняный кувшин, по-видимому, является импортом одного из крымских ремесленных центров. Такие кувшины происходят из могильника Бельбек IV в. в Крыму, где И. Н. Гущина их датирует I—II вв. н. э. [7, с. 36, рис. XIV, *1*]. Шаровидные алебастровые сосудики очень часто встречаются в сарматских погребениях II в. до н. э. — I в. н. э. [2, с. 60].

Мечи с кольцевидным навершием и брусковидным перекрестием появляются на Кавказе в I в. до н. э. в связи с продвижением аорсов и сираков с севера на юг [8, с. 249; 9, с. 10]. Такие мечи найдены на Кубани в погребениях рубежа нашей эры как в грунтовых могильниках (Краснодарский могильник на ул. Почтовой, могильники близ хут. Сань-

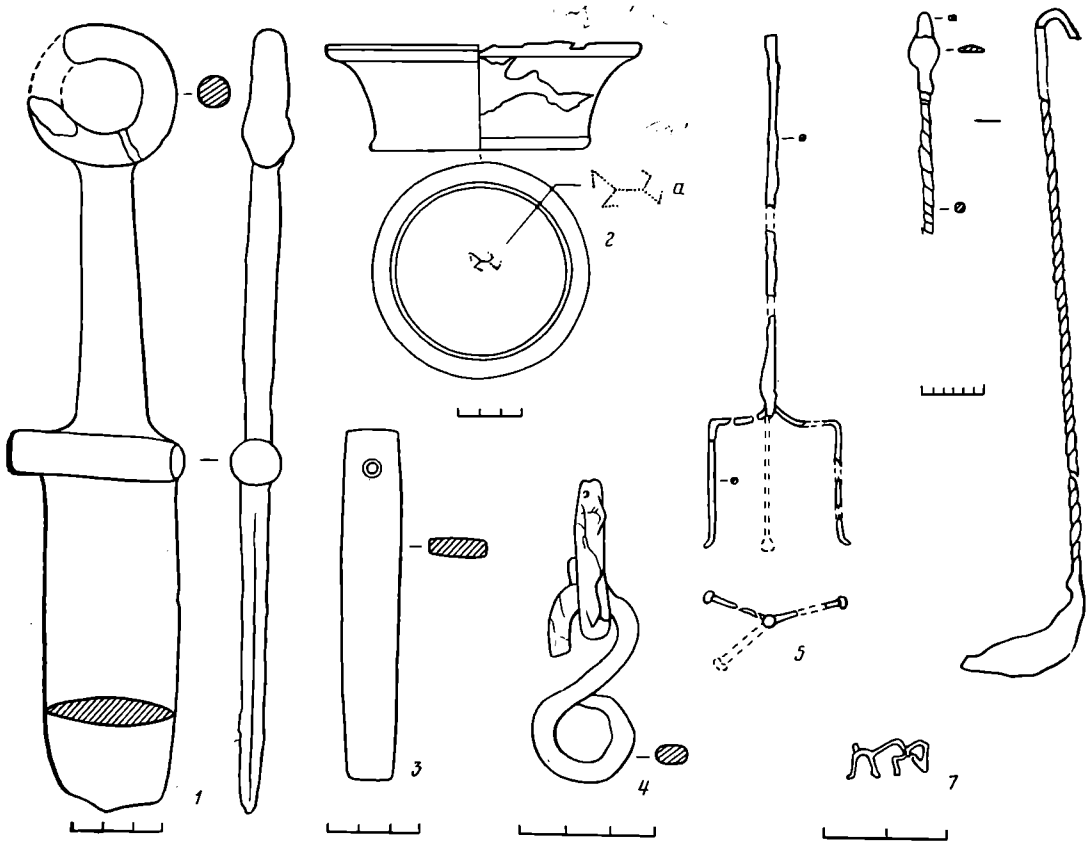


Рис. 4. Инвентарь погребения 14. *1* — меч; *2* — сосуд; *3* — оселок; *4* — фрагменты надочажной цепи; *5* — канделябр; *6* — черпак; *7* — монограмма. *1*, *4—6* — железо; *2* — глина; *3* — камень; *7* — серебро

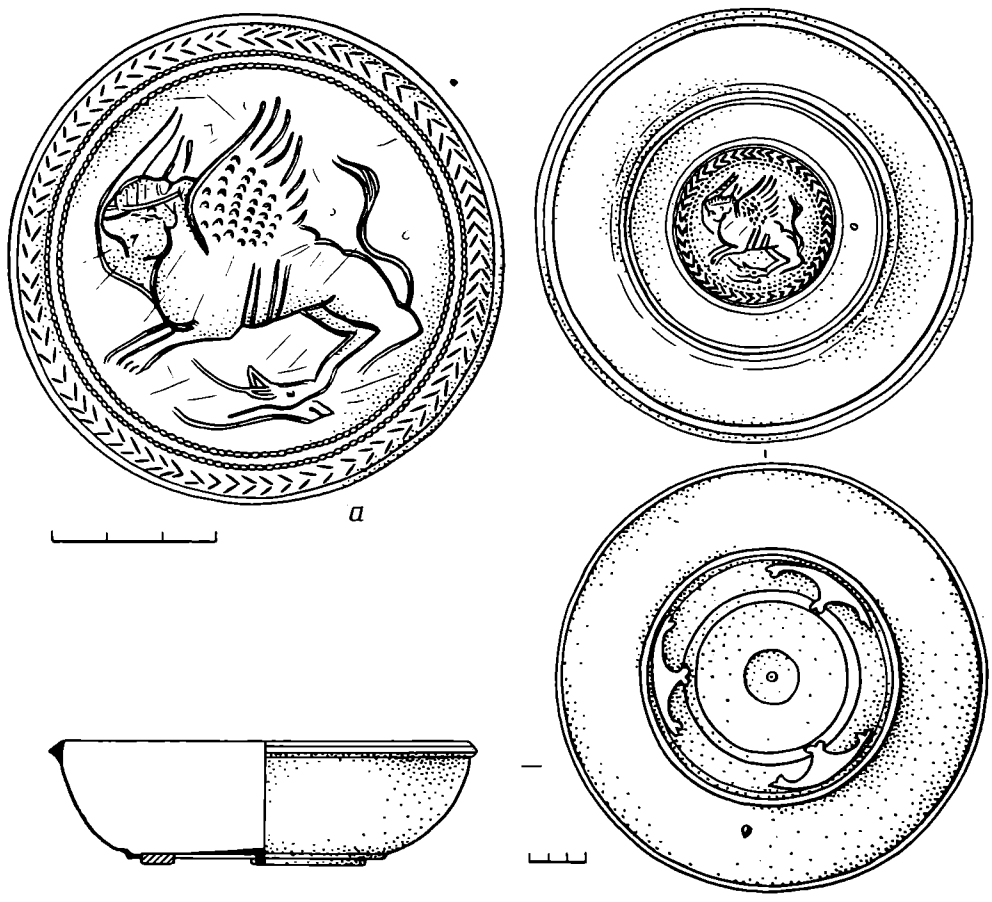


Рис. 5. Патера из погребения 14. *а* — изображение на патере

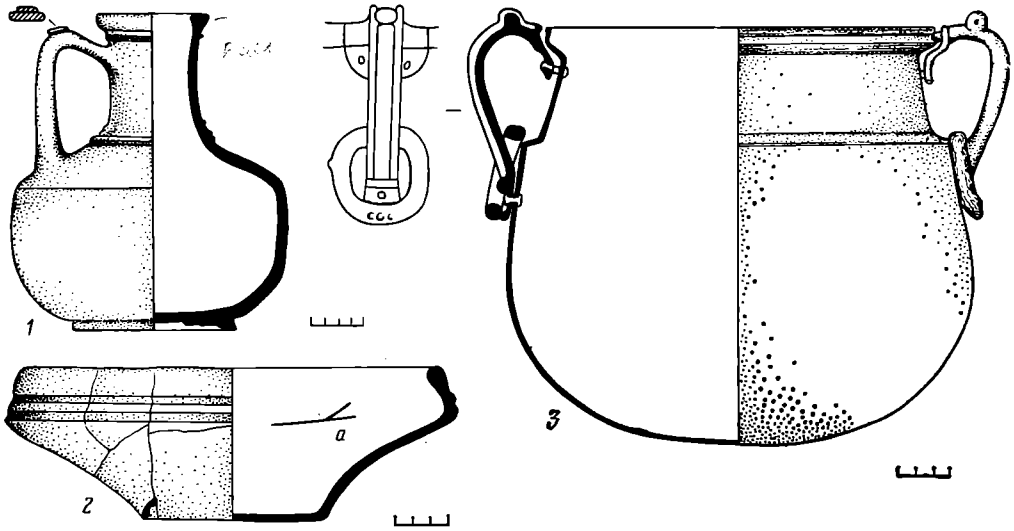


Рис. 6. Инвентарь погребения 14. *1* — кувшин; *2* — миска; *3* — котел. *1*, *2* — глина; *3* — бронза

кова, в станицах Владимирской, Усть-Лабинской, Тбилисской) [8, с. 177; 10, с. 150, 152; 11, с. 37], так и в курганах (станицы Воздвиженская, Казанская) [12, с. 44, рис. 70]. Время бытования мечей этого типа приходится в основном на I в. до н. э.— I в. н. э.

На рубеже нашей эры у кочевников кубанских степей появляются кольчуги, которые в первые века нашей эры вытесняют в погребениях кубанских курганов комбинированные доспехи [13, с. 61]. Фрагменты железных кольчуг найдены в кургане у станицы Тифлисской и в могильнике у станицы Владимирской [13, с. 61].

Найденная в погребении патера принадлежит к одной из наиболее распространенных и многочисленных групп импортной продукции. Они достаточно широко встречаются на территории Римской империи, Западной Европы, Северного Причерноморья и Северного Кавказа [14, с. 215, 216]. Наиболее близкие по форме аналогии происходят из могильников Згудери [15, с. 112, рис. 5] и Никольского [16, с. 150, 152]. Как отмечают В. П. Шилов и О. Д. Лордкипанидзе, эти патеры датируются I—II вв. н. э. Однако Б. А. Раев относит патеру из рассматриваемого погребения к редкому типу этого вида посуды и предположительно датирует не ранее II в. н. э.[1] Изображение сфинкса (рис. 3, *а*) для патер довольно необычное и не находит аналогий в археологическом материале.

К импортной посуде относятся и два серебряных сосуда с сильно профилированными венчиками и плоскими донцами. На донцах точечным способом нанесены тамгообразные знаки. Впервые такая тамга в виде энглифического клейма была выявлена на обломках черепицы [17, с. 26, рис. 13], а затем на кирпичах [18, с. 83; 19, с. 99] в Горгиппии. Впоследствии подобные тамги обнаружены на мисках из поселения у с. Владимировки [20, с. 97] и на монетах боспорского царя Аспурга 14 г. н. э. [21, с. 142], правившего в 8—38 гг. н. э. Почти все материалы с указанной тамгой из боспорских городов датируются первой половиной I в. н. э.

Золотая фибула овальной формы с каменной вставкой выполнена в полихромном стиле, который появился в эллинистическую эпоху. Такие фибулы получают большое распространение в Прикубанье во II—I вв. до н. э. [22, с. 29; 23, с. 30]. Фибулы этого типа найдены в курганах у станиц Воздвиженской [12, с. 44], Ахтанизовской и пос. Гейгановского [22, с. 29]. Сильные потертости на поверхности фибулы и отсутствие части зубчиков, закреплявших каменную вставку, свидетельствуют о

[1] Благодарим Б. А. Раева за консультацию по металлической посуде из погр. 14.

длительном ее ношении. Это не противоречит общей датировке погребения I в. н. э. Однако учитывая большой приток импортной металлической посуды на Кубань со второй половины I в. н. э., исследуемое погребение из кург. 2 у станицы Михайловской можно отнести ко второй половине I в. н. э. Вряд ли оно было совершено ранее середины этого столетия.

По богатству инвентаря погр. 14 в кург. 2 заметно выделяется среди исследованных сарматских погребений Михайловского могильника. Обилие импортной посуды и полный набор вооружения всадника указывают на то, что перед нами погребение знатного сарматского воина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Е. П.* Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольск. кн. изд-ва, 1976.
2. *Абрамова М. П.* Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э.—СА, 1959, № 1.
3. *Вязмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Новофилиповка.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
4. *Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени.— СА, 1979, № 2.
5. *Федоров Я. А., Федоров Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.: Изд-во МГУ, 1978.
6. *Драчук В. С.* Система знаков Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1975.
7. *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине р. Бельбек в Крыму.— В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: Наука, 1974.
8. *Хазанов А. М.* Сарматские мечи с кольцевидным навершием.— СА, 1967, № 2.
9. *Смирнов К. Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия.— КСИИМК, 1950, вып 34.
10. *Анфимов Н. В.* Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья.— КСИИМК, 1947, вып. XVI.
11. *Железчиков Б. Ф.* Материалы из раскопок П. С. Рыкова в 1927 г. на территории Уральской области.— КСИА, 1980, вып. 162.
12. ОАК за 1899 г. СПб., 1902.
13. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
14. *Лордкипанидзе О. Д.* Италийские бронзовые изделия, найденные на территории древней Грузии.— СА, 1964, № 1.
15. *Немсаидзе Г. М.* Погребение иберийской знати из Згудери.— КСИА, 1977, вып. 151.
16. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
17. *Гайдукевич В. Ф.* Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов.— КСИИМК, 1947, вып. XVII.
18. *Кругликова И. Т.* Раскопки Горгиппии.— КСИА, 1966, вып. 108.
19. *Цветаева Г. А.* Кирпичи с тамгой из Горгиппии.— КСИА, 1975, вып. 143.
20. *Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска.— КСИА, 1981, вып. 168.
21. *Фролова Н. А.* К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре.— ВДИ, 1979, № 1.
22. *Смирнов К. Ф.* Северский курган. Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
23. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1-30.

ЗОЛОТОВ Ю. М.

ИЗВАЯНИЯ ЯЗЫЧЕСКИХ БОГОВ НА РУСИ
(письменные известия и устные предания)

Рассказывая о борьбе князя Владимира Святославича с языческой религией после принятия христианства, летопись сообщает, что он «повеле рубити церкви и поставляти по местом, идеже стояху кумири» [1, с. 118]. Это же подтверждает «Память и похвала князю Владимиру», по словам которой он «храмы идольскыя и требища всюду раскопа и посече, и идолы съкроуши» [2, с. 5]. Однако ни количество, ни точное местонахождение таких святилищ, ни состав их пантеона в древних источниках на указывался, и лишь однажды упоминается Перынь под Новгородом.

Несомненный интерес для историков, археологов, этнографов и языковедов должны представлять предания об изваяниях языческих богов, сохранившиеся в разных областях России, Украины и Белоруссии. Предания рассеяны во многих работах по краеведению и вместе никогда не сводились. В народных преданиях говорится не только о кумирах Перуна, Волоса-Велеса, Стрибога, но также и о некоторых других, благодаря чему число богов высшего уровня явно увеличивается.

Ниже приводим перечень известных нам летописных свидетельств и местных преданий о языческих изваяниях.

1. **Изваяния Перуна:** а) в Киеве, «вне двора теремнаго», вместе с изваяниями пяти других богов [1, с. 79]; б) в Новгороде, на Перыни, при истоке Волхова [3, с. 207]; в) в Полоцке, за р. Полотой, у оз. Воловое находилось, по преданию, капище Перуна и бабы-Яги [4, с. 109]; г) в Ромнах, на холме «Монастырище», при слиянии рек Большого Ромна и Сулы, стоял каменный идол, называвшийся, по преданию, Перуном, около которого бывали игрища в Ильин день [5, с. 10]; д) в Старой Руссе, в устье ручья Войе, на правом его берегу, где некогда была д. Перхино, стоял, по преданию, идол Перуна на холме [6, с. 249, 251].

2. **Изваяния Волоса-Велеса:** а) в Ростове, в Чудском конце, стоял каменный идол Велеса [7, с. 13]; б) в 10 верстах от Ростова, в селе, называвшемся в древности якобы Чертово, а с принятием христианства переименованном в Ангелово, по преданию, было капище Волоса-Велеса, или «Велесово дворище», разрушенное в XI в. св. Исайей Ростовским [8, с. 16]; в) в 10 верстах от Ростова, в с. Поклоны, по преданию, было капище Велеса около священного дуба, которому также поклонялись язычники. В селе была построена церковь Ильи пророка [8, с. 43]; г) в 14 верстах от Ростова, в с. Деболы на р. Саре, по преданию, было капище Велеса [8, с. 44]; д) в Ярославле, близ устья р. Которосли, на левом ее берегу, было святилище Волоса, на месте которого воздвигли церковь св. Власия [9, с. 6, 7]; е) в 18 верстах от Владимира, на горе, по преданию, было также святилище Волоса, где впоследствии основали Николаевский-Волосов монастырь, упраздненный в 1843 г. [10, с. 110].

3. **Изваяния Стрибога:** в 21 версте к юго-западу от Ростова, в с. Воронино, было, по преданию, капище Стрибога, где жрецы предсказывали будущее по внутренностям воронов, которых приносили в жертву этому богу. В селе была основана церковь Троицы [8, с. 46].

4. **Изваяния Ярилы:** а) в Галиче-Мерьском, на «Поклонной горе», стоял, по преданию, идол Ярилы. Праздник «Яриловки» вплоть до конца XIX в. был здесь самым многолюдным [11, с. 54]; б) в Суздале, на «Яруновой горе», при слиянии ручья Гремячки и р. Каменки, по преданию, стоял идол бога Яруна, на месте которого построили церковь Козьмы и Дамиана [12, с. 63, 66, 70] [1].

5. **Изваяния других богов:** а) в Устюжне, на стрелке городища, при слиянии рек Ижины и Мологи, по преданию, стоял истукан бога Купалы, на месте которого была построена первая городская церковь. Царь Иван Грозный повелел якобы дополнительно освятить это место воздвижением креста [14, с. 55, примеч. 33]; б) идол бога Купалы, по преданию, был также и в древнем Суздале, «на сполье» [12, с. 70]; в) в 16 верстах к северу от Шуи, в с. Дунилове, на левом берегу р. Тезы, стоял, по преданию, идол бога Дубнилы, который, однако, судя по названию села, мог именоваться также и Дунило [15, с. 154]; г) во Владимире-Волынском, на том месте, где был основан монастырь архангела Михаила, по преданию, стоял идол языческого бога, имя которого не сохранилось [16, с. 8, примеч. 1]. В том же городе на левом берегу р. Луг было урочище «Волосов остров», где создали монастырь св. Онуфрия [17, с. 51]; д) в Новгороде-Северском, внутри Детинца, на

---

[1] Традиции антропоморфного изображения Ярилы (или Коструба) у восточных славян были, очевидно, очень древние. Известно, в частности, изготовление идола Ярилы из глины [13, с. 128].

месте, где был выстроен Успенский собор, стоял, по преданию, также идол некоего бога племени северян, и этому богу приносили жертвы [18, с. 3]; е) около Устюжны, в древнем погосте «Скоморошки», по преданию, было весьма чтимое капище какого-то «Большого бога» с многолюдной ярмаркой [19, с. 25].

Таким образом, до нас дошли известия более чем о 20 изваяниях языческих богов восточных славян, имевшихся в землях волынян, полян, северян, кривичей и словен новгородских, расположенных на пространстве от Западного Буга до Костромского Заволжья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаврентьевская летопись.— ПСРЛ, 1962, т. 1.
2. Записки Академии наук по историко-филологическому отделению. Т. I, № 6, СПб, 1897.
3. Новгородские летописи.— ПСРЛ, 1841, т. 3.
4. *Без-Корнилович М. О.* Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. СПб, 1855.
5. *Курилов И. А.* Роменская старина. Ромны, 1898.
6. *Полянский М. И.* Иллюстрированный историческо-статистический очерк города Старая Русса и Старорусского уезда. Новгород, 1885.
7. Житие преподобного Авраамия Ростовского Чудотворца. Ярославль, 1892.
8. *Титов А. А.* Ростовская старина. Вып. 1. Ростов, 1883.
9. *Лебедев А. Н.* Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле. Ярославль, 1877.
10. *Тихонравов К.* Владимирский сборник. М., 1857.
11. *Моллер О. К.* Сведения, собранные в городе Галиче.— Костромская старина. Вып. 3. Кострома, 1894 (раздельная пагинация).
12. *Федоров Анания.* Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. Б. м., б. г.
13. *Померанцева Э. В.* Ярилки.— СЭ, 1975, № 3.
14. *Токмаков И. Ф.* Историко-статистическое и археологическое описание города Устюжны с уездом Новгородской губернии. М., 1897.
15. *Борисов В.* Описание города Шуи. М., 1851.
16. *Крушинский Л.* Исторический очерк Волыни.— Тр. Волынского губернского статистического комитета. Вып. 1. Житомир, 1867.
17. *Дверницкий Е. Н.* Памятники древнего православия в городе Владимире-Волынском. Киев, 1889.
18. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 6. Чернигов, 1874.
19. *Поливин А.* Устюжна.— Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 6. СПб, 1861.

ГУПАЛО В. Д.

ГОНЧАРНЫЕ КЛЕЙМА ПРИКАРПАТЬЯ И ЗАПАДНОЙ ВОЛЫНИ
(опыт систематизации)

Рельефные знаки на днищах древнерусских сосудов — так называемые гончарные клейма — известны давно. Они распространены по всей обширной территории славянских земель [1—3]. Появление гончарных клейм тесно связано с внедрением ручного гончарного круга [4, с. 454]. Нижней хронологической границей существования гончарных клейм принято считать конец IX в. [4, с. 454]. Наиболее широко они распространены в X—XII вв., а в XIII в. встречаются уже значительно реже. К XIV в. относятся лишь единичные находки. Причиной исчезновения клейм принято считать внедрение в гончарное производство быстроротационного гончарного круга [5, с. 155].

Попытки классификации гончарных клейм древнерусского времени предпринимались неоднократно. Однако единой, более или менее унифицированной классификационной схемы пока не разработано. Богатая коллекция гончарных клейм из раскопок древнерусских поселений Прикарпатья и Западной Волыни позволяет предложить опыт систематизации

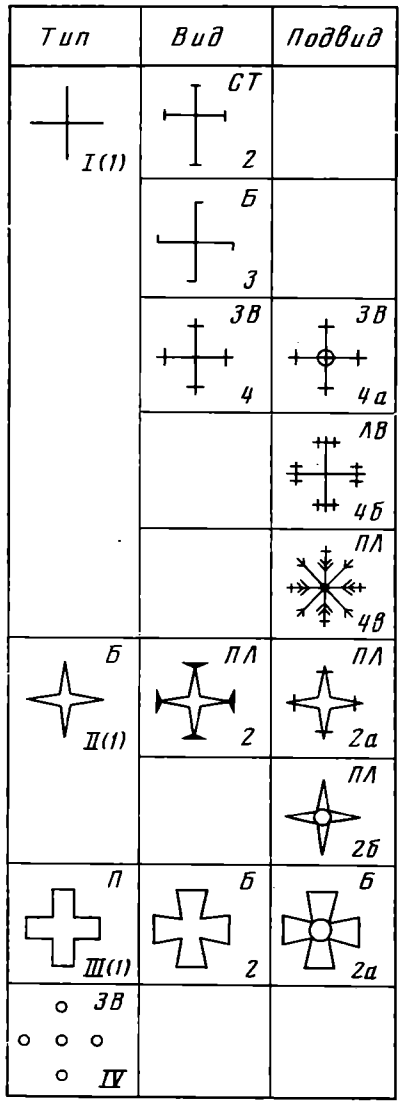


Рис. 1

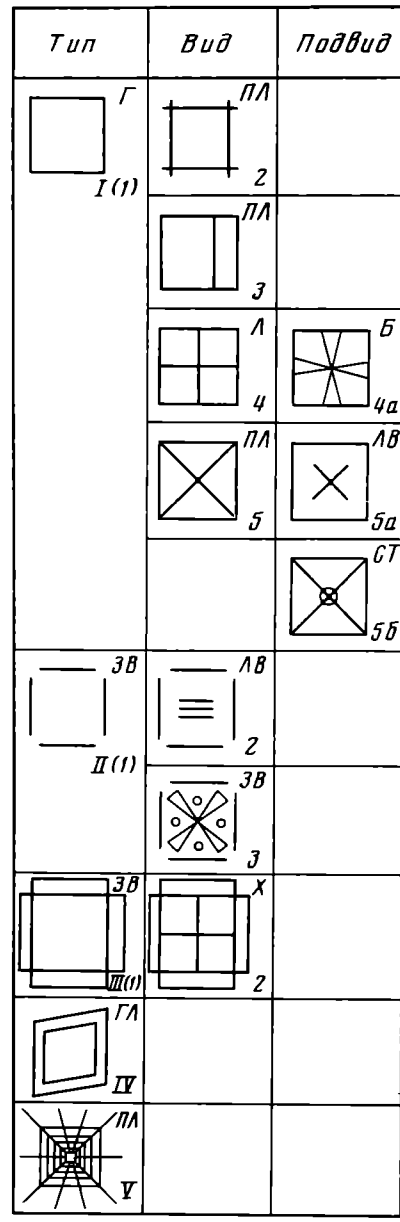


Рис. 2

Рис. 1. Гончарные клейма группы *А*. Обозначения памятников (к рис. 1—7): *Б* — Белз, *КЛ* — Колодяжин, *К* — Коршев, *Л* — Листвин, *П* — Перемиль, *ПР* — Пересопница, *Х* — Хоров, *Г* — Галич, *ГД* — Голиграды, *ЗВ* — Звенигород, *ЛВ* — Львов, *ПЛ* — Плисненск, *СТ* — Ступница 2; *Б, КЛ, К, Л, П, ПР, Х* — Волынь, *Г, ГЛ, ЗВ, ЛВ, ПЛ, СТ* — Прикарпатье

Рис. 2. Гончарные клейма группы *Б*

этой интересной категории памятников[1]. В основу разработанной схемы положены единство и различия конфигураций основы клейма[2].

Выделено шесть основных групп гончарных клейм: *А* — крестообразные, *Б* — квадратные, *В* — круглые, *Г* — из прямоугольных отрезков, *Д* — «знаки Рюриковичей», *Е* — буквенные. Единичные экземпляры, которые не могут быть включены ни в одну из перечисленных групп, объединены в условную группу *Ж* (рис. 1—7).

Общим принципом разделения гончарных клейм на типы, виды и

[1] Материалы хранятся во Львовском государственном историческом музее и в фондах Института общественных наук АН УССР во Львове.

[2] Первая попытка классификации гончарных клейм с памятников рассматриваемой территории была предложена М. П. Кучерой [6, с. 118—123]. Предлагаемая нами схема является ее расширенным и унифицированным вариантом.

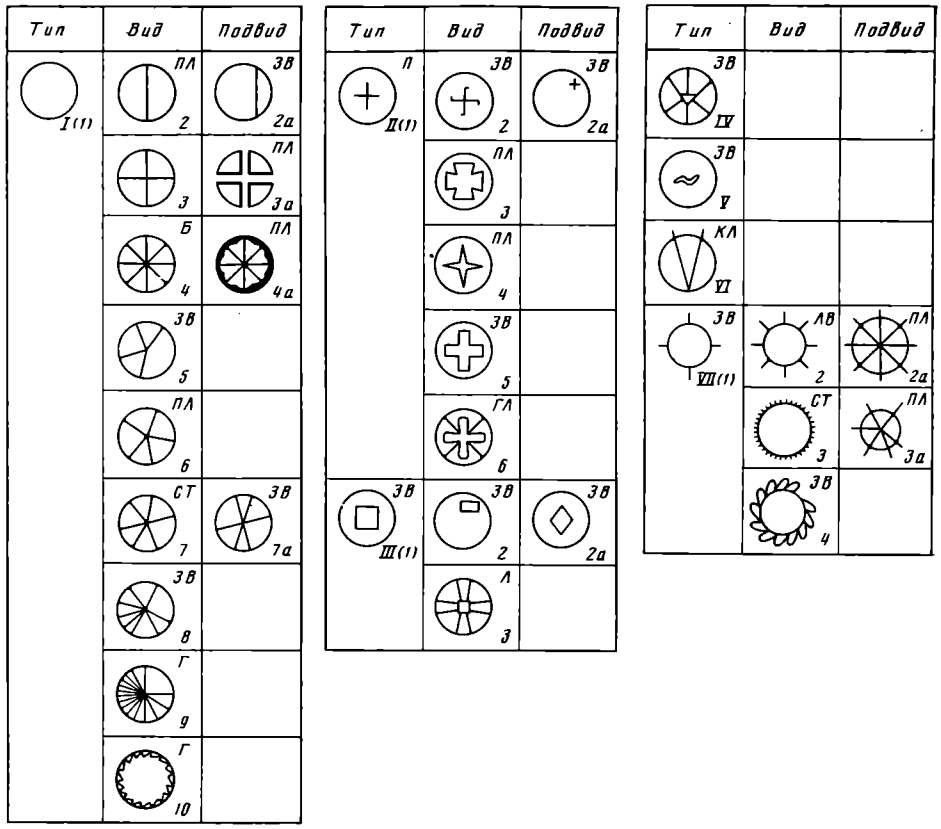


Рис. 3. Гончарные клейма группы *В*

подвиды в пределах каждой из групп является определение дополнительных геометрических элементов внутри основы и вне ее. Эти два момента особенно важны при характеристике квадратных (группа *Б*) и круглых (группа *В*) знаков. При анализе знаков группы *Д* определительными являются дополнительные детали основного знака. Типология клейм группы *Е* возможна при учете декоративных элементов клейма[3].

Группу *А* составляют знаки, имеющие в своей основе (рис. 1) крест. Среди них выделено четыре типа: крест из двух пересекающихся тонких рельефных отрезков (тип I), крест с лучеобразными концами (тип II), крест массивный (тип III), крест из рельефных точек (тип IV). Дополнительные элементы в виде линий с отрезками, которые образуют варианты простого знака, помогают выделить виды 2—4 и подвиды: 4а—в.

Распределение знаков типа II проводилось по тому же принципу.

В типе III вид 2 и подвид 2а образованы массивным крестом с расширенными концами, так называемым «мальтийским крестом».

Знак типа IV пока обнаружен в единственном экземпляре.

Группу *Б* составляют все знаки, имеющие форму четырехугольника (рис. 2). Среди них выделено пять типов. В тип I входят знаки квадратной основы в виде простого квадрата (тип I, вид 1—2), квадрата с вписанной линией (вид 3), линиями, пересекающимися под прямым углом (вид 4, подвид 4а) и пересекающимися по диагонали квадрата (вид 5, подвид 5а—б).

Тип II образуют квадраты с несоединяющимися сторонами (тип II,

[3] В классификационных таблицах (рис. 1—7) помещены схематизированные изображения клейм; размеры основы и геометрические «неправильности» не учитываются. Рискуя перегрузить таблицы, я поместила в верхнем правом углу каждой ячейки буквенные обозначения наименований памятников, с которых происходят клейма данной схемы. Для наиболее простых видов и подвидов (крест, круг, крест в круге и т. п.) происхождение не указано, поскольку клейма такой схемы встречены практически на всех памятниках рассматриваемого района. Все изображенные в таблицах клейма поданы без контура днища сосуда.

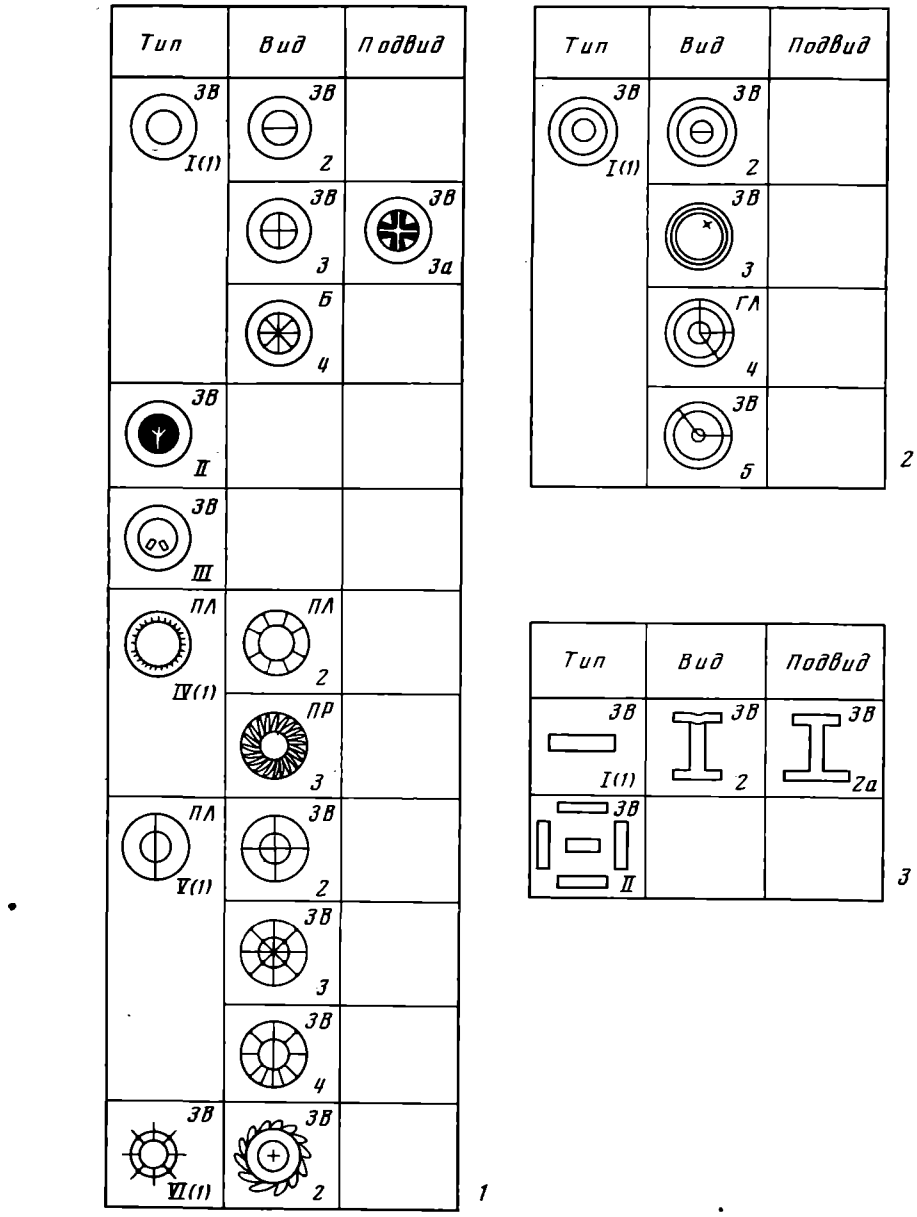


Рис. 4. Гончарные клейма группы B^{I} (*1*), B^{II} (*2*) и $Г$ (*3*)

вид 1), в которые вписаны параллельные линии (вид 2) и линии, пересекающиеся по диагоналям, в виде креста с рельефными точками по бокам (вид 3).

Тип III образуется с помощью деталей, которые по отношению к основе являются описанными: линии, выходящие за пределы прямоугольника; квадраты, которые пересекаются (тип III, вид 1—2). Отдельные типы составляют знаки, имеющие основу в виде двух (тип IV) и более (тип V) концентрических четырехугольников. Эти знаки пока представлены в единичных экземплярах.

Наибольшим количеством знаков представлена группа В — клейма, в основе которых лежит геометрическая фигура круга (рис. 3, 4, *1*, *2*). В пределах этой группы выделены две подгруппы: B^{I} — основа из двух кругов, вписанных один в другой; B^{II} — основа из трех и более кругов, вписанных один в другой.

В группе *В* тип I составляют клейма, у которых в основу вписаны линии (радиусы, диаметры, маленькие отрезки). Виды образуются вписанными в круг радиусами (вид 2—9) и маленькими отрезками (вид 10). Тип II составляют клейма, у которых в круг вписан крест.

Разные конфигурации креста образуют виды (вид 1—6). Знаки в

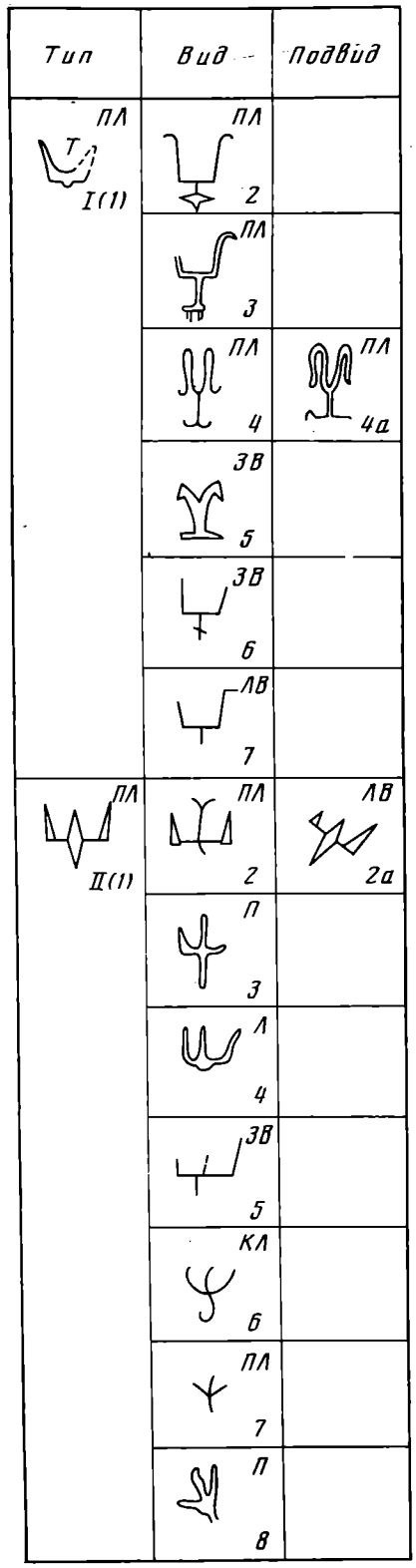


Рис. 5. Гончарные клейма группы *Д*

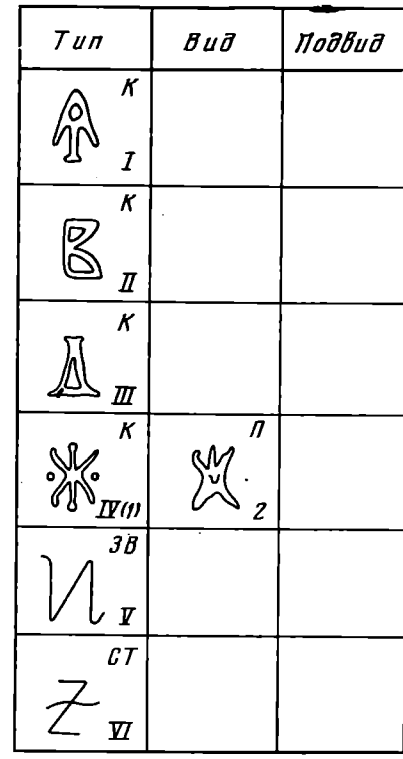


Рис. 6. Гончарные клейма группы *Е*

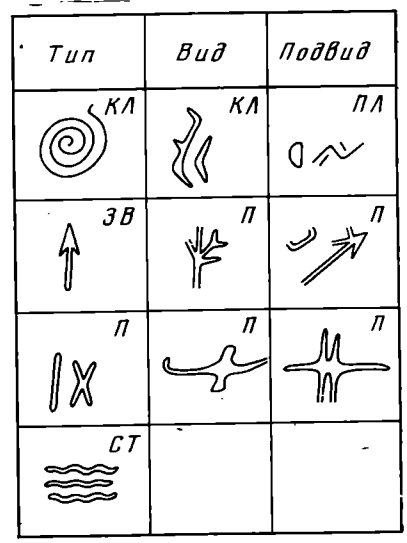


Рис. 7. Гончарные клейма группы *Ж*

виде круга с вписанным четырехугольником (вид 1—2, подвид 2а) и с вписанным квадратом, от которого расходятся лучеобразные линии (вид 3) составляют тип III. Иные типы образованы вписанными в круг разными геометрическими фигурами, которыми являются: треугольник (тип IV), волнистый отрезок (тип V) и линии, образующие подобие римской цифры «пять» (тип VI). Тип VII составляют знаки, образован-

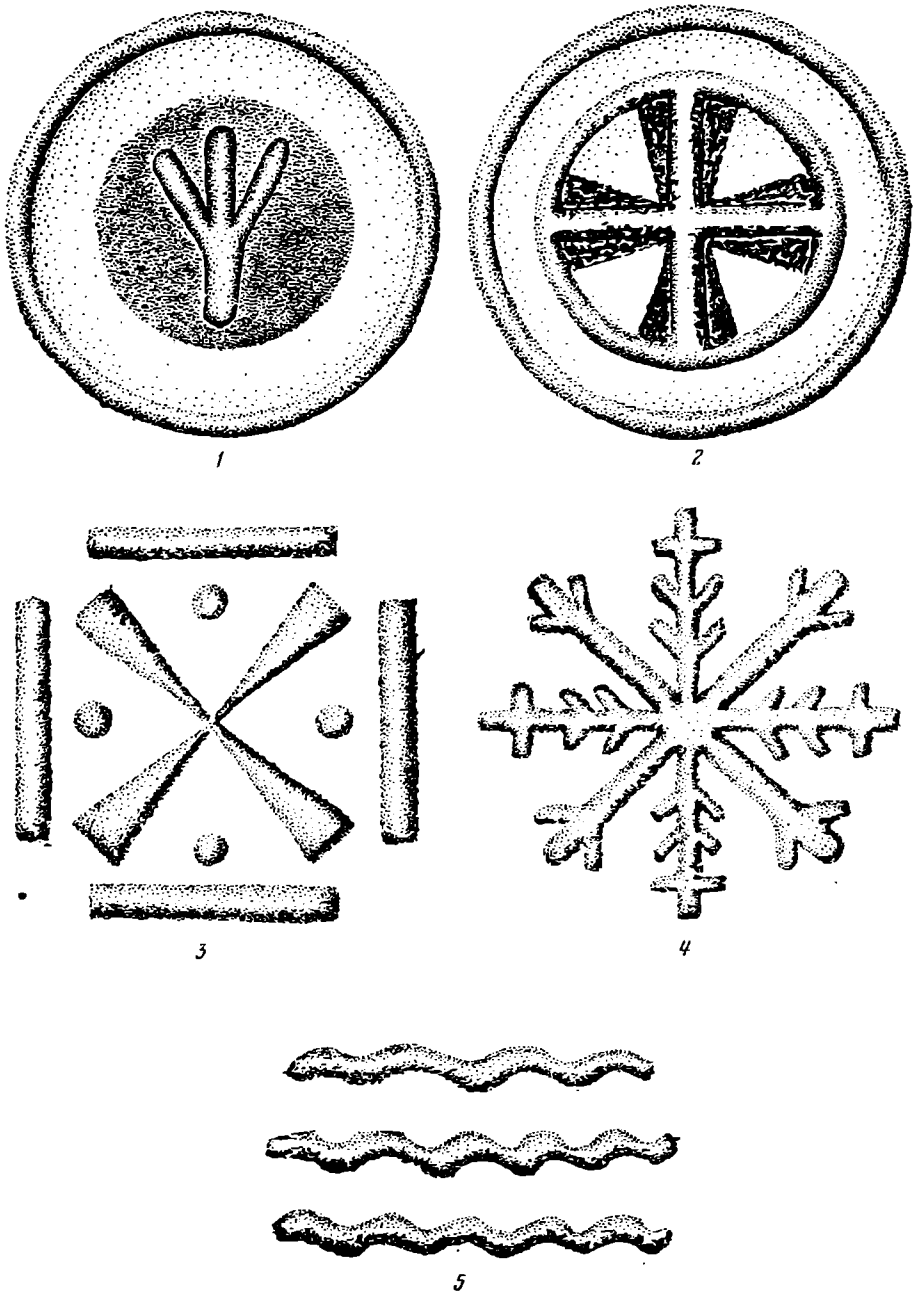


Рис. 8. Локальные варианты гончарных клейм Прикарпатья (обозначения см. в тексте)

ные элементами (радиальными отрезками и лепестками), выходящими за пределы основы (подвид 2а, 3а) или являющимися по отношению к основе описанными (вид 1—4).

В подгруппу B^{I} входят знаки, состоящие из двух концентрических кругов. Определение типов проводится по тому же принципу, что в группе *В.* только сначала выясняем характер «заполнения» во внутреннем круге (линии, прямоугольник, триденс—тип I—III), затем вне его (тип IV—V) и за пределами внешнего круга (тип VI). То же относится и к подгруппе B^{II}.

Своеобразность следующих знаков позволила выделить их в группу *Г* (рис. 4, 3). Основой фигур здесь является прямоугольный отрезок.

В группе *Д* выделено всего два типа (рис. 5): двузубец и триденс. Манера выполнения этих знаков различает парадный и простой стиль. Первый превращал знак в красивый орнаментальный узел, второй ото-

Таблица 1

Группа	Города							
	Звенигород	Плисненск	Галич	Судова Вишня	Львов	Белз	Перемиль	Ступница II
А	10	9	8	1	4	3	7	6
Б	7	6	1	1	6	3	3	2
В	102	37	14	3	23	10	12	3
Г	3	–	–	1	–	–	2	4
Д	5	1	–	1	3	–	4	–
Е	1	–	–	–	–	–	1	–
Всего	128	53	15	7	36	16	29	15

бражал лишь схему знака. Стиль выполнения и детали-отпятныши учитываются при определении видов и подвидов знаков группы *Д*.

Интерес вызывают знаки группы *Е*, которые представлены буквами славянского алфавита. Но подобные находки очень редки, поэтому в настоящее время каждая буква является отдельным типом (рис. 6).

В группу *Ж* объединены клейма (рис. 7), представленные единичными рисунками, не вписывающимися ни в одну из охарактеризованных выше групп [6, рис. 3, *22*; 7, с. 57, рис. 41; 8].

Во время раскопок древнерусских городищ на территории Прикарпатья и Западной Волыни встречают очень много тождественных по рисунку гончарных клейм. Большинство клейм относится к группе *В* (табл. 1). Намного реже встречаются клейма из групп *А* и *Б*. И сравнительно очень редкими являются находки клейм групп *Д* и *Е*. Преобладание клейм групп *А* — *В* характерно для всех древнерусских городищ.

Наряду с клеймами «общих» типов на ряде поселений встречены редкие варианты, не находящие аналогий в материалах других памятников. Выявлены клейма локально Звенигородские (Львовская обл.): один круг рельефный, второй вдавлен по всей плоскости, посредине которой находится триденс в виде птичьей лапы (рис. 8, *1*); два концентрических рельефных круга, в центре внутреннего круга вдавлен крест с расширенными концами, перекрытый тонким рельефным крестом (рис. 8, *2*); прямоугольник с несоединяющимися сторонами, в середине которого помещен крест с расширенными концами, образованный пересекающимися диагоналями, по бокам которых помещены рельефные точки (рис. 8, *3*). Имеются знаки, локализующиеся только в материалах Плисненска (Львовская область; рис. 8, *4*) и Ступицы 2 (Львовская обл.; рис. 8, *5*).

Предложенная систематизация гончарных клейм с памятников Прикарпатья и Западной Волыни, безусловно, не претендует на завершенность. Ее неизбежно будут дополнять и корректировать новые находки. Однако автор надеется, что суммированные ею в сжатом виде наблюдения за материалами одной сравнительно небольшой территории древнерусского государства окажутся небесполезными при разработке в будущем классификации гончарных клейм всей территории Древней Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дончева-Петкова Л.* Знаци върху археологически паметници от средневековна България VII—X век. София, 1980.
2. *Černohorsky K.* Keramika a feudalismus.— Ceski ročnik, 1953, 40, № 1.
3. *Kolos-Szafranska Z.* Z badan nad znakami garncarskimi.— Wiadomosci archeologiczne, 1953, t. XIX, z. 2—4.
4. *Комша М.* О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи.— Dacia, 1961, V.
5. *Тухтина Н. В.* Средневековые славянские гончарные клейма.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
6. *Кучера М. П.* Гончарные клейма из раскопок древнего Плиснеска.— КСИА АН УССР, 1960, вып. 10.
7. *Юра Р. О.* Древній Колодяжин.— АП, 1962, т. XII.
8. *Кобільник В.* Знаки на днах посудин княжої доби зі Ступниці пов. Самбір.— Літопис Бойківщини. ч. 8, р. VI, Самбір, 1936.

ДРЕМОВ И. И.

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА С ДЖУЧИДСКИМИ МОНЕТАМИ

Летом 1983 г. при раскопах поселения эпохи поздней бронзы в Ленинском р-не Саратова было найдено погребение золотоордынского времени. Скелет взрослого мужчины находился в грунтовой яме подпрямоугольной формы длиной 2,5 и шириной 1 м. Погребенный положен на спину со слегка согнутыми в коленях ногами, головой на восток, лицом на юг. Кисть полусогнутой правой руки лежала в области таза, левая рука вытянута вдоль туловища (рис. 1).

Возле костей правой ступни скелета находился вток копья. Он лежал на железной вогнутой пластине овальной формы (рис. 2, *16*). Здесь же, в области ног, обнаружены двусоставные с перегибом удила (рис. 2, *21*) и два стремени с расплющенной верхней частью дужки и широкой подножкой. У правого стремени подножка значительно шире, чем у левого (рис. 2, *19*, *20*). Возле левой голени найден бронзовый булавовидный предмет (возможно, окончание рукоятки плети) с остатками дерева и железным клином во втулке (рис. 2, *1*). Левее бедра зафиксированы скопление обломков железных скоб, коротких гвоздей и восемь пряжек (рис. 2, *6—8*, *11—15*) различной величины. Здесь же находились шесть наконечников стрел различной формы (рис. 2, *2—5*, *8*). Под бедренной костью левой ноги лежали кресало (рис. 2, *10*) и 11 серебряных монет. Между левой рукой и ребрами костяка находился железный однолезвийный нож (рис. 2, *18*), левее руки прослежены следы древесного тлена. Возле черепа лежал втульчатый наконечник дротика. Судя по его положению, древко было сломано, так как наконечник лежал острием вверх на 10 см выше дна могилы. Кроме того, в захоронении найдены кости животных, но они, вероятно, попали сюда из культурного слоя поселения эпохи бронзы.

Погребение хорошо датируется благодаря найденным в нем монетам. Все 11 дирхемов чеканены в Азаке (Азов). На четырех из них читается имя Бирдибек-хана и дата — 759 г. х. (1359 г. н. э.), на одной — имя Хызр-хана и дата — 762 г. х. (1362 г. н. э.). Шесть монет Абдаллах-хана датированы 765 г. х. (1365 г. н. э.). Все эти монеты принадлежат к типам, хорошо известным и неоднократно публиковавшимся [1, с. 14, № 122, с. 15, № 125, с. 20, № 167]. Только монеты Абдаллаха отличаются от описанных Х. М. Френом: на четырех из них даты написаны не слева направо, а справа налево.

Находки погребений с золотоордынскими монетами известны [2, с. 98, 99, 124; 3, с. 10]. Однако публикуемая находка имеет особый интерес, так как в период распространения мусульманства в Золотой Орде, во второй половине XIV в., инвентарь захоронений обычно представлен очень

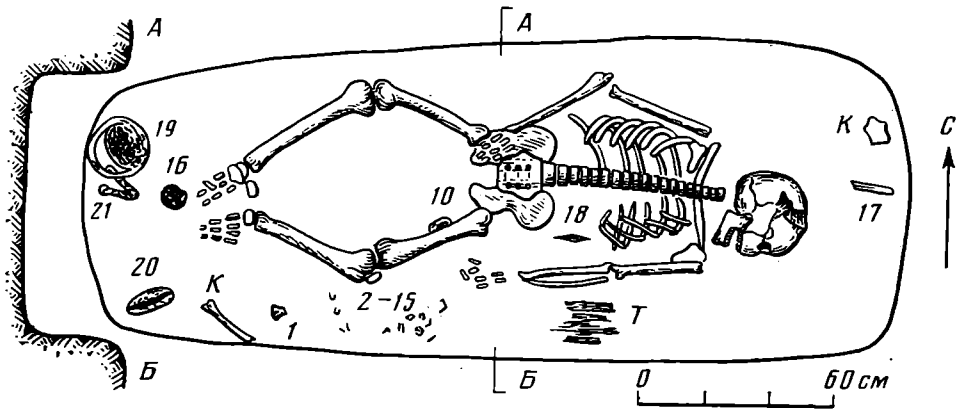


Рис. 1. Погребение воина XIV в. из Саратова. *1—21* — топография находок (номера соответствуют номерам на рис. 2); *К* — кости животных, *Т* — древесный тлен

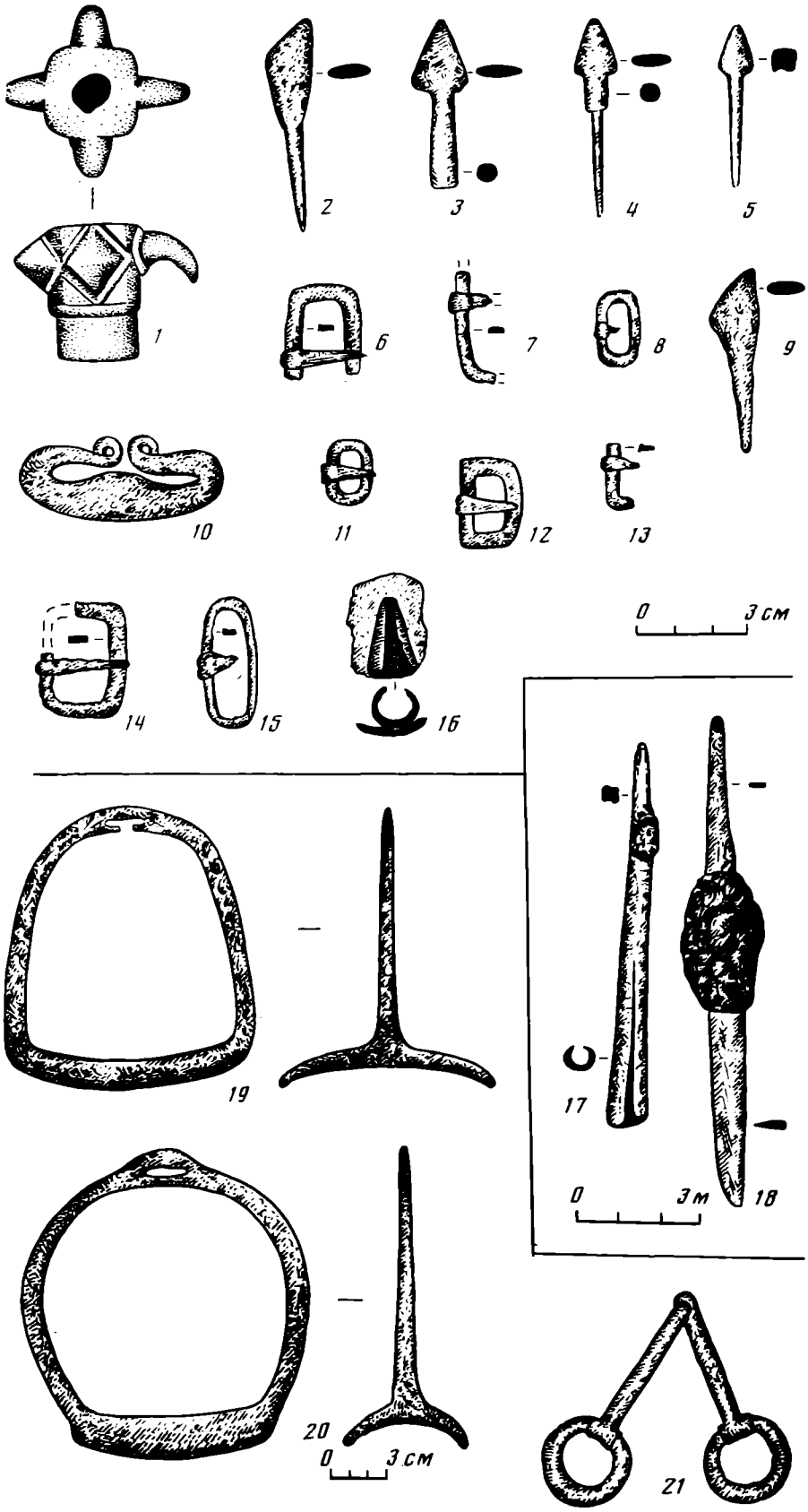


Рис. 2. Инвентарь из погребения воина. *1* — бронза; *2—21* — железо

бедно или отсутствует совсем [4, с. 16, 378]. В данном случае монеты позволяют датировать целый ряд вещей.

Стремена, найденные в погребении, относятся к типу Д-II, по Г. А. Федорову-Давыдову, и датируются им второй половиной XIII—XIV в. Удила с перегибом, нож и «втоковидный» наконечник дротика имеют многочисленные аналоги в памятниках XII—XIV вв. [5, с. 18—20, 85, 24]. Большинство наконечников стрел также имеют широкие хронологические рамки. Только одну стрелу (рис. 2, *2*) можно отнести к типу *В*-X, который Г. А. Федоров-Давыдов датирует XIII—XIV вв. [5, с. 101, 102]. Несколько архаичный вид имеет кресало. Оно относится к типу калачевидных кресал с отогнутыми наружу концами и выступом-язычком внутри лезвия. Г. А. Федоров-Давыдов указывает на аналогии подобным кресалам в Новгороде в слоях X—XII вв. [5, с. 84]. В целом инвентарь вполне соответствует датировке погребения по монетам концом 60-х годов XIV в.

Ориентировка костяка на восток позволяет определить этническую принадлежность погребенного. Захоронения с восточной ориентировкой традиционно считаются половецкими [5, с. 147]. Наличие многочисленного инвентаря также свидетельствует о том, что захоронение не мусульманское. Таким образом, в черте Саратова раскопано погребение половецкого воина конца 60-х годов XIV в., не обращенного в мусульманство.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Френ Х. М.* Монеты ханов улуса Джучиева, или Золотой Орды с монетами иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб., 1832.
2. *Синицын И. В.* Археологические исследования в Западном Казахстане.— ТрИИАЭ АН КазССР, 1956, т. 1.
3. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, 1959, № 60.
4. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
5. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.

ГЛИНСКИЙ Е. А., СЕРГЕЕВ Д. А.

ДВЕ НАХОДКИ С ПОСЕЛЕНИЯ КИВАК НА ЧУКОТКЕ

Поселение Кивак — самое южное на Чукотском полуострове эскимосское поселение. Оно расположено у мыса Низменное. Поселение было открыто в 1944 г. С. И. Руденко. Исследователь датировал памятник древнеберингоморским временем [1, с. 39—41].

В 1954 г. исследования памятника продолжил один из авторов. За прошедшее десятилетие поселение было почти полностью размыто морем. Удалось провести только зачистку обнажений одной из открытых С. И. Руденко землянки. Среди находок наибольший интерес представляют обломок бивня нарвала и наконечник поворотного гарпуна (рис. 1).

По ранее разработанной типологии наконечник можно описать формулой 2А2У2М3[1]. Поверхность наконечника покрыта типично древнеберингоморским глазчатым орнаментом. Датировка гарпунов такого типа определяется в пределах II—IV вв.

Большинство исследователей считают, что основным занятием древнеберингоморцев являлась охота на ластоногих, в частности на моржей. Моржовый промысел обеспечивал население продуктами питания. Шкура

[1] В этой формуле первая цифра «2» выражает число отверстий для линя, буква «А» указывает на открытую форму гнезда, вторая цифра «2» — на количество прорезей для пояска, «У» (маленькая литера) — на то, что вкладыши расположены перпендикулярно отверстию для линя, следующая цифра «2» указывает на число боковых вкладышей, буква «М» обозначает симметричную шпору и цифра «3» указывает на число бородок.

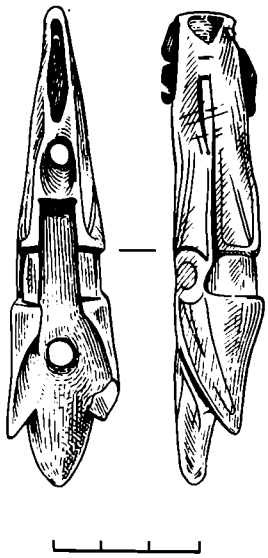


Рис. 1. Наконечник поворотного гарпуна с поселения Кивак

моржа шла на обтяжку байдар. Из моржовых клыков изготавливались разнообразные предметы труда и орудия морского зверобойного промысла. Подавляющая часть наконечников гарпунов этого периода выполнена из моржового клыка [2, с. 72].

Найденный на пос. Кивак наконечник гарпуна также изготовлен из моржового клыка. Находка такого наконечника в сочетании с обнаруженным в той же землянке бивнем нарвала позволяет предположить, что с подобными гарпунами могли охотиться и на нарвала — гигантское китообразное длиной около 5 м. Особенностью нарвала по сравнению с другими китообразными являются тонкие кожа и слой подкожного жира. Это позволяло, по-видимому, даже гарпуном с небольшим наконечником нанести сильным ударом смертельную рану.

Ареал распространения нарвала в наши дни ограничен только арктическими водами Северной Атлантики [3, с. 51]. В древности же эти животные расселялись на значительно более широкой территории. Время исчезновения нарвала из северных вод Тихого океана пока еще точно не установлено. По-видимому, это произошло не ранее IV—VI вв., поскольку похолодание климата предположительно начинается в V—VI вв. н. э. Со сменой климатических условий можно связать и смену археологических культур: древнеберингоморскую культуру сменяет культура Бирнирк.

Необычный вид бивня нарвала (прямой, закрученный, как винт) всегда привлекал к себе внимание людей. У многих народов растолченный в порошок бивень считался эффективным лекарственным средством. Древние берингоморцы также, по-видимому, берегли нарвалий бивень. Находки таких бивней единичны, а для древнего Берингоморья это вообще первая находка.

Обнаруженный в 1954 г. наконечник гарпуна существенно дополняет ассортимент орудий труда, обнаруженных на поселении Кивак. А найденный бивень нарвала указывает еще на один вид животных, которых добывали (пусть даже случайно) древние берингоморцы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Руденко С. П.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947.
2. *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Проблемы этнической истории Берингоморья. М.: Наука, 1975.
3. Кит. Л.: Гидрометеоиздат, 1973.

Критика и библиография

Paleorient. Volume 9/1—1983. Revue pludisciplinaire de préhistoire et protohistoire de l'Asie Sud-Ouest. Paris: Editions du CNRS, 1983. 112 p.

В 1983 г. вышел в свет очередной (9/1 — 1983) том журнала «Paléorient», издаваемый французским национальным центром научных исследований. Он содержит статьи, заметки, рецензии авторов из Франции, ФРГ, США, Англии и стран ближневосточного региона, посвященные первобытной археологии Юго-Западной Азии. Входящие в том работы написаны на французском, немецком и английском языках. Публикации достаточно полно иллюстрированы рисунками вещей, чертежами, диаграммами и таблицами.

Журнал открывается статьей М. Ванштейн-Эврон, посвященной палеоэкологии бассейна оз. Хула (север рифтовой долины р. Иордан) в раннем вюрме. На основании спорово-пыльцевого анализа образцов из позднеплейстоценовых отложений этого района автор выделяет 15 последовательных палинозон. Пять нижних связываются с последним межледниковьем. В остальной части палинологической колонки выделяются два основных колебания влажности. Они увязываются с первой фазой вюрмского оледенения, верхний хронологический рубеж которой проходит примерно 45 тыс. лет назад. Условия сильной увлажненности, совпадающие с началом последнего похолодания, выражены, по мнению автора, фазой эрозии, зафиксированной в промежутке между ранне- и позднемустьерскими слоями в ряде пещерных стоянок Леванта.

Ябрудийским памятникам оазиса Эль-Ковм в Сирии и их месту в палеолите Восточного Средиземноморья посвящена статья Л. Копленд и Ф. Урса. В этой статье публикуются данные об открытии и исследовании в сирийской степи девяти новых ябрудийских памятников, с открытием которых число известных памятников этого типа удвоилось. Авторы рассматривают вопросы хронологии «ябрудьена», специфики материальных остатков и места индустрии «ябрудьена» среди одновременных индустрий данного региона. Хронология рассматриваемого круга памятников определяется в пределах 150—90 тыс. лет назад. Отдельные стоянки Эль-Ковма, как и ранее известный памятник Зуттиех, отнесены к более позднему времени (примерно 50 тыс. лет назад). Отсюда встает проблема культурно-стратиграфического определения ябрудийских индустрий. Л. Копленд и Ф. Урс решают эту проблему так: «ябрудьен» — местная своеобразная фация финального ашеля Восточного Средиземноморья, продолжающая свою генетическую линию и в рамках нижнего мустье данной территории. Этот факт, по мнению авторов, является отражением технико-типологической вариабельности в развитии позднего ашеля Леванта, особенно на стадии перехода к мустьерской эпохе. Отмечается сходство указанного явления с ситуацией одновременного существования на ограниченной территории различных культурных комплексов в ашеле — мустье Франции.

Намеченная картина приложима и к другим регионам Евразии. Для территории СССР, например, эта проблема была поднята полтора десятилетия назад. Ключом к ее решению для советских исследователей каменного века является концепция археологической культуры. В зарубежном палеолитоведении при объяснении указанных различий приоритет чаще всего отдается факторам природным или — шире — географическим. Не является исключением и рассматриваемая статья. Существенные технико-типологические различия в финально-ашельских индустриях и сосуществование обособленных групп памятников со своеобразными традициями

авторы объясняют возможной продолжительной изолированностью древнейших коллективов. Изоляция же последних связывается с опустыниванием Восточно-Средиземноморских районов несколько ранее времени перехода от ашеля к мустье (последнее, впрочем, не обосновывается специально, а отмечается попутно).

Исследования верхнего палеолита северной части Синайского полуострова и проблемы перехода от позднего палеолита к эпипалеолиту освещает статья И. Гилеада. На протяжении последних 10 лет на севере Синая было открыто и исследовано большое количество верхнепалеолитических памятников. Изучение инвентарей, происходящих из сохранившихся in situ культурных слоев, приводит автора к выводу о том, что этот круг памятников не имеет соответствия ни в одной из стадий шкалы относительной хронологии, выработанной в свое время для позднего палеолита Леванта Р. Невилем и Д. Гаррод. В синайских верхнепалеолитических материалах выделяются комплексы, в которых преобладают либо острия типа Эль-Вад, либо микропластинки с ретушью. Эти два типа индустрий некоторое время сосуществуют. Возникновение индустрии микропластин с ретушью по радиометрическим датировкам определяется в некоторых случаях временем около 30 тыс. лет до н. э. Автор объясняет это функциональными особенностями различных групп памятников. Опираясь главным образом на ранние радиоуглеродные даты для синайских индустрий с ретушированными микропластинками, он подвергает сомнению распространенную схему последовательности и времени перехода позднепалеолитической культуры Леванта к эпипалеолиту. По заключению автора, хронологическая граница между верхним палеолитом и эпипалеолитом Южного Леванта определяется временем приблизительно 15 тыс. лет назад, т. е. на несколько тысячелетий позднее, чем принято считать. Материальным воплощением происшедшего перехода, имевшего не только технические, но социальные и экономические проявления, признается культура геометрического кебарьена А вместе с другими аналогичными индустриями.

В палеонтологической по содержанию статье С. Дэвиса рассматриваются данные по возрастному составу животных (газелей), составлявших охотничью добычу древнейших обитателей Палестины в период от середины эпохи мустье (50—40 тыс. лет назад) до натуфийского времени (12—10 тыс. лет назад). Автор выдвигает гипотезу о переходе от сезонной кочевой жизни к оседлости при сохранении охоты как ведущей формы хозяйства на натуфийском этапе каменного века, т. е. в эпипалеолите Леванта.

Статья М.-К. Ковэн посвящена изучению древнейших серпов Ближнего Востока. Исследовательница предлагает вниманию читателей опыт морфологического и функционального анализа вкладышей серпов, рассматривает обнаруженные в раскопках основы жатвенных орудий и обобщает результаты с точки зрения хронологической и типологической эволюции, а также географического распространения этой категории составных орудий.

Выявлению мер длины, использовавшихся в архитектуре поселения Тепе-Яхья (Восточный Иран), посвящена статья Т. В. Била и Я. М. Картера. Для архитектурного комплекса периода IVC этого памятника установлена единица линейных измерений, равная 72 см. Интересно, что ее применение находят не только в Восточном Иране, но и в одновременном с Тепе-Яхья памятнике IV тыс. до н. э. в центральной Сирии (Хабуба Кабира).

В рецензируемом томе журнала помещен ряд небольших заметок и кратких научных сообщений. Ж.-Ж. Йежер рассматривает проблему значения и возраста раннепалеолитической стоянки Убейдия (долина р. Иордан). Этот памятник по результатам первых исследований был датирован ранним ашелем. Результаты палеомагнитных определений устанавливают абсолютную хронологию памятника в пределах либо 730—1650 тыс. лет назад, либо 1870—2480 тыс. лет назад. Однако в 1982 г. Ч. Репенинг и О. Фейфар предложили на основании данных биохронологии датировать стоянку временем ранее 1800 тыс. лет назад. Ж.-Ж. Йежер выступает с аргументированной критикой этой точки зрения. Он указывает на методическую ошибочность прямого приложения биохронологической шкалы, выработанной для одного региона на другой (например, европейской шкалы на Палестину) без учета специфики сопоставляемых районов. При таком подходе остаются неучтенными различия в последовательности климатических явлений различных регионов и связанные с этим различия в эволюции соответствующих фаунистических комплексов. К тому же некоторые виды грызунов и млекопитаю-

щих из Убейдии, по мнению автора, моложе времени, определяемого для них Ч. Репенингом и О. Фейфаром [1].

В связи с дискуссией вокруг возраста Убейдии следует подчеркнуть, что, какие бы мнения и выводы, основывающиеся на данных естественно-научных дисциплин, в ходе ее ни возникали, они не опровергают принципиально обобщенные датировки памятника, базирующиеся на типологии инвентаря. Тем самым еще раз подтверждаются археологические основания (в частности, технико-типологические критерии) вычленения среди стратифицированных комплексов олдувайско-раннеашельских индустрий.

Натуфийским украшениям из костей куропатки посвящена заметка Ж. Пишона. В ней рассматривается материал натуфийского слоя В из грота Хайоним, где обнаружена исключительная по объему коллекция костных остатков птицы. Значительная часть костей была использована в древности для изготовления украшений. Так, в одном из погребений найдены остатки составного браслета из обрезанных дистальных концов трубчатых костей куропатки. В изолированном виде обнаружено также несколько десятков других украшений из аналогичного материала. Это демонстрирует, с одной стороны, новый тип украшений, а с другой — указывает на большое значение названного вида птицы для натуфийских обитателей Хайонима. Похожие предметы находили раньше на стоянках Маллаха (Эйнан) и Эрк Эль-Ахмар, и это, по мнению автора, служит свидетельством палеоэтнозоологического единства данного круга памятников Леванта.

В заметке С. А. Ясина приводятся сведения о раскопках памятника начала V тыс. до н. э. Телл-Рашид в Ираке. Это небольшое поселение, расположенное в верховьях долины Дийала, относится к переходу Убейд II к Убейд III Южного Ирака. Раскопками вскрыто три постройки с трехчастной планировкой и центральным двориком. Керамика имеет аналогии в соседнем поселении Телл-Абад и обнаруживает стилистические связи с керамикой других одновременных памятников как Ирака, так и соседних стран.

Особый раздел реферируемого журнала составляют рецензии на книги Ж. Томски («Древний палеолит Ближнего Востока». Висбаден, 1982. 563 с., нем. яз.) и Н. Горена («Каменный инвентарь стоянки Убейдия в долине Иордана». Иерусалим, 1982. 203 с., англ. яз.), журнал «Евфратские сообщения», № 3 (София—Антиополис, 1982, франц. яз.), «Археологический справочник Афганистана» (т. 1—2, Париж англ. яз.). Эти рецензии дают полное представление о некоторых самых последних и наиболее важных общих работах по первобытной археологии Юго-западной Азии.

Хочется особо отметить рецензию на монографию Н. Горена о стоянке Убейдия. Судя по оценке автора рецензии Л. Меннена, Н. Горен обобщает материалы всех раскопок, производившихся на памятнике, начиная с 1960 г. Поскольку до настоящего времени среди исследователей нет единого мнения относительно хронологической и культурной позиции различных комплексов Убейдии, такую сводную работу исследователи ждали давно. Основной причиной расхождения во мнениях оставалась недостаточная четкость стратиграфических сопоставлений разных раскопов и отсутствие детализированных типологических разработок, охватывающих материал во всей его полноте. Как указывает Л. Меннен, Н. Горен успешно выполнил эту сложную задачу; монография об Убейдии, по мнению рецензента, принадлежит к работам такого же плана, как и большие публикации по Олдуваю.

Реферируемый том журнала завершает сообщение Ф. Урса о четырех последних конференциях по преистории Леванта, состоявшихся в Тюбингене (февраль 1978 г.), Лионе (июнь 1980 г.), Гронингене (сентябрь 1980 г.) и Хайфе (октябрь 1980 г.). На этих конференциях было заслушано 98 докладов, посвященных

[1] Эти показательные для биохронологических построений виды моложе 2 млн. лет, но древнее комплекса стоянки Тернифин в Алжире, верхняя хронологическая граница которой, как теперь полагают исследователи, не достигает 730 тыс. лет назад. Таким образом, выявляются довольно широкие рамки — от примерно 2 млн. до 730 тыс. лет назад, в пределах которых возможна датировка слоев Убейдии. Если бы речь шла о Европе, то наличие этих же видов животных позволило бы сместить указанный интервал вглубь и установить его между 2,5—1,5 млн. лет назад. Но, учитывая географические особенности Палестины и ее роль как убежища древней фауны в период первого плейстоценового похолодания, автору представляется правильным датировать фаунистический комплекс Убейдии несколько более поздним временем, соответствующим интервалу между 1650 тыс. лет назад (конец нормального палеомагнитного эпизода Олдувая) и приблизительно 900 тыс. лет назад.

геологии и геоморфологии, климату, фауне, флоре (в том числе пыльцевому анализу), антропологии, проблемам хронологии, а также анализу отдельных памятников и археологических культур нижнего, среднего и верхнего палеолита, эпипалеолита и неолита, а также проблеме перехода от нижнего к среднему палеолиту.

Таким образом, один из наиболее изученных на палеолитической карте районов — Ближний Восток — в последние годы не только не ослабил, но значительно усилил к себе внимание исследователей, в том числе европейских и американских. Обнаруживаются новые памятники, открываются новые направления исследований, пересматриваются устоявшиеся представления о хронологической последовательности и характере эволюции культур каменного века в различных областях этого обширного региона. Примечательным является стремление все большего круга исследователей к сквозному рассмотрению и пониманию каменного века («преистории») через явления и закономерности, не ограниченные отдельными этапами и периодами этой эпохи.

Амирханов Х. А.

Ежеквартальный журнал ЮНЕСКО «Museum», 1983, т. XXXV, № 1. Музеи и подводная археология / Ред. русск. издания Пантыкина И. А., научный консультант Петерс Б. Г.

Изданный в 1983 г. на русском языке специальный номер журнала ЮНЕСКО «Museum» посвящен актуальным проблемам и результатам исследований в области подводной археологии. Являясь новым звеном в комплексе исторических наук, подводная археология с момента своего возникновения добилась значительных успехов в изучении культурного наследия, оказавшегося в силу различных обстоятельств в водах морей, рек и озер. Предметом изучения стали затонувшие военные корабли и торговые суда, древние города и поселения, затопленные в результате землетрясений и опускания береговой линии. Получили дальнейшее развитие методы консервации пострадавших от воды материалов. В различных странах появились первые музеи подводной археологии, поставившие своей целью пополнить наши знания о судостроении, мореплавании и истории освоения акватории морей и океанов.

Все эти вопросы в равной степени нашли свое отражение в журнале ЮНЕСКО «Museum». Из помещенных редакционной коллегией в журнал разделов особое место занимает раздел, включающий группу статей по общим проблемам подводной археологии в современных условиях. Открывает номер журнала вводная статья, принадлежащая известному специалисту в области подводной археологии Джорджу Ф. Бассу — основателю и президенту Института морской археологии в США. Обладая большим практическим опытом, накопленным в ходе подводных археологических работ на пяти судах, затонувших у побережья Турции, а также при раскопках на территории Италии и Греции, Джордж Ф. Басс проводит четкое и последовательное разграничение между задачами, которые решают подводные научные экспедиции, и целями, преследуемыми отдельными частными лицами или группами людей для своего личного обогащения посредством извлечения из моря предметов материальной культуры. По мнению Джорджа Ф. Басса, только комплексное, выдержанное в строго научном плане исследование всего материала, оказавшегося на месте затонувшего корабля, может дать полноценную историческую информацию.

Исследователь подробно останавливается на анализе недостатков, допускаемых при проведении подводных археологических работ. Наиболее существенным недостатком, по мнению автора статьи, является крайне неудовлетворительная изученность всех известных в настоящее время подводных археологических объектов, в том числе остатков затонувших кораблей.

Автор справедливо отмечает: «Слишком часто то, что в разных странах именуют подводной археологией, на деле представляет собой ее жалкое подобие или вообще не является таковой» (с. 6). Сложившаяся в ряде западных стран практика проведения подводных археологических исследований по контракту (получившая особенно широкое распространение в США) или финансируемая отдельными частными лицами не приносит искомых результатов, так как в данном случае решающим является отнюдь не стремление внести ценный вклад в науку и прояс-

нить ту или иную историческую проблему. Такого рода работы по сути своей антинаучны; в СССР это называется кладоискательством, что глубоко чуждо советской археологической науке с первых же дней ее создания.

Рассматривая перспективы развития подводной археологии, Джордж Ф. Басс указывает на необходимость создания музеев подводной археологии. Первые шаги в этом направлении уже сделаны: подобные музеи созданы в Роскиле (Дания), в Кирении на Кипре, в Бодруме (Турция). Достижения в области техники, приемов и методов реставрации затонувших кораблей и их консервации выдвигают безотлагательную необходимость повсеместного создания таких музеев, которые стали бы своеобразными центрами, располагающими необходимым оборудованием, средствами консервации, квалифицированным персоналом. Последнее, по мнению автора, наиболее важно при проведении археологических работ непосредственно под водой.

При всей неоспоримости суждений и выводов, содержащихся в предложенной Джорджем Ф. Бассом статье, не может не вызвать удивления его заключение о необходимости «вообще оставить в покое затонувшие суда» (с. 6), т. е. полностью отказаться от их дальнейшего исследования. Данную точку зрения нельзя признать приемлемой для выхода из сложившегося положения. Сам автор в этой же статье излагает ряд конкретных мер по упорядочиванию проведения подводных археологических работ в дальнейшем. Давая оценку примерно 30-летней практике проведения археологических исследований под водой, Джордж Ф. Басс по непонятным причинам совершенно не упоминает об исследованиях в этой области в Советском Союзе, Болгарии, тогда как именно в этих странах за последние годы много сделано по изучению археологических подводных памятников и их сбережению.

В статье американского специалиста Роберта Ф. Маркса «Подводное наследие может погибнуть» в популярной форме излагается одна из серьезнейших проблем в области подводной археологии — проблема сохранения памятников, представляющих научный интерес и находящихся под водой. Исследователь на конкретных примерах показывает, какой непоправимый вред наносит многим подводным археологическим объектам не подверженная контролю деятельность человека. С точки зрения Роберта Ф. Маркса, подобное положение можно объяснить двумя основными причинами. С одной стороны, значительный вред подводным археологическим объектам как в гаванях, так и в открытом море наносится в процессе различного рода технических работ, которые включают в себя строительство нефтепроводов, сооружение волнорезов, создание подходов к портам. С другой стороны, в не меньших масштабах подводные памятники культуры губят аквалангисты-любители, которые в погоне за сувенирами уничтожают остатки древних кораблекрушений.

Следует признать, что Роберт Ф. Маркс предлагает одно из наиболее приемлемых решений этой проблемы, суть которого заключается в повсеместном привлечении аквалангистов-любителей к подводным раскопкам под руководством и при непосредственном участии опытных специалистов по подводной археологии. Развивая перспективы такого сотрудничества, автор определяет наиболее оптимальные формы подготовки аквалангистов-любителей, которым следует предоставлять возможность для приобретения навыков подводных исследований. Почти все важные для археологов подводные объекты открыли аквалангисты-любители, и именно они разработали и создали бо́льшую часть того сложного оборудования, которое сегодня используются при подводных археологических исследованиях.

Разрабатывая основы сотрудничества профессиональных археологов с аквалангистами-любителями, Роберт Ф. Маркс учитывал уже имеющийся в этом направлении опыт. Он справедливо указывает на необходимость специальной научной организации, способной обеспечить решающую роль, по словам автора, «в деле обучения, подготовки и обеспечения контролируемого участия любителей в археологических работах на дне» (с. 10). Такой организацией, по мнению Роберта Ф. Маркса, могут и должны стать Советы по подводной археологии, объединяющие специалистов различных научных учреждений и обеспечивающие координацию деятельности аквалангистов-любителей, их подготовку и обучение основам подводной археологии. До тех пор пока такие организации не будут созданы во всех странах, где имеются подводные объекты, представляющие интерес с точки зрения археологии, будет происходить «достойная глубокого сожаления и ничем не оправданная утрата исторической и археологической информации, имеющей неоценимое значение» (с. 10).

Большой интерес как для археологов-профессионалов, так и для энтузиастов подводного плавания представляет статья Питера Марсдена, посвященная актуаль-

ным проблемам подводной археологии. Являясь специалистом по древним судам, Питер Марсден в числе первоочередных задач считает необходимым проведение мер по спасению находящихся под водой памятников материальной культуры. Исследователь видит разрешение этой проблемы в создании специализированных групп археологов. Он ставит на повестку дня вопрос о создании специального учреждения, которое, по его словам, «располагало бы группой археологов, имело бы научную лабораторию и музей для хранения и экспозиции находок и служило бы базой для проведения археологических экспедиций и мероприятий по консервации» (с. 10). Вполне обоснованным следует признать мнение автора относительно необходимости специального законодательства, охраняющего места раскопок и находящиеся там предметы древности. Кардинальное решение проблемы Питер Марсден видит прежде всего в значительном увеличении ассигнований, выделяемых государственными и местными органами на проведение подводных работ и обеспечение сохранности подводного наследия, находящегося в прибрежных водах.

С мнением П. Марсдена нельзя не согласиться, но тем не менее его точка зрения по сути дела является лишь частью тех мер, которые следует предпринять в области подводной археологии. С нашей точки зрения, основной и наиболее эффективной мерой является введение в действие такого законодательства, которое с позиций государственных, а следовательно, научных интересов определяло бы порядок организации и проведения подводных археологических исследований, охрану и использования памятников истории и культуры. Решению именно этих задач и служит принятый в Советском Союзе в 1976 г. Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры», о котором почему-то не упоминает в своей статье Питер Марсден.

В последующих разделах журнала «Museum» вниманию специалистов представлены материалы, касающиеся последних достижений в области консервации пострадавших от воды материалов на примере уже проведенных в этом направлении работ в США и Канаде. В частности, информация, изложенная в статье Дэвидом Трэттэном, позволяет извлечь полезные сведения об уже проверенных на практике методах консервации с использованием полиэтиленгликоля с последующим сухим вымораживанием деревянных конструкций.

В заключающей журнал группе статей наряду с подробным описанием подводных раскопок, проведенных музеями в различных частях света, излагаются практические меры и рекомендации по обнаружению, обработке и экспонированию предметов, поднятых из воды.

Весь материал, собранный в журнале «Museum», представляет большую научную ценность и, несомненно, окажет пользу в обмене информацией по широкому кругу вопросов, имеющих непосредственное отношение к подводной археологии и перспективам ее развития в дальнейшем.

Таскаев В. Н.

Archaeological chemistry. III / Ed. Joseph B. Lambert (Advances in chemistry series — № 205). Washington: American Chemical Society, 1984, 487 p.

Археология в приложении к описанию материальных источников различного характера все реже предстает перед нами как монодисциплина. Вскрытие различий в формировании традиций обработки металлов, изготовления стекла и керамики, окраски тканей, приготовления красок для рисования или чернил или, наоборот, поиски сходства таких традиций в различных регионах — все это стало предметом изучения комплекса наук, среди которых археология является конгломерирующим началом, а химический анализ играет более важную роль.

В настоящее время намечается своеобразная дифференциация в использовании методов химии в археологических исследованиях. Четко определилось одно направление — область истории различных производств. Данные их изучения представляют интерес не только для археологии, но и для истории науки и техники. Без них сейчас почти невозможно продвижение вперед в познании становления науки и производства в древних цивилизациях[1]. Ценнейшую информацию для

[1] Примером комплексного исследования такого рода является, например, труд Х. Бхардвая «Виды древней индийской технологии» [1]. Автор подчеркнул использование им методологических и методических нововведений подзаголовком «Исследование, основанное на естественно-научных методах».

истории сельского хозяйства несут данные химического анализа почв в древнейших земледельческих и скотоводческих областях. Эти данные представляют интерес и для сегодняшней сельскохозяйственной практики.

Подобные материалы широко представлены в рецензируемом сборнике. Он содержит доклады симпозиума Отделения истории химии Американского химического общества, состоявшегося в рамках 184-й конференции этого общества 12—17 сентября 1982 г. в г. Канзас-Сити (США).

Сборник состоит из четырех разделов, посвященных анализу различных археологических материалов: I. Камни, почва, кости и раковины; II. Керамика, стекло, пигменты и чернила; III. Металлы; IV. Органические материалы.

В первый раздел входят шесть статей. Первая, написанная группой авторов, посвящена использованию анализа редкоземельных элементов для изучения заготовок мыльного камня на побережье Лабрадора (*Allen R., Hamroush H., Nagle C., Fitzhug W.* Use of Rare Earth Element analysis to Study the Utilisation and procurement of Soapstone along the Labrador Coast). С помощью нейтронного активационного анализа удалось установить происхождение мыльного камня, обнаруженного при раскопках стоянок эскимосов и индейцев II тыс. до н. э. Показано, что нередко мыльный камень добывался в значительно удаленных от стоянок карьерах.

В статье М. Й. Блакман «Provenance Studies of Middle Eastern Obsidian from sites in Highland Iran» показано с помощью использования нейтронного активационного анализа, что обсидиан из раскопок Тал-э-Майан и Тепе-Яхья (3500—1800 гг. до н. э.) добывался не в районе исследованных памятников, а значительно севернее — в районе озер Ван, Урмия и, возможно, Туз и Севан.

В статье Р. Аллена и Х. Хамруш применены геохимические методы для дифференциации культурных слоев двух раскопов поселений додинастической эпохи в долине Нила в Египте (*Allen R., Hamrush H.* The application of geochemical Techniques to the Investigation of two predinastic Sites in Egypt).

Анализ почв с использованием стандартных аналитических методик на двух археологических полигонах в штате Иллинойс (США) провел В. Й. Вудс (Woods W-J. Soil chemical Investigation in Illinois Archeology; Two example Studies).

Возможности получения данных по природной и антропогенной стратиграфии, а также оценок плодородия почв в условиях их исключительно длительного использования (11 000—300 гг. до н. э.) продемонстрированы в статье C.-A. Stimmel, R.-G.-V. Hancock, A.-M. Davis «Chemical Analysis of archeological Soils from Yagi Site, Japan».

В статье J.-B. Lambert, Sh.-V. Simpson, J.-E. Buikstra, D.-K. Charles «Analysis of Soil associated with Woodland Burials» приведены результаты стандартного археологического анализа почв из раскопа первобытных захоронений в Иллинойсе.

Второй раздел открывается статьей Й. Перлмана, показывающей возможности метода для определения происхождения керамических и других изделий, концентрирующихся в центрах древних цивилизаций (*Perlman J.* Modern Neutron Activation Analysis and Ancient History). Группа авторов предложила спектрометрический метод определения 12 ключевых элементов в окрашенном стекле (осколки витражей и мозаики на раскопках средневековых шотландских соборов и аббатств), позволивший достаточно достоверно определить континентальное происхождение стекол (*Tennont N.-H., McKenna P., Lo K.-K.-N., McLean G., Ottaway J.-W.* Major, minor, and Trace element Analysis of Medieval Stained Glass by flame atomic Absorption Spectrometry). Данные детального исследования осколков майолики, обнаруженных в г. Мехико при реставрации кафедрального собора и строительстве метро, опубликовали М. Магетти, Х. Вестлей и Й. С. Олин (*Magetti M., Westley H., Olin J. S.* Provenance and technical Studies of Mexican Majolica using elemental and phase analysis). В этой статье показано сходство технологий изготовления майолики в Испании и Мексике, что подтверждает предположение о привнесении рецептуры изготовления майолики из Европы. Л. Торре, А. Ари и Б. Сандовал (*Torres L., Arie A., Sandoval B.* Provenance determination of fine orange Maja ceramic figurines by flame atomic absorption spectrometry; A preliminary study of objects from Jaina (Campeche) and Jonita (Tabasco), Mexico) изучали происхождение тонкой фигурной «оранжевой» керамики майя с помощью микроэлементного анализа. Установлена возможность перемещения на значительные расстояния материала для изготовления керамики.

Одной из наиболее давно изучаемых проблем археологической химии является

технология приготовления египетской голубой эмали (III тыс. до н. э.). На основании химического анализа микроструктуры, плотности и цвета образцов из различных раскопок была воссоздана технология приготовления эмали (Tite M.-S., Bimson M., Cowell M.-R. Technological examination of egyptian blue).

К числу наиболее интересных в сборнике принадлежит статья, посвященная анализу средневековых пигментных красок, использовавшихся для иллюстрирования рукописей в Киликийской Армении (V—XVI вв.) (*Cabelli D.-E., Orna M.-V., Mathews T.-F.* Analysis of medieval pigments from Cilician Armenia). Анализировались краски почти всех цветов спектра (соскобы брались с иллюстраций и инициалов). Был установлен состав всех минеральных пигментов и показано, что имела место традиция в использовании тех или иных пигментов для получения красок канонического цвета.

В статье Р.-Й. Мак-Нейла описан метод рентгеноспектроскопии, соединенный с визуальным микроскопическим контролем для датировки написания текстов на бумаге или пергаменте по степени диффузии ионов из чернил в подложку. Анализировались тексты, написанные в различные эпохи, от 1200 до 1972 г., составлены калибровочные кривые (*McNeil R.-J.* Scanning auger microscopy for dating of manuscript inks).

Первая статья третьего раздела посвящена разработке характеристик самородной меди по спектрам содержания микроэлементов, определяемых методом активационного анализа (*Rapp G., Albert J., Henriskson E.* Trace element discrimination of discrete source of native cooper). Были обследованы коллекционные образцы из ряда месторождений США.

Статья «Mass spectrometry as a historical Prohe: Quantitative answer to historical Questions in Metallurgy»), написанная группой авторов (B. I. Kronberg, L. L. Coatsworth, M. C. Usselman), посвящена определению примесей в ковкой платине, подвергнутой очистке в Европе в XIX в. Реконструирован процесс очистки платины (до 98% чистоты), разработанный У. Г. Волластоном в 1829 г.

Метод рентгеновской флуоресцентной спектроскопии был использован для анализа состава древнеримских медных монет (41—42 гг.), что позволило уточнить степень очистки меди, используемой для чеканки монет в императорском Риме (*Carter G. F.* Chemical composition of copper-based roman coins: Claudian quadrantes, A. D. 41—42).

Четвертый раздел открывается статьей R. E. Taylor, D. J. Donahue, T. H. Zabel, P. E. Damon, A. J. Jull «Radiocarbon dating by particle accelerators: an archeological perspective», в которой рассмотрены возможности прямого определения ^{14}C в археологических и палеонтологических объектах с помощью масс-спектрометрии с использованием ядерного ускорителя. Здесь же рассмотрена схема установки. В статье Й.-В. Твиллея изложены методы изучения растительных камедей, использовавшихся в приготовлении пропиток и грунтов в индийских миниатюрах XVI — середины XVIII в. (*Twilley J. W.* The analysis of exudate plant Gurus in theire artistic application: an interein report). Приведена сводная таблица всех камедеобразующих растений Европы, Азии, Африки и Австралии и дана их идентификация с камедями, находившимися в Евроазиатском регионе в указанное время.

В специальной статье описан ряд аналитических методов (от тонкослойной хроматографии до различных спектральных), с помощью которых исследовались свойства восточных лаков — одного из древнейших технобиохимических производств (*Carrivean G. W.* Technical examination of oriental lacquers). В статье K. A. Jakes, L. R. Sibley «An examination of the phenomenon of textile fabric» рассмотрено образование минерализованных структур в ископаемых объектах, изготовленных из пряжи различных типов, и описан набор методов их фиксации и изучения. Статья G. F. Carter «Formation of the image on the shroud of the Turin by X-ray. A new hypothesis» посвящена объяснению возможности появления изображения на так называемой Туринской плащанице. Предлагается гипотеза (воздействие остаточного рентгеновского излучения тканей тела) получения и сохранения отпечатка лица завернутого в саван человека. В последней статье сборника (*Jimper E.-J., Adler A.-D., Jackson J.-P., Pellicori S.-F., Heller J.-H., Druzik J.-R.* A comprehensive examination of the various stains and images in the Shroud of Turin) содержится обзор всех прямых физико-химических исследований Туринской плащаницы, проведенных в 1978 г. группой американских экспертов в рамках исследовательского проекта «Shroud of Turin Research Project» (STURP).

Сборник представляет интерес для археологов как достаточно полная сводка основных современных физико-химических методик, применяемых в различных видах микроанализа, а также пример предела их возможностей при решении тех или иных специфических археологических и исторических задач.

Шамин А. Н.

ЛИТЕРАТУРА

Bhardway H. C. Aspects Ancient Indian Technology. A research based on scientific methods. Dehli — Varanasi — Patha: Motilal Benarsidass, 1979.

М. П. Сотникова, И. Г. Спасский. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков, Л.: Искусство, 1983. 250 с., 28 рис., 4 табл.

В советской нумизматике произошло событие, которого давно ждали не только специалисты-нумизматы, но и многие исследователи, занимающиеся самыми различными вопросами истории и культуры домонгольской Руси. Вышел в свет корпус древнейших русских монет X—XI вв. (почти одновременно он был издан в Оксфорде в переводе на английский язык [1]). Этот фундаментальный труд явился результатом большой и кропотливой работы, проделанной сотрудниками Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа по программе, которая была намечена И. Г. Спасским еще в 1950-х годах [2]. Многие разделы будущего корпуса и подготовительные материалы к нему публиковались предварительно в научных журналах и сборниках (см. библиографию в рецензируемом издании, № 243, 252—270, 448—450, 261а, 270а).

И. Г. Спасский и его ученица М. П. Сотникова провели целенаправленное всестороннее исследование важнейшей группы вещественных памятников самого раннего периода отечественной истории. Тщательному изучению подверглись технология изготовления монет, их метрологические характеристики и химический состав (пробировано более половины учтенных монет), типология и иконография изображений, палеографические особенности монетных легенд, состав содержащих древнерусские златники и сребреники кладов, топография их находок.

Книга состоит из введения, двух основных частей — исследования и сводного каталога монет — и приложений. В кратком введении (с. 5—9) древнейшие русские монеты характеризуются в целом как интереснейший исторический комплекс. Они отнюдь не только фактор денежного обращения Восточной Европы домонгольского периода. Их значение выходит далеко за рамки экономической сферы бытования данного разряда памятников. Для только что принявшей крещение Руси, спешившей утвердиться в кругу христианских держав, политическое звучание выпуска собственного монетного золота и серебра, носившего ярко выраженный прокламативный характер, было, несомненно, намного важнее.

Открывающая первую часть книги историографическая глава (с. 10—46) знакомит во всех подробностях с длительным процессом накопления и научного осмысления рассматриваемого нумизматического материала. Главными событиями здесь после появления первых сообщений о монетах с именами Владимира и Ярослава в конце XVIII – начале XIX в. И. Г. Спасский и М. П. Сотникова справедливо считают обнаружение Нежинского клада 1852 г. и Киевского клада 1876 г., создавших реальные условия для выработки подлинно научной систематизации ставших теперь достаточно многочисленными древнейших русских монет. Эта работа была блестяще проделана И. И. Толстым. В монографии И. И. Толстого [3], выполненной на самом высоком для того времени научном уровне, позднее дополненной автором в ряде других работ, содержался свод большинства известных тогда древнерусских златников и сребреников. Здесь же была дана атрибуция монет, которая в основе своей остается в силе до сего дня и лишь в отдельных деталях уточнена современными исследователями.

Зато за столетие, прошедшее со времени составления свода И. И. Толстым, в поле зрения ученых появилось много новых экземпляров монет (общее число

учтенных златников и сребреников с тех пор примерно удвоилось), причем часть их происходит из хорошо датируемых нумизматических и археологических комплексов. Успешное изучение памятников древнерусской сфрагистики и геральдики вместе с метрологическими исследованиями также дали много нового для совершенствования хронологической классификации И. И. Толстого. Решающий вклад здесь принадлежит В. Л. Янину, обосновавшему, в частности, отнесение сребреников с именами ПЕТРОС и ПЕТАР Святополку Окаянному [4, с. 166; 5, с. 44; 6, с. 38—40].

Работая над корпусом, И. Г. Спасский и М. П. Сотникова заново пересмотрели весь исходный нумизматический материал. Благодаря скрупулезным архивным и библиографическим разысканиям прослежены «биографии» почти всех отдельных экземпляров монет, что позволило реконструировать состав важнейших кладов златников (Пинского и Кинбурнского) и сребреников (Нежинского и Киевского), выяснить истинное происхождение ряда непаспортизированных или неточно приуроченных монетных находок. В результате были составлены таблицы-сводки, в которых суммированы статистические данные о подобных находках на территории СССР и за рубежом с конца XVIII в. до 1960-х годов (с. 42—45, 48—51), а также их полная топография, занимающая вторую главу первой части книги (с. 47—58).

Третья глава исследования (с. 59—111) посвящена обоснованию систематизации, на которую ориентируется структура сводного каталога и которая исходит из принадлежащей И. И. Толстому, общепринятой теперь схемы подразделения древнейших русских монет на отдельные типы. Относительная хронология последних была установлена И. И. Толстым на основании изучения монетных легенд, перечеканок и стилистики изображений. Разбирая поочередно все типы златников и сребреников, авторы свода подробнейшим образом описывают их характерные признаки, включая фактуру, границы варьирования композиционного оформления аверса и реверса по его составляющим элементам, пробу монетного металла, территориальную дистрибуцию находок, палеографию и формулы надписей.

Систематическое рассмотрение отдельных типов монет позволило И. Г. Спасскому и М. П. Сотниковой проверить прежние атрибуции и высказать на сей счет собственные соображения, из которых, однако, некоторые не могут не вызвать возражений. Вполне убедительно подтверждают авторы корпуса приоритет выпуска владимировых златников и сребреников типа I, доказанный еще И. И. Толстым. В то же время явная непоследовательность обнаруживается при установлении относительной хронологии чеканки сребреников Владимира типов II—IV: то приводятся конкретные аргументы в пользу их поочередного выпуска (с. 73, 80), то сугубо гипотетическими рассуждениями обосновывается тезис об их одновременном изготовлении (с. 80—81). Сомнительным представляется предположение о появлении тамги Рюриковичей в качестве главного компонента типа реверса сребреников Владимира (со второй их эмиссии) под влиянием чеканенных в Новгороде монет Ярослава Мудрого (с. 7): направление типологического влияния здесь было явно обратным.

Вряд ли может быть оспорена давно принятая большинством исследователей и разделяемая авторами корпуса датировка самих новгородских сребреников с именем Ярослава большего и меньшего веса (соответственно 1014—1015 и 1018—1019 гг.), так же как и традиционное отнесение монет с именем Святополка, иконографически тесно связанных со сребрениками Владимира типа IV, к периоду его первого великого княжения (1015—1016 гг.), и даже к самому его началу. Однако с двумя другими типами святополковых сребреников дело обстоит сложней. И. Г. Спасский и М. П. Сотникова приурочивают монеты с именами ПЕТРОС и ПЕТАР (или ПЕТОР) ко времени второго вокняжения Святополка Окаянного на киевском столе (с. 96, 105) [1]. Явно отвергая выдвинутую ранее гипотезу о возможной чеканке монет с надписями ПЕТРОС и ПЕТАР Святополком еще в Турове [7, с. 79, 80, 86], авторы корпуса не только не аргументируют прямо свое негативное отношение к ней, но просто умалчивают о ее существовании.

---

[1] Как известно, после победы над Ярославом в сражении на Буге Святополк вступил со своими союзниками в Киев 14 августа 1018 г., а навсегда оставил его в следующем, 1019 г. Авторы корпуса дважды указывают неверные даты второго великого княжения Святополка: 1016—1017 гг. (с. 90) и 1016—1018 гг. (с. 94).

Между тем дискуссия по этому вопросу весьма желательна, так как она могла бы способствовать его решению. Дело в том, что если считать сребреники ПЕТРОСа и ПЕТАРа уже киевским чеканом Святополка (все равно — первого или второго его великого княжения), то окажутся совершенно необъяснимыми два факта: 1) прокламативная осторожность типа аверса этих монет, где помещено изображение не князя на троне, а лишь его патрона — святого Петра (правда, для сребреников ПЕТАРа это не столь очевидно, как для сребреников ПЕТРОСа, но и здесь трон явно отсутствует, в отличие от несомненно великокняжеских сребреников с именем Святополка) и имя этого святого, что совершенно аналогично тому, как выглядит новгородский (заведомо местный и сепаратистский, по признанию и авторов корпуса) тип аверса Ярославля сребра; 2) непосредственная типологическая, а следовательно, и хронологическая зависимость монет ПЕТРОСа и ПЕТАРа соответственно от сребреников Владимира типов III и IV [7, с. 79, 80; 8, с. 86, 87, табл. III] при такой же зависимости монет с тронным именем Святополка только от владимировых сребреников типа IV.

Легко объяснимыми оба указанных факта становятся пока лишь с принятием гипотезы о довеликокняжеском, претендентском чекане Святополка Окаянного. Отсюда и проистекают расхождения в датировке спорных выпусков святополковых сребреников по сравнению с принятой авторами корпуса: монеты ПЕТРОСа и ПЕТАРа, по нашему мнению, могут быть пока скорее отнесены ко времени сепаратистского выступления княжившего в Турове Святополка против Владимира Святославича Киевского (около 1013 г.), а не его второго великого княжения (1018—1019 гг.). Следует заметить, что вполне логичное предположение И. И. Толстого о зарытии Нежинского клада, содержавшего сребреники с именами ПЕТРОС и ПЕТАР, в связи с походом на Русь польского князя Болеслава Храброго [3, с. 193] также препятствует датировке этих монет 1018—1019 гг. (побудить хозяина денежной казны спрятать ее в землю должно было, надо думать, уже приближение внешнего врага к столице Древнерусского государства, т. е. политическая обстановка накануне второго вокняжения Святополка в Киеве) [2].

Приходится констатировать и противоречивость точки зрения авторов корпуса в вопросе о степени портретности изображений князя на златниках и сребрениках (с. 6—7, 61, 78, 94, 111). С одной стороны, они отмечают композиционное несовершенство и явную условность этих наивно репрезентативных изображений (а также помещенных здесь же важнейших парадных монарших атрибутов), вышедших из-под резца русского торевта конца X — начала XI в. С другой стороны, И. Г. Спасский и М. П. Сотникова настаивают не только на точности воспроизведения монетчиком отдельных индивидуальных черт внешности «портретируемых» князей (например, столь характерных и потому неизбежно фиксируемых, как обязательные на лице возмужалого древнерусского князя усы), но даже на осмысленном выборе резчиком монетных штемпелей именно композиции поясного портрета, «поскольку масштаб поясного изображения давал больше возможностей для выявления портретных черт» (с. 6). Очевидно, авторы корпуса не вполне учли те данные, которые в этом отношении дает художественно-стилистический анализ специалисту-искусствоведу [7, с. 72—82, 86].

Нельзя согласиться с выводом о бесперспективности метрологического изучения сребреников Владимира типа I (с. 67) и даже вообще всех древнейших русских монет (с. 108). Хотя и имеет место разнобой в пробе первого выпуска владимирова серебра, но при этом несомненна ориентированность монетной стопы на куну южнорусской весовой системы, как показал В. Л. Янин [4, с. 170]. То же относится и к определению весовой нормы сребреников Владимира типов II—IV и монет Святополка (ср.: с. 68, 72, 76, 80, 86, 89). А для Ярославля сребра большего и меньшего веса связь с конкретными единицами русской и западноевропейской денежно-весовых систем не отвергается в другом месте и авторами корпуса (с. 103, 104).

---

[2] В настоящее время появилась возможность (ср. [9, с. 176—184]) связывать сокрытие Нежинского клада и с другим, близким по времени эпизодом борьбы уже свергнутого с киевского престола Святополка Окаянного и его союзника Болеслава с Ярославом Мудрым — набегом подстрекаемых польским князем печенегов на Киев в 1017 г. Однако это обстоятельство нисколько не меняет дела в пользу мнения авторов свода.

В качестве непременного компонента монетного типа уже с самого начала самостоятельной древнерусской чеканки выступает лично-родовой знак князя, который вскоре занимает центральное положение на реверсе, играя роль государственного герба. Происхождению и бытованию этой эмблемы в различных областях политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси посвящена значительная литература. Приводимая И. Г. Спасским и М. П. Сотниковой (с. 84, рис. 23) генеалогическая схема тамг Рюриковичей X—XI вв., три индивидуальных варианта которых (Владимира Святославича, Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого) присутствуют на златниках и сребрениках, реконструируется в настоящее время исследователями древнерусской княжеской геральдики несколько иначе (ср. [6, с. 40, рис. 4; 10, с. 36; 11, с. 151, рис. 9; 12, с. 29–30; 13, с. 225, рис. 2; 14, табл. III).

Вторую часть рецензируемой книги (с. 112—201) составляет исчерпывающе полный сводный каталог златников и сребреников конца X — начала XI в. Монеты расположены в своде согласно общей типологической схеме, а не строго в хронологическом порядке: за златниками и сребрениками Владимира Святославича описываются святополковы сребреники всех трех типов (включая несущие имена ПЕТРОС и ПЕТАР) и лишь затем «Ярославле сребро» обоих типов (при том, что серебро Ярослава большего веса при любых условиях наверняка старше сребреников с именем Святополка). Такой порядок расположения нумизматического материала в данном конкретном случае вполне оправдан.

Использование метода штемпельного анализа позволило распределить учтенные в своде монеты по штемпельным парам. Доскональное описание каждой штемпельной пары сопровождается как воспроизведением всех известных экземпляров монет, чеканенных ею, так и точной прорисовкой монетной легенды (зачастую восстанавливаемой по нескольким монетам различной сохранности). Данные нумизматического и справочно-библиографического характера об отдельных монетах приведены составителями каталога с максимально возможной полнотой. Тщательнейший подбор и качественное полиграфическое исполнение иллюстраций отличают рецензируемую книгу, являющуюся в этом отношении образцом для подобного рода научных публикаций.

Книга снабжена рядом приложений. Первое из них непосредственно примыкает к сводному каталогу. Оно содержит связанную с ним единой сквозной нумерацией и оформленную аналогичным образом полную сводку древних литых копий Ярославовых сребреников (лапландских и германских подражаний), служивших в некоторых районах Балтийского бассейна украшениями наряду с копируемыми ими монетами (с. 202—203). Привлечение этих любопытных археологических, но связанных с нумизматикой памятников, безусловно, можно только приветствовать, ибо оно дает дополнительную информацию о чекане Ярослава Мудрого. Но тем более странным кажется в данной связи умышленный отказ авторов корпуса от рассмотрения еще одного, давно известного науке типа древнерусских монет XI в.— сребреников тмутараканского князя Олега-Михаила Святославича, тем более что первоначально они, как видно, включались в планируемый состав корпуса [2, с. 51]. Эта группа нумизматических памятников весьма компактна (зарегистрировано к настоящему времени всего четыре их экземпляра) и к тому же целиком входит в хронологические рамки, намеченные в названии рецензируемой книги. Поэтому ее включение в корпус не вызвало бы никаких затруднений и было бы весьма уместным, особенно после появления новых данных о ней [15, с. 250—254; 16, с. 9, 10; 17, с. 251—254]. Без этого картина русской монетной чеканки XI в. обнаруживает досадный пробел.

Из остальных приложений следует особо отметить весьма внушительный список литературы, касающейся древнейших русских монет, который насчитывает 483 названия [3]. Однако и его можно было бы дополнить несколькими важными работами историков (ср. [18, с. 90—92, табл. XXI, *3*, *5*, *7—9*; 19, с. 26—28; 20, с. 166—170]. Нельзя также не заметить, что лингвистический аспект анализа монетных легенд, отсутствующий в самом корпусе, отражен в библиографии только

[3] Укажем попутно на одну из допущенных в нем неточностей, требующую, на наш взгляд, исправления: автора сочинения № 36 (с. 209) звали не Ш. Винклер, а П. фон Винклер (русский историк П. П. фон Винклер, написавший для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона помимо отмеченной авторами корпуса заметки еще многие другие статьи и краткие сообщения на различные нумизматические сюжеты, известен прежде всего как крупный специалист по геральдике и автор популярных справочников по отечественным гербам).

ссылками на литературу середины XIX в. (из последних работ см. об этом, например, [21, с. 31, 44, 45, 226; 22, с. 216]).

Отмеченные нами недочеты, разумеется, ни в коей мере не могут умалить значения выхода в свет рецензируемого труда — замечательного по полноте и доскональности проработки заключенного в нем материала свода нумизматических памятников, относящихся к одному из важнейших и одновременно наименее изученных периодов в истории Древней Руси. Блестяще выполненная И. Г. Спасским и М. П. Сотниковой каталогизация древнейших русских монет открывает новые, куда большие, чем прежде, возможности для дальнейшего использования историками, искусствоведами и отчасти лингвистами столь ценного источника комплексного характера [4].

Молчанов А. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sotnikova M. P., Spasski I. G.* Russian Coins of the Xth — XIth Centuries A. D. Recent Research and a Corpus in Commemoration of the Millenery of the Earliest Russian Coinage. BAR International Series 136. Oxford, 1982.
2. *Спасский И.* Насущные вопросы изучения русских монет X—XI веков.— СГЭ, 1961, вып. XXI.
3. *Толстой И. И.* Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882.
4. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М.: Изд-во МГУ, 1956.
5. *Янин В. Л.* Древнейшая русская печать X века.— КСИИМК, 1955, вып. 57.
6. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. М.: Наука, 1970.
7. *Молчанов А. А.* К вопросу о художественных особенностях и портретности изображений на древнейших русских монетах.— Вестн. МГУ. Сер. история, 1973, № 3.
8. *Молчанов А. А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы.— ВИД, 1976, т. VII.
9. *Назаренко А. В.* События 1017 г. в немецкой хронике начала XI в. и в русской летописи.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 год. М.: Наука, 1981.
10. *Янин В. Л.* Семь деревянных цилиндров, или археологическое дополнение к «Русской Правде».— Знание — сила, 1981, № 2.
11. *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
12. *Молчанов А. А.* Таманский «брактеат» из собрания Государственного исторического музея.— В кн.: Государственный ордена Ленина исторический музей. Научные чтения 1980—1981. Тез. докл. и сообщений. М.: 1981.
13. *Молчанов А. А.* Еще раз о таманском бронзовом «брактеате».— СА. 1982, № 3.
14. *Молчанов А. А.* Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв.— ВИД, 1984, т. XVI.
15. *Кропоткин В. В., Макарова Т. И.* Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве.— СА, 1973, № 2.
16. *Молчанов А. А.* Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси. Автореф. канд. дис. М.: Ист. фак. МГУ, 1976.
17. *Молчанов А. А.* Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича.— СА, 1982, № 1.
18. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1975.
19. *Симонов Р. А.* Математическая мысль Древней Руси. М.: Наука, 1977.
20. *Свердлов М. Б.* Нумизматика.— В кн.: Советское источниковедение Киевской Руси. Л.: Наука, 1979.
21. *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. М.: Наука, 1969.
22. *Филин Ф. П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981.
23. *Спасский И. Г.* Золото Владимира Святославича.— В кн.: Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Сборник научных трудов. Л.: Гос. Эрмитаж, 1982.
24. *Сотникова М. П.* Палеографический обзор легенд древнейших русских монет.— В кн.: Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Сборник научных трудов. Л.: Гос. Эрмитаж, 1982.

[4] Следует отметить, что к моменту выхода из печати рецензируемого издания увидели свет еще две работы его авторов, являющиеся существенным дополнением к нему [23, 24].

ГУРЕВИЧ Ф. Д.

О НОВОГРУДСКОМ СТЕКЛОДЕЛИИ (ПО ПОВОДУ ВЫХОДА КНИГИ М. М. ЯНИЦКОЙ «ИСТОКИ СТЕКЛОДЕЛИЯ БЕЛОРУССИИ». Минск, 1980)

В 1980 г. вышла в свет книга искусствоведа М. М. Яницкой, где впервые дается систематизация огромного количества стеклянных изделий I тыс. до н. э.— XVII в., найденных на территории БССР [1]. Нет сомнения, сколь важно такое исследование.

Вместе с тем глава, посвященная художественному стеклу Новогрудка, глубоко разочаровывает, поскольку автору оказалась неизвестна дискуссия о месте производства красного кубка и синего флакона, украшенного цветной росписью.

Указанные изделия составляют примечательную особенность коллекции стеклянной посуды, происходящей из Новогрудка. На их византийское происхождение указала Р. М. Джанполадян [2, с. 166—171]. Эта атрибуция была оспорена Б. А. Шелковниковым, охарактеризовавшим данные сосуды как изделия новогрудских стеклоделов и ювелиров, в связи с чем отдельно стоявшие печи, открытые на территории окольного города, им стали трактоваться как стеклоплавильные. Б. А. Шелковников противопоставлял высокие образцы развитого византийского стеклоделия: чашу из сокровищницы св. Марка в Венеции и флакон из Двина — новогрудским расписным сосудам с их, как он писал, наивной и непосредственной орнаментацией (медальоны, ели, крестики, волны, изображение голубя и т. д.), которая приписывалась славянскому миру. Б. А. Шелковников также полагал, что в Новогрудке изготовлены флакон, происходящий из коллекции Р. Смита [3, с. 261], и найденный на Кипре синий флакон с росписью из медальонов, заполненных крестиками, из поясков и фигур птиц [4, с. 59—61]. По Б. А. Шелковникову, флакон из Новогрудка мог быть доставлен на Кипр славянами, служившими в византийских войсках [5, с. 213—216].

На статью Б. А. Шелковникова последовал ответ, составленный Р. М. Джанполадян, М. В. Малевской и автором данной статьи, опубликованный в «Советской археологии». Мы отмечали особый характер жилищ окольного города Новогрудка, откуда происходили кубок и флакон. Это были большие остекленные дома богатого квартала. Отдельно стоящие печи, которые Б. А. Шелковников рассматривал как производственные, служили для отопления помещений; они остались от разрушенных жилищ. Мы писали также, что фигура птицы на синем флаконе реконструирована условно и что утверждение Б. А. Шелковникова об отсутствии в памятниках византийского искусства изображения голубя не соответствует действительности. Бездоказательно мнение Б. А. Шелковникова и о новогрудском происхождении кипрского флакона, якобы привезенного на остров славянами (6, с. 312—315).

Упрек в адрес Б. А. Шелковникова последовал и от А. В. Банк, которая указала на неправомерность использования византийских серебряных сосудов при атрибуции кубка и флакона. А. В. Банк отмечала упрощенное понимание византийского искусства Б. А. Шелковниковым, воспринимавшим лишь высоты искусства Византии и не допускавшим возможности того, что в Византии могли выделывать и менее совершенные изделия [7, с. 215, 216].

Б. А. Шелковников не откликнулся на выступления оппонентов. Вскоре в специализированном американском журнале по исследованию стекла он вновь изложил свои соображения о том, что новогрудские расписные кубок и флакон были местной работы. Такую же атрибуцию он распространил и на новогрудский «кубок Ядвиги». По поводу этого сосуда Б. А. Шелковников писал, что стиль его орнаментации близок каменной резьбе Древней Руси. Так, изображению льва он находил параллели в разных фигурах монументальных памятников Владимиро-Суздальского княжества, а древу жизни — в русском декоративном искусстве XI—XIII вв. Поэтому известные в Польше «кубки Ядвиги» Б. А. Шелковников считал также работой мастеров из Новогрудка. Свои взгляды автор повторил в книге, изданной в 1969 г. [8, с. 101—112; 9, с. 20—40].

На работы Б. А. Шелковникова откликнулась М. Декувна — польский археолог, специалист по истории средневекового стекла. Она отмечает, что, по данным восточного стеклоделия, росписью сосудов занимались особые ремесленники. Автор приводит материалы К. Ламма, согласно которым в окрестности Алеппо специально свозили сосуды для росписи, даже стеклодувам роспись сосудов не доверялась.

Таким образом, новогрудские ювелиры не были в состоянии расписывать стеклянные сосуды, не могли они нанести и резной орнамент на «кубок Ядвиги». Резьба по стеклу требовала навыков профессионального резчика, обладавшего не только мастерством холодной обработки стекла, но и даром художника [10, с. 505, 506]. М. Декувна полагает, что родину производства «кубков Ядвиги» следует искать в тех землях, где издавна была распространена обработка полублагородных камней (печати, камеи и др.). Это скорее всего Ближний Восток; ничто не свидетельствует о распространении такого искусства в Древней Руси [10, с. 513]. Автор рецензии отмечает несоответствие между огромным размахом археологических работ на территории Древней Руси и малым количеством сосудов из натриево-кальциево-кремнеземного стекла (как расписных, так и резных). Отсюда следует вывод, что подобные сосуды на Руси являлись импортом [10, с. 507, 508]. М. Декувна подчеркивает необоснованность сравнения Б. А. Шелковниковым новогрудских сосудов с чашей из сокровищницы св. Марка и двинскими флаконами. Последние были индивидуальными изделиями и отличались особым качеством изготовления [10, с. 508]. Критике подверглась и интерпретация Б. А. Шелковниковым элементов орнамента расписных сосудов как чисто славянских. Со ссылкой на соответствующую литературу М. Декувна пишет, что данная символика была распространена в разных областях Византийской империи и отразилась в орнаментации керамики, тканей, фресок и стеклянных сосудов. Сходство кипрского сосуда с новогрудским свидетельствует лишь о византийском происхождении последнего, а не наоборот [10, 509—512]. Автор рецензии упрекает Б. А. Шелковникова в игнорировании большой литературы, посвященной «кубкам Ядвиги», в механическом расчленении элементов орнамента расписных и резного сосудов и отсутствии анализа композиции и стиля этих изделий [10, с. 513]. При нынешнем состоянии источников, заключает М. Декувна, следует считать, что в Древней Руси продукция, представленная новогрудскими красным кубком, синим флаконом и «кубком Ядвиги», не изготавлялась [10, с. 514]. Вторично М. Декувна совместно с Я. Раухутовой кратко останавливается на критике взглядов Б. А. Шелковникова в связи с публикацией авторами обломка стеклянного сосуда из польского города Черска [11, с. 253—255].

Позиция Б. А. Шелковникова не встретила сочувствия и среди западных специалистов по истории стекла. А. Мигоу, исследователь кипрских древностей, опубликовавший в свое время синий флакон, который затем Б. А. Шелковников отнес к новогрудской продукции, писал в 1968 г., что данный флакон не отличается от найденной на Кипре многочисленной стеклянной посуды. Как и М. Декувна, А. Мигоу отмечает распространенность элементов орнамента новогрудских стеклянных сосудов в изобразительном и прикладном искусстве Византии. Трудно себе представить, замечает автор, что в Новогрудке была византийская мастерская. Ареал синих флаконов от Белоруссии до Кипра (а возможно, и до Египта) и от Коринфа до Ирана свидетельствует о том, что они производились в одном центре, по мнению А. Мигоу в Константинополе [12, с. 102, 103]. Автор сопоставляет новогрудские стеклянные сосуды с находкой амфоры в Новогрудке (А. Мигоу еще не было известно, что в Новогрудке найдено много амфор).

Несогласен с предложенной Б. А. Шелковниковым атрибуцией новогрудских стеклянных сосудов и Ж. Филипп. В книге о византийском стекле он воспроизводит все реконструированные стеклянные сосуды из Новогрудка, опубликованные нами в работе «Восточное стекло в Древней Руси» [13, с. 176—180, рис. 57, 59, 72, 88—90].

Американская исследовательница Г. Дэвидсон-Вайнберг, опубликовавшая в 1940 г. первый синий расписной флакон из мастерской на Коринфе [14, с. 319], указывает следующие пункты, где были найдены расписные флаконы: Коринф, Кипр, Двин, Фустат (Египет), Иран, Стамбул, окрестности Оксфорда и Новогрудок [15, с. 138]. Автору остался неизвестен Херсонес, откуда происходят обломки расписных флаконов [16, с. 249, 250]. Исследовательница пишет об отсутствии в России следов производства этих изделий. Она считает, что флаконы сделаны в Коринфе [15, с. 133]. Бутыли с утолщениями на горле Г. Дэвидсон-Вайнберг сопоставляет с соответствующими находками из Новогрудка, Средней Азии и Армении [15, с. 138], заметим, что аналогичные находки известны из Херсонеса [16, с. 255].

Перечисленных работ вполне достаточно, чтобы вопрос об атрибуции новогрудских сосудов из натриево-кальциево-кремнеземного стекла объявить закрытым. Однако ничего подобного в работе М. М. Яницкой мы не находим. Более того, М. М. Яницкая полностью повторяет все доводы Б. А. Шелковникова, не подозре-

вая, что советские и зарубежные исследователи единодушно отвергли его атрибуцию новогрудских сосудов. М. М. Яницкая идет дальше Б. А. Шелковникова. Она выдвигает предположение об особой группе бродячих ремесленников-греков, которые, оказавшись в Новогрудке, выдували сосуды из боя византийской посуды, привезенной сюда в XI в. Местные мастера затем продолжили эту традицию [1, с. 89, 93]. Беспочвенность выделения такой категории ремесленников можно лишь сопоставить с идеей Б. А. Шелковникова о славянах, доставивших на Кипр сосуд из Новогрудка. Что же касается битой византийской стеклянной посуды XI вв. в Новогрудке, то таковой попросту не могло быть. В этом городе нет ни одного осколка сосуда из натриево-кальциево-кремнеземного стекла древнее XII в.

Игнорирование специальной литературы, в котором М. Декувна упрекала Б. А. Шелковникова, присуще и М. М. Яницкой. Например, свидетельством местной выработки расписных сосудов автор считает то обстоятельство, что в Новогрудке найдено около 40 таких изделий, в то время как на Коринфе — всего 1 сосуд [1, с. 67]. Между тем в работе Г. Дэвидсон 1940 г., на которую ссылается М. М. Яницкая [1, с. 69], написано, что наиболее интересными стеклянными сосудами Коринфа являются флаконы, главным образом темно-синие, но изредка встречаются светло-синие, желто-зеленые и коричневые. Отверстия и шейки флаконов покрыты золотом [14, с. 319, 320]. После того как А. Мигоу опубликовал синий флакон, найденный на Кипре, ему удалось встретить еще флаконы и кубки из цветного стекла, расписанные золотом или золотом и эмалью [12, с. 88—92; 17, с. 33—40]. Нежелание считаться с литературой наглядно проявляется при характеристике новогрудской стеклянной иконки-литика с изображением сцены Рождества. Эту иконку М. М. Яницкая также относит к изделиям новогрудского ремесленника [1, с. 86], хотя о таких литиках имеется много работ. В некоторых из них стеклянные иконки, аналогичные новогрудской, рассматриваются как знаки паломников венецианского происхождения. Существует мнение, что они производились в константинопольских мастерских. В каталогах литиков, составленных немецким искусствоведом Г. Вентцелем, опубликовано более 170 стеклянных иконок с евангельскими сюжетами или изображениями святых [18, с. 20—67; 19, с. 11—24]. Впоследствии число литиков пополнилось, в том числе новогрудской находкой [20, с. 18, 19; 21, с. 51—54; 22, с. 384, 385]. Если М. М. Яницкой была недоступна литература, о которой идет речь, то разве не должно было настораживать известное данному автору сходство нашей иконки с иконкой Ватиканского музея [1, с. 86]. Об этом писалось в первой публикации новогрудской находки, отмечалась возможность отливки обоих изделий в одной форме [22, с. 385]. В настоящее время удалось установить, что новогрудская иконка изготовлена в одной форме не только с иконкой Ватиканского музея, но и с находкой из Александрии, хранящейся в Ашмоллен музее (Оксфорд) [20, с. 18; 23, рис. 86]. Среди литиков известны изделия, где сцена Рождества с такой же композицией, как и на новогрудской находке, отлита в зеркальном отображении [13, рис. 78; 24, с. 90, 91, табл. LVII, *108*]. Нет никакого сомнения в том, что новогрудский литик, которому М. М. Яницкая приписывает местное происхождение, является произведением одной из мастерских Средиземноморья.

К продукции новогрудских ремесленников автор относит также сосуды, сделанные по древнерусскому рецепту; они стилистически близки киевским, имеют тот же состав стекла, но отличаются своими размерами, техникой изготовления и декором. Отсюда М. М. Яницкая делает вывод, что эти сосуды не киевские, а местные [1, с. 81—84]. На самом деле большая часть новогрудских сосудов из калиево-свинцово-кремнеземного стекла имеет параллели не только в Киеве, но и в других древнерусских городах. Различие их объясняется тем, что каждый из них изготовлялся индивидуально. Что касается тех новогрудских сосудов, которые составляли специфику новогрудской коллекции, то почти все они происходят из богатых жилищ, а это во многом объясняет индивидуальный характер их форм.

По мнению М. М. Яницкой, стекольные мастерские Новогрудка не найдены потому, что раскопана небольшая площадь города [1, с. 86]. Конечно, археологически изученная территория Новогрудка мала по сравнению с той, которую занимала укрепленная часть города, не говоря уже о неукрепленной. Однако имеется другой веский довод в пользу того, что древнерусские сосуды Новогрудка были привозными. Их бытование, как и византийско-восточных сосудов, строго ограничено во времени. Появившись в этом городе несколько раньше стеклянных сосудов из натриево-кальциево-кремнеземного стекла (в конце XI в.), древнерусские стеклянные сосуды

бытовали в Новогрудке в XII и XIII вв., вплоть до времени захвата Южной Руси монголами. Известно, что Новогрудок не переживал такого разгрома, как южнорусские города, поэтому здесь наблюдается преемственность отдельных видов ремесел: гончарного, косторезного, обработки металлов и т. д. В этом плане особый интерес представляет связь между местной поливной посудой древнерусской поры и последующего времени [25, с. 107]. Если бы стеклянные изделия, действительно, выделывались в Новогрудке, то их производство прослеживалось бы в XIV в. и в более позднее время, чего не наблюдается.

Своеобразно понятое М. М. Яницкой положение о захвате половцами степи и наступлении турок-сельджуков на арабские государства, а также представление о феодальной раздробленности Руси приводят автора к удивительному выводу о том, что в XII в. торговля Древней Руси с Востоком была целиком прервана [1, с. 76, 77]. И это пишется, несмотря на то, что именно на XII и XIII вв. преимущественно приходятся находки восточновизантийских вещей в древнерусских городах. Только в 20 городах, находившихся на белорусской земле, известны находки причерноморских амфор, большая часть которых датируется XII—XIII вв. К XII и XIII вв. относятся стеклянные сосуды с арабскими надписями, найденные в Новогрудке, Слониме и Мстиславле и происходящие из сирийских мастерских [26, с. 279; 27, с. 90, рис. 12].

Надо с сожалением отметить, что М. М. Яницкая в ряде случаев неточно пользуется археологическими материалами. Так, автор сопоставляет форму горла синего новогрудского флакона с формой глухих наверший крышек массовой глиняной посуды, называя последние горлышками [1, с. 75], хотя то, что эти навершия не имеют отверстий, видно по рисункам, на которые ссылается автор. К продукции новогрудских ювелиров М. М. Яницкая причисляет бронзовые крестики с выемчатой эмалью и энколпионы [1, с. 93]. Однако в советской литературе прочно установлено, что крестики с выемчатой эмалью выделывались в Киевской земле, откуда они распространялись в древнерусские и соседние в Русью земли [28, с. 113—117]. Под влиянием этих изделий собственное производство крестиков с эмалью налаживается на территории Латвии, в нижнем течении Западной Двины [29, с. 237]. Что касается энколпионов, то сошлемся на наблюдения Г. Ф. Корзухиной: «В мастерской, которая находилась скорее всего в Киеве, судя по почеркам надписей на энколпионах, работало несколько мастеров, изготовлявших превосходные по своим художественным достоинствам бронзовые энколпионы с чернью и гравировкой» [30, с. 133]. Именно такие энколпионы найдены в Новогрудке, и нет никаких оснований считать, что они отливались новогрудскими ремесленниками.

Пытаясь отметить специфику новогрудского «кубка Ядвиги» как местного изделия, М. М. Яницкая пишет, что цвет его стекла розовый, в то время как аналогичный сосуд из Кракова сделан из зеленого стекла [1, с. 77]. Цвет стекла обоих сосудов не мог совпадать, так как новогрудская находка происходит из постройки второй половины XII в. [31, с. 79], а краковская является копией XVII в., выполненной с утраченного средневекового оригинала. Об этом сообщает Ю. Л. Щапова, ознакомившаяся с «кубками Ядвиги», находящимися в Польше, в частности и с краковским [32, с. 213, 214]. М. М. Яницкая стремится найти в новогрудской массовой глиняной посуде формы, аналогичные стеклянной посуде, сваренной по древнерусскому рецепту, но при этом сравнивает поддоны стеклянных сосудов древнерусского времени с поддонами позднесредневековой новогрудской керамики, относя последнюю к XII—XIII вв. [1, рис. 36, 37]. М. М. Яницкая датирует новогрудские стеклянные сосуды XIV в. и более поздним временем [1, рис. 38]. Ознакомившись с археологическими материалами Новогрудка, хранящимися в Государственном музее БССР, М. М. Яницкая не воспользовалась данными отчетов о полевых работах Новогрудской экспедиции (они находятся в отделе археологии Института истории АН БССР), в которых определена дата привлеченных материалов.

В настоящее время можно считать установленным, что, за исключением выделки поливных изделий, стеклоделие в древних городах Белоруссии представлено в скромном объеме. Выделка и обработка стеклянных вещей отразились в деятельности полоцких браслетчиков [33, с. 113—117]. Украшения из стекла изготовлялись в древнем Гродно, о чем можно судить на основании опубликованной М. М. Яницкой формы для отливки стеклянных бус [1, рис. 44]. По нашему мнению, существует косвенное свидетельство, позволяющее предположить стекловарение в древнем Волковыске. Среди высокохудожественных образцов волковысского косторезного

ремесла известна рукоять, украшенная плетением и выпуклыми точками. В отдельных местах рукояти нанесены точки из цветного стекла [34, с. 57]. Несомненно, последнее могло быть соединено с костяным изделием только в том случае, если стекло было расплавленным. Таковы те немногочисленные материалы, которые позволяют установить деятельность местных стеклоделов в древних городах на территории Белоруссии.

Глава о новогрудском художественном стекле книги М. М. Яницкой неудачна. Причину этого следует видеть в том, что автор строит свои исторические выводы не на строго проверенном археологическом материале. Вдохновленная идеей о существовании в Новогрудке развитого стеклоделательного ремесла в XII—XIII вв., М. М. Яницкая стремится подчинить этой концепции вещественные источники, которые трактует крайне произвольно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Яніцкая М. М.* Вытокі шкларобства Беларусі. Мінск, 1980.
2. *Джанполадян Р. М.* Два стеклянных сосуда из Новогрудка.— Византийский временник, 1961, т. 19.
3. *Smith R. W.* Glass from the ancient world. Corning — New York, 1957.
4. *Megaw A. H. S.* A twelfth century scent bottle from Cyprus.— JGS, 1959, v. 1.
5. *Шелковников Б. А.* Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями.—СА, 1965, № 1.
6. *Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В.* По поводу статьи Б. А. Шелковникова «Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями».— СА, 1966, № 1.
7. *Банк А. В.* Письмо в редакцию.— СА, 1966, № 1.
8. *Shelkownikow B. A.* Russian Glass from the 11-th to the 17-th century.— JGS, 1966, v. VIII.
9. *Шелковников Б. А.* Русское художественное стекло. Л.: Сов. художник, 1969.
10. *Dekówna M.* Рец. на статьи: 1) *Шелковников Б. А.* Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями. СА, 1965, № 1); 2) *Shelkownikow B. A.* Russian Glass from the 11-th to the 17-th century. JGS, 1966, v. VIII.— Archeologia Polski, 1969, t. 14.
11. *Dekówna M., Rauhutowa J.* Fragment d'une coupe oriental de verre decouvert a Czersk, district Piasieczno.— Archeologia Polona, 1969, t. XI.
12. *Megaw A. H. S.* More gilt and enameled glass from Cyprus.— JGS, 1968. v. X.
13. *Philipp J.* Le mond Bizantine dans l'histoire de la verrerie (V—XVI siècle). Bologna, 1970.
14. *Davidson G. K. A.* Medieval glass-factory at Corinth.— Amer. J. archeol., 1940, v. XLIV, № 3.
15. *Davidson-Weinberg G. K. A.* A medieval Mystery: byzantine Glass Production.— JGS, 1975, v. XVII.
16. *Колесникова Л. Г.* Восточное стекло из собрания Херсонесского музея.— Византийский временник, 1975, т. 34.
17. *Megaw A. H. S.* Supplementary excavation on a castle site at Paphos, Cyprus 1970—1971.— Dumbarton Oaks Papers, 1972, № 26.
18. *Wentzel H.* Das Medailon mit dem Hl. Theodor und die venetianischen Glaspasten im byzantinischen Still.— In: Pestschrift für Erich Meyer, Hamburg, 1959.
19. *Wentzel H.* Zu dem Enkolpion mit dem Hl. Demetrios in Hamburg.— Jandbuch der Hamburger Kunstsammlungen, 1963, B. VIII.
20. *Vickers M. A.* A note on Glass medaillons in Oxford.— JGS, 1974, v. XVI.
21. *Кузманов Г.* Византийска иконка-медалион с рядък образ на св. Софья.— Археология, 1975, кн. 3.
22. *Гуревич Ф. Д., Ковальская К. Т., Николаев Н. В., Пономарева Т. С.* Новогрудская экспедиция.— АО—1974, М., 1975.
23. *Mīnoz A.* L'art Bizantine a l'exposition de Grotteferata. Rona, 1906.
24. *Ross M. C.* Catalog of the byzantine and early medieval antiquities in Dumbarten Oaks collection. V. I. Washington, 1962.
25. *Гуревич Ф. Д.* Поливная керамика новогрудского детинца.— СА, 1981, № 4.
26. *Пех Г. И.* Раскопки древнего Слонима.— В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966.
27. *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М.: Наука, 1980.
28. *Мальм В. А.* Крестики с эмалью.— В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
29. *Mugurewičs E.* Krustiņvieda piekariņiu Latvija laika no 11 lids 15 gs.— Arheologia un Etnogrāfija, t. XI. Rīga, 1974.
30. *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья).— Византийский временник, 1958, т. 14.
31. *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Посад — окольный город. Л.: Наука, 1981.
32. *Шапова Ю. Л.* О резном бокале из Новогрудка.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976.
33. *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во МГУ; 1972.
34. *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск. Минск: Наука и техника, 1975.

Хроника

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ГОРОДЦОВА

В 1985 г. исполнилось 125 лет со дня рождения одного из основателей русской и советской археологической науки, выдающегося ученого, заслуженного деятеля науки, доктора археологии, профессора Василия Алексеевича Городцова.

В. А. Городцов родился 11 марта 1860 г. в с. Дубровичи на р. Оке в бывшей Рязанской губернии в семье бедного многодетного дьячка. По традиции он был отдан в Рязанскую духовную семинарию, но не закончил ее, затем поступил в военное училище. Хотя военная карьера не прельщала В. А. Городцова, звание офицера давало ему возможность существовать с семьей и урывками заниматься любимым делом — поисками древних поселений и других памятников археологии. Сбором древностей В. А. Городцов увлекся еще в раннем детстве, мальчишкой разыскивал на прибрежных плесах Оки интересные по форме и цвету камни, присматривался к наслоению береговых срезов. В 80-х годах XIX в., уже будучи военным, он часто появлялся на окских дюнах, бродил по выдувам дюн, собирал кремневые орудия и обломки глиняных сосудов. В результате таких неоднократных прогулок в 1889 г. в «Трудах Рязанской Ученой архивной комиссии» появилась первая крупная статья Василия Алексеевича — «Стоянки неолитической эпохи в окрестностях сел Шумашь, Дубровичи и др. Рязанского уезда».

На военной службе В. А. Городцов пробыл около 26 лет. В 1906 г. он ушел в отставку и только с этого времени мог полностью посвятить свою жизнь горячо любимой науке.

В. А. Городцов не получил специального образования. Только благодаря своим личным качествам — таланту, неутомимой и упорной работоспособности, неиссякаемой творческой энергии и неприхотливости к удобствам и бытовым благам — В. А. Городцов смог выбиться «из низов» и завоевать себе право заниматься научной работой. Вся дальнейшая жизнь В. А. Городцова была тесно связана с развитием отечественной археологии. Его научная, педагогическая и общественная деятельность после военной службы была связана с Историческим музеем (1903—1929 гг.), Московским археологическим институтом (1907—1914 гг.) и Народным университетом (1915—1918 гг.).

После Великой Октябрьской социалистической революции, получив звание профессора (1918 г.), В. А. Городцов продолжает педагогическую работу в I МГУ и потом в ИФЛИ им Н. Г. Чернышевского. Наряду с педагогической деятельностью он продолжает заниматься научной работой в Историческом музее, РАНИОНе (1920—1929 гг.) и в Институте истории материальной культуры (1930—1945 гг.).

В своей деятельности В. А. Городцов многогранен. Он крупнейший русский и советский археолог, талантливый, заражающий слушателей своим энтузиазмом, педагог, прекрасный, точный в своих действиях музейный работник, организатор полевых исследований и вопросов охраны памятников, пропагандист достижений науки для широких масс населения. В. А. Городцов — автор свыше 200 трудов по разным вопросам археологии. Широта диапазона научных интересов Василия Алексеевича исключительна: от палеолита до средневековья. И каких бы вопросов он ни касался, всюду чувствуется огромный опыт, глубина знаний, интерес к описываемым явлениям и твердая фактическая база исследования, в основе которой лежат результаты обширной полевой деятельности Василия Алексеевича.

Перу В. А. Городцова принадлежит несколько фундаментальных монографий — «Первобытная археология» (М., 1908), «Бытовая археология» (М., 1910), «Археология. Т. I. Каменный период» (М., 1923), а также многочисленные статьи. Особенно важна «Археология. Т. I», где впервые было обосновано существование археологии как самостоятельной науки. Здесь же была опубликована и археологическая классификация, в основу которой В. А. Городцов положил изменения форм и техники выделки орудий, антропологического облика человека, окружающей его среды. В хронологическом отношении классификация опиралась на геологические, палеонтологические и антропологические данные. В. А. Городцов, прекрасно знавший четвертичную геологию, написал ряд работ в этой области, положив в основу их самостоятельные научные наблюдения. Он всегда работал в тесном контакте с виднейшими специалистами-геологами по четвертичному периоду, поэтому предложенная ученым схема периодизации палеолита реалистически отображает процесс становления и развития человеческого общества. Никто из археологов до В. А. Городцова так отчетливо не осознавал ведущую роль орудий труда и техники в развитии человечества. Четко и однозначно В. А. Городцов сформулировал основной прин

цип своей исторической концепции: орудия труда являются рычагами, посредством которых человек двигает культуру вперед.

Несмотря на доминирование естественно-научного мировоззрения и влияния эволюционной теории, археологическая классификация В. А. Городцова до сих пор не утеряла свою ценность. Ценность эта заключается в правильной трактовке смены одних периодов другими. В. А. Городцов различал два цикла в истории становления и развития человеческого общества: 1) период становления человека и 2) период сформировавшегося человека. Это согласуется с марксистским мировоззрением на становление и развитие человеческого общества. Также, с нашей точки зрения, он правильно выделяет в своей классификации «доиндустриальную» и «индустриальную эру», связывая их с определенными геологическими циклами. В. А. Городцов относил время становления человека к плиоцену. Этим он предугадал находки олдувайского человека.

К «доиндустриальной эре», очень продолжительной, Василий Алексеевич относил процесс перехода от антропоморфных предков человека к собственно человеку, причем он писал, что предки человека пользовались камнями и другими предметами, но сами их не производили. «Индустриальная эра», по мнению исследователя, характеризуется памятниками разумной человеческой деятельности, т. е. появление первых орудий он отнес не к «формирующимся обезьянолюдям», а к разумному сформировавшемуся человеку.

В. А. Городцов, несмотря на малочисленность и недостаточную исследованность палеолитических памятников, реалистически трактовал отдельные вопросы палеолита. Исходя из неравномерности истории развития человеческого общества, он правильно указал на разнообразные одновременные палеолитические культуры, существовавшие на территории Европы. К особым заслугам В. А. Городцова в области изучения палеолита следует отнести его раскопки Тимоновской палеолитической стоянки и открытие на ней жилищ. Подчеркнем также правильное толкование В. А. Городцовым мустьерских захоронений. Только сейчас археологи и антропологи после долгих дискуссий приходят в этом вопросе к точке зрения Василия Алексеевича, высказанной им около 70 лет назад, т. е. к признанию существования у неандертальца ритуальных захоронений и «религиозных» представлений.

В. А. Городцов разработал типологический метод, без которого немыслима классификация и изучение огромного количества предметов, добытых раскопками. Его типологический метод послужил прочным фундаментом в развитии отечественной археологии. Одно время в связи с так называемой «социологизацией науки» последователей В. А. Городцова обвиняли в «вещеведении». Но со временем наука вновь обратилась к «вещам» как основному источнику в изучении древнейшей истории человечества. Создание классификаций добытых материалов является «ключом к наиболее полному овладению знанием».

Много сделал В. А. Городцов и в области изучения неолита. Он первым из археологов нашей страны стал систематически исследовать неолитические поселения в долине р. Оки и затем в других регионах нашей страны. Он открыл на них жилища-землянки, первым из археологов нашей страны ввел сбор остеологического материала. В. А. Городцов создал методику исследования неолитических поселений, разделил эпоху неолита на три этапа, определил характер каждого из них. Его работа «Русская доисторическая керамика» до сих пор считается образцом исследования и не утеряла своего значения. В. А. Городцовым написаны десятки работ по неолиту. Они явились первым шагом в создании истории нашей территории в неолитическую эпоху.

Заслугой В. А. Городцова является выделение культур бронзового века. Благодаря блестящим раскопкам памятников эпохи бронзы в различных частях страны В. А. Городцов опроверг долго существовавшее мнение о том, что на территории России не было бронзового века. Фундаментальный труд В. А. Городцова «Культуры бронзового века в Средней России» (1915 г.) является обобщением его открытий в изучении памятников бронзового века. Он впервые выделил и осмыслил в исторической последовательности целую серию культур этого времени, создал их периодизацию. К этой периодизации неизбежно возвращаются все археологи: ямная, катакомбная, срубная, фатьяновская, панфиловская, сейминская культуры и др. Намеченные В. А. Городцовым пути решения проблем хронологии и периодизации выделенных культур, их распространения, экономики и связей населения не устарели в основных чертах до сегодняшнего дня и имеют далеко не региональное значение.

Значительный интерес представляет выделение В. А. Городцовым киммерийской культуры — древностей кочевников-скотоводов, датированных исследователем началом железного века (XI—VIII вв. до н. э.). В. А. Городцов наметил и пути решения киммерийской проблемы (см. К вопросу о киммерийской культуре.— Тр. СА РАНИОН, 1928, т. II, с. 46—60).

Не меньшее значение представляют работы В. А. Городцова о Скифии и античных колониях в Причерноморье. Благодаря раскопкам Бельского городища (1908 г.) был внесен решающий вклад в изучение культуры земледельческих племен степных «скифов-пахарей»; раскопки Частых курганов под Воронежем (1927 г.) обогатили науку новыми данными о погребальном обряде скифов; исследования Елизаветинского городища на Кубани расширили сведения о периферии античного мира.

Особо крупным научным вкладом явились исследования В. А. Городцовым

памятников раннего железного века и дьяковской культуры. Он совершенно правильно отнес сетчатую керамику к промежуточной культуре между поздним неолитом и ранним железным веком, связал сетчатый «орнамент» с орнаментикой посуды неолитического времени, первым выделил так называемый «ниточный» орнамент как ранний хронологический признак, отметил широкий ареал распространения сетчатой керамики. Раскопки В. А. Городцова на таких памятниках, как Каширское и Огубское городища, а также сделанные исследователем выводы о хронологии и территориальном распространении памятников дьяковской культуры не утратили до сих пор своего научного значения.

Много важных и интересных данных получено В. А. Городцовым при исследовании финских древностей (Подболотьевский и Дубровический могильники и др.), средневековых памятников степных кочевников (печенеги, торки, половцы, татары).

Важные открытия В. А. Городцов сделал при исследовании славянских и древнерусских памятников. Особенно ценны небольшие раскопки в Старой Рязани, положившие начало подлинно научному изучению этого древнерусского города.

Среди работ В. А. Городцова есть исследования, посвященные памятникам нумизматики, эпиграфическим памятникам и произведениям искусства.

Своей научной деятельностью В. А. Городцов внес огромный вклад в развитие нашей археологической науки. Этот вклад трудно переоценить. Имя В. А. Городцова навсегда останется одним из самых светлых имен в списке деятелей советской исторической науки, ибо оно неразрывно слилось со всем развитием русской и началом расцвета советской археологии. Долгая жизнь трудов В. А. Городцова — следствие прочного фундамента его раскопочных работ. Являясь блестящим полевым исследователем, производившим раскопки самых разнообразных археологических памятников, В. А. Городцов обобщил свой полевой опыт в ряде «Руководств» по археологическим раскопкам. Многое в этих руководствах не устарело до наших дней (постановка четких проблем перед раскопками, обязательное ведение дневников, заметки, зарисовки, описание окружающего памятник ландшафта и т. д.). Он первым обратил внимание на стратиграфический метод в изучении памятников, особенно жилищ и геологических наслоений.

В статьях о В. А. Городцове не раз упоминалось о его блестящей педагогической деятельности, о создании особой, «городцовской» школы, давшей плеяду крупных ведущих ученых нашей страны, успешно продолжающих его любимое дело. Неоднократно освещалась и его деятельность в Историческом музее, где Василий Алексеевич создал археологическую экспозицию. В этой экспозиции в хронологическом порядке были показаны находки из раскопок, характеризующие историю развития человеческого общества от палеолита до средневековья. В. А. Городцов систематизировал огромные археологические материалы в фондах Исторического музея, создал особые хранилища с четкой каталогизацией, написал ряд путеводителей по музею.

Наряду со всей этой многообразной деятельностью необходимо особо отметить огромную общественную работу В. А. Городцова по популяризации науки (выступления, популярные лекции, беседы с населением во время раскопок и т. д.). С 1918 г. В. А. Городцов возглавлял Археологический отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР и руководил археологической секцией РАНИОН. В 1938 г. он вступил в ряды Коммунистической партии.

Советское Правительство высоко оценило заслуги Василия Алексеевича Городцова, присвоив ему звание заслуженного деятеля науки и наградив его в 1944 г. орденом Ленина.

К 125-летию Василия Алексеевича Городцова Институт археологии АН СССР подготовил к печати сборник статей, в которых подробно раскрывается многогранная научная, педагогическая и общественная деятельность В. А. Городцова.

Крайнов Д. А.

ЛИТЕРАТУРА О В. А. ГОРОДЦОВЕ

1. *Брюсов А. Я.* Городцов (К 100-летию со дня рождения). Тр. ГИМ, 1960, вып. 37, с. 7—11.
2. Василий Алексеевич Городцов (1860—1945). Некролог.— КСИИМК. 1947, вып. 16, с. 5, 6.
3. Городцов Василий Алексеевич (1860—1945).— БСЭ, 2-е изд., 1952, т. 12, с. 227, 228.
4. *Готье Ю. В.* В. А. Городцов (По поводу 35-летия научной деятельности).— Голос минувшего. М., 1923, № 3, с. 163—166.
5. *Жуков Б. С.* Рец. на кн.: Городцов В. А. Археология. Т. 1. Каменный период. М.—Пг., 1923 (обл.: М.—Л., 1925).— Печать и революция. М., 1925. кн. 8, с. 206—209.
6. *Колесников И. Ф.* Список трудов В. А. Городцова.— Тр. СА РАНИОН. М., 1928, т. 4, с. 9—20. Дополнение: КСИИМК, 1940, вып. 5. с. 83, 84.
7. *Крайнов Д. А.* Жилища Тимоновской палеолитической стоянки. (По раскопкам В. А. Городцова).— СА, 1956, т. XXV, с. 13—34.
8. *Крайнов Д. А.* Значение трудов В. А. Городцова о палеолите.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37, с. 12—16.
9. *Крайнов Д. А.* К 100-летию со дня рождения В. А. Городцова.— СА, 1960, № 1, с. 120—124.
10. *Крупнов Е. И.* К 50-летнему юбилею научной деятельности проф. В. А. Городцова.— ВДИ, 1938, № 3, с. 236—238.

11. *Круппов Е. И.* О жизни и научной деятельности В. А. Городцова. (Доклад на заседании, посвященном памяти В. А. Городцова. 8 февраля 1955 г.).— СА, 1956, т. XXV, с. 5—12.
12. *Круппов Е. И.* Памяти В. А. Городцова.— ВДИ, 1946, № 3, с. 236—238.
13. *Лев Д. Н.* В. А. Городцов (К 50-летию научной и педагогической деятельности).— Вестник знания, Л., 1938, № 9, с. 61.
14. *Лев Д. Н.* Профессор В. А. Городцов (К 80-летию со дня его рождения).— Природа, 1940, № 5, с. 103—108.
15. *Левашова В. П., Трубникова Н. В.* В. А. Городцов и Гос. исторический музей.— Тр. ГИМ, 1960, вып, 37, с. 17—20.
16. *Розенфельдт Р. Л.* Рукописный архив В. А. Городцова.— СА, 1964, № 1, с. 342—345.
17. *Рыбаков Б. А.* Василий Алексеевич Городцов (1860—1945). (Некролог).— Изв. АН СССР. Сер истории и философии, 1945, т. 2, № 1, с. 47—49.
18. Старейший русский археолог Василий Алексеевич Городцов. (К 80-летию со дня рождения).— КСИИМК, 1940, вып. 5, с. 3, 4.
19. *Третьяков П. Н.* Рец. на кн.: Городцов В. А. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, 1933, вып. 85.— СЭ, 1934, № 4, с. 146—148.
20. *Фриче В. М.* В. А. Городцов (К сорокалетию его научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности). Тр. СА РАНИОН, 1928, т. 4, с. 5—8.
21. *Харламов Н.* Профессор Василий Алексеевич Городцов.— Сб. науч.-археол. кружка [при I МГУ], вып. 1. В честь В. А. Городцова. М., 1928, с. 1—3.
22. *Худяков М. Г.* К посещению Казани В. А. Городцовым [в 1920 г.].— Казанский музейный вестник. 1920, № 7—8, с. 117, 118.

ЖУКОВ Ю. Н.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОКУМЕНТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. А. ГОРОДЦОВА

Василий Алексеевич Городцов известен не только как выдающийся исследователь и педагог, но также и как талантливый организатор, один из первых руководителей археологической службы в молодой Советской республике. На протяжении ряда лет он возглавлял первый в нашей стране организационный и научно-методический центр археологической службы — археологический подотдел Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы Наркомпроса РСФСР, созданный в 1918 г., вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В. А. Городцов принял активное участие в работе отдела практически с момента его основания (1 июля 1918 г.). Он был назначен сначала членом коллегии, а в октябре 1918 г. возглавил созданный при его участии археологический подотдел.

Первоначально, в условиях начавшейся гражданской войны, В. А. Городцов и возглавляемый им подотдел ограничивались работой музейного и методического характера. В это время были выработаны основные принципы экспонирования материалов археологических отделов исторических и краеведческих музеев; много внимания уделялось инструктажу экскурсоводов. Однако уже в 1919 г. подотдел приступает к выдаче первых открытых листов. Они наряду с обязательными постановлениями Наркомпроса, губернских и областных исполкомов должны были пресечь, особенно на Дону и Северном Кавказе, хищнические грабительские раскопки. Открытые листы выдавались от имени отдела В. А. Городцовым на основании научных заключений Российской академии истории материальной культуры (РАИМК).

Одновременно подотдел приступил к сбору материалов и подготовке к изданию археологических карт страны. В начале 1920 г. В. А. Городцов по поручению Наркомпроса РСФСР совершил поездку по ряду приволжских городов, где не только вел пропаганду московского опыта музейно-экспозиционной работы, но и обсудил выработанный ранее план полевых исследований. В результате этой деятельности археологические раскопки развернулись на обширных территориях Поволжья, на Урале, в Сибири и Средней Азии.

К сожалению, начавшаяся деятельность подотдела, возглавлявшегося В. А. Городцовым, с 1921 г. начала постепенно свертываться. В 1921—1922 гг. подотдел был реорганизован в секцию, потерял свое значение, а его роль перешла к РАИМК.

О работе археологического подотдела в советской исторической литературе имеются только краткие упоминания. Нигде не отмечено, что подотдел возглавлял В. А. Городцов. Между тем в Центральном государственном архиве РСФСР, где сосредоточена основная часть документальных материалов Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы Наркомпроса РСФСР, хранятся несколько машинописных, не имеющих подписи отчетов археологического подотдела. Хотя авторство В. А. Городцова для этих документов легко угадывается, но лишь один отчет можно персонифицировать с уверенностью — он не только подписан В. А. Городцовым, но и целиком написан им от руки. Текст этого отчета, публикуемый ниже [1], представляет большой интерес не только как источник по

[1] ЦГА РСФСР, ф. 2307 (Главнаука), оп. 8, д. 252, л. 36—40. Примечания к тексту публикации составлены издателем.

истории отечественной археологии, но и как живое свидетельство непосредственной работы Василия Алексеевича Городцова на посту руководителя археологической службы молодой Советской республики.

Краткий отчет о деятельности Археологической секции Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы за 1918—1922 годы

Археологическая секция Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы организована из существовавшего с 6 октября 1918 года до 1 декабря 1921 года Археологического подотдела и к ней перешла вся работа последнего, каковая за весь отчетный период велась в трех направлениях: 1) в направлении административной деятельности, 2) в направлении научном и 3) в направлении научно-исследовательском.

В целях полной осведомленности о музеях РСФСР, в коих находятся археологические коллекции, составлен полный список государственных, общественных и бывших частных музеев и таким образом все музейные коллекции археологического значения находятся на учете. Организована постоянная связь с провинциальными научными обществами и учреждениями, с секциями по охране памятников, с отделами народного образования в целях планомерной работы и налажения таким путем систематической регистрации археологических коллекций и памятников. С целью выяснения наилучших способов ведения археологических исследований, раскопок и охраны подземных и наземных памятников, в виде древних стоянок, могильников, курганов, городищ и др., в 1920 г. Отдел командировал заведующего секцией, проф. В. А. Городцова в поволжские университетские города Ярославль, Нижний Новгород, Симбирск, Самару, Саратов, а также в неуниверситетские города Уфу и Белёв. Во всех этих городах устраивались специальные заседания обществ, университетов и представителей губернских отделов народного образования, где обсуждался нормальный устав губернских обществ и разрабатывались планы предстоящих археологических работ, музеям же сообщались и инструкции для расстановки и хранения археологических коллекций.

Результаты поездки представителя Отдела выразились в следующем:

1) Выработаны планы раскопок для губерний Нижегородской, Казанской, Самарской, Саратовской и Царицынской, причем планы последних трех губерний с 1921 года начали приводиться местными учеными в исполнение.

2) Выработан нормальный устав губернских археологических обществ и вновь открыты археологические общества в г. Белёве имени проф. В. А. Городцова, гг. Смоленске, Брянске и Царицыне.

3) Расставлены, согласно современным научным требованиям, при личном участии представителя Отдела проф. В. А. Городцова, археологические коллекции в музеях Н.-Новгорода, Симбирска, Саратова, Уфы и г. Белёва. Новые расстановки в музеях объяснялись представителем Отдела не только всем служащим в музеях, но и всем лицам, заинтересованным в правильной постановке археологических отделов музеев. Обыкновенно при первых объяснениях участвовали представители отделов народного образования, ученых историко-археологических обществ и университетов.

4) В Российском Историческом музее в Москве председатель Археологической секции проф. В. А. Городцов в течение 1918, 1919, 1920 и 1921 года давал объяснение им же самим расставленных доисторических коллекций всем руководителям школьных экскурсий и тем самым способствовал развитию еще **никогда**[2] не бывалому интересу в публике и в особенности среди учащейся молодежи, переполняющей залы музея.

Им совместно со всеми сотрудниками Отдела в 1921 и 1922 году совершены в разных пунктах Московской губ. показные раскопки[3], в которых принимали участие университеты и школы I и II ступени. Все эти работы проводились заведующим Археологической секцией проф. В. А. Городцовым и его сотрудниками совершенно без всякого вознаграждения и исключительно в праздничные, свободные от занятий дни.

Для предотвращения хищнического ведения раскопок Археологическая секция ходатайствовала перед Отделом об объявлении заповедными 1) все древние курганы и курганообразные холмы, содержащие памятники древности в Закаспийской области, 2) такие же памятники в Абаканской степи Минусинского округа Енисейской губ. и 3) ведутся переговоры о зачислении в заповедные участки Старорязанского городища и прилегающего к нему финского могильника, восходящего к глубокой древности[4].

Для ведения раскопок Археологическая секция постоянно ходатайствовала пе-

---

[2] Выделено В. А. Городцовым.

[3] Имеются в виду показательные раскопки.

[4] Работа по отбору наиболее ценных археологических материалов территорий велась более 10 лет и завершилась утверждением 10 декабря 1935 г. Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета первого в истории нашей страны списка находящихся под охраной государства 20 археологических заповедников и 92 археологических заказников.

ред Отделом о выдаче «Открытых листов» лицам, известным своим опытом в археологических раскопках, причем возможность ведения таких работ открылась только в 1919 г., когда были выданы первые «Открытые листы»:

1) Профессору Фр. Вл. Баллоду на право раскопок в развалинах города Увека близ Саратова и некоторых других пунктах Саратовской губ.,

2) Профессору А. С. Башкирову на право производства раскопок в Самарской губ.

В 1920 г. «Открытые листы» были выданы:

1) Профессору В. А. Городцову для раскопок в Белёвском уезде.

2) Т-щу Замошкину для раскопок по р. Дону в пределах Воронежской губ.

3) Казанскому обществу археологии, истории и этнографии для производства раскопок в Казанской губ.

5) [5] Самарскому обществу истории, археологии и этнографии для раскопок в Самарской губернии.

6) Профессору Фр. Вл. Баллоду для раскопок в Царицынской губ.

7) Проф. С. Н. Чернову для раскопок в Саратовской губ.

8) Разрешено произвести раскопки оставленным при 1-м Московском университете преподавателями т-щу Куфтину и Б. Н. Жукову.

9) Разрешено произвести археологические исследования берегов р. Енисея в пределах Минусинского и Красноярского округов Енисейской губ. товарищу Мергардту и С. М. Сергееву.

10) Разрешено произвести археологические исследования по южному берегу Крыма т-щу А. С. Моисееву.

12) [6] Профессору В. А. Городцову выдан «Открытый лист» на право раскопок курганов в окрестностях села Фили и Кунцевского городка, называемого «Проклятым местом», в Московском уезде.

13) Ему же выдан «Открытый лист» на право раскопок кургана в селе Введенское Звенигородского у. Московской губ., и в лесу близ Звенигорода, где была случайно обнаружена постройка XVI—XVII века.

В 1921 году «Открытые листы» выданы:

1) Преподавателю Ярославского университета Д. Н. Эдингу на право раскопок в Ярославской губ.

2) Профессору Смолину, на право раскопок в Казанской губ.

3) Профессору Бруно Федор. Адлеру на право раскопок в старом городище Булгары.

4) Профессору В. Вл. Гольмстем — на право раскопок по берегам р. Самары в пределах Самарской губ.

5) Проф. П. Н. Ефимову на право раскопок в Самарской губ. по верхнему течению р. Волги (Самарской луке).

6) Проф. А. С. Башкирову на раскопки по нижнему течению р. Волги, в пределах Самарской губ.

7) Проф. С. Н. Чернову и преподавателю П. С. Рыкову — на производство раскопок в Саратовской губ.

8) Профессору Фр. Вл. Баллоду на право раскопок в Царицынской губ.

9) Уфимскому городскому музею на право раскопок в пределах Уфимской губ.

10) Профессору В. А. Городцову на право производства археологических раскопок:

a) в окрестностях д. Дягеловой и села Саввина Богородского уезда Московской губ.

b) в г. Рузе, Московской губ., на старом городище.

c) в окрестностях села Рождествена, Воскресенского уезда Московской губ.

d) в окрестностях д. Кузецовки, Московской губ. и у.

e) в окрестностях села Болшева, того же у.

f) в окрестностях села Саввина, на Спасской горе, Богородского у. Московской губ.

g) в окрестностях д. Потылихи, на Сетунском городище.

h) в окрестностях д. Костиной Огубскозаводской волости Малоярославецкого у. Калужской губ.

11) Профессору Ю. В. Готье на право раскопок в Дьяковом городище, близ. г. Москвы.

12) Профессору В. Н. Клетновой на право раскопок в Смоленской губ.

13) Белёвскому археологическому обществу в Белёвском уезде Тульской губ.

В 1922 году выданы «Открытые листы»:

1) Проф. Д. Н. Эдингу на право производства раскопок в Ярославской губ.

2) Б. Н. Жукову на право производства раскопок в окрестностях села Соймы Балахнинского уезда Нижегородской губ.

3) Казанскому обществу археологии, истории и этнографии на право раскопок в Казанской губ.

4) Проф. В. В. Гольмстем на право производства раскопок по р. Самарке Самарской губ.

5) Проф. С. П. Рыкову на право раскопок по р. Волге в Саратовской губ.

6) Проф. Ф. Вл. Баллоду на право производства раскопок в Астраханской и Царицынской губ.

---

[5] Так в тексте; очевидно, описка.

[6] Так в тексте; очевидно, описка.

8) [7] Проф. В. А. Городцову на право производства раскопок:

a) в г. Москве у Нескучного сада и Андреевской богадельни, где вскрыты остатки поселения Дьякова типа времени около христианской эры.

b) в окрестностях села Фили Московской губ. и у.

c) в окрестностях д. Кузнецовки, Московской губ. и у.

d) в окрестностях д. Островцы, Бронницкий у. Московской губ.

e) в окрестностях д. Горки того же у.

f) в окрестностях д. Заозерье того же у.

g) в окрестностях д. Потаповой, Подольского у. Московской губ.

h) в окрестностях д. Боровой, того же у.

Раскопки в Казанской, Самарской, Саратовской, Цырицынской, Тульской, Калужской губ. производились на средства, отпущенные Отделом по делам музеев. Коллекции распределены на хранение по соответствующим губернским музеям. Раскопки в Моск. губ. велись почти без расходов, средствами тех учебных заведений, при участии которых раскопки производились.

В результате проведенных раскопок в Сибири было открыто по берегам р. Енисея 11 палеолитических стоянок, ранее же было открыто по всей Сибири только три палеолитических стоянки; в Крыму, по южному берегу открыто 28 неолитических стоянок, ранее же в Крыму была открыта всего только 1 неолит. стоянка в окрестностях г. Симферополя; открыты в Самарской губ. несколько неолитических стоянок и 1 очень интересная стоянка бронзовой эпохи; в Московской губ. раскопано 46 курганов и четыре городища и в Калужской губ. 1 городище и 4 кургана.

В курганах Московской губ. оказались славянские погребения XII—XV веков и более позднего времени. По р. Волге блестящие результаты получены при исследовании татарских древностей в Болгарах, в Увеке, Гюлистане, Старом и Новом Сарае профессором Фр. Вл. Баллодом. Результаты работ последнего в 1922 году поддержанные средствами Татреспублики превзошли всякое ожидание.

В общем результаты археологических раскопок, несмотря на многие препятствия (в виде эпидемий, голода), оказались не только не ниже, но гораздо выше нормальных результатов раскопок дореволюционных лет. Это явление объясняется той свободой, которая давалась сознательно Отделом исследователям, зарекомендовавшим себя с самой лучшей стороны планомерным ведением работ.

Для того, чтобы в ближайшем будущем развить столь же успешную работу по всей территории РСФСРеспублики председателем Археологической секции был выработан план систематических раскопок на территории всей Европ. России. План этот, по рассмотрению его, утвержден Отделом.

До переименования Археологического отделения [8] в секцию и сокращения штатов сотрудников отделения выполнялись крупные научные работы по подготовлению материалов для составления археологических карт, причем были собраны все материалы для карт палеолитической, неолитической и приступлено к сбору материалов для карты бронзовой эпохи. С сокращением штата сотрудников и за прекращением выдачи средств, работа эта в течение 1922 года не велась.

В заключение следует отметить, что в археологических раскопках, произведенных под руководством заведующего секцией и его сотрудников в пределах Московской и Калужской губерний нередко принимали участие преподаватели высших и средних учебных заведений, студенты 1-го Московского университета, студенты Университета трудящихся Востока, очень много учеников школ II и I ступени, причем заведующим секцией, а иногда и его сотрудниками читались для участников лекции и давались самые подробные объяснения во время хода раскопок.

Большой опыт в производстве археологических работ по исследованию и хранению археологических подземных и наземных памятников указал на необходимость выработки единого для всей РСФСР положения об организации всех археологических сил Республики и привлечения к работе крестьянских и рабочих масс, которые бы помогли сохранению рассеянных повсюду памятников и помогли научным исследованиям специалистами-археологами. В настоящее время эта работа поручена Отделом проф. В. А. Городцову и С. П. Григорову с тем, чтобы, по рассмотрению ее в Отделе, представить на рассмотрение в высшие инстанции.

19 января 1922 г.

г. Москва *В. А. Городцов*

---

[7] Так в тексте: очевидно, описка.

[8] Описка, следует читать подотдел.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Я. БРЮСОВА

29 сентября 1985 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося советского ученого, доктора исторических наук, профессора Александра Яковлевича Брюсова — одного из крупнейших специалистов в области изучения племен эпохи неолита и бронзы.

К археологии А. Я. Брюсов шел нетрадиционным путем. В 1907 г. он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где

учился до 1910 г. Затем несколько лет Александр Яковлевич посвятил путешествиям по странам Запада и Востока. Возможность увидеть памятники Египта, Греции, Италии и других стран расширила кругозор исследователя, а блестящее знание многих европейских языков позволило в подлинниках читать классиков английской, французской, итальянской, испанской и португальской литератур. Впервые в печати А. Я. Брюсов выступил со стихотворными произведениями, которые он подписывал различными псевдонимами. Кроме того, в его переводе были изданы классические произведения испанской, португальской и английской литератур.

Во время империалистической войны А. Я. Брюсов был призван в армию в качестве офицера пехоты и в 1915 г. попал в плен, вернулся на Родину только в 1918 г. Затем, вплоть до окончания гражданской войны, он находился в рядах Красной Армии.

Еще во время службы в армии, Александр Яковлевич поступил в 1-й Московский государственный университет, который окончил в 1927 г. вместе с такими впоследствии известными советскими археологами, как А. П. Смирнов, М. Е. Фосс, П. А. Дмитриев и др. Вся дальнейшая жизнь Александра Яковлевича была отдана археологии — изучению истории племен эпохи неолита и бронзы.

Первые годы своей археологической деятельности А. Я. Брюсов посвятил изучению памятников севера нашей страны. Вологодская область и Карелия по сути дела оставались еще «белыми пятнами» на археологических картах. В те годы археологические экспедиции финансировались весьма скупо и поиски и изучение памятников опирались в основном на энтузиазм исследователей. Тем не менее уже в 1928 г. Александр Яковлевич на основе открытых и изученных им памятников защитил кандидатскую диссертацию «Северо-запад СССР с конца III до начала I тысячелетия до н. э.».

Научные труды А. Я. Брюсова всегда отличали широкие теоретические построения, основанные на изучении фактического материала. В результате многолетних исследований памятников Карелии Александр Яковлевич еще до войны издал книгу «История древней Карелии» (позже эта книга была защищена А. Я. Брюсовым в качестве докторской диссертации). Уже в этой книге (1940 г.) были сформулированы первые варианты определения понятия «археологическая культура», многие годы являвшегося предметом специального, пристального внимания исследователя. Но основные вопросы, анализировавшиеся А. Я. Брюсовым в «Истории древней Карелии», были связаны прежде всего с проблемой истории племен в эпоху неолита на обширных территориях Русского Севера. Удалось доказать, что возникновение поселений эпохи неолита в Карелии связано с процессом расселения племен из Волго-Окского бассейна. Здесь же А. Я. Брюсов предложил интересный анализ древних эпосов — «Эдды» и «Калевалы» и предпринял попытку сопоставления сюжетов из этих эпосов с различными вариантами интерпретаций карельских петроглифов. На основании изучения этнографических данных по-новому толковался смысл ряда композиций петроглифов. А. Я. Брюсов, в частности, утверждал, что выбитые на петроглифах изображения огромных лодок с сидящими в них людьми доказывают существование у первобытных охотников Карелии больших судов. Однако это предположение вызвало резкие возражения ряда археологов. В науке было широко распространено мнение В. И. Равдоникаса о том, что эти лодки изображают не реальную действительность, а «мифические солнечные ладьи». Точку зрения А. Я. Брюсова поддерживал только известный исследователь петроглифов Карелии А. М. Линевский. И лишь обнаружение в 50-е годы на Дону больших выдолбленных из целых стволов дуба лодок (наиболее сохранившаяся из них достигала в длину 7,5 м) и стратиграфические условия находок, позволившие М. Е. Фосс датировать их не позднее III тыс. до н. э., подтвердили справедливость заключения А. Я. Брюсова.

В «Истории древней Карелии» А. Я. Брюсов подверг серьезной и обоснованной критике высказывание западных исследователей об «обезлюдении» севера в эпоху бронзы и миграции населения к югу. Утверждение, что в последующее время юг Скандинавии был заселен племенами, стоящими на более высоком уровне развития, чем на севере, населенном якобы отсталыми племенами лопарей, А. Я. Брюсов подверг резкой критике. На основе материалов стоянки эпохи бронзы Тамицы он доказал, что никакого «обезлюдения» севера не было. Сравнительно малое число известных к тому времени памятников объясняется прежде всего слабой изученностью территории. К тому же изменение климатических условий в эпоху позднего неолита в Карелии заставили людей менять места своих поселений, уходить с берегов водоемов и рек на более высокие места. А. Я. Брюсов настоятельно призывал начинать поиски мест поселений, не следуя традиционным подходам. Исследования последующих лет, проведенные учениками Александра Яковлевича, полностью подтвердили это положение.

Одним из интереснейших памятников, исследованных А. Я. Брюсовым, является свайное поселение на р. Модлона — первое свайное поселение, открытое в нашей стране. А. Я. Брюсов одним из первых советских археологов стал широко использовать методы естественных наук для датировки древних поселений. Для изучения свайного поселения на р. Модлона Александр Яковлевич привлек известного палеоботаника проф. С. Н. Тюремнова. Многочисленные пыльцевые диаграммы дали возможность высказать ряд положений об изменении климата в эпоху неолита на севере Вологодской области.

Другим крупным исследованием А. Я. Брюсова явилась монография «Очерки

по истории племен в неолитическую эпоху». Именно в этом труде был поставлен важный для археологической науки вопрос, что следует понимать под терминами «неолит» и «археологическая культура», разработана теория сегментации племен, дано определение понятия этнической общности. А. Я. Брюсов рассматривал этногенез как длительный исторический процесс. В книге показано, что в связи с сегментацией племен отпочковавшаяся культура в сравнительно короткий промежуток времени теряет близкое сходство с первоначальной и начинает развиваться в совершенно ином направлении. При этом разница в материальной культуре таких двух культур становится тем больше, чем дальше удалены они друг от друга. Здесь же был сформулирован тезис о том, как этнические общности при длительном процессе сегментации образовывали внутри себя группы. В частности, северные неолитические культуры, сложившиеся в результате сегментации племен из Волго-Окского бассейна, дали начало карельской, каргопольской, беломорской культурам.

В «Очерках» были рассмотрены также вопросы о необходимости изучения закономерностей развития первобытно-общинного строя на основе изучения археологических материалов. Эти материалы свидетельствуют о передвижении и перегруппировке племен, а без решения вопросов о миграциях не могут быть исследованы и сложные вопросы этногенеза. А. Я. Брюсов полагал, что этногенез — это длительный исторический процесс с образованием больших этнических общностей путем ассимиляции или вытеснения одних племен другими, а порою — полным исчезновением малых племен. Здесь же было высказано важное соображение о том, что любая археологическая культура неолитической и бронзовой эпох служит показателем этнического и соответственно языкового единства.

Большое значение для изучения истории племен Волго-Окского бассейна имело и выделение автором отдельных археологических культур — белевской, волосовской, льяловской и др. Основные положения этой культурной группировки остаются в силе и до настоящего времени, несмотря на огромный материал, накопленный за прошедшие после выхода работ А. Я. Брюсова десятилетия. Уточнения, неизбежные при развитии научных знаний, касаются главным образом частностей и не затрагивают существа поставленных исследователем проблем.

В 50-е годы, когда «Очерки» вышли в свет, они вызвали широкий интерес не только среди ученых в нашей стране, но и за рубежом. С существенными дополнениями книга А. Я. Брюсова была издана в ГДР.

Много работал Александр Яковлевич и над изучением культур боевых топоров. Изучая этот круг древностей, исследователь собрал огромный фактический материал по памятникам на территории нашей страны, познакомился с материалами из музеев Дании и Финляндии. Все это дало возможность определить ареалы распространения культур, определить области экспансии их носителей, наметить причины, вызвавшие эти перемещения, поставить ряд важных вопросов, связанных с проблемой происхождения культур. Публикация свода о находках каменных боевых топоров на территории европейской части СССР оказалась полезной для специалистов, работающих над решением проблемы сложения индоевропейской семьи народов.

Вопрос о происхождении индоевропейцев в научной работе Александра Яковлевича занимал большое место. В этом плане статья «К вопросу о индоевропейской проблеме» вызвала большой интерес не только у археологов, но и среди представителей смежных дисциплин.

Знание основных европейских языков позволяло Александру Яковлевичу постоянно следить за развитием зарубежной археологии. Все новейшие публикации им внимательно изучались, и отношение его ко многим выводам буржуазных археологов было весьма критическим. Особенно интересной работой Брюсова в этом плане явилась его статья «Кризис буржуазной археологии и поиски новых путей вслепую», где он подверг резкой критике работы Коссины. Другая работа А. Я. Брюсова — «К вопросу о заселении европейской части СССР в неолитическую эпоху» посвящена опровержению концепции Р. Индреко — ярого проповедника «цивилизирующего влияния германцев на дикие племена».

Диапазон научных интересов А. Я. Брюсова чрезвычайно широк. Всего им опубликовано свыше 200 работ, причем часть статей напечатана в целом ряде зарубежных стран: Англии, Франции, ГДР, Финляндии, Мексике.

Свою научно-исследовательскую работу в Институте археологии АН СССР Александр Яковлевич в течение 40 лет совмещал с работой в Государственном Историческом музее. Здесь прежде всего он проявил себя как прекрасный экспозиционер, блестяще умевший раскрыть сложные исторические процессы на археологическом материале.

Под руководством Александра Яковлевича были созданы экспозиции периферийных музеев: Череповецкого, Каргопольского, Петрозаводского и ряда других. Он не только консультировал работников этих музеев, но и передавал им значительную часть коллекций из своих раскопок, если они велись на их территории. Следует особо отметить исключительную четкость и аккуратность, даже педантичность Александра Яковлевича — черты, столь необходимые музейному работнику. Коллекции всегда были в идеальном порядке с обязательным указанием любого движения каждого отдельного предмета коллекции.

Нельзя не сказать и о педагогической деятельности А. Я. Брюсова. Уже начиная с 1927 г. он читал курсы лекций в высших учебных заведениях. Большой курс по археологии СССР А. Я. Брюсов прочитал в Петрозаводском государственном

университете. В 60-е годы он читал курс «Каменный век в СССР» в Московском государственном университете. Его лекции отличались глубиной и необычайной широтой охвата материала, а его эрудиция не находила себе равных. А. Я. Брюсов воспитал ряд учеников, которые продолжают начатые им работы в Карелии, на севере Вологодской области и в Волго-Окском бассейне.

В последние годы жизни А. Я. Брюсов возглавлял отдел полевых исследований Института археологии АН СССР и сделал очень много для совершенствования методики археологических исследований в СССР.

Советское Правительство высоко оценило научную и общественную деятельность Александра Яковлевича, наградив его орденом Ленина. Ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР и заслуженного деятеля науки Карельской АССР. Заслуги А. Я. Брюсова отмечены и зарубежными коллегами. Он являлся почетным членом «Доисторического Общества» в Англии, членом научного общества при Парижском университете и почетным членом Международного общества доисторических и раннеисторических знаний системы ЮНЕСКО.

Многочисленные ученики А. Я. Брюсова и ученики его учеников продолжают сегодня начатое им дело. Они с благодарностью вспоминают своего учителя, много лет возглавлявшего целое направление в советской археологии.

Раушенбах В. М.

НАУЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. И. РУДЕНКО

1 марта 1985 г. состоялось юбилейное заседание ученого совета Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, посвященное 100-летию со дня рождения выдающегося советского археолога Сергея Ивановича Руденко.

Заседание открыл зав. ЛОИА проф. В. М. Массон. Он охарактеризовал разностороннюю научную деятельность С. И. Руденко — археолога, этнографа, географа, организатора науки.

На заседании было прочитано три доклада. О жизненном и творческом пути С. И. Руденко рассказал П. М. Долуханов (Ленинград). Н. В. Бикбулатов и Р. М. Юсупов (Уфа) посвятили доклад исследованиям С. И. Руденко в области этнографии и антропологии башкирского народа. Л. Н. Гумилев (Ленинград) в увлекательной форме рассказал о выдающемся вкладе С. И. Руденко в понимание исторической роли кочевых народов Азии.

В творческой биографии С. И. Руденко отчетливо выделяются несколько этапов. Первый этап связан с исследованиями проблем этнографии и антропологии народов Поволжья, в особенности башкир. В предреволюционные годы и в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции С. И. Руденко провел ряд экспедиций, целью которых было изучение материальной и духовной культуры народов Поволжья, их быта, хозяйства, социального устройства. Материалы, собранные во время этих экспедиций, обобщены исследователем в нескольких монографиях и до настоящего времени остаются важнейшим источником по этнографии народов Поволжья. В те же годы С. И. Руденко провел обширные антропологические исследования, не имевшие равных в науке своего времени по объему и разнообразию антропометрических данных.

Второй этап научной биографии С. И. Руденко связан с открытием и всесторонним изучением уникальных памятников скифского времени в Горном Алтае. В 1929 г. и после длительного перерыва в 1947—1949 гг. в неимоверно тяжелых условиях под руководством С. И. Руденко были произведены раскопки курганов, в которых под слоем многолетней мерзлоты прекрасно сохранились разнообразные археологические, антропологические и фаунистические материалы. Всесторонний анализ этих материалов, осуществленный С. И. Руденко в нескольких монографиях (большинство которых было переведено на европейские языки), позволил исследователю восстановить социальную структуру, быт, духовную жизнь и разнообразные культурные связи с внешним миром обитателей Горного Алтая в первые века нашей эры.

Третий этап биографии С. И. Руденко-ученого связан с его участием в строительстве Беломорско-Балтийского канала. Оказавшись участником великой стройки, С. И. Руденко сумел в тех сложных условиях поставить свои знания и талант на службу Родине. Работая на различных участках строительства, С. И. Руденко предложил и осуществил ряд технических усовершенствований, имевших большое народнохозяйственное значение. Результаты гидрологических изысканий С. И. Руденко, проведенных в 30-е и 40-е годы, были обобщены им в диссертации, за которую ученый совет Государственного гидрологического института присудил ему ученую степень доктора технических наук. В грозные годы Великой Отечественной войны С. И. Руденко работал в составе гидрологической службы Ленинградского фронта. Его «ледовые прогнозы» обеспечивали работу «Дороги жизни» на Ладоге, спасшей жизни многим тысячам ленинградцев.

Следующий этап научной деятельности С. И. Руденко связан с крайним северо-востоком нашей страны. В 1946 г. по инициативе Академии наук СССР и управления Главморсевпути С. И. Руденко организует и проводит экспедицию на

Чукотский полуостров. В ходе работ этой крупной экспедиции были открыты и исследованы многие памятники древнейших обитателей Чукотки. Полученные данные имели крайне важное значение как для археологии Восточной Сибири, так и для древнейшей истории Северной Америки. Не случайно книга С. И. Руденко, посвященная исследованиям Чукотки, в связи с «эскимосской проблемой», была переведена на английский язык в Канаде.

Последний крупный этап научной биографии С. И. Руденко связан с внедрением в практику археологических исследований методов естественных наук. В 1957 г. С. И. Руденко создал и возглавил лабораторию археологической технологии ЛОИА. В короткий срок ему удалось собрать коллектив энтузиастов — физиков, химиков, биологов, географов. Работая в контакте с рядом научных учреждений Ленинграда и пользуясь постоянной поддержкой со стороны Президиума АН СССР, С. И. Руденко и его сотрудники впервые в СССР осуществили массовое радиоуглеродное датирование археологических материалов. В лаборатории производились дендрохронологические, палеозоологические, палинологические исследования, количественный и качественный химический анализы и спектральные исследования, металлографические анализы. В настоящее время лаборатория археологической технологии (с 1977 г. ею руководит канд. биол. наук Н. М. Ермолова) успешно развивает основные направления исследований, намеченных С. И. Руденко.

Заслуги С. И. Руденко были отмечены как в нашей стране, так и за рубежом. Он был награжден Большой золотой медалью Географического общества СССР, избран членом-корреспондентом Немецкого археологического института (ФРГ), Ютландского археологического общества.

Юбилей ученого был отмечен не только в Ленинграде, но и в других городах. В Уфе и Барнауле газеты поместили статьи, посвященные жизни и деятельности Сергея Ивановича. В Барнауле проведена юбилейная сессия, посвященная памяти С. И. Руденко.

Долуханов П. М.

НАУЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. И. МАКСИМОВОЙ

10 апреля 1985 г. состоялось расширенное совместное заседание ученого совета Государственного Эрмитажа и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, посвященное 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя античных древностей Марии Ивановны Максимовой.

Заседание открыл директор Эрмитажа акад. Б. Б. Пиотровский. Он подчеркнул, что с 1914 г. и до конца дней жизнь М. И. Максимовой была связана с Эрмитажем. За годы работы в отделе античного мира и отделении глиптики Эрмитажа М. И. Максимова внесла огромный вклад в изучение коллекций музея, подготовила поколение учеников, ныне продолжающих начатое ею дело.

В. М. Массон (Ленинград) в докладе «Мария Ивановна Максимова — исследователь античности» отметил плодотворность многолетней работы М. И. Максимовой в ГАИМК — ИИМК — ЛОИА и подчеркнул важность ее научной деятельности для развития советского антиковедения в целом. Круг интересов М. И. Максимовой был энциклопедически широк. Книга «Античные фигурные вазы», многочисленные статьи по античной глиптике и торевтике вышли из-под пера тонкого знатока и ценителя искусства; перевод «Анабасиса» Ксенофонта и комментарий к нему — работа превосходного филолога; «Артюховский курган» — пример всестороннего археологического анализа. М. И. Максимова — автор обобщающих исторических трудов: в ее статьях по древней истории Причерноморья, а в особенности в книге «Античные города юго-восточного Причерноморья», осуществлен синтез археологии и филологии в исследовании античной культуры.

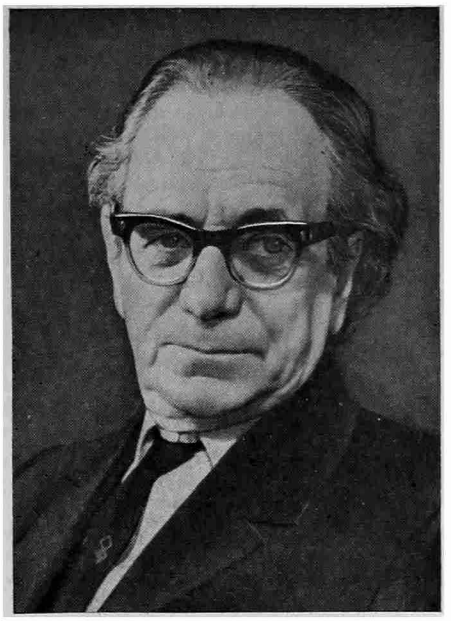
О. М. Лордкипанидзе (Тбилиси) в докладе «Вопросы древней истории Грузии в трудах М. И. Максимовой» рассказал о работе М. И. Максимовой как научного сотрудника АН ГССР и Государственного музея Грузии и ее участии в изучении и публикации находок из Мцхети и Армази. Он подчеркнул то неослабевающее внимание, которое Мария Ивановна, даже живя в Ленинграде, уделяла исследованию новых материалов по истории Грузии. С глубокой благодарностью докладчик вспоминал педагогическую деятельность М. И. Максимовой, ее постоянную заботу о подготовке молодых грузинских ученых.

Тематика докладов, вошедших в программу заседания, отражает широкий круг проблем, которые изучала М. И. Максимова, своим творчеством, непосредственным примером и участием побудившая большинство выступавших к разработке самых различных направлений в истории античной культуры. Е. Г. Кастанаян (Ленинград) в своем докладе проследила основные линии развития Порфмия в эллинистическую эпоху, его связи с боспорскими городами и варварами. Д. Б. Шелов (Москва) рассмотрел вопрос о месте причерноморских городов в государстве Митридата Евпатора. В докладах О. Я. Неверова (Ленинград) и М. М. Лесницкой (Ленинград) на материале коллекции Эрмитажа рассматривались некоторые вопросы истории античного портрета. Связям ремесел Колхиды со скифской куль-

турой был посвящен доклад А. М. Чкония (Тбилиси). Э. Д. Фролов (Ленинград) обратил внимание участников заседания на умение М. И. Максимовой глубоко проникать в текст античного автора, проявившееся в переводе «Анабасиса» Ксенофонта. Перевод М. И. Максимовой характеризуют точность соответствия тексту оригинала, прекрасное знание реалий, высокое литературное мастерство. А. И. Болтунова (Москва) остановилась на новых надписях из Горгиппии, освещающих важные аспекты религиозной жизни античного Причерноморья. Г. А. Тирацян (Ереван) сопоставил уровень развития древних племен юго-восточного Причерноморья и Армении и рассмотрел проблему их взаимодействия. Н. Л. Грач (Ленинград) посвятила свое выступление реконструкции ожерелья из кургана Куль-Оба. Д. С. Герцигер (Ленинград) прочитала доклад «Монетное зеркало из Ольвии» и определила специфический характер зеркал этого подобного ольвийскому типа. Н. З. Кунина (Ленинград) сравнила стеклянную пиксиду с расписной крышкой из собрания Эрмитажа с целой группой подобных сосудов. В докладе А. Н. Щеглова (Ленинград) рассматривались типы клейменых амфор некоторых причерноморских центров. Е. В. Мавлеев (Ленинград) рассмотрел влияние искусства Киклад на мастеров-камнерезов классического периода (на примере кикладских каменных сосудов из коллекции Эрмитажа).

Заседание вновь продемонстрировало, какое большое значение имеют труды Марии Ивановны Максимовой для изучения истории и культуры античного мира.

Устинова Ю. Б.



ПАМЯТИ МИХАИЛА ПЕТРОВИЧА ГРЯЗНОВА

Советская историческая наука понесла невосполнимую утрату. 18 августа 1984 г. на 82-м году жизни скончался крупнейший специалист в области археологии Сибири, Казахстана и Средней Азии, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Михаил Петрович Грязнов.

М. П. Грязнов родился 13 марта 1902 г. в г. Березове Тобольской губ. (ныне с. Березово, Ханты-Мансийский автономный округ Тюменской обл.) в семье инспектора городского четырехклассного училища.

В 1912—1919 гг. он обучался во 2-м Томском реальном училище, затем поступил в Томский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Летом 1920 г. на берегах Енисея он случайно попал в археологическую экспедицию, которой руководил преподаватель Томского университета С. А. Теплоухов. С этого времени определились научные интересы М. П. Грязнова в области археологии, антропологии и этнографии. Одновременно с занятиями в университете М. П. Грязнов в 1920—1922 гг. работал препаратором в кабинете географии Томского университета, ежегодно принимал участие в археологических экспедициях.

В 1922 г. он перевелся в Ленинградский университет. Днем учился, а вечером работал регистратором в РАИМК (1922—1925). В 1925 г. Михаил Петрович оставил университет, закончив три курса антропологического отделения физико-математического факультета. Он начал работать научным сотрудником Этнографического отдела Государственного Русского музея. Ведя самостоятельные раскопки (в 1924 г. близ г. Томска и в 1925 г. в верховьях р. Оби), М. П. Грязнов опубликовал первую научную работу, подготовил к печати вторую, прочел ряд научных докладов, посвященных археологии Южной Сибири. Уже первые научные работы Михаила Петровича отличались поразительным сочетанием глубины анализа затрагиваемых проблем и лаконичным изложением. Они сразу обратили на себя внимание ученых.

В период с 1925 по 1933 г. М. П. Грязнов одновременно работал научным сотрудником в Этнографическом отделе Государственного Русского музея и в ГАИМК. Его научные интересы в ту пору были сосредоточены на исследовании памятников преимущественно эпохи бронзы и раннего железного века на юге Сибири и в Казахстане: полевые изыскания были тесно связаны с Алтайским краем, Казахстаном и Киргизией. Наиболее важным результатом работ Михаила Петровича явилось установление хронологической последовательности древних культур Алтая (Древние культуры Алтая. Материалы по изучению Сибири, 1930, вып. 2) и выяснение территориального членения культур эпохи бронзы в Сибири и Казахстане (Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане.— В кн.: Казаки, 1927, вып. II.: Казахстанский очаг бронзовой культуры.— В кн.: Казаки, 1930, вып. III.

Очень важны для древней истории нашей страны полевые исследования М. П. Грязнова по изучению скифского периода в Горном Алтае. При раскопках сохранившихся в вечной мерзлоте больших курганов (Шибе, 1927 г.; Пазырык, 1929 г.) были получены яркие памятники культуры и искусства «ранних кочевников». В ГАИМК М. П. Грязнов вошел в тематическую группу, изучавшую проблему «Возникновение кочевого скотоводства». Эта тема на многие годы увлекла Михаила Петровича. В 1939 г. он впервые сформулировал определение эпохи ранних кочевников как особого периода в истории Евразии (макет «История СССР», ч. I, II), и это определение надолго вошло в специальную литературу.

С 1937 г. началась работа М. П. Грязнова в Государственном Эрмитаже, а с

1939 г. по июнь 1941 г. он являлся старшим научным сотрудником ИИМК АН СССР. В эти годы исследователь завершил тему по изучению памятников эпохи бронзы и ранних кочевников. Появилась первая книга о Пазырыкском кургане (Л., 1937) и был завершен большой рукописный труд, опубликованный позже в сокращенном виде (Первый Пазырыкский курган. Л., 1950).

В дни Великой Отечественной войны, с августа 1941 г. до 1945 г., хранитель музея М. П. Грязнов был эвакуирован с ценностями Эрмитажа в г. Свердловск, где продолжал заниматься разработкой методики изучения древних орудий труда по следам их работы (трасология) и проблемами истории искусства ранних кочевников Сибири. В 1942 г. он производил раскопки стоянок палеолита и ранней бронзы на р. Чусовой. В январе 1945 г. Михаил Петрович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане», а в июне того же года получил ученую степень доктора исторических наук, представив в ученый совет ИИМК АН СССР рукописную монографию «Пазырык — погребение племенного вождя на Алтае».

Возвратившись в Ленинград осенью 1945 г., М. П. Грязнов начал работать в Институте истории материальной культуры АН СССР (сначала по совместительству в 1945—1947 гг., а с 1948 г. в должности старшего научного сотрудника). В 1946—1954 гг. Михаил Петрович производил раскопки в районе с. Большая речка на Верхней Оби. Здесь открыты ранее неизвестные новые культуры и установлена хронологическая шкала культур лесостепной полосы Южной Сибири начиная от эпохи бронзы и до XIII в. н. э. На этой основе удалось воссоздать контуры истории лесной полосы Южной Сибири, показать, в частности, что на Верхней Оби ранних кочевников не было, а заселяли эту территорию оседлые племена.

В эти же годы М. П. Грязнов внимательно изучал проблемы сложения и развития культур эпохи бронзы и скифского времени в Казахстане и Южной Сибири. Этой теме исследователь посвятил ряд работ («Первый Пазырыкский курган», 1950; «Древнее искусство Алтая», 1958; «Древнейшие памятники героического эпоса в Южной Сибири», 1961), прочно вошедших в число настольных книг специалистов не только в нашей стране, но и за рубежом.

Для работ М. П. Грязнова характерна тонкость и точность наблюдения, огромное внимание к вопросам технологии и бытового использования древних вещей, что позволяло исследователю подмечать многие явления, которые зачастую не привлекали внимания. Михаил Петрович был мастером извлечения максимальной информации из каждой древней вещи. Эти качества давали ему возможность восстанавливать судьбы древнего населения нашей страны в совершенно новых аспектах и с такими подробностями, которые, казалось, не были доступны для археологии. С особым вниманием и компетентностью Михаил Петрович разрабатывал вопросы хозяйственной и бытовой истории древнего общества, не оставляя без внимания и социальные отношения и идеологию.

Вершиной научного наследия М. П. Грязнова являются его книга «Южная Сибирь» (серия «Археология мира». «Sudsibirien Archaeologia Mundi», вышедшая в 1969 и 1970 гг. одновременно на английском, французском и немецком языках в Штуттгардте, Мюнхене, Женеве и Париже) и «Аржан — царский курган раннескифского времени» (Л., 1980). За эти работы М. П. Грязнов в 1983 г. был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Монография «Южная Сибирь» стала своего рода итогом многолетних работ автора по археологии южной Сибири эпохи металла. В значительной степени материал для нее получен в результате многочисленных археологических раскопок автора и его сотрудников. Основное содержание книги — археология и история культуры древних племен Саяно-Алтая в эпоху бронзы и раннего железа, т. е. с начала развития производящих форм хозяйства по скифское время включительно (с III тыс. по I в. до н. э.).

История развития древних культур одного из важнейших в географическом и историко-культурном отношении регионов азиатской части СССР рассматривается по трем основным разделам: энеолит или медный век, развитая эпоха бронзы, эпоха «ранних кочевников». В каждом разделе дается общий обзор основных источников, на основании которых восстанавливается уровень развития основных производств (орудия труда, металлообработка, хозяйство) и обусловленная ими форма домашнего и хозяйственного быта (дом, домашняя утварь, пища, одежда); далее реконструируются форма семьи и социальный строй и, наконец, в связи со всем этим — особенности мировоззрения общества, отраженные в изобразительном, орнаментальном и других искусствах.

М. П. Грязнов убедительно показывает, что исторический процесс в Саяно-Алтае был сходен в общих чертах с процессом развития других племен степной полосы Евразии. Население степей пережило в общем синхронно, хотя и с некоторыми отклонениями, одинаковые этапы в развитии своей культуры.

Энеолитическая эпоха (конец III — первая половина II тыс. до н. э.) охарактеризована в работе на примере памятников афанасьевской и окуневской культур, сложившихся на автохтонной основе предшествующего культурного развития этого региона. Эпоха бронзы воссоздана благодаря многолетнему систематическому изучению памятников андроновской и карасукской культур (середина II тыс.— VIII в. до н. э.). Памятники эти, особенно карасукские, автором исследованы досконально; выделены два основных этапа развития культуры — собственно карасукский (XIII—XI вв. до н. э.) и каменоложский (X—VIII вв. до н. э.), обоснованно автохтонное происхождение карасукской культуры.

Коренные перемены социально-экономического характера, происходившие в жизни населения Южной Сибири в I тыс. до н. э., получили убедительное освещение в третьей главе, посвященной истории «ранних кочевников». М. П. Грязнов воссоздал диалектическую картину процесса сложения и развития древних скотоводческих и земледельческих племен Южной Сибири, одновременно и самобытных по культуре, и в то же время сходных в основных чертах с другими племенами Великого пояса степей.

Монография М. П. Грязнова «Южная Сибирь», изданная на трех европейских языках, представила зарубежным читателям прекрасный образец освещения истории древнейшего прошлого и высокой культуры народов Южной Сибири и тем самым продемонстрировала перед буржуазной наукой лучшие традиции и глубокий историзм советской исторической науки.

Одной из самых ярких творческих удач М. П. Грязнова в многолетнем изучении археологии Южной Сибири явились раскопки кургана Аржан в Туве, проводившиеся в 1971—1974 гг. В книге «Аржан — царский курган раннескифского времени» изложены их результаты. М. П. Грязнову удалось восстановить первоначальный облик Аржана, проследить в деталях последовательность сооружения кургана, совершения погребального обряда и поминальной тризны. Тем самым было зафиксировано значительное событие в истории центральноазиатских кочевников, не отразившееся в письменных источниках.

Материалы, полученные в результате раскопок кургана Аржан, подняли ряд кардинальных вопросов по истории сложения «скифского мира», позволили переосмыслить ход исторического развития в кочевом мире на заре его становления. Памятник, состоящий из 29 закрытых археологических комплексов захоронений людей и лошадей, представляет исключительную важность для хронологии. Опираясь на весь комплекс археологических признаков, включая серийные категории находок и данные радиоуглеродного анализа, М. П. Грязнов датировал курган и выделенный им «аржанский этап» — VIII—VII вв. до н. э. По мнению исследователя, культуры скифского облика сложились в развитой форме уже в VIII в. до н. э., причем основные культурные достижения этого времени возникли повсеместно в степях Евразии, а не распространялись из Ирана или Причерноморья. Не исключено, что роль саяно-алтайских кочевников была в этом процессе гораздо значительнее, чем собственно скифов. Эту начальную стадию в развитии культур скифского облика М. П. Грязнов предложил назвать «аржано-черногоровской фазой» в истории кочевых племен евразийского пояса степей. Несмотря на спорность датировки, а следовательно, и интерпретации, предложенной автором, книга закономерно привлекла внимание широкого круга специалистов и вызвала появление ряда печатных отзывов, высоко оценивших значение работы М. П. Грязнова (рецензии А. П. Окладникова, Ю. С. Худякова, А. И. Тереножника, А. А. Аскарова).

М. П. Грязнов принадлежал к числу ученых, работы которых отличаются ярким и своеобразным исследовательским почерком. Его научное наследие насчитывает свыше 130 печатных работ. Эти труды были в основном построены на результатах первоклассных раскопок самого М. П. Грязнова. С 1946 г. М. П. Грязнов руководил археологическими экспедициями, работавшими в Сибири (Северо-Алтайской, Новосибирской, Иркутской обл.), а с 1955 по 1970 г. он возглавлял одну из крупнейших в СССР экспедиций — Красноярскую. Можно без преувеличения сказать, что на материалах Южной Сибири Михаилом Петровичем выработана едва ли не самая совершенная в нашей стране методика комплексного исследования погребальных памятников. Он широко применял корреляционный метод для исследования массовых археологических материалов. Многие его работы широко известны не только в Советском Союзе, но и за рубежом.

М. П. Грязнов был хорошим педагогом. Начиная с 1946 г. он вел лекционные курсы на историческом факультете Ленинградского университета по археологии Сибири и трасологии, обеспечивая подготовку высококвалифицированных кадров археологов. С 1951 г. он руководил подготовкой аспирантов на кафедре археологии ЛГУ и в ЛОИА АН СССР. В руководимых им экспедициях Михаил Петрович прививал студентам навыки работы над археологическими объектами, умение заметить и раскрыть значение мельчайших особенностей памятников и тем самым повысить их историко-познавательную ценность.

Творческий путь ученого характеризуют не только его книги, но и его ученики. Терпеливо и с любовью воспитанные М. П. Грязновым его ученики ныне стали видными учеными-археологами, плодотворно работающими в республиканских академиях наук, в университетах и педагогических вузах нашей страны и за рубежом.

Являясь консультантом ряда археологических институтов в республиках Средней Азии и Казахстане, Михаил Петрович много внимания и энергии уделял обучению молодых специалистов. Двадцать его учеников стали кандидатами, а трое — докторами наук (Г. А. Максименко, Я. А. Шер, А. А. Аскаров). Его ученик А. А. Аскаров избран членом-корреспондентом АН УзССР. Под руководством М. П. Грязнова прошли аспирантуру и успешно защитили диссертации иностранные специалисты.

Научно-педагогическая деятельность М. П. Грязнова теснейшим образом связана с Музеем этнографии народов СССР и Государственным Эрмитажем. Он был опытным музейным работником. Благодаря неутомимой экспедиционной деятельности собранные им палеоантропологические коллекции составляют значительную часть коллекционного фонда Музея антропологии и этнографии АН СССР. Они

имеют громадное научное значение для исследования проблем расового состава и происхождения народов Сибири.

С 1934 по 1936 г., находясь в г. Кирове, М. П. Грязнов выполнял задания по экспозиционной работе в Кировском областном музее краеведения, а в 1936 г. стал его старшим научным сотрудником. Результатом деятельности Михаила Петровича в «кировский период» была систематизация коллекций, составление описей и каталога на них. Изучая фонды Кировского областного музея, М. П. Грязнов определил культурную принадлежность некоторых из его археологических коллекций, пропагандировал свою науку.

С 1937 по 1948 г. М. П. Грязнов работал старшим научным сотрудником в Государственном Эрмитаже, заведовал отделением Сибири и Казахстана в Отделе истории первобытной культуры, в 1948—1959 гг. он работал там по совместительству, а с 1960 г.— научным консультантом на общественных началах. В годы Великой Отечественной войны особо следует отметить его самоотверженную работу по спасению сокровищ Эрмитажа, за которую он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В 1954 г. М. П. Грязнов награжден орденом «Знак Почета», а позднее — медалью «Ветеран труда».

Благодаря неутомимой полевой экспедиционной работе Михаила Петровича Эрмитаж получил ряд ценнейших коллекций. В числе их памятники эпохи бронзы, знаменитые Пазырыкский и Шибинский курганы, оленные камни, царский курган Аржан. Михаил Петрович постоянно выступал в Эрмитаже. Особенно популярными среди молодых ученых были лекции по трасологическим исследованиям, посвященные изучению следов, признаков изношенности, сложных, многовековых отложений, обнаруживаемых на древних предметах и орудиях. Внедренная М. П. Грязновым в полевую практику четкая методика раскопок позволяет извлечь из объекта максимум информации и реконструировать все стадии его создания и разрушения.

Прекрасный популяризатор археологической науки, М. П. Грязнов являлся активным участником лектория ЛОИА, читая популярные лекции в Ленинграде и за его пределами. Он умел найти точные слова, которые убеждали слушателей в важности совершаемого им дела и в большом значении археологии для необходимого каждому культурному человеку познания далекого прошлого истории человечества.

Научно-исследовательскую работу М. П. Грязнов всегда сочетал с педагогической, лекторской и административной деятельностью. С 1949 г. он заведовал лабораторией камеральной обработки, а с 1957 г.— лабораторией археологической технологии Института археологии АН СССР, 15 лет заведовал сектором Средней Азии и Кавказа в ЛОИА (1953—1968 гг.), а последние 10 лет возглавлял Ленинградскую секцию отдела полевых исследований при Президиуме АН СССР.

В археологическую летопись нашей страны Михаил Петрович Грязнов вошел как выдающийся советский археолог, один из ведущих специалистов по древней истории Сибири и по культурам, оставленным скотоводческими племенами в степном поясе Евразии.

Неизменная благожелательность, отзывчивость, спокойная ровность в обращении снискали ему заслуженную любовь и уважение всех коллег, от маститых ученых до начинающих студентов.

Аванесова Н. А., Кызласов Л. Р.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ М. П. ГРЯЗНОВА *

1. Остатки человека. Техника сбора и закрепления костей. А. Сбор.— Материалы по методике археологической технологии. РАИМК, 1924, вып. 1.
2. Инструкция для измерения черепа и костей человека.— Материалы по методике археологической технологии. РАИМК, 1925, вып. 5 (совместно с С. И. Руденко).
3. Бийская старина.— Газ. «Звезда Алтая», 1925, № 143.
4. Раскопки на р. Урале.— Природа, 1926, № 9—10.
5. Доисторическое прошлое Алтая.— Там же.
6. Каменные изваяния Минусинских степей.— Природа, 1926, № 11—12 (совместно с Е. Р. Шнейдером).
7. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане.— В кн.: Казаки. Материалы ОКИСАР. Л., 1927, вып. 11.
8. Описание костей человека из древних могил на р. Урале.— Там же.
9. Раскопка княжеской могилы на Алтае.— Человек. 1928, № 2—4.
10. Fürstengräber im Altaigebiet.— Wiener Prähist. Z., 1928, XV.
11. Бронзовый кинжал с оз. Кото-Кёль.— В кн.: Бурятиеведение, 1929, I—II.
12. Древние изваяния Минусинских степей.— Материалы по этнографии. Л., 1929, т. IV, вып. 2 (совместно с Е. Р. Шнейдером).
13. Ein Bronzener Dolch mit Widdercopf aus Ost Sibirien.— Artibus Asiae, 1928—1929, № 4.
14. Археологические исследования Сибири; Архитектура жилищ и построек туземцев Сибири; Аспелин; Гейкель; Городища.— ССЭ, 1929, т. 1.
15. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае.— Природа, 1929, № 11.
16. Пазырыкский курган на Алтае.— Человек и природа, 1929, № 24.

* Составлен Н. А. Аванесовой и Л. Р. Кызласовым.

17. Казахстанский очаг бронзовой культуры.— В кн.: Казаки. Материалы ОКИСАР. Л., 1930, вып. 15.
18. Древние культуры Алтая.— Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930, вып. 2.
    То же.— Бюл. Зап.-Сиб. о-ва краеведения, 1930, № 3—4.
    То же (на япон. яз.).— J. Antropol. Soc. Tokyo, 1931, XLVI, № 521.
19. Значение древесины в определении относительного возраста древних сооружений.— Природа, 1931, № 2.
20. Каменные бабы.— ССЭ, 1931, т. II.
21. Остатки человека из культурного слоя Афонтовой Горы.— Тр. Комиссии по изучению Четвертичного периода, 1932, т. 1.
22. Мартин.— ССЭ, 1932, т. III.
24. Графический метод вычисления нормальной кривой вариационного ряда.— Антропол. журн., 1933, № 1—2.
24. The Pazirik Burial of Altai.— Amer. J. Archaeol., 1933, v. XXXVII.
25. Боярская писаница.— ПИМК, 1933, № 7—8.
26. Внешние признаки памятников и простейшие приемы их учета и охраны.— Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках / Сост. Артамонов М. И., Грязнов М. П., Латынин Б. А. Л.: ГАИМК, 1933.
    То же. 2-е изд. Л.: ГАИМК, 1934.
    То же. 3-е изд., перераб. Л.: ГАИМК, 1935.
27. Золото Восточного Казахстана и Алтая.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 110.
28. Пазырыкский курган (с параллельным французским текстом). Л., 1937.
29. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР.— ВДИ, 1938, № 3 (совместно с М. В. Воеводским).
30. Эпоха бронзы в Сибири и Казахстане; Массагеты и саки; Усуни; Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана.— В кн.: История СССР (макет). Ч. I—II. М.— Л., 1939.
31. Раскопки на Алтае.— СГЭ, 1940, вып. I.
32. Сибирь и Казахстан в эпоху бронзы; Культура и искусство ранних кочевников Сибири.— В кн.: Гос. Эрмитаж. Общий путеводитель. Л., 1940, вып. 1.
33. Древняя бронза Минусинских степей: 1. Бронзовые кельты.— Тр. ОИПК (Эрмитаж). Л., 1941, т. I.
34. Рец. на кн.: Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.— КСИИМК, 1945, вып. XI.
35. Без названия, о статье С. В. Киселева «Находки античных и византийских монет на Алтае».— КСИИМК, 1945, вып. XI.
36. Хозяйство, быт и социальный строй ранних кочевников Алтая по раскопкам Пазырыкского кургана.— СГЭ, 1945, вып. III (резюме доклада).
37. Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды.— СА, 1946, т. VIII.
38. К методике определения типа рубящего орудия.— КСИИМК, 1947, вып. XVI.
39. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае.— КСИИМК, 1947, вып. XVIII.
40. Работы Алтайской экспедиции.— КСИИМК, 1947, вып. XXI (тезисы доклада).
41. Сибирь и Казахстан в неолите и бронзовом веке; Культура и искусство ранних кочевников Сибири.— Краткий путеводитель по отделу истории первобытной культуры. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948.
42. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах.— КСИИМК, 1949, вып. XXVI.
43. Золотая бляха с изображением борьбы животных.— В кн.: Сокровища Эрмитажа. Л., 1949.
44. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами.— СА, 1950, т. XII.
45. Костяное орудие палеолитического времени из Западной Сибири.— КСИИМК, 1950, вып. XXXI.
46. Первый пазырыкский курган. Л., 1950.
47. Рец. на кн.: Руденко С. И. и Н. М. Искусство скифов Алтая.— Вестн. Ленингр. ун-та, 1950, № 1.
48. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950.
49. Археологическое исследование территории одного древнего поселка на р. Оби.— КСИИМК, 1951, вып. XL.
50. Итоги трехлетних работ на Верхней Оби.— Тезисы докладов на сессии отделения истории и философии и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований. 1946—1950 гг. М., 1951.
51. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане.— СА, 1952, т. XVI.
52. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби.— КСИИМК, 1952, вып. XLVIII.
53. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону.— КСИИМК, 1953, вып. L.
54. Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее.— МИА, 1953, № 39.
55. Колесница ранних кочевников Алтая.— СГЭ, 1955, вып. VII.
56. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири.— КСИЭ, 1955, XXIV.
57. Выставка памятников культуры и искусства ранних кочевников Алтая.— СГЭ, 1955, XIII.

58. Пазырык.— БСЭ, 1955, т. 31.
59. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.— КСИИМК, 1956, вып. 61.
60. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка.— МИА, 1956, № 48.
61. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири.— КСИИМК, 1956, вып. 64.
62. Войлок с изображением борьбы мифических чудовищ из Пятого Пазырыкского кургана на Алтае.— СГЭ, 1956, вып. IX.
63. Культура и искусство населения Сибири и Казахстана в эпоху бронзы.— Путеводитель по выставке. Первобытная культура. Выпуск второй. Гос. Эрмитаж. Л., 1956.
64. Племена Сибири и Казахстана (в эпоху бронзы); Племена Сибири... в I тысячелетии до н. э.— В кн.: Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства. М., 1956.
65. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы.— КСИЭ, 1957, вып. XXVI.
66. Древнее искусство Алтая. Л., 1958 (с параллельным французским текстом).
67. Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тысячелетии до н. э.— Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.— Л., 1959.
68. Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки.— КСИИМК, 1956, вып. 80.
69. По поводу одной рецензии.— СА, 1960, № 4.
70. От редактора (к книге С. С. Черникова «Восточный Казахстан в эпоху бронзы»).— МИА, 1960, № 88.
71. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС.— Научн. конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов и сообщений. Иркутск, 1960.
72. Так называемые оселки скифо-сарматского времени.— В кн.: Исследования по археологии. Сборник статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л., 1961.
73. Курган, как архитектурный памятник.— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961.
74. Древнейшие памятники героического эпоса в Южной Сибири.— АСГЭ, 1961, вып. 3.
75. Памятка по раскопкам грунтовых могильников. Л., 1961.
76. От редактора (к книге В. С. Сорокина «Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I...»).— МИА, 1962, № 120.
77. Антропоморфная фигурка бронзового века с реки Оби.— СГЭ, 1962, вып. XXII.
78. Бронзовый век; Саки и Усуни.— В кн.: История Киргизии. Фрунзе, 1963, т. 1.
79. О так называемых женских статуэтках трипольской культуры.— АСГЭ, 1964, вып. 6.
80. Археологические раскопки на Енисее.— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М., 1964.
81. Прикладное и декоративное искусство на Енисее в скифское время.— Тезисы докладов на юбилейной научной сессии. Л.: Гос. Эрмитаж, 1964.
82. Ковер ворсовый из Пятого Пазырыкского кургана; Бляха золотая из Сибири.— В кн.: Эрмитаж. Л., 1964.
83. Работы Красноярской экспедиции.— КСИА, 1965, вып. 100.
84. О кельтеминарском доме.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965.
85. О чернолощенной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы.— КСИА, 1966, вып. 108.
86. Курганы IV—III вв. до н. э. на оз. Сарагаш.— КСИА, 1966, вып. 107 (совместно с М. Н. Пшеницыной).
87. Работы Красноярской экспедиции.— Тез. докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 года. М., 1966.
88. Восточное Приаралье.— В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.— Л., 1966.
89. Надпись или олень? (По поводу одной публикации).— Народы Азии и Африки, 1966, № 2 (совместно с С. Г. Кляшторным).
90. Раскопки могильников в Западной Сибири.— АО — 1965. М., 1966 (совместно с М. Н. Комаровой).
91. Ранние кочевники Алтая. Скифия и Алтай.— В кн.: Путеводитель по залам Эрмитажа. Л.— М., 1966.
92. Карасукский могильник Кюргеннер.— АО — 1966. М., 1967 (совместно с М. Н. Комаровой).
93. Афанасьевская культура (совместно с Э. Б. Вадецкой); Карасукская культура (совместно с Г. А. Максименковым и Б. Н. Пяткиным); Тагарская культура.— В кн.: История Сибири. Л., 1968, т. 1.
94. Степные скотоводческие племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы.— Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии. Л., 1968.
95. Работы Карасукского отряда.— АО — 1967. М., 1968.
96. Бронзовый век; Саки; Усуни.— В кн.: История Киргизской ССР. Фрунзе, 1968, т. 1.
97. Раскопки у горы Тепсей на Енисее.— АО — 1968. М., 1969 (совместно с М. Н. Комаровой).
98. Ковер ворсовый из Пятого Пазырыкского кургана; Бляха золотая из Сибири.—

В кн.: Сокровища Эрмитажа. 2-е изд. Л., 1969.
99. Эпоха бронзы в СССР.— Тезисы докладов на сессии Отделения истории Академии наук СССР... 18—25 апреля 1969 г. Л., 1969.
100. Sibirie du Sud. Archaeologia Mundi. Женева, 1969 (на франц., нем. и англ. яз.).
101. Классификация, тип, культура.— В кн.: Теоретические основы советской археологии (Тезисы докладов). Л., 1969.
102. Археологические коллекции Красноярской экспедиции.— СГЭ, 1970, вып. XXXI.
103. Могильники у г. Тепсей.— АО — 1969. М., 1970.
104. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы.— КСИА, 1970, вып. 122.
105. Миниатюры таштыкской культуры.— АСГЭ, 1971. вып. 13.
106. Комплекс таштыкских погребальных памятников у г. Тепсей.— АО — 1970. М., 1971.
107. Методы исследования мегалитических погребальных памятников по итогам работ Красноярской экспедиции.— Тезисы докладов. Тбилиси, 1971.
108. Раскопки царского кургана раннескифского времени в Туве.— Краткие тезисы докладов к пленуму, посвященному итогам археологических исследований 1971 года. ЛОИА АН СССР. Л., 1972 (совместно с М. Х. Маннай-оолом).
То же.— Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.
109. Бык в обрядах и культе древних скотоводов.— Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972.
110. Аржан — царский курган раннескифского времени в Туве.— АО — 1971. М., 1972 (совместно с М. Н. Маннай-оолом).
111. Обследование берегов Красноярского моря.— АО — 1971. М., 1972 (совместно с Г. А. Максименковым).
112. Раскопки кургана Аржан в Туве.— АО — 1972. М., 1973 (совместно с М. Х. Маннай-оолом).
113. Почва и археологические памятники в их взаимодействии.— Тезисы докладов сессии. Ташкент, 1973.
114. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища.— В кн.: Вопросы археологии Сибири. Научные труды Новосибирского ГПИ. Новосибирск, 1973, вып. 85 (совместно с Т. Н. Троицкой, А. П. Уманским и Э. А. Савостьяновой).
115. Курган Аржан — могила «царя» раннескифского времени — УЗ ТНИИЯЛИ, 1973, XVI (совместно с М. Х. Маннай-оолом).
116. Третий год раскопок кургана Аржан.— АО — 1973. М., 1974 (совместно с М. Х. Маннай-оолом).
117. Курган Аржан по раскопкам 1973—1974 гг.— УЗ ТНИИЯЛИ, 1975, XVII (совместно с М. Х. Маннай-оолом).
118. К хронологии древнейших памятников эпохи ранних кочевников.— УСА, 1975, вып. 3.
119. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан.— В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975.
120. Окончание раскопок кургана Аржан.— АО — 1974. М., 1975 (совместно с М. Х. Маннай-оолом).
121. Курган Аржан в Туве и вопросы сложения культур скифо-сибирского типа.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975, ч. II.
122. Дневник раскопок Тоянова Городка, проведенных в 1924 г.— Из истории Сибири. Томск, 1976, вып. 13.
123. Раскопки у г. Тепсей на Енисее.— АО — 1975. М., 1976.
124. Монументальная скульптура скифского времени в степях Евразии и в Приуралье.— В кн.: Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976.
125. Аржан. Культура скифо-сибирского типа.— Курьер ЮНЕСКО, 1977, январь.
126. Раскопки у г. Тепсей.— АО — 1976. М., 1977. (совместно с Ю. С. Худяковым и Н. А. Боковенко).
127. Бык в обрядах и культах древних скотоводов.— В кн.: Проблема археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
128. Саяно-алтайский олень (Этюд на тему скифо-сибирского звериного стиля).— В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, вып. 2.
129. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан.— КСИА, 1978, вып. 154.
130. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979 (совместно с М. П. Завитухиной, М. Н. Комаровой и др.).
131. Основные проблемы археологии Сибири.— В кн.: Советская археология в 10-й пятилетке. Всесоюзная конференция (тезисы). Л., 1979.
132. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980.
133. Монументальное искусство на заре скифо-сибирских культур в степной Азии.— Краткие тезисы докладов научной конференции ОИПК ГЭ. Л., 1981.
134. О кенотафах.— В кн.: Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982.
135. Археологическая трасология.— Программа спецкурса. Свердловск, 1982.
136. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур.— В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1985 ГОД

	№	стр.
Абдуллаев К. А., Завьялов В. А. Сосуды на зооморфных подставках из поселений кушанской Бактрии	1	202
Агбунов М. В. Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982	2	267
Айбабин А. И. Погребение хазарского воина	3	191
Амброз А. К. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971—1984 гг.)	3	293
Амирханов Х. А. Paleorient. Volume 9/1—1983. Revue pludisciplinaire de préhistoire et protohistoire de l'Asie Sud-Ouest. Paris, 1983	4	247
Аникович М. В. О характере охотничьего вооружения в памятниках костенковско-стрелецкой культуры	4	219
Антонова Е. В. Погожева А. П. Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск. 1983	3	406
Артемьев А. Р. Стратиграфия и хронология Изборской крепости	2	130
Архипов Н. Д. Ленская историко-археологическая экспедиция и создание А. П. Окладниковым древней истории Якутии (1940—1949 гг.)	1	291
Барта Ю. Палеолитические памятники Словакии	2	141
Безуглов С. И. Погребение кочевника VII в. н. э. на Нижнем Дону	2	248
Белецкий С. В. Печати «княжа Олександрова»	1	231
Белозор В. П., Скорый С. А. Архаический скифский меч из Киева	1	255
Беспалый Е. И. Курган I в. н. э. у г. Азова	4	163
Бижанов Е. Б. Неолитическое погребение на Устюрте	1	250
Бокий Н. М., Горбул Г. П. Могила киммерийского всадника у села Чечелиевка Кировоградской области	4	224
Борисковский П. И. Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М., 1982	3	304
Борисова В. В. Склеп I—III вв. н. э. херсонесского некрополя	1	186
Буров В. А. Уличанская община древнего Новгорода по археологическим данным	4	90
Вагнер Г. К. Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников. САИ. Вып. Е1—47. М., 1982	1	285
Васильев И. Б., Выборнов А. А., Моргунова Н. Л. Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982	2	280
Васильев С. А. Клад каменных орудий из Майнинской палеолитической стоянки	3	247
Габуев Т. А. Аланские погребения IV в. н. э. Северной Осетии	2	197
Гаврилина Л. М. Кочевнические украшения X в.	3	214
Гаврилов А. В., Шкарбан А. С. Скифский курган у села Крыловка в Крыму	2	236
Гаврилов С. А. Борисоглебский крест 1467 г.	2	213
Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника)	3	156
Галибин В. А. Химический состав стекла фрагментов расписных сосудов из Пенджикента	2	212
Галкин Л. Л. Некоторые новогодние монеты Золотой Орды	4	186
Гвоздовер М. Д. Орнамент на поделках костенковской культуры	1	9
Глинский Е. А., Сергеев Д. А. Две находки с поселения Кивак на Чукотке	4	245
Голованова Л. В. Позднеашельское поселение Средний Хаджох	4	213
Грехова Л. В. Позднепалеолитическая стоянка Елисеевичи II	1	131
Гришин Ю. С. К вопросу о времени появления железа и его добыче на Верхней Лене (Прибайкалье)	3	260
Гупало В. Д. Гончарные клейма Прикарпатья и Западной Волыни (опыт систематизации)	4	236

	№	стр.
Гуревич Ф. Д. О новогрудском стеклоделии (по поводу выхода книги М. М. Яницкой «Истоки стеклоделия Белоруссии». Минск, 1980)	4	260
Деопик Д. В., Дервиз П. Г. Морфологический анализ керамики из погребений срубной культуры Нижнего Подонья	1	23
Долуханов П. М. Научное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения С. И. Руденко	4	274
Долуханов П. М., Щетенко А. Я., Този М. Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронзы на Намазгадепе	4	118
Дремов И. И. Погребение воина с джучидскими монетами	4	243
Дубовская О. Р. Погребение лучника раннего железного века	2	166
Дьяков В. И. Глиняное «зеркало» из Приморья	3	152
Жуков Ю. Н. Неизвестный документ о деятельности В. А. Городцова	4	268
Завьялов В. И., Ольховский В. С. Конференция «Археологические источники и проблемы их интерпретации»	3	311
Заднепровский Ю. А. Уникальная находка из Южной Киргизии	3	258
Золотов Ю. М. Изваяния древнерусских языческих богов на Руси (письменные известия и устные предания)	4	234
Исланова Ю. В. Поселения эпохи железа в междуречье Верхней Мсты и Мологи	1	263
Кабахия Б. С. Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси, 1980	2	272
Казаков Е. П. Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным	4	178
Каминская И. В., Каминский В. Н., Пьянков А. В. Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье)	4	228
Козак Д. Н. Поселение пшеворской культуры в с. Подберезцы Львовской области	1	75
Колотухин В. А. К вопросу о таврах и кизил-кобинской культуре	2	34
Кольцов Л. В. О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья)	3	25
Кондратьева Е. В. Новое о Никольской церкви Николо-Стороженского монастыря	3	264
Кореняко В. А. Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов)	4	54
Корчинский О. М. Меч из летописного Удеча	1	268
Коршиков Н. С. Археологические исследования на Дону декабриста В. Д. Сухорукова	1	122
Косиков В. А., Гриб В. К. Парное кочевническое погребение из кургана у села Каменка в Донецкой области	2	257
Крайнов Д. А. К 125-летию со дня рождения В. А. Городцова	4	265
Кропоткин В. В., Обыденов М. Ф. Находка античных монет в погребении кочевника на Южном Урале	2	242
Кубышев А. И., Черняков И. Т. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры)	1	39
Кубышев А. И., Полин С. В., Черняков И. Т. Погребение раннежелезного века на Ингульце	4	144
Кузнецов В. А. Поминальный комплекс VIII в. в окрестностях Кисловодска	3	206
Кутайсов В. А. Дом с андроном из раскопок Керкинитиды	3	178
Кызласов И. Л. Орудия таштыкских ювелиров (к истории ремесленного производства в Южной Сибири)	1	107
Кызласов Л. Р. Тагарская ручная мельница и ее значение	3	65
Лабутина И. К., Волочкова О. К., Лабутин В. И. Новые сфрагистические находки в Пскове	1	220
Лелеков Л. А. Вопросы интерпретации среднеазиатской коропластики эллинистического времени	1	55
Любин В. П., Барышников Г. Ф., Черняховский Г. А., Селиванова Н. Б., Левковская Г. М. Пещера Кударо I (опыт комплексного исследования)	3	5
Мажитов Н. А. Chalikowa E. A., Chalikow A. H. Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest, 1981	2	276
Макаров Н. А. Орнаментика белозерской лепной керамики X—XI вв.	2	79
Макарова Т. И. Две находки предметов с перегородчатой эмалью из Новгорода и Смоленска	3	241

	№	стр.
Максименков Г. А. [Рец.] Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л., 1983	2	290
Малевская М. В., Фоняков Д. И. Постройки древнего Торопца	4	63
Масленников А. А. Некрополи городов Азиатского Боспора в первые века н. э.	1	61
Матвеева Н. П. Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера	2	223
Матюхин А. Е. О проблемах становления человека и общества	3	271
Медынцева А. А. О «досках» русских летописей и юридических актов	4	173
Михайлов Б. Д. Курганы эпохи бронзы в Северном Приазовье	2	228
Михайлова Л. А. Русаниха — новый палеолитический памятник вблизи Сунгиря	4	107
Мкртычев Т. К. К интерпретации терракоты из Сары-тепе II (Южный Согд)	3	255
Могильников В. А., Медникова Э. М. Находки металлических изделий раннего железного века из Новообинки (Алтайский край)	1	179
Молчанов А. А. Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983	4	255
Моргунов Ю. Ю. Летописный город Попаш	1	241
Моруженко А. А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII—III вв. до н. э.	1	160
Мужухоев М. Б. Средневековые святилища Центрального Кавказа	3	81
Мунчаев Р. М., Гуляев В. И. Второй советско-американский симпозиум по археологии Ближнего Востока и Средней Азии (Самарканд, 1983)	3	312
Мыськов Е. П. Погребения эпохи бронзы Волгоградского Заволжья	1	253
Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника	2	101
Немцова Н. И. Реконструкция изразцовых печей в доме Сапожникова в Гороховце	4	198
Никитенко М. М., Осадчий Е. И., Полегайлов А. Г. Древнерусское жилище в г. Изяслав Хмельницкой области	1	270
Николова А. В., Рассамакин Ю. Я. О позднеэнеолитических памятниках Правобережья Днепра	3	37
Новицкий Е. Ю. Деревянная конструкция из ямного погребения у села Холмское	2	232
Новиченкова Н. Г. О находке нового херсонесского статера	1	260
Обломский А. М. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (по материалам Чаплинского могильника)	1	90
Падин В. А. «Большой курган» Старого Трубчевска	2	252
Патрушев В. С. Шейные гривны эпохи раннего железа из Волго-Камья	2	173
Петрин В. Т. Писаница из окрестностей Свердловска	3	119
Плоткин К. М. Письма членов Псковского археологического общества профессору С. Ф. Платонову	2	262
Погорелов В. И. Ширяевский могильник бронзового века на Среднем Дону	1	151
Постикэ Г. И. Глиняные котлы на территории Молдавии в раннесредневековый период	3	227
Пятых Г. Г. Некоторые вопросы историографии проблемы происхождения срубной культуры	3	57
Радзиевская В. Е. Курганы VI в. до н. э. у пос. Коломак на Харьковщине	1	257
Раппопорт П. А. Строительные артели Древней Руси и их заказчики	4	80
Распопова В. И. Стеклянные сосуды с росписью из Пенджикента	2	205
Раушенбах В. М. К 100-летию со дня рождения А. Я. Брюсова	4	271
Романчук А. И. Джорбенадзе В. А. Археологические памятники Иорского ущелья. Тбилиси, 1982	2	295
Рыжов С. Г. Дом IV—III вв. до н. э. в Херсонесе	4	155
Рындина Н. В., Яхонтова Л. К. Древнейшее медное изделие Северной Месопотамии	2	155
Сагдуллаев А. С. О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии	4	21
Сазанов А. В. Топография Пантикапея I—IV вв. н. э.	3	166
Сапрыкин С. Ю. Аспургиане	2	65
Седов В. В., Смирнов К. А. Советско-финляндский симпозиум «Торговля, обмен и культурные связи народов Фенно-Скандинавии и Восточной Европы» (Хельсинки, 1983)	1	297
Синюк А. Т., Погорелов В. И. Пасековский курганный могильник эпохи бронзы на Среднем Дону	3	124

	№	стр.
Скорый С. А. Michael Vickers. Scythian Treasures in Oxford. Achmolean Museum. Oxford, 1979	1	279
Скорый С. А. О скифском панцире из Артанда (Венгрия)	3	250
Смирнов С. В. С. Н. Бибиков. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев, 1981	1	282
Смирнова Г. И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР	4	33
Соловьев В. С. К характеристике искусства раннесредневекового Тохаристана (Кафыркала)	1	212
Соловьев В. С. Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане	2	246
Сорокина И. А. Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье	3	136
Станко В. Н., Смольянинова С. П. Исследование палеолита и мезолита степного Побужья	4	5
Таскаев В. Н. Ежеквартальный журнал ЮНЕСКО «Museum». 1983, т. XXXV, № 1. Музеи и подводная археология	4	250
Терехова Н. Н. Железообработка в древнемонгольских городах	3	72
Третьяков В. П. Неолит Верхнего Подесенья	2	5
Трефц М. И. Поселение эпохи бронзы Буй I на Вятке	4	124
Трусов А. В. Зарайская верхнепалеолитическая стоянка (предварительное сообщение)	3	110
Устинова Ю. Б. Научное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения М. И. Максимовой	4	275
Уткин А. В. Костяные изделия стоянок Берендеево V и IX	1	143
Фодор И., Халиков А. Х. Совещание по проблеме «Взаимосвязи средневековых европейских славян с другими этносами в VI—XX вв.» (с. Нове Возоканы, ЧССР, 1983)	1	300
Формозов А. А. Общее и особенное в сложении археологии как науки в России	1	5
Формозов А. А. Документ по истории русской археологии начала XIX в.	3	267
Халиков А. Х. Международный симпозиум, посвященный 100-летию Финно-угорского общества Финляндии (Хельсинки, 1983)	2	298
Чалый В. В., Фомичев Н. М. Древнерусская костяная бляшка из Азова	3	262
Чернецов А. В. B. Borsos. Staghorn Powderflasks. Budapes, 1982	1	288
Чернецов А. В. О декоре купола Большого Сиона 1486 г.	3	97
Чернопицкий М. П. Курган с погребением «жрицы» на Кубани	3	251
Черносвитов П. Ю. Демографические и экологические процессы как факторы изменения археологических культур	3	285
Чореф М. Я. Антропоморфная стела и плита с тамгообразным знаком из фондов Бахчисарайского музея	2	239
Шамин А. Н. Archeological chemistry. III. (Adrances in chemistry series — № 205). Washington, 1984	4	252
Шаровская Т. А. О функциональном назначении каменных орудий из могильника Веселая Роща	2	224
Шилов В. П. Курган 6 урочища Бичкин-Булук и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии	2	17
Шрамко Б. А., Янушевич З. В. Культурные растения Скифии	2	47
Щербов С. Г. Неопознанный портал второй половины XII в. из Суздаля	1	275
Юшко А. А. О пределах Московского княжества Ивана Калиты	2	116
Памяти Татьяны Васильевны Николаевой	2	301
Памяти Александра Николаевича Рогачева	2	303
Памяти Алисы Владимировны Банк	3	316
Памяти Анатолия Леопольдовича Якобсона	3	317
Памяти Михаила Петровича Грязнова	4	277

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ — Археологические исследования в Молдавии
АИУ — Археологические исследования на Украине
АКМ — Азовский краеведческий музей
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ВОГА — Владимирский областной гос. архив
ВСЭНРПМ — Владимирская специальная научно-реставрационная производственная мастерская
ВУАК — Владимирская ученая архивная комиссия
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры. Москва — Ленинград
ГИМ — Гос. Исторический музей. Москва
ГОВСИАХМЗ — Гос. объединенный владимиро-суздальский историко-архитектурно-художественный музей
ГЭ — Гос. ордена Ленина Эрмитаж. Ленинград
ДИ — Декоративное искусство СССР. Москва
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского Археологического общества. СПб.
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИФЛИ — Институт философии, литературы и истории
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КСОГАМ — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского гос. археологического музея. Одесса
ЛГУ — Ленинградский гос. университет им. А. А. Жданова
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МГУ — Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва — Ленинград
МИРМ — Музей истории и реконструкции Москвы
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ОКИСАР — Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (Академии наук СССР)
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва — Ленинград
СА РАНИОН — Секция археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР
ССЭ — Сибирская Советская Энциклопедия. Новосибирск
СЭ — Советская этнография
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР
УЗ ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ЦГАДА — Центральный гос. архив древних актов
ЦГИА — Центральный гос. исторический архив
ЭВ — Эпиграфика Востока. Москва — Ленинград
ЮТАКЭ — Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AAH — Acta archaeologica. Academiae scientiarum hungaricae. Budapest
INQUA — Internationale Quaternaire Association
JGS — J. of Glass Studies. Corning — New York
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan. Paris
PBF — Prähistorische Bronzefunde. München

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 17.07.85 Подписано к печати 09.09.85 Т-16740 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 25,2 Усл. кр.-отт. 87,2 тыс. Уч.-изд. л. 27,4 Бум. л. 9,0
Тираж 3436 экз. Зак. 1594

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6